РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЕРНОЗЕМЬЕ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЕРНОЗЕМЬЕ»

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 16

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

ИА РАН

Москва 2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЕРНОЗЕМЬЕ»

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.)

ИА РАН

Москва 2015

УДК
ББК

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.М. Обломский

Рецензенты:
кандидат исторических наук В.Ю. Малашев
кандидат исторических наук И.В. Исланова

На первой странице обложки - Ксизово-8, Ксизово южное и Ксизово-6, вид с северо-востока, на последней странице - Ксизово-17 и 19, аэросъемка. На первой странице обложки - Ксизово-8, Ксизово южное и Ксизово-6, вид с северо-востока, на последней странице - Ксизово-17 и 19, аэросъемка.

П78 **Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.)** – Раннеславянский мир. Выпуск 16. – М., 2015. – ??? с.: ил.
ISBN

УДК
ББК

ISBN

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2015
©

Введение

А.М. Обломский (Москва)

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография посвящена публикации материалов середины 1 тыс.н.э. археологического комплекса около с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл., расположенного на Острой Луке Дона (излучине реки около г. Задонска)[1], состоящего из нескольких поселений и могильников (рис. 1, 2). Исследованные здесь раскопками и разведками селища Ксизово-5, 6, 8, 16-19, 19А, Южное, Острая Лука-4, очевидно, представляли собой части огромного поселка. Они относятся к культурной группе типа Чертовицкое-Замятино, выделенной мною из общего массива верхнедонских древностей позднеримского и гуннского времени в 1998 г. Общая характеристика памятников этого типа, основная историография, включая анализ спорных вопросов, приводятся в изданиях (Обломский, 2005б; 2007; 2013).

Могильники Ксизово-16, 17 и 19, исследованные здесь же, вместе могильником на городище Животинное и с рядом одиночных погребений у с. Мухино, Каменка, Стрельбище, Ямное составляют массив ингумаций типа Животинного. Сделанный мною в 2007 г. вывод, что эти могильники оставлены тем же населением, что и памятники типа Чертовицкое-Замятино, на материалах раскопок у с. Ксизово подтвердился. Могильник Ксизово-17 непосредственно примыкает к поселению, расположенному юго-западнее его, и синхронен ему. Погребения в Ксизово-19 впущены в культурный слой селища гуннского времени, т.е. расположены на заброшенном участке, но рядом с ним исследована синхронная могильнику усадьба с юртообразным жилищем, т.е. в других частях поселения жизнь во время совершения захоронений на могильнике продолжалась. На поселениях найдены вещи тех же типов, что и в погребениях могильников, находит параллели и лепная керамика.

Тем не менее, имеются причины, не позволяющие полностью отождествлять население, обитавшее на поселениях типа Чертовицкое-Замятино, с одной стороны, и хоронившее умерших на могильниках круга Животинное, с другой. Захоронения на последних представлены исключительно ингумациями. Кремации отсутствуют, а именно этот обряд характерен для раннеславянского населения киевского происхождения, а также для некоторых групп переселенцев из бассейна Оки (мощинской и позднедьяковской традиций). Нет пока в Верхнем Подонье и ингумаций, по обряду захоронения и общему набору вещей схожих с погребениями рязано-окских могильников. Напомню, что элементы культуры пост-киевского и окского по происхождению населения наиболее многочисленны на поселениях типа Чертовицкое-Замятино. Не исключено, что в будущем в донской лесостепи будут найдены и другие могильники (с другим обрядом захоронения). Так или иначе, по имеющимся материалам приходится констатировать, что в этнокультурном плане археологические комплексы могильников с одной стороны, и поселений, с другой, совпадают не полностью.

[1] Кроме комплекса у с. Ксизово в пределах Острой Луки находятся микрорегионы гуннского периода у с. Каменка, Мухино и Замятино. Результаты раскопок последнего опубликованы (см. ниже). В Каменке и Мухино также проводились многолетние раскопки И.Е. Бирюковым, Е.Н. Мельниковым и Г.Л. Земцовым. Материалы этих исследований готовятся к печати их авторами.

Первая попытка комплексного исследования древностей гуннского времени на Острой Луке Дона была предпринята у с. Замятино силами нескольких экспедиций. По их итогам была издана коллективная монография (Острая Лука… 2004). В результате была обоснована хронология памятников (конец IV – V в.), исследована планировка поселений, изучены следы ремесленной деятельности, дан очерк хозяйства и реконструирован рацион питания, показана динамика изменения ландшафта, сделан вывод, что культура обитателей Острой Луки Дона в гуннское время сформировалась на основе нескольких различных в этническом отношении компонентов, что отражает сложный состав населения. Учитывая, то в Верхнем Подонье совместно обитали переселенцы из достаточно отдаленных друг от друга территорий, была высказана гипотеза, что в регионе формируется локальная полиэтничная группировка, по всей видимости, входившая в состав гуннской державы.

Тем не менее, после завершения работ у с. Замятино некоторые задачи (как источниковедческого, так и исторического плана) остались не решенными (или не были решены до конца). Важнейшими среди них были следующие.

Во-первых, уточнения требовала хронология памятников. В Замятино и на других исследованных раскопками поселениях, в первую очередь, на Третьем Чертовицком городище, представлены лишь отдельные датирующие вещи. Необходимы были серийные находки и закрытые комплексы.

Во-вторых, для конкретизации состава населения требовалось больше информации по всем направлениям: от набора посуды до комплекса орудий труда, оружия, украшений и т.д.

В-третьих, остро необходимо было получить сведения о погребальном обряде. На рубеже XX и XXI в. были известны только результаты раскопок в Животинном, где исследованы лишь единичные погребения (в Замятино, несмотря на несколько попыток поиска, могильник обнаружен не был). Совершенно отсутствовали антропологические данные.

В-четвертых, не до конца ясной была роль поселений на Острой Луке Дона в общей структуре заселения Верхнего Подонья в гуннское время.

В-пятых, требовали конкретизации некоторые этнокультурные компоненты верхнедонского населения, в первую очередь, степной.

В-шестых, не понятны были причины образования верхнедонской полиэтничной группировки.

В 2001-2002 гг. после завершения основных работ в Замятино от местных жителей стали поступать сведения о находках частей человеческих скелетов в обрывах Дона у соседнего села Ксизово, что свидетельствовало о наличии здесь могильника. Около Ксизово был случайно найден гончарный горн, публикация которого вошла в Замятинскую монографию (Земцов, 2004). В результате в 2003 г. было принято решение начать раскопки Ксизовского археологического комплекса, которые продолжались до 2010 г.

В настоящее издание вошли материалы нескольких экспедиций. Постоянно с 2003 по 2010 г. в Ксизово работала Раннеславянская экспедиция Института археологии РАН под моим руководством. В разные годы в ней участвовали археологи из Москвы кандидаты исторических наук В.Е. Родинкова и О.С. Румянцева, а также К.И. Масленников, Ю.В. Зуйков, П.Г. Зуйков, О.А. Радюш, кандидаты исторических наук Ю.Д. Разуваев из Воронежа и Г.Л. Земцов из Липецка, Т.Е. Сидоренко, А.А. Остапенко (Воронеж), Н.Е. Чалых, Н.Е. Зубкова (Липецк). Антропологические материалы в поле обрабатывали доктор естественных наук Я. Кулявцева-Главова (Чехия, г. Мост), кандидат исторических наук И.К. Решетова, К.А. Гусев (Москва). Столь сильная команда археологов, а также постоянно работавшая в экспедиции камеральная лаборатория под руководством В.М. Обломской и А.В. Ковриги позволили разобраться в достаточно сложном материале памятника, территория которого, как выяснилось, с разными целями неоднократно использовалась на протяжении нескольких эпох.

С 2005 по 2009 г. в составе Раннеславянской экспедиции работал Липецкий отряд под руководством И.А. Козмирчука, председателя Липецкой региональной общественной организации «Фонд научного краеведения». Этот отряд практически собственными силами проводил исследования на многих раскопах, полностью обрабатывал полевой материал и документацию и готовил его для включения в общий отчет. В 2010 г. совместно с А.В. Моисеевым И.А. Козмирчук проводил раскопки в Ксизово-16.

Обследование окрестностей с. Ксизово, позволившие существенно уточнить как общую карту памятников, так и границы многих из них, проводили И.Е. Бирюков, кандидат исторических наук А.Н. Голотвин (Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл.), М.В. Ивашов, кандидат исторических

наук Г.Л. Земцов (Липецкий Государственный педагогический университет), В.О. Гончаров (Липецк). Магнитную разведку на поселении Ксизово-17 проводил В.Г. Бездудный (Ростов-на-Дону).

В результате в Ксизово-16 вскрыто 968 кв. м, в Ксизово-17 – 4974 кв. м, в Ксизово-19 – 2704 кв. м. Исследовано 117 погребений гуннского времени, 8 жилищ, серия ям, очагов, хозяйственных и ритуальных объектов того же периода, что существенно увеличило объем материалов гуннского времени, доступных исследователям.

Структура настоящей монографии во многом похожа на структуру книги о Замятино. Первые 6 глав – публикационные. В них изданы общие сведения о Ксизовском археологическом комплексе, включая описание результатов разведок и сборов (глава 1), материалы поселений и могильников Ксизово-16 (глава 2), Ксизово-17 (главы 3 и 4), Ксизово-19 (главы 5 и 6). В каждом из разделов, где рассмотрены результаты раскопок, кроме описания комплексов и материалов из культурного слоя, приводятся характеристика керамики и вещей, включая хронологическое определение, планы объектов (погребений, жилищ, ям, очагов и т.п.), данные планиграфии памятников. Кроме материалов гуннского времени, опубликованы и не изданные ранее находки позднеримского периода. В главах, посвященных могильникам, приведены определения пола и возраста погребенных. Для удобства поиска информации по полевым отчетам в каждой из публикационных глав на первом месте стоит фамилия держателя открытого листа, фамилии прочих авторов даны по алфавиту.

Далее следуют аналитические разделы. В главе 7 Г.В. Бейдин и К.В. Мызгин опубликовали клад медных боспорских статеров, найденный на поселении Ксизово-19А, сведения о его составе и сохранности монет. Показано, что этот комплекс по структуре соответствует денежному обращению Боспора и имеет аналогии среди боспорских кладов гуннского времени.

Погребальный обряд могильников у с. Ксизово (неразрушенные захоронения) рассмотрен в публикационных главах. В главе 8 мною проанализированы расчлененные захоронения Верхнего Подонья, т.е. те могилы, которые были вскрыты (разрушены) в древности. В Ксизово-17 они расположены на нескольких участках, а в Ксизово-19 разрушено большинство захоронений. В разделе дана типология этих погребений, определено время их совершения и разрушения (гуннский период), сделан вывод, что основной причиной вскрытия могил было ограбление, но при этом производились некоторые ритуальные действия.

В главе 9 И.О. Гавритухин проанализировал находки двупластинчатых фибул с кербшнитным орнаментом в Верхнем Подонье на общем фоне их распространения в Европе, предложил свою типологию фибул этой группы, определил их хронологию и источники поступления.

В главе 10, также написанной И.О. Гавритухиным, приведены типологическое исследование и хронология прочих фибул эпохи Великого переселения народов из Ксизово. В результате все известные фибулы были разделены на 9 групп, разных по датам и прототипам, что, по мнению автора, показывает направление связей населения в тот или иной период функционирования Ксизовского археологического комплекса.

Стеклянные бусы из Ксизово проанализированы О.С. Румянцевой (глава 11). Сделано описание находок, включая морфологию и химический состав серии образцов, определены даты типов бус, уточнена хронология некоторых погребальных комплексов. В результате О.С. Румянцева пришла к выводу, что особенности набора бус Ксизово-19 позволяют говорить как о тесных контактах жителей региона с античными центрами, так и о вероятном присутствии здесь окского культурного компонента. Высказано предположение, что часть бус поступала в окский регион через верхнедонские центры.

В главе 12 И.О. Гавритухин рассмотрел стеклянный кубок на ножке из погр. 19 могильника Ксизово-17А, орнаментированный синими каплями. Подобные кубки-рюмки распространены, в основном, на юге Европы от Северного Кавказа до Франции и датируются последними десятилетиями IV – серединой V вв.

Глава 13, написанная М.В. Добровольской и И.К. Решетовой, посвящена анализу человеческих останков из могильников Ксизово-17 и 19. В этом разделе монографии дана демографическая характеристика населения, анализ краниологии, остеометрии, маркеров стресса, показателей инфекций, травм и т.д. В главу включены также очерки, посвященные традициям деформации головы и ритуальной трепанации черепа. Основной вывод заключается в том, что для населения, хоронившего умерших на могильниках у с. Ксизово, характерно смешение нескольких краниологических вариантов монголоидного и

европеоидного облика. Общий антропологический облик населения при этом был весьма неустойчивым.

В главе 14 на основе новых материалов, большинство которых обнаружено в Ксизово, уточнена хронология памятников типа Чертовицкое-Замятино и могильников круга Животинного. Они относятся к концу IV – V в., возможно, к началу VI в. Все узко датированные по вещам комплексы могильников «вписываются» в эти хронологические рамки.

В заключении (глава 15) мною делается попытка реконструкции этнокультурного состава населения Верхнего Подонья в гуннский период. Оно было полиэтничным, выделяются киевский (раннеславянский), окский (предположительно, финский), черняховский, причерноморский, степной и, возможно, дунайский компоненты. Как показано в главе 13, сложный состав населения подтверждается данными антропологии. В разделе высказана гипотеза, что в Верхнем Подонье в середине 1 тыс.н.э. возникает раннегосударственная структура. Ряд наблюдений показывает, что в это время активно функционировал торговый путь из Северного Причерноморья через Верхнее Подонье в Поочье. Формирование верхнедонской группировки полиэтничного населения, очевидно, было связано с попыткой поставить под контроль донской торговый путь. Я присоединяюсь к мнению А.Г. Фурасьева, что население Верхнего Подонья в гуннское время входило в состав объединения акациров.

К монографии имеется также несколько специальных приложений. В первое из них включены полевые описания и результаты промеров некоторых скелетов гуннского времени, сделанные Я. Кулявцевой-Главовой. Второе посвящено трасологическому анализу уникального комплекса находок – накладкам из рога на сложный лук гуннского типа, обнаруженным в яме 24 поселения Ксизово-16. Автор исследования А.Н. Усачук пришел к выводу, что кроме готовых бывших в употреблении изделий, в яме были и заготовки накладок, т.е. луки изготавливались или, по крайней мере, ремонтировались в Ксизово.

В приложении 3 приводятся определения античных монет из Ксизово-19, сделанные К.В. Мызгиным.

В приложении 4 Е.Ю. Лебедева, проанализировав обугленные зерна и семена из коллективного погребения в Ксизово-19 (объект 1 раскопа 7) и расположенной рядом ямы 12, сделала вывод, что видовая структура этих остатков не типична для памятников Острой Луки Дона гуннского времени. Она считает, что зерна были помещены в эти объекты преднамеренно в ритуальных целях. По ее мнению, подобная традиция имеет параллели на античных некрополях.

Такова структура нашей монографии. Материал, который вводится в научный оборот, достаточно обширный, поэтому при его интерпретации у авторов неизбежно возникали противоречия. Они не имеют принципиального характера, но мы постарались сохранить все точки зрения. Кто в каждом из спорных случаев прав, судить читателю.

В заключение хочется выразить благодарность администрации школ 71 и 590 г. Москвы и лично директору Р.М. Разумовской, учителям Г.В. Лобзиной, В.М. Обломской, Н.А. Газарян, А.В. Комендантовой, которые руководили работой групп школьников, постоянно участвовавших в экспедиции, а также учителю истории школы с. Ксизово А.А. Антонову и краеведу из г. Задонска А.Д. Швырёву, оказавших существенную помощь нашим исследованиям.

Благодарю также И.Е. Бирюкова за предоставленную возможность опубликовать рисунки украшений с поселения Каменка, до сих пор изданные только в виде фотографий.

Глава 1

Комплекс памятников середины 1 тыс.н.э. у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. Общее описание

И.Е. Бирюков, В.О. Гончаров (Липецк),
А. М. Обломский (Москва)

Микрорегион, включающий поселения и могильники середины 1 тыс.н.э., находится в южной части Острой Луки Дона – обширной излучины реки около г. Задонска (рис. 1). В коллективной монографии о Замятинском археологическом комплексе, где были опубликованы первые результаты раскопок и разведок поселений гуннского периода, выделен участок В, где приводятся общие сведения о некоторых памятниках у с. Ксизово: Ксизово-8, 16, 19, Мухино-2 (Бирюков, 2004, с. 12,13). Исследования, которые проводились после выхода этой монографии, позволили существенно дополнить опубликованную карту новыми данными и уточнить полученные ранее (рис. 2). В полевых исследованиях в разные годы активно участвовали авторы данной статьи, а также липецкие археологи А.Н. Голотвин, Г.Л. Земцов. Выражаем особую благодарность А.Н. Голотвину за изготовление планов ряда памятников.

1. Ксизово-5. Памятник открыт в 1998 г. М.В. Ивашовым (Липецкий Государственный педагогический университет), осматривался в 2001 И.Е. Бирюковым, 2010 гг. И.Е. Бирюковым и А.Н. Голотвиным (Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл.). Находится в северо-восточной части села Ксизово, 0,9 км к северу от церкви села, 0,4 км к северо-востоку от здания администрации села, 0,1 км к востоку от кладбища села. Памятник расположен в правобережной части р. Дон, занимает мыс правого коренного берега р. Дон высотой 40-50 м над уровнем реки. Мыс с северной и южной сторон ограничен глубокими оврагами. Поверхность памятника задернована. Примерные размеры памятника 250-300 × 150-170 м (рис. 3). По результатам зачистки мощность культурного слоя составляет 0,4 м. В ходе работ обнаружены материалы раннего железного века, гуннского времени, древнерусского периода, остатки грунтового погребения.

2. Ксизово-6. Находится в юго-восточной части села Ксизово, 0,85 км к югу от церкви села, 0,15 км к западу от устья р. Снова. Памятник открыт в 1998 г. М.В.Ивашовым. Раскапывался в 2004-2005 г. экспедицией Липецкого Государственного педагогического университета под руководством А.Н. Бессуднова и Р.В. Смольянинова (двумя раскопами изучено 253 кв.м.). Осматривался И.Е. Бирюковым в 2010 г. Памятник занимает участок поймы и дюнное возвышение правого берега р. Дон и устьевую часть левого берега р. Снова, высотой до 10 м над уровнем реки (рис. 4: Б). С северной стороны участок ограничен склоном высокого коренного берега, с южной стороны берегом реки Снова. С запад-

ной стороны ограничен насыпной грейдерной дорогой из Ксизово на дер. Засновка. Поверхность памятника задернована (ранее распахивалась). Примерные размеры памятника 200 × 300 м. По результатам раскопок мощность культурного слоя составляет 1,7-2,3 м. В ходе работ обнаружены материалы эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, гуннского времени, древнерусского времени. Точные размеры поселения для середины 1 тыс.н.э. не ясны, т.к. культурный слой перекрыт мощными аллювиальными отложениями.

Материалы середины 1 тыс.н.э. обнаружены на раскопе 1 в нижней части аллювиальных отложений и в верхней – культурного слоя (глубина около 1,1-1,5 м от дневной поверхности). К ним относятся груболепная керамика с примесью шамота (в т.ч. и в сочетании с известняком) в тесте, обломки лепных лощеных сосудов (3%), два фрагмента красноглиняных амфор (2,5%), железный нож, три глиняных пряслица, в т.ч. низкое биконическое с широким (около 1,4 см) отверстием (что характерно для мощинской культуры Верхнего Поочья) (Лаврушин и др. 2009, с. 18, рис.6: 4)[1]. На основании аналогий из исследованных широкими площадями поселений у сел Замятино и Ксизово по набору керамики и характерному пряслицу эти материалы относятся к гуннскому времени (конец IV – V вв.).

3. Ксизово-8. Находится в восточной части с. Ксизово, к востоку от здания администрации села (рис. 3). Памятник открыт в 2000 г. Г.Л. Земцовым (Липецкий Государственный педагогический университет), осматривался в 2001-2002 г. Г.Л. Земцовым, в 2010 г. И.Е. Бирюковым, в 2012 г. – авторами настоящей главы.

Поселение расположено в правобережной части долины р. Дон. Оно занимает значительную часть правого коренного берега высотой 40-50 м над уровнем реки. С северной стороны памятник ограничен глубоким оврагом, отделяющим его от кладбища села, южная часть ограничена ложбиной, по дну которой проходит грунтовая дорожка, ведущая к берегу реки, в центральной части тоже имеется небольшая ложбина. Северная часть памятника занята домами и приусадебными участками, относящимися к ул. Кувшиновка. Южная часть входит в приусадебные участки домов к югу от здания магазина и к северу от церкви. Большая часть поверхности памятника занята огородами и приусадебными строениями, культурный слой интенсивно разрушается в местах обнажений в восточной части. Размеры памятника 540 × 280 м (рис. 3). В ходе работ обнаружена лепная и гончарная керамика, предметы из камня, глины, металлов эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, гуннского времени, древнерусского периода, нового времени.

К середине 1 тыс.н.э. относятся груболепная керамика с шамотом в тесте, обломки горшка с выпуклой нижней частью и ребром выше места наибольшего расширения тулова, фрагменты лепных лощеных и подлощенных сосудов, в т.ч. миски с цилиндрической верхней частью, одно целое и три обломка глиняных пряслиц, обломок зеркала и пять бронзовых фибул (рис. 5).

Груболепной ребристый сосуд относится к таксону II, 3, а ребристая миска – к типу 4 (рис. 5: 7,8) (Обломский, 2004, с. 148-152, рис. 134). На памятниках Верхнего Подонья гуннского времени сосуды таких форм хорошо известны и связаны с окской традицией (см. главу 5 настоящей монографии). Два биконических пряслица относятся к группе изделий средней высоты (рис. 5: 11,12), остальные два – низкие. Из последних показателен экземпляр с широким отверстием (около 2,2 см, рис. 5: 10), что сближает его с изделиями мощинской культуры. В целом, набор керамики и пряслиц характерен для древностей круга Чертовицкое-Замятино (см. главу 5).

Обломок зеркала из белого сплава, судя по характерному орнаменту в виде двух концентрических окружностей (рис. 5: 16), относится к обширной группе изделий с петлей на обороте, типичных для памятников Верхнего Подонья гуннского времени (см. главу 6).

Верхний щиток *двупластинчатой фибулы* (рис. 5: 14) – овальный с помещенной над ним рельефной кнопкой, нижний – ромбический с окончанием в виде трилистника. С лицевой стороны щитки украшены глубоким выемчатым орнаментом, т.н. кербшнитным, состоящим из элементов в виде треугольников. Дужка фибула – в сечении – треугольная с вогнутой внутренней стороной. Стойка для пружины и сплошной приемник отлиты вместе с корпусом. Короткая пружина с нижней тетивой намотана на ось, продетую в отверстие стойки. Концы оси для более жесткого крепления пружины расплющены. Общая высота изделия – 7,1 см, ширина верхнего щитка – 2 см, нижнего – 1,4 см.

[1] Данные публикации уточнены по осмотру коллекции, хранящейся в ЛГПУ.

Двупластинчатые фибулы с кербшнитным орнаментом группы Левице-Токари известны на поселении/могильнике Ксизово-19 (одна целая и серия обломков). Они относятся к середине – второй половине V в. (подробнее см. главу 9).

«Окские» фибулы найдены в северной (рис. 5: 15) и юго-западной (рис. 5: 19) частях поселения. Они очень близки по оформлению, имеют треугольный слегка изогнутый корпус, орнаментированный тремя параллельными линиями посередине. В сечении он также треугольный. В верхней его части помещена опорная пластина для пружины с двумя отверстиями, у первой край нижнего из них обломан. На конце корпуса находится круглая в плане плоская кнопка. Приемник – сплошной, размещен за кнопкой. На обратной стороне корпуса виден продольный литейный шов и грубые следы отливки. Высота первой фибулы – 6,4 см, максимальная ширина щитка – 1,8 см, кнопки – 1 см, второй, соответственно, 8; 2,6; 1,8 см.

В Верхнем Подонье аналогичная фибула происходит с поселения Мухино-2 (неопубликована, сообщение Г.Л. Земцова). Треугольные фибулы с кнопкой были специально рассмотрены в статье И.Р. Ахмедова, см. также главу 10 монографии. Экземпляры из Ксизово-8 по его классификации относятся к типу 2 подтипам а и б. Фибулы этих таксонов распространены в Поочье (в поречье р. Угры, отдельные находки известны восточнее) и датируются первый - второй половиной – концом III – IV вв., второй - около 1-й половины – середины V вв. Автор при этом подчеркивает условность предложенных хронологических рамок, поскольку узко датированный комплекс всего один. Более точной он считает общую дату всей группы подобных фибул: конец III – первая половина V в. (Ахмедов, 2008, с. 10-12). Находки окских фибул в Ксизово-8 явно не случайны: связи обитателей поселения с Поочьем подтверждаются лепной керамикой и пряслицем мощинского круга. Впрочем, посуда окской традиции достаточно типична для памятников Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э.

Еще две фибулы относятся к *группе бронзовых двучленных с прогнутым в верхней части корпусом, со сплошным приемником и широким кольцом для крепления пружины*.

Первая из них по своим основным признакам соответствует варианту 4 (фибулы со сплошным приемником и пластинчатым корпусом относительно равномерной ширины). Она орнаментированная выше ножки насечками «ёлочкой» (как у варианта 3), на изгибе ножки – крестом, а ниже – насечками в виде зигзагов (рис. 5: 17). Вторая в верхней части дужки орнаментирована косым крестом, в средней ее части – зигзагом. Фибула небрежно изготовленна из бронзового листа (рис. 5: 18), относится к варианту 5 (с суживающимся книзу корпусом).

Высота фибул – 5,8 и 5,6 см, ширина корпуса – 6-7 и 4-8 мм. Аналогии этим фибулам приведены в главе 10.

Двучленная бронзовая подвязная фибула с широким кольцом для крепления пружины (рис. 5: 20) деформирована, пластинчатый корпус расширяется в сторону пружины, орнамент отсутствует. Ширина корпуса – 0,6-0,8 см, длина без учета кривизны – около 5,5 см.

Бронзовая фибула-цикада с рельефным окончанием в виде трилистника (рис. 5: 21) имеет размеры 3,3 × 0,5-0,8-2,2 см. Стойка для крепления пружины узкая, головка посажена на рельефно выделенную «шею». Похожая фибула и накладка близкой формы происходят из Ксизово-19 (глава 6).

Таким образом, судя по имеющимся данным, на поселении Ксизово-8 встречены материалы культурной группы Чертовицкое-Замятино, которые датируются концом IV – V в.

4. Ксизово южное. Памятник расположен на южной окраине села на мысу, образованном долинами Дона и впадающей в него р. Снова на правом коренном берегу Дона к югу от разрушенной фермы. Высота от уровня поймы – 22 – 41 м (рис. 4: А). Поселение занято постройками села и огородами. По его территории проходит ул. Центральная и улучшенная грунтовая дорога на с. Засновка. Размеры поселения с севера на юг 266 м, с запада на восток 400-480 м. Поселение обнаружено в 1962 г. В.П. Левенком (пункт 169), затем проходило в отчете А.Д. Пряхина в 1964 г., однако детальное описание и план памятника у исследователей не приводились. Повторно было открыто в 2013 г. В.О. Гончаровым (собран подъемный материал, заложен шурф). Толщина культурного слоя составляет 0,8 м (темно-серый суглинок). В ходе работ обнаружены материалы эпох раннего железного века, гуннского времени, раннего средневековья (боршевская культура), нового времени. К гуннскому периоду относятся губолепная керамика с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломок вертикального почти прямого венчика горшка таксона I,5 (Обломский, 2004, с. 149, рис. 134). Найден также обломок стенки светло-коричневой амфоры. В западной и севе-

ро-восточной частях поселения зафиксированы 2 области повышенной концентрации материала. Размеры первой из них составляют 20 × 57 м, второй – 18-20 × 52 м.

5, 6. Ксизово-16 и 17 (рис. 6). Результатам исследования этих памятников (поселений и могильников) посвящены специальные разделы монографии (главы 2-4).

7. Ксизово-18. Находится в северо-восточной части села Ксизово, 1,0 км к северу от церкви села, 0,6 км к северо-востоку от здания администрации села, 0,2 км к югу от корпусов бывшей МТФ. Памятник открыт в 2001 г. И.Е. Бирюковым, осматривался им же в 2010 г.

Памятник занимает два мысовидных участка правого коренного берега р. Дон высотой 30-40 м над уровнем реки. Поселение вплотную примыкает к городищу Ксизово. Мысовидные участки с северной и южной сторон ограничены глубокими оврагами. Большая часть памятника задернована, лишь крайняя западная часть занята огородами села, культурный слой интенсивно разрушается в местах обнажений. Размеры памятника: большой мыс 250 × 75 м, малый мыс 230 × 30 м, между мысами в глубине плато – 100 × 60 м (рис. 3). По результатам зачистки мощность культурного слоя составляет 0,5 м. В ходе обследования обнаружена лепная и гончарная керамика эпох финального неолита, бронзы, раннего железного века, гуннского периода, древнерусского времени.

8. Ксизово-19. Результаты исследования расположенного здесь поселения и могильника изложены в главах 5 и 6 монографии.

9. Ксизово-19А. Находится в 1,6 км к востоку от водонапорной башни в северо-восточной части с. Ксизово. Памятник открыт в 2004 г. И.Е. Бирюковым (заложен шурф в юго-западной части и 4 зачистки в южной части), обследовался им же в 2010 году (произведена зачистка в северной части), В.О. Гончаровым в 2013 г. (обследовался участок находки клада, произведена зачистка).

Памятник занимает пониженный участок правого берега р. Дон, ограниченный двумя оврагами, на высоте 10-14 м над уровнем реки (рис. 6). Поверхность поселения распахивается, прибрежная часть осыпается. Размеры памятника с запада на восток 378-467 м с севера на юг 181-196 м. По результатам зачисток обнажения и шурфовочных работ мощность культурных напластований составляет 0,6-0,8 м. Обнаружены материалы эпохи бронзы, гуннского времени, древнерусского периода.

В зачистках исследованы остатки двух хозяйственных ям, частично разрушенных осыпью берега реки.

Яма 1 округлой в плане формы диаметром 1,65 х 1,55 м, углублена в материк на 0,15-0,3 м (рис. 7: А). Заполнение представляло собой темно-серую супесь с включениями мелких кусочков обожженной глины, мелких известняковых камней, углей и золы.

Из заполнения ямы происходит материал только гуннского времени: обломки венчика, днища (рис. 8: 1,2) и 6 стенок лепных неорнаментированных сосудов, а также кусок печины и 26 костей животных. В нижней части ямы найдены фрагменты двух венчиков, один из которых покрыт вертикальными расчесами, одного днища (рис. 8: 3-5), 19-ти стенок лепных неорнаментированных сосудов, а также 7 костей. В культурном слое над ямой и в ее верхней части встречены обломки трех венчиков, двух днищ, (рис. 8: 6-8), 35-ти стенок лепных неорнаментированных сосудов; венчика лощеного сосуда (рис. 8: 9); 2 куска очажного пода; кусок печины. Поверхности сосудов в большинстве случаев грубо заглажены, в глиняном тесте содержатся примеси шамота и дресвы.

Яма 2 округлой в плане формы диаметром 1,0 м и глубиной до 0,3 м (рис. 7: Б).

Из заполнения ямы, которое представляет собой однородную темно-серую супесь, происходит обломок венчика (рис. 8: 10), 5 фрагментов стенок лепных сосудов с примесью шамота в тесте, 6 костей животных.

Из находок, сделанных в культурном слое, к середине 1 тыс.н.э. относятся обломки груболепных сосудов, в основном, с примесью шамота в тесте, единичные фрагменты лепных лощеных сосудов, обломок бронзового браслета.

Браслет изготовлен из круглого в сечении дрота. Сохранившийся конец расплющен, подтреугольной формы. Его поверхность орнаментирована двумя рядами прочеканенных ямок (рис. 8: 16). На территории Верхнего Подонья такие браслеты встречены на поселениях Замятино-8 (Обломский, 2004, рис. 28: 9) и Мухино-2 (неопубликовано, сообщение Г.Л. Земцова).

Подобные браслеты хорошо известны в Северо-Восточном Причерноморье, на Северном Кавказе, в Цебельдинских могильниках, отдельные экземпляры найдены в Малой Азии и Египте. На юге Восточной Европы они появились в позднеримский период и широко бытовали в V в. (Мастыкова, 2009, с. 69-70, рис. 65). Вто-

рой областью распространения таких браслетов была территория Поочья. Авторы публикации Никитинского могильника относят их к типу 4, существовавшему от времени функционирования этого некрополя (V в. в целом) до VI-VII вв. (Воронина и др. 2005, с. 72, 79-81). Несколько иные даты приводит И.В. Белоцерковская По ее хронологической системе такие браслеты появились в ареале рязано-окских могильников в период 2б и существовали по период 4 включительно, т.е. датируются в широких рамках начала III – середины VII в., но наиболее широко распространены в V – начале VI в. (Белоцерковская. 2007, с. 200-201, рис. 3: 18,19, табл. 1, признак 54; 2014, с. 194, 207).

В 2012 г. на территории поселения грабителями был найден клад медных боспорских статеров, который благодаря краеведу из г. Задонска А.Д. Швырёву был передан в Музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула). Публикации и анализу этого клада посвящена глава 7 монографии. В местах грабительских перекопов на поселении А.Д. Швырёвым была собрана серия вещей, которые он передал авторам данной статьи (они вошли в отчет В.О. Гончарова 2013 г.). Лишь один предмет (обломок браслета с антропо-зооморфным окончанием) (рис. 9: 11) найден на юго-западной оконечности памятника (рис. 6).

В 2013 г. авторами главы обследован участок обнаружения клада монет. На территории площадью 200-300 кв.м. обнаружено большое количество следов работы металлодетектора, крупные грабительские ямы. Одна из них была зачищена. Культурный слой в районе обнаружения клада составляет 0,8 м (верхняя часть – распахиваемый гумус, нижняя часть серая супесь). В районе зачистки обнаружено большое количество лепной и лощеной посуды гуннского времени, а также 3 медные монеты из состава клада. Монеты обнаружены на разных уровнях (0,3-0,6 м и гораздо глубже слоя распашки). Судя по ямам, клад монет был растащен на большой площади и на разной глубине (т.е. не располагался компактно). Ниже приводится описание находок.

Бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула с узкой ножкой (рис. 9: 1) относится к группе 16 подгруппе 2 серии I варианту 1 А.К. Амброза (с треугольным сечением корпуса). Высота изделия – 3,9 см, ширина корпуса – 4 мм. Ось пружины из 6-ти витков продета в узкое вертикальное кольцо. На концах пружины заметны по два дополнительных пластинчатых кольца на каждом, предназначенных для ее фиксации. По А.К. Амброзу подобные фибулы датируются концом II – III вв. (Амброз, 1966, с. 63). По классификации Е.Л. Гороховского на памятниках черняховской культуры они относятся к варианту А3 разновидности а, характерны для фазы 2 (последняя треть III – первая треть IV в.) (Гороховский, 1988, с. 35-43), но встречаются и позже (см. главу 10).

Бронзовый пинцет без орнамента с расширенными книзу лопастями (рис. 9: 2). Размеры изделия: высота – 5,3 см, ширина в верхней части – 0,3 см, в нижней – 1,5 см. По классификации, предложенной в главе 6 настоящей монографии, относится к варианту Б. Четыре похожих пинцета найдены в Ксизово-19.

Бронзовая прямоугольная обойма пряжки с отверстием посередине (рис. 9: 3). По краям украшена прочеканенным с внешней стороны орнаментом.

Два обломка бронзовых браслетов, оба – овальные в сечении, окончания - зооморфные. У первого из них трапециевидный в плане конец отделен от корпуса литым валиком. Окончание орнаментировано фасетками, пуансонным орнаментом, двумя концентрическими окружностями, имитирующими глаза животного, по бокам (рис. 9: 10). Точная аналогия такому браслету происходит из погр. 6 Ксизово-17Б (см. главу 3 монографии).

Второй браслет относится к группе изделий с антропо-зооморфными изображениями на уплощенных окончаниях (рис. 9: 11), серия которых в Верхнем Подонье происходит из Ксизово-19 и Мухино-2 (см. главу 6 монографии).

Зеркала-подвески с петлей на обороте из белого сплава (1 целый экземпляр и 6 фр-тов) (рис. 9: 4-9), на оборотной стороне имеют орнамент в виде композиций из выступающих наружу валиков. Диаметр целого зеркала – 4,1 – 4,2 см. В Верхнем Подонье такие изделия распространены достаточно широко (см. главу 6 монографии).

Таким образом, на поселении Ксизово-19А, судя по фибуле, возмлжно, имеются напластования позднеримского времени. Большая часть обнаруженных материалов составляет характерный набор вещей гуннского периода (пинцет, браслеты, зеркала).

10. Поселение Острая Лука-4. Находится в 2,1 км к востоку от водонапорной башни в северо-восточной части с. Ксизово. Памятник от-

крыт в 2004 г. И.Е. Бирюковым (заложен шурф в западной части), обследован в 2010 г. им же (заложен шурф в восточной части). Памятник занимает пониженный участок коренного правого берега р. Дон высотой 8-16 м над уровнем реки, с западной стороны ограничен оврагом. Поверхность поселения задернована, прибрежная часть осыпается. Северная часть занята остатками фермы и загона для скота, напластованиями навоза, строительного мусора и пр. Размеры памятника 160-200 × 400-430 м. По результатам шурфовки мощность культурных напластований – до 1,0 м. Обнаружены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, гуннского времени. К гуннскому времени относится около 10 фрагментов лепных сосудов с шамотом и дресвой в глиняном тесте. Видимо, этот поселок являлся окраиной комплекса, что и объясняется слабой насыщенностью находками культурного слоя.

* * *

Памятники гуннского времени, расположенные у с. Ксизово, имеют следующие площади: Ксизово южное – 117000 кв. м, Ксизово-5 – 44000 кв. м, Ксизово-8 – 151200 кв. м, Ксизово-16 – 35000 кв. м; Ксизово-17 – 70200 кв. м; Ксизово-18 – 31650 кв. м; Ксизово-19 – 152650 кв. м; Ксизово-19А – 79758 кв. м; Острая Лука-4 – 74700 кв. м. В целом площадь Ксизовского археологического комплекса составляет 756158 кв. м или 75, 62 га. В Восточной Европе к северу от Причерноморья он является самой крупной агломерацией гуннского времени. Для сопоставления, площадь Танаиса – города-порта гуннского периода (ключевой точки на торговом пути из Причерноморья по Дону в Поочье, см. заключение монографии), включая крепость и неукрепленные части - 17,84 га (подсчеты сделаны по плану, опубликованному в: Il'jašenko, 2005a, abb. 4).

Глава 2

Поселение и могильник Ксизово-16

А.В. Моисеев (Воронеж), И.А. Козмирчук (Липецк),
А.М. Обломский (Москва)

Многослойное поселение-могильник Ксизово-16 входит в комплекс археологических объектов, расположенных на береговых склонах высоких надпойменных террас правого берега р. Дон у восточной и северо-восточной окраины с. Ксизово Задонского р-на Липецкой области (рис. 6).

Памятник расположен между поселениями-грунтовыми могильниками Ксизово-17 и Ксизово-19 (с последним фактически сливается) на участке первой надпойменной террасы или низкого края коренного правого берега р. Дон. Размеры памятника – порядка 100 × 350 м, он ограничен с северо-востока и юго-запада небольшими оврагами. Высота над уровнем реки – около 10-15 м (рис. 10).

Площадь, занимаемая памятником достаточно ровная, с небольшим уклоном к востоку, в сторону р. Дон. Восточная часть памятника (у края береговых обрывов и оврагов) в настоящее время задернована, западная – распахана.

В восточной части памятник разрушается оползанием краев террасы и оврагами. По сообщениям местных жителей, в обрыве края террасы неоднократно встречались человеческие кости и древние артефакты. Разрушение этой части памятника эрозией склонов террасы зафиксировано и при открытии памятника в 2001 г. и в процессе исследований 2003 г. под руководством А.М. Обломского. Сама площадь раскопа 1 2003 г. к данному времени уже частично разрушена оползанием берегового склона.

В настоящее время на задернованном участке видны отдельные нарушения грунта в виде ям, заполненных мусором, и небольших грабительских (следы поиска с металлодетектором).

Памятник открыт в 1962 г. В.П. Левенком, в 2000 г. обследован Г.Л. Земцовым, а в 2001 г. – экспедицией под руководством И.Е.Бирюкова и в предварительном плане определен как относящийся к эпохе бронзы и раннему железному веку. В 2003 г. изучался Раннеславянской экспедицией Института археологии РАН под руководством А.М. Обломского, когда на краю террасы был заложен небольшой разведывательного характера раскоп 1 площадью 35 кв. м и произведена зачистка берегового обнажения[1]. Получены материалы неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков, гуннского и древнерусского времени. Выявлено 2 хозяйственные ямы и 5 погребений, два из которых относились к абашевской культуре эпохи бронзы.

В 2009 г. сотрудниками Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области А.Н. Голотвиным и И.Е. Бирюковым проводилось общее обследование памятников у с. Ксизово, в частности, были существенно уточнены границы Ксизово-16.

В 2010 г. на памятнике были проведены раскопки под руководством А.В. Моисеева и

[1] Непосредственно работами на раскопе руководил Ю.В. Зуйков.

И.А. Козмирчука. Вскрыто 933 кв. м (раскоп 2), обнаружены материалы различных археологических эпох (финальный палеолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, позднескифские древности первых вв.н.э., позднеримское и гуннское время, древнерусский период). Ниже публикуются материалы позднеримского и гуннского времени.

Позднеримский период (середина III – начало IV вв.н.э.)

Материалы этого времени немногочисленны. По аналогии с поселением Ксизово-19 к ним относится черняховская гончарная керамика как с лощеной, так и с шероховатой поверхностью, в т.ч. и фрагменты сосудов на низких поддонах, обломки ручек светлоглиняных амфор типа F по Д.Б. Шелову, массивное биконическое пряслице средней высоты с воронковидными основаниями (рис. 11). Лепных сосудов форм, которые специфичны для культурной группы типа Каширки-Седелок, существовавшей в Верхнем Подонье в позднеримский период, не было. Все находки происходят из культурного слоя, какие-либо объекты к позднеримскому горизонту поселения отнести не удалось.

Гуннский период (конец IV – V вв.)

Объекты этого времени представлены серией скоплений материала в культурном слое, хозяйственными ямами и несколькими погребениями. Довольно много находок (в первую очередь керамики) происходит из культурного слоя. Нумерация ям и погребений на раскопах 2003 и 2010 гг. была единой. Ниже приводится описание всех скоплений и погребений, а также тех ям, находки из которых, форма или стратиграфия заполнения представляют особый интерес. Сведения о прочих ямах включены в табл. 1, о массовом материале из объектов – в табл. 2.

Скопление культурных остатков 2003 г. (рис. 12), занимало площадь размерами 1,80 × 1,20 м. Оно состояло, преимущественно, из костей животных. Кроме них, в его состав входили 6 фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы, 8 обломков сосудов середины 1 тыс.н.э., в т.ч. 2 – гончарных, небольшой кусочек железного шлака. Судя по характеру находок, скопление относится к гуннскому времени. Керамика эпохи бронзы попала на занятый им участок из культурного слоя.

Яма 2 (рис. 13: А) представляет собой погреб с боковой ступенькой-сходом. Прослежена на поверхности материка. В плане имеет неправильно-овальную форму и общие размеры 1,08 × 1,12 м. Стенки – почти отвесные. Плоская поверхность ступеньки, которая частично осыпалась с северной стороны, зафиксирована на глубине 0,22-0,24 м от верхнего края ямы. Размеры ступеньки – 1,0 × 0,10-0,23 м. Ширина глубокой части погреба – 0,74 м, длина – 1,07 м. Стенки были почти отвесными, дно – плоским. Максимальная глубина ямы составляла 0,58 см.

Заполнение представляло собой однородный черный гумус. Из него происходят кости животных, фрагмент стенки сосуда эпохи неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом, 12 фр-тов сосудов эпохи бронзы, в т.ч. обломок одного днища срубной культуры, 7 обломков лепных сосудов середины 1 тыс.н.э. с примесью шамота в тесте.

Яма 3 (рис. 13: Б,В). Контуры зафиксированы на поверхности материка. В плане яма – подовальной формы размерами 1,55 × 1,4 м, глубиной в материке до 0,78 м. С северо-восточной и юго-западной сторон яма имеет подбои 0,1-0,2 м глубиной, верхняя часть стенок объекта вертикальная. Заполнение ямы в центральной части представляло линзу гумусированного суглинка, ближе к стенкам наблюдались глинистые заплывы. Дно ямы горизонтальное.

Из заполнения происходит керамика эпохи бронзы (5 фр-тов) и груболепная гуннского времени с примесью крупного шамота в тесте, в т.ч. и выразительный обломок сковородки (рис. 13: 1), а также кости животных. В северной части ямы, на дне и частично в подбое, обнаружен скелет собаки (?), ориентированный черепом в восточном направлении.

Яма 17 (рис. 16). Прослежена на уровне материка (0,8 м от дневной поверхности) в виде овального пятна темного гумуса размерами 1,4 × 2,5 м. В процессе расчистки выяснилось, что яма состоит из двух отсеков с однородным заполнением. Северная часть (17А) – неправильной округлой формы размерами 1,45 × 1,6 м, глубиной в материке 0,3 м. Ко дну ее размеры уменьшаются до 1,35 × 1,3 м. Стенки – пологие, дно имеет наклон в северном направлении с перепадом высот 0,1 м. С южной стороны наблюдается незначительный «переход» (ступенька) высотой 0,1 м от уровня дна ямы, ширина ступеньки по уровню материка – 0,4 м, по уровню дна – 0,3 м. К ней с юга примыкает яма (17Б) подовальной формы 0,95 × 1,6 м. Она длинной осью вытяну-

та в широтном направлении. Глубина в материке составляла 0,15 – 0,3 м. Стенки – пологие. Дно имеет наклон в западном направлении с перепадом высот 0,05 м.

В заполнении найден 1 обломок сосуда эпохи бронзы, лепная керамика 1 пол. I тыс.н.э. (21 фр-т сосудов с примесью крупного шамота в тесте), тупик из челюсти быка или коровы, 5 кусков глиняной обмазки, уголь, лучевая кость человека и кости животных. Яма датируется позднеримским или гуннским временем.

Над ямой 17Б находились кости погребения 12. Не исключено, что погребение 12 совершено в верхней части заброшенной к этому времени ямы. Уровень дна ямы 17Б на 0,3 м ниже уровня залегания костей погребения 12.

Яма 18 (рис. 17: А,Б). На поверхности материка прослежено овальное пятно темно-серого цвета размерами 1,4 × 2,4 м. В процессе расчистки выяснилось, что яма состояла из двух частей и, вероятно, представляла собой две овальные ямы, слившиеся в одну. Размеры северо-западной (18А) – 1,2 × 1,3 м по верхнему краю и 1,15 × 1,3 м по дну. Глубина в материке – до 0,25 м, стенки пологие, дно ровное с наклоном в юго-восточном направлении. Юго-восточная яма (18Б) имеет размеры 1,1 × 1,4 м в верхней части, на уровне дна – 1-1,25 м, глубину до 0,3 м. Стенки пологие, дно на 0,15 м глубже дна ямы 18А и имеет уклон также в юго-восточном направлении.

В центральной части ямы фиксируется перемычка, определяющая контуры обеих ям. Ее ширина составляет 0,75 м. Обе ямы заполнены однородным темно-серый гумусом.

В верхней части заполнения ямы 18 встречена лепная керамика эпохи бронзы (катакомбной, абашевской и срубной культур; всего 13 фр-тов) и железного века (груболепная с примесью дресвы – 1 фр-т, с включениями шамота – 5 фр-тов), гончарная середины 1 тыс.н.э. (по одному обломку стенок с лощеной и шероховатой поверхностью) (рис. 17: 1-4), маленький фрагмент стенки гончарного орнаментированного прочерченными линиями сосуда, возможно, древнерусского времени, кусочки глиняной обмазки, кости животных. В нижней части заполнения присутствует:

– яма 18А – 3 черепка эпохи бронзы (абашевская культура) и 1 обломок лепного сосуда раннего железного века с примесью дресвы в тесте, костяная проколка, а также кусочки обмазки;

– яма 18Б – керамика эпохи бронзы (абашевская и срубная культуры, всего 8 фр-тов), 2 обломка лепных сосудов железного века с шамотом и песком в тесте, фр-т гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью середины I тыс. н.э., кусочки обмазки, а также кости животных. Вероятно, яма 18А относится к раннему железному веку, а яма 18Б – к гуннской эпохе.

Яма 24 (рис. 18). Прослежена на поверхности материка. В плане – овальной формы, размеры верхней части – 1,35 × 1,15 м, на уровне дна – 1,15 × 1,4 м, глубина в материке до 0,15 м, стенки наклонные, дно горизонтальное. Заполнение представляло собой однородный серый гумус. С южной стороны к яме примыкало скопление известняковых камней (скопление 5) размерами от 0,05 × 0,1 м до 0,8 × 0,16 м, вытянутое с севера на юг на 2,25 м, шириной 0,6 м. Глубина залегания скопления – 0,05-0,1 м выше материка. С южной стороны скопления находилась хозяйственная яма 25.

В заполнении присутствовала лепная керамика срубной культуры эпохи бронзы (2 фр-та), костяные накладки на лук и заготовки таких накладок (рис. 19). Фрагмент одной пластины найден над ямой.

Описание материала

Керамика

Как и на всех поселениях типа Чертовицкое – Замятино, в Ксизово-16 преобладает груболепная керамика трех основных рецептур: с шамотом, с шамотом в сочетании с дресвой (иногда с железной рудой), с шамотом вместе с известняком в глиняном тесте. Встречена также лепная столовая посуда, сероглиняная гончарная керамика (как с лощеной, так и с шероховатой поверхностью) и обломки амфор. В среднем груболепная керамика в культурном слое раскопа 1 составляла 80% (107 фр-тов), раскопа 2 – 87% (4810 фр-тов), лепная столовая, соответственно, 13% (76 фр-тов) и 7% (390 фр-тов), гончарная шероховатая – 4% (6 фр-тов) и 3% (178 фр-тов), гончарная лощеная – 2% (3 фр-та) и 2,5% (144 фр-та), обломки амфор – 1% (1 фр-т) и 0,5% (19 фр-тов). Необходимо отметить, что приведенные выше данные в известной степени условны, т.к. керамика всех этих технологических групп характерна не только для гуннского времени, но и для позднескифских древностей раннеримского периода, а также для культурной группы типа Каширки – Седелок (середина III – начало IV в.), материалы которых присутствуют на памятнике.

Тем не менее, основное соотношение керамических групп между собой эти статистические сведения отражают, что подтверждается наблюдениями, сделанными на других поселениях Ксизовского археологического комплекса.

Груболепная керамика. В основном, неорнаментирована, лишь на трех обломках венчиков заметны насечки по краю (рис. 20: 4; 21: 1; 22: 6), а на корпусе одного из горшков были нанесены зигзаги, прочерченные заостренной палочкой по сырой глине (рис. 23: 6). Ближайшие аналогии такому орнаменту имеются на расположенном на Острой Луке Дона поселении Замятино-8 (Обломский, 2004д, рис. 142: 4). Поверхность груболепных сосудов обычно бывает заглажена пальцами. Индивидуальной особенностью трех горшков из Ксизово-16 является дополнительная обработка венчиков и придонной части щепкой (рис. 15: 1,2; 21: 8).

Как и на прочих поселениях Острой Луки Дона, в этнокультурном отношении керамика с шероховатой поверхностью из Ксизово-16 неоднородна и делится на несколько традиций[2].

Киевская традиция (табл. 4)

Горшки.

Класс I(округлобокие), тип 1, вариант а, разновидность а – 32 экз. (54%)

Особая форма – отличается от описанного выше таксона I,1,а,а наличием декоративного ребра несколько ниже шейки, но выше бочка – 1 экз. (3%)

Класс I, тип 3, разновидность а – 3 экз. (5%)

Класс I, тип 4, вариант а – 1 экз. (миниатюрный сосуд – 3%)

Класс II (ребристые), тип 1 – 3 экз. (5%)

Класс II, тип 2, вариант а – 1 экз. (3%)

Миски-плошки

Могли иметь плоское дно или полый поддон (тип II – 2 экз.). Еще 8 обломков относятся к категории в целом (всего по категории 17%).

Диски

Выделяются формы без бортика (*тип I* – 5 экз.) и с невысоким бортиком (*тип II* – 4 экз.) (всего по категории – 15%).

В целом, груболепная керамика киевской традиции по соотношению форм соответствует поселениям у с. Замятино и Ксизово-19: среди округлобоких горшков на первом месте находятся сильнопрофилированные сосуды таксона I,1,а,а (причем они абсолютно преобладают в керамическом наборе), на втором и третьем местах – слабопрофилированные и баночные (I,3-а и I,4). Ребристые сосуды класса II относительно немногочисленны, однако встречаются (ср. с табл. 19 главы 5). Доля мисок-плошек и дисков несколько большая, чем на других поселениях, но это можно объяснить сравнительной немногочисленностью типологически определимых экземпляров. Поскольку коллекция относительно невелика, то статистически представительная серия сосудов, пропорции которых можно рассчитать, на памятнике отсутствует, но в целом, имеющиеся не представляют собой ничего из ряда вон выходящего на фоне прочих керамических серий поселений типа Чертовицкого – Замятино.

Керамика других этнокультурных традиций представлена значительно меньшим количеством экземпляров.

Окская традиция (табл. 4).

Класс I, тип 5 – 1 экз.

Класс I, тип 6 – 2 экз.

Черняховская традиция (табл. 4).

Класс I, тип 1, вариант г – 4 экз.

Обломок еще одного сосуда в равной степени может быть отнесен как к варианту в, так и к г.

Местная традиция (табл. 4).

Формы этой традиции представлены двумя мисками с шероховатой поверхностью.

Тип I. Округлобокая – 1 экз.

Тип II. Ребристая – 1 экз.

Лепная столовая керамика. Сосуды этой технологической группы, как правило, содержат различные примеси в тесте (шамот, дресву, песок, известняк), но все они мелкозернистые. Поверхность большей части сосудов хорошо залощена снаружи и изнутри. Меньшая часть имеет подлощенную поверхность (слабо лощеную снаружи). Цвет сосудов – серый, коричневый, темно-желтый, зачастую они – пятнистые, что свидетельствует о неравномерном обжиге. В Ксизово-16 столовая лепная керамика не имеет орнамента. Как и в наборе груболепной посуды, в комплексе лепной столовой керамики можно выделить различные этнокультурные традиции.

Киевская традиция (табл. 5). К ней относятся обломки двух лощеных мисок.

Тип 5 вариант 4. Высокие ребристые миски с вогнутой дугой профиля от венчика до бочка. Стенки нижней части прямые – 2 экз.

На памятниках киевской культуры миски такой профилировки Р.В. Терпиловский и Н.С. Аба-

[2] Для описания керамики и вещей используются те же классификации, что и в разделе о поселении Ксизово-19 (глава 5).

шина отнесли к типу 3, А.М. Обломский – к типу III,4. Подобные сосуды, в основном, распространены на ранней стадии киевской культуры, но отдельные формы известны и позднее, в частности, в Подесенье (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 47; Памятники, 2007, с. 30, 43, 44). В Верхнем Подонье такие миски изредка встречаются на памятниках типа Каширки – Седелок середины III – начала IV вв.н.э. (Обломский, 2007, с. 83). Вполне возможно, что и в Ксизово-16 фрагменты двух мисок с такой профилировкой относятся к позднеримскому горизонту, но не исключена и принадлежность их к гуннскому времени. Похожая миска происходит с поселения Замятино-8 (Обломский, 2004д, рис. 140: 2), где позднеримского горизонта нет.

Окская традиция (табл. 5).

Горшок *типа 1 варианта 1* – 1 экз.

Округлобокие миски *типа 2* – 2 экз.

Ребристые миски *типа 4, т.н. мощинского типа* – 2 экз.

Единственная миска типа 6 (низкая со сглаженным ребром и S-овидным профилем) имеет форму, широко распространенную в разное время на разных территориях и лишенную этнокультурной специфики. Четыре подобных миски найдены на верхнедонском поселении Замятино-7 гуннского времени (Обломский, 2004д, с. 152).

Гончарная керамика местного изготовления. Горн для ее обжига, ямы-карьеры для забора глины, высушенный, но необожженный полуфабрикат кувшина, готовая продукция были обнаружены на соседнем поселении Ксизово-19. Гончарная керамика типа Ксизово - серого (темно-серого или почти черного) цвета, равномерного печного обжига. Некоторые черепки (вторично обожженные или относящиеся к сосудам, стоявшим в горне возле места доступа воздуха) – красные, розовые или желтые. По фактуре керамика ксизовской мастерской похожа на черняховскую, но отличается более толстыми в массе стенками, примесями известняка в тесте многих сосудов.

Поверхность черепков может быть лощеной и шероховатой. Керамика, обнаруженная в Ксизово-16, сильно фрагментирована. Типологически определимые формы немногочисленны.

1. Фр-т верхней части округлобокого лощеного горшка с изогнутым отогнутым наружу венчиком, выемкой изнутри него «под крышку» и выпуклой линией профиля от шейки до места наибольшего расширения тулова (рис. 14: 1).

2. Фр-т горла небольшого лощеного кувшина с обломком ручки (рис. 14: 8).

6. Обломки ручек небольших лощеных кувшинов (рис. 24: 4-7), фр-т венчика лощеного кувшина со сливом (рис. 24: 8), фр-т ручки кувшина с шероховатой поверхностью (рис. 24: 10).

7. Фр-т пифоса или большого горшка с шероховатой поверхностью и зигзагами между горизонтальных пролощенных линий (рис. 24: 9).

Вся гончарная керамика из Ксизово-16 не орнаментирована за исключением последнего из перечисленных обломков.

Амфорная керамика. Представлена обломками светло- розово- и красноглиняных сосудов. К сожалению, за исключением относящихся к позднеримскому периоду ручек светлоглиняных амфор типа F, прочие обломки типологически не определимы.

Вещи

Глиняные пряслица. К гуннскому времени можно отнести 7 пряслиц.

Биконические средней высоты (диаметр наибольшего расширения равен высоте или больше ее, но не более, чем в два раза) – 5 экз. (рис. 25: 2-4, 6).

Низкие биконические – 2 экз. (рис. 25: 1,5).

Два из этих пряслиц имеют шероховатую поверхность (рис. 25: 2,3), прочие - заглаженную. Одно из пряслиц выше и ниже ребра орнаментировано 14-ю гранями. Пряслица с рельефной орнаментацией появились в Верхнем Подонье под влиянием черняховской культуры (Обломский, 2004д, с. 155).

Детали лука. Серия деталей лука из рога и их заготовок происходит из ямы 24[3].

1. Обломок верхней части концевой пластины (рис. 19: 3). Длина сохранившегося фрагмента[4] – 24 см, максимальная ширина верхнего расширенного окончания – 2,2 см, ширина корпуса – 1,1-1,9 см, толщина – 0,3-0,4 см. Сечение верхней части – прямоугольное, нижней – подтрапециевидное с одной гранью. Верхняя часть расширена, имеет углованый срез сверху, ниже находится округлый паз диаметром 0,5 см для крепления тетивы. Лицевая сторона заполирована, срез ниже начала грани покрыт мелкими крестообразными насечками. Такие же насечки

[3] По определению Е.Е Антипиной (Институт археологии РАН) все они изготовлены из рога благородного оленя.

[4] Здесь и далее – с учетом кривизны.

нанесены по внутреннему торцу изделия ниже паза для тетивы и по внешнему – от уровня грани на лицевой поверхности. Оборотная сторона пластины – шероховатая, с выраженной костной структурой.

2. Обломок нижней части концевой пластины (рис. 19: 2). Длина фрагмента – 24,8 см, ширина – 1,1-1,8 см, нижний конец заострен, на нем заметен подпрямоугольный паз размерами 0,3-0,4 × 0,15 см для фиксации ремня оплетки. В сечении пластина подтрапециевидная. Лицевая поверхность заполирована, нижняя часть примерно от середины покрыта мелкими крестообразными насечками. Торцы также заполированы, лишь в нижней части внутреннего из них заметны насечки. Оборотная сторона пластины – шероховатая, с выраженной костной структурой.

3. Фрагмент концевой пластины (рис. 19: 4). Длина составляет 14,3 см, ширина – 1,4-2 см, толщина – 0,3-0,5 см. Сечение подтрапециевидное, на лицевой стороне имеется одна грань, на поверхности которой заметны крестообразные насечки. Другая грань заполирована. Оборотная сторона пластины – шероховатая с заметными бороздами.

4. Фрагмент концевой пластины (рис. 19: 6). Длина обломка – 2,8-4,2 см, ширина – 1,9 см, толщина – 0,3-0,35 см, сечение подтрапециевидное. Поверхность широкой грани на лицевой стороне заполирована, узкой – покрыта насечками, которые заметны и на торцах изделия. Оборотная сторона пластины – шероховатая, с выраженной костной структурой.

5. Обломок срединной накладки (рис. 19: 1). Изначально, видимо, была подтрапециевидной. Размеры сохранившегося фрагмента – 15,8 × 2,8-3,6 см, толщина 0,1-0,2 см. Изделие – плоское, лишь на небольшой части его длинного основания заметна мягкая грань, покрытая крестообразными насечками. Внешняя поверхность заполирована, внутренняя шероховатая, имеет ярко выраженную костную структуру.

6. Фрагмент заготовки концевой накладки (рис. 19: 5). Наружная поверхность грубо обработана ножом, внутренняя – шероховатая с костной структурой. Следы полировки отсутствуют, толщина – до 0,3-0,5 см. Окончание – расширенное, угловатое. Очевидно, ему пытались придать форму, близкую к концу наладки 1. Размеры фрагмента – 14,2 × 1,8-2,5 см.

7. Фрагмент заготовки боковой накладки (рис. 19: 8). Наружная поверхность также обработана ножом, на внутренней заметна фактура костной ткани, но обе они слегка залощены. Размеры обломка – 4,8 × 2,3-2,5 см, толщина – 0,3 см.

8. Обломок подобного изделия с аналогичным способом обработки поверхности (рис. 19: 7), размеры – 1,5-2,6 × 2-2,1 см, толщина – 0,3-0,4 см.

Накладки из рога из ямы 24 представляют собой детали одного или нескольких сложных луков т.н. гуннского типа. Для территории Восточной Европы наиболее подробно они описаны А.М. Хазановым. «Гуннский лук» изготавливался из дерева разных пород, имел В-образную форму, гибкие плечи, негнущиеся концы и среднюю часть («кибить»), которые и фиксировались костяными деталями (рис. 27: 1). В классическом виде накладок было 7: по две узких изогнутых с двух сторон на каждом из концов и три в центре – две плоские трапециевидные и одна узкая боковая на торце изделия (рис. 28: 1) (Хазанов, 1971, с. 28-32). Тем не менее, сам А.М. Хазанов привел серию исключений из этого правила – накладок могло быть и меньше.

Тетива жестко закреплялась на одном из концов лука, а на другой натягивалась непосредственно перед стрельбой. Для этого на нем делался специальный вырез округлой формы.

В среднем размеры таких луков варьировали в пределах 1,2-1,6 м (Хазанов, 1971, с. 28-30).

Луки гуннского типа зародились в Забайкалье и Восточной Сибири. На территории Восточной Европы они распространились в I-II вв.н.э. Едва ли не самой ранней находкой здесь считается лук из богатого погребения 1 в кургане 1 у с. Пороги на Среднем Днестре второй половины I в.н.э. (Хазанов, 1971, с. 31-32; Симоненко, 2009, с. 93). Длина этого лука – 1,2 м (рис. 27: 2). Впоследствии луки такой конструкции употреблялись в Центральной и Восточной Европе вплоть до средневековья, преимущественно, кочевниками или населением, которое находилось с кочевниками в непосредственном контакте. В частности, в черняховской культуре известны всего два случая находок накладок на луки, причем они происходят из разрушенного трупоположения южного для этой культуры могильника Беленькое (Магомедов, 2001, с. 80) и из клада, который найден на территории курганной группы Сторожевое на Полтавщине[5]. Последняя по набору вещей и погребальному обряду очень близка к

[5] Приношу глубокую благодарность Р.С. Луговому и О.В. Коваленко за любезное сообщение об этом комплексе.

кантемировким курганам, которые приписывают аланам раннегуннского периода.

В гуннское время сложные луки были не только боевым оружием, но и символами власти. Модель такого лука из княжеского погребения в Якушовицах (Южная Польша) была обложена золотым листом, в богатом захоронении из Печюсег (Венгрия) золотыми пластинами были покрыты неподвижные части лука (László,1951;. Godłowski, 1995, Abb. 2: 1).

Костяные детали обычно имели лицевую залощенную часть и обратную шероховатую (для наклеивания на деревянную основу). На лицевой части и на торцах накладок часто делались дополнительные мелкие насечки – для фиксации ремней или жил обмотки. Судя по аналогиям, пластина № 1 из Ксизово-16 представляет собой верхнюю часть концевой накладки (рис. 19: 3), № 2 – нижнюю часть такой накладки (рис. 19: 2), №№ 3 и 4 – обломки подобных изделий (рис. 19: 4,6), № 5 – накладку на кибить (рис. 19: 1). Было бы заманчиво сделать реконструкцию лука из Ксизово, но мы не знаем, принадлежали костяные детали оному экземпляру или нескольким, поскольку они найдены не в погребении, а в хозяйственной яме среди мусора.

Детали сложного лука из Ксизово-16 для Верхнего Подонья уникальны, и по этой причине особое значение приобретает вопрос об их датировании. К сожалению, материалы, происходящие из ямы 24, прямого ответа на него дать не могут: в яме найдена керамика эпохи бронзы и более поздняя, но маловыразительная в отношении датировки и культурной принадлежности. Поскольку в Ксизово-16 имеются керамика и другие находки раннеримского, позднеримского и гуннского периодов, к которым теоретически могут относиться сложные луки с костяными накладками, то датирование их может быть сделано только методом привлечения аналогий.

А.К. Амброз в своей работе о степных древностях раннего средневековья сделал наблюдение, что на луках второй хронологической группы по его периодизации (шиповского горизонта по И.П. Засецкой – вторая половина V – начало VI в.) (Засецкая и др. 2007, с. 108-114) начинают использоваться концевые накладки с расширенными окончаниями (Амброз, 1981, с. 16). Окончание накладки 1 из Ксизово-16 имеет относительно широкую близкую к трапециевидной форму (рис. 19: 3). Края концевых накладок более раннего периода – округлые, относительно узкие или лишь слегка расширенные, но закругленные (рис. 27) (Симоненко, 2009, рис. 65, 66). Сведения о расширенных «угловатых» окончаниях накладок первой половины – середины 1 тыс.н.э. на территории Восточной и Центральной Европы, которые удалось собрать по литературе (список наверняка не полный) включены в табл. 3, а образцы приведены на рис. 28 и 29[6].

Таким образом, получается, что А.К. Амброз, в целом, прав, но с некоторой корректировкой его предположения. Накладки с расширением на концах появляются в гуннское время. Параллельно с ними луки могли снабжаться и накладками «старого образца» – с узким слегка закругленным окончанием (см. например: Alföldi, 1932, Abb. 2:1-4, 6-9; Salamon, 1976, 1. kép; Масленников, 1997, рис. 11: 1). Костяные детали луков или одного лука из ямы 24, следовательно, учитывая периоды заселения Ксизово-16, относятся к гуннскому времени. Показательно, что в яме, кроме готовых накладок, были найдены и обломки их заготовок, в т.ч. и одной концевой (рис. 19: 5-7). Луки, таким образом, ремесленники изготавливали непосредственно в Ксизово.

Более детально сложносоставные луки проанализировал Е.В. Круглов. Он выделил раннюю группу луков гуннского и огуро-савирского времени (т.н. гунно-сарматских). К ним отнесены изделия из Покровска, Ровного, Тиритаки, Вены, Кубея, Кызыл-Адыра, Царева, Западных могил, Булганакского городища (яма на валу), Усть-Альмы и Хошеутово (Круглов, 2005, с. 77). Признаки накладок на «гунно-сарматские» луки (применительно к тем из них, которые происходят из Ксизово-16) следующие. Концевые боковые накладки были довольно массивными, по форме прямыми или слегка дуговидными. Для них характерны трапециевидный внешний край, зауженный центр и расширенный плечевой край. Именно таковы изделия из Ксизово-16 (рис. 19: 2,3).

Накладки на рукояти луков были сравнительно тонкими. Выделяются два их типа. Накладка из Ксизово-16, судя по сохранившемуся фрагменту, относится ко второму типу (сравнительно больших размеров и строго трапециевидной формы). Е.В. Круглов луки этого типа предлагает называть «огуро-савирскими» (Круглов, 2005, с. 78).

Бронзовый зажим (рис. 26: 3). Предназначен для крепления ремешков, вероятно, конской

[6] Сердечно благодарим В.Ю. Малашева за ценную консультацию по этому вопросу.

узды. По общей стилистике в равной степени может относиться как к позднеримскому, так и к гуннскому периоду.

Рама пряжки (рис. 26: 1), В-образная, железная с утолщенным передним краем. По В. Иванишевичу, М. Казанскому и А. Мастыковой, железные пряжки с вертикально-овальными рамами, в т.ч. и с прогибом в передней части в Центральной Европе появились в позднеримское время. В Восточной Европе начинают использоваться в конце IV в. (Ivanisević et alii, 2006, p. 20-21), позднее употреблялись и в средневековье.

Фибулы. В культурном слое поселения Ксизово-16 обнаружены две фибулы: железная и бронзовая (рис. 26: 2,4).

Оба изделия относятся к обширной *группе железных и бронзовых двучленных фибул с прогнутым в верхней части корпусом, со сплошным или подвязным приемником и широким кольцом для крепления пружины*. Бронзовая подвязная фибула (рис. 26: 4) изготовлена из пластины относительно равномерной ширины, ось пружины оканчивается двумя округлыми шишечками. По предложенной в разделе о могильнике Ксизово-19 (глава 6) классификации она относится к варианту 1.

Железная фибула (рис. 26: 2) имеет пластинчатый приемник, слегка суженный книзу корпус, спинка – подтреугольная в верхней части, подпрямоугольная – в нижней. Изделие относится к варианту 6.

Могильник

Как показали исследования могильников Ксизово-17 и 19 (см. главы 4, 6 монографии), разрушенные погребения в большинстве случаев относятся к гуннскому периоду. Все они безынвентарные. Ниже приводится их описание.

Скопление 1 2010 г. (рис. 30: А). Скопление костей человека зафиксировано в культурном слое (фрагмент голени и бедренной кости подростка[7], возможно, в анатомическом порядке), на глубине около 0,25-0,3 м от дневной поверхности.

Погребение 4 (рис. 30: Б) Прослежено на краю обрыва террасы Дона. На границе гумусного слоя и материка на уровне 0,82 м от дневной поверхности находилась компактная кучка костей, состоявшая из берцовой, лобковой костей и двух ребер (предварительное определение А.М. Обломского). В 1 м к югу от них на той же глубине найден позвонок.

Погребение 12 (рис. 16). Кости взрослого индивида, возможно, женщины (?) 20-25 лет (фрагменты черепа, длинных костей рук и ног, ребер и др.) с нарушенным анатомическим порядком располагались в культурном слое на глубине 0,65-0,8 м от дневной поверхности над ямой 17Б гуннского времени. Не исключено, что погребение совершено в заброшенной хозяйственной яме. Большая часть фрагментов черепа находилась в юго-восточной части скопления костей.

Погребение 13 (рис. 31: А). Погребение было впущено в культурный слой на глубину 0,35-0,45 м от современной поверхности. Скелет взрослого индивида лежал вытянуто на спине, черепом, который несколько завален в сторону верхней части туловища, на юго-восток. Локтевые кости отсутствуют. Судя по плечевым костям, руки были прижаты к туловищу. Ноги были спеленуты (?). Череп раздавлен.

Погребение 14 (рис. 31: Б). Частично разрушенное захоронение мужчины возрастом 35-40 лет залегало в культурном слое на глубине 0,5 м. В анатомическом порядке сохранилась нижняя часть скелета (кости таза, правой ноги, левая бедренная). Кости верхней части скелета, кроме находящихся в переотложенном состоянии черепа и отдельных костей, отсутствуют, тем не менее, первоначальное положение скелета определяется достаточно уверенно: вытянут на спине, ориентирован головой на восток.

Скопление 4 (рис. 32: А). Скопление отдельных разрозненных костей мужчины возрастом 25-30 лет залегало на глубине 0,2-0,35 м от дневной поверхности. По своему местоположению вполне могут представлять собой верхнюю часть разрушенного погребения 15, но кости, судя по антропологическим данным, принадлежали другому человеку. При расчистке скопления в слое встречалась керамика эпохи бронзы (абашевской и срубной археологических культур) непосредственно с костями из скопления не связанная.

Погребение 15 (рис. 32: Б). Череп, длинные кости рук и ног, таза взрослого индивида (женщина 50+ лет) без анатомического порядка (череп - в южной части) размещались в слое на глубине 0,55-0,65 м от современной поверхности. Выше (в среднем на 0,25 – 0,45 м) и к северу от погребения в слое залегали кости скопления 4, частично непосредственно над костями погребения 15, что делает вероятным предположение

[7] Здесь и далее определение пола и возраста Р.А. Тюрина.

о принадлежности костей из обоих комплексов одному разрушенному погребению (скопление 4 – верхний уровень, погребение 15 – нижний уровень).

* * *

Таким образом, в Ксизово-16 к середине 1 тыс.н.э. относятся 26 хозяйственных ям, одно локальное скопление материала в культурном слое и 6 погребений. Вывод о том, что расчлененные захоронения относятся именно к этой эпохе, кроме общих наблюдений на других могильниках у с. Ксизово, подтверждается стратиграфическим соотношением погр. 12 и ямы 17Б. Захоронение либо перекрывает яму, либо совершено в западине, которая осталась на ее месте, когда яма уже была заброшена и частично засыпана. Яма содержала керамику с примесью крупного шамота в тесте, которая на памятниках Острой Луки Дона характерна как для позднеримского периода, так и для гуннского времени. Соответственно, и захоронение с наибольшей степенью вероятности должно датироваться гуннским периодом. Более поздних погребений на могильнике нет.

Тем не менее, вопрос о планиграфическом соотношении поселения и могильника середины 1 тыс. в Ксизово-16 до новых раскопок этого памятника остается открытым. С одной стороны, перекрывание одним из погребений более ранней хозяйственной ямы, вроде бы, свидетельствует о том, что могильник устроен на заброшенном участке поселения (как в Ксизово-19). С другой стороны, практически все погребения расположены на периферии зоны, занятой хозяйственными ямами, ближе к Дону (рис. 12). Не исключено, в этой связи, что могильник был вытянут вдоль края террасы реки, как один из участков Ксизово-17, а перекрывание образовалось на границе двух зон (хозяйственной и сакральной). Конфигурация раскопов в Ксизово-16 не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение.

К сожалению, датирующих вещей на памятнике обнаружено мало. Две фибулы, рама пряжки и накладки на лук позволяют датировать поселение только в широких рамках конца IV – V в. Керамический комплекс поселения свидетельствует о принадлежности его к культурной группе Чертовицкого – Замятино.

Таблицы

Таблица 1. Сведения о хозяйственных ямах.

№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки
1	Округлая, исследована частично	Диаметр 1,28, стенки почти отвесные	0,7	Темный гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
5	Подквадратная	1,3 × 1,35/1,45 × 1,5	0,55	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
6	Овальная, исследована частично	Ширина – 1,35, исследованная длина 0,8	0,3	Темный гумус	Керамика эпохи бронзы, раннего железного века, гуннского времени (рис. 14: 1), кости животных

7	Подовальная	1,37 × 1,43/1,27 × 1,3	0,67	Верхняя часть гумусированного заполнения в разрезе воронковидной формы до 0,4 м в центре, нижняя часть представлена результатами заплыва слабогумусированной глиной серо-желтого цвета, желтой глиной, а также темно-серым гумусом в центральной части.	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
8	Подовальная, исследована частично	Размеры исследованной части: 2,1 × 1,2/1,86 × 1,1	до 0,9	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, раннего железного века, гуннского времени, кости животных, каменный полировальник
10	Неправильно овальная	1,36 × 1,27/1,15 × 1,2	до 0,25	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных, 1 кость со следами обработки
11	Подпрямоугольная, исследована частично	Размеры исследованной части: ширина 1,4, длина – 1,25	до 0,35-0,45	В верхней части – темно-серый гумус, в нижней -прослойка золы мощностью 0,05-0,2 м. Слой золы находился на 0,05 м. выше дна ямы, отделенный от нее прослойкой темно-серого заполнения.	Керамика эпохи бронзы, раннего железного века, гуннского времени (рис. 14: 2), кости животных
13	Овальная	1,3 × 1,6/1,15 × 1,3	до 0,5	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
14	Округлая	Диаметр 0,9	0,65	Верхняя часть мощностью до 0,5 м. – темно-серый гумус с вкраплениями обмазки, глины и углей. Нижняя часть заполнения мощностью 0,1-0,25 м. – серый гумус с золой, вкраплениями фракций глины и фрагментов обмазки	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
15	Овальная	1,05 × 1,2/1,07 м. × 1,07	0,7	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
20	Неправильно овальная	1,15 × 1,3/1,05 × 1,15	до 0,7	Серый гумус (0,2 м), который подстилает прослойка золы (0,03-0,05 м). Зольную прослойку подстилает серый гумус с золой и крошкой обмазки. Нижнюю часть заполнения (0,3 м) составляет серо-бурый гумус	Лепная керамика эпохи бронзы, керамика гуннского времени, цилиндрический оселок из сланцевого камня со следами шлифовки, обмазка, кости животных, раковина (рис. 15: 1,2,6)
21	Овальная	1,5 × 1,6/1,35 × 1,5	до 0,4	Светло-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных

23	Неправильно овальная, исследована частично	1,25 × 1,5/1,15 × 1,35	до 0,25	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени (рис. 15: 3,4), кости животных
27	Подквадратная	1,07 × 1,1, стенки почти отвесные	до 0,1	Темно-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
28	Округлая	1,3 × 1, 27/1,05 × 1,08	до 0,22	Гумус с включением фракций глины	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
31	Овальная, исследована частично	Исследованная часть: 1,75 м. × 0,75/1,75 × 0,7	до 0,5	Верхняя часть заполнения – однородный серый гумус с вкраплениями глины. Встречена прослойка золы (до 0,05 м). Нижняя часть заполнения – светло-желтый, слабогумусированный суглинок до 0,2 м.	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
32	Округлая	Диаметр 1,6/1,35	До 0,45	Темно-серый гумус с вкраплениями глины	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени (рис. 14: 7,8), в т.ч. весьма выразительная, кости животных, 1 фр-т венчика древнерусского сосуда, очевидно, попавший в заполнение случайно
34	Неправильно овальная	1,4 × 1,7/1,2 × 1,6	до 0,25	Серый гумус с вкраплениями глины	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени (рис. 14: 3,4), кости животных
37	Овальная, исследована частично	Исследованная часть: 0,5 × 1,1/0,7 × 0,25	до 0,1	серо-желтый гумусированный суглинок с вкраплениями глины	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных
38	Неправильно округлая	Диаметр 1,5/1,4	до 0,4	Светло-серый гумус	Керамика эпохи бронзы, гуннского времени, кости животных, 2 фр-та каменного терочника

Таблица 2. Массовый материал гуннского времени из ям.

№	Керамика эпох неолита – бронзы, раннего железного века	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
1	6			3								
5	25			13	2			1				
6	16	1		4								
7	25			3								
8	49		28	15				1		1	2	1
10	10			2							3	
11	16		+	13								
13	1			1								
14	12		+	4								
15	27		5	3								
20	5		7	40						4		
21	7		8	8							1	
23	5		3	6								
27	2			4								
28	1			4								
31	22			5								
32	10		10	26				1	2		1	
34	9			23		1					2	
37	1			18								
38	5	1	3	71								

Примечания: 1 - неопределимые фр-ты; 2 – обмазка; 3 - лепная керамика с примесью шамота (иногда с включениями песка) в тесте; 4 - лепная керамика с примесью шамота и известняка в тесте; 5 - лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 6 - лепная керамика с примесью шамота и руды в тесте; 7 - лепная лощеная керамика; 8 - лепная подлощенная керамика; 9 - гончарная шероховатая керамика середины 1 тыс.; 10 - гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.; 11 – шлак.

Таблица 3. Концевые накладки на луки с расширением в верхней части.

Памятник /рисунок: №	Дата	Литература
Сторожевое, клад (курган 21)/	Конец IV – начало V в.	Сообщение Р.С. Лугового и О.В. Коваленко
Покровск, курган 18 /рис. 28: 6	вторая половина V – начало VI в.	Засецкая, 1994, табл. 31: 10; Засецкая и др. 2007, с. 113
Кызыл-Адар /рис. 29: 1	Конец IV – первая половина V в.	Засецкая, 1994, с. 112, 113, карта, табл. 36: 5.
Ак-Тобе /рис. 29: 2	Конец IV – первая половина V в.	Хазанов, 1971, табл. XVII: 9; Засецкая, 1994, с. 112-113
Кубей, курган 8, погр. 2 /рис. 28: 7	Конец IV – первая половина V в.	Засецкая, 1994, с. 112, 113, табл. 47: 11.
Керчь, склеп 154/1904 г. /рис. 28: 2	V в. по А.К. Амброзу, первая половина V в. по И.П. Засецкой	Засецкая, 1993, табл. 49: 229; 2003, с. 36; Амброз, 1994, с. 56, рис. 11: 7.
Сингидунум, погр. 2/2006 /рис. 28: 4	Вторая четверть V в.	Ivanišević, Kazanski, 2007, fig. 7: 34; Иванишевић, 2009, с. 42, 43.
Вранья, погр. 2 /рис. 28: 5	конец IV – начало V в.	Даутова-Рушевљан,1998, т. II.
Вена-Зиммеринг/ рис. 28: 1	430/440 – 470/480 гг.	Alföldi, 1932, Abb. 1; Ivanišević, Kazanski, 2007, p. 124.
Карнунтум /рис. 28: 3	V в.	Alföldi, 1932, Abb. 2: 5; Амброз, 1981, с. 16
Тиритака	V в.	Круглов, 2005, с. 77, рис. 3: 19
Царев, кург. 66, погр. 2	вторая половина V – начало VI в.	Круглов, 2005, с. 77, рис. 4: 1-16
Булганакское городище, яма на валу (разрушенное погребение)	V в.	Храпунов, 1991, с. 22, рис. 37: 1-3,5,6
Усть-Альма, склеп 635	V в.	Круглов, 2005, с. 77, рис. 5: 1-8
Стоби, из сгоревшей постройки	Около середины V в.	Jaric, 2009, p. 44, pl. VIII: 1a

Таблица 4. Типологическое определение груболепной керамики поселения Ксизово-16.

Рисунок: №	Таксон
13: 1	диск II
14: 2	Миска-плошка
14: 3	I,1,a,a
14: 4	I,1,a,a
14: 5	I,1,a,a
14: 6	I,1,a,a
14: 7	I,1,a,a
15: 1	I,1,a,a
15: 2	I,1,a,a
15: 3	I,1,a,a
15: 4	Миска-плошка, тип II
20: 1	I,1,a,a
20: 2	I,1,a,a

20: 3	I,1,а,а особая форма
20: 4	I,1,а,а
20: 5	I,1,а,а
20: 6	I,1,а,а
20: 7	I,1,а,а
20: 8	I,1,г
20: 9	I,1,а,а
20: 10	I,1,а,а
20: 11	I,1,а,а
20: 12	I,1,а,а
20: 13	I,1,а,а
20: 14	I,1,а,а
20: 15	I,1,а,а
21: 1	I,1,а,а
21: 2	I,1,а,а
21: 3	I,1,а,а
21: 4	I,1,а,а
21: 5	I,1,а,а
21: 6	I,1,а,а
21: 7	I,1,а,а
21: 8	I,1,а,а
21: 9	I,1,а,а
21: 10	I,1,а,а
21: 11	I,1,а,а
21: 12	I,1,а,а
22: 1	I,3-а
22: 2	I,3-а
22: 3	I,3-а
22: 4	II,2,а
22: 5	II,1
22: 7	Миска-плошка
22: 8	II,1
22: 9	Миска-плошка
22: 10	Миска-плошка
22: 11	Миска-плошка
22: 12	Миска-плошка
22: 14	Миска-плошка, тип II
22: 15	I,4,а
22: 16	Миска, тип I
22: 17	Миска, тип II
22: 18	диск I
22: 19	диск I
22: 20	диск I
22: 21	диск I
22: 22	диск II
22: 23	диск II

22: 24	диск I
23: 1	I,1,г
23: 2	I,1,г
23: 3	I,1,в или I,1,г
23: 4	I,1,г
23: 5	I,6
23: 6	I,5
23: 7	II,1
23: 8	I,6
23: 10	Миска-плошка
23: 11	Миска-плошка
23: 12	диск II

Таблица 5. Типологическое определение лепной столовой керамики.

Рисунок: №	Таксон	Характер поверхности
17: 3	Тип 1 вариант 1	Лощеная
23: 9	Тип 5 вариант 4	Лощеная
23: 15	Тип 6	Подлощенная
23: 16	Тип 4	Лощеная
23: 17	Тип 4	Подлощенная
23: 18	Тип 5 вариант 4	Лощеная
23: 19	Тип 2	Лощеная
23: 20	Тип 2	Лощеная

Глава 3
Материалы гуннского времени поселения Ксизово-17

А.М. Обломский (Москва), И.А. Козмирчук (Липецк)

Памятник расположен в 450 м к юго-востоку от МТФ с. Ксизово. Он открыт в 1962 г. В.П. Левенком, в 2001 г. обследован И.Е. Бирюковым, А.М. Обломским и Р.В. Смольяниновым. Ими же на краю обрыва раскопано погребение 1 (Бирюков, 2001, с. 67, 68). Общая территория поселения и могильника представляет собой обширный плоский отрог второй надпойменной террасы или низкого края коренного берега (геоморфологическая ситуация в этом месте не совсем ясна), плавно понижающегося в сторону реки (рис. 6). Высота над уровнем поймы Дона – 13-27 м. С северо-востока и юго-запада мыс ограничен оврагами, из которых первый отделяет его от пункта Ксизово-16, а второй - от городища. Осмотр кротовин и других обнажений поверхности мыса, проведенный в 2005 г., показал, что культурный слой распространяется вплоть до обозначенной на плане грунтовой дороги на с. Ксизово. Общие размеры памятника (по данным раскопанных участков, наблюдений за распространением материалов в осыпях краев террасы и оврагов) составляют не менее 220-320 × 240-280 м. Эти данные – обобщенные, поскольку они относятся ко всему ареалу культурного слоя достаточно длительного периода его накопления.

Поверхность этой части долины Дона задернована. В 120 м от края террасы находятся остатки колхозного сада. Края оврагов и берег Дона представляют собой обрывы, которые частично осыпаются весной и осенью под воздействием водной эрозии.

Площадка памятника условно разделена на три участка (мыс, А и Б). Первый из них отделен от остальной части памятника довольно глубоким оврагом. Границей участков А и Б служит ложбина, находящаяся юго-западнее раскопа 4 участка А (рис. 33).

В 2003-2008 гг. в Ксизово-17, включая участки А и Б, на девяти раскопах вскрыто 4974 кв. м. Произведена, также, зачистка левого края нового оврага между раскопами 1 и 2 участка Б (рис. 33). Памятник – многослойный с отложениями от эпохи энеолита до Древней Руси (Обломский, Разуваев, 2009; Обломский, 2009; Разуваев, 2010). В гуннское время прибрежную часть памятника занимал могильник. Примыкавшее к нему поселение находилось в глубине плато. В настоящей публикации собраны сведения о происходящих с него материалах, обнаруженных на различных раскопах в 2005-2008 гг. Поскольку объекты селища, описание которых будет дано ниже, были исследованы на краях раскопов, где, в основном, изучались погребения, то удалось относительно точно проследить лишь ближнюю к Дону его границу. Длина поселения составляет не менее 140 м.

Участок А

Отдельные фрагменты лепных сосудов гуннского времени и 3 биконических пряслица средней высоты происходят из юго-западной оконечности раскопа 3 (рис. 34: 12,14). Здесь же расположена **яма 14 (рис. 35).** Она прослежена на поверхности материка. Верхние очертания с западной стороны точно не фиксировались, поскольку терялись на фоне серой материковой глины. В целом, в плане яма – овальная. Длина ее в верхней части – не менее 2,0 м, в нижней – 1,8 м, ширина, соответственно, 1,9 и 1,72 м, глубина - 0,44-0,53 м от верхнего края сооружения. Заполнение представляет собой однородный черный гумус. В яме найдено глиняное биконическое пряслице с шероховатой поверхностью (рис. 34: 11), типичное для памятников Верхнего Подонья гуннского периода. Кроме того, из заполнения происходят кости животных, 12 фрагментов лепных горшков раннего железного века с примесью дресвы в тесте, 2 обломка стенок лепных горшков с известняком в тесте. Керамика относится к городецкой культуре, но на более позднюю дату ямы указывает упомянутое выше пряслице.

Участок Б

Раскоп 1

Яма 1 (рис. 36; 37). Очертания зафиксированы на поверхности материка. В плане была круглой диаметром 1,46-1,48 м по верхнему краю и 1,7-1,72 м по дну. Стенки ямы раструбообразно расширялись книзу. Глубина составляла 0,74 м, дно ямы было плоским. Южный борт объекта частично (на глубину до 15 см) испорчен ложбиной естественного происхождения.

Заполнение объекта стратифицировано. Верхняя его часть представляла собой чернозем толщиной до 30 см. Из него происходят кости животных, 7 кусков обожженной глиняной обмазки, 10 обломков сосудов эпохи бронзы, 4 обломка стенок груболепных горшков с дресвой в тесте раннего железного века. Подавляющее большинство керамики относится к середине 1 тыс., в т.ч. обломок диска с невысоким бортиком (рис. 38: 1).

Нижняя часть ямы заполнена углисто-золистым черноземом толщиной до 42 см. В центральной части ямы в углисто-золистом слое на глубине 19 см от верхнего края объекта лежали два крупных куска железного шлака размерами 10 × 10 и 10 × 20 см. Вдоль бортов заметны более светлые пятна серого суглинка, в придонной части (на 1-10 см выше дна) прослежена прослойка обожженной глины толщиной 2-4 см. На дне находилось скопление металлургической шихты толщиной до 5 см и весом около 2 кг. Шихта представляла собой измельченную железную руду с кусочками известняка. Это пятно окружала полоса древесного угля шириной 4-20 см, причем вдоль ее восточного края глина дна ямы была слегка обожжена. Находок в нижнем горизонте заполнения было немного – единичные черепки груболепных сосудов и несколько крупных обломков лощеной миски характерной для памятников типа Чертовицкого – Замятино формы (рис. 38: 8). Материалы из ямы свидетельствуют, что жители поселения занимались производством черного металла.

Раскоп 2

Скопление культурных остатков 1 (рис. 39; 40) залегало в культурном слое на глубине 0,6-1,0 м от дневной поверхности. Состояло из известняковых камней размерами от 0,03 × 0,03 × 0,02 до 0,15 × 0,3 × 0,08 м, лежавших на разной глубине. Перепад высот с запада на восток составлял 0,2 м. Занимаемая камнями площадь имела размеры 1,5 × 2,5 м.

В восточной части скопления под камнями в черноземе на уровне предматерикового слоя зафиксировано погребение собаки. Кости черепа и верхних конечностей находились в анатомическом порядке, тогда как нижние конечности выявлены в 0,5 м южнее черепа. В целом костяк животного ориентирован в северо-восточном направлении. Передние конечности были сильно согнуты в суставе таким образом, что лапы лежали на морде животного. Интересно, что конечности животного в районе плечевого эпифиза имеют отверстия диаметром 0,7 см. Происхождение их не ясно.

Стратиграфические наблюдения за скоплением камней, позволяют предположить, что в культурном слое (в слое чернозема) была выкопана яма, которую использовали для погребения собаки. Контуры ее заполнения визуально не фиксировались. Подобные жертвоприношения собак довольно часты на поселениях гуннского времени Острой Луки Дона. Они зафиксированы на селищах у с. Замятино (Антипина, 2004), в Ксизово-16, 17Б (зачистка края оврага 2006 г.,

см. ниже), 19 на раскопах 1 2003 г. и 7 2009 г. (см. главы 2 и 5 настоящей монографии).

Скопление 3 (рис. 41). Зафиксировано на глубине 0,3-0,45 м от дневной поверхности. В его состав входили остатки очага, известняковые камни, керамика и кости животных. В центральной части скопления из камней было выложено прямоугольное основание пода очага размерами 0,5 × 0,62 м. Камни – плоские, уложены в один слой с некоторым прогибом поверхности посередине. Поверх камней был нанесен слой глины, которая при использовании очага была обожжена. Этот слой сильно разрушен, сохранились лишь отдельные кусочки пода и более или менее обширный участок размерами 0,13 × 0,18 м и толщиной до 3 см. С западной и восточной стороны от очага обнаружены уплощенные камни, которые находятся на 0,1-0,15 м выше его уровня, что, возможно, свидетельствует о незначительном углублении очага в чернозем. С северо-восточной стороны находилось скопление черепков гончарного светлоглиняного сосуда с рифленой поверхностью, а также 12 обломков стенок лепных горшков с примесью шамота в тесте. Аналогичные подквадратные очаги исследованы на раскопах 4 и 6 Ксизово-19, где они относятся к гуннскому времени. Этим же периодом датируется, по-видимому, и сооружение на раскопе 2 Ксизово-17Б.

Скопление 13 (рис. 39; 42). В культурном слое на глубине 0,65-0,67 м от дневной поверхности находился верхний камень жернова, кость животного и обломки лепных сосудов, из которых удалось реконструировать полный профиль округлобокого лепного горшка культурной группы типа Чертовицкого – Замятино с примесью шамота и песка в тесте и шероховатой поверхностью (рис. 34: 1,2), а также нижняя часть другого кухонного горшка с примесью шамота в тесте. Кусок второго жернова (приблизительно, четвертая часть предмета до края отверстия) обнаружен в 0,7 м к юго-востоку. Диаметр первого жернова – 37 см, отверстия для оси – 6-6,8 см, отверстия для рукояти – 1,4 см (рис. 34: 2). Радиус второго жернова (нижнего) – около 14 см.

Яма 16. В плане круглая (рис. 43: 1). Контуры зафиксированы на поверхности материка. Общая глубина ямы – 0,38-0,42 м. Диаметр верхней части – 1,57-1,6 м, нижней – 1,4-1,45 м. Заполнение представляет собой однородный чернозем. Из него происходят кости животных, 6 фр-тов стенок лепных горшков с примесью дресвы в тесте (из них три – с рогожным орнаментом на поверхности), 4 обломка лепных сосудов с шамотом в тесте, в т.ч. фрагмент диска с вдавлением на нижней поверхности (рис. 43: 2) и 3 – с шамотом и известняком. Относительно толстостенная керамика с шамотом в тесте (иногда в сочетании с другими примесями) не типична для городецкой культуры, к которой явно относятся обломки сосудов с рогожным орнаментом, зато характерна для позднеримского и гуннского периода. Диски типичны для культурной группы круга Чертовицкое – Замятино.

Яма 19 (рис. 39). Прослежена в предматериковом слое, в плане круглая. Диаметр верхней части – 1,25–1,28 м, нижней – 1,43-1,5 м. В профиле яма имеет колоколовидную форму. Ее общая глубина – 0,54-0,57 м. Заполнение представляет собой однородный чернозем с включениями камней и костей животных. Из него происходят 6 фр-тов груболепных сосудов с примесью шамота, а также шамота и известняка в тесте, 1 обломок стенки лепного горшка с шероховатой поверхностью с включениями дресвы, 5 фрагментов стенок серолощеных лепных сосудов, в т.ч. и обломок ребра.

Яма 24 (рис. 39; 44). Контуры зафиксированы на поверхности материка. В плане имеет овальную форму, размеры 0,9 × 2,15 м по верхнему контуру, ориентирована длинной осью в меридиональном направлении. Стенки объекта – пологие. В целом, глубина ямы – 0,32-0,42 м. Ее размеры на уровне дна уменьшаются до 1,5 × 1,9 м. Дно – неровное, имеет уклон в северном направлении, перепад глубин достигает 0,15 м. В южной части ямы имеется овальное в плане углубление размерами 0,8 × 1,2 м, впущенное в материковое дно на 0,1-0,15 м. С восточной стороны объекта на уровне 0,19 м от поверхности материка находилась треугольная в плане ступенька размерами 0,16 × 0,32 м.

Из заполнения происходят 2 фрагмента сосудов нео-энеолитического времени, 1 обломок стенки горшка воронежской культуры, 11 фрагментов сосудов срубной культуры эпохи бронзы.

Распределение керамики железного века в заполнении ямы показано в табл. 1. Большинство обломков горшков (причем, наиболее крупных), судя по реконструированным формам сосудов, составляют выразительный набор круга Чертовицкого-Замятино (рис. 45). К этой же культурной группе относятся и отдельные фрагменты гончарных сероглиняных сосудов, в т.ч. и лощеных (рис. 45: 10,11). Из ямы происходит также обломок глиняного конического грузила для

ткацкого станка (рис. 45: 9), кости животных, в т.ч. и хищника.

Постройка 2 (**рис. 46**). Точные контуры сооружения прослежены на уровне материка. Котлован полуземлянки имел неправильную округлую форму и размеры 3,0 × 3,60 м. С юго-восточной стороны находился выступ размерами 0,8 × 1,9 м, вероятно, представлявший собой место входа. Стенки котлована – пологие, дно – неровное. Общая глубина объекта от поверхности материка - 0,2-0,3 м. Наблюдение за стратиграфией показывает, что постройка была опущена в грунт с уровня, который располагался выше предматерикового слоя, как минимум, на 33 см и, вероятно, в верхней части она была больше по площади, нежели котлован, углубленный в материк. Верхняя часть заполнения постройки на уровне предматерика ничем не отличалась от темно-серого гумуса культурного слоя. Нижняя часть заполнения (уровень материка) была почти черной с включениями светлого суглинка.

В культурном слое над северной частью пятна котлована, находилось скопление культурных остатков. Нижний его уровень на глубине 0,8-0,9 м от дневной поверхности занимал пространство 2,8 × 0,8 м и состоял, преимущественно, из фрагментов сосудов и отдельных костей животных. Над южной частью заполнения сооружения и в нем прослежено скопление камней (известняк, 11 экз.) размерами от 10 × 10 до 40 × 15 см с включениями отдельных черепков, которые были хаотично разбросаны на площади 1,7 × 1,2 м.

Материалы, связанные с объектом, приведены на рис. 46-49.

С постройкой связана серия черепков периодов энеолита-бронзы, единичные обломки сосудов раннего железного века. На всех уровнях заполнения и в культурном слое над ним преобладала керамика круга Чертовицкого-Замятино, хотя встречались и отдельные древнерусские черепки, по всей видимости, попавшие в объект случайно (табл. 2). Сооружение датируется гуннским периодом.

Зачистка обрыва

В юго-западной части зачистки была исследована яма 1, которая представляет собой жертвенный комплекс (рис. 50). В плане она была овальной. Ее размеры по верхнему краю – 1,45 × 1,6 м, по дну – 1,25 × 1,4 м. Контуры прослежены на поверхности материка. Общая глубина ямы – 0,28-0,36 м. Объект заполнен однородным черным гумусом. В яме на трех уровнях обнаружены скелеты животных.

На самом верхнем из них (в культурном слое над ямой и на глубине до 9 см от ее верхнего края) в центре ямы в кучке лежали кости собаки (включая нижнюю челюсть). К северу от них находились отдельные кости других животных, а к югу – три камня размерами от 10 × 10 до 22 × 12 см. На среднем уровне (глубина 11-21 см) в анатомическом порядке на правом боку головой к юго-западу лежал скелет собаки. На той же глубине обнаружены и другие кости животных, в т.ч. челюсть коровы или свиньи. На нижнем уровне (глубина 24-32 см) также обнаружен скелет собаки, лежавший на левом боку головой к юго-востоку. Расположение позвонков показывает, что шея животного была свернута, что, вероятно, и послужило причиной смерти. Из заполнения ямы происходят фрагмент стенки сосуда абашевской культуры эпохи бронзы, 5 невыразительных обломков лепных горшков раннего железного века. Керамика, по всей видимости, попала в заполнение объекта случайно. Тем не менее, как было указано выше, для Верхнего Подонья ямы с жертвоприношениями собак характерны для поселений группы Чертовицкое-Замятино.

* * *

Выделение комплекса керамики середины 1 тыс.н.э. в культурном слое поселения наталкивается на существенные трудности. Практически на всей территории селища встречены материалы позднеримского времени, которые относятся к культурной группе типа Каширки-Седелок. Памятники этого круга распространены в Верхнем Подонье, как и древности типа Чертовицкого-Замятино гуннского периода (Обломский, 2009а). Для поселений позднеримского времени в этом регионе, как и для более поздних, характерна груболепная и лепная лощеная керамика. Встречаются, кроме того, фрагменты сероглиняной гончарной посуды (как столовой, так и кухонной), преимущественно, черняховского происхождения. По этой причине материалы, которые приводятся на рис. 51-54, к гуннскому времени отнесены по аналогиям на других поселениях Острой Луки Дона, где набор этого периода – «более чистый». Таковыми являются, в первую очередь, памятники у с. Замятино и селища Ксизово-16 и 19. При этом учитываются те обломки сосудов, форма которых характерна для

середины 1 тыс. Кроме того, груболепная керамика типа Чертовицкого-Замятино на памятниках Острой Луки Дона, хотя и близка по фактуре к более ранней, но отличается от нее сравнительно тонкими стенками и относительно более плотным тестом.

Посуда гуннского времени из Ксизово-17 делится на несколько технологических групп. Из культурного слоя и объектов происходит груболепная, лепная лощеная керамика, обломки гончарных сосудов местного изготовления. Данные статистики привести невозможно, но очевидно, что резко преобладает керамика первой группы (с шероховатой поверхностью). При визуальном осмотре было сделано заключение, что она изготовлена при помощи двух основных рецептур. Большая часть посуды в керамическом тесте содержит примесь шамота, меньшая - шамота в сочетании с дресвой, иногда с железной рудой или известняком. Из форм встречены фрагменты округлобоких сильно- и слабопрофилированных горшков с отогнутыми наружу изогнутыми венчиками (таксоны I,1,а, I,3-а по классификации автора) (рис. 34: 1; 45: 1,2,5; 48: 2-4,9; 49: 1,4,6; 51: 2-4,9,13; 52: 2,3,9,10; 53: 1-3,10-12) (Обломский, 2004д, рис. 134, табл. 1), «тюльпановидных» (I,3-б) (рис. 48: 1,5; 49: 3; 51: 5; 53: 4) и «баночных сосудов» (I,4) (рис. 51: 6-8), дисковсковород без закраин или с невысокими бортиками (рис. 38: 1; 43: 2; 51: 11,12; 52: 6; 53: 13-15), мисок-плошек на полых поддонах (рис. 47: 7; 49: 8), причем резко преобладают сосуды первого таксона. Груболепная посуда, как правило, не орнаментирована. Исключение составляют лишь несколько венчиков горшков, украшенных мелкими насечками и вдавлениями (рис. 47: 4; 53: 7). Керамика перечисленных выше форм связана по происхождению с сейминско-донецким вариантом киевской культуры, ареал которого охватывает лесостепную часть востока Днепровского Левобережья, бассейнов Северского Донца и Оскола (Обломский, 2004д, с. 148, 149).

С «окской» и черняховской традициями можно связать лишь отдельные обломки груболепных горшков. К первой относятся округлобокие формы с отогнутым наружу почти прямым венчиком, резким переломом шейки и коротким, выступающим наружу бочком, сведенным почти в уступ (таксон I,6) (рис. 47: 2; 48: 13), ко второй – округлобокий горшок с прямым отогнутым наружу венчиком (I,1,в) (рис. 53: 6).

Лепная столовая посуда делится на собственно лощеную с хорошо «заполированными» снаружи и изнутри поверхностями черного, коричневого или желтоватого цвета и подлощенную со слабым лощением с одной наружной стороны. К середине 1 тыс.н.э. можно отнести несколько обломков мисок типов 3 (высокие округлобокие формы с отогнутым наружу раструбообразным венчиком и резким перегибом в области шейки: рис. 34: 14), 4 (цилиндроконические ребристые сосуды) (рис. 54: 3-5), целую ребристую миску с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и выпуклыми стенками нижней части (рис. 38: 8). Формы первых двух таксонов имеют параллели на памятниках бассейна Оки мощинской, дьяковской и рязано-окской культур (Обломский, 2004д, с. 151, 152). Ребристые миски с чашеобразной нижней частью известны на одном из эталонных поселений киевской культуры Среднего Поднепровья Обухов-3 (Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 25: 2), но более характерны они для памятников бассейна Оки и верхневолжского региона (см. раздел о поселении Ксизово-19: главу 5).

К середине 1 тыс., скорее всего, относится фрагмент кувшина или кубка с каннелюрами на поверхности (рис. 52: 11). Обломки сосудов с подобной орнаментацией происходят с поселений гуннского времени Замятино-8 и Мухино, также расположенных на Острой Луке Дона (Обломский, 2009б, с. 257, рис. 3: 5, 6).

Гончарная керамика – серого (темно-серого или почти черного) цвета, равномерного горнового обжига. По фактуре она похожа на черняховскую, но отличается, в массе, более толстыми стенками, относительно крупными минеральными примесями (в т.ч. и известняка) в тесте. Формы сосудов и характер орнаментации также другие, не типичные для черняховской культуры. Лощеная посуда орнаментирована горизонтальными желобками, пролощенными (иногда глубоко) линиями, сгруппированными по три в композицию в виде зигзага. По фактуре, формам и орнаментации эта керамика аналогична той, которая происходила из заполнения гончарного горна Ксизово-19 (Земцов, 2004; Обломский, 2007, с. 76). В Ксизово-17Б обломки ее единичны, хотя и имеются (рис.45: 10,11; 47: 10; 51: 15; 54: 1,2).

Из культурного слоя поселения происходит несколько глиняных пряслиц с шероховатой поверхностью как высоких биконических, так и округлобоких. Одно из них имеет насечки по ребру, другое – прочерченные по сырой глине небрежные композиции в виде звезды в верхней

и нижней частях изделия (рис. 34: 5-10, 12; 54: 6-8). Формы и орнаментация пряслиц типичны для древностей круга Чертовицкого – Замятино (Обломский, 2007, с. 86, 87). Из других находок необходимо отметить фрагмент трехслойного одностороннего гребня из зачистки обрыва оврага, обломок железного топора-франциски из раскопа 2 участка Б. Не исключено, что к гуннскому периоду относится ножка рюмки-кубка из темно-фиолетового прозрачного стекла из раскопа 1 (рис.34: 3, 4, 13).

Для определения даты поселения, кроме общего набора лепной и гончарной керамики, весьма показателен обломок гребня. Это изделие, как и подавляющее большинство гребней Верхнего Подонья, относится к типу III по С. Томас. Характерной деталью, показывающей принадлежность экземпляра из Ксизово-17 мастерской, исследованной на поселении Замятино-8, является пропил на плече в виде косой замочной скважины (рис. 34: 3). Усадьба, где работал ремесленник-гребенщик, существовала около середины V в.н.э.(Обломский, 2004а, с. 144,145).

Специфическими признаками топора из культурного слоя Ксизово-17 являются изогнутая длинная спинка и узкое лезвие с округлым краем. К сожалению, обух утрачен. Такие топоры не характерны для Подонья и соседнего Поднепровья. Аналогии им известны в Центральной и Западной Европе. Для Подунавья примером может служить экземпляр из Вельке Павловице (Моравия). Я. Тейрал в Чехии, Средней Германии и ареале меровингской цивилизации датирует похожие топоры второй половиной V – VI в. (Tejral, 1976. S. 59, Abb. 23: 5).

В погребениях меровингских могильников подобные топоры относятся к типу 1 и датируются фазой PM. Абсолютные даты этой фазы определяются по монетам от позднего периода правления Валентиниана III до времени перед царствованием императора Анастасия в рамках 440/450 – 470/480 гг. (Legoux et alii, 2004. P. 8; 23: 1; 52).

Поселение Ксизово-17 по сочетанию форм лепной и гончарной посуды относится к культурной группе типа Чертовицкого-Замятино. Дата памятника определяется в широких рамках гуннского времени. Находка гребня замятинского происхождения и топора-франциски указывает на существование поселения в середине – второй половине V в.

Планиграфия раскопов 3 Ксизово-17А и 2 17Б (рис. 33; 39) показывает, что южная часть поселения вплотную примыкает к юго-западному участку могильника середины 1 тыс.н.э., а его северная оконечность – к центральному участку некрополя. Хронология погребений последнего определяется в рамках всего V в., не исключая и конца IV в., причем на территории могильника имеются погребения как начала этого периода, так и второй половины V в. (Обломский, 2008б, с. 32, 33) (см. также главу 4 настоящей монографии). Таким образом, поселение Ксизово-17 и расположенный около него могильник (по крайней мере, два упомянутых выше участка) составляют единый археологический комплекс.

Таблицы

Таблица 1. Керамика железного века из заполнения ямы 24.

Груболепная керамика с дресвой в тесте	Груболепная керамика с шамотом	Груболепная керамика с шамотом и дресвой	Сероглиняная гончарная керамика с шероховатой поверхностью	Древнерусская гончарная керамика
2	29	1	4	1

Таблица 2. Материалы из заполнения постройки 2 и культурного слоя над ней.

Стратиграфический горизонт	Керамика эпох неолита-бронзы	Груболепная керамика с дресвой в тесте	Груболепная керамика с шамотом	Груболепная керамика с шамотом и дресвой	Лепная лощеная керамика	Сероглиняная гончарная керамика («л» – с лощеной поверхностью, прочая – с шероховатой)	Фр-ты амфор	Древнерусская гончарная керамика	Железный шлак	Обмазка
верхний слой заполнения	2		70	1		3 л		3		
заполнение	22	1	42				1	2	2	
Скопление культурных остатков	23	14	65			1	2		1	
Нижний слой заполнения			22							
Культурный слой над постройкой	20	2	41	5		1				

Глава 4

Материалы гуннского времени могильника Ксизово-17 (описание погребений, ритуальных объектов, вещевой комплекс)

А.М. Обломский (Москва), И.А. Козмирчук (Липецк)

В 2003-2008 гг. работы на могильнике проводились под руководством авторов публикации. Погребения гуннского периода на всех раскопах впущены в культурный слой более ранних эпох.

Захоронения середины 1 тыс.н.э. исследованы по всей длине террасы в ее ближней к краю со стороны Дона части и образуют три скопления: юго-западное, центральное и северо-восточное (подробнее см. ниже). Поскольку терраса расчленена оврагами и ложбинами, то в соответствии с рельефом местности территория памятника во время раскопок была условно разделена на 3 участка, получивших названия «Ксизово-17, мыс», «Ксизово-17А» и «Ксизово-17Б» (рис. 55). Нумерация погребений для каждого из них дается отдельно. К гуннскому времени относятся 72 захоронения людей и одно – коня, а также 6 ритуальных объектов.

Ниже приводится описание погребений, которые относятся к гуннскому времени, а также жертвенных комплексов. Несколько слов о критериях, на основании которых захоронения были отнесены к середине I тыс.н.э.

Разумеется, к гуннскому периоду достоверно относятся те погребения, из которых происходят датирующие вещи этого времени. Сложность заключается в хотя бы приблизительном датировании безынвентарных захоронений. Определенные выводы можно сделать при наблюдении за ориентировкой, позой умерших, формой могильных ям и по некоторым другим деталям.

На могильнике, кроме погребений гуннского времени, исследованы захоронения других эпох: бронзы (ямной и срубной культур по одному) (Ивашов, Мельников, 2009, с. 131-133), Древней Руси XII-XIII вв. (23 погр. и еще 3 предположительно), XIX или XX в. (1 погр.). Захоронения эпохи бронзы резко отличаются от более поздних своей сильно скорченной позой. Среди погребений гуннского периода имеется несколько могил, где скелеты также лежали на боку с подогнутыми ногами, но ноги при этом не были подтянуты пятками почти к самому тазу, как в бронзовом веке. Большинство умерших в гуннский период (если первоначальную их позу удается определить) были захоронены вытянутыми на спине.

Все погребения древнерусского времени были совершены таким же способом, но от захоронений гуннского периода они имеют серию отличий. Все достоверно древнерусские скелеты, исследованные на могильнике, ориентированы головой только в западном секторе (иногда с отклонениями к северу или югу), что соответствует христианскому погребальному обряду. Следовательно, захоронения с другой ориентировкой (в северном, южном или восточном секторах) – не древнерусские, а, по всей видимости, середины I тыс.н.э. Тем не менее, основную сложность представляет датирование погребений без вещей, где лежащие на спине скелеты ориентированы в западном секторе. Эта ориентировка

достаточно широко распространена не только в древнерусское, но и в гуннское время, но здесь нужно обращать внимание на детали.

Во всех случаях, когда у древнерусских погребений прослежены могильные ямы, они были простыми прямоугольными. Таким образом, к гуннскому времени относятся единственное захоронение в подбое и погребения в ямах с заплечками (специально сделанными по длинным сторонам могилы или по ее периметру уступами для опоры деревянных перекрытий). Такие же уступы прослежены в ямах некоторых погребений с вещами гуннского периода. Многие покойники древнерусского времени лежали в деревянных гробах, остатки которых на могильнике хорошо сохраняются, причем часть из них скреплены коваными железными гвоздями. В погребениях, достоверно относящихся к гуннскому периоду, гробы не прослежены ни разу, хотя и встречаются следы дерева от перекрытий. Руки покойников в древнерусских погребениях либо обе вытянуты вдоль корпуса, либо одна из них могла быть положена на грудь или таз, а вторая вытянута. Достаточно часто руки были сложены вместе: на тазе или на груди ладонями друг к другу. В погребениях гуннского периода последний способ положения рук ни разу не зафиксирован.

Ни одно из древнерусских погребений на могильнике не было специально разрушено, т.е. могилы не вскрывались после совершения захоронений. Массовое разрушение могил производилось в Верхнем Подонье в гуннское время (см. главу 8). Следовательно т.н. расчлененные погребения могильника относятся к гуннскому периоду.

Дополнительные возможности для датирования погребений предоставляет стратиграфическая и планиграфическая ситуация на юго-западном участке могильника (Ксизово-17Б, раскоп 2). Древнерусских захоронений здесь не было, могильник этого времени находился севернее. Практически вся площадь раскопа в XII–XIII вв. была занята производственным участком поселения, связанным с черной металлургией. В верхнем горизонте культурного слоя здесь исследованы остатки горна, серия скоплений шлаков и обломков керамических сопел с прикипевшими к ним кусками шлака. Находившиеся ниже погребения, соответственно, к древнерусскому времени относиться не могли. Все совершенные на этом участке захоронения, где обнаружены вещи, датируются гуннским периодом. По всей видимости, так же датируются и находящиеся здесь погребения без вещей.

Тем не менее, все перечисленные выше признаки являются косвенными. Даже обращая внимание на них, 12 захоронений могильника не удалось достоверно отнести ни к середине I тыс.н.э., ни к древнерусской эпохе.

Ксизово-17, мыс

Этот участок могильника находится на мысу второй надпойменной террасы правого берега р. Дон на северо-восточной оконечности памятника. Размеры мыса составляют 20-45 × 80 м, высота над уровнем низкой поймы реки – 10-12 м. Работы на памятнике производились в 2003-2004 гг. под руководством В.Е. Родинковой (Институт археологии РАН), вскрыто 355 кв. м.

Территория памятника использовалась в различных целях несколько раз. Встречены материалы эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и нового времени.

В культурном слое раскопа обнаружено несколько индивидуальных находок. Из них к гуннскому периоду предположительно относятся железная пластина (панцирная накладка?), бронзовая рамка от сюльгамы, имеющая пластинчатый корпус шириной около 0,3 см и толщиной 0,1 см. Концы изделия не выступают за пределы рамки и закручены кверху перпендикулярно ее плоскости (в 2 оборота). Игла утрачена. По внешнему краю рамки видны легкие косые насечки (по 18 с каждой стороны) (рис. 60: 3). Подобные вещи имеют рязано-окское происхождение. В Верхнем Подонье они известны на памятниках типа Чертовицкого-Замятино середины I тыс.н.э. (Обломский, 2007, с. 78, рис. 24: 8,9; 2009, с. 264, 265) (аналогии см. в главе 6).

Кроме того, в культурном слое встречены беспорядочно рассеянные фрагменты человеческих костей (между погребениями 3,6,7, представлявшие собой, по всей видимости, результат их разрушения).

На площади участка исследовано 8 погребений гуннского периода (рис. 56).

Погребение 1 (рис. 57: 1) Во время обследования памятника, проведенного И.Е. Бирюковым в 2001 г., в обнажении на краю мыса было расчищено погребение. «Скелет был ориентирован головой на северо-запад, лежал вытянуто на спине, положение рук трудно определимо (возможно, вытянуты вдоль туловища). Слева от головы и в районе правой руки фиксировались пятна тлена

(остатки органики). Размеры сохранившегося костяка – 1,0 м» (Бирюков, 2001, с. 67, 68).

Погребение было раскопано не полностью и в 2003 г. доследовано. Оно зафиксировано на глубине 35-40 см от уровня современной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались, погребение было совершено в культурном слое поселения более раннего времени. В 2003 г. обнаружены два небольших скопления человеческих костей. Одно из скоплений (северо-восточное) составляли фрагменты костей черепа, другое, примерно в 50 см к юго-западу от первого – фрагменты ребер. Рядом с человеческими костями были встречены обломки лепных сосудов эпохи бронзы, в том числе со штампованным орнаментом, две кальцинированные кости и фрагмент раковины моллюска, попавшие в погребение, вероятно, из культурного слоя поселения. Оба скопления человеческих костей располагались к северо-западу от части захоронения, обнаруженного в обрыве мыса и исследованного в 2001 г. и представляли собой выброс из него, совершенный в древности при расчленении скелета.

Погребение 2 (рис. 57: 2) обнаружено на глубине 20-30 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение детское, совершено на спине, возможно, с согнутыми в коленях ногами. Скелет ориентирован головой на северо-западо-запад, в значительной степени разрушен. Отсутствуют кости задней части черепа (затылочная кость целиком, по линии костного шва); позвоночник; кости грудной клетки и пояса верхних конечностей за исключением фрагмента правой лопатки и двух фрагментов ребер, зафиксированных по сторонам предполагаемого места расположения грудной клетки; кости левой руки, а также правая локтевая и лучевая кости; кости стоп; левая большая и малая берцовая кости. Правая малая берцовая и правая плечевая кости фрагментированы. Справа (к северу) от раздавленных тазовых костей лежали кости правого запястья в анатомическом порядке. Череп располагался не лицевыми, а лобной и теменной костями вверх. Слева (к югу и юго-юго-западу) от черепа, над правой лопаткой и плечевой костью, найдены зубы в рассеянном состоянии. Во фрагменте челюсти, обнаруженном под костями черепной крышки, зафиксировано два набора зубов – молочные и коренные. В процессе расчистки погребения встречены фрагменты лепной керамики со штампованным орнаментом и расщепленные кости животных, происходящие, очевидно, из культурного слоя поселения более раннего времени, в котором было совершено погребение. По сторонам от скелета найдены два камня, однако их связь с погребением не установлена.

Погребение 3 (рис. 57: 3) исследовано на глубине 40-45 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались, погребение было впущено в культурный слой поселения. Оно представляло собой два скопления человеческих останков, первое из которых (южное) состояло из раздавленных костей черепа (теменной и затылочной?). Второе скопление, зафиксированное на расстоянии 30 см к северу от первого, составляли 5 положенных друг на друга длинных костей скелета (кости ног?), под которыми было обнаружено несколько фрагментов тазовых костей. Четыре из пяти длинных костей данного скопления ориентированы примерно по оси запад-восток. Судя по размерам, они могли принадлежать ребенку или подростку. При расчистке человеческих костей были встречены фрагменты лепной посуды, кости животных и другой материал, характерный для поселения эпохи бронзы. В культурном слое над погребением зафиксировано скопление раковин моллюсков. Судя по расположению костей, первоначально до последующего расчленения захоронение было ориентировано головой на юг.

Погребение 4 (рис. 57: 4) вскрыто на глубине примерно 15-25 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались, погребение было совершено в культурном слое поселения, вероятно, принадлежало взрослому человеку. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении лицом вверх, с руками, вытянутыми вдоль туловища ладонями вверх и со стопами ног, несколько развернутыми в стороны. Ориентирован головой на юго-восток. Скелет неполный. Отсутствует часть лицевых костей, в том числе верхняя челюсть, лобная кость фрагментирована (сохранился кусок левого надбровного выступа). За исключением одного позвонка поясничного отдела (?), отсутствует позвоночник. Из костей грудной клетки и пояса верхних конечностей сохранились только левая ключица, зафиксированная с внешней стороны от костей левого предплечья, грудина, найденная у правой плечевой кости, и одно ребро, лежавшее в 20 см к северо-северо-востоку (слева) от черепа. Отсутствуют кости кистей рук, за исключением нескольких костей правого запястья, от стоп сохранились пяточные кости и

две кости левой плюсны (?). Отсутствуют также лобковые кости таза. Сохранившиеся кости конечностей, таза и черепа расположены в целом в анатомическом порядке. В процессе расчистки скелета были найдены фрагменты лепных сосудов, обломки раковин моллюсков, мелкие фрагменты костей и железный двухлопастной втульчатый наконечник стрелы скифского времени, попавшие в засыпку погребения, очевидно, из культурного слоя. К северо-западо-западу от погребения, на расстоянии 25-52 см от пяточных костей, обнаружены три крупных фрагмента костей животных, однако их связь с захоронением не установлена.

Погребение 6 (рис. 59) исследовано на глубине примерно 30-45 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение парное. Скелеты взрослых мужчины и женщины[1] были расположены параллельно друг другу на расстоянии 20-25 см. Мужской скелет ориентирован головой на северо-запад, женский – на юго-восток. Оба погребенных лежали на спине в вытянутом положении, руки – вдоль туловища ладонями вверх, головы повернуты на правый бок, причем череп женского скелета заметно смещен в область правого плеча. Скелеты повреждены. У мужского отсутствуют все шейные позвонки, кости кистей рук и стоп за исключением пяточных костей. Прочие кости в целом были зафиксированы в анатомическом порядке кроме нижней челюсти, которая находилась на левой стороне грудной клетки, над ребрами и ключицей, и двух фрагментов ребер с внешней стороны от верхней части левой бедренной кости. У женского скелета отсутствуют нижняя челюсть, позвонки шейного отдела позвоночника и кости кистей рук за исключением одной правой пястной кости. На месте грудной клетки и пояса верхних конечностей были обнаружены только фрагменты лопаток, грудина (в правой части грудной клетки, около правой лопатки) и часть одного ребра (ключица? в левой части грудной клетки, между позвоночником и нижним эпифизом левой плечевой кости). От стоп сохранились пяточные кости, по одной кости предплюсны каждой стопы и одна правая плюсневая кость. Кроме того, одна из пястных или плюсневых костей была найдена с внутренней стороны левого бедра. Правая лучевая кость фрагментирована. Сохранившиеся кости черепа, позвоночника, таза и конечностей женского скелета в целом расположены в анатомическом порядке. В захоронении присутствовал инвентарь – 6 стеклянных бус. Одна бусина биконической формы, изготовленная из оливкового прозрачного стекла (рис.59: 5), была найдена у правого локтя погребенной; другая бусина, имеющая форму четырехгранной усеченной пирамиды из темно-синего прозрачного стекла (рис.59: 6), лежала в районе левой плечевой кости; еще четыре биконических бусины (три – из красного непрозрачного стекла – рис.59: 1-3 – и одна темно-синяя прозрачная – рис.59: 4) обнаружены возле верхних позвонков грудного отдела позвоночника, у правой лопатки, под черепом и на расстоянии 7 см к северо-востоку (слева) от правой плечевой кости женского скелета. Погребение было совершено в культурном слое поселения, при расчистке захоронения собраны фрагменты лепной керамики эпохи бронзы.

По классификации Е.М. Алексеевой бусы относятся: темно-синяя пирамидальная – к типу 113 (IV в. до н.э. – IV в.н.э.), биконическая синяя стеклянная – к типу 94 (VI в. до н.э. – IV в.н.э.), биконическая из прозрачного желто-салатового стекла – к типу 90 (конец VI в. до н.э. – III в.н.э.), три бусины такой же формы из из красного глухого стекла – к типу 88 (VI в. до н.э. – III в.н.э.) (Алексеева, 1978, с. 68, 69). Таким образом, дата комплекса по Е.М. Алексеевой – IV в. до н.э. – III в.н.э., но имеются данные о том, что некоторые типы бус существовали и позже. В черняховской культуре по О.В. Гопкало биконические синие массово распространяются не раньше второй трети IV в. (Гопкало, 2008, с. 29, 30) и, судя по корреляционной таблице, употребляются вплоть до финала культуры (раннегуннский период), а биконические красные в Среднем Поочье и Окско-Сурско-Цнинском междуречье по О.С. Румянцевой в рязано-окских могильниках известны в конце IV – VII в. (см. главу 11 монографии). В центральноевропейском круге древностей по М. Темпельманн-Мончыньской этот набор бус (биконические относятся к типам 57/58, 62, 71 группы IV) должен датироваться фазами C1b-D (Tempelmann – Mączyńska, 1985,

[1] Антропологические определения и описание костей непосредственно на раскопе были сделаны доктором естественных наук Я. Кулявцевой-Главовой (Институт охраны памятников северо-западной Чехии, г. Мост) (см. приложение 1 к монографии). Впоследствии коллекция была просмотрена д.и.н М.В. Добровольской (ИА РАН), которой также была сделана серия определения пола и возраста захороненных. Ниже приводятся результаты обеих исследовательниц. Материалы погр. 6 изучала только Я. Кулявцева-Главова.

S. 18, 31), т.е. по системе К. Годловского второй третью III – серединой V в.

Погребение 7 (рис. 58: 1) прослежено на глубине примерно 10-20 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не читались. Скелет сильно поврежден. В захоронении представлены лишь четыре позвонка поясничного отдела, крестец, фрагментированные кости таза, несколько фрагментов ребер в левой части грудной клетки (справа от позвоночника), левая локтевая и лучевая кости, бедренные кости (левая фрагментирована). На расстоянии 12 см к юго-востоку от обломанного конца левой бедренной кости обнаружены фрагментированные левые большая и малая берцовые кости. Кроме того, к погребению, вероятно, относятся обломки человеческих (?) костей, найденные с внешней стороны от головки правой бедренной кости, между бедренными костями, с внешней стороны от верхних эпифизов левой большой и малой берцовых костей и в 20-32 см к северу – северо-востоку (справа) от обломанного конца левой бедренной кости. Судя по расположению костей, зафиксированных в относительном анатомическом порядке, погребенный был ориентирован головой на северо-запад и положен в могилу в вытянутом на спине положении. Сопровождающий инвентарь отсутствовал. При расчистке захоронения были встречены фрагменты сосудов бронзового века и мелкие обломки костей животных, которые попали в засыпку погребения, очевидно, из культурного слоя памятника.

Погребение 8 – конское (рис. 60: 1,2). Было совершено в яме, ориентированной по оси северо-запад – юго-восток и прослеженной на поверхности материка, глубиной 25-28 см. Часть скелета находилась выше контуров ямы. Очевидно, яма погребения 8 прорезала культурный слой поселения более ранних эпох и очертания ее верхней части выявить не удалось. На поверхности материка контур ямы имел форму, близкую к прямоугольнику со скругленными углами и несколько вогнутой северной стороной, размеры этого прямоугольника – 2,22 × 1,36 м. Стенки ямы слегка суживаются ко дну. В западной ее части обнаружена материковая полка размерами 1,26 × 0,93 м. Заполнение объекта достаточно однородно – темный гумусированный суглинок, содержавший мелкие фрагменты сосудов бронзового века.

Лошадь была положена на правом боку с подогнутыми и скрещенными под животом ногами и вытянутой шеей («поза галопа»), ориентирована головой на северо-запад. Глубина залегания костей – примерно 40-70 см от уровня современной поверхности.

Скелет – практически полный, тем не менее, последний поясничный позвонок, левая бедренная кость и левая ветвь тазовой кости отсутствуют. Вместе с тем, среди костей этой лошади были встречены и 16 фрагментов костей других животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, а также неопределимые остатки крупных и средних копытных. Вероятно, они случайно были собраны вместе со скелетом лошади. Останки лошади имеют хорошую естественную сохранность, что позволило сделать все необходимые промеры костей и даже основных параметров черепа для характеристики физического облика животного. Общая оценка стертости зубов указывает на возраст в пределах 5-6 лет, что соответствует у лошадей финальным стадиям синостозов на костях скелета, когда не приросшими могут оставаться только задние эпифизы тел позвонков. В таком возрасте отсутствие клыков уже может считаться указанием на принадлежность скелета кобыле. Форма сохранившейся правой ветви тазовой кости подтверждает такое определение пола.

Все кости скелета соответствуют очень крупному животному. Высота в холке предварительно может быть вычислена как 140-150 см. Массивность же разных костей скелета не одинакова, хотя в среднем она больше всего соответствует костям жеребцов отечественной донской породы. В историческом плане считается, что такие крупные и мощные лошади были характерны для западных породных групп, адаптированных под всадников с тяжелым вооружением. Но такое утверждение не может быть применимо по отношению только к одной особи без весомых дополнительных доказательств.

Более любопытным фактом выглядят патологические изменения разной степени выраженности, зафиксированные практически на всех костях, за исключением ребер, плюсневых и пястных костей. Все длинные трубчатые кости, позвонки, а также фаланги, астрагалы и пяточные несут на своей поверхности яркие следы остеопороза. Причины его пока не ясны. Однако его системный характер дополняют периоститные образования, возникшие вследствие длительного воспаления на половине всех фаланг левой передней и обеих задних конечностей. На правой ветви нижней челюсти обнаружено значительное утолщение, вероятно, костная

опухоль. Кроме того, последний грудной и первый поясничный позвонки срослись в области зигопофизов, а на четвертом поясничном позвонке просматриваются следы периостита, по-видимому, травматического характера.

Таким образом, первые результаты изучения скелета кобылы показывают, что в погребении 8 была захоронена крупная и интенсивно эксплуатируемая при жизни особь. Нельзя исключить, что именно характер и интенсивность ее использования привели к возникновению отмеченных здесь патологических изменений на костях[2].

Между ребрами лошади (ближе к животу) на глубине -46 см от репера найден массивный железный втульчатый наконечник копья с несомкнутой втулкой. Лезвие копья практически полностью утрачено (рис. 60: 2).

Погребение 9 (рис.58: 2) вскрыто на глубине примерно 15-25 см от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались, погребение было совершено в культурном слое более раннего поселения. В нем захоронен взрослый человек, мужчина[3]. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Ориентирован головой на северо-запад. Скелет неполный. Полностью отсутствуют череп, кости кистей рук и стоп (за исключением пяточных костей), а также левая плечевая кость. Частично отсутствуют лобковые кости таза и ребра, возможно – несколько позвонков грудного (поясничного?) отдела. Между берцовыми костями правой и левой ног зафиксирована одна плюсневая кость или фаланга пальца. Грудина находилась в области левого плеча. В районе левого крыла таза найдена фаланга пальца руки или пястная кость. Сохранившиеся кости корпуса и конечностей расположены в целом в анатомическом порядке. В процессе расчистки скелета были найдены мелкие фрагменты лепных сосудов и костей животных, попавшие в засыпку погребения, очевидно, из культурного слоя. К северу от погребения на расстоянии 42 см от левой малой берцовой кости зафиксирован крупный фрагмент кости животного, однако его связь с захоронением неочевидна. Прочий сопроводительный инвентарь отсутствует.

[2] Археозоологическое определение к.б.н. Е.Е. Антипиной (Институт археологии РАН).

[3] По определению Я. Кулявцевой-Главовой – мужчина возрастом 30-50 лет; по определению М.В. Добровольской – мужчина возрастом 40-49 лет.

Участок А

Раскоп 1

Работами на раскопе руководил О.А. Радюш (ИА РАН), вскрыто 260 кв. м. Гуннским временем можно продатировать 6 погребений (рис. 61). Территория этого участка памятника памятника заселялась неоднократно. Встречены материалы эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, позднеримского и древнерусского периодов. Из культурного слоя происходит разновременная лепная керамика, кости животных и людей (из разрушенных погребений) и серия индивидуальных находок. Из них к гуннскому периоду относятся следующие: железные наконечник пояса (№1 по нумерации на рис. 61; рис. 62: 3), прогнутая подвязная фибула (№ 2; рис. 62: 4), булавка или игла (№ 3; рис. 62: 5), язычок от пряжки (№ 4; рис. 62: 2), глиняное низкое биконическое пряслице (№ 5; рис. 62: 1).

Погребение 3 (рис. 63: 1, 2) Контуры могильной ямы прослеживались на поверхности материка. Захоронение находилось на глубине 40-45 см от дневной поверхности. Могильная яма неправильной формы вытянута по линии запад – восток и углублена в материк на 26 см в юго-восточной части, на 7 см в северо-западной. На дне зафиксирован тлен от органической подстилки. Скелет ребенка возрастом 9-11 лет[4] разрушен, лежал головой на юго-востоко-восток. Сохранились части тазовых костей, кости левой ноги и бедренная кость правой ноги, череп. Позвоночник, грудная клетка и кости рук полностью отсутствуют, по всей видимости, они были изъяты. Черепная коробка раздавлена, нижняя челюсть выдвинута вперед. С правой стороны у височной кости находилось бронзовое кольцо с несомкнутыми концами, очевидно, серьга (рис. 63: 2). Сохранность костей плохая.

Погребение 4 (рис. 63: 3). Контуры могильной ямы прослеживались на поверхности материка. Погребение находилось на глубине, примерно, 55-65 см от дерна. Максимальная глубина ямы – 30-32 см. Яма ориентирована в направлении юго-восток – северо-запад, на дне в северо-западной части имелась ступенька высотой 10 см, длиной 50 см, небольшая площадка отмечена и в юго-восточной части ямы, её высота до 7 см, длина 40 см.

[4] По определению Я. Кулявцевой-Главовой. По М.В. Добровольской возраст ребенка около 8 лет (определение по посткраниальному скелету).

Скелет мужчины возрастом 30-39 лет[5] лежал на спине в вытянутом положении. Ориентирован на юго-восток, был разрушен. Отсутствуют кости таза, грудной клетки, рук и головы, позвоночник (за исключением нескольких позвонков). В процессе расчистки скелета с правой стороны был найден фрагмент вторично пережженного лепного сосуда, отношение которого к погребению остается под вопросом. Кости ног располагались в анатомическом порядке, отсутствовали ступни. Захоронение было перекрыто слоем глины толщиной 10-15 см. Под костями отмечена прослойка органического тлена.

Погребение 5 (рис. 64: 1) Контуры могильной ямы прослежены на уровне материка. Погребение находилось на глубине примерно 80-85 см от дневной поверхности, глубина могильной ямы – 4-10 см. В северной части располагался небольшой выступ трапециевидной формы. Общие размеры ямы – 2,2 × 0,8-1,0 м. Погребение ориентировано головой на юго-востоко-восток. Скелет женщины возрастом 30-50 лет[6] лежал на спине в вытянутом положении с руками вдоль туловища. Он был практически полным. Кости, в целом, расположены в анатомическом порядке.

Погребение 6 (рис. 64: 2) находилось на глубине, примерно, 0,05-0,15 м от уровня дневной поверхности. Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет человека (пол неопределим) возрастом 20-25 лет[7] был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. От него сохранились: тазовые кости, части костей ног в районе коленных суставов; на месте грудной клетки находились несколько ребер, плечевая кость, фаланги пальцев руки. Сохранность костей плохая, но в целом прослеживался анатомический порядок их расположения, свидетельствующий, что первоначально скелет был ориентирован головой на северо-запад. Некоторые фрагментированные мелкие кости были разнесены в сторону от основного скопления на 20 – 60 см к северо-востоку. При снятии дерна на месте отсутствующего черепа были обнаружены несколько костей от черепной коробки.

Погребение 7 (рис. 65) Контуры могильной ямы прослеживались на уровне материка. Максимальная глубина залегания костей в погребении – 0,65 м от дневной поверхности. Заполнение ямы – плотно спрессованный чернозем. В верхних слоях над могильной ямой отмечались находки мелких кусочков охры. Могильная яма в плане – неправильной подпрямоугольной формы, со скругленными углами, ориентирована по линии северо-западо-запад – юго-востоко-восток. Глубина ямы – 45 см в западной части и 32 см в восточной, с южной стороны в борту имелся выступ, в северо-западной части прослежена небольшая ступенька высотой 15-17 см. В заполнении могилы находились 7 фр-тов сосудов эпохи бронзы, в т.ч. 2 срубной культуры, человеческие кости, коррозированные железные предметы. В северо-западной части останки были перекрыты слоем материковой глины. В захоронении представлены кости таза, поясничного отдела позвоночника, крестец, несколько фрагментов ребер, плечевые, локтевые и лучевые кости рук, ключицы. Полностью отсутствуют кости ног. Все вышеперечисленные кости располагались в западной части ямы на ее дне и выше его на 8-10 см. В восточной части найдены: прижизненно деформированная черепная коробка, несколько зубов, фрагменты нижней челюсти, височных костей и шейных позвонков. По большинству признаков кости принадлежали женщине 25-35 лет[8]. В центральной части погребения, ближе к южной стенке отмечено небольшое количество охры, мелкие кусочки охры прослеживались возле костей.

В заполнении ямы были также выявлены два скопления сильно фрагментированных железных предметов и дерева, пропитанного окислами железа: верхнее – узкой вытянутой формы (размеры 10 × 40 см, на глубине около 30 см от верхнего края), нижнее – неправильной формы (размеры 40 × 50 см, на 8 см ниже).

Среди предметов выделяется группа (8 шт.) обломков пластин толщиной около 1,5-2 мм. В двух случаях сохранились их края. Один из них был дугообразным, другой – прямым (рис. 65: 2).

Вторую группу составляют фрагменты какого-то лезвия толщиной 1,5-2 мм с прикипевшими к ним кусочками дерева (6 экз.). В одном случае дерево находилось с двух сторон от лезвия (рис. 65: 3).

Сравнительно крупных кусков дерева, пропитанного окислами всего 8. На них отчетливо видна внутренняя гладкая поверхность, которая

[5] По определению М.В. Добровольской. По Я. Кулявцевой-Главовой в погребении захоронена, скорее, взрослая женщина.

[6] По Я. Кулявцевой-Главовой.

[7] По Я. Кулявцевой-Главовой, по данным М.В. Добровольской 35-44 года.

[8] По данным обоих антропологов.

слегка загибается кверху (рис. 65: 4). В погребении, скорее всего, первоначально находились панцирь, состоявший из пластин с полукруглыми концами с одной стороны и прямыми – с другой, какое-то оружие в деревянных ножнах в виде меча или кинжала с клинком шириной не менее 2,5 см.

Погребение 8 (рис. 66: 1) Контуры могильной ямы прослеживались на уровне материка, скелет залегал на глубине 0,65 м от дневной поверхности, глубина ямы – 13 см от ее верхних контуров. Погребение ориентировано на юго-восток. Женщина возрастом 25-39 лет[9] лежала в вытянутом положении на спине. На расчищенной площадке лежали кости ног, берцовые и голенные, плюсневые левой ноги, фаланги пальцев правой руки, несколько позвонков и ребер. Кости таза, большая часть позвонков, грудная клетка, плечевые кости рук отсутствовали.

Как следует из описания погребений, их инвентарь очень скуден и надежных оснований для датирования не дает. Определенную помощь в этом отношении могут оказать материалы из культурного слоя. Тяготение индивидуальных находок, которые относятся к 1 тыс.н.э., к погребениям очевидно (рис. 61). Железная фибула (рис. 10: 4) найдена около погр. 4. Большинство прочих (рис. 10: 1, 2, 5) концентрируются в районе погребений 5 и 8. Очевидно, эти вещи были выкинуты из них при перекапывании могил после совершения захоронений.

Из этих предметов показательны наконечник ремня, фибула и пряслице. Первый из них (рис. 62: 3) датируется гуннским временем (хронологическое определение наконечника пояса см. в главе 6). Наиболее близкая территориально и типологически аналогия происходит из погр. 1 Кантемировских курганов на юго-востоке Днепровского лесостепного Левобережья. Фибула (рис. 62: 4) сохранилась плохо, тем не менее, очевидно, что в наибольшей степени она близка к изделиям четвертого варианта прогнутых подвязных застежек по А.К. Амброзу. Экземпляр из Ксизово-17А отличается массивностью, что характерно для гуннского периода. Низкое биконическое без воронковидных оснований пряслице (рис. 62: 1) типично для верхнедонских древностей круга Чертовицкого-Замятино гуннского периода. Изделия такой формы совершенно не известны на памятниках типа Каширки-Седелок позднеримского времени, т.е. той культурной группы, керамика которой имеется в гумусном слое раскопа 1 (Обломский, 2007, с. 78, 86).

Раскопы 2, 3

Составляют общую площадь 2122 кв. м (рис. 67) Исследовались в 2005-2008 гг. Работами руководили авторы публикации и В.Е. Родинкова. Обнаружено 29 погребений гуннского периода и нескольких культовых комплексов. Ниже следует их описание.

Погребения

Погребение 9 (рис. 66: 2). Совершено в яме размерами 2,3 × 1,5 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток и заполненной однородным черным гумусом. Яма прослежена на материке. Глубина ее от материка составляла 0,06-0,24 м, от уровня дневной поверхности – около 0,7 м. Скелет мужчины возрастом 30-50 лет[10] первоначально, видимо, лежал головой на юго-восток. Через некоторое время после совершения захоронения могила была вскрыта, а практически все кости перемещены. Верхняя часть скелета, кости туловища и обе коленные чашечки (patellae) в погребении отсутствуют. Вещей в захоронении не было.

Погребение 10 (рис. 68: 1). Совершено в культурном слое на глубине 0,33-0,36 м от дневной поверхности. Погребальная яма не прослеживалась. В могиле захоронен мужчина возрастом 40-50 лет[11], лежавший в вытянутой позе на спине и ориентированный головой на юго-востоко-восток. В целом, анатомический порядок скелета сохранялся, но при этом отсутствовали череп, часть костей рук и левой ноги ниже колена. Мелкие кости левой стопы лежали около левых нижних ребер. Кости сохранились относительно хорошо, их структура устойчива, они в большинстве случаев не сломаны. Инвентаря в погребении не было.

Погребение 11 (рис. 68: 2). Яма не прослежена, поскольку захоронение находилось в культурном слое на глубине 0,37-0,42 м от дневной поверхности. Представляет собой два вторичных ритуальных погребения двух человек, части

[9] По М.В. Добровольской.

[10] По Я. Кулявцевой-Главовой, по данным М.В. Добровольской 40-49 лет.

[11] По данным обоих антропологов.

скелетов которых были сложены в двух обособленных друг от друга скоплениях. Ориентировка скоплений параллельна: головами на северо-запад, затылочные части черепов повернуты на северо-северо-восток, лицевые – на северо-запад-запад. Фрагменты южного скелета были названы «Скелет А», северного – «Скелет Б».

Скелет А. Мужчина возрастом 30-39 лет. Состояние костей очень хорошее[12]. При их положении в захоронение общий антропологический порядок соблюдался, но не полностью. Некоторые ребра разбросаны по поверхности других костных остатков, левая ключица была в значительной степени удалена от остальной части скелета. Можно предположить, что индивидуум лежал на открытой площадке. Ребра находятся в отдалении от плечевых костей, особенно от первого ребра (costa I), они все (грудная клетка в целом) были сдвинуты. Расположение костей было бы похожим на захоронение под забутовкой, кости от вершины скопления должны были бы осесть вниз под весом грунта. Тем не менее, относительно далекое от остальных костей местоположение ключицы явно указывает на наличие открытого пространства, в пределах которого мелкие грызуны могли растаскивать кости.

Череп размещен поблизости и таким же образом, как и череп второго индивидуума.

Плечевой и ребоключичный левый сустав (Articulatio humeri et costoclavicularis sin). Периферический конец плечевой кости (периферический эпифиз, как целое не сохранился) лежал под черепом, ближайший конец находился вблизи от суставой ямки лопатки (cavitas glenoidalis scapulae), только ключица и спинной хребет находились, вероятно, около лопатки и ребер.

Правая ключица лежала около черепного конца позвоночника.

Позвоночник и ребра, собранные в кучу. Только левые ребра передвинуты, правые находились в анатомическом порядке (costae 2. – 11.). На ребрах также лежал второй затылочный позвонок С2 (осевой), часть остатка затылочной секции не были связаны с С2. Последнее означает, что эта часть хребта начиналась с других позвонков, не с С3. Грудина (грудная кость) лежала внутри правой части грудной клетки ниже ребер параллельно с позвоночником вне анатомического положения. Рукоятка грудины (Manubrium sterni) отсутствует. Спинные позвонки направлены кверху, как будто индивидуум полулежал на правом бедре. Позвонок L5 – в нижней части хребта, крестцовая кость лежала вслед за L4.

После разборки позвоночника длинные кости правого педплечья (лучевая и локтевая кости) (antebrachium (radius et ulna) лежали в поперечном направлении под местом пересечения L4 и крестца. Периферических epiphyses не было в обеих костях, в локтевой (ulna) отсутствует и дополнение к локтевому отростку (olecranon).

Другие кости скелета не были найдены вообще, а именно, кости таза (pelves), нижние части конечностей и т.д.

Рядом со скелетом находился фрагмент diaphysis кости животного.

Скелет Б. Женщина возрастом 25-34 года. Состояние: кости очень хорошо сохранились, но скелет не полон. Характер соединения скелетного материала близок предыдущему.

Правые ребра свалены к одному месту у основания центрального захоронения.

Правое плечо – без, приблизительно, третьей части и соответствующего epiphysis.

Позвоночник и 11, 12-ое правые ребра (каждое из ребер находится в анатомическом порядке). Найден только последний из шейных позвонков (С7), грудная, и поясничная части позвоночника представлены полностью (Th1 – Th12; L1 – L5). Крестец, связанный вероятно вместе с последним из поясничных позвонков, после разрыхления и утраты связок свалился набок.

Левые ребра были также свалены в одну сторону от позвоночника (к югу от черепа), нижние лежали под хребтом. Они были положены вместе с позвоночником.

Кости крестца (Ossa coxae) лежали слоем на южной стороне костей скелета и в полностью измененном положении по отношению к черепу. Левая седалищная кость расположена отдельно и одновременно слегка под позвоночником, правая – параллельно левой. Их ориентация в отношении позвоночника – обратная. Этот факт можно рассматривать, как попытку смоделировать правильное положение тазовых костей (pelvis). В вертлужной впадине левой седалищной кости (acetabulum левого os coxae) находилась головка бедренной кости (caput femoris), бедренная кость направлена к черепу. Это соединение было, судя по расположению костей, весьма ослабленным. Дистальная треть тела бедренной кости, включая эпифизы, отсутствует.

[12] Здесь и далее полевое антропологическое описание скелетов Я. Кулявцевой-Главовой, определение пола и возраста погребенного М.В. Добровольской.

Череп имеет ту же самую ориентировку как и у скелета А. Малая берцовая левая кость была вставлена через большое отверстие в черепную коробку. Это возможно только в том случае, когда череп несли таким способом к могиле или если при помощи длинной кости его подвинули «к правильному положению». Оба эпифиза малой берцовой кости отсутствуют

Под черепом и около него перемешаны следующие кости: mandibula, треть левой tibia (кости голени), правая ulna и scapula (лопатка). mandibula, кости лопатки и голени лежали с краю.

Правая бедренная кость – без дистальных эпифизов.

Под всеми другими костями лежала левая лучевая кость и ulna в анатомическом порядке. Остальные кости скелета не найдены.

Единственной вещью, найденной в могиле, был железный крюк, который лежал поперек позвоночника южного скелета (рис. 68 :3).

Ямы 2, 2/1 и 2/2, погребение 12. Этот комплекс перекрывающих друг друга разновременных объектов находился в северо-восточной части площади. Первоначально после разборки культурного слоя было выявлено обширное близкое в плане к овалу темное пятно размерами 4,8 × 2,8-2,9 м, получившее обозначение «яма 2» (рис. 69: 1). В центральной его части прослеживалось еще одно, более темное (совсем черное) пятно размерами около 1,9 × 1,3 м, западные границы которого читались весьма слабо. В его пределах непосредственно под культурным слоем зафиксирована выкладка из камней, ориентированная, как и само пятно, по оси северо-западо-запад – юго-востоко-восток. В восточной части выкладки лежал крупный камень размерами 24 × 25 см. От него двумя лучами расходились две линии более мелких камней размерами до 10 × 10 см максимум. Северная из них состояла из 6-ти камней, лежавших на расстоянии 15-20 см друг от друга, а южная – из двух, между которыми было 20 см (рис. 69: 1). В гумусном слое ямы 2 обнаружены кости животных и человека, а также разновременная керамика (18 обломков сосудов воронежской и катакомбной культур эпохи бронзы, 4 фр-та горшков городецкой культуры раннего железного века, 25 неопределимых в культурно-хронологическом отношении лепных черепков), очевидно, попавшая в ее заполнение из культурного слоя. После разборки темного пятна проявились контуры двух ям (№ 2/1 и 2/2), заполненных черным гумусом. Судя по материалу из заполнения, яма 2/1 относилась к городецкой культуре раннего железного века. Выше ямы 2/2, частично перекрывая ее, залегало погребение 12.

Погребение 12 (рис. 69: 2). Скелет, ориентированный головой на юго-востоко-восток, первоначально был положен в вытянутой позе на спине на глубине 0,48-0,5 м от дневной поверхности. Яма не прослежена. После вскрытия могилы и расчленения умершего расположение костей изменилось. Череп с мужскими признаками сохранился очень хорошо. Большинство останков посткраниального скелета лежали беспорядочно. Только левая лопатка осталась более или менее на месте, левая плечевая кость пересекает область грудной клетки (головка левой плечевой кости направлена латерально), левая ключица развернута к правой стороне черепа. Лопатка и правая ключица осталась, в принципе, на их первоначальном месте. Theb вместе с ulnae лежали в области живота, затем следуют крестец и тазовые кости. Обе плечевые кости лежали параллельно друг другу в заметно не анатомическом положении. Головки левой и правой бедренных костей лежали так, как будто они были в левом углу малого таза, дистальные концы обеих бедренных костей расположены в правой его половине, бедренная кость лежит по всей длине в правильном анатомическом положении. Все из расположенных ниже образований относились к правой лучевой кости или к костям запястья. Другие кости позвоночника, грудной клетки, других расположенных выше образований и т.д. были рассеяны в этой области. Только нижние конечности от колена вниз осталась в анатомическом порядке, однако мелкие кости ног также были передвинуты.

Около черепа в заполнении могилы обнаружена бронзовая проволочная серьга в виде небольшого колечка (рис. 69: 3). По предварительным данным скелет принадлежал взрослому мужчине.

Историю объектов в северо-восточной части площади можно представить себе следующим образом. Первоначально были выкопаны ямы 2/1 и 2/2, которые (по крайней мере, яма 2/1) относятся к городецкой культуре. Затем в гуннское время было совершено погребение 12, частично перекрывшее яму 2/2, а частично – пространство между ямами. После повторного вскрытия могилы границы между объектами были снивелированы и образовалось обширное темное пятно («яма 2»). Каменная выкладка в черном пятне в

пределах «ямы 2» свидетельствует о том, что после эксгумации погребения 12 и его повторной засыпки производились какие-то ритуальные действия.

Погребение 16 (рис. 70: I, II). Совершено в овальной яме размерами 2,85 х 1,88-2,3 м по верхнему краю и 2,5 × 1,7 × 2,2 м по дну, ориентированной по оси северо-запад – юго-восток. Контуры ямы прослежены на поверхности материка. Глубина ямы от материка составляет 0,09-0,3 м, от дневной поверхности – 0,7-1,0 м.

В заполнении средней части ямы, которое представляло собой чернозем, и даже несколько выше в культурном слое, вплоть до ее дна на разных уровнях залегали разрозненные кости человека, причем череп отсутствовал. In situ на дне могильной ямы сохранились только кости ног погребенного от колен и ниже. Судя по ним, он первоначально был положен головой на юго-восток в вытянутой на спине позе. Сохранность костей, в целом, плохая: они расслаиваются. Подробное описание костей см. в приложении 1. На дне ямы около левого колена найдена бронзовая «шайба» с отверстием, которая, очевидно, представляла собой часть какого-то наборного изделия (рис. 70: 1). Скелет принадлежал взрослому человеку (старше 45 лет), возможно, женщине[13].

Погребение 19 (рис. 70: III, IV). Очертания могильной ямы прослежены на поверхности подстилающего чернозем слоя суглинка. Яма имеет размеры 2,7 × 1-1,05 м по верхнему краю и 2,3 × 0,52-0,54 м по дну. Она ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. В плане – подпрямоугольная со скругленными углами. Глубина ямы от уровня материка – 0,98-1,06 м, от дневной поверхности – около 1,9-2 м. На уровне 0,51-0,57 м от верхнего края в яме по всему ее периметру была вырезана из материковой глины плоская полка (т.н. заплечки). Ширина ее составляет 0,15-0,2 м вдоль длинных сторон ямы, 0,06-0,13 м – вдоль коротких торцевых. Полка служила опорой для деревянного перекрытия, остатки которого в виде 6-ти ориентированных перпендикулярно оси захоронения полос древесного тлена прослежены на ее поверхности. Ширина большинства полос – 12-14 см. Лишь одна из них (крайняя северная) была более узкой. Ее ширина – 3-4 см. Толщина тлена не превышала нескольких миллиметров.

[13] Определение М.В. Добровольской.

При исследовании нижней части могильной ямы на материковых стенках удалось зафиксировать следы орудий, использовавшихся при ее создании. В северной части погребения и на южной его стенке следы ориентированы вертикально, длина среза 30-40 см. В южной части ямы на западной и восточной стенках зафиксированы косо-вертикальные следы длиной 30-50 см, нанесенные под углом 45°. Проведенные наблюдения позволяют реконструировать орудие, которым производились земляные работы. Наиболее вероятно, что это – металлический предмет с заточенным лезвием шириной 6 см. Инструмент имел вытянутую рабочую поверхность прямоугольной формы и рукоять. Лезвие было слегка выпуклым и при переходе к боковым граням наиболее приближено к прямому углу.

В северной стенке могильной ямы ниже заплечков были вырезаны две ниши размерами 0,1 × 0,14 м (западная) и 0,1 × 0,15 м (восточная) и глубиной в борт ямы, соответственно, 0,1 и 0,14 м. Высота каждой из них – около 0,2 м. В первой находился лепной горшок (А) (рис. 70: 2)[14], во второй – стеклянный кубок (Б) (рис. 71: 1). Оба сосуда стояли устьями кверху.

На дне ямы в анатомическом порядке на спине лежал плохо сохранившийся скелет взрослого мужчины возрастом 20-30 лет[15], ориентированный головой на северо-северо-восток (подробное описание костей, обоснование определения возраста и пола см. в приложении 1). Руки покойного были вытянуты вдоль туловища. Череп скелета и грудная клетка сильно повреждены грызунами. Под костями черепа были обнаружены отдельные угольки и следы кожаного тлена, очевидно, от головного убора. Следы истлевшей кожи в виде пятна размерами 0,15 × 0,05 м фиксировались в районе правого плеча, вдоль бедренной кости и на колене левой ноги. Последние представляли собой, скорее всего, остатки штанов. Кости ног имели красную окраску, очевидно, в результате воздействия дубильных веществ. В верхней части левого бедра покойного кости были перекрыты небольшим пятном древесного тлена (остаток рухнувшего перекрытия).

С левой стороны от черепа лежал железный наконечник копья (В) (рис. 71: 10), на поверх-

[14] Здесь и далее буквенные обозначения по плану на рис. 70.

[15] По Я. Кулявцевой-Главовой, по М.В. Добровольской – мужчина старше 45 лет.

ности которого по всей его длине также прослежены остатки древесного тлена. Следы древка копья в виде узких полос истлевшего дерева зафиксированы чуть ниже втулки, у левого локтя и у левой ноги по той же линии. Общая длина копья, включая наконечник и древко, составляла не менее 1,72 м.

На тазовых костях лежала большая бронзовая пряжка, очевидно, от пояса (Г) (рис. 71: 2). В месте ее язычка и под ним сохранился древесный тлен, а около пряжки и далее вдоль пояса – кожаный. Несколько юго-западнее ее находилась пропитанная окислами железа деревянная рукоять с железной оковкой по краю (вероятно, остатки нагайки) (Д) (рис. 71: 7). Слева от пряжки были обнаружены куски сильно корродированных ножа и бритвы (Е) (рис. 71: 8,9). Нагайка, бритва и нож, очевидно, были подвешены к поясу. К востоку от бритвы лежала стеклянная бусина (Ж) (рис. 71: 6). Еще две бронзовые пряжки (средних размеров и маленькая с прикипевшим к ней наконечником ремня со следами кожи на нем) являются остатками, вероятно, портупеи. Они находились: средняя – около верхней правой оконечности таза (З) (рис. 71: 4), маленькая (И) (рис. 71: 3) – на локтевой кости правой руки. В заполнении у левого локтя погребенного обнаружен необработанный кремень желтого цвета.

Лепной горшок был раздавлен грунтом, а развал сильно потревожен грызунами. Из сохранившихся черепков удалось склеить почти полный профиль сосуда, но без края венчика. Горшок – округлобокий, широкодонный, диаметр дна – 9,5 см, места наибольшего расширения тулова – 13,5 см, шейки – 11,5 см. Высота от дна до шейки – 11,2 см (рис. 70: 2). Сосуд слабо обожжен, изготовлен из рыхлого керамического теста с примесью мелкого шамота и органики.

Железный наконечник копья сильно пострадал от коррозии: утрачены края пера и втулки, частично лезвие (рис. 71: 10). Перо в разрезе имело ромбовидную форму со слегка вогнутыми верхними и нижними гранями. С одной стороны втулки видны три грани. Общая длина сохранившейся части наконечника – 24,3 см, из них пера – 12,3 см. Приблизительная ширина пера – 3-3,8 см. Оно расширяется книзу. Диаметр втулки у основания пера – 1,3 см, в нижней части – 2,5 см.

Кубок-рюмка сохранился целым (рис. 71: 1). Стекло – прозрачное, оливкового цвета. В месте наибольшего расширения тулова помещен пояс из овальных и грушевидных пятен темно-синего прозрачного стекла, слегка выступающих над поверхностью сосуда. Орнамент нанесен небрежно: между большими пятнами имеется одно меньших размеров. Еще одно такое же маленькое пятно (отлетевшая в сторону капля) находилось ниже орнаментального пояса. Кубок был разделен на три части двумя поясами прочерченных каким-то острым предметом на поверхности уже готового изделия параллельными линиями, каждая из которых состояла из нескольких борозд (выполненных тоже небрежно). Размеры сосуда: диаметр венчика – 6,7 см, шейки – 6 см, места наибольшего расширения тулова – 6,5 см, нижнего закругления тулова – 3 см, ножки – 1,5-2 см, дна – 4,6 см, общая высота – 10,3 см.

Большая поясная бронзовая пряжка имеет овальную со слегка уплощенной с тыльной стороны раму (рис. 71: 2). Ее размеры составляют 3 × 2,3 см, ширина с внешней стороны – 5 мм, с внутренней – 1,8 мм. По узкому внутреннему краю рамка – сплошная, в сечении круглая, по широкому внешнему – полая внутри. Язычок краем заходит за нижнее основание рамы. Внешний край его уплощен, внутренний поднят кверху и вертикально срезан сзади. В сечении язычок – треугольный.

Рамка портупейной пряжки средних размеров (рис. 71: 4) имеет такую же форму, как и у предыдущей, но она вся – сплошная и круглая в сечении (3 мм с внутренней стороны, 4 мм – с внешней). Общие размеры рамы – 1,9 × 1,5 см. Язычок охватывает ее спереди на всю ширину, его край снизу уплощен, а с боковых сторон подчеркнут двумя подтреугольными гранями. Внутренняя оконечность язычка имеет такую же форму, как и у предыдущей пряжки, но угол между его спинкой и тыльным краем – не столь острый. В сечении язычок – треугольный.

Рама маленькой бронзовой пряжки (рис. 71: 3) – почти круглая с расширением с внешней стороны. Ее размеры составляют 1,3 × 1,4 см, диаметр круглого сечения – 2-3 мм. Язычок – длинный (выступает за край рамы), овальный в сечении, уплощен снизу. С тыльной его стороны имеется довольно глубокая поперечная борозда, которая отделяет прямоугольную площадку на конце.

Бронзовый наконечник ремня – сплошной (рис. 71: 5), подтрапециевидной формы, суживается к внешнему окончанию, на котором выделен подпрямоугольный выступ. Выше него изделие имеет подтрапециевидное сечение с мягкими гранями по бокам. В верхней части расположена

прямоугольная площадка, отделенная снизу двумя треугольными фасетками и горизонтальной выгравированной линией. В верхней части этой площадки находится шпенек для крепления к ремню. Противоположная пластина, находившаяся с внутренней стороны наконечника, обломана. Длина изделия – 5,2 см, ширина – 0,4-0,7 см.

От железной бритвы сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 71: 8). Судя по нему, изделие имело вогнутую спинку и лезвие с внешней выпуклой стороны. Бритва со всех стороны покрыта остатками дерева, очевидно, она была в футляре.

В такой же степени плохо сохранился и железный нож (рис. 71: 9). Он явно был не боевым, а бытовым, т.к. лезвие вряд ли превышало в длину 8 см. Спинка слегка изогнута (т.н. горбатая).

Предполагаемая рукоятка нагайки представляет собой кусок дерева, пропитанного железными окислами, прямо срезанный с одной из сторон (рис. 71: 7). Над этим краем изделия находится железная оковка шириной до 2,5 см, на которой в плане отчетливо видны 5 граней.

Бусина – округлая, изготовлена из черного непрозрачного стекла путем навивки (рис. 71: 6). Ее описание приводится в главе 11. Украшение датируется широко, но в период Великого переселения народов такие бусы, кроме Верхнего Подонья, известны в Среднем Подунавье и в Крыму.

Пряжки – с овальными несколько расширенными спереди рамами, длинными язычками, полностью охватывающими рамы и выходящим за их пределы (т.н. хоботковыми). Подобные изделия с острыми, закругленными или прямо срезанными окончаниями язычков считаются типичными для последней четверти IV – первой половины V вв. (Амброз, 1989. С. 31; Айбабин, 1999. С. 259-260; Щукин, 2005. С. 330). На Северном Кавказе по наблюдениям М.М. Казанского они существовали вплоть до второй трети – середины VI в. (Казанский, 2001. С. 56). В гуннское время пряжки с полыми рамками известны (см. например, Godłowski, 1995, Abb.4: 5-7), но этот признак считается сравнительно поздним.

Аналогии трапециевидным наконечникам ремней с прямоугольными выступами на концах собраны С.И. Безугловым и С.М. Ильяшенко. Такие изделия известны на территории Центральной Европы, в частности, в комплексе из Унтерзибенбрунна (Амброз, 1989. С. 33), и в Северном Причерноморье (погребение 1998 г. в Синявке у Танаиса, мог. Заморское, некрополь Керчи) и датируются началом – серединой V в. (Безуглов, Ильяшенко, 2001. С. 79-80).

Учитывая хронологию вещей, погр. 19 должно датироваться первой половиной V в., ближе к середине этого столетия.

Погребение 20 (рис. 72: 1). Частично перекрывает хозяйственую яму 6, дата которой не ясна. Могильная яма размерами 2,15 × 0,93 м в верхней части и 2,11 × 0,8-0,82 м в нижней ориентирована по линии запад-восток, причем ее восточный край скруглен. Контуры ямы прослежены на поверхности материка. В материк она углублена на 0,37-0,4 м (1,3 м от дневной поверхности), но реальная ее глубина, судя по профилю, была большей – до 0,84 м. Верхняя часть ямы заполнена черным гумусом, слой которого имеет толщину до 33 см, а нижняя – серым слабо гумусированным суглинком.

Захоронение было разрушено. В заполнении могильной ямы найдены лишь отдельные кости человека: у ее северного борта – кусок хребта из 4-х позвонков, а в юго-западной оконечности – остатки двух ребер. Установить первоначальную ориентировку скелета также не представляется возможным. Отдельные кости (в основном, фаланги пальцев и суставы кисти) выявлены по всей глубине заполнения могилы.

Погребение 23 (рис. 72: 2). Перекрывало хозяйственную яму позднеримского периода, в поле условно названную «погребение 24». Погребение 23 совершено в могильной яме размерами 2,8 × 1,26-1,4 м в верхней части и 2,6 × 1,1 м в нижней, ориентированной по оси юго-запад – северо-восток. Верхний край ямы прослежен в предматериковом слое. Общая глубина ямы от уровня фиксации контуров составляет 0,5 м, от дневной поверхности – 1,1-1,13 м.

Заполнение ямы имело сложную статиграфию. Верхняя его часть до уровня около 0,7 м от дневной поверхности представляла собой чернозем. В основании этого слоя головой на юго-запад в вытянутой позе на спине лежал очень плохо сохранившийся скелет женщины возрастом более 45 лет[16], кости разрушены до кальция, их реконструкция невозможна. Многие из них совершенно разложились: в районе таза скелета наблюдается пятно костного тлена. Черепная коробка ориентирована на запад, лицо – на север. Руки перекрещены на тазе и слегка согнуты

[16] По Я. Главовой-Кулявцевой и М.В. Добровольской.

в локтях. Левая нога вытянута, правая согнута в колене, средняя часть голени повернута вправо. Слева от таза погребенной на том же уровне на расстоянии 0,24 м лежал обломок железного ножа с прямой спинкой (рис. 72: 3). При расчистке погребения отмечены угли. Ниже скелета залегал слой серого гумусированного суглинка толщиной до 0,16 м. В его пределах были прослежены остатки четырех сгоревших плах: одной – в юго-западной части ямы, трех других – в северо-восточной. Плахи лежали под разными углами, но все они были ориентированы поперек ямы. Размеры плах в направлении с запада на восток следующие: 0,72 × 0,02-0,12 м; 0,36 × 0,08 м; 0,2 × 0,06 м; 0,42 × 0,02-0,06 м. Их толщина варьирует в пределах 0,01–0,02 м. Следов прокала грунта в яме не наблюдалось. Ниже до дна яма была заполнена слабо гумусированным желтоватым суглинком, который фактически представлял собой переотложенный материк.

Решетчатые деревянные конструкции использовались в степных погребениях V-VII вв. в Шипово, Белозерке, Сивашовке, Васильевке и др. (Амброз, 1981, с. 19; Комар и др., 2006, с. 256-263, рис. 5: б).

Погребение 27 (рис. 73: А). Погребение ребенка, возможно, девочки[17], зафиксировано в слое чернозёма на глубине 0,3 м от дневной поверхности поверхности. Контур погребальной ямы не прослеживался. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку и ориентирован черепом на северо-западо-запад. Череп повёрнут на правую сторону и несколько завалился лицевой частью вниз. Таз погребённой также завален в правую сторону. Из-за плохой сохранности костей положение рук не ясно. Ноги согнуты почти под прямым углом (95°). Отметим, что восточная часть погребения разрушена норами, о чём свидетельствуют находки костей голеностопа и грудного отдела восточнее погребения на 0,5 м.

После расчистки погребения под костями черепа и ниже на 0,08 м от уровня залегания скелета обнаружено 18 витых бусин из непрозрачного черного и желтого (13 экз.) стекла (рис. 73: 1-18). По находкам похожих черных бусин в погр. 2 Ксизово-17Б и позе покойника, совершенно чуждой древнерусскому христианскому обряду, захоронение относится к гуннскому времени.

Погребение 28 (рис. 74). Зафиксировано на уровне предматерика на глубине 1 м от дневной поверхности по тёмному гумусированному заполнению. Пятно могильной ямы в плане имело неправильную овальную форму и было вытянуто по линии запад – восток. Размеры ямы по верхнему краю – 1,6 × 2,5 м. Ее заполнение представляло собой однородный темно-серый гумус. Погребение совершено в яме с подбоем. Конструкция ее состоит из входной шахты (южная часть объекта) и погребальной камеры (северная часть). Шахта в плане имеет неправильную овальную форму и размеры 0,85 × 2,4 м. Она вытянута в широтном направлении с небольшим отклонением западной части к северу. В материковый слой яма опущена на 0,3 м, ко дну суживается, имеет пологие стенки и неровный пол с уклоном в северном направлении. Вход в погребальную камеру прослежен в северной стенке шахты по характерным выступам материка и имел длину 1,9 м. Высота свода не зафиксирована, очевидно, он находился в слое чернозема. Судя по сохранившимся фрагментам деревянной конструкции, вход в погребальную камеру был закрыт 2 плахами, остатки которых прослеживались в виде полос тлена толщиной 2–6 см. Плахи были уложены одна на другую вдоль входа и сохранились на высоту до 0,3 м. От верхней из них остались два фрагмента размерами 25 × 15 × 6 см и 46 × 15 × 5 см. Нижняя плаха имела толщину до 3 см и высоту до 15 см. Плахи имели уклон в северном направлении в сторону погребальной камеры.

Форма погребальной камеры в плане – неправильно овальная, размеры – 0,6 × 2,25 м. Пол неровный, имеет перепад высот до 0,1 м и наклонён к северу. Погребённый[18] лежал на глубине 1,3-1,4 м от дневной поверхности вытянутым на спине и был ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северу. Грудной отдел и лицевые кости черепа уничтожены землеройными животными. О положении рук можно судить по сохранившимся костям левой руки, которые находятся у таза. Вероятнее всего, руки были вытянуты вдоль туловища. Погребённый в древности был накрыт деревянной доской. Фрагменты дерева выявлены на костях ног, правой руке, тазе. Толщина тлена не превышала 2 см. Вещей в

[17] Возраст 24-30 мес. По Я. Кулявцевой-Главовой, около 2 лет по М.В. Добровольской.

[18] Женщина возрастом 30-50 лет по Я. Кулявцевой-Главовой, мужчина возрастом около 50 лет по М.В. Добровольской.

захоронении не было. Тем не менее, погребение, скорее всего, относится к гуннскому периоду, поскольку для древнерусского времени подбойные могилы не характерны.

Погребение 29 (рис. 75: А). В культурном слое на участке, где оно находилось, на разных глубинах обнаружена серия мелких костей человека. Яма прослежена в предматериковом слое, ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В южной и юго-западной части перекрывается древнерусским погребением 32. Размеры сохранившейся части могилы составляли 1,66 × 0,57-0,78 м. Скелет взрослой женщины[19] в анатомическом порядке в вытянутой на спине позе был ориентирован головой на северо-северо-запад, лежал на глубине 0,56 м от дневной поверхности. Руки вытянуты вдоль туловища. Более поздним захоронением уничтожена кисть левой руки и вся нижняя часть скелета от основания позвоночного столба. Лучевая кость правой руки передвинута в область таза. С правой стороны от черепа у височной его части лежали две бронзовые серьги с полиэдрическими окончаниями (рис. 75: 1,2). Размеры меньшей из них – 1,8 × 1,8 см, ширина окончания – 0,4 см, большей, соответственно, 2,1 × 2 см и 0,6 см. В области шеи и под нижней челюстью обнаружены 62 стеклянные бусины (рис. 75: 3-64).

Серьги с полиэдрическими окончаниями представляют собой характерные украшения эпохи Великого переселения народов. Они распространены чрезвычайно широко: известны в Подунавье, Северном Причерноморье, на Кавказе, в восточноевропейских степях, включая Нижнее Подонье. Наиболее ранние изделия (с маленькими многогранниками) появляются в конце IV – начале V в. (Мастыкова, 2009, с. 72-74).

Описание бус см. в главе 11.

На уровне скелета обнаружена попавшая в погребение из культурного слоя разновременая керамика (7 обломков леных сосудов среднестоговской культуры эпохи неолита, 2 – воронежской культуры, 12 – абашевской эпохи бронзы, 1 фрагмент стенки лепного горшка городецкой культуры с рогожным орнаментом, 25 обломков лепных сосудов раннего железного века, среди которых имеются черепки с примесями дресвы, шамота и шамота в сочетании с известняком).

Погребение 30 (рис. 76: А). Находилось в культурном слое на глубине 0,52-0,56 м от дневной поверхности. Яма не прослежена. Скелет не до конца сформировавшейся женщины возрастом 16-20 лет с искусственно деформированным черепом[20] лежал на спине в анатомическом порядке. Череп повернут влево. Кости – хорошей сохранности, но часть мелких костей груди и правой руки ниже локтя растащены грызунами. Руки первоначально были вытянуты вдоль корпуса. Нижняя часть скелета (ниже таза) переотложена поздним перекопом размерами около 3,95 × 3,06 м, очертания которого в слое гумуса «читались» в виде аморфного темно-серого пятна, ориентированного по оси запад – восток. В противоположных сторонах северной части этой ямы были сложены две кучки костей. В западную, кроме прочих, входили кости таза, в восточную – длинные кости ног. Из перекопа происходят обломки двух пластинчатых бронзовых ременных наконечников поясов с отверстиями для пришивания, характерных для раннегуннского периода (рис. 76: 1,2). Подобные изделия на юге Центральной Европы и в Среднем Подунавье Я. Тейрал относит к периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.) (Teiral, 1997, S. 330, Abb. 9: 15, 16). В районе скелета обнаружены 3 обломка горшков городецкой культуры эпохи бронзы, 1 фрагмент лепного сосуда городецкой культуры с дресвой в тесте и рогожной поверхностью, 3 невыразительных лепных черепка с включениями дресвы и шамота, обломок стенки сероглиняного гончарного сосуда. Вся эта разновременная керамика попала в погребение из культурного слоя.

Погребение 31 (рис. 77: А). Совершено в обширной яме, ориентированной по оси запад-восток. Размеры ямы по верхнему краю составляли 2,75-2,8 × 1,58-2,0 м, по дну, которое было плоским – 2,33 × 1,4 м. Яма прослежена на поверхности материка, ее глубина составляет 0,5-0,58 м от верхнего края могилы или 1,4 м от дневной поверхности. Заполнение представляло собой переотложенную слабо гумусированную материковую глину. Из него происходит разновременная керамика (3 обломка лепных сосудов эпохи энеолита, 5 – абашевской культуры эпохи бронзы, 6 – раннего железного века с примесью шамота в тесте), прямого отношения к захоронению не имеющих.

[19] Возраст 30-35 лет по Я. Кулявцевой-Главовой, 20-29 лет по М.В. Добровольской.

[20] Пол и возраст по Я. Кулявцевой-Главовой, женщина возрастом 15-19 лет по М.В. Добровольской.

Скелет женщины возрастом около 18-24 года[21] в вытянутой позе на спине в анатомическом порядке лежал в северной части ямы на ее дне. Руки были положены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно друг другу. Череп повернут лицом к ногам, сохранность костей хорошая.

Около левого плеча погребенной вплотную к плечевой кости в вертикальном положении находилась бронзовая проволочная серьга (рис. 77: 1). В юго-восточной части ямы на уровне ее дна лежала серебряная пряжка с овальными рамой размерами 1,1 × 1,6 см и обоймой размерами 1 × 1,4 см. Подтреугольный в сечении язычок толщиной 3,5 мм не полностью охватывает раму. На тыльной его стороне имеется плоская квадратная площадка (рис. 77: 2). По всей видимости, в погребение в качестве напутственного дара был положен пояс.

Погребение 39 (рис. 78: А) В основании предматерикового слоя прослежены контуры овальной ямы, ориентированной по линии запад – восток. Размеры ямы по верхнему краю – 2,38 × 1,24 м, по дну – 1,9 × 0,94 м. Глубина ямы – 0,2-0,3 м от уровня фиксации верхних контуров. На дне ямы в вытянутой позе на спине на глубине 1,03 м от дневной поверхности лежал скелет женщины возрастом 30-39 лет, ориентированный головой на запад. Череп наклонен влево, руки вытянуты вдоль корпуса. На правой ключице погребенной верхней петлей вниз лежал плоский бронзовый пластинчатый пинцет длиной 4,5 см и шириной 3-5 мм с фиксатором-обмоткой в нижней части, орнаментированный косыми крестами с каждой из сторон. Пинцет подвешивался на кольцо, свитое из двух железных проволок, которое сохранилось лишь частично (рис. 78: 1). Подобные пинцеты входят в состав туалетных наборов гуннского периода, которым и датируется погребение. Показательный набор пинцетов происходит из могильника Ксизово-19 (см. главу 6).

Погребение 42 (рис. 78: Б). На поверхности материка были прослежены контуры ямы неправильно-овальной формы размерами 2,2 × 0,9-1,6 м в верхней части и 2,1 × 0,8-1,46 м в нижней. Очертания зафиксированы на глубине 0,3-0,35 м от верхнего края ямы или 1,02-1,17 м от дерна. Яма заполнена однородным светло-серым суглинком, из которого происходят 2 фрагмента горшков эпохи бронзы, 2 обломка сосудов с дресвой в тесте раннего железного века, 2 неопределимых лепных черепка.

В западной части ямы на ее дне параллельно ее северо-западному борту головой на юго-запад лежал на спине детский скелет. Кости погребенного – очень хорошей сохранности. Череп немного повернут вправо. Расположение костей свидетельствует, что скелет первоначально лежал в анатомическом порядке, но затем кости были разбросаны, по всей видимости, грызунами. Левая рука вытянута вдоль корпуса, положение правой установить невозможно. Никаких вещей в погребении не было. Судя по ориентировке, оно в равной степени может относиться как к гуннской эпохе, так и к периоду Древней Руси. Череп покойника был искусственно деформирован, что свидетельствует о принадлежности погребения, скорее, к гуннскому периоду.

Погребение 46 (рис. 79: Б). Очертания подпрямоугольной ямы, ориентированной по линии запад – восток прослежены в нижней части предматерикового слоя. Западный край ямы разрушен поздним перекопом, точные контуры которого в культурном слое не прослеживались. Длина ямы – не менее 1,42 м, ширина – 0,6 м. Глубина ямы составляла 2-8 см от уровня фиксации контуров. Из ее заполнения происходит обломок сосуда эпохи энеолита. На дне ямы на уровне 0,44 м от дневной поверхности головой к востоку в вытянутой позе на спине лежал очень плохо сохранившийся скелет женщины возрастом 25-34 года[22], ноги которого ниже середины голени были уничтожены, а руки вытянуты вдоль корпуса. Вещей в погребении не было, но, судя по ориентировке, оно относится к гуннскому периоду.

Погребение 47 (рис. 79: А). В слое гумуса на глубине 0,32-0,35 м от дневной поверхности обнаружен плохо сохранившийся скелет ребенка возрастом около 2-х лет[23], лежавшего в скорченной позе на правом боку головой на восток. Положение рук установить невозможно, вещей в погребении не было, но, судя по позе и ориентировке, оно относится к гуннскому времени.

Погребение 50 (рис. 79: В). На поверхности материка прослежены контуры обширной овальной ямы размерами 3,05 × 1,07 м по верхнему краю и 2,41 × 0,6 по дну, ориентированной по

[21] По данным Я. Кулявцевой-Главовой и М.В. Добровольской.

[22] По данным М.В. Добровольской.

[23] По данным М.В. Добровольской.

оси северо-запад – юго-восток. Общая глубина ямы – 0,57-0,67 м. Заполнение представляло собой переотложенный слабогумусированный материковый суглинок. На уровне 0,17-0,33 м от верхнего края по всему периметру ямы был сделан плоский уступ (т.н. заплечки) шириной 0,15-0,45 м, предназначенный для опоры деревянного заклада. На дне ямы в вытянутой позе на спине на глубине 1,62 м от дерна головой к северо-западу лежал плохо сохранившийся скелет женщины возрастом 34-44 года[24]. Руки погребенной были вытянуты вдоль корпуса. Вещей в захоронении не было.

Погребение 52 (рис. 80: А). Яма овальной формы, суживающаяся книзу, ориентирована по оси юго-западо-запад – северо-востоко-восток. Она прослежена на поверхности материка, ее плоское дно находилось на глубине 59-67 см от верхнего края. Размеры ямы по верхнему контуру – 2,42 × 0,67-0,9 м, по дну – 2,27 × 0,55-0,61 м. Заполнение представляло собой переотложенную слабо гумусированную материковую глину. Скелет женщины старше 50-ти лет[25] в анатомическом порядке лежал на спине на дне ямы на уровне 1,64 м от дневной поверхности и был ориентирован головой на юго-западо-запад. Руки вытянуты вдоль тела, ноги – прямые и лежали параллельно друг другу, череп повернут лицом к югу.

На правом плече скелета в районе ключицы лежало оригинальное изделие, представляющее собой имитацию фибулы-цикады. Вещь изготовлена из серебряной орнаментированной тремя линиями оттисков чекана с желобчатым рабочим краем пластины, узкой в верхней части и раздвоенной внизу в виде крыльев мухи, т.е. имеет характерную для фибул этой группы форму (размеры щитка – 2,5 × 0,9-1,4 см). С обратной стороны, тем не менее, у изделия нет ни пружинного аппарата, ни приемника. Верхняя часть пластины заострена на манер иглы и загнута внутрь. Вещь, таким образом, представляет собой булавку с согнутой иглой (рис. 80: 1). Украшение лежало лицевой стороной кверху и «хвостом» в сторону ног скелета. Второе подобное изделие со щитком размерами 2,1 × 0,8-1,5 см в аналогичном положении находилось под верхней частью левой ключицы (рис. 80: 2).

Фибулы-цикады – специфические украшения эпохи Великого переселения народов, в массе своей распространенные в V-VI вв. (Айбабин 1990, с. 27; Гавритухин, Казанский 2006, с. 332). Они встречены на территории Западной Европы, в Подунавье, на Балканах, в Северном Причерноморье, Крыму, на Северном Кавказе. Заслуживает внимание наблюдение М.М. Казанского и П. Перена, что эта категория украшений характерна для женского костюма области контактов варваров (в первую очередь, германцев-федератов) и населения Римской империи (Kazanski, Perin 2000). На Северном Кавказе фибулы-цикады появляются в результате влияния со стороны культуры Боспора и области расселения готов-тетракситов.

Булавки-цикады встречаются значительно реже, чем фибулы. Небольшая их серия происходит из Среднего Подунавья (Vinski, 1957, abb. 1, 8-10).

Погребение 55 (рис. 81). Перекрыто более поздним погребением 56. Овальная в плане яма прослежена на поверхности материка. Ее размеры по верхнему краю составляют 2,3 х 0,72-1,0 м, в нижней части – 2,1 × 0,63-0,8 м. Дно ямы зафиксировано на уровне 0,24-0,26 м от ее верхнего края или 1,21 м от дневной поверхности. Заполнение представляло собой переотложенный слабо гумусированный материковый суглинок. На дне ямы в вытянутой позе на спине головой на юго-запад лежал средней сохранности скелет взрослого человека. Руки погребенного вытянуты вдоль корпуса. Вещей в погребении не было, но оно явно датируется не древнерусским, а гуннским периодом, поскольку перекрывается захоронением этого времени.

Погребение 56 (рис. 81-83). Перекрывает более раннее погребение 55. Овальная в плане яма, прослеженная на поверхности материка, ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Плоское дно находилось на уровне 0,54-0,65 м от верхнего края ямы или 1,55 м от дерна. Размеры ямы составляли по верхнему краю 2,38 × 0,87-0,92 м, в нижней части – 2,25 × 0,72 м. В северной оконечности ямы на уровне ее дна была сделана специальная ниша, выходящая за верхние пределы могилы на 0,14 м, и имеющая ширину 0,25 м. В нише стоял округлобокий чернолощеный лепной кувшин с коленчатой ручкой (рис. 82: 1). Диаметр венчика – 9,8 см, шейки – 8,5 см, максимального расширения тулова – 13 см, дна – 7,7 см, общая высота – 15 см.

[24] По данным М.В. Добровольской.
[25] По данным М.В. Добровольской.

На дне в вытянутой позе на спине головой на северо-северо-запад лежал скелет взрослого человека. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги – прямые и положены параллельно друг другу. Сохранность костей – средняя. Грызунами практически уничтожены кости кистей рук, перемещены со своих первоначальных мест кости грудной клетки, череп развернут лицом в сторону, противоположную от ног, т.е. также был передвинут.

В нижней части заполнения, которое представляло собой переотложенную материковую гумусированную глину, но более темного цвета, чем у погр. 55, в 5 см к северу от черепа обнаружена полая рама небольшой вертикально-овальной серебряной пряжки с остатками язычка из железа (рис. 82: 3). Размеры рамы – 2,2 × 1,5 см, ширина – 3,5-5 мм. Предмет, по всей видимости, был перемещен со своего первоначального места кротами. Здесь же найдены 5 невыразительных лепных черепков. Вторая пряжка также была серебряной с В-образной полой рамой размерами 3,3 × 1,6-1,8 см, толщиной 5-6 мм. Массивный полый язычок толщиной до 7 мм, имеющий уступ с тыльной стороны, почти полностью охватывает раму (рис. 82: 2). Пряжка была найдена на дне захоронения, около правого плеча скелета.

На ногах погребенного в районе лодыжек прослежены остатки кожаной обуви. На правой ноге лежало несколько кусков кожи, пропитанной окислом меди, поверх которой находилась пряжка из сплава меди и серебра такой же формы, как и найденная у плеча покойника, но меньшего размера. Изделие было снабжено пластинчатой обоймой, овальной с лицевой стороны и прямоугольной с оборотной (рис. 82: 4). Размеры рамки составляли 2 × 1,1 см, толщина – 3-4 мм, ширина язычка – 4,5 мм, размеры обоймы с лицевой стороны – 1,2 × 1,7 см, с оборотной – 1 × 1,1-1,2 см. Лучше сохранилась остатки обуви на левой ноге. Кусок кожи, лежавшей на лодыжке, имел размеры 3,7 × 5,8 см. В верхней его части заметен загнутый в трубку рант шириной около 5 мм (рис. 83). Ниже находилась пряжка (аналогичная найденной на правой ноге), приклепанная обоймой к пришитому к голенищу около нее ремню шириной 2 см. Обрывок противоположного края ремня вставлен в раму пряжки ниже язычка (рис. 82: 5). Размеры рамки этой пряжки составляли 1,9 × 1,1 см, толщина – 3-4 мм, ширина язычка – до 5 мм, размеры обоймы с лицевой стороны – 1 × 1,2 см, с оборотной – 0,9 × 1,1 см. Обувь, таким образом, представляла собой нечто вроде низких сапог с рантом по краю голенища, которые стягивались пришитым к нему ремнем с пряжкой.

Реконструкции обуви эпохи Великого переселения народов посвящены работы Э.А. Хайрединовой и А.В. Комара. Обувные наборы с одной пряжкой по Э.А. Хайрединовой относятся к типу I-1. На памятниках Юго-Западного Крыма обувь с такими наборами застегивалась ремешком, охватывающим голень. При этом носили как высокие мягкие сапоги, доходившие до середины голени, так и низкие башмаки высотой 8-13 см. В погр. 55 Ксизово-17А, судя по остаткам кожи, на ноги покойника были надеты именно низкие башмаки. На территории Юго-Западного Крыма обувь первого типа датируется первой половиной V в. (Хайрединова, 2003, с. 143-135). А.В. Комар допускает наличие в наборах с одной пряжкой дополнительного ремня, проходящего под стопой. В степях Восточной Европы обувь с одной пряжкой известна и позднее той даты, которую привела Э.А. Хайрединова для Крыма: во второй половине V – первой половине VI в. К этому типу, в частности, относилась по мнению А.В. Комара обувь воина из захоронения 4 Животинного могильника[26] – одного из самых поздних комплексов с ингумациями на Верхнем Дону (Комар, 2010, с. 98-99).

Пряжки с В-образными рамами, в т.ч. и полыми, массивными, подрезанными с тыльной стороны язычками по аналогиям в Центральной Европе, на Северном Кавказе, в Крыму, в рязано-окских могильниках датируются серединой-второй половиной V – началом VI в. (Обломский, 2008а, с. 222-223).

Погребение 57 (рис. 84). Яма, ориентированная по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток, прослежена на поверхности материка. Северный ее край уничтожен более поздним погребением 54. Размеры сохранившейся части ямы по верхним контурам – 1,38 × 0,79 м, по дну – 1,3 × 0,7 м. Дно находилось на глубине 0,29-0,3 м от верхнего края ямы или 1,19-1,23 м от дневной поверхности. На дне головой на северо-северо-запад в вытянутой позе на спине в анатомическом порядке лежал плохо сохранившийся скелет ребенка возрастом около

[26] В ряде своих публикаций А.В. Комар называет этот памятник «Животино», что не верно. Могильник расположен около с. Животинное.

6 лет[27]. Правая рука вытянута вдоль корпуса, положение левой установить не удалось. Вещей в погребении не было, но по ориентировке оно, скорее всего, относится к гуннскому времени.

Погребение 62 (рис. 85: 1). Обнаружено на глубине 0,5-0,85 м от дневной поверхности. Погребение – разрушенное, представляло собой 2 скопления костей ребенка возрастом 4-5 лет[28], расположенных на разных уровнях залегания. Южное из них имело размеры 0,38 × 0,11 м и находилось в предматериковом слое на уровне поверхности материка. Контур погребальной ямы не зафиксирован. В скоплении отсутствует анатомический порядок. Обнаружены фрагменты нижней челюсти, кости верхнего грудного отдела и предплечья.

Севернее над ступенькой постройки 4 выявлен свод черепа, несколько ниже – кости таза и верхних конечностей ребенка. Размеры области концентрации костей – 0,86 × 0,24 м. Обращает на себя внимание, что северное их скопление находилось в верхней части заполнения постройки 4.

Погребение, по всей вероятности, представляло собой кости человека, выброшенные в частично заплывший котлован постройки 4.

Погребение 66 (рис. 85: 2). Находилось у северо-восточной стенки постройки 4 на глубине 0,7-1,25 м от дневной поверхности. Погребение – разрушенное, выявлено в виде двух скоплений костей ребенка возрастом около 5-7 лет[29], расположенных на разных уровнях залегания. Северо-восточное скопление размерами 0,83 × 0,58 м обнаружено в предматериковом слое на уровне материка. Контур погребальной ямы не зафиксирован. В скоплении отсутствует анатомический порядок. В его состав входили фрагменты костей нижних конечностей, таза.

Юго-западное скопление, имевшее размеры 0,61 × 0,26 м, зафиксировано вдоль северо-восточной стенки котлована в заполнении постройки 4. Кости грудного отдела и фрагменты черепа найдены на поверхности линзы темно-серого гумуса и были перекрыты прослойкой гумусированного суглинка.

Как и предыдущее захоронение, погребение 66 было разрушено (или кости перезахоронены) уже после прекращения функционирования постройки 4, т.е. в то время, когда котлован заплыл черноземом.

Погребение 68 (рис. 86: А). Контуры ямы зафиксированы на поверхности материка на глубине 0,8-0,83 м от дерна. Узкая прямоугольная яма с закругленными углами размерами 0,55 – 2,8 м, заполненная однородным темно-серым гумусом, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. С юго-восточной стороны в яме устроена ступенька размерами 0,37 × 0,55 м, глубиной 0,2 м от уровня материка. Размеры ямы по дну составляют 0,55 × 2,43 м. Стенки вертикальные, дно линзовидное, перепад глубин достигает 0,1-0,16 м. Максимальное углубление приходится на центральную часть могильной ямы, которая впущена в материк на 0,6 м.

Скелет взрослого мужчины[30] ориентирован головой на северо-запад и лежал в вытянутой позе на спине в анатомическом порядке. Череп повернут вправо. Кости – хорошей сохранности, но часть костей грудного отдела перемешаны грызунами. Руки были вытянуты вдоль корпуса и плотно прижаты к телу. Кисти рук не сохранились в анатомическом порядке, но первоначально были, вероятно, заведены под таз погребенного. Ноги плотно прижаты друг другу. В погребении не выявлено признаков деревянной конструкции.

Южнее правой голени в кротовине найден железный нож (рис. 86: 1). В районе таза обнаружены 2 железные пряжки: калачевидная (рис. 86: 3), В-образная (рис. 86: 2). Язычок первой из них охватывает раму на ¾ высоты, второй – полностью. Размеры рамы первой пряжки – 2,5 × 2,1 см, толщина – 4-6 мм, ширина язычка – 5 мм; второй, соответственно, 3,5 × 1,5-1,7 см, 4-5 мм, 5,5 мм. Набор пряжек относится к гуннскому времени.

Погребение 69 (рис. 87: 1-3). Очертания ямы прослежены на уровне материка на глубине 1,0 м от дневной поверхности. Яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Ее размеры по верхнему краю – 0,7 × 1,92 м. На глубине 0,44-0,47 м от поверхности материка с северной и южной стороны погребения обнаружены ступеньки-заплечки шириной 5-11 см. На их уровне размеры ямы уменьшаются до 0,44 × 1,92 м. Дно могилы зафиксировано на глубине 0,8-0,9 м от верхнего края могильной ямы. В торцевой восточной части могилы в материковом слое устроена ниша размерами в основании 0,41 × 0,45 м. Ее дно совпадает с уровнем ма-

[27] По данным М.В. Добровольской.
[28] По данным М.В. Добровольской.
[29] По данным М.В. Добровольской.
[30] Возраст по Я. Кулявцевой-Главовой – 30-35 лет, по М.В. Добровольской – 30-39 лет.

терикового дна погребальной ямы. Высота свода достигает 0,37 м от него. Заполнение представляет собой однородный серый гумус.

Скелет женщины[31], ориентированный головой на запад, лежал в вытянутой позе в анатомическом порядке на глубине 2,01-2,02 м от дневной поверхности. Череп повернут влево. Руки вытянуты вдоль корпуса и плотно прижаты к телу. Кисти рук лежали под костями таза погребенной. Ноги плотно прижаты друг к другу.

Вещей в захоронении не было.

Погребение 71 (рис. 87: 4). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,5-0,6 м от дневной поверхности. Контур могильной ямы не прослежен. Скелет ребенка возрастом 0,5-1 год[32] в анатомическом порядке лежал скорченным на правом боку и был ориентирован головой на северо-западо-запад. Скелет разрушен норой землеройного животного, поэтому фрагменты таза, нижнего позвоночного отдела и предплечья лежали в культурном слое рядом с ним. Правое плечо находилось под ребрами. Ноги согнуты в коленях и образуют угол 70°.

Судя по позе погребенного, захоронение, скорее всего, относится к гуннскому времени.

Погребение 74 (рис. 85: 3) выявлено в заполнении постройки 5 на глубине 0,6-0,7 м от дневной поверхности. Обнаружены разрозненные кости конечностей, позвонки, ребра и отдельные фрагменты черепа мужчины возрастом 40-49 лет[33]. Кости залегали на участке размерами 0,7 × 1,3 м на одной глубине, часть из них находилось под известняковым камнем размерами 0,2 × 0,28 × 0,07 м. Наиболее вероятно, что кости были помещены в заполнение постройки после разложения связующих тканей. Не исключено, что это – перезахоронение в котловане постройки, которая к этому времени уже была заброшена.

Погребение 75 (рис. 88: 1). Находилось на глубине 0,8 м от дневной поверхности. В нижней части слоя чернозема на уровне предматерика обнаружены кости левой руки человека в анатомическом порядке, которые были ориентированы лопаткой на юго-востоко-восток. В 0,8 м к северо-западу от них также в анатомическом порядке лежали кости нижних конечностей (голенные), ориентированные ступнями на северо-запад. Они были параллельны друг другу. Скелет мужчины возрастом 30-39 лет[34], скорее всего, первоначально лежал на спине головой на юго-восток.

Погребение 76 (рис. 88: 2) выявлено на глубине 0,5 м от дневной поверхности. В слое чернозема обнаружен череп женщины возрастом около 20 лет[35] и несколько позвонков. Свод черепа направлен к югу, лицо обращено к западу. Первоначальное положение скелета определить невозможно.

Раскоп 5

Примыкает к раскопу 2 (рис. 55). Исследованная площадь составила 128 кв. м. Работами на раскопе руководила О.А. Румянцева. К гуннскому времени относится только железная фибула с пластинчатым приемником, утраченной пружиной и муфтой, которая предназначена для крепления ее оси, происходящая из культурного слоя (рис. 88: 3). На ножке изделия слабо заметны фасетки. Размеры фибулы: высота корпуса без учета кривизны – 4,8 см, ширина – 3-7 мм. Подробнее о фибулах этого типа см. главы 6 и 10. Погребений на раскопе 5 не было.

Ксизово-17Б

Раскоп 2

Раскоп 2 заложен на мысу, образованном краем второй надпойменной террасы правого берега р. Дон и северным бортом оврага, отделяющем памятник от городища, которое расположено ниже по течению. Вскрытая площадь составила 1272 кв. м (рис. 89), исследовано 20 погребений гуннского периода.

Работами на раскопе руководил А.М. Обломский.

Погребение 2 (рис. 90; 91). Погребальная яма прослеживалась на поверхности материка, но не слишком четко, поэтому контуры ее по верхнему краю условны и, скорее всего, значительно превышают по размерам действительные. Относительно отчетливо они проявились лишь в нижней части ямы, где заполнение было окрашено органическим тленом. В плане яма – подпрямоугольная, ориентированная по линии

[31] Возраст по Я. Кулявцевой-Главовой – 30-35 лет, по М.В. Добровольской – 25-34 года.

[32] По данным М.В. Добровольской.

[33] По данным М.В. Добровольской.

[34] По данным М.В. Добровольской.

[35] По данным М.В. Добровольской.

северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры ямы по дну составляют 2 × 0,8-1,1 м, глубина от уровня материка – 0,68-0,8 м, от дневной поверхности – 1,4-1,48 м. Скелет женщины возрастом 16-20 лет[36] сохранился хорошо. Он лежал на спине в вытянутой позе головой на северо-северо-восток. Руки положены вдоль тела. Утрачены лишь кости левой стопы. По всей видимости, они растащены грызунами. По наблюдениям Я. Кулявцевой-Главовой на внутренних костях черепа видны следы кровоизлияния в мозг, зубы истерты.

За головой скелета (к северу от нее) в наклонном положении устьем к черепу стоял глиняный кубок. Под нижней челюстью скелета были найдены две стеклянные бусины. На левом плече пружиной книзу лежала фибула, а рядом с ней (к востоку) спинкой кверху – гребень из рога. Скопление вещей отмечено у левого локтя. Здесь находились стоявшее вертикально зеркало, еще две стеклянные бусины, три комочка белой известняковой, но очень мелко помолотой массы (возможно, пудры). В области пояса у позвоночника несколько северо-восточнее таза лежала пряжка.

Кубок – глиняный, чернолощеный с внутренней и внешней сторон, хорошо обожжен, изготовлен из плотного керамического теста с очень мелкими примесями (рис. 91: 3). Размеры: диаметр венчика – 7 см, перегиба у начала цилиндрической шейки – 6,8 см, перегиба в месте перехода к тулову – 6,6 см, тулова – 8,7 см, дна – 3,6 см, общая высота – 7,3 см, высота от венчика до места наибольшего расширения тулова – 3,8 см.

Фибула – железная, двучленная, прогнутая (рис. 91: 2). Ось пружины закреплена в муфте, образованной загнутым вверх краем корпуса, тетива пружины – нижняя. Корпус изготовлен из плоской пластины, орнаментированной фасетками. Его ширина составляет 5-6 мм. Приемник – т.н. подвязный, прикреплен к корпусу лапкой из узкой пластины. Общая длина изделия (без учета изгиба спинки) – 6 см.

Гребень представляет собой изготовленную из рога подвеску с отверстием в верхней части полукруглой спинки (рис. 91: 1). Он – однослойный, предел для пропиливания зубцов обозначен с одной стороны процарапанной линией. На горизонтальных плечиках имеет по одному вертикальному пропилу с каждой из сторон. В могилу был положен целым, но при извлечении из нее часть зубцов выкрошилась. Общие размеры изделия – 5,6 × 4,8-5 см.

Зеркало-подвеска изготовлено из бронзы (рис. 91: 5). С одной стороны оно заполировано, с другой имеет петлю и довольно сложный орнамент (возможно, пиктограмму) из выпуклых валиков. Петля является центром композиции. Диаметр зеркала – 3,7 см.

Все бусы – черные винтообразные (рис. 91: 6-9). Их описание приводится в главе 11.

Пряжка сделана из железа. Ее рама – кольцеобразная с сильным утолщением с внешней стороны, ромбическая в сечении (рис. 91: 4). Толщина рамы – 3-5 мм, общие размеры – 2,8 × 3 см. Язычок выступает за пределы рамки и имеет довольно сложную форму. На переломе его выкованы ушки, далее в сторону места крепления к рамке он – многогранный. Подтреугольная фасетка отделяет его от площадки, на которой видны два плоских боковых валика. Ближе к месту крепления язычка сделана еще одна площадка с валиками на внешней поверхности.

Пряжки с зооморфными язычками, в целом, характерны для эпохи Великого переселения народов, включая раннее средневековье, о чем мне уже доводилось писать (Обломский, 2004а, с. 145). На территории Верхнего Подонья, не считая экземпляра из погр. 2, обнаружена всего одна такая пряжка (на поселении Замятино-8), но она отличается формой рамы и язычка (Обломский, 2004б, рис. 43: 12).

Две пряжки, по большинству признаков очень близкие к экземпляру из погр. 2, происходят из могильника Нижняя Рутха (Северный Кавказ) (Абрамова, 1997, рис. 5: 8). А.К. Амброз датировал их V в.(Амброз, 1989, с. 31). Массивная пряжка с почти таким же, как у изделия из погр. 2 язычком, найдена в погр. 399 могильника Цибилиум-2 (Абхазия) (Воронов, 2003, рис. 191: 15). Из района Цебельды происходят еще три очень близкие пряжки (мог. Абгыдзраху, погр. 44; Ауахуамаху, погр. 3; Ахьяцараху, погр. 10) (Ковалевская, 1979, табл. II: 4,8; Трапш, 1971, табл. XXXV: 4; XXXIX: 9; XLVI: 1). М.М. Трапш датировал подобные пряжки V в. в целом (Трапш, 1971, табл. LIV: 103). По системе О.А. Гей и И.А. Бажана подобные пряжки относятся к периоду 7 ступени II, которую авторы, в целом, синхронизируют с этапом D2a Ф. Бирбрауэра и датируют 400-425 гг.(Гей, Бажан, 1997, с. 26-27, табл. 10: 8-12; 28). По М.М. Казанскому

[36] По данным Я. Кулявцевой-Главовой и М.В. Добровольской.

и А.В. Мастыковой подобные пряжки характерны для стадии III цебельдинских могильников (380/400-440/450 гг.) (Kazanski, Mastykova, 2007, p. 37, pl. 34: 21-22).

Железная фибула относится к обширной группе прогнутых двучленных с широким кольцом для крепления оси пружины и пластинчатым корпусом равномерной ширины или суживающимся книзу. Приемник у подобных фибул мог быть подвязным или сплошным. В деталях вещи этой группы весьма разнообразны, общепринятая классификация отсутствует. На памятниках гуннского времени Верхнего Подонья известна серия железных и бронзовых подобных фибул. На территории Восточной Европы они датируются, преимущественно, концом IV – VI в. (Обломский, 2010г, с. 138; Мастыкова, 2009, с. 41-46) (более подробно см. главы 6 и 10 монографии).

Зеркала с петлей на обороте на территории Центральной и Западной Европы считаются характерными предметами гуннского времени. На востоке Европы датируются широко: со II или первой половины III в. и до эпохи раннего средневековья (Обломский, 2004в, с. 145). Вероятно, при дальнейшем типологическом изучении удастся выделить варианты зеркал с более узкой хронологией. На территории Верхнего Подонья большинство подобных зеркал найдены на поселениях типа Чертовицкое-Замятино середины 1 тыс., одно – в погребении в Мухино гуннского периода (Обломский, 2004б, рис. 42: 13; Бирюков, 2004а, рис. 112: 6-8; Медведев, 1996, рис. 3: 1; Земцов, 2003, рис. 2: 12) (глава 6 монографии). Тем не менее, известны и более ранние находки – на городище Ишутино первых вв.н.э. и в сарматском захоронении III в. у с. Подклетное (Медведев, 1990, с. 14; Разуваев, 1998, рис. 3: 6). Близкое по размеру и орнаметации к экземпляру из Ксизово-17 зеркало найдено на поселении Ксизово-19А (глава 1 монографии, рис. 9: 5).

Наиболее показательным в отношении хронологии является гребень типа III варианта 2б по классификации Г.Ф. Никитиной. В целом, подобные гребни датируются широко: от 30-х гг. IV в. до первой половины V в. (Обломский, 2004в, с. 144). Среди этих изделий, которые, как правило, были трехслойными, наборными, скрепленными железными или бронзовыми штифтами, однослойные экземпляры-подвески считаются относительно поздними (Шишкин, 2002, рис. 1: 11). На территории Верхнего Подонья аналогичные гребни найдены в Мухино-2 (Земцов, 2003, рис. 1: 11) и в Ксизово-19. Здесь же на Острой Луке Дона исследованы остатки двух усадеб, где изготавливались гребни типа III, как наборные, так и однослойные (поселения Замятино-5 и 8), причем на плечах заготовки последнего, как и на гребнях из Ксизово-17, 19 и Мухино, имеются характерные вертикальные пропилы (Обломский, Усачук, 2004). Изделия из Ксизово и Мухино, скорее всего, были изготовлены мастерами Острой Луки. Мастерская в Замятино-8 по серии предметов, которые с ней связаны (обломки бронзовых фибулы и браслета с треугольным сохранившимся концом и пуансонным орнаментом, «крапчатая» бусина) существовала около второй трети – середины V в. (Обломский, 2004а). Этот период, скорее всего, и является наиболее вероятной датой погребения 2.

Погребение 3 (рис. 92). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,45-0,49 м от дневной поверхности. В захоронении находились скелет ребенка возрастом 11-13 лет (А) и части скелета взрослого человека, скорее всего, женщины 20–24 лет (Adultus II) (В)[37]. Детский скелет А ориентирован головой на северо-западо-запад. Он лежал на спине в анатомическом порядке. Ноги были широко разведены в стороны в коленях, пятки сведены вместе. Голова частично повернута налево, но позиция первых двух позвонков показывает, что череп первоначально лежал лицом вверх. Руки вытянуты вдоль тела, но слегка согнуты в локтях. Вблизи ступни правой ноги скелета А находятся дислоцированные длинные кости голени взрослого человека (В) и его нижняя челюсть. Череп этого скелета без нижней челюсти лежал к северу от черепа скелета А лицом к нему.

Никаких вещей при погребенных не было, если не считать 24-х железных скреп для какой-то деревянной конструкции (рис. 92: 1-23). Они были изготовлены из прямоугольных, трапециевидных или ромбических в сечении стержней. Часть скреп были прямыми или слегка изогнутыми, а 14 представляли собой крюки. Одна из них найдена выше скелета в культурном слое, куда попала, очевидно, случайно. Скрепы обнаружены на общем уровне залегания обоих скелетов. Железные стержни и крюки окружают захоронение по периметру и очерчивают какую-то деревянную конструкцию размерами 1,5 × 0,5 м

[37] По данным Я. Кулявцевой-Главовой; по М.В. Добровольской скелет А – ребенок 8-13 лет, череп скелета Б принадлежал мужчине 20-25 лет.

(следы дерева не сохранились). Четыре скрепы найдены непосредственно в пределах скелета А. Еще четыре находились к северу от погребения на расстоянии 0,35 м, а еще две – к западу и юго-западу в 0,35-0,45 м, куда были перемещены, вероятнее всего, кротами. Близкая глубина залегания скреп показывает, что в более рыхлом, чем окружающий грунт, заполнении могильной ямы, которая не прослежена, эти сравнительно тяжелые изделия опустились на уровень, примерно соответствующий ее дну. Тем не менее, есть основания предполагать, что деревянная конструкция в погребении была двухъярусной, т.е. кроме дна, имела и крышку: две скрепы лежали сверху скелета на костях ног.

Погребение 4 (рис. 93: А). Находилось в нижней части культурного слоя на глубине 0,55-0,62 м от дневной поверхности. Скелет лежал в анатомическом порядке на спине в вытянутой позе головой к северо-западу. Сохранность костей хорошая. Череп повернут лицом к северо-востоку. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте и положена на таз. Под черепом у левого уха лежала бронзовая проволочная серьга в полтора витка (рис. 93: 1). Скелет принадлежал мужчине в возрасте 30 – 50 лет (Adultus II – Maturus I), страдавшим артрозом. На правой большой берцовой кости заметна зажившая резаная рана[38].

Погребение 5 (рис. 93: Б). Совершено в овальной яме, ориентированной по линии юго-западо-запад – северо-востоко-восток, контуры которой прослежены на поверхности материка, дно зафиксировано на уровне 1,55-1,7 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы – 0,86-0,89 м. Заполнение представляло собой однородный серый слабо гумусированный суглинок. Размеры ямы по верхнему краю – 2,5 × 0,95-1,0 м, по дну – 2,1 × 0,47-0,5 м. На глубине 0,71-0,85 м от уровня фиксации контуров внутри ямы была сделана плоская полка шириной 5-13 см. Полка, по всей видимости, служила в качестве опоры для деревянных перекрытий. Остатки их в виде 2-х небольших пятен древесного тлена прослежены на дне могилы. Размеры северного из них – 23 × 6 см; южного – 20 × 12 см.

На дне ямы головой на юго-западо-запад лежал на спине в вытянутой позе скелет мужчины возрастом 20-29 лет по определению М.В. Добровольской. Кости сохранились плохо, но по их расположению можно установить, что правая рука покойника была положена на таз. Поверх костей ног от колена до, приблизительно, лодыжек прослежен кожаный тлен. Его пятно на правой ноге имело размеры 0,6 × 0,1-0,15 м, на левой – 0,5 × 0,08-0,13 м. Под костями каждой из ног на 10 см ниже верхних пятен прослежены также пятна кожаного тлена (нижнего уровня). Размеры правого – 0,35 × 0,15 м, левого – 0,25 × 0,15 м. Никаких вещей не было.

Погребение 6 (рис. 94; 95). Совершено в яме, овальной в плане, ориентированной по оси запад-восток, прослеженной в предматериковом слое. Дно ямы находилось на глубине 1,22 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы – 0,13-0,18 м. Размеры по верхнему краю – 1,97 × 0,35-0,55 м, в нижней части – 1,8 × 0,33-0,5 м.

На дне ямы головой на восток в вытянутом положении на спине в анатомическом порядке лежал скелет женщины возрастом 20-29 лет по М.В. Добровольской. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте, кисть положена на таз. Целая правая верхняя конечность перевернута дорзальной (нижней) поверхностью вверх. Сохранность скелета – относительно хорошая. Предплечье не только в пронации, но лежит перевернуто задней стенкой кости наверх. Позиция лопатки нормальная, ключица отсутствует. Причина такого положения заключается, вероятно, в стремлении втиснуть покойника в узкую погребальную яму.

На правой и левой руках погребенной были надеты бронзовые браслеты. Диаметр одного из них – 6 см, концы расплющенные, ромбической формы с двумя прочеканенными ямками-«глазками» на каждом (рис. 94: 2). В целом, окончания браслетов имитируют змеиные головки. Диаметр второго браслета – 6,2 см, один из его концов – круглый, не орнаментированный, второй – зооморфный в виде головки животного с глазами по бокам. Сверху эта головка орнаментирована оттисками зубчатого штампа, с тыльной стороны – невысоким рельефным валиком (рис. 94: 3). На шее погребенной было ожерелье из 12-ти стеклянных бусин (они лежали под нижней челюстью) (рис. 95). Их описание и хронологический анализ приводится в главе 11. Набор бус, в целом, характерен для эпохи Великого переселения народов.

Под черепом, т.е. с правой стороны лица, была найдена бронзовая серьга в виде кольца с сомкнутыми концами (рис. 94: 1).

[38] По данным Я. Кулявцевой-Главовой, по М.В. Добровольской возраст 35-44 года.

В первые вв.н.э. в Северном Причерноморье широко распространены браслеты как со змеиными головками, так и с массивными зооморфными окончаниями (Ольговский, 2001; Труфанов, 2001). Похожий на экземпляр из Ксизово-17 браслет со змеиными головками происходит из погребения знатной женщины гуннского времени на поселении Мухино, которое, как и могильники у с. Ксизово, расположено на Острой Луке Дона (Земцов, 2003, рис. 2: 6). Самые близкие аналогии браслету с массивными зооморфными окончаниями известны среди подъемного материала на поселении Ксизово-19А (см. главу 1 настоящей монографии) и из Никитинского могильника (рязано-окская культура). Могильник датируется всем V в. вплоть до рубежа V/VI вв. (Воронина и др. 2005, с. 79-81; рис. 32: 6).

По набору вещей погребение 6 датируется в пределах четвертой четверти IV – V вв.

Погребение 7 (рис. 96: А, 1). Прослежено в культурном слое на уровне 0,59-0,69 см от дневной поверхности. Хорошо сохранившийся скелет ребенка в возрасте 8 лет ± 24 месяцев (Infans II)[39] лежал на спине головой к северо-западо-западу в вытянутой позе в анатомическом порядке. Левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте и положена на таз. Мелкие кости и ребра сохранились лишь частично. Внутри черепа обнаружена круглая выпуклая бляшка диаметром 0,8 см с двумя изогнутыми штифтами для крепления. Предмет изготовлен из бронзы и обложен серебряным листом со всех сторон. В листе сделаны два отверстия: в верхней части для головки штифтов и в нижней – для их стержней. Центральная часть изделия выступает кверху. Она – круглая и плоская. По бокам видны слегка скошенные по часовой стрелке рельефные дольки-выступы (рис. 96: 1).

Стилистика круглых бляшек с рельефными дольками на краях очень характерна для эпохи Великого переселения народов, но чаще всего они бывают изготовлены из листа, имеют отверстия и предназначались для нашивания на ткань. Круглые накладки с рубчиком по краю, изготовленные из бронзы и обтянутые золотым листом происходят из комплексов гуннской знати на территории степной зоны. Как правило, в центральной части они имеют выпуклую вставку из камня (Засецкая, 1994, табл. 6: 15; 9: 5; 17: 16,17; 37: 17). К бляшке из погр. 7 в наибольшей степени близки украшения из Новой Маячки (Засецкая, 1994, табл. 9: 5), у которых в верхней части нет вставок. Там помещена головка штифта.

Погребение 8 (рис. 96: Б). Прослежено в нижней части культурного слоя на глубине 0,71-0,8 м от дневной поверхности. Могильная яма в виде темного пятна размерами около 1,7 × 0,5 м зафиксирована лишь на уровне залегания скелета. Он ориентирован головой на северо-северо-запад. Скелет мужчины возрастом 30-39 лет по определению М.В. Добровольской лежал вытянутым на спине, голова повернута на правый бок, руки параллельно друг другу сложены на животе. Кости правого и левого предплечья лежат параллельно. Обе верхние конечности вывернуты в плечевом суставе более медиально, что, скорее всего, соответствовало укладке тела в узкое пространство, которое, с учётом разжима костей таза и стоп, было полым. Вещей в захоронении не было.

Погребение 9 (рис. 97). На северо-восточную его оконечность накладывается каменная вымостка «скопление 5».

Погребальная яма прослежена на поверхности материка. В плане она представляет собой неправильный овал. Неровные стенки сужены книзу. Размеры по верхнему краю – 2,35 × 1,1-1,15 м, в нижней части – 1,88 × 0,4-0,5 м. Общая глубина ямы – 0,64-0,66 м.

На дне на уровне 1,45-1,47 м от дневной поверхности в вытянутой на спине позе в анатомическом порядке головой к северо-востоку лежал скелет мужчины возрастом 35-44 года по М.В. Добровольской. Руки вытянуты вдоль тела, череп повернут лицом к северо-западу. В целом, скелет – плохой сохранности, кости лица утрачены (уничтожены землеройными животными). На костях таза, примерно, посередине его, найдена железная пряжка со слегка прогнутой рамой (рис. 97: 1), вероятно, от пояса. Еще две пряжки из железа (обувные) лежали на обеих ногах (по одной) в районе лодыжек. Язычок левой приподнят кверху и имеет характерный излом (рис. 97: 3), правой – снабжен выступом с тыльной стороны и изготовлен из бронзы (рис. 97: 2). У нее и поясной пряжки язычки охватывают спереди почти всю раму. Из бронзы сделана также заклепка на остатках железной обоймы. На раме заметно рифление. Приблизительные размеры рамок пряжек, соответственно, в порядке упоминания: 1,8 × 1,1-1,3 см; 1,5 × 1,4 см; 1,7 × 1,5 см.

[39] По определению Я. Кулявцевой-Главовой и М.В. Добровольской.

Все три пряжки сохранились очень плохо, но по формам рамок и язычков по Я. Тейралу они типичны для периода D3 (450-480/490 гг.) (Tejral, 1997, S. 350-351).

Погребение 10 (рис. 98: А). Прослежено в культурном слое на глубине 0,76-0,85 м от дневной поверхности. Скелет взрослого человека, ориентированный головой на северо-западо-запад, лежал на спине в анатомическом порядке, правая рука изогнута в локте и положена на таз, левая вытянута вдоль тела. Позвоночник несколько наклонен налево, голова лежала на левой щеке. Кости сохранились хорошо. По заключению Я. Кулявцевой-Главовой в погребении захоронен мужчина в возрасте 40-60 лет (Maturus I – Maturus II)[40]. Покойник страдал деформирующим спондилолизом и артрозом левого тазобедренного сустава. При жизни с головы был снят скальп, но оставшиеся после этого швы заросли, т.е. эта операция не послужила причиной смерти. Никаких вещей при погребенном не было.

Погребение 11 (рис. 98: 1, Б). Скелет мужчины возрастом 30-39 лет по М.В. Добровольской лежал на спине в анатомическом порядке в вытянутой позе. Он ориентирован головой на северо-запад. Несмотря на плохую сохранность костей, ясно, что правая рука была вытянута вдоль тела, а левая слегка согнута в локте. Кисть руки положена на таз. На правом плече в месте соединения ключицы и плечевой кости обнаружены обломки очень плохо сохранившегося железного предмета, вероятно, пряжки с массивным хоботовидным язычком, типичным для гуннского времени (рис. 98: 1). Погребение зафиксировано в нижней части культурного слоя на уровне 0,6-0,65 м от дневной поверхности. Контуры могильной ямы в виде пятна более темного, чем окружающий гумус, цвета прослежены лишь на уровне залегания скелета. Ее размеры – 1,75 × 0,4-0,65 м.

Погребение 12 (рис. 99: А). Зафиксировано в культурном слое, яма не прослежена. Перекрывает погребение 18. Археологическая ситуация в погребении 12 была нестандартной. Выявлены останки 3-х человек в следующем расположении. В самом низу на глубине 0,57-0,61 м от дневной поверхности лежал на спине в анатомическом порядке скелет мужчины возрастом 40-55 лет (скелет 12С). Правая рука была вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и положена на таз. Скелет ориентирован головой на юго-западо-запад. Череп повернут лицом к югу. На скелете на глубине 0,4-0,5 м от дневной поверхности лежали останки двух детей: почти комплектый скелет одного (скелет 12А) и только лишь череп другого (скелет 12В). Детский скелет А лежал на левом боку, головой на запад, лицевой стороной на север на животе взрослого человека, головой над его тазом и проксимальной половиной тела в тазовой зоне. Левая верхняя конечность изогнута в локте так, что пальцы руки находились под черепом и нижней челюстью. Нижние конечности были перекрещены, т.е. поза погребенного была скорченной. Скелет принадлежал ребенку в возрасте 5 лет ± 16 месяцев (Infans Ib). Череп скелета В повернут на восток, лицом на запад, лежал между нижними конечностями взрослого скелета. Он принадлежал ребенку в возрасте 2-4 года (Infans Ib)[41]. Никаких вещей в захоронении не было.

Погребение 13 (рис. 99: 1, Б). Совершено в овальной яме, ориентированной по оси юго-запад – северо-восток. Размеры ямы по верхнему краю – 1,8 × 0,75 м, по дну – 1,75 × 0,54-0,6 м. Контуры прослежены на поверхности материка, дно находилось на уровне 1,51-1,57 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы – 0,45-0,54 м.

Скелет взрослого человека (кости – сравнительно неплохой сохранности), ориентированный головой на юго-запад, лежал на дне ямы на спине в анатомическом порядке. Руки вытянуты вдоль тела, голова повернута лицом кверху. Около правого плеча на дне ямы лежала костяная полированная полая трубочка с отверстием с одной стороны и двумя ушками с отверстиями – с другой (рис. 99: 1). Подобные изделия в погребениях салтовской культуры иногда интерпретируются как горлышки бурдюков.

Погребение 14 (рис. 100: А). В верхней части культурного слоя на глубине 0,2-0,25 м от дневной поверхности на пространстве 1,7 × 1,2 м были разбросаны кости мужчины возрастом 40-55 лет[42]. Скелет не был искусственно расчленен; останки передвинуты плугом во время распаш-

[40] По М.В. Добровольской возраст мужчины старше 50 лет.

[41] В тексте дано определение Я. Кулявцевой-Главовой. По М.В. Добровольской скелеты А и В принадлежали детям возрастом, соответственно, около 5-ти и 4 лет; С – мужчине возрастом 45-55 лет.

[42] По Я. Кулявцевой-Главовой; по М.В. Добровольской возраст мужчины 40-49 лет.

ки территории раскопа под сад. Судя по тому, что куски черепа концентрировались в западной части, а длинные кости ног – в восточной, он первоначально был ориентирован головой на запад. Позу погребенного установить невозможно. На костях заметны артротические изменения, причиненые увеличенной загрузкой на осевой скелет (позвоночник). У северного края нижней челюсти на уровне залегания костей был обнаружен фрагмент железного шила (рис. 100: 1).

Погребение 15 (рис. 100: Б). Скелет мужчины возрастом 35-44 года по М.В. Добровольской, ориентированный головой на северо-западо-запад, лежал на спине в анатомическом порядке на глубине 0,51-0,53 м от дневной поверхности. Череп повернут лицом направо, левая рука согнута в локте и лежала на тазе, правая тоже согнута в локте. Кости кисти находились в районе ключицы. Сохранность костей – плохая. Никаких вещей при погребенном не обнаружено.

Погребение 16 (рис. 101: А). Яма захоронения, ориентированная по оси юго-запад – северо-восток, прослежена на поверхности материка. В плане она близка к овалу размерами по верхнему краю 2,15 × 0,75-1,0 м, в нижней части – 1,95 × 0,5-0,9 м. Дно ямы находилось на глубине 1,62-1,64 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы – 0,59-0,62 м. Она была заполнена однородным серым слабогумусированным суглинком.

На дне ямы головой к юго-западу лицом к северу в вытянутой позе на спине в анатомическом порядке лежал скелет мужчины возрастом 40-49 лет по определению М.В. Добровольской. Руки вытянуты вдоль тела. Над левым предплечьем и в нижней части правой половины грудной клетки зафиксированы 3 пятна светло-серого тлена. В нижней части таза на его костях обнаружен круглый железный предмет, вероятно, пряжка, полностью разложившаяся.

Погребение 17 (рис. 101: Б). Прослежено в культурном слое на глубине 0,37 м от дневной поверхности. Здесь головой на северо-восток лежал на спине скелет новорожденного ребенка в анатомическом порядке со следами кровоизлияния в мозг (по определению Я. Кулявцевой-Главовой). Сохранились кости черепа, верхние и нижние конечности. Вещей при погребенном не было.

Погребение 18 (рис. 102; 103). Совершено в овальной яме, ориентированной по оси север – юг, прослеженной на поверхности материка. Дно зафиксировано на глубине 1,65-1,7 м от дневной поверхности. Заполнение представляло собой однородный серый слабо гумусированный суглинок. Размеры ямы по верхнему краю – 1,75 × 0,95 м. Стенки ее в верхней части были практически отвесными. На глубине 0,21-0,22 м от уровня фиксации контуров внутри ямы была сделана плоская полка, более широкая с северной, западной и восточной сторон (10-22 см) и относительно узкая с южной (8-10 см). Полка, по всей видимости, служила в качестве опоры для деревянных перекрытий. Остатки их в виде 4-х небольших пятен древесного тлена прослежены в средней части заполнения ямы. Скелет лежал в наиболее глубокой центральной части ямы, которая имела размеры 1,5 × 0,35-0,5 м. С северной ее стороны сделана ниша шириной около 15 см, в которой стояли 2 лепных сосуда. Восточный из них был лощеным без отчетливых минеральных примесей в тесте (рис. 103: 1). Внутри заметен нагар. Западный горшок имел шероховатую поверхность (рис. 103: 2). В тесте заметны пустоты от выгоревшей органики. Размеры первого сосуда: диаметр венчика – приблизительно 8,5 см, шейки – 7,5 см, перегиба в нижней части горла – 7,8 см, места наибольшего расширения тулова – 11,7 см, дна – 5,8 см, общая высота – приблизительно, 10 см; второго: диаметр венчика – 9,2 см, шейки – 8,8 см, места наибольшего расширения тулова – 11 см, дна – 6,2 см, общая высота – 10,8-11,2 см.

Относительно неплохо сохранившийся скелет ребенка в возрасте 7 лет ± 24 месяца (Infans II) по Я. Кулявцевой-Главовой с искусственно деформированным черепом, ориентированный головой на север, лежал в вытянутой на спине позе на дне ямы. Руки, по всей видимости, были вытянуты вдоль тела, хотя кости правой перемещены грызунами. В нижней части груди чуть ниже грудной клетки лежала очень плохо сохранившаяся железная пряжка с бронзовым язычком с небольшим выступом с тыльной стороны, охватывающем спереди почти всю раму и бронзовой заклепкой для прикрепления к ремню (рис. 103: 3). Примерные размеры рамки – 2 х 1,4 см. С обратной стороны окислов, в которые превратилась пряжка, заметны отпечатки ткани мелкого плетения. Железная пряжка с овальной рамой с рифлением и бронзовой заклепкой на несохранившейся обойме (рис. 103: 4) находилась в верхней части таза, еще один железный предмет – в нижней его части, но он совершенно окислился (рис. 102: 5). Размеры рамки пряжки – около 1,4 × 1,7 см.

По стилю пряжки похожи на происходящие из погребения 9 и так же, как и они датируются периодом D3.

Погребение 19 (рис. 104: А). Совершено в ориентированной по оси юго-запад – северо-восток яме, имеющей неправильно овальную форму и размеры по верхнему краю 2,25 × 0,75-1,0 м и 2,12 × 0,45-0,5 м в нижней части. Контуры ее зафиксированы на поверхности материка, дно – на уровне 1,74 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы – 0,68-0,85 м. Она была заполнена однородным серым слабо гумусированным суглинком.

На дне ямы на спине головой на юго-запад в анатомическом порядке лежал скелет молодой женщины в возрасте 18 – 22 лет (Juvenis – Adultus I)[43] с чрезвычайно мелкой конституцией и с искусственно деформированным черепом. Правая рука вытянута вдоль тела, кости левой перемещены грызунами. Две норы сурков заметны в яме в ее юго-западной оконечности. Вещей в погребении не было.

Погребение 22 (рис. 104: Б). В культурном слое на глубине 0,7 м от дневной поверхности на уровне предматерика лежал раздавленный череп ребенка возрастом около 2 лет (по М.В. Добровольской), который был ориентирован лицевой частью в северном направлении. Других костей не обнаружено. Форма ямы не зафиксирована.

Погребение 23 (рис. 104: В). В нижней части культурного слоя на уровне материка на глубине 0,6 м от дневной поверхности в анатомическом порядке лежал скелет мужчины старше 50 лет в вытянутой позе на спине, ориентированный черепом на северо-запад. Левая рука вытянута вдоль корпуса. Кисть находилась на тазе. Правая рука согнута в локте, кисть лежала в верхней части живота. Череп слегка повернут в правую сторону. Кости грудного отдела потревожены землеройными животными. Рядом со скелетом лежало несколько костей другого мужчины возрастом 30-34 года. Форма ямы не зафиксирована, вещей не было.

Ритуальные объекты

Ксизово-17А

Яма 15 (ритуальная канавка) (рис. 105-107). Перекрывается древнерусскими погребениями 17 и 18, накладывается на более раннюю хозяйственную яму 17. С северо-запада к канавке примыкает яма 10, частично сливаясь с ее оконечностью краями. Северный край канавки ориентирован по линии север-юг, далее она поворачивает к юго-востоку. Южный угол объекта читался плохо: очертания его были размытыми. От этого угла канавка ориентирована на северо-восток, а затем она еще раз поворачивает на север. В целом, сооружение в плане напоминает скобку или часть периметра неправильного четырехугольника с разрывом с северной стороны. Канавка прослежена на поверхности материка. Глубина сооружения составляет 0,05-0,14 м, ширина – 0,8-1,6 м, но, в основном, около 1,2 м, длина северо-западного отрезка – 3,6 м, юго-западного – 3,6 м, юго-восточного – 4 м, северо-западного – 2,8 м. Размеры пространства, ограниченного канавкой, по внешним контурам – 5,7 × 6,2 м, по внутренним – 4,3 × 3,6 м. В заполнении, которое представляло собой черный гумус, обнаружено несколько костей животных и 9 мелких фрагментов неопределимых в культурно-хронологическом отношении лепных сосудов, которые явно попали в сооружение из культурного слоя. На поверхности материка в юго-западном углу канавки прослежено небольшое (20 × 20 см) пятно древесного угля. В ее пределах совершены 2 захоронения (13 и 15).

Погребение 13 (рис. 106: А). Зафиксировано в северной оконечности канавки, где она расширена в неглубокую яму размерами 1,9 × 0,95 м, ориентированную по линии запад-восток, заполненную тем же грунтом, что и сама канавка. Контуры ямы прослежены на уровне материка. Ее глубина от поверхности материка составляет 0,1-0,25 м, от дневной поверхности – 0,6-0,75 м. В центре могилы лежали без анатомического порядка собранные в кучу разрозненные кости мужчины возрастом 40-49 лет по М.В. Добровольской. Череп, совершенно раздавленный землей, находился в северной части скопления. Каких-либо вещей в захоронении не было.

Погребение 15 (рис. 106: Б). Совершено в яме размерами 1,4 × 0,6 м, выкопанной в юго-западной части канавки около ее юго-западного угла. Фактически эта яма представляет собой лишь результат подчистки дна сооружения, о чем свидетельствует ее незначительная глубина – 3-5 см. В яме на глубине 0,65 м от дневной поверхности лежал в вытянутой на спине позе головой на северо-запад скелет ребенка 6-10 лет. Сохранность костей, в т.ч. и черепа, очень плохая, несмотря на то, что следов расчленения скелета не отмечено.

[43] По Я. Кулявцевой-Главовой, по М.В. Добровольской возраст женщины около 20 лет.

Правая верхняя рука не сохранилась вообще, так же, как и кости грудной клетки, тазовые, эпифизы всех костей и мелкие кости рук и ног (более подробное описание см. в приложении 1). Вещей при погребенном не было.

Выше захоронения прослежено пятно слабого прокала грунта, насыщенное угольками, диаметром 0,9 м, которое, по всей видимости, представляло собой остатки кратковременного кострища.

Прямых данных для датирования канавки нет, но аналогии подобным сооружениям известны на сарматских могильниках, в т.ч. и в степном Подонье. В пределах этих канавок зачастую совершались захоронения (Симоненко, 2003).

Скопление 2 на раскопе 2 (рис. 108). Частично перекрыто и разрушено с северо-западной стороны древнерусским погребением 51, что указывает на принадлежность объекта к более раннему времени. Прослежено в верхней части культурного слоя на глубине 0,24-0,29 м от дневной поверхности. Представляло собой каменную вымостку. Занимало площадь 2,25 × 1,5 м, ориентировано по оси северо-восток – юго-запад. Камни были плотно уложены в один слой. Большинство из них имели размеры 8 × 10 – 10 × 10 см, но некоторые были крупнее (до 30 х 25 см). Скоплений угля на поверхности вымостки не было, но камни двух ее участков имели следы обожженности (изменили цвет с серого на розовый). Размеры северо-восточного участка прокала – 0,45 × 0,2 м, юго-западного – 0,63 × 0,3 м.

Две аналогичные вымостки в 2006 г. были обнаружены в юго-западной части памятника на раскопе 2 Ксизово-17Б (см. ниже). Они также состояли из камней, уложенных в один слой, часть из которых были обожжены, причем скопления углей и золы на камнях и между ними не наблюдалось. Вымостки были расположены рядом с областью концентрации погребений, одна из них перекрывала захоронение середины 1 тыс.н.э. По всей видимости, они представляли собой места разведения ритуального огня, которые периодически очищались от остатков горения.

Ксизово-17Б

Клад серпов (рис. 109-111). Обнаружен в нижней части культурного слоя и состоял из 7-ми предметов, причем 5 из них были сложены в аккуратную кучку рукоятками к северу, а лезвиями – к югу и юго-востоку (рис. 109: А). Два серпа лежали к юго-востоку от скопления в том же положении.

Все изделия – однотипны, имеют слабо изогнутое лезвие, часть, обращенная к рукояти, отогнута сильнее – под углом 115-130°. Рукоять крепилась на крючке, загнутом вверх перпендикулярно общей плоскости предмета. Лезвия почти всех серпов, насколько можно судить по сохранившимся участкам, были гладкими и лишь на одном (№ 4) заметны зубчики. Параметры серпов приводятся ниже в таблице. Форма этих изделий характерна для позднеримского и гуннского периодов, они имеют многочисленные аналогии на памятниках черняховской и киевской культур.

№	Длина лезвия с учетом кривизны (в см)	Максимальная ширина лезвия (в см)	Угол отгиба ближней к рукояти части серпа от общей линии лезвия (в градусах)
1	30	2,2	125
2	30	2,3	120
3	30,5	1,7	130
4	29	1,6	115
5	26	2	122
6	29,6	1,9	130
7	30	1,9	118

Скопление 5 (рис. 112: А). Перекрывает темное пятно «яма 5» и северо-восточный край погребения 9. Прослежено на уровне 0,22-0,25 м от дневной поверхности. Отдельные камни находились глубже на 6-15 см. Объект представляет собой близкой к овальной формы кладку камней (известняка), лежавших в 1-2 слоя. Кладка имеет четкую ориентировку по оси северо-запад – юго-восток и размеры 2,8 × 1,1-1,2 м. Края выложены более крупными камнями размерами от 15 × 10 см до 35 × 25 см, а северо-западная часть заполнена более мелкими, имеющими размеры около 5 × 8-10 см. Камни северо-западной части кладки, т.е. сравнительно мелкие, обожжены. Они поменяли обычный для известняка сероватый цвет на розовый, некоторые из них растрескались. Обожженный участок имеет размеры 0,9 × 1 м, тем не менее, между камнями обнаружены лишь единичные угольки, т.е. их не больше, чем на любом другом участке культурного слоя. В северо-западной части вымостки разводился особый «чистый» огонь, после которого производилась ее тщательная уборка. С восточ-

ной стороны кладка частично разрушена. Отдельные камни найдены вне ее на расстоянии до 2,2 м, но на том же уровне, который, по всей видимости, соответствует древней поверхности.

Скопление 5, по всей видимости, представляло собой алтарь, на котором горел «чистый» (практически не оставивший следов) огонь.

«Яма 5» представляла собой темное пятно с более отчетливыми границами в восточной оконечности и размытыми – в северной, западной и южной. Каким-то образом это пятно связано с кладкой «скопление 5»: оно окружает ее со всех сторон. Тем не менее, контуры пятна прослежены ниже – в предматериковом слое на уровне 0,58-0,65 см от дневной поверхности. Общие размеры пятна – 4,8 × 3,7 м. Первоначально названное ямой, оно, тем не менее, не соответствует ни яме, ни постройке. Структура и плотность предматерика в пределах пятна – такая же, как и на лежащих рядом участках. Нижняя его граница не была четкой. Создается ощущение, что пятно соответствует некому просачиванию более интенсивно гумусированного грунта из верхних слоев вниз. Никаких находок в пределах пятна не было.

Скопление 14 (рис. 112: Б). Прослежено на уровне 0,24-0,27 м от дневной поверхности. Представляет собой кладку из камней, положенных в 1-2 слоя, очень похожую на скопление 5, но ориентированную иначе: по оси северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры вымостки – 3 × 1,4-1,6 м. Крупные камни были положены вдоль западного края скопления (их размеры – около 10 × 20 – 25 × 30 см), более мелкие – ближе к восточному (от 3 × 3 см до 10 × 15 см), причем самые мелкие находились в северо-восточной части вымостки и занимали пространство 0,8 × 0,8 м. Большинство камней выкладки обожжены, т.е. поменяли свой цвет со светло-серого на розовый. На ее поверхности в юго-западной части прослежены два пятна, где камни были обожжены сильнее. Северо-западное из них имело размеры 0,3 × 0,15 м, юго-восточное – 0,5 × 0,5 м. Как и в скоплении 5, угольков между камнями почти не было. В пределах скопления у его юго-восточного края найдены черепки разновременных сосудов: 9 из них относятся к эпохе бронзы, один с частыми вдавлениями по венчику – к боршевской культуре; 8 – к древнерусскому периоду. Кроме того, здесь же найдены 9 неорнаментированных обломков стенок лепных сосудов с дресвой, шамотом и известняком в тесте. В отличие от камней, керамика не носит следов вторичной обожженности, т.е. черепки, скорее всего, в пределы объекта были занесены из культурного слоя кротами и датировать сооружение не могут.

Яма 7 (рис. 113). В плане подпрямоугольная. Прослежена на поверхности материка. Общая глубина ямы – 1,14 м. Размеры ямы в верхней части – 1,5 × 1,56 м. На глубине около 65 см в ее северной и западной частях заметна ступенька шириной 0,2-0,5 м. Заполнение ямы выше ступеньки представляло собой черный гумус. Из него происходят нуклевидный обломок кремня, фрагмент стенки сосуда эпохи бронзы, три невыразительных обломка стенок лепных сосудов раннего железного века с шамотом и дресвой в тесте.

Ниже ступеньки наиболее узкая часть ямы размерами 1,24 × 0,9 м была засыпана рыбьей чешуей с немногочисленными костями рыб. Общая толщина слоя чешуи – около 40 см. В его верхней части ближе к восточной оконечности ямы теменем кверху лежал череп, возвышавшийся над слоем чешуи, приблизительно, на 1/3 высоты. Около черепа (к северу от него) на том же уровне найдены 2 кости животных. Лицевая часть черепа не сохранилась. Он принадлежал ребенку в возрасте 6 – 10 лет (Infans II) по Я. Кулявцевой-Главовой. К югу от черепа на глубине до 20 см от его основания прослежено овальное пятно угля размерами 0,4 × 0,5 м.

Яма представляла собой жертвенный комплекс и, по всей видимости, была связана с могильником.

* * *

Таким образом, по особенностям погребального обряда и иногда по стратиграфии к концу IV – V вв. относятся следующие безынвентарные погребения, а также захоронения, содержащие невыразительные вещи: Ксизово-17, мыс – 1, 2, 3, 4, 7, 9; Ксизово-17А – 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 20, 23, 27, 28, 46, 47, 50, 55, 57, 62, 66, 69, 71, 74, 75, 76; Ксизово-17Б – 3, 4, 5, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 22, 23. Ряд погребений датирован по инвентарю: Ксизово-17, мыс, 6 – второй третью III – концом V в., Ксизово-17А, 19 – первой половиной – серединой V в. (скорее, ближе к середине V в.), 29 – не ранее конца IV – начала V в., 30, 31 – концом IV – началом V в., 39, 52, 68 – концом IV – V вв., 56 – серединой – второй половиной V – началом VI в., Ксизово-17Б, 2 – второй третью – серединой V в., 6,7,11 – концом IV – V вв., 9,18 – серединой – концом V в.

Всего на могильнике исследовано 72 погребения эпохи Великого переселения народов.

Из этих захоронений разрушены или переотложены все погребения участка Ксизово-17, мыс; погр. 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 20, 30, 62, 66, 74, 75, 76 Ксизово-17А, 14 Ксизово-17Б, т.е. 24 могилы.

Погребальный обряд

Характеристика погребений, которые подверглись эксгумации, дана в главе 8 настоящей монографии. Ниже приводится информация о неразрушенных захоронениях.

Ориентировка погребенных. Сведения о ней помещены в таблице 1.

Из нее следует, что скелеты ориентированы по всем сторонам света. Тем не менее, некоторые закономерности можно проследить. Большинство погребенных лежат головами на запад с отклонениями (т.е. в западном секторе: кроме собственно запада, на северо-запад, северо-западо-запад, юго-западо-запад, юго-запад) – 23 случая (64%). Вторую по численности группу составляют погребения с северной с отклонениями ориентировкой (на север, северо-северо-запад, северо-северо-восток) – 7 случаев (19%). К третьей группе относятся захоронения с восточной с отклонениями ориентировкой (на восток, северо-восток, юго-востоко-восток) – 6 случаев (17%).

Позы погребенных. Все погребения Ксизово-17, которые не подверглись эксгумации – одиночные[44]. Преобладающая поза захороненных – вытянутая на спине. Кроме того, исследованы 3 скорченных, положенных на правом боку скелета (Ксизово-17А, погр. 27, 47, 71).

У подавляющего большинства погребенных руки вытянуты вдоль туловища, а ноги лежали параллельно друг другу (Ксизово-17А – погр. 5, 19, 28, 29, 31, 39, 46, 50, 52, 54, 55, 56, 68, 69; Ксизово-17Б – погр. 2, 5, 6, 9, 13, 15, 16, 17, 18, 19), всего – 24 случая. Из этого правила, тем не менее, имеется серия исключений. У захороненного в погр. 23 Ксизово-17А руки были согнуты в локтях и разведены в стороны от туловища (на манер ромба), а ноги скрещены. Таким же образом были положены руки у захороненного (полный скелет) в погр. 3 Ксизово-17Б, но ноги согнуты в коленях и также разведены в стороны. В погр. 4, 11, 12 Ксизово-17Б правые руки скелетов вытянуты вдоль туловища, ноги также вытянуты, а левые руки – согнуты в локтях и положены кистью на таз. Похожая поза, но как бы, в зеркальном отражении (правая рука согнута, а левая вытянута) наблюдалась в погр. 7, 10, 23 того же участка могильника. В погр. 8 Ксизово-17Б руки скелета согнуты в локтях и положены на груди параллельно друг другу, ноги были вытянуты, а в погр. 15 того же участка правая рука захороненного согнута в локте, а левая – согнута и положена на грудь.

Погребальные ямы, внутренние конструкции в могилах, дополнительные детали ритуалов. Ямы прослежены далеко не везде, т.к. во многих случаях они «терялись» в довольно толстом (местами до 1,2 м) слое чернозема. Сведения, которые удалось получить во время раскопок, приведены в таблице 2.

Соотношение длины и ширины могильных ям показано на графике (рис. 114). Большинство значений группируется в одной и той же области: длина варьирует в пределах 1,38-3,05, ширина – в рамках 0,45-1,79, что, в целом, соответствует размерам одиночных погребений людей разного возраста с некоторым «запасом» для расположения инвентаря или деревянных конструкций.

Большинство ям – простые, овальные или подпрямоугольные в плане. В одном случае у такой ямы имелся боковой выступ, но не исключено, что ее стенки просто обвалились в верхней части (Ксизово-17А, погр. 5). Известны также ямы с заплечками – специальными плоскими полками, сделанными для опоры деревянных перекрытий (Ксизово-17А, погр. 19, 50, 69; Ксизово-17Б, погр. 5,18). Их следы прослежены в двух случаях (Ксизово-17А, погр. 19; Ксизово-17Б, погр. 5). В одном погребении скелет был положен на какую-то решетку, детали которой частично сохранились в обугленном виде (Ксзово-17А, погр. 23). Еще в одном захоронении были зафиксированы следы конструкции в виде ящика с плоскостями выше и ниже скелета. Дерево не сохранилось, но наличие железных скреп и их расположение дает возможность сделать такой вывод (Ксизово-17Б, погр. 3).

В некоторых ямах у дна были устроены специальные ниши, предназначавшиеся для помещения инвентаря – сосудов-приставок (Ксизово-

[44] Последнее не обозначает, что в археологическом комплексе в Ксизово нет коллективных погребений. В Ксизово-17 и 19 к ним относятся несколько разрушенных могил (см. главу о расчлененных погребениях) и объект 1 раскопа 7 Ксизово-19, где четыре скелета сохранились нетронутыми.

17А, погр. 19; Ксизово-17Б, погр. 18). В одном случае такая ниша осталась пустой, но не исключено, что там находился сосуд из органического материала (Ксизово-17А, погр. 69). Еще у одной ямы имелась ступенька, расположенная с узкой стороны у ног скелета (Ксизово-17А, погр. 68).

В Ксизово-17 исследовано лишь одно подбойное захоронение (Ксизово-17А, погр. 28). Входная яма была отделена от погребальной камеры деревянным закладом.

В изголовье скелета в погр. 19 Ксизово-17А прослежены угольки, выше скелета в погр. 16 Ксизово-17Б – пятна светлого тлена.

Необходимо также отметить, что в некоторые могилы, кроме основного захороненного, были дополнительно положены кости других людей (Ксизово-17Б, погр. 3, 12, 23), очевидно, взятые из погребений, подвергшихся эксгумации.

По глубинам захоронения разделены на 3 типа в соответствии со стратиграфией памятника. К первому относятся погребения, совершенные в слое чернозема, т.е. от 0,2 до 0,7-0,8 м от дневной поверхности (Ксизово-17А, погр. 5, 27, 29, 46, 47, 71; Ксизово-17Б, погр. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 15, 17, 22, 23), ко второму – в неглубоких ямах в нижней части слоя чернозема и в верхней – материка от 0,8 до 1,2 м (Ксизово-17А, погр. 23, 39, 55, 57, Ксизово-17Б, погр. 6), к третьему – в глубоких ямах от 1,3 до 2,0 м (Ксизово-17А, погр. 19, 28, 31, 50, 52, 56, 68, 69; Ксизово-17Б, погр. 2, 5, 9, 13, 16, 18, 19).

Инвентарь. Сведения об инвентаре и о расположении вещей относительно скелета приводятся в таблице 3.

Типологическое определение и дата (где это возможно) даны выше при описании погребений.

Лепные сосуды-приставки обнаружены в 4-х погребениях (рис. 70: 2; 82: 1; 91: 3; 103: 1,2), стеклянный кубок – в одном (рис. 71: 1). Украшения представлены бронзовой бляшкой от головного убора, обложенной серебряным листом (рис. 96: 1), железной фибулой (рис. 91: 2), бронзовыми серьгами (4 экз. из 3-х погр.) (рис. 75: 1,2; 77: 1; 93: 1; 94: 1), бронзовыми браслетами (2 экз. из 1 погр.) (рис. 94: 2,3), 2-мя серебряными булавками (1 погр.) (рис. 80: 1,2), стеклянными бусами (95 экз. из 5 погр.) (рис. 71: 6; 73: 1-18; 75: 3-64; 91: 6-9; 95). Из бытовых предметов найдены 3 железных ножа (3 погр.) (рис. 71: 9; 72: 3; 86: 1), железная бритва (рис. 71: 8), бронзовый пинцет (рис. 78: 1), гребень из рога (рис. 91: 1), остатки деревянной рукояти с железной оковкой, вероятно, от нагайки (рис. 71: 7), зеркало из белого сплава (рис. 91: 5). Довольно много деталей ременной гарнитуры: пряжек (3 бронзовые из 1 погр., 3 серебряные из 2-х погр., 9 железных из 7 погр.) (рис. 71: 2-4; 77: 2; 82: 2,3; 86: 2,3; 91: 4; 97: 1; 98: 1; 103: 3,4), бронзовый наконечник ремня (рис. 71: 5). Найдены также обувные пряжки (2 серебряных и 2 железных из 2-х погр.) (рис. 82: 4,5; 97: 2,3), причем в одном случае – вместе с остатками кожи от обуви (рис. 83). Единственный предмет вооружения представлен наконечником копья (рис. 71: 10). Из вещей непонятного назначения найдены бронзовое кольцо и костяная полая трубочка (рис. 99: 1). В 2-х могилах зафиксированы пятна кожаного тлена, вероятно, от одежды.

В целом, могильник довольно бедный. По количеству вещей и набору инвентаря погребения можно разделить на несколько групп.

1. Безынвентарные – 19 погр. (Ксизово-17А, 5, 28, 46, 47, 50, 55, 57, 69, 71; Ксизово-17Б, 3, 5, 8, 10, 12, 15, 17, 19, 22, 23).
2. Погребения с одной-двумя вещами-подношениями без деталей убора, которые сохраняются в земле – 4 погр. (Ксизово-17А, 31, 39; Ксизово-17Б, 7, 13).
3. Захоронения с одной-тремя деталями убора, находящимися в местах, где их традиционно носили – 7 погр. (Ксизово-17А, 52, 68; Ксизово-17Б, 4, 9, 11, 16). В эту же группу целесообразно включить и погр. 23 Ксизово-17А с железным ножом, лежавшим около пояса.
4. Погребения с относительно многочисленными деталями убора без сосудов-приставок и вещей, прямо с костюмом не связанных – 3 погр. (Ксизово-17А, 27, 29; Ксизово-17Б, 6).
5. Захоронения с деталями костюма и сосудами-приставками – 3 погр. (Ксизово-17А, 56; Ксизово-17Б, 2, 18).
6. Богатое воинское захоронение с копьем, деталями убора, бытовыми предметами у пояса, горшком и стеклянным кубком – Ксизово-17А, 19.

На могильнике прослеживается жесткая связь между ориентировкой захоронений и набором инвентаря. Скелеты во всех наиболее богатых погребениях, в т.ч. и в захоронениях с сосудами-приставками, ориентированы головой в северном секторе. Такая закономерность может быть объяснена тремя причинами: хронологическими различиями погребений трех групп по ориен-

тировке, выделенных на могильнике, стремлением зафиксировать в погребальном инвентаре социальный статус захороненных, какими-то другими особенностями погребального обряда. Версия о связи поло-возрастных различий погребенных с их ориентировкой отпадает сразу. Судя по антропологическим определениям, которые приведены выше в описаниях погребений, мужские, женские, детские и подростковые погребения ориентированы как в северном, так в западном и восточном секторах.

Как было отмечено выше, из-за относительной немногочисленности инвентаря датировать большинство погребений более узко, чем в рамках общего диапазона функционирования могильника, трудно. Тем не менее, ряд неразрушенных захоронений с ориентировкой в северном секторе относятся ко второй трети – середине V в. (Ксизово-17Б, 2), середине V в. (Ксизово-17А, 19), середине – концу V в. (Ксизово-17Б, 18), середине – второй половине V – началу VI в. (Ксизово-17А, 56). Южная часть погр. 30 Ксизово-17А, ориентированного в северном секторе, разрушена, но из него происходят два ременных наконечника (рис. 76: 1,2), имеющих аналогии в древностях фазы D1 Подунавья, т.е. самого начала гуннского периода. Таким образом, захоронения с северной с отклонениями ориентировкой датируются всем временем существования могильника, т.е. концом IV – V в., включая вторую половину этого столетия.

Самым ранним захоронением с ориентировкой в западном секторе является погр. 31 Ксизово-17А с весьма архаичной пряжкой, которая может датироваться не позднее раннегуннского времени (рис. 77: 2). Из захоронений с ориентировкой в восточном секторе относительно узко датируется лишь погр. 9 Ксизово-17Б (фаза D3 Я. Тейрала по характерному набору пряжек) (рис. 97: 1-3). Прочие погребения как с западной, так и с восточной ориентировкой имеют широкую дату.

Таким образом, с самого начала функционирования могильника умершие клались как головой на север (с отклонениями), так и на запад. Во второй половине V в. совершались погребения с северной и восточной ориентировками. Тем не менее, учитывая относительно широкие даты вещей из большинства могил, оснований утверждать, что все погребения, ориентированные в западном секторе, относительно ранние, а в восточном – сравнительно поздние, нет. Косвенно это предположение подтверждается фактом перекрывания погребением 12, ориентированном на юго-западо-запад, погребения 18, которое датируется серединой-концом V в. Создается ощущение, что все три типа ориентировок синхронны, хотя это утверждение и нуждается в проверке на материалах других могильников, которые будут исследованы в дальнейшем. К сожалению, Ксизово-16 и 19, а также Животинное такой возможности не дают.

Планиграфия могильника

Как было отмечено выше, деление могильника на три части (Ксизово-17, мыс; 17А и 17Б) условно и было дано по рельефу местности. Фактически, на могильнике захоронения концентрируются на трех участках (рис. 55). Из них на двух – юго-западном и центральном – группируются неразрушенные погребения, а на северо-восточном (вдоль края террасы Дона, у южного края северного оврага и на мысу между этим оврагом и берегом Дона) исследованы, в основном, расчлененные захоронения (рис. 56; 61; 67; 89). Юго-западный участок насчитывает 20 захоронений, центральный – 18, северо-восточный – 25.

Планиграфия северо-восточного участка могильника рассмотрена в главе о расчлененных погребениях.

По планировке и погребальному обряду юго-западный и центральный участки очень близки.

Погребения образуют единый сгусток, скорее, полосу, по ее периферии находятся ритуальные объекты. На юго-западном участке к ним относятся две каменные вымостки-алтаря (скопления 5 и 14 раскопа 2 Ксизово-17Б), на которых горел огонь: камни обожжены. Кроме них, на окраине участка фиксировались и другие ритуальные объекты: яма 7 раскопа 2 Ксизово-17Б (захоронение черепа) и клад серпов. На окраине центрального участка тоже находилась вымостка-алтарь (скопление 2 раскопа 3 Ксизово-17А) (рис. 115; 116).

Подавляющее большинство погребений центрального участка имеют либо северную (с отклонениями к западу или востоку) или западную ориентировку (тоже с отклонениями). Лишь два захоронения ориентированы на восток.

На юго-западном участке также исследованы погребения со всеми тремя типами ориентировки. В обоих случаях они расположены вперемешку, каких-либо особых зон с преобладанием захоронений той или иной ориентировки не наблюдается.

Тем не менее, некоторая закономерность в расположении погребений имеется. Ключевую роль здесь играет глубина могильных ям.

На юго-западном и на центральном участках могильника прослеживается очень похожая тенденция. На первом из них погребения, совершенные в глубоких ямах (независимо от ориентировки), концентрируются в центре, мелкие захоронения находятся, в основном, на периферии (рис. 116). На центральном участке глубокие погребения расположены дальше от берега Дона в глубине плато, а более мелкие – ближе к берегу около зоны расчлененных захоронений, т.е. глубокие и мелкие погребения территориально и здесь отделены друг от друга (рис. 115).

Я разделяю точку зрения Б.В. Магомедова, высказанную им применительно к захоронениям черняховской культуры, что важное значение для определения социального статуса погребенных имеют размеры могильных ям, показывающие затраты труда при совершении захоронения (Магомедов, 2001, с. 31). Знать хоронили в больших и глубоких ямах, людей попроще – в ямах поменьше и помельче. Учитывая тенденцию группировки ям по глубинам на могильнике, получается, что все группы населения, хоронившие своих умерших на юго-западном и центральном участках Ксизово-17, были равноправными. По крайней мере, в их состав входили как представители верхушки общества, так и низов. Относительная бедность инвентаря в глубоких погребениях с западной и восточной ориентировками отражает не имущественное расслоение, а особенности погребального обряда.

С чем же можно связывать наличие на могильнике трех групп населения, которые выделяются по погребальному обряду? Различия между ними могли быть как этническими, так и чисто религиозными.

Погребения, где скелеты лежали головой на север, известны среди степных бескурганных могил группы III по И.П. Засецкой, но, во-первых, в мужских комплексах довольно часты кости коня, которые в Верхнем Подонье не встречены ни разу (Засецкая, 1994, с. 17-19, приложение 2), а во вторых, в женских захоронениях совершенно отсутствуют гребни и фибулы.

Могилы, близкие к верхнедонским погребениям с северной ориентировкой, в конце IV-V вв. в целом, не характерны ни для степной зоны Восточной Европы, ни для Северного Кавказа и Крыма (см. описание в работах М.П. Абрамовой, И.П. Засецкой, А.И. Айбабина; Абрамова, 1997, с. 97-107; Засецкая, 1993, с. 33-34; 1994, с. 12-22; Айбабин, 1999, с. 61). К сожалению, систематизация сведений о погребальном обряде северо-восточного побережья Черного моря пока не проделана, но судя по данным И.О. Гавритухина, А.В. Пьянкова и А.В. Дмитриева захоронения в глубоких простых могилах с северной (с отклонениями) ориентировкой, в целом, нетипичны и для этого региона (Гавритухин, Пьянков, 2003; Дмитриев, 2003).

Тем не менее, на юге и в центральной части Восточной Европы подобные захоронения, все же, известны. Они исследованы в Танаисе (погр. 138, 140, 183, 241, 18/1985; 30/1990) (Арсеньева, 1977, с. 113; Арсеньева и др., 2001, табл. 21: 283; 45: 542; 49: 615), на Старокорсунском городище на Кубани (Лимберис, Марченко, 2009), в Фанагории (Медведев, 2009; 2011), на могильнике Цибилиум-2 (Абхазия) где составляют компактный участок на севере раскопанной площади (погр. 366, 368, 375, 382, 388, 398, 416, 417; Воронов, 2003, рис. 3; 170: 1; 172: 1; 175: 1; 180: 1; 184: 1; 190: 4; 197: 10; 199: 1), на территории современной Харьковской обл. (Любовка) (Радзієвська, Шрамко, 1980, с. 103). В середине – третьей четверти V в. захоронения с северной ориентировкой распространяются на рязано-окских могильниках (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, с. 274).

Для всех этих регионов по материальной культуре отмечалось присутствие центральноевропейского по происхождению населения (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, с. 274; Амброз, 1969, с. 263-264; Kazanski, 2002, с. 400-402; Обломский, 2005а, с. 40-42; Гей, Бажан, 1997, с. 23-28) с вещами дунайского круга, правда, А.П. Медведев для погр. 4 верхнедонского Животинного могильника и некоторых захоронений из некрополя Фанагории указывает на наличие элементов сарматской погребальной обрядности (Медведев, 1990, с. 77; 2009, с. 157-158).

За пределами Восточной Европы верхнедонские погребения с северной ориентировкой имеют наиболее близкие аналогии в Среднем Подунавье и прилегающих районах. В этом регионе большинство захороненных эпохи Великого переселения народов ориентированы головами на запад. Тем не менее, в Подунавье на многих могильниках выделяется серия захоронений, в которых скелеты лежали на спине головами на север (с отклонениями к востоку и западу). В мужских погребениях часты находки наборов пряжек от поясов, портупей, обуви, фибул, ору-

жия (мечей, кинжалов, копий), предметов быта (ножей, бритв). Встречаются и стеклянные кубки, которые обычно лежали в головах покойника. В захоронениях иногда прослеживаются остатки деревянных конструкций (наиболее полно они сохранились на могильнике Попрад в Словакии) (Обломский, 2007, с. 90, 91; Пиета, 2012). В женских погребениях находят фибулы (как парные, так и по одной), гребни, зеркала, бусы, поясные пряжки, туалетные наборы. Погребения с северной ориентировкой в Подунавье обычно связывают с различными группами германцев. По всей видимости, похожие захоронения в Верхнем Подонье начали совершаться также под влиянием германских традиций.

Группы населения, хоронившие своих умерших в простых могилах с северной ориентировкой, в Верхнее Подонье, как следует из сделанных выше наблюдений за распространением в регионе элементов разных этнокультурных общностей, могли проникнуть как с юга (из Причерноморья), так и непосредственно из Подунавья[45]. Возможен и третий вариант миграции – из ареала рязано-окских могильников. Не исключено, также, что близость погребальных ритуалов и набора вещей нескольких перечисленных выше довольно отдаленных друг от друга регионов объясняется «стилем эпохи»: распространением погребального обряда и набора вещей не этнического, а социального значения. Вполне возможно, что они были культурными маркерами представителей воинского сословия оседлого населения, в той или иной степени связанного с гуннской державой, и членов их семей. Так или иначе, но вопрос о прямом проникновении дунайского населения в Верхнее Подонье пока остается открытым.

Для погребений с западной ориентировкой, напомним, характерно либо полное отсутствие вещей, либо положение в могилы отдельных символических предметов.

Поиски аналогий этому обряду заставили обратиться к статье М. Мартина, посвященной погребениям V – VI в. из церкви Петра и Павла в Мелсе.

По наблюдениям М. Мартина обычай класть в погребение отдельные символические вещи распространен, начиная с позднеримского времени, в провинциях Норик, Реция на Дунае, в Альпах, в Северной Италии и в верховьях Рейна. Погребения с западной ориентировкой в этих регионах были бедными или безынвентарными. Все эти детали погребального обряда М. Мартин связывает с христианизацией населения (Martin, 1988, S. 171-172). На территорию Северной Италии были направлены несколько походов гуннов, в т.ч. и последний, предпринятый Аттилой перед смертью в 452 г. (Мончиньська, 2009, с. 114-116, 154).

Эту гипотезу нужно еще проверять на новых материалах, но в качестве предположения можно высказать идею, что часть погребений с западной ориентировкой в Верхнем Подонье оставлена христианским населением римских провинций или местным населением Подонья, принявшим христианство под влиянием миссионеров из тех мест. Конечно, речь не идет обо всех погребениях с западной ориентировкой. Среди них имеются захоронения, в которые подложены дополнительные кости, что совершенно чуждо христианской традиции, а также скорченные погребения.

[45] Есть и прямые данные (хотя и немногочисленные) о контактах населения Подунавья и Верхнего Подонья (Обломский, 2014). Подробно они рассмотрены в заключительном разделе монографии.

Таблицы

Таблица 1. Ориентировка погребенных.

Ориентировка	Участок могильника	№ погребения
север	Ксизово-17Б	18
Северо-северо-запад	Ксизово-17А	27, 29, 56, 57
Северо-северо-восток	Ксизово-17А	19
	Ксизово-17Б	2
Северо-восток	Ксизово-17Б	9, 17
Северо-запад	Ксизово-17А	68
	Ксизово-17Б	4, 8, 11, 23
Северо-западо-запад	Ксизово-17А	50, 71
	Ксизово-17Б	3,7,10,15
Запад	Ксизово-17А	28, 31, 39, 69
Юго-запад	Ксизово-17А	23
	Ксизово-17Б	13, 16
Юго-западо-запад	Ксизово-17А	52, 55
	Ксизово-17Б	5, 12, 19
Юго-востоко-восток	Ксизово-17А	5
Восток	Ксизово-17А	46, 47
	Ксизово-17Б	6

Таблица 2. Погребальные ямы.

Участок памятника	№ погребения	Ориентировка	Форма ямы	Размеры ямы в м	Глубина ямы от материка/ от дневной поверхности в м	Дополнительные детали
Ксизово-17А	5	ЮВВ	Овальная с выступом	2,2 × 0,8-1,0	0,04-0,1/0,8-0,85	
	19	ССВ	Прямоугольная с заплечками и 2 нишами	2,7 × 1-1,05	0,98 – 1,06/1,9 - 2	Следы деревянного перекрытия
	23	ЮЗ	Овальная	2,8 × 1,26-1,4	0,5/1,1-1,13	Под скелетом – остатки обугленной деревянной конструкции
	27	СЗЗ	?	?	?/0,3	
	28	З	Яма с подбоем	1,6 × 2,5; шахта – 0,85 × 2,4; подбой – 0,6 × 2,25	0,3-0,4/1,3-1,4	Подбой отделен от шахты деревянным закладом
	29	ССЗ	Овальная	1,66 × 0,57-0,78 (размер сохранившейся части)	0,02/0,56	
	31	З	Овальная	2,75-2,8 × 1,58-2,0	0,5-0,58/1,4	
	39	З	Овальная	2,38 × 1,24	0,2-0,3/1,03	

	46	В	Подпрямоугольная	Длина ямы – не менее 1,42 м, ширина – 0,6 м	0,02-0,08/0,44	
	47	В	?	?	?/0,32-0,35	
	50	СЗ	Подпрямоугольная с заплечками	3,05 × 1,07	0,57-0,67/1,62	
	52	ЮЗЗ	Подпрямоугольная	2,42 × 0,67-0,9	0,59-0,67/1,64	
	55	ЮЗЗ	Овальная	2,3 × 0,72-1,0	0,24-0,26/1,21	
	56	ССЗ	Овальная с нишей	2,38 × 0,87-0,92	0,54-0,65/1,55	
	57	ССЗ	Овальная	1,38 × 0,79	0,29-0,3/1,19-1,23	
	68	СЗ	Подпрямоугольная со ступенькой у ног	0,55 × 2,8	0,6/1,4-1,43	
	69	З	Подпрямоугольная с заплечками и нишей	0,7 × 1,92	0,8-0,9/2,01-2,02	
	71	СЗЗ	?	?	?/0,5-0,6	
Ксизово-17Б	2	ССВ	Овальная	2 × 0,8-1,1	0,68-0,8/1,4-1,48	
	3	СЗЗ	?	?	?/0,45-0,49	Железные скрепы от деревянного ящика, положение в погребение дополнительных костей
	4	СЗ	?	?	?/0,55-0,62	
	5	ЮЗЗ	Овальная с заплечками	2,5 × 0,95-1,0	0,86-0,89/1,55-1,7	Остатки деревянных перекрытий
	6	В	Овальная	1,97 × 0,35-0,55	0,13-0,18/1,22	
	7	СЗЗ	?	?	?/ 0,59-0,69	
	8	СЗ	Овальная	1,7 × 0,5	0/0,71-0,8	
	9	СВ	Овальная	2,35 × 1,1	0,64-0,66 /1,45-1,47	
	10	СЗЗ	?	?	?/ 0,76-0,85	
	11	СЗ	Овальная	1,75 × 0,4-0,65	0/0,6-0,65	
	12	ЮЗЗ	?	?	?/ 0,57-0,61	Дополнительное положение в могилу останков двух детей
	13	ЮЗ	Овальная	1,8 × 0,75	0,45-0,54/1,51-1,57	
	15	СЗЗ	?	?	?/ 0,51-0,53	
	16	ЮЗ	Овальная	2,15 × 0,75-1,0	0,59-0,62/1,62-1,64	Над скелетом – пятна светлого тлена
	17	СВ	?	?	?/ 0,37	
	18	С	Овальная с заплечками и нишей	1,75 × 0,95	0,5-0,6/1,65-1,7	

	19	ЮЗЗ	Овальная	2,25 × 0,75-1,0	0,68-0,85/1,74	
	22	?	?	?	?/0,7	
	23	СЗ	?	?	?/ 0,6	Положение в погребение дополнительных костей

Таблица 3. Инвентарь неразрушенных погребений.

Участок	№ погребения	Ориентировка	Инвентарь
Ксизово-17А	5	ЮВВ	нет
Ксизово-17А	19	ССВ	Лепной сосуд, стеклянный кубок в нишах; 3 бронзовых пряжки (на поясе, у таза, на локте правой руки); бронзовый наконечник ремня (на локте правой руки); железный наконечник копья слева от черепа; бритва, нож, часть нагайки (?), стеклянная бусина в районе пояса, остатки кожи (рис. 70: 2; 71).
Ксизово-17А	23	ЮЗ	железный нож слева от таза (рис. 72: 3)
Ксизово-17А	27	СЗЗ	18 стеклянных бусин под черепом и районе шеи (рис. 73: 1-18)
Ксизово-17А	28	З	нет
Ксизово-17А	29	ССЗ	62 бусины в области шеи, 2 бронзовых полиэдрических серьги справа от черепа (рис. 75: 1-64)
Ксизово-17А	31	З	бронзовое кольцо у левого плеча, серебряная пряжка в ЮВ углу могилы (рис. 77: 1, 2)
Ксизово-17А	39	З	пинцет на груди (рис. 78: 1)
Ксизово-17А	46	В	нет
Ксизово-17А	47	В	нет
Ксизово-17А	50	СЗ	нет
Ксизово-17А	52	ЮЗЗ	2 булавки-цикады на плечах (рис. 80: 1,2)
Ксизово-17А	55	ЮЗЗ	нет
Ксизово-17А	56	ССЗ	кувшин в нише, серебряные пряжка у правого плеча, пряжка на дне могилы, по одной пряжке на лодыжках, остатки кожи от обуви (рис. 82; 83)
Ксизово-17А	57	ССЗ	нет
Ксизово-17А	68	СЗ	железный нож (в кротовине) и 2 железные пряжки в районе таза (рис. 86: 1-3)
Ксизово-17А	69	З	нет
Ксизово-17А	71	СЗЗ	нет
Ксизово-17Б	2	ССВ	Глиняный кубок к С от черепа, железная фибула пружиной вниз на левом плече, железная пряжка на поясе, гребень из рога на левом плече, зеркало у левого локтя, 4 стеклянные бусины (под челюстью и у левого локтя) (рис. 91).
Ксизово-17Б	3	СЗЗ	24 железные скрепы (рис. 92: 1-23)
Ксизово-17Б	4	СЗ	Бронзовая серьга под черепом у левого уха (рис. 93: 1)
Ксизово-17Б	5	ЮЗЗ	нет
Ксизово-17Б	6	В	Бронзовая серьга под черепом справа, 10 стеклянных бусин в районе шеи, 2 бронзовых браслета на правой и левой руках (рис. 94: 1-3; 43)
Ксизово-17Б	7	СЗЗ	Бронзовая, обложенная серебряным листом бляшка внутри черепа (рис. 96: 1)
Ксизово-17Б	8	СЗ	нет
Ксизово-17Б	9	СВ	Железная пряжка на поясе и две железные пряжки на лодыжках (рис. 97: 1-3)
Ксизово-17Б	10	СЗЗ	нет
Ксизово-17Б	11	СЗ	На правом плече пряжка, сохранился железный язычок (рис. 98: 1)

Ксизово-17Б	12	ЮЗЗ	нет
Ксизово-17Б	13	ЮЗ	Костяная полая трубочка около правого плеча (рис. 99: 1)
Ксизово-17Б	15	СЗЗ	нет
Ксизово-17Б	16	ЮЗ	Железный предмет (пряжка?) на тазе
Ксизово-17Б	17	СВ	нет
Ксизово-17Б	18	С	2 лепных сосуда (в нише), железная пряжка с бронзовым язычком в нижней части груди, железная пряжка на поясе, железный предмет на тазе (рис. 103)
Ксизово-17Б	19	ЮЗЗ	нет
Ксизово-17Б	22	?	нет
Ксизово-17Б	23	СЗ	нет

Глава 5
Поселение позднеримского и гуннского периода Ксизово-19

А.М. Обломский (Москва), И.А. Козмирчук (Липецк)

Памятник открыт в 1962 г. В.П. Левенком, обследован И.Е. Бирюковым в 2000 г. В 2002 г. на краю обрыва берега р. Дон Г.Л. Земцовым и А.Н. Бессудновым (Липецкий Государственный педагогический университет) произведено доследование остатков гончарного горна, обнаруженного местным крестьянином. Сведения о горне помещены в отчете Г.Л. Земцова за 2002 г. и в публикации того же автора (Земцов, 2004).

Селище находится в 0,7 км к востоку от МТФ с. Ксизово и в 0,8 км в том же направлении от водонапорной башни (рис. 6). Оно расположено на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Дон, на высоте 19 м от реки, 10-13 м от поймы. По результатам осмотра поселения, проведенного сотрудниками Госдирекции охраны памятников Липецкой обл. И.Е. Бирюковым и А.Н. Голотвиным в 2009 г. выяснилось, что поселения/могильники Ксизово-16 и 19 практически сливаются. Их общая длина составляет 0,83 км, ширина – 0,15-0,31 км. Из них условно на участок Ксизово-19 приходится 680-740 × 170-260 м. Приблизительно половина площади селища распахана, ближняя к реке часть задернована. Культурный слой памятника интенсивно разрушается четырьмя оврагами. Край террасы со стороны Дона также постоянно осыпается.

Территория памятника неоднократно использовалась в разные эпохи. Из культурного слоя происходят материалы финального неолита и энеолита (репинской культуры)(1 половина III тыс. до н.э.), воронежской, катакомбной (2 четверть II тыс. до н.э.), абашевской, срубной, бондарихинской культур (2 половина II тыс. до н.э.) эпохи бронзы, городецкой и скифоидной культур раннего железного века (VI – III вв. до н.э.), позднескифские I в. до н.э. – I в.н.э., позднеримского периода (2-ая половина III – начало IV в.н.э.), гуннского (четвертая четверть IV – V вв.) и древнерусского (XIII-XIV вв.) времени. Культурный слой представляет собой однородный чернозем, местами нарушенный распашкой на глубину (в среднем) до 20-30 см. В его толще контуры сооружений, как правило, не прослеживались. Они зафиксированы либо на поверхности материка, либо чуть выше в нижней более светлой части слоя гумуса. Сам слой сильно перемешан, как ранние, так и поздние материалы встречались от дерна до материка. Стратиграфия как таковая отсутствует, хотя объекты разных периодов иногда перекрывали друг друга.

На юго-западной окраине поселения в 2003-2004 г. поблизости от горна по обоим краям небольшого оврага, на мысу которого находилось это сооружение, вскрыто 452 кв. м. К гуннскому времени относятся 2 скопления материала в культурном слое, 24 хозяйственные ямы (в т.ч. несколько ям-карьеров для забора глины и серия ритуальных объектов), жилище-полуземлянка, юртоообразная постройка, хозяйственное сооружение, разрушенное погребение-ингумация. Сведения об обнаруженных материалах приводятся в нескольких публикациях (Обломский, 2006а; 2007).

В августе 2007 г. после снятия урожая и свежей распашки была уточнена ситуация на восточной оконечности памятника. Здесь на пашне пространстве 100 × 120 м был собран подъемный материал. Полученные находки показали, что горизонт эпохи бронзы в этой части памятника не слишком насыщен находками, либо он залегает на большой глубине и по этой причине обломков сосудов этого периода мало на поверхности памятника. По всей территории преобладает керамика городецкой культуры раннего железного века. Материалы второй четверти – середины V в. (включая обломки груболепных сосудов с шамотом, шамотом и железной рудой, шамотом и известняком в тесте, лепных лощеных и гончарных лощеных сероглиняных), которые пока не удается разделить на более узкие периоды позднеримского и гуннского времени, найдены в меньшем количестве. Повсеместно распространена гончарная керамика эпохи Древней Руси (XIII-XIV вв.).

В 70 м к северу от северо-восточной оконечности поселения зафиксирован еще один (ранее не известный) участок культурного слоя, получивший обозначение «Ксизово-19, мыс». Он находится на мысу правого края обводненного оврага, ограничивающего с востока поселение Ксизово-19. От северо-восточной окраины этого памятника мыс отделен ложбиной. Западная часть его территории распахана, восточная задернована. На поверхности видны современные строительные остатки. Общие размеры участка «мыс» – 200 × 30 м, высота над уровнем дна обводненного оврага – 4-5 м. На территории памятника собрана керамика раннего железного века, скорее всего, относящаяся к городецкой культуре, 2-ой четверти – середины 1 тыс.н.э., эпохи Древней Руси.

В 2008 г. была поставлена цель выяснить, являлось ли погребение середины 1 тыс.н.э., открытое на памятнике в 2003 г., случайным или здесь находился могильник этого времени. Для этого на юго-западной окраине поселения около раскопов 1 и 2 2003-2004 гг. был выбран участок, по топографическим особенностям близкий к могильнику Ксизово-17. Он представлял собой небольшое всхолмление (до 1 м высотой), имевшее размеры около 100 × 100 м, примыкавшее с севера и запада к упомянутым выше раскопам и занимавшее центральную часть мыса между оврагом, ограничивающим поселение с юго-запада, и краем террасы Дона. К юго-западу от раскопа 2 был зачищен край обрыва террасы, а к северу от него заложены раскопы 3-7 таким образом, чтобы изучить ситуацию на границах всхолмления.

В 2008 г. на памятнике вскрыто 504 кв. м. Из объектов к гуннскому времени относятся 12 скоплений материала в культурном слое, 6 хозяйственных ям, 2 жилища, 1 хозяйственная постройка, 3 очага, 5 погребений (включая одно коллективное). Еще 9 погребений имеют признаки постмортального расчленения, т.е. как показано в главе 8, тоже относятся к гуннскому периоду. Даты нескольких ям и погребений определить не удалось. Захоронения гуннского периода были впущены в культурный слой поселения той же эпохи.

В 2009 г. в западной части упомянутого выше всхолмления с целью объединить раскопы 2008 г. для того, чтобы максимально исследовать общую ситуацию на поселении/могильнике, заложены несколько площадей, составивших единую площадь 1092 кв. м. В восточной части всхолмления вскрыто 208 кв.м. На памятнике исследованы 11 локальных скоплений материала, 26 хозяйственных ям, 2 постройки, 2 очага, рабочая площадка ремесленника-ювелира, 16 расчлененных погребений гуннского времени.

В 2010 г. раскопки производились в восточной части всхолмления, на котором расположен могильник. Вскрыто 448 кв. м. Из объектов гуннским временем датируются 8 локальных скоплений материала, несколько хозяйственных ям, 1 постройка, 2 очага, 13 разрушенных погребений, ритуальный объект. Даты ряда ям и нескольких погребений определить не удалось.

За все годы исследований общая площадь раскопов составила 2704 кв. м. Их взаимное расположение показано на плане (рис. 117-119).

Поскольку памятник весьма заинтересовал грабителей, то в 2009-2010 гг. при помощи металлоискателя был произведен сбор подъемного материала, для чего вся территория поселения/могильника была разбита на участки в соответствии с рельефом местности.

Ниже мы публикуем результаты исследования поселения позднеримского и гуннского периода.

Позднеримский период (середина III – начало IV вв.н.э.)

Остатки поселения культурной группы типа Каширки-Седелок исследованы в Ксизово-17 (Обломский, 2009а). В Ксизово-19 из объектов

к этому времени предположительно относится только яма 29 раскопа 7.

Яма 29 (рис. 120: А). В плане – подпрямоугольная, размерами по верхнему краю 1,3 × 1,4 м. Стенки ямы – почти отвесные. Общая глубина ямы – 0,46-0,64 м. Заполнение представляло собой однородный черный гумус. Из него происходили кости животных, 6 невыразительных фрагментов груболепных сосудов, обломок венчика гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью, предположительно, черняховского (рис. 120: 1). Выше ямы в культурном слое над ее восточным бортом зафиксировано скопление камней, рядом с которыми найдена кость животного.

В культурном слое северной части раскопа 7 найдена бронзовая фибула с высоким приемником и расширенной ножкой (двучленная с очень высоким приемником по А.К. Амброзу или группы VII О. Альмгрена) без пружины (рис. 121: 1). Общая высота изделия – 4,1 см, максимальная длина трапециевидного приемника – 3,6 см, ширина – 1,1 см. По краям приемника с внутренней и внешней сторон прочерчены параллельные линии. С внешней стороны приемник дополнительно орнаментирован косым прочерченным крестом. Пластина для опоры пружины – круглая, с одним отверстием. Над головкой помещен округлый рельефный выступ, оканчивающийся маленькой шишечкой. Корпус с внешней стороны имеет две грани, с внутренней – округлый. Его ширина – 0,6-0,4 см. Он несколько суживается к ножке, от которой отделен подтреугольным в сечении выступом. Окончание ножки – треугольной формы.

Из культурного слоя происходят также железная ведерковидная подвеска без дужки[1] (рис. 121: 5), 7 биконических массивных пряслиц средней высоты с воронковидными основаниями (рис. 121: 6-12), которые типичны для черняховской и киевской (периода черняховского влияния) культур, а также для верхнедонских памятников типа Каширки-Седелок, испытавших значительное черняховское влияние (Обломский, 2001, с. 127-128; 2007, с. 86). Гончарная сероглиняная керамика в культурном слое поселения обнаружена в большом количестве, но, в основном, она относится к гуннскому времени и была изготовлена на месте в горне, который исследован на поселении (т.н. гончарная керамика типа Ксизово). Тем не менее, у сосудов этой поздней группы днища были плоскими, без поддонов. Обломки двух днищ с низкими валикообразными поддонами (рис. 120: 2,3), по всей видимости, остались от сосудов не местного, а черняховского круга.

Четыре обломка ручек амфор (одной розово-глиняной и двух светлоглиняных), судя по характерному сечению, относятся к типу F по классификации Д.Б. Шелова (рис. 120: 4-7). Амфоры этого типа без деления на более дробные таксоны датируются, в основном, IV – началом V в., не исключая конца III в. (Абрамов, 1993, с. 49,50; Сазанов, 1993, с. 18,19; Кропотов, 1998, с. 131). В Подонье они известны и в раннегуннский период, в частности, в позднеантичных слоях Танаиса[2] (Il'jašenko, 2005б, S. 315-316). Поскольку в Ксизово-19 имеются напластования как позднеримского, так и гуннского периода, то амфоры типа F теоретически могут относиться к любому из них. Тем не менее, они чрезвычайно широко распространены на соседней с Верхнем Подоньем с запада территории черняховской культуры (Магомедов, 2001, с. 62, 63), под влиянием которой сформировались верхнедонские древности позднеримского времени.

Учитывая эти факты, можно заключить, что западная часть селища Ксизово-19 каким-то образом использовалась и в позднеримский период.

В центральной части памятника при сборе подъемного материала обнаружены еще одна целая фибула группы VII и еще два обломка приемников подобных изделий (рис. 117; 121: 2-4).

У целого экземпляра отсутствует пружина, а приемник деформирован (рис. 121: 2). Общая высота фибулы – 4,9 см, приблизительная длина приемника – 2,7 см, ширина – 0,9 см. Пластина для крепления пружины – круглая с одним отверстием. Выступа на головке нет. Спинка – равномерной ширины около 0,5 см, в сечении – сегментовидная. В верхней ее части заметен желобок, очевидно для проволочного накладного кольца, которое не сохранилось. Второе проволочное кольцо с насечками помещено над приемником. Ножка заканчивается рельефным украшением из двух желобков и двух выступов.

---

[1] Аналогичные изделия в Верхнем Подонье известны на памятниках типа Каширки-Седелок: Каширка-2, Лавы, Ксизово-17 (Бессуднов, Обломский, 1996, рис. 5: 9; Земцов, Ивашов, Бессуднов, 2007, рис. 5: 4; Обломский, 2009а, рис. 5: 9).

[2] Обоснование принадлежности позднеантичного периода поселения Танаис гуннскому периоду с учетом современных данных см. в (Обломский, 2010б).

Две ножки фибул со слегка деформированным приемником (рис. 121: 3, 4) найдены там же, где и предыдущая фибула (рис. 117). Длина приемника первой – около 3 см, ширина – 1 см, второй, соответственно, 3,6 и 1,2 см. С внутренней и внешней сторон приемник первой фибулы по краям орнаментирован параллельными прочерченными линиями, второй – без орнамента. Ножка первой в сечении ромбическая, оканчивается подтреугольной в плане шишечкой, которая отделена от корпуса желобком и многоугольным рельефным валиком. Ножка второго украшения – полусферическая с валикообразным выступом.

Основные признаки фибул этой группы – небольшая дужка, зачастую украшенная накладными кольцами, и высокий пластинчатый приемник (Амброз, 1966. С. 72). Специально классификации фибул черняховской культуры посвящена работа Е.Л. Гороховского и О.В. Гопкало. Экземпляр из Ксизово-19 (рис. 121 :2) относится к третьей (днепровской) серии застежек с коленчато изогнутой спинкой и накладными кольцами. Основной ареал этих фибул – Среднее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье, бассейн Северского Донца (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 115-124).

Не удалось найти точных аналогий застежке, происходящей из раскопа 7 Ксизово-19 (рис. 121 :1). По форме и профилировке она соответствует неслуховской серии, но окончание ее ножки – не узкое, как обычно бывает у фибул этого типологического разряда, а подтреугольное. Фрагмент изделия с такой же, но сильнее расширенной ножкой происходит из Огульцов на Харьковщине (Бакуменко и др., 2006. С. 88, рис. VII. 18). В качестве отдаленной аналогии можно указать на фибулу из Боромли-2 на Сумщине, но у нее треугольное расширение имеется не только на ножке, но и на головке (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 4: 2). Похожим способом оформлена ножка и у изделия из Мартфю в Венгрии, но корпус фибулы представляет собой изображение птицы (Мончыньська, 1999, табл. 4: 2).

Таким образом, фибулы с высокими приемниками из Ксизово относятся, в целом, к черняховским сериям. Отмечу, что в бассейне Северского Донца в ареале черняховской культуры зафиксированы следы их производства. Три полуфабриката найдены на уже упомянутом поселении Огульцы, а еще одна заготовка происходит из Пасек (Бакуменко и др., Дидык, 2006, с. 93, 94, рис. VII. 7; VIII. 1-3).

В хронологической системе Е.Л. Гороховского фибулы седьмой группы О. Альмгрена датируются от 20-30 гг. III в. до начала IV в. Преимущественно они использовались в середине – второй половине III в. и являются одним из диагностов первой (самой ранней) фазы черняховской культуры (Гороховский, 1988, с. 43; Гороховский, Гопкало, 2004. С. 110).

В 20 м к северу от раскопа 6 обнаружена серебряная листовидная подвеска с пуансонным орнаментом (рис. 121: 13). Аналогичное изделие происходит из постройки 1 раскопа 2 поселения Ксизово-17А, которая по гребню с сегментовидной спинкой и ромбической в сечении овальной рамы пряжки датируется второй третью-второй половиной III – началом IV в. (Обломский, 2009а, с. 194)

С территории поселения происходят 4 античные монеты. Из приведенного ниже списка первая обнаружена в 16 м к северу от раскопа 7 при сборе подъемного материала и включена в коллекцию находок поселения (рис. 121: 14), прочие найдены грабителями. Места их хранения не известны. Тем не менее, мы публикуем сведения о них для того, чтобы ценный археологический материал не был потерян для исследований. Описание и определение монет подготовлено К.В. Мызгиным, за что мы приносим ему глубокую благодарность (см. приложение 3).

Две монеты представляют собой медные статеры Фофорса (291/292 гг.) и Рискупорида VI (320-331 гг.), две другие – серебряный динарий Адриана (117-118 гг) и билоновый антониниан Галлиена (253-268 гг.). Все эти монеты могут относиться к позднеримскому горизонту поселения. В частности динарии Адриана неоднократно найдены на черняховских памятниках Днепровского Левобережья (Мызгин, 2008, с. 292-297). В том же регионе известна и боспорская медь, в т.ч. Фофорса и Рискупорида VI (Бейдин, Мызгин, 2010, с. 138). Антониниан Галлиена из Ксизово является пока, как отмечает К.В. Мызгин, уникальной находкой.

Тем не менее, принадлежность этих монет, по крайней мере, боспорских медных статеров, к горизонту гуннского периода тоже не исключена. Аналогией является позднеантичный Танаис, в культурном слое и объектах которого неоднократно встречались боспорские медные монеты чеканки диапазоном от 286 по 330 гг. С.И. Безуглов, ссылаясь на клад из Ильичевки, показал, что боспорская медь находилась в обращении до VI в. (Безуглов, 2001, с. 143-144). Учитывая, что

между причерноморским регионом и Верхним Подоньем в гуннское время существовали связи, а в донской лесостепи, по всей видимости, непосредственно присутствовали группы населения из Танаиса (Обломский, 2009б; 2011), попадание в Ксизово боспорской меди в гуннское время вполне вероятно.

Гуннский период (конец IV – V вв.)

Как указывалось выше, исследования были сосредоточены на невысоком всхолмлении в юго-западной части памятника размерами, примерно, 100 × 100 м, разделенном посередине оврагом и продолжающей его ложбиной. Исследован также участок между всхолмлением и краем террасы Дона (рис. 117). Описание объектов и полученных материалов дано ниже отдельно для участков, находящихся к западу и востоку от овражка и ложбины.

Западная часть

Раскоп 2 2003 г.[3]

Из исследованных на нем объектов к гуннскому времени относятся постройка и 6 хозяйственных ям.

Постройка 1 (рис. 122) представляет собой полуземлянку, имеет подпрямоугольную форму с несколько скругленными углами и выступами в северо-западной, северо-восточной и южной частях. Размеры по верхнему краю составляли 3,76 × 3,2 м. В северо-западном углу котлована зафиксирован выступ, его размеры – 0,74 × 0,26 м, глубина – 0,2 м от верхнего края сооружения. В северо-восточной части также имелся выступ подтреугольной формы размерами 0,58 × 0,3 м, глубиной 0,2 м. Юго-восточная часть постройки разрушена оползнем края террасы. Объект расположен на склоне, но пол был почти горизонтальным. Общая глубина постройки составляла около 30 см.

В северо-восточном ее углу находилась яма 1. В 1 м от юго-западной стенки постройки прослежена столбовая ямка размерами 0,22 × 0,28 м и глубиной 0,11 м. В юго-восточной части постройки на полу лежали два крупных камня. Они имели уплощенную форму, размеры 50 × 26 × 11 см (северный), 40 × 50 × 21 см (южный). Следов обработки не отмечено. Никаких остатков прокала и угля на полу сооружения не было.

Заполнение постройки было однородным и представляло собой черный гумус. При его разборке обнаружены кости животных, 2 фрагмента сосуда эпохи неолита и кремневый скребок, обломок верхней части горшка первых вв.н.э., мелкие фрагмент венчика и 5 неорнаментированных стенок гончарных горшков периода средневековой Руси, которые, по всей видимости, были занесены в заполнение из культурного слоя кротами.

Численно преобладала керамика гуннского времени[4], причем обломки сосудов зачастую были довольно крупными (рис. 123: 1-3). Среди фрагментов груболепных сосудов выделяются венчик миски-плошки (рис. 123: 3), профилированные части нескольких горшков (рис. 123: 1,2). Встречены, также, обломки лепных лощеных сосудов и сероглиняных гончарных с лощеной поверхностью. Редкой находкой является фрагмент шейки краснолакового сосуда (рис. 123: 4). Интересно, что два обломка стенок принадлежали тому же гончарному лощеному кувшину, фрагменты которого входили в состав скопления керамики, связанного с погребением 2.

Над пятном ямы 1 найдена черепная крышка человека. На полу постройки 1 находок не было.

Яма 1 (рис. 122) находилась в восточной части постройки 1, прослеживалась после выборки ее заполнения. Яма имеет овальную форму в плане, стенки незначительно суживаются ко дну. Размеры объекта по верхнему краю – 1,12 × 1,2 м, в нижней части – 1,0 × 1,04 м. Дно ямы – ровное, общая глубина ямы составляла 0,47 м.

Заполнение было однородным и представляло собой черный гумус. Из него происходят кости животных и керамика гуннского периода (груболепная, лепная лощеная). Выразительными являются обломки двух горшков с шероховатой поверхностью (рис. 123: 5,6).

В тексте ниже приводится описание только тех хозяйственных ям, которые имеют нетипичную форму или какие-то особенности заполнения. Данные о прочих ямах сведены в табл. 1 и 2.

Яма 8 (рис. 124: А) представляла собой погреб с двумя боковыми ступеньками в месте схода. Размеры по верхнему краю составляли 3,0 × 2,8 м, в северо-западной части находилась выем-

[3] Работами на раскопе руководил О.А. Радюш (Институт археологии РАН).

[4] Сведения о массовом материале из объектов раскопа 2 см. в табл. 1.

ка размерами 2,1 × 1,86 м. Западный край ее был уплощен и представлял собой первую ступеньку размерами 1,2 × 1,7 м. Вторая ступенька примыкала к первой с востока. Ее размеры – 0,3 × 1,0 м. По дну яма имела размеры 1,72 × 1,36 м. Ее максимальная глубина составляла 0,85 м.

Заполнение было однородным и представляло собой черный гумус. Из него происходят 22 фрагмента сосудов гуннского периода, как лепных, так и гончарных (рис. 124: 1-4) и небольшой обломок железной пластины (рис. 124: 7). В центре ямы над верхней частью ее заполнения находилось скопление костей животных общими размерами 1,2 × 1,0 м и толщиной 0,06 м.

Яма 10 (рис. 124: Б) в плане – подовальная. Размеры по верхнему краю составляли 2,2 × 2,8 м, стенки плавно суживались ко дну, которое было ровным. Размеры объекта в нижней части – 2,56 × 1,76 м. Общая глубина ямы – 0,68 м.

Объект заполнен однородным черным гумусом. В юго-западной части ямы находились погребения двух собак. Скелеты были расположены под углом друг к другу. Одна собака лежала головой к востоку, корпус вытянут по оси запад-восток, вторая – головой к югу, но скелет в целом ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Кости лежали в анатомическом порядке. Некоторые из них (мелкие кости, позвонки) отсутствовали. Глубина залегания скелетов от верхнего края ямы – 0,34 и 0,47 м. В ее нижней части встречались мелкие угли. Если не считать скелетов собак, заполнение объекта было почти пустым. Из него происходят 4 фрагмента стенок груболепных сосудов с примесью шамота в тесте и 1 обломок стенки гончарного сероглиняного сосуда.

Раскопы 4, 7, 9 2008-2009 гг.[5]

Составляют единую площадь, расположенную несколько севернее раскопа 2. Объекты этих раскопов описываются вместе. Сведения о массовом материале, происходящим из них, см. в табл. 3, информацию о хозяйственных ямах – в табл. 4.

Постройки

Объект 2 раскопа 4 2008 г. (рис. 126: А,Б). По всей видимости, являлся хозяйственной постройкой подпрямоугольной формы с выступом с северо-восточной стороны. Контуры прослежены на поверхности материка. Общая глубина котлована составляла 0,33-0,36 м. Размеры объекта по верхнему краю – 1,7 × 1,95 м, стенки – почти отвесные. Заполнение представляло собой однородный чернозем. В месте выступа котлована в нижней его части на пространстве 0,3 × 1,2 м зафиксировано скопление костей животных, в состав которого входила также немногочисленная керамика: 6 фрагментов груболепных сосудов (из них 1 с дресвой в тесте и 5 – с шамотом), 2 обломка стенок амфор с рифленой поверхностью (по 1 экз. красно- и светлоглиняному). Судя по набору керамики, объект относится к гуннскому периоду.

Южная часть объекта 2 сверху перекрыта скоплением костей 1.

Объект 1 раскопа 7 2008 г. Представляет собой коллективное захоронение, совершенное в обширной яме-склепе, подробное описание которого дано в главе 6. В процессе сооружения погребальной ямы оно, очевидно, разрушило более раннюю постройку гуннского периода, о чем свидетельствует характер заполнения и находки из него.

Заполнение объекта 1 имеет сложную структуру (рис. 126: В, Г). В южной его части на уровне материка встречались мелкие кусочки обожженной глиняной обмазки. Толщина этой верхней прослойки с обмазкой составляет 10-25 см. Ниже залегала линза чернозема толщиной до 40 см. Ее подстилала очень плотная прослойка гумусированного грунта, перемешанного с крупными кусками сильно обожженной обмазки размерами до 10 × 15 см с отпечатками прутьев. Здесь же встречались пятна необожженной глины. Общая толщина этой прослойки – 10-30 см. Завал обмазки занимал всю центральную часть ямы объекта. Его размеры в плане составляли 1,8 × 2 м. Ниже до дна яма была засыпана более рыхлым серо-черным грунтом. Завалов обмазки здесь не было, хотя отдельные ее куски встречались до дна. На всех уровнях заполнение было сильно насыщено углем. Повсеместно от верха ямы до ее дна встречались, также, обломки сосудов и разрозненные кости животных.

Материал из заполнения могильной ямы брался с учетом ее стратиграфии: отдельно из верхнего слоя до завала обмазки, затем – из завала, из грунта выше скелетов и из засыпки ниже их. Керамика составляет выразительный набор посуды типа Чертовицкого-Замятино (рис. 127:

[5] Работами на этих раскопах руководили И.А. Козмирчук и А.М. Обломский.

1-4), т.е. гуннского времени, хотя в верхнем горизонте заполнения и обнаружено несколько древнерусских черепков, попавших сюда, по всей видимости, случайно. Встречены, также, обломки гончарного античного сосуда с рифленой поверхностью (рис. 128: 1) и фрагменты амфор. В западной части объекта в завале обмазки на пространстве 1,1 × 0,7 м отмечена область повышенной концентрации керамики. Здесь же обнаружено множество обугленных зерен пшеницы, гороха и других растений (см. приложение 4 к монографии), причем наблюдалась тенденция к концентрации первых в южной части завала, а вторых – в северной. Зерна встречались и ниже вплоть до дна ямы. Еще одна область их концентрации отмечена к северо-западу от скелета А практически на его уровне. Ее приблизительные размеры составляли 0,7 × 0,25 м.

Из завала обмазки происходят несколько индивидуальных находок: коническое глиняное грузило (рис. 128: 4), точильный камень (рис. 128: 5), оплавленный кусок синего стекла, состоящий из спекшихся стеклянных бусин (рис. 128: 3).

Ключом к объяснению способа формирования заполнения объекта является распределение керамики. Необходимо отметить, что в заполнении нет полностью целых (или хотя бы на 2/3 целых) форм сосудов, т.е. ни один из них не был поставлен в погребальную яму специально в качестве приставки. Большинство черепков принадлежали разным горшкам, мискам и кувшинам и, как правило, не склеивались между собой.

Сосуд 1 (рис. 128: 1). Гончарный, округлобокий с рифленой поверхностью, вероятно, позднеантичного происхождения. Форма полностью не восстановлена, но черепки настолько специфичны по фактуре, что принадлежность их к одному сосуду сомнений не вызывает. Большинство фрагментов имели серый цвет, один был красным, т.е. испытал вторичное воздействие огня. Один из фрагментов этого сосуда найден в заполнении выше завала обмазки, еще 1 – в самом завале, а 2 – под ним.

Сосуд 2 (рис. 127: 5). Лепная коричнево- серолощеная миска. Форма восстановлена полностью. Из верхней части заполнения происходят 4 черепка, из завала обмазки – 7, из-под завала – 2 и еще 2 – из-под скелетов.

Сосуд 3 (рис. 128: 2). Сильно ошлакованный, груболепной, с дресвой и шамотом в тесте (форма не восстановима). Из завала обмазки происходят 32 черепка этого горшка, ниже найдено еще 14.

Сосуд 4 (рис. 127: 6). Гончарный сероглиняный, с вертикальными пролощенными линиями. Сохранилась нижняя часть, обломки которой происходят из завала обмазки.

Сосуд 5 (рис. 127: 7). Округлобокий груболепной горшок с дресвой в тесте, на венчике орнамент в виде насечек, частично расположенных зигзагом. Форма восстановлена полностью. Большинство черепков (9) происходят из слоя ниже завала обмазки, 3 – из завала, 2 – из-под скелетов.

Распределение обломков сосудов, которые удалось в реконструировать, показывает, что черепки большинства из них не относятся к какому-то одному стратиграфическому горизонту заполнения, а представлены в разных, причем зачастую – сверху донизу. Если учесть, что примерно так же распределялись и обугленные зерна, то становится очевидным, что материал из заполнения объекта 2 прямого отношения к погребениям не имеет, а попал в него в процессе засыпки. Очевидно, что во время сооружения ямы под коллективное погребение были перекопаны остатки более ранней сгоревшей постройки с керамикой, костями животных, зерном, синими бусами, которые оплавились, типичными поселенческими предметами быта (грузилом для ткацкого станка, точильным камнем). Не исключено, что край этого сооружения сохранился в виде серой полосы к югу и юго-западу от объекта 1. Постройка, очевидно, имела каркасно-глинобитные стены, от которых осталась обмазка с отпечатками прутьев. Дату этой постройки определяет набор керамики. На поселениях Острой Луки Дона он типичен для гуннского времени.

Объект 2 раскопа 7 2008 г. (рис. 129). Представляет собой углубленное в материк жилище. Контуры объекта прослежены на поверхности материка, пол зафиксирован на уровне 1,68-1,77 м от дневной поверхности. Общая глубина котлована в материке – 0,4-0,68 м. Размеры сооружения по верхнему краю – 4,44 × 3,8 м, по дну – 3,9 × 3,5 м. Внутрь в наибольшей степени скошены стенки юго-западной части котлована. В его западном углу находилась ступенька размерами 1,0 × 0,25 м. Похожая ступенька подпрямоугольной формы зафиксирована и в восточном углу. Ее размеры составляли 1,0 × 0,3-0,4 м. На полу сооружения в его юго-западной части прослежено неправильно овальное в плане углубление размерами 2,6 × 1,0-1,7 м по верхнему краю и 1,8 × 1,5 м по дну, которое было впущено в дно котлована на 0,38-0,46 м. В центральной части

объекта ближе к его северному углу находилась круглая в плане яма от столба диаметром 0,34 м по верхнему краю и 0,23 м по дну. Глубина ямы от уровня пола постройки – 10 см. Рядом с ней в 10 см к юго-востоку зафиксировано круглое пятно прокала пола диаметром 0,54-0,6 м толщиной 1,5 см. Центральную часть пятна перерезала овальная в плане ямка размерами 0,1-0,12 м и глубиной 5 см, на бортах которой были отчетливо видны линии прокаленной глины. К юго-востоку от этого большого пятна на пространстве 0,4 × 0,4 м прослежены 4 пятна обожженности пола меньшего размера.

Однородное заполнение постройки в виде комковатого золистого чернозема прослеживалось с уровня 0,8-0,84 м от дневной поверхности. Материал брался по трем стратиграфическим уровням: «верх заполнения» – от контуров сооружения до глубины 20 см от них, «заполнение» – ниже этого уровня до дна котлована, «пол постройки» – из нижних 5-7 см заполнения над ним. В заполнении наблюдалась повышенная по сравнению с культурным слоем концентрация керамики и костей животных. Керамический комплекс по набору форм как груболепных, так лепных лощеных и гончарных сосудов типичен для гуннского периода (рис. 130; 131: 1-6). Из заполнения происходит, также несколько кусочков железного шлака, 14 обломков глиняных грузил (рис. 131: 7-10,12), полный профиль лепного сосуда с шероховатой поверхностью (рис. 131: 6), костяная проколка (рис. 131: 14). На полу и в углублении в нем найдены глиняное грузило и фрагмент аналогичного изделия, глиняное пряслице (рис. 131: 7, 13).

В культурном слое в пределах постройки над ней и на поверхности пятна ее заполнения зафиксированы 3 локальных скопления материала.

Скопление 1. Прослежено на глубине 0,83-0,88 м от дневной поверхности. Имело размеры 2,0 × 1,7 м. В его состав входили кости животных, несколько мелких камней, фр-т сосуда эпохи бронзы, 68 фрагментов груболепных горшков, преимущественно, с шамотом в тесте, 18 обломков лепных лощеных сосудов, 8 сероглиняных гончарных (из них 5 лощеных), 4 фрагмента амфор (рис. 132: 1,2,7), 1 кусок железного шлака, 4 кусочка обмазки. Здесь же обнаружены 3 черепка древнерусских гончарных сосудов, вероятно занесенных в это скопление кротами.

Скопление 3. Примыкало с юго-запада к предыдущему, но залегало несколько ниже: на глубине 1,22-1,27 м от дневной поверхности. Состояло из примерно двух десятков костей животных и имело размеры 0,6 × 0,7 м.

Скопление 5. Зафиксировано, примерно, на том же уровне, что и скопление 1, имело размеры 1,4 × 0,6-0,7 м. В его состав входили 18 фрагментов груболепных горшков, преимущественно, с шамотом в тесте (рис.132: 3-6), 18 обломков лепных сосудов с гладкой поверхностью, из которых удалось реконструировать верхнюю часть подлощенного горшка (рис. 130: 14), неопределимая в культурном отношении керамика, 1 обломок гончарного древнерусского горшка, который попал в скопление, видимо, случайно, несколько мелких камней.

Объект 5 раскопа 7 2009 г. (рис. 133). Представляет собой жилище-полуземлянку подпрямоугольной формы. Размеры по верхнему краю составляют 5,32 × 4,3 м, в нижней части – 5 × 4 м. Юго-западный угол котлована выходил за пределы раскопа, но в этой части вскрытая площадь непосредственно примыкала к обрыву оврага, т.е. угол постройки естественной эрозией был разрушен. Контуры объекта прослежены на поверхности материка. Общая глубина котлована составляла 0,03-0,44 м. Перепад глубин вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, на раскопе наблюдался общий уклон поверхности материка с севера на юг, а пол постройки был относительно горизонтальным. По этой причине в южной части сооружения котлован был углублен в материк меньше, чем в северной. Во-вторых, пол объекта имел слегка линзовидную форму. Наибольшая его глубина наблюдалась в центре сооружения.

На полу постройки прослежены 8 ям от столбов, круглых или овальных в плане, 6 из которых расположены вдоль стен сооружения («а», «б», «е» у северо-восточной, «г», «ж», «з» у юго-западной), а две («в» и «д») – в его центре. В таблице, которая приводится ниже, даны их параметры.

Обозначение ямы	Размеры в м	Глубина от пола сооружения в м
а	0,28 × 0,28	0,37
Б	0,32 × 0,32	0,27-0,3
В	0,36 × 0,36	0,2-0,22
Г	0,28 × 0,28	0,35-0,38
Д	0,4 × 0,44	0,34-0,4
Е	0,24 × 0,28	0,4
Ж	0,4 × 0,44	0,37-0,45
З	0,28 × 0,28	0,45-0,47

Стены постройки, таким образом, были каркасными, а кровля опиралась на столбы, расположенные в центре помещения. Истинные размеры сооружения можно восстановить по столбам – опорам каркаса стен. Они составляли 2,65 × 5,55-3,68 м, т.е. сам дом был значительно меньше котлована, в котором установлены его стены.

Следов очага, даже в виде обожженности пола, не наблюдалось.

Заполнение постройки было стратифицировано. Верхний слой представлял собой линзу черного гумуса толщиной до 20 см. Ниже до на ямы залегал серый гумус. Заполнение разбиралось по трем уровням: отдельно брались материалы из верхнего черного слоя 1, из серого слоя 2 и со дна котлована. В каждом из стратиграфических горизонтов встречались кости животных, отдельные кусочки глиняной обмазки и немногочисленные фрагменты сосудов эпох энеолита-бронзы. На всех уровнях заполнения и на полу сооружения резко преобладала керамика гуннского периода, причем встречена груболепная, лепная лощеная и гончарная сероглиняная (рис. 134; 135: 1-5). На полу сооружения к западу от столбовой ямы «в» обнаружен развал лепного лощеного горшка (рис. 135: 5). Из индивидуальных находок из заполнения происходят 2 обломка глиняных грузил (рис. 134: 18,19).

Выше постройки в культурном слое наблюдалась повышенная концентрация керамики гуннского периода (рис. 134: 1-11) и костей животных.

Северо-западную стенку постройки перекрывала более поздняя ***хозяйственная яма*** (рис. 133). Диаметр ямы – 1,45 м, глубина в материке – 0,28-0,34 м. Стенки – почти отвесные. Заполнение представляло собой однородный темно-серый гумус. Из него происходят 2 кости животных и 2 невыразительных груболепных черепка.

Очаги и скопления материала в культурном слое

Очаг 1 раскопа 4 2008 и скопления материала около него (рис. 136). Находился на глубине 0,23-0,3 м от дневной поверхности и представлял собой подквадратную вымостку из плоских камней (известняка), уложенных в 2-3 слоя, которые были частично обожжены и имели размеры от 4 × 4 до 30 х 30 см. Общие размеры очага – 1,0 × 0,9 м. Как и у очага 3 (см. ниже), поверхность очага 1 была первоначально обмазана глиной. Несколько кусков этой сильно обожженной обмазки толщиной около 2 см сохранились в северной и центральной частях объекта. Между камнями обнаружено несколько фрагментов груболепных сосудов: 4 с дресвой в тесте, 3 с шамотом, 2 с шамотом и известняком.

В 2 м к юго-востоко-востоку от очага на глубине 0,22-0,24 м от дерна находилось скопление 1 (рис. 136). Оно занимало пространство 1,6 × 0,6 м и состояло из 10-ти костей животных.

Скопление 9 (рис. 136). Находится к югу от очага 1 на глубине 0,66-0,68 м от дневной поверхности. На пространстве 0,2 × 0,3 м компактно залегали несколько груболепных черепков, из которых склеилась верхняя часть груболепного горшка с шамотом в тесте (рис. 135: 6) характерной для гуннского периода формы. Здесь же найден 1 фрагмент гончарного серолощеного сосуда. Скопление находится ниже поверхности очага 1 и серии находок около него и, соответственно, прямого отношения к ним не имеет.

В культурном слое к западу и северо-западу от очага в восточной части исследованной площади обнаружены 65 обрезков бронзовых пластин и 45 выплесков бронзы (рис. 137-139), пластина со следами чеканки (рис. 140: 1), что свидетельствует об обработке на поселении цветного металла. Находки обрезков и выплесков сосредоточены между двумя зонами концентрации ям гуннского времени. Очевидно, здесь находилась рабочая площадка ремесленника. Интересно, что на исследованной площади к западу от ложбины совершенно не было обломков глиняных тиглей. Необходимо отметить, что в Замятино-8 на территории усадьбы, где работал мастер, изготавливавший гребни из рога, в т.ч. и набранные из пластин, скреплявшихся металлическими штифтами, фрагментов тиглей довольно много (Обломский, 2004б, с. 25). Не исключено, что ремесленник из Ксизово-19 использовал для плавки металла железные тигли или бронзовые тигли и льячки, вроде тех, которые входили в состав Кузебаевского клада VII в., найденного в Удмуртии (Останина и др., 2011, с. 14, рис. 2: 6, 7)

Очаги 2 и 3 раскопа 4 2008 г. и скопления материала около них.

Очаг 2 (рис. 141). Находился на глубине 0,13-0,24 м от дневной поверхности. Представлял собой округлую площадку обожженной глины толщиной до 10 см и диаметром около 0,6 м.

На поверхности очага частично сохранились сильно растрескавшиеся куски хорошо

прокаленного пода размерами до 10 × 10 см и толщиной около 2 см, имевшие заглаженную пальцами внешнюю поверхность. Ниже (в северо-западной и юго-восточной частях) сохранились участки более раннего пода. Здесь же обнаружен фрагмент лепного сосуда с шероховатой поверхностью и шамотом в тесте, характерной для гуннского времени формы (рис. 135: 8).

Очаг 3 (рис. 141) представлял собой каменную вымостку подпрямоугольной формы, сооруженную из плоских камней (известняка) размерами от 5 × 7 до 10 × 20 см, уложенных в один слой. Общие размеры сооружения – 1,2 × 0,8-0,9 м. Часть камней слегка обожжена. Первоначально камни очага, по всей видимости, были обмазаны слоем глины толщиной около 1 см. Куски этой обмазки в виде плоских кусков обожженной глины сохранились в северной и юго-восточной частях вымостки. Между камнями обнаружены 4 фрагмента груболепных сосудов с шамотом в тесте, 1 – с шамотом и дресвой, 1 обломок гончарного сероглиняного сосуда. Глубина залегания очага – 0,22-0,3 м от дневной поверхности. В восточной части очага наблюдалось углубление размерами 0,5 × 0,4 м. Поскольку характер вымостки в пределах углубления повторял общую логику расположения камней в очаге в целом, то оно, очевидно, возникло в результате естественного проседания грунта в этом месте.

К югу, востоку и юго-востоку от обоих очагов, приблизительно, на их уровне зафиксирована серия скоплений культурных остатков.

Скопление 2 (рис. 141) занимало пространство размерами 1,6 × 1,2 м на глубине 0,13-0,2 м от дневной поверхности. В его состав входили несколько костей животных, камень, 15 фрагментов груболепных сосудов с шамотом в тесте (рис. 135: 7), по одному – с шамотом и известняком, с шамотом и дресвой, обломок гончарного серолощеного сосуда, 3 куска глиняной обмазки.

Скопление 3 (рис. 141) зафиксировано на глубине 0,16-0,28 м от дневной поверхности. Занимало пространство 0,8 × 0,4 м. В его состав входили около 20-ти фрагментов груболепного тюльпановидного горшка с шамотом в тесте, к которым подклеилась часть черепков из скопления 4 (рис. 142: 1).

Скопление 4 (рис. 141) находилось на глубине 0,19-0,24 м от дневной поверхности, занимало пространство 1,3 × 0,9 м и состояло из камня, черепка горшка эпохи бронзы, серии фрагментов груболепных сосудов (2-х – с примесью дресвы в тесте, 42-х – с шамотом, по одному – с шамотом и железной рудой, с шамотом и известняком, 9-ти – с шамотом и дресвой). Встречен, также, крупный обломок лепной лощеной миски (рис. 142: 1-4).

Скопление 5 (рис.141) зафиксировано на глубине 0,26-0,31 м от дневной поверхности. Занимало пространство 0,9 × 0,9 м. Состояло из, приблизительно, десятка камней (известняк) и 2-х обломков груболепных сосудов с шамотом в тесте.

Скопление 6 (рис. 141) находилось на глубине 0,17-0,22 м от дневной поверхности, имело размеры 0,4 × 0,4 м. Состояло из 17-ти фрагментов стенок лепного подлощенного сероглиняного горшка (рис. 142: 5), 5-ти фрагментов груболепных сосудов с шамотом в тесте.

Скопление 7 (рис. 141) зафиксировано на глубине 0,28 м от дневной поверхности. Примыкало с юго-востока к скоплению 3. На пространстве 0,2 × 0,2 м лежали рядом два обломка днища груболепного сосуда с шамотом в тесте.

Скопление 8 (рис.141) находилось на глубине 0,24-0,25 м от дневной поверхности, имело размеры 0,2 × 0,2 м. В его состав входили 9 фр-тов нижней части груболепного горшка с примесью шамота в тесте (рис. 142: 8).

Скопление 10 (рис.141) зафиксировано на глубине 0,28-0,35 м от дневной поверхности. На пространстве 1,6 × 1,2 м встречены около 20-ти камней (известняк), несколько мелких обломков сосудов (груболепные: 9 с шамотом в тесте; 2 с шамотом и известняком; 4 с шамотом и дресвой; 4 обломка гончарных лощеных), 1 кусочек железного шлака.

Скопление 11 (рис. 141) находилось к юго-востоку от очага 3 на глубине 0,27-0,31 м от дневной поверхности, имело размеры 0,5 × 0,2 м и состояло из нескольких фрагментов верхней части груболепного горшка с шамотом в тесте (рис. 142: 7).

Очаг 1 раскопа 7 2009 г. и скопления около него (рис. 143). Находился на 40 см южнее скопления 8 на глубине 0,34-0,54 м от дневной поверхности и, видимо, связан с ним, т.е. также относится к гуннскому времени. Представлял собой овальную в плане площадку обожженной глины размерами 0,9 × 0,5-0,58 м и толщиной до 5 см в центре. В северной и восточной частях объекта сохранились совершенно растрескавшиеся куски обожженного пода толщиной около 1 см.

Скопление 6 (рис. 143). Зафиксировано на глубине 0,32-0,44 м от дневной поверхности, занимало пространство 2,4 × 1,0 м, на котором

были разбросаны несколько камней и костей животных, 14 фрагментов груболепных сосудов с примесью шамота, шамота и дресвы, шамота и железной руды в тесте. Здесь же залегал фрагмент стенки гончарного сероглиняного сосуда с налепным валиком и шероховатой поверхностью (рис. 144: 1-4).

Скопление 8 (рис. 143). Прослежено в культурном слое на той же глубине, что и очаг 1. На пространстве 1,3 × 0,9 м найдены несколько костей животных и камней размерами около 10 × 5 см, 20 крупных кусков обожженной глиняной обмазки со следами жердей, а также 60 фрагментов груболепных сосудов, преимущественно, с шамотом в тесте. Обнаружены также 5 обломков лепных подлощенных сосудов и 2 гончарных серолощеных. Из этих обломков удалось реконструировать верхние части 2-х округлобоких горшков (рис. 144: 5,6).

Скопление 2 раскопа 7 2008 г. (рис. 145: А). На глубине 0,67 см от дневной поверхности на пространстве 0,3 × 0,5 м залегали около 20 гончарных серолощеных черепков, из которых удалось восстановить верхнюю часть кувшина с пролощенным орнаментом (рис. 147: 1).

Скопление 19 раскопа 4 2009 г. (рис. 147: Б). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,56-0,65 м от дневной поверхности. Занимало пространство 1 × 0,8 м, состояло из фрагмента стенки лепного сосуда эпохи бронзы, обломка стенки чернолощеного лепного сосуда, 7 фрагментов груболепных горшков, предположительно относящихся к гуннскому времени, 1 куска обмазки, 5-ти костей животных.

Скопление 7 раскопа 7 2009 г. (рис. 145: В). В северной части раскопа в культурном слое на глубине 0,43-0,57 м от дневной поверхности на пространстве 3,4 × 1-1,3 м были сконцентрированы несколько костей животных, 45 камней (известняк) размерами от 5 × 5 до 20 × 20 см, 59 мелких фр-тов груболепных сосудов, преимущественно, с шамотом в тесте. Здесь же встречены 4 обломка гончарных серолощеных сосудов, 1 фр-т стенки светлоглиняной амфоры, 12 кусков обмазки. Несмотря на то, что керамика из скопления невыразительна, ее состав типичен для гуннского времени.

Скопление 10 раскопа 7 2009 г. (рис. 145: Г). В нижней части культурного слоя на глубине 0,87-0,89 м от дневной поверхности прослежено плотное скопление 18 кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Форма скопления – подпрямоугольная, размеры – 0,54 × 0,4 м. Обмазка лежала в 1 слой. Среди кусков обмазки обнаружены обломки глиняного грузила (рис. 147: 8).

Скопление 11 раскопа 7 2009 г. (рис. 146: А). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,73-0,94 м от дневной поверхности. Перекрывает яму 17 практически по всей ее площади. На пространстве 1,24 × 1,33 м были хаотически разбросаны 45 камней (известняк) размерами от 2 × 2 см до 15 × 10 см, кости животных, керамика, которая в технологическом отношении типична для гуннского времени. Ее набор составляют 15 фрагментов стенок лепных сосудов с примесью шамота в тесте, 4 фр-та сероглиняных гончарных сосудов (1 – с подлощенной поверхностью, остальные – с шероховатой), 2 обломка стенок и 1 – ручки чернолощеных гончарных сосудов (рис. 147: 2-4).

Скопление 13 раскопа 9 2009 г. (рис. 146: Б). Прослежено в культурном слое на глубине 0,69-0,74 м от дневной поверхности. На пространстве 1,5 × 1,4 м залегали несколько костей животных, 3 камня (известняка) размерами от 10 × 10 см до 20 × 30 см и 7 фрагментов груболепных сосудов, в т.ч. и выразительный обломок верхней части горшка гуннского времени (рис. 147: 5). Наибольшая концентрация культурных остатков наблюдалась в юго-восточной части скопления.

Скопление 16 раскопа 9 2009 г. (рис. 146: В). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,51-0,68 м от дерна. Занимало пространство 2,4 × 1,2 м. В его состав входили камень размерами около 20 × 10 см и 19 фрагментов груболепных и гончарных сероглиняных сосудов с шероховатой и лощеной поверхностями, причем для одного из лепных горшков удалось реконструировать полный профиль (рис. 147: 6,7,9).

Ямы

Яма 1 раскопа 4 2008 г. (рис. 148: А,Б). Общая глубина ямы – 0,52-0,58 м. В плане она – округлая, в нижней части – овальная. Диаметр по верхнему краю составляет 1,5 м, размеры по дну – 1,3 × 1,1 м. Заполнение представляло собой однородный черный гумус. Из него происходит 6 фрагментов груболепных сосудов с шамотом в тесте, 3 – с шамотом и дресвой, обломок ребра лепного лощеного сосуда (рис. 150: 1), обломок сероглиняного гончарного лощеного сосуда, 3 куска глиняной обмазки. В южной части ямы обнаружено небольшое скопление костей животных, а в северо-западной – кости черепа человека.

Яма 2 раскопа 4 2008 г. (рис. 148: А,В). Южный угол объекта «терялся» на фоне светло-серого предматерикового грунта, поэтому контуры его с этой стороны не ясны. Выше южного угла ямы находился очаг 1. Судя по относительно неплохо сохранившейся части, яма 2 была подпрямоугольным сооружением шириной 1,2-1,25 м, длиной не менее 1,6 м. Общая глубина объекта в материке – не более 0,2 м. В юго-западной его части находилось овальное углубление длиной 1,04 м и шириной около 0,5 м, «впущенное» в материковый пол сооружения на 0,25 м. Заполнение ямы представляло собой однородный черный гумус, из которого происходят отдельные кости животных, немногочисленные фрагменты груболепных горшков, преимущественно, с шамотом в тесте, 2 обломка чернолощеных гончарных сосудов (рис. 150: 2,3), фрагмент стенки розовоглиняной амфоры с рифленой поверхностью, 6 кусочков глиняной обмазки. В юго-западной части объекта зафиксировано скопление костей животных общими размерами 1,5 × 0,55 м, в состав которого входили и отдельные невыразительные лепные черепки. Скопление залегало со значительным уклоном к востоку (очевидно, по поверхности линзовидной засыпки ямы).

Яма 12 раскопа 7 2009 г. (рис. 149). Скорее всего, представляла собой ритуальный комплекс. Контуры ямы прослежены на поверхности материка, общая глубина составляет 0,54-0,68 м. Размеры ямы по верхнему контуру – 2 × 1,93 м, в нижней части – 1,76 × 1,73 м.

Заполнение объекта стратифицировано. Верхний слой толщиной до 34 см представлял собой однородный темно-серый гумус с включениями костей животных и обмазки. Здесь же обнаружены обломки сосудов, которые будут перечислены ниже, и железный предмет. В основании этого слоя вдоль южного борта ямы в анатомическом порядке на левом боку лежал скелет собаки, ориентированный головой на запад. Морда животного при этом была повернута на восток, задние лапы слегка согнуты в коленях и вытянуты к востоку.

Ниже до дна ямы темно-серый гумус заполнения был насыщен обожженной глиняной обмазкой, наибольшая концентрация которой отмечена в южной половине объекта, и углем. Всего обнаружено 428 кусков обмазки, которая относилась к двум видам. Первый из них составляли куски обожженной глины с включениями органики и отпечатками прутьев. Поверхность кусков там, где она сохранилась, заглажена пальцами. Диаметр прутьев – около 2 см. Эта группа обмазки типична для хорошо известных в лесостепи, в т.ч. и в Подонье, остатков сгоревших жилищ с глинобитными стенами. Толщина кусков от поверхности до прутьев, по линии которых они раскалывались – до 5-7 см. Соответственно, толщина глинобитной стены, от которой осталась обмазка – 10-15 см.

Ко второму виду относятся куски обожженной глины оранжевого цвета без органики, плотные, очень тщательно заглаженные (почти заполированные), толщиной не более 3 см. Такая обмазка обычно остается от растрескавшихся очажных подов. Куски обожженной глины залегали хаотично. Они были расположены и по горизонтали, и по вертикали, а также под наклоном в разных направлениях. Стенки ямы 12 обожжены не были, хотя обмазки и угля около них было много. Обмазка перемешана с рыхлым гумусом. Из него происходят обугленные зерна, преимущественно, гороха (подробнее см. в приложении 4), которые обнаружены при просеивании грунта через сито. Здесь же найдены 1 целая и 4 фрагмента бусин из красного глухого стекла (рис. 150: 7-11).

При дополнительном осмотре результатов просеивания грунта, которое было сделано уже в Москве в Институте археологии РАН среди обугленных зерновок была обнаружена еще серия бус. К ним относятся: шаровидные из красного глухого стекла (2 целых и 2 фр-та), одночастные пронизи темно-синего прозрачного стекла (9 экз.), темно-синий прозрачный бисер (15 экз.), двухчастные пронизи темно-синего прозрачного стекла (5 экз.), округлый бисер, цвет неопределим (3 экз.), двухчастная пронизь с долями округлой формы (1 экз.). Описание бус и рисунки приводятся в главе 11 (рис. 293).

В нижнем слое юго-восточной части ямы на глубине 35 см от ее верхнего края до дна на пространстве около 0,9 × 0,53 м между кусками обмазки обнаружены кости младенца (череп, ключицы, руки и др.). Череп раздавлен, разные его фрагменты, а также прочие кости, рассеяны по заполнению.

Из ямы происходят 39 костей животных и керамика, причем, преимущественно, из верхнего слоя заполнения. К ней относятся 3 обломка лепных горшков с примесью дресвы в тесте (из них один покрыт штриховкой, что характерно для раннего железного века), 53 фрагмента груболепных сосудов с примесью шамота в тесте (в нескольких случаях в сочетании с дресвой), 2 обломка венчиков лепных чернолощеных мисок,

9 обломков стенок гончарных чернолощеных сосудов, 2 фрагмента стенок гончарных сероглиняных сосудов с шероховатой поверхностью (рис. 150: 4-6). Из верхнего слоя заполнения ямы происходят также 3 гончарных древнерусских черепка, которые попали в объект, по всей видимости, из культурного слоя.

Историю объекта можно представить себе следующим образом. В округлую хозяйственную яму были сброшены остатки сгоревшей глинобитной постройки с очагом, с которой первоначально были связаны кости животных, отдельные обломки сосудов, обугленное зерно. Этот состав артефактов похож на тот, что происходит из заполнения расположенного в 3 м к западу от ямы объекта 1 (коллективного погребения). Яма 12 и объект 1, по всей видимости, были засыпаны мусором, образовавшимся после сожжения одной и той же постройки. В яму 12 вместе с обмазкой попали кости младенца и стеклянные бусы. Скорее всего, они были помещены в нее специально, поскольку ни на костях, ни на бусах нет явных следов обожженности.

После заполнения ямы строительным мусором примерно наполовину на поверхность этого слоя был положен труп собаки. Затем яма была засыпана или заплыла грунтом. Не исключено, что какое-то время она использовалась для свалки бытового мусора, либо керамика была помещена в нее в ритуальных целях: концентрация обломков сосудов в заполнении ямы выше, чем в окружающем ее культурном слое.

Объект 6 и скопление 17 раскопа 9 2009 г. (рис. 151: А). Объект 6 представляет собой большой и довольно глубокий погреб с боковой ступенькой – местом схода. Контуры объекта зафиксированы на поверхности материка. Наиболее глубокая часть помещения – в плане овальная. Ее размеры по верхнему краю – 3,0 × 3,2 м. Книзу стенки резко суживались. Размеры погреба по дну – 2 × 1,18 м. Максимальная глубина объекта в материке – 0,79 м.

Размеры овального в плане места схода в погреб – 1,2 × 1,45 м. Общие размеры сооружения с учетом места схода – 3,5 × 1,45-3,2 м.

Заполнение объекта представляло собой темный гумус, в целом, однородный. Лишь в северной части сооружения около его борта у дна наблюдались включения линз материковой глины максимальной толщиной до 0,4 м.

Находки в заполнении объекта 6 немногочисленны. К ним относятся кости животных, 1 кусок обмазки, 7 фрагментов стенок сосудов эпохи бронзы, 20 обломков груболепных горшков, преимущественно, с шамотом и с шамотом и дресвой в тесте, 3 обломка лепных лощеных и 2 – гончарных сероглиняных сосудов с шероховатой поверхностью. В целом, состав керамики из заполнения соответствует гуннскому времени, хотя в нижней части сооружения и найдено 6 обломков стенок древнерусских сосудов. Последние – сильно измельчены и, скорее всего, попали в заполнение из культурного слоя или в результате какого-то незафиксированного перекопа.

Скопление 17 залегало в верхней части заполнения места схода в погреб и занимало пространство 0,4 × 0,9 м. В его состав входили кости животных, 3 обломка лепных сосудов с шамотом в тесте (рис. 151: 1), фрагмент стенки груболепного горшка с включениями шамота и дресвы, 3 обломка стенок гончарных чернолощеных сосудов, фрагмент стенки красноглиняной амфоры с рифленой поверхностью и со светлым ангобом

Яма 21 и скопление 15 раскопа 9 2009 г. (рис. 152: А). Контуры ямы прослежены на поверхности материка. В плане яма – овальная размерами 1,5 × 1,7 м, стенки объекта – практически отвесные, дно – плоское. Яма углублена в материк на 0,6-0,68 м.

Заполнение ямы представляло собой черный однородный гумус. В его толще наблюдалась повышенная концентрация культурных остатков (скопление 15), занимавшая практически всю площадь ямы. В состав скопления входили около 3-х десятков костей животных, фрагменты стенок сосудов финального неолита и катакомбной культуры эпохи бронзы, лепная керамика с шероховатой и лощеной поверхностью, черепки гончарных сероглиняных сосудов, в т.ч. и лощеные, 2 обломка амфор, 2 куска обмазки (рис. 152: 1-8).

Восточная часть.

Раскоп 1 2003-2004 г.[6]

Постройки

Постройка 4 2004 г. Углубленное в грунт юртообразное сооружение, с которым связаны ямы 20 и 21, скопления культурных остатков 16, 16а, 18, 21. План, описание и материалы сооружения полностью опубликованы (Обломский, 2006а; 2007, с. 91-92, рис. 46-48).

[6] Работами на раскопе руководил А.М. Обломский.

Постройка 5 2004 г. (рис. 166: А). В плане – округлая. Диаметр по верхнему краю – 3,0-3,3 м, по дну – 3,1 × 2,9 м. Контуры прослежены в нижнем сравнительно светлом предматериковом слое. Общая глубина котлована от уровня фиксации составляла 13-26 см, но на самом деле она была большей (судя по профилю – около 35-40 см). Южная оконечность сооружения на фоне культурного слоя «читалась» недостаточно отчетливо, поэтому на плане она обозначена пунктиром по очертаниям более темного, чем слой, пятна постройки. Дно объекта было плоским. Оно имело уклон в сторону обрыва террасы Дона, т.е. параллельно общему склону поверхности материка. На полу в центральной части объекта находилась овальная в плане яма от столба 34 × 30 см и глубиной 18 см от уровня пола. Еще одна подобная яма, но округлая в плане (диаметр – 28-30 см, глубина 7 см) прослежена у южного края котлована.

Заполнение постройки стратифицировано. Верхний слой представляет собой линзу чернозема, которая в центре сооружения местами доходит до пола. Нижний слой серого гумусированного суглинка в центральной части имеет толщину не более 10 см, а к бортам котлована становится толще (до 40 см, учитывая реальную глубину сооружения). Из заполнения происходит несколько невыразительных лепных черепков и кости животных.

Выше объекта в культурном слое прослежено *скопление культурных остатков 12*. Оно занимало компактный участок размерами 1 × 1,1 м и приблизительно половиной своей площади выходит за пределы постройки 5. Не исключено, что это скопление находилось в верхнем слое котлована сооружения, который, естественно, на этом уровне был шире, чем внизу. Вполне вероятно также и перекрывание постройки какой-то не прослеженной в культурном слое ямой, в заполнение которой был выброшен мусор, составлявший набор находок скопления. Сам по себе этот комплекс датируется серединой 1 тыс. Кроме костей животных и нескольких небольших камней, в него входили обломки груболепных и сероглиняных гончарных сосудов характерных для этого периода форм (рис. 166: 1-6). Особый интерес представляет фрагмент гончарного сероглиняного довольно грубого сосуда с клеймом на днище в виде креста в круге, вписанного в окружность большего диаметра (рис. 166: 5). Клеймо было вырезано на поверхности гончарного круга. На глине горшка оно дало оттиск в виде невысоких валиков (своеобразный вариант глубокой печати). Следы валика, очевидно также остатки клейма, заметны на днище серолощеного гончарного сосуда с плотным тестом, изготовленного в обычной для Ксизово-19 технике, который также входил в состав скопления 12 (рис. 166: 6).

Гончарный горн, рабочее место гончара и связанные с ним объекты

Гончарный горн был обнаружен местным крестьянином в 2002 г. на мысу, образованном краем обрыва террасы Дона и небольшим оврагом в западной части поселения. После сообщения находчика раскопан экспедицией А.Н. Бессуднова. Результаты этих исследований и материал, связанный с горном, полностью опубликованы (Земцов, 2004). Горн по прямому назначению использовался в течение не всего периода существования поселка, а только на ранней его стадии. Впоследствии он был засыпан мусором.

Раскоп 1 2003-2004 гг. был заложен с расчетом исследования пространства около горна. В результате было обнаружено несколько объектов, которые могли быть связаны с деятельностью гончара.

Скопление 3 зафиксировано в культурном слое на глубине 0,42-0,84 м от репера. Оно представляло собой разбросанные на пространстве 3,2 × 0,8 м отдельные куски камня, кости животных и черепки сосудов, как правило, невыразительные. Тем не менее, здесь была обнаружена интересная находка – фрагмент верхней части гончарного кувшина, высушенного, но необожженного. К сожалению, он рассыпался, когда его доставали из земли, но форма ручки этого сосуда аналогична найденным в заполнении гончарного горна.

Яма 1 (рис. 167: А). В плане была неправильно овальной размерами 1,1 × 1,2 м по верхнему краю и 1 × 1,06 м по дну. Глубина составляла 0,32-0,5 м, дно ямы не было плоским, в центре находился более глубокий участок. Объект заполнен однородным темным гумусом. Из него происходят 6 фрагментов груболепных сосудов середины 1 тыс.н.э. и обломок днища горшка с шероховатой поверхностью и примесью дресвы в керамическом тесте (рис. 168: 1). Выше ямы зафиксировано скопление 4, которое имело размеры 0,4 × 0,3 м. Состояло из нескольких костей животных, маленького фрагмента сосуда

срубной культуры эпохи бронзы, крупного обломка верхней части лепного горшка середины 1 тыс.н.э. с примесью шамота и дресвы в тесте (рис. 168: 3).

Яма 2 (рис. 167: Б). В плане имела форму неправильного овала размерами по верхнему краю 1,3 × 0,54-0,9 м, в нижней части – 0,95 × 0,5-0,78 м, глубина составляла 0,1-0,31 м. Дно ямы не было ровным, а имело несколько аморфных в плане углублений. Заполнение представляло собой однородный темный гумус. Находок не было.

Яма 3 (рис. 167: В). В плане имела форму неправильного прямоугольника размерами по верхнему краю 0,9 × 0,7 м, в нижней части – 0,75 × 0,6 м. Как и в предыдущих объектах, дно не было ровным. Наиболее глубокой (0,26 м) была западная часть ямы, а в восточной ее половине стенки полого поднимались кверху. Объект заполнен однородным темным гумусом, находок не было. Выше ямы в культурном слое прослежены скопления 2 и 2а (погребение собаки, перекрытое камнями). Первое из них представляло собой куски рваного камня размерами от 10 × 5 см до 20 × 10 см, разбросанные без определенной системы на пространстве 1,6 × 0,9 м. Ниже под камнями находился скелет собаки, лежавшей на правом боку и ориентированной головой на юго-юго-запад (рис. 167: З). Кости скелета сохранились не полностью, но очевидно, что лапы животного были вытянуты перпендикулярно хребту.

Яма 4 (рис. 167: Г). В плане также была подпрямоугольной, причем контур северо-восточного края был извилистым, а в северной части имелся небольшой прямоугольный выступ длиной 25 и шириной 20 см. Размеры объекта составляли 1,2 × 1,37 м по верхнему краю (не считая выступа) и 1,1 × 1,2 м в нижней части. Дно ямы было относительно ровным, но вдоль северо-восточного ее борта имелось канавообразное углубление. Глубина ямы составляла 0,3-0,38 м. Заполнение представляло собой однородный темный гумус. Из него происходит 10 мелких обломков сосудов эпохи бронзы и 8 фрагментов горшков середины 1 тыс.н.э. с примесью шамота в тесте.

Яма 6 (рис. 167: Д). В плане неправильно прямоугольной формы, причем контуры объекта были неровными, извилистыми. Размеры ямы по верхнему краю составляли 1 × 0,8 м, в нижней части – 0,70 × 0,77 м. Глубина составляла 0,16-0,26 м. Дно не было ровным, на его поверхности имелись аморфные впадины. В заполнении, которое представляло собой однородный темный гумус, находок не было.

Яма 1 в «постройке 1» (рис. 167: Е). Т.н. постройка 1 представляла собой естественное овальное в плане углубление-ложбину. Впущенная в ее заполнение яма в плане – неправильно округлой формы размерами 1,4 × 1,2 м. Очертания – извилистые, глубина от уровня фиксации контуров – 0,1-0,23 м. Яма заполнена темным гумусом, таким же, как и «постройка 1». Находок не было.

«Постройка 2» (рис. 167: Ж). Название условно. В плане была подтрапециевидной формы ямой размерами 3,8 × 1,7-2,4 м. Дно объекта не было ровным. В юго-западной его части находилось овальное с извилистыми контурами углубление с выступом в западном направлении общими размерами 1,4 × 0,35-0,8 м. Глубина сооружения в этом месте – около 0,16 м, углубления – также 0,16 м. Глубина юго-восточной части «постройки» составляла около 0,3 м, северо-восточной за пределами отмеченной на плане ступеньки – 0,25-0,4 м. На дне объекта в его северной части зафиксировано скопление костей животных, занимавшее пространство 0,24 × 0,12 м.

Заполнение «постройки 2» представляло собой однородный темный гумус (такой же, как и в культурном слое). Из него происходят кости животных, фрагмент стенки сосуда катакомбной культуры, 2 обломка стенок белоглиняных гончарных сосудов эпохи средневековой Руси. Преобладала лепная керамика середины 1 тыс. (рис. 168: 2, 4, 5). Найдены также 2 фрагмента стенок серолощеных гончарных сосудов того же периода.

Несколько замечаний об интерпретации объектов середины 1 тыс.н.э. около гончарного горна.

Объекты этой части исследованной площади (ямы 1-4, 6, т.н. постройка 2, яма 1 в «постройке 1») своеобразны и отличаются по форме от обычных на поселениях Верхнего Подонья гуннского периода хозяйственных ям. У последних, как правило, ровные стенки и дно, они – относительно глубокие, иногда в них зафиксированы ступеньки – места схода в наиболее глубокую часть. Ямы около гончарного горна – совершенно другие. Они – относительно мелкие, имеют «рваные» по конфигурации края, неровное дно. Во время раскопок создавалось ощущение, что эти объекты были наскоро, без последующих подчисток, выкопаны чем-то вроде лопаты, а за-

тем заброшены. Можно предположить, что эти ямы являются остатками небольших карьеров для забора глины. Они расположены по дуге по отношению к горну на расстоянии около 6-10 м от него.

Впоследствии часть из этих карьеров была заполнена мусором («постройка 2», ямы 1 и 4), а в одном из них (яма 3) совершено погребение собаки, заложенное сверху камнем.

Рядом с этими карьерами находилось скопление культурных остатков 3, в состав которого входил фрагмент высушенного, но не обожженного изготовленного на круге сосуда, т.е. полуфабриката работы гончара. Эта находка свидетельствует о том, что керамика, которую обжигали в горне, формовалась здесь же – рядом с горном и ямами-карьерами. Около горна (от края мыса до карьеров) расположено свободное пространство-площадка, вероятно, место работы гончара.

Ямы и скопления материала в культурном слое

Скопление 8 2003 г. прослежено на глубине 22-27 см от дневной поверхности. Оно занимало пространство около 80 × 60 см и состояло из фрагментов сосудов, 2-х кусков рваного камня размерами до 10 × 15 см, костей животных, 8-ми небольших кусочков обожженной глиняной обмазки. Керамика из скопления была, в основном, лепной (как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью). Здесь же найден 1 фрагмент стенки гончарного чернолощеного сосуда.

«Очаг 1» раскопа 1 2003 г. (рис. 169). Название условно. Верхний уровень этого объекта прослежен в культурном слое. Здесь на пространстве 1,1 × 1 м залегала довольно плотная вымостка из рваного камня размерами от 8 × 12 см до 15 × 30 см. Среди камней обнаружено 2 невыразительных черепка лепных сосудов и 2 куска обожженной глины, очевидно от очажного пода (заглаженных с одной стороны). Ниже под каменной вымосткой залегало **«скопление 7»**, состоявшее из довольно крупных фрагментов лепных сосудов и занимавшее пространство 1,5 × 0,60-0,8 м. Кроме керамики, в южной части скопления находились 2 камня размерами 20 × 10 и 20 × 15 см. Грунт, в котором были прослежены вымостка из камней и «скопление 7», не отличался по цвету и плотности от составлявшего культурный слой.

Ниже на поверхности материка было зафиксировано аморфное темное пятно. Яма, над которой залегали «скопление 7» и каменная вымостка, была круглой диаметром 0,18-2 м с почти отвесными стенками и плоским дном. Глубина ямы в материке составляла 0,30-0,41 м. В верхней ее части прослежена линза темного гумуса (такого же, как в культурном слое) толщиной до 16 см. Ниже до дна залегал слой черного со включениями угля гумуса, из которого тоже происходила лепная керамика. На границе этих двух слоев в северо-восточной части ямы прослежено пятно обожженной глины толщиной 4-6 см размерами 1,15 × 0,40 м. В северной части ямы находилась линза очень сильно насыщенного углем гумуса размерами 0,80 × 0,4 м, толщиной около 10 см, в которой концентрировалась лепная керамика (*«скопление 10»*). Какого-либо прокала на стенках и дне ямы замечено не было.

Черепки, связанные с «очагом 1», принадлежали трем сосудам с шероховатой поверхностью, профиль одного из которых удалось реконструировать полностью, а двух остальных – частично.

Сосуд 1 (рис. 170: 2) представлял собой ребристую корчагу с примесью шамота в керамическом тесте (диаметр венчика – 27 см, места наибольшего расширения тулова – 31 см, дна – 16 см, общая высота – 28 см). Его обломки залегали на следующих уровнях: «скопление 7» – 6 фрагментов (склеенные учитывались, как один фрагмент), «нижний черный слой» – 3 фрагмента, «скопление 10» – 1 фрагмент.

Сосуд 2 (рис. 170: 1) – округлобокий горшок со слабо отогнутым наружу венчиком, с примесью шамота в керамическом тесте, со следами пальцевого заглаживания на поверхности реконструирован, приблизительно, на 2/3 высоты (диаметр венчика – 18 см, наибольшего расширения тулова – 21 см). Почти все фрагменты его входили в состав «скопления 10», один крупный венчик – «скопления 7».

Сосуд 3 (рис. 170: 3) – округлобокий горшок с раздутым туловом, насечкой, нанесенной палочкой по краю венчика, с примесью мелкого шамота в тесте. Часть фрагментов вторично обожжена, на одном из венчиков заметно отверстие – след ремонта. Профиль полностью реконструировать не удается: не достает обломков средней его части. В отличие от двух предыдущих он представлен разрозненными черепками. Фрагменты этого горшка происходят из углистого горизонта заполнения ямы, один – из «скопления 7».

Последовательность действий по созданию «очага 1» можно представить себе следующим образом. С какого-то уровня в нижней части гу-

мусного слоя памятника в грунт была впущена обширная круглая яма, выкопанная достаточно тщательно, поскольку дно ее было сделано плоским, а стенки подрезаны и стали почти отвесными. В нижнюю часть этой ямы был помещен грунт, образовавшийся в результате подчистки какого-то кострища (с углем и обожженной глиной). Костер горел не в яме, а вне ее, поскольку ни дно, ни борта ямы не прокалены. Заранее на стороне были разбиты три сосуда (ни один из них не собирался целиком, обломки каждого из них находились на разных уровнях в пределах объекта). Часть черепков попала в яму вместе с углистым грунтом (те, которые происходят из нижнего слоя заполнения и из «скопления 10»). Затем оставшаяся часть ямы была засыпана черноземом, очевидно из отвала, образовавшегося при выкапывании. Остальные черепки были брошены в эту засыпку («скопление 7»). Верхняя часть ямы была заложена камнем.

Сооружение относится к середине 1 тыс., поскольку, по крайней мере, 2 сосуда (№№ 1 и 2) типичны для киевской культуры – характерного компонента древностей круга Чертовицкого-Замятино. Не исключено, что черепки сосуда 3, судя по форме и орнаментации, относятся к более раннему горизонту памятника – первых вв.н.э. Видимо, они были подобраны где-то на территории поселения и помещены в более поздний объект. Совершенно очевидно, что данное этому объекту название «очаг» не соответствует его назначению, т.к. огонь в яме никогда не горел.

Яма А 2003 г. (рис. 171: А) в плане имела форму неправильного овала. Контуры прослежены на уровне материка. Глубина ямы составляла 0,50-1,12 м. Восточная ее половина частично осыпалась в результате эрозии. Из заполнения объекта, которое представляло собой однородный чернозем, происходят кости животных (челюсть одного из них обнаружена в придонной части) и обломки лепных сосудов гуннского времени, в т.ч. и фрагмент диска с примесью шамота в тесте (рис. 168: 6).

В культурном слое над северо-западным краем ямы и далее к северо-западу на уровне 34-36 см от дневной поверхности прослежена плотная вымостка из камня, имевшая подквадратную форму и размеры 75 × 80 см. Камни вымостки представляли собой куски известняка размерами от 5 × 7 до 25 × 10 см. Между ними найдено несколько стенок лепных сосудов и 4 фрагмента очажных подов толщиной около 2 см из обожженной глины, заглаженной с одной стороны. Не исключено, что вымостка представляла собой субструкцию очага типа тех, которые исследованы на раскопах 4 и 6.

Ниже вымостки из слоя чернозема происходит керамика середины 1 тыс. (как лепная, так и гончарная) и кости животных (эта группа материала во время раскопок получила обозначение «из культурного слоя над ямой А») (рис. 169: 1-3). Вне этого участка в пределах шурфа 1 обнаружено лишь несколько невыразительных лепных черепков.

Сведения о прочих ямах раскопа 1 см. в табл. 9.

Раскопы 3, 5 и 6 2008-2009 гг.[7]

Составляли единую площадь.

Постройки

Постройка 1 и очаг 1 раскопа 6 2009 г. (рис. 176). Постройка зафиксирована на уровне материка на глубине 1,1 – 1,2 м от современной поверхности. Котлован имел в плане форму неправильного квадрата со скругленными углами, его размеры в верхней части – 3,6 × 3,7 м, в нижней – 3,4 × 3,43 м. Стенками он ориентирован по сторонам света. Сами стенки несколько суживаются ко дну, которое было ровным. Глубина котлована в материке составляла от 0,10 до 0,22 м. Заполнение представляло собой однородный темно-серый гумусированный суглинок. Оно было насыщено культурными остатками: фрагментами сосудов (лепных и сероглиняных гончарных) (табл. 12, рис. 176), костями животных[8]. Здесь же обнаружено костяное шило (рис. 176: 11) и обломок глиняного грузила. Значительное скопление лепной керамики залегало в центральной части постройки рядом с **очагом 1** (рис. 176: А). Остатки самого очага были расчищены ближе к южной стенке котлована (в 1,5 м от нее). Здесь на пространстве 1,2 × 0,9 м в верхней части заполнения котлована постройки сразу над ним, были разбросаны 15 плоских камней (известняк) размерами от 4 × 4 см до 18 × 15 см, кости животных. В южной части очага на участке 0,20 × 0,28 м расположены два участка обожженной почвы аморфных очертаний.

---

[7] Работами на раскопе руководили А.М. Обломский и Ю.Д. Разуваев.

[8] Сведения о массовом материале из объектов раскопа 6 2009-2010 гг. см. в табл. 13, 14.

О форме очага судить трудно, поскольку он оказался сильно разрушенным. Скорее всего, конструктивно он был близок очагу 2, выявленному неподалеку от постройки в верхней части культурного слоя. Поскольку очаг 1 исследован в верхней части заполнения постройки, а не на ее дне, то прямого отношения к ней он не имеет. Тем не менее, керамика как из заполнения постройки, так и связанная с очагом, составляет характерный набор форм гуннского периода (рис. 176: 1-3, 8, 10).

Постройка 2 раскопа 6 2010 г. (рис. 177: А,Б). Очертания прослежены на поверхности материка, контуры южного края терялись в сером предматериковом слое. Постройка углублена в грунт, приблизительные размеры котлована составляли 2,75 × 2,8 м. Стенки были практически отвесными. Плоский пол имел незначительный уклон к юго-западу. Общая глубина котлована от уровня фиксации контуров составляла, таким образом, 0,13-0,22 см. В юго-западной части сооружения на уровне его пола прослежена яма, вероятно, от столба подпрямоугольной формы размерами 0,42 × 0,3 м и глубиной 6 см. Каких-либо остатков очага, в т.ч. и в виде прокала грунта части пола, не отмечено.

Заполнение постройки представляло собой однородный чернозем. Из него происходят кости животных, 1 черепок эпохи бронзы, груболепная керамика середины 1 тыс.н.э. (12 фрагментов с примесью шамота; рис. 177: 1,2; 3 – шамота и дресвы; 10 – дресвы), 3 обломка лепных лощеных и 2 фрагмента гончарных сероглиняных сосудов (1 – с шероховатой поверхностью, 1 – с лощеной). Несмотря на то, что реконструируемые по обломкам формы не слишком выразительны, спектр технологических групп керамики и соотношение фрагментов сосудов характерны для гуннского периода.

Очаги

Очаг 2 раскопа 6 2009 г. (рис. 177: В-Д). Находился в верхней части культурного слоя на уровне 0,07-0,13 м от современной поверхности, т.е. чуть ниже слоя дерна. В плане очаг имел подпрямоугольную форму размерами 0,9 × 1,2 м. Длинной осью ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Представлял собой конструкцию из плиточных известняковых камней, обмазанных глиной, прокалившейся от воздействия огня. Очаг располагался в слое темно-серого гумусированного суглинка.

Стратиграфические наблюдения показали, что очаг подвергался ремонту. Его основание было сооружено из плиточного известняка толщиной 1,5-2,0 см, выложенного в один слой на участке 1,1 × 1,3 м. Поверх был уложен слой глины, имевший толщину 2-3 см. Над этим слоем обожженной глины располагалась прослойка частично обожженной почвы толщиной 3-4 см, над которой зафиксированы отдельные известняковые камни, в частности, довольно крупная плитка размерами 0,3 × 0,4 м и новый слой обожженной глины толщиной 1,5-2,0 см. Очаг отчасти разрушен норой грызуна, прошедшей через его центральную часть. Из слоя почвы между двумя его уровнями происходят мелкие кости животных, 10 мелких обломков груболепных сосудов, из которых 5 имели в керамическом тесте примесь дресвы, а 5 – шамота, 1 обломок лепного подлощенного сосуда. Этот довольно скудный материал не дает оснований для точного определения даты объекта, но, судя по аналогичным по конструкции сооружениям, исследованным к западу от ложбины, с которыми были связаны скопления характерной керамики (см. выше), очаг относится к гуннскому периоду.

Очаг 3 раскопа 6 2010 г. (рис. 178: А-В). Представлял собой округлую глинобитную площадку с субструкцией из мелкой гальки. Размеры объекта – 0,86 × 0,82 м, он был зафиксирован на уровне 0,11-0,19 м от дневной поверхности. Плотный хорошо обожженный глиняный под толщиной около 1-1,5 см растрескался, но, в целом, сохранился неплохо: он разрушен лишь на двух небольших участках в северо-западной и юго-восточной оконечностях площадки. Центральная часть пода размерами 0,38 × 0,4 м просела вниз на 4-6 см. Субструкция была плотной в центральной и южной частях объекта и «разреженной» в северной. Галька лежала в 1-2 слоя.

Очаг 4 раскопа 6 2010 г. (рис. 178: Г,Д). По конструкции подобен очагу 2, но сохранился значительно хуже. Поверхность зафиксирована в культурном слое на уровне 0,47-0,53 м от дерна. Общие размеры объекта – 1,4 × 0,85 м. В качестве субструкции были использованы 20 плиток известняка толщиной около 3-4 см. Как правило, эти плитки были достаточно большими – до 30 × 30 см, но встречались и меньшие по размеру камни – 3 × 3 и 4 × 5 см. Между камнями найдены отдельные угольки, обнаружен, также, крупный обломок груболепного горшка с примесью крупного шамота в тесте и слабо выраженным ребром в верхней части профиля (рис. 178: 1).

Глинобитный под толщиной около 3 см, перекрывавший камни сверху, сохранился только в западной части объекта.

Скопления материала в культурном слое

Скопление 4 раскопа 6 2009 г. (рис. 179: А). Выявлено в культурном слое на глубине 0,35-0,36 м от дневной поверхности. На участке 0,28 × 0,48 см расчищен слой фрагментов лепных сосудов, лежавших вперемешку с отдельными костями животных. Большинство обломков (81) принадлежали горшку с подлощенной поверхностью, встречены, также, обломки груболепных сосудов (рис. 179: 1-4).

Скопление 7 раскопа 6 2010 г. (рис. 179: Б). В культурном слое на глубине 0,68-0,98 м от дневной поверхности на пространстве 3 × 2,2 м зафиксировано скопление 14 костей животных, в т.ч. черепа и двух обломков нижней челюсти свиньи или лошади, которые концентрировались вдоль северо-восточного края ареала. В состав скопления входили обломки груболепных сосудов, преимущественно с шамотом и дресвой в тесте, в т.ч. выразительный фрагмент верхней части округлобокого горшка гуннского периода (рис. 179: 5). Скопление перекрывает яму 13, контуры которой зафиксированы на поверхности материка.

Скопление 8 раскопа 6 2010 г. (рис. 179: В). Зафиксировано в культурном слое на уровне 0,58-0,61 м от дневной поверхности. На пространстве 0,35 × 0,16 м обнаружено скопление нескольких черепков, принадлежавших двум сосудам гуннского периода: с шамотом и дресвой в тесте, заглаженной верхней частью и хроповатой (обмазанной дополнительным слоем жидкой глины) нижней (рис. 179: 6) и груболепного с шамотом в тесте (рис. 179: 7). Скопление находится выше пятна постройки 2, которое зафиксировано на поверхности материка.

Скопление 10 раскопа 6 2010 г. (рис. 180: А). Зафиксировано в культурном слое на уровне 0,88-0,89 м от дневной поверхности. На пространстве 0,38 × 0,7 м находилось скопление 8-ми черепков груболепных сосудов (7-ми с шамотом в тесте и 1 – с дресвой), в т.ч. выразительный обломок верхней части горшка гуннского времени (рис. 180: 1,2).

Скопление 13 раскопа 6 2010 г. (рис. 180: Б). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,63-0,74 м от дневной поверхности. Имело общие размеры 1,45 × 1,5 м, состояло из 3-х обломков груболепных сосудов с примесью шамота в тесте; 2-х – дресвы, 4-х черепков гончарных серолощеных сосудов, в т.ч. одного крупного с пролощенным орнаментом из полос треугольников, зигзагов и вертикальных линий, разделенных горизонтальными линиями (рис. 180: 3), 10-ти костей животных, камня, 4-х кальцинированных костей. Керамика концентрировалась в западной части скопления, а кости – в восточной. Набор керамики относится к гуннскому периоду, но материал явно переотложен, поскольку скопление частично перекрывало яму 16, из заполнения которой происходят выразительные обломки сосудов древнерусского периода.

Скопление 14 раскопа 6 2010 г. (рис. 180: В). На глубине 0,49-0,55 м от дневной поверхности лежал раздавленный грунтом небольшой округлобокий горшок с пальцевыми вдавлениями по краю венчика, примесями шамота, органики и известняка в рыхлом пористом тесте (рис. 180: 4). К югу от него лежали 3 куска слабо обожженной глиняной обмазки. Горшки такого типа встречаются в Верхнем Подонье в некоторых погребениях гуннского периода.

Скопление 15 раскопа 6 2010 г. (рис. 180: В). К северу от предыдущего на уровне 0,36-0,48 м от дневной поверхности на пространстве 1,8 × 1,3 м зафиксировано скопление кусков обожженной глиняной обмазки размерами от 4 × 4 до 5 × 7 см с отпечатками прутьев. Толщина скопления – до 6 см, оно было более плотным в восточной части, чем в западной. Куски обмазки были развернуты в разных направлениях, всего их насчитывалось 1556 шт. Среди обмазки встречены отдельные кости животных, фаланга пальца руки и фр-т ребра человека, угольки, керамика (14 фрагментов груболепных горшков с шамотом в тесте; 11 – с шамотом и дресвой; 4 – с дресвой в тесте; 1 обломок лепного лощеного сосуда). Найдено также 7 невыразительных фрагментов стенок. В целом, набор керамики из скопления по технологическим характеристикам типичен для гуннского времени.

Скопление 16 раскопа 6 2010 г. (рис. 181: А). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,74-0,81 м от дерна, занимало пространство 0,8 × 0,9 м, состояло из 5-ти костей животных и керамики: 1 обломка венчика сосуда репинской культуры эпохи энеолита, серии фрагментов груболепных горшков середины 1 тыс.н.э.(14-ти с шамотом в тесте; рис. 181: 1,2; 2-х с дресвой и шамотом; 3-х с дресвой), обломка лепного лощеного сосуда. Набор технологических групп керамики типичен для гуннского периода.

Скопление 18 и яма 27 раскопа 6 2010 г. (рис.181: Б,В). *Скопление 18* залегало в нижней части культурного слоя в пределах зафиксированной ниже на поверхности материка ямы 27, а также в верхней части заполнения этой ямы на глубине 0,94-1,23 м от дневной поверхности, занимало пространство размерами 1,4 × 1,34 м, состояло из 16-ти костей животных, двух небольших камней (известняк) и керамики: 1 обломка стенки лепного сосуда эпохи энеолита, украшенного гребенчатым штампом, 3 фрагментов груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, 2-х – шамота и дресвы, одного обломка лепного сосуда с подлощенной поверхностью и крупного фрагмента округлобокого чернолощеного горшка (рис. 181: 3,5).

Яма 27 зафиксирована на поверхности материка. Дно было плоским, но имело небольшой уклон к северо-востоку. Максимальная глубина ямы составляла 0,25-0,32 м, реальная, учитывая верхний уровень залегания скопления 18 – как минимум на 10 см больше. В юго-западной части объекта на его дне имелась невысокая ступенька длиной 1,8 м без учета кривизны, шириной 0,3 м. В плане яма – округлая с отвесными стенками практически по всему периметру, кроме северо-восточной части, где они образовывали небольшой подбой. Диаметр объекта – 1,8 м. Заполнение представляло собой однородный чернозем. Из него (вне скопления культурных остатков) происходят 2 черепка эпохи бронзы (в т.ч. фрагмент профилированного венчика лепного сосуда среднедонской катакомбной культуры эпохи бронзы), 8 обломков груболепных сосудов с шамотом в тесте; 1 фрагмент лепного лощеного сосуда, 1 невыразительный черепок, обломок глиняного конического грузила (рис. 181: 4).

Раскоп 10

Заложен в 2010 г. в 12 м к западу от раскопа 6 (рис. 117).

«Погребение 71» (рис. 192: Б; 193). Название условно. Фактически представляло собой скопление культурных остатков, являвшееся частью сложного сооружения.

Скопление занимало пространство 1,2 × 2,2 м. В северо-восточной его оконечности стояли вниз днищами горшок и миска катакомбной культуры эпохи бронзы. Верхние их части находились на глубине 0,47-0,54 м от дневной поверхности.

Сосуд 1 (рис. 194: 2) представляет собой баночную лепную миску с открытым верхом, украшенную шнуровым орнаментом, состоящих из 2 горизонтальных линий треугольников вершинами вверх, заполненных шнуровыми отпечатками. Каждая композиционная линия ограничена сверху и снизу поясками отпечатков короткого шнура.

Сосуд 2 (рис. 194: 1) – биконический лепной горшок с выделенным раструбовиндным венчиком с уплощенным срезом. Валик, расположенный на тулове сосуда, сглажен и только на некоторых участках отчетливо читается на поверхности. Вся поверхность горшка украшена короткими отпечатками веревочки, образующими ёлочные композиции. Оба сосуда датируются в рамках 2-й четверти II тыс. до н.э.

Западнее и юго-западнее на глубине 0,54-0,78 м полосой шириной 0,7 × 1,62 м залегали кости животных и черепки различных сосудов. Среди последних встречена груболепная керамика (с шамотом в тесте – 14 фрагментов, с дресвой – 15 фрагментов) (рис. 194: 3), по 2 обломка лепных лощеных, лепных подлощенных и гончарных серолощеных сосудов. Набор этой керамики типичен для гуннского периода. Здесь же на уровне 0,77 м найден точильный камень и на глубине 0,63 м – глиняное коническое пряслице (рис. 194: 6), характерное для первых вв.н.э. Отдельные кости животных встречались и вне описанной выше «полосы». В культурном слое над скоплением встречены глиняное биконическое пряслице с канелюрами в месте ребра (глубина 0,37 м, рис. 194: 7) и обломок ножки бронзовой прогнутой подвязной фибулы (глубина 0,33 м, рис. 194: 8). Оба предмета датируются гуннским периодом.

Скопление перекрывало большую часть ямы 1 (рис. 193), контуры которой зафиксированы на уровне материка. Общая глубина составляла 0,23-0,25 см. Яма своим южным краем выходит за пределы раскопа. Размеры исследованной площади – 1,08 × 1,27 м, стенки – почти отвесные, дно – плоское. В заполнении ямы, т.е. ниже скопления, найдена груболепная керамика (с примесью шамота в тесте – 25 фрагментов, с известняком – 1 фрагмент, с дресвой – 11 фрагментов), обломки лепных лощеных (14 фрагментов) и сероглиняных гончарных сосудов (с шероховатой поверхностью – 3 фрагмента, с лощеной – 1 фрагмент) (рис. 194: 5), фрагмент лепного миниатюрного сосуда с шероховатой поверхностью (рис. 194: 4), 2 обломка стенок гончарных сосудов, по фактуре похожих на древнерусские. По составу набор керамики из заполнения характерен для гуннского периода. Фрагменты древнерусских сосудов попали в заполнение, скорее всего, случайно.

Таким образом, яма была выкопана и засыпана в гуннский период. В верхнюю ее часть, очевидно, в процессе засыпки, были поставлены два сосуда эпохи бронзы, которые в древности, видимо, были изъяты из одного из разрушенных захоронений, которые известны на могильнике Ксизово-19, положены кости животных. Разрозненные обломки сосудов гуннского периода, отдельные вещи этого времени и пряслице первых вв.н.э., скорее всего, попали в заполнение из культурного слоя, который ко времени засыпки ямы уже содержал отложения от эпохи бронзы до гуннского периода. Не исключено, что яма была жертвенной.

Раскоп 8

Заложен к востоку от основных вскрытых на памятнике площадей на участке, который был показан местными жителями. По их словам, здесь они обнаружили камень, подняв который, нашли какие-то кости. Камень после этого они положили назад. При осмотре этого места выяснилось, что на поверхности поселения сделана прямоугольная выемка шириной около 2,5 м и длиной около 7 м. Максимальная глубина составляла 1 м. По краям выемки заметны отвалы высотой до 50 см. Все это было задерновано, т.е. углубление сделано достаточно давно. Дно углубления доходило до большого камня, который и нашли местные жители. Раскоп размерами 6 × 2 м, ориентированный по линии запад-восток был разбит в углублении[9].

После разборки культурного слоя в центральной части раскопа на поверхности материка было обнаружено темное пятно неправильной формы размерами 1,9 × 2,2 м. Упомянутый выше камень лежал в средней части этого пятна (рис. 192: А). Верхний край его возвышался над пятном на 22 см. Вокруг камня «читался» перекоп округлой формы диаметром 0,6 м.

Ниже в центральной части темного пятна на поверхности материка прослежена **яма 1** (рис. 196: А). В плане она – овальная, размерами 1,9 × 1,6 м. Стенки сооружения – почти отвесные. Глубина ямы в материке – 0,21-0,25 м. Заполнение представляло собой однородный черный гумус. Из него происходят кости животных, 23 фрагмента груболепных сосудов, преимущественно, с шамотом и дресвой в тесте, 2 куска обмазки, 3 куска железного шлака и 1 кусок керамического. Кроме того, в яме обнаружены 2 обломка жерновов, фрагмент глиняного грузила. Камень, из которого был изготовлен один из жерновов, имел комковатую структуру, похожую на ту, которая наблюдается у жерновов черняховской культуры из т.н. серого туфа (рис. 196: 1).

Большой камень, который обнаружили крестьяне, приблизительно на 10 см «был впущен» в верхнюю часть заполнения ямы. Его размеры составляли около 37 × 60 см при высоте 30 см, форма близка к кубической. Он представлял собой грубо обработанный валун со следами ударов на поверхности (рис. 196: 2, 3). Возможно, в древности камень служил наковальней.

Описание материала

Керамика

Как показали раскопки трех поселений у с. Замятино, наиболее полно исследованного археологического комплекса гуннского периода в северной части Верхнего Подонья, набор посуды региона в середине 1 тыс.н.э. состоял из груболепной кухонной, лепной столовой и сероглиняной гончарной керамики местного изготовления (Обломский, 2004б, с. 46; 2004д). Встречены, также, обломки амфор и отдельные фрагменты импортных античных сосудов. Судя по табл. 1,4-11, 13-15 в объектах поселения Ксизово-19 наблюдается подобный набор керамики. Ниже дается ее характеристика.

Груболепная керамика. Резко преобладает и в культурном слое, и в объектах. В слое в среднем по памятнику ее доля составляет 77%, по раскопам варьирует от 62 до 84% (табл. 16). В объектах, керамический материал которых пригоден для статистической обработки, в большинстве случаев ее насчитывается 51-94%, только в четырех из них ее доля меньше (объект 2 раскопа 7 2008 г. – 44%, яма 4 раскопа 7 2008 г. – 49%, яма 1 раскопа 6 2009 г. – 28%; яма 8 того же раскопа – 44%), но лишь за счет высокого процента неопределимой (сильно измельченной) керамики, которая также по большей части была груболепной (табл. 1,4-11, 13-15)[10].

[9] Работами на раскопе руководил К.И. Масленников.

[10] В перечисленных таблицах проценты керамики различной фактуры рассчитаны для тех ям и построек, в которых количество черепков превышает 20. Из подсчетов исключены скопления материала в культурном слое, поскольку в них керамики либо сравнительно немного, либо большинство черепков может принадлежать одному – двум сосудам.

При визуальном осмотре керамики с шероховатой поверхностью было сделано заключение, что она изготовлена при помощи нескольких основных рецептур. Преобладает посуда примесью шамота в тесте (57% от общего количества керамики гуннского времени в целом по памятнику), на втором – с шамотом в сочетании с дресвой или железной рудой (17%), на третьем – с шамотом и известняком (3%) (табл. 16). Принадлежность к гуннскому времени посуды с песком и известняком в тесте остается под вопросом. Во всех случаях, наряду с основными примесями, в керамическое тесто могла включаться органика. При этом нужно учитывать, что какая-то часть керамики перечисленных выше рецептур относится к раннему железному веку и первым вв.н.э.

Груболепная посуда, как правило, неорнаментирована. Лишь на некоторых горшках заметны насечки или вертикальные вдавления по венчику, нанесенные палочкой (рис. 153: 3, 13; 160: 7; 173: 6; 176: 4). Редким видом орнаментации является шишечка, налепленная на бочок горшка (рис. 187: 5). Территориально наиболее близкие аналогии сосудам с таким элементом орнамента происходят с расположенного недалеко от Ксизово поселения Замятино-8 (Обломский, 2004б, рис. 17: 6,7) и из раннего (киевского) горизонта поселения Боромля-2 на востоке Днепровского Левобережья (Обломский, 2002, с. 35-37; Некрасова, 2006, рис. 34: 3). Под шейкой двух сосудов имеется налепной валик (рис. 131: 5; 176: 6). Поверхность горшков, обычно, гладкая. Встречаются сосуды, заглаженные пальцами, в виде исключения, щепкой. Чрезвычайно интересен округлобокий горшок с заглаженной поверхностью в верхней части и т.н. хроповатой – в нижней (рис. 179: 6). Подобное сочетание способов обработки поверхности характерно для памятников вельбарской археологической общности, черняховской и киевской культур, где ощущается вельбарское влияние (например, Журавка Ольшанская, Букреевка-2, Дмитровка-3) (Обломский, 2010а, 34:1; 63:4; Сымонович, 1990, рис. 2: 21; Башкатов, 2010, рис. 11: 13). Поверхность еще одного горшка в верхней части заглажена, а ниже ребра – шероховатая (рис. 131: 3). В нескольких случаях поверхность сосудов была покрыта штрихами и расчесами, нанесенными по сырой глине (рис. 130: 13,16; 132: 2; 157: 3).

Для типологического анализа керамики используется методика, разработанная А.М. Обломским в 1991 г. и модифицированная для Верхнего Подонья в 2004 г. (Обломский, 2004д). В наборе как груболепной, так и лепной столовой посуды Замятинского археологического комплекса было выделено несколько традиций, различных по происхождению. В целом, они совпадают с теми, которые отмечены в Ксизово-19, но у керамики этого памятника имеется специфика.

Киевская традиция (табл. 17).

Горшки.

Класс I – бочок сосуда округлый.

Тип 1 – перегиб шейки плавный, участок профиля от шейки до наибольшего расширения тулова выпуклый, стенки нижней части сосуда прямые, слегка выпуклые или вогнутые.

Вариант а – венчик изогнут, отогнут наружу.

Разновидность а – диаметр венчика (Д1) меньше или равен диаметру наибольшего расширения тулова (Д3). Всего – 90 экз.

Особая форма – отличается от описанного выше таксона I,1,а,а наличием декоративного ребра несколько ниже шейки, но выше бочка – 6 экз.

Разновидность б – диаметр венчика (Д1) больше диаметра наибольшего расширения тулова (Д3) – 2 экз.

Вариант б – те же признаки, но венчик прямой вертикальный – 1 экз.

Тип 3 – венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки плавный, дуга от шейки до бочка неопределенной формы (слегка выпуклая или вогнутая), стенки нижней части прямые или слегка вогнутые.

Разновидность а – диаметр венчика (Д1) меньше или равен диаметру наибольшего расширения тулова (Д3) – 10 экз.

Разновидность б – диаметр венчика (Д1) больше диаметра наибольшего расширения тулова (Д3) – 10 экз.

Тип 4 – баночная форма. Венчик отсутствует, стенки нижней части сосуда прямые или слегка выпуклые.

Вариант а – верхняя часть сосуда выпуклая или загнутая внутрь – 1 экз.

Вариант б – под верхним краем сосуда имеется хорошо выраженная закраина-желобок – 4 экз.

Класс II – бочок имеет форму сглаженного ребра.

Тип 1 – венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб шейки плавный, участок профиля от шейки до бочка вогнутый, стенки нижней части прямые – 8 экз.

Тип 2 – перегиб шейки плавный, участок профиля от шейки до бочка прямой, стенки нижней части прямые или слегка вогнутые.

Вариант а – венчик изогнут, отогнут наружу – 1 экз.

Тип 5 – венчик отсутствует, верхняя и нижняя части прямые – 1 экз.

Миски-плошки

Представляют собой чаши с усеченно-коническим или усеченно-сферическим корпусом с плоским дном (тип I – 1 экз.) или на полом поддоне (тип II – 4 экз.). Еще три обломка относятся к категории в целом.

Диски

Выделяются формы без бортика (тип I – 4 экз.) и с невысоким бортиком (тип II – 12 экз.).

Горшки всех перечисленных выше таксонов, миски-плошки и диски характерны для восточных памятников киевской культуры, в т.ч. и для сравнительно поздних (периода черняховского влияния и раннегуннского времени) (Обломский, Радюш, 2007, с. 27-30).

Достаточно показательны и основные пропорциональные соотношения сосудов киевской традиции. В монографии о Замятинском археологическом комплексе был сделан вывод, что происходящие отсюда горшки, имеющие прототипы в киевской культуре, по пропорциям наиболее близки к керамике ее сейминско-донецкого варианта. Значения коэффициентов соотношений диаметров верхней части горшков (Д1 – венчика, Д2 – шейки, Д3 – плеча) и их высоты от бочка до венчика (Н2) памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры (ранних типа Шишино-Шмырево; второго этапа типа Букреевки-Тазово), поселений у с. Замятино и из Ксизово-19 показаны в табл. 18. Подавляющее большинство сосудов из Ксизово по пропорциям верхней части аналогичны обнаруженным на памятниках киевской культуры. Некоторые отличия в значениях наблюдаются лишь у 4 горшков, но их доля из 67 измеренных составляет только 6%, причем коэффициенты этих сосудов близки к крайним значениям для серий киевской культуры.

Доля сильнопрофилированных сосудов (т.е. тех, у которых венчики отогнуты наружу под углом, меньшим 150о) составляет в Ксизово-19 94%, в Замятино-5 – 97%; в Замятино-7 – 94%; в Замятино-8 – 84%. Резкое преобладание сильнопрофилированных горшков характерно для сейминско-донецкого варианта киевской культуры и является одним из его специфических признаков, правда их доля несколько меньше, чем на поселениях Острой Луки Дона. На поздних сейминско-донецких памятниках (периода черняховского влияния), керамические коллекции которых пригодны для статистических расчетов, сильнопрофилированных сосудов (независимо от их формы) в Букреевке-2 – 72%, в Гочево-3 – 67%, в Авдеево – 64%, в Тазово – 61%, в Родном Крае-3 – 62% (Обломский, 1991, с.109; 2002, с. 39).

К сожалению, целых сосудов, для которых можно было бы рассчитать пропорции нижних частей, очень мало. Некоторое представление о них могут дать наблюдения за углом наклона стенок от оси, перпендикулярной Д3. На памятниках сейминско-донецкого варианта он варьирует в пределах 11-26° (Обломский, 1991, с. 75, рис. 23). Для горшков из Ксизово-19 он соответствует 10-27°, т.е. является практически таким же.

Сведения о структуре керамического комплекса киевской традиции на верхнедонских памятниках приведены в табл. 19. В нее также включены данные о соотношении форм сосудов на поселениях сейминско-донецкого варианта киевской культуры. На всех поселениях Острой Луки Дона резко преобладают округлобокие сильнопрофилированные горшки таксона I,1,а; на втором месте находятся закрытые близкие к баночным сосуды I,3-а (в Ксизово-19 также и тюльпановидные I,3-б); на третьем – баночные I,4,а и/или ребристые II,1. Прочие формы единичны. При этом доля ребристых сосудов в общем наборе груболепной керамики низка: в Замятино-8 их 2%, в Замятино-5 – 6%, в Замятино-7 – 7%, в Мухино-2 – 7% (по неполным данным) (Обломский, 2007, табл. 96), в Ксизово-19 – 7%. На памятниках присутствуют миски-плошки и диски, причем там, где мисок относительно много, дисков мало или нет совсем и наоборот.

На поздних памятниках сейминско-донецкого варианта господствуют горшки I,1,а, на втором месте обычно находятся сосуды I,3-а, тюльпановидные горшки I,3-б, встречаются также и баночные I,4. Прочие формы редки. Доля ребристых сосудов относительно невелика: Боромля-2 – 16%, Гочево-3 – 8%; Букреевка-2 – 11%, Авдеево – 14%, в Тазово их нет совсем. На памятниках встречены миски-плошки и диски, причем последние не во всех пунктах (Обломский, 2002, с. 39; Обломский, Радюш, 2007, с. 29).

Таким образом, верхнедонская груболепная керамика киевского круга близка посуде сейминско-донецкого варианта также и по структуре керамического комплекса. Сходство, разумеется, не обозначает тождества.

Приведенные выше сопоставления позволяют сделать вывод, что груболепная керамика киевской традиции в Ксизово-19 по всем основным признакам связана по происхождению с сейминско-донецким вариантом киевской культуры.

Окская традиция (табл. 20).

Горшки

Класс I – бочок сосуда округлый.

Тип 5 – венчик почти прямой, перегиб шейки плавный, участок профиля от шейки до бочка неопределенной формы, стенки нижней части прямые или слегка выпуклые – 6 экз.

Тип 6 – венчик почти прямой, перегиб шейки резкий, участок профиля от шейки до бочка неопределенной формы, очень короткий, почти уступ, стенки нижней части прямые или слегка выпуклые – 16 экз.

Класс II – бочок имеет форму сглаженного ребра.

Тип 3 – венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб шейки плавный, участок от шейки до бочка имеет сложную форму: в верхней части до ребра он вогнутый, ниже ребра выпуклый. Стенки нижней части выпуклые – 6 экз.

В публикации материалов из поселений у с. Замятино указано, что эти формы возникли под влиянием керамического комплекса мощинской, рязано-окской и позднедьяковской культур. Точно определить место, откуда проникло верхнеокское население в Подонье, не представлялось возможным из-за того, что полное описание набора сосудов каждой из перечисленных археологических общностей отсутствовало, а аналогии, которые были приведены в публикации, имели характер ориентировки в недостаточно систематизированном материале (Обломский, 2004д, с. 150-151). После выхода монографии о Замятино была издана серия работ, в которых дана детальная классификация керамики этих культур, позволяющих более точно определить место материалов Верхнего Подонья в их контексте.

Горшки таксона I,5 Верхнего Подонья по общему описанию формы соответствует сосудам типа I, таксонов I,6 и II,3 – варианту 4 типа V и типу VI по классификации керамики мощинской культуры А.М. Воронцова (Воронцов, 2008, с. 44, 45, рис. 2). Груболепной сосуд близкий к таксону I,5 приведен в публикации материалов городища Воротынск (Массалитина, 2008, рис. 4: 3). Формы, аналогичные таксону I,6, в статье о нижнем слое городища Серенск Г.А. Массалитина объединяет в тип 1 (Массалитина, 2010, с. 10).

Общей типологии керамики позднедьяковской культуры пока нет, имеются лишь локальные разработки. В капитальной публикации Н.А. Кренке по материалам его раскопок на Дьяковом городище в Москве из слоев III – V вв. приводятся сосуды, близкие верхнедонскому таксону I,5 (Кренке, 2011, рис. 213: 190; 214: 194, 198; 217: 223). Всего лишь один горшок из опубликованных имеет форму, подобную верхнедонской II,3 (Кренке, 2011, рис. 218: 205). К сожалению, в монографии Н.А. Кренке классификация позднедьяковской керамики по формам и пропорциям отсутствует, нет также данных о структуре керамического комплекса, поэтому оценить долю сосудов различных форм в наборе посуды того или иного слоя не представляется возможным. Необходимо отметить, что большинство из перечисленных дьяковских сосудов украшены орнаментом в виде разнообразных вдавлений по шейке и бочку, который не имеет аналогий в Верхнем Подонье.

Формы, близкие к таксону I,6, причем, в основном, неорнаментированные, распространены на памятниках позднеримского и гуннского времени в довольно отдаленном от Верхнего Подонья верхневолжском регионе, которые традиционно считают позднедьяковскими. И.В. Исланова на материалах городища Отмичи включает их в группу 5. При этом она отмечает, что эти формы близки к мощинским и «их нет (или почти нет) в позднедьяковских слоях москворецких городищ» (Исланова, 2007, с. 311; рис. 17: 1-4; 2008, с. 35, рис. 181: 2, 4, 5; 140: 1, 3, 4; 141: 1; 144: 5; 145: 2, 3; 146). В составе той же группы 5 выделяются сосуды, подобные верхнедонским I,5 и II,3 (Исланова, 2008, рис. 142: 1, 2; 143: 2, 4; 148: 7).

Специальному исследованию керамики рязано-окских могильников посвящена работа О.С. Румянцевой. Формы, близкие по набору признаков к таксону I,5 объединены в серию 1, а горшки, похожие по структуре профиля на верхнедонские сосуды таксона I,6, входят в состав серии 7. Сосуды, подобные верхнедонским таксона II,3 включены в серию 13 (Румянцева, 2007б, рис. 3: 1-6; 4: 5,8; 7: 7-9). Тем не менее, рязано-окские сосуды – иные по пропорциями: они более приземистые, чем верхнедонские. Правда, это наблюдение не окончательное, поскольку в рязано-окском регионе исследованы, в основном, могильники, а для погребений керамика специально отобиралась, имеет специфику. Поселения же практически не изучались.

Необходимо отметить, что формы таксона II,3 известны на позднезарубинецких памятниках и на некоторых ранних поселениях киевской культуры (Обломский, 2004д, с. 151), но позже в древностях киевского культурного круга они не встречаются. По этой причине в Верхнем Подонье сосуды с этим типом профилировки имеют, скорее всего, окское происхождение.

Черняховская традиция (табл. 20).

Горшки

Класс I – бочок сосуда округлый.

Тип 1 – перегиб шейки резкий, часто подчеркнут, реже плавный, участок профиля от шейки до наибольшего расширения тулова выпуклый, стенки нижней части сосуда прямые, слегка выпуклые или вогнутые.

Вариант в – венчик прямой, отогнутый наружу – 5 экз.

Вариант г – на внешней стороне прямого венчика имеется бордюр – 11 экз.

Определение этой традиции как черняховской условно. Округлобокие сосуды с прямыми раструбообразными венчиками разных пропорций широко распространены в культурных группах т.н. позднескифского круга в степи и лесостепной зоне Восточной Европы в I-III вв.н.э. (Обломский, 2006б). Встречены подобные сосуды и в сарматских погребениях (Скрипкин, 1984, рис. 8: 1; 1990, рис. 8: 2,25,26; Гросу, 1990, рис. 8: 3; 21: Б5, Г5; Симоненко, 1993, рис. 11: 1в; Костенко, 1993, рис. 5а: 2; 9: 6,8; 17: 30; 28: 10; 29: 25; Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 4: 20; 9: 4; 11: 5). Не является исключением в этом отношении и Верхнее Подонье, где подобные горшки известны как в курганных погребениях с трупоположениями (Медведев, 1987, рис. 5: 4,7; 1990, рис. 31: 11; 38: 10), так и на поселениях, которые по А.М. Обломскому относятся к позднескифскому кругу (Медведев, 2008, с. 67,68; рис. 56: 2; 57: 3-7). Наличие сосудов с раструбообразными венчиками в керамическом комплексе поселений гуннского времени типа Чертовицкого-Замятино, к которым относится и Ксизово-19, послужило основой для гипотезы о выделении в составе их культуры компонента, связанного по происхождению с традициями местного верхнедонского населения первых вв.н.э., выдвинутой А.П. Медведевым и Д.В. Акимовым. «Не исключено, что древности чертовицкого типа сформировались в результате наложения различных групп пришлого киевского и черняховского населения на местный позднесарматский субстрат – культуру оседлых обитателей верхнедонских поселений, оставшихся после ухода отсюда номадов, оставивших памятники типа Новоникольского и Вязовского могильника» (Медведев, 1998, с. 58; Медведев, Акимов, 2001, с. 147-153).

По мнению А.М. Обломского, не только памятники, но и отдельные комплексы культуры «местного оседлого сарматоидного» (термин А.П. Медведева) населения в Верхнем Подонье позже первой половины III в. отсутствуют. На поселениях типа Каширки-Седелок этого региона, которые датируются серединой III – началом IV в., сосудов с раструбообразными венчиками нет (специально этот вопрос разобран в: Обломский, 2005б, с. 112-113). Высказанные наблюдения позволяют поставить под сомнение местное происхождение этой группы форм. В позднеримское время горшки, близкие к верхнедонским таксонам I,1,в и I,1,г распространены на соседних черняховских памятниках Днепровского лесостепного Левобережья (типа Снагости и поселения Кантемировки). По происхождению в рамках этой культуры они также связаны со скифо-сарматской традицией (Обломский, 2002, с. 47-49; 2004д, с. 150).

Вторым регионом, где в позднеримское время встречаются формы, близкие по структуре профиля к указанным таксонам, является бассейн Оки. В мощинской культуре они относятся к типам II и III (варианту 1) по А.М. Воронцову (Воронцов, 2008, с. 44,45, рис. 2). Аналогичные сосуды приводятся и в статье Г.А. Массалитиной (Массалитина, 2008, рис. 7: 21; 9: 5; 13: 6). На Дьяковом городище в слоях позднеримского и гуннского периода гладкостенные горшки, близкие к таксону I,1,в, также присутствуют (Кренке, 2011, рис. 207: 157, 160; 217: 218, 220, 221), причем появляются они в напластованиях первых вв.н.э. На рязано-окских могильниках формы, близкие к I,1,в О.С. Румянцева относит к сериям 2 и 8, а горшки, подобные I,1,г – к серии 12 (Румянцева, 2007б, рис. 3: 9,10; 6: 1,2; 7: 1-3). Не исключено, что горшки с раструбообразными венчиками на Оке в конечном итоге имеют южное происхождение. Следы влияния позднескифско-сарматского населения в первые вв.н.э. на племена Поочья исследователями отмечались неоднократно. Недавно А.М. Воронцов в Верхнем Поочье выделил особую культурную группу (памятники типа Ново-Клеймёново), которую он датирует II – первой половиной III в.н.э. Для керамического комплекса этой группы характерно сочетание донских позднескифских (типа Ишутино

и Сырского) и позднедьяковских традиций (Воронцов, 2007). Смешанное население группы Ново-Клеймёново могло быть своеобразным проводником южных влияний в окский регион. По изображениям тамгообразных знаков, серии украшений и формам лепных сосудов вывод, что «начиная с конца I в.н.э. и до III в.н.э. культура населения Москворечья испытывала влияние культуры верхнедонского населения, находившемся в подчинении у сармат» сделал Н.А. Кренке (Кренке, 2011, с. 91). В отношении раннего этапа мощинской культуры (периода бытования изделий с восточноевропейскими выемчатыми эмалями) к подобному выводу пришел и А.М. Воронцов (Воронцов, 2010).

Таким образом, вопрос о происхождении форм I,1,в и I,1,г на памятниках середины 1 тыс.н.э. в Верхнем Подонье пока не может быть решен однозначно. В пользу как черняховских, так и окских их прототипов можно привести «равные по весу» аргументы. При этом нужно учитывать, что черняховская традиция на памятниках типа Чертовицкое-Замятино документируется не только этими двумя формами груболепных сосудов, но также пряслицами с рельефной орнаментацией, мастерскими ремесленников-гребенщиков в Замятино-5 и 8, некоторыми формами лощеных мисок, наземными постройками с каркасными стенами, обмазанными глиной из Замятино-7 и Ксизово-19 (см. ниже), находками черняховской гончарной керамики на поселениях южной части верхнедонского региона. Окская традиция выделяется по специфическим формам груболепных сосудов, лепных лощеных горшков и мисок, серии украшений (Обломский, 2010г, с. 131-133). Вероятно, решить вопрос о генезисе горшков с раструбообразными венчиками с памятников гуннского времени Верхнего Подонья можно будет после расчета пропорций и сравнения их с показателями черняховских и окских экземпляров. К сожалению, к настоящему времени серии сосудов близких форм слишком малы как в Подонье, так в Поднепровье и Поочье, статистически для этих сопоставлений они не пригодны.

Степная традиция (табл. 20).

Керамика этой традиции была выделена по материалам могильников Верхнего Подонья гуннского времени, чему посвящено специальное исследование А.М. Обломского (Обломский, 2012а). Ниже кратко излагаются его результаты в той степени, в которой это требуется для публикации материалов поселения Ксизово-19.

Отличительными признаками горшков степного происхождения являются их фактура и форма. В рыхлом тесте этих сосудов содержатся обильные включения органики, от которых остаются характерные пустоты. Зерна прочих включений, а ими могут быть шамот, дресва, известняк, сравнительно мелкие. Как правило, эти горшки неорнаментированы, лишь у одного из них (рис. 180: 4) по краю венчика заметны слабые частые вдавления, нанесенные пальцем. По форме горшки степного круга делятся на два варианта.

Первый составляют округлобокие или со сглаженным ребром сосуды с изогнутым отогнутым наружу венчиком, максимальным расширением тулова в верхней трети высоты. От похожих форм сосудов киевского круга они отличаются относительно широкими венчиком и дном: горшки степного происхождения, как бы, «растянуты» по горизонтали. К первому варианту относятся исключительно горшки из погребений: 19 Ксизово-17А, 18 Ксизово-17Б, Мухино-2, 5 Животинного.

У сосудов *второго варианта* при общей структуре профиля такой же, как и предыдущего, место наибольшего расширения тулова находится во второй трети высоты, причем у горшка из Стрельбища-4 – даже ниже ее середины. Шейки сосудов – относительно высокие и сильно суженные по сравнению с диаметром наибольшего расширения тулова. В погребениях, кроме уже упомянутого сосуда из Стрельбища-4, ко второму варианту относятся еще два горшка: из погр. 23 Ксизово-19 и из захоронения у с. Ямное.

На поселении Ксизово-19 обнаружены 2 целых и три фрагментированных сосуда степной традиции, которые относятся к варианту 2.

В гуннское время (включая вторую половину V в.) аналогии верхнедонским горшкам степной традиции известны в погребении на о. Хортица на Днепре, в погр. 44 раскопа XVIII 1992 г. и погр. 23 1990 г. некрополя Танаиса, погребении 3 на городище Беляус и а кургане у хут. Чикаренко в Крыму, в кострище в кургане 2 у г. Покровска на Волге, в захоронении у с. Лихачёвки на Днепровском лесостепном Левобережье. Позже подобные сосуды продолжают использоваться в причерноморской степи и в раннем средневековье.

Местная традиция (табл. 20).

Особенностью керамического комплекса Ксизово-19 является наличие небольших груболепных мисок, которые представляют собой

подражания формам лощеных сосудов аналогичной категории, правда, довольно отдаленные. Миски с шероховатой поверхностью делятся на два типа.

Тип I. Округлобокие – 3 экз.

Тип II. Ребристые – 2 экз.

Лепная столовая керамика (табл. 21). Вторая по численности группа лепных сосудов в Ксизово-19. В культурном слое ее доля составляет в среднем 7%, по раскопам варьирует от 3 до 18%, по объектам – от 1 до 21%, но в большинстве – 5-8% (табл. 1,4-11, 13-16). Лепная столовая посуда («лощеная» и «подлощенная» по справочным таблицам) делится на собственно лощеную с хорошо «заполированными» снаружи и изнутри поверхностями черного, коричневого или желтоватого цвета и подлощенную со слабым лощением с одной наружной стороны. Некоторые сосуды (судя по обломкам) были пятнистыми. Доля подлощенной керамики от общего количество лепной столовой на разных раскопах была различной и колебалась в пределах 3-54%, что, вероятно, зависело от традиций конкретных ремесленников. Примеси в тесте – различные (шамот, дресва, известняк, песок), но все они – мелкозернистые. Лощеная и подлощенная керамика, как правило, неорнаментирована. Лишь у одного подлощенного сосуда ниже шейки находился горизонтальный валик (рис. 130: 10), а на стенке одного лощеного сосуда с ручкой заметны зигзагообразные нарезки (рис. 166: 3). В наборе столовой керамики, как и груболепной, можно выделить несколько этнокультурных традиций. При описании столовой посуды используется с некоторыми корректировками типология, предложенная в публикации Замятинского археологического комплекса.

Киевская традиция.

Тип 5 вариант 3. Форма аналогична груболепным таксона II,2,а, но с лощеной поверхностью – 1 экз.

Тип 8 – два подлощенных диска без бортика. Лощеный диск с выраженным бортиком происходит с поселения Замятино-5 (Обломский, 2004д, с. 153).

Окская традиция.

Тип 1 вариант 1. Горшки, по форме аналогичные груболепным таксона I,1,а,а, т.е. это – округлобокие сосуды с отогнутым наружу изогнутым венчиком, выпуклой дугой профиля в верхней части, прямой или слегка выпуклой линией профиля в нижней части – 16 экз. (табл. 21).

Раннее указывалось, что такие лощеные сосуды, в основном, встречаются на памятниках мощинской культуры и в меньшей степени – на позднедьяковских (Обломский, 2004д, с. 151). Серия подобных сосудов опубликована Н.А. Кренке из слоев Дьякова городища позднеримского и гуннского периода, но она, по всей видимости, невелика (Кренке, 2011, рис. 208: 164; 209: 169, 174, 176, 177; 216: 217), хотя и связана с традицией, восходящей к раннеримскому времени.

Тип 1 вариант 2. Округлобокие горшки с изогнутым или почти прямым отогнутым наружу венчиком, резко подчеркнутым ребристым переломом в области шейки, выпуклым участком профиля от шейки до плеча – 4 экз. (табл. 21). Еще 3 фрагмента сосудов в равной степени могли принадлежать как горшкам типа 1 варианта 1, так и близким им по структуре профиля мискам варианта 2.

Сосуды этого таксона соответствуют горшкам типа V варианта 2 мощинской культуры по А.М. Воронцову (Воронцов, 2008, с. 45, рис. 2). Их поверхность могла быть как шероховатой, так и лощеной. Примеры лощеного горшка с профилем такой структуры приводятся в монографии Т.Н. Никольской и в статье Г.А. Массалитиной (Никольская, 1959, рис. 18: 3; Массалитина, 2010, рис. 8: 5). Сосуды этого типа известны в слоях мощинских городищ в позднеримское время, но продолжают использоваться и в гуннский период (Воронцов, 2008, с. 40,41). Встречаются они и на москворецких дьяковских городищах (Розенфельдт, 1974, рис. 42: 4,9; Кренке, 2011, рис. 216: 215).

Тип 2. Округлобокие миски с S-овидным профилем: венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб шейки плавный, участок от шейки до бочка выпуклый или неопределенной формы, стенки нижней части выпуклые или прямые – 10 экз.

По А.М. Воронцову такие миски относятся к типу V, приводятся и Г.А. Массалитиной (Воронцов, 2008, с. 46, рис. 2; Массалитина, 2010, рис. 12: 7). В слоях III – V вв. Дьякова городища они встречаются также достаточно часто (Кренке, 2011, рис. 204: 136, 137, 140-143; 205: 147,148; 206: 150, 152; 210: 178, 179, 184; 213: 185-189; 214: 192, 196). Встречены они и в верхневолжском регионе позднедьяковской культуры (Исланова, 2008, рис. 147: 5,9; 151: 7)

Тип 3. Высокие округлобокие миски. Отогнутый наружу венчик может быть изогнутым или прямым раструбовидным. Перегиб в месте

шейки подчеркнут ребром, иногда с дополнительным уступом. Участок профиля от шейки до бочка – выпуклый. Стенки нижней части выпуклые или почти прямые – 13 экз.

По классификации А.М. Воронцова этому таксону соответствуют миски типа IV (Воронцов, 2008, с. 46, рис. 2). Аналогичные сосуды с городищ Воротынск и Серенск опубликовала Г.А. Массалитина (Массалитина, 2008, рис. 5: 1,6; 2010, рис. 7: 3; 8: 3; 12: 6,9). Небольшая их серия происходит и из слоев III – V вв. Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 213: 146; 217: 219, 224), но значительно чаще они встречаются в верхневолжском регионе позднедьяковской культуры, который по И.В. Ислановой испытал сильное мощинское влияние (Исланова, 2008, рис. 139: 1,3; 143: 3; 147: 2,3; 151: 2,6). Правда у верхневолжских мисок в большинстве случаев участок между шейкой и плечом более короткий, чем у верхнедонских образцов, а сами миски часто открытые, т.е. Д1 больше Д3. Большинство мисок рязано-окских могильников также имеет форму, близкую верхнедонскому типу 3 (Румянцева, 2007б, рис. 8: 1-7).

Тип 4. Ребристые миски с высокими прямыми венчиками, иногда отогнутыми наружу. Ребро бывает подчеркнуто треугольным в сечении валиком. Стенки нижней части прямые – 24 экз.

Эта форма считается этнографическим признаком мощинской культуры и встречается практически на всех мощинских памятниках позднеримского и гуннского времени (Массалитина, 2008, рис. 10: 7; 11: 2; 14: 1,2; 2010, с. 10). По классификации А.М. Воронцова относится к типам II (с относительно низкой) и III (с высокой верхней частью (Воронцов, 2008, с. 46, рис. 2). Встречаются подобные формы на памятниках дьяковской и киевской культур, но крайне редко, причем в киевской культуре известны только миски с относительно коротким венчиком (Обломский, 2004д, с. 152).

Тип 5 вариант 2. Ребристые миски с вогнутой дугой профиля от венчика до бочка. Стенки нижней части, там, где их форма ясна, выпуклые – 9 экз.

В типологии мощинской керамики А.М. Воронцова такая форма отсутствует, тем не менее, изредка на мощинских памятниках миски близкой формы все же встречаются (Массалитина, 2010, рис. 3: 7; 12: 8). Известны они и на памятниках позднедьяковской культуры, как москворецкого (Розенфельдт, 1971, рис. 10: 21-23; 1974, рис. 42: 11; Кренке, 2011, рис. 204: 139), так и верхневолжского (Исланова, 2008, рис. 150: 1; 151: 5; 152: 1) регионов. Изредка встречаются в комплексах киевской культуры (Обухов-3, в яме 7 (Абашина, Петраускас, Петраускас, 2009, рис. 3:7; Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 28: 4).

Западная (центральноевропейская, черняховская) традиция.

Тип 5 вариант 1. Миски (высокие и низкие) с зигзаговидными профилями: венчик прямой, отогнутый наружу, участок от шейки до бочка – прямой, стенки нижней части – прямые или слегка вогнутые, перегибы профиля в местах шейки и плеча – острые, ребристые – 4 экз.

Круг аналогий верхнедонским мискам с подобной профилировкой очерчен в публикации материалов из Замятино (Обломский, 2004д, с. 152). Вопрос о времени и причинах распространения этих сосудов на территории Восточной Европы в III – V вв. рассмотрен в специальной статье А.М. Обломского.

В римское время на территории Восточной Европы миски с зигзаговидным профилем относятся к трем традициям: среднеднепровской зарубинецкой, пшеворской и вельбарской. Раньше всех выходят из употребления низкие зарубинецкие сосуды (не позднее конца II в.). Высокие миски пшеворского происхождения распространены на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках и на некоторых поселениях черняховско-пшеворского пограничья вплоть до второй трети – середины III в.

В древностях черняховской культуры большинство аналогичных мисок имеет вельбарское происхождение. Такие сосуды встречены как на ранних черняховских памятниках, так и на поздних. В раннегуннский период происходит «возрождение» мисок с зигзаговидными профилями, причем за пределами ареала черняховской культуры. Небольшие серии этих сосудов происходят из Верхнего Подонья (Замятино-5 и 8, Ксизово-19), слоев гуннского времени городища Танаис в устье Дона, из некоторых рязано-окских могильников, с городища Лбище на Самарской Луке Волги. По всей видимости, процесс распространения этих форм связан с передвижением отдельных групп черняховского населения в восточном направлении после краха державы готов под ударами гуннов. Для Верхнего Подонья нельзя исключить и прямое проникновение на восток населения из Центральной Европы. Некоторые миски с зигзаговидным профилем по ряду деталей схожи с поздними вельбарскими и добродзеньскими образцами из Польши (Обломский, 2005а).

На памятниках у с. Замятино миски с зигзаговидным профилем найдены в пределах усадеб, где изготавливались гребни типа III по С. Томас (Замятино-5 и 8), типичных для черняховской культуры. В Ксизово-19 одна из подобных мисок имеет залощенную верхнюю часть и шероховатую нижнюю (рис. 161: 3), что типично для керамики вельбарской традиции.

Причерноморская традиция.

Из культурного слоя поселения Ксизово-19 происходят обломки двух лепных лощеных мисок, имеющих причерноморские параллели.

Фрагмент остроребeрной миски с каннелюрами наиболее близкие аналогии имеет в керамическом комплексе Танаиса гуннского периода (Арсеньева, Науменко, 1995, с. 48, рис. 4: 6,7; 8: 3,6). Своеобразна миска с прямым отогнутым наружу венчиком, резким перегибом в области шейки, еще одним плавным перегибом ниже нее, ребром в нижней части профиля. На фрагменте заметны следы ручки (рис. 188: 2). Сосуд такой формы в Верхнем Подонье встречен впервые. Серия похожих мисок с ручками происходит из крымского могильника Дружное III-IV вв. (Власов, 1999, рис. 2: 11, 12; 7: 4,6,10) и Нейзац (с двумя-тремя ручками). В Нейзаце лепная лощеная керамика найдена, в основном, в комплексах IV в. (Храпунов, 2011, с. 23-24; рис. 10: 3; 11: 4; 12: 3;14: 2).

Формы, неопределимые в этнокультурном отношении.

Тип 7. Фрагменты венчиков кувшинов – 3 экз.

Тип 9. Обломки воронковидных сосудов, у большинства из которых имеется слабо отогнутый венчик – 4 экз.

* * *

Таким образом, в наборе лепной посуды поселения Ксизово-19 наблюдается несколько традиций. При этом если комплекс груболепной керамики формируется преимущественно на киевской основе, то столовой посуды – на окской. Последняя, судя по набору форм, по происхождению связана, преимущественно, с мощинской культурой. Дьяковские традиции на верхнедонской комплекс посуды оказали значительно меньшее влияние. В Ксизово-19 оно ощущается по использованию специфических мисок типа 5 варианта 2.

Несмотря на синкретичность, в наборе лепной керамики из Ксизово-19 наблюдается определенное единство, что подтверждается материалами из объектов, где зачастую найдена керамика разных традиций (табл. 22). Похоже, что верхнедонские поселения гуннского времени относятся к ранней стадии этнокультурной миксации, когда смешанное население использует в быту сосуды различного происхождения, но гибридные формы пока не возникают.

Гончарная керамика местного изготовления. Как уже упоминалось, в Ксизово-19 исследован гончарный горн (Земцов, 2004), серия ям-карьеров для забора глины. Между горном и этими ямами расположена пустая площадка, на которой найден фрагмент высушенного, но необожженного кувшина (см. выше). Все это свидетельствует о наличии в поселке собственного гончарного производства.

Гончарная керамика серого (темно-серого или почти черного) цвета, равномерного печного обжига. По фактуре она похожа на черняховскую, но отличается более толстыми в массе стенками, примесями известняка в тесте многих сосудов.

Поверхность черепков может быть лощеной и шероховатой. Лощеная керамика составляет в культурном слое в среднем 10% от общего количества посуды гуннского времени (от 4 до 25% по разным раскопам), а шероховатая – 5% (от 0 до 14%, соответственно) (табл. 16).

Гончары из Ксизово ставили на сосудах свои клейма, вырезанные непосредственно на поверхности круга или на особом кружке, который надевался на его ось (как древнерусские). Клейма ставились далеко не на каждый сосуд, поскольку в Ксизово-19 обнаружено всего 5 обломков днищ с ними. Клейма представляли собой один круг (рис. 166: 6), вписанные одна в другую концентрические окружности (рис. 159: 12; 174: 5). На одном из клейм во внутреннем круге изображен крест (рис. 166: 5). Еще на двух обломках клейм видны следы только внешнего круга, поскольку средняя часть днища не сохранилась (рис. 161: 4) (Острая Лука, 2004, рис. 71: 7).

Больше всего гончарной керамики обнаружено на поселении Ксизово-19, на прочих памятниках Верхнего Подонья ее значительно меньше. Статистические данные опубликованы в издании (Обломский, 2007, с. 76). К списку, который там приводится, можно добавить отдельные черепки на поселении Мухино-2 (сообщение автора раскопок Г.Л. Земцова), пифос с городища Крутогорье и кувшин из Животинного могильника, который по характеру орнаментации и клейму на дне (крест в круге) соответствует продукции ксизовских мастеров (Обломский, 2007, рис. 25: 14).

Несмотря на относительно большое ее количество, гончарная керамика в Ксизово сильно измельчена. Нет ни одной целой формы, мало фрагментированных типологически определимых сосудов. Тем не менее, общую характеристику этой керамики необходимо привести, в первую очередь, для того, чтобы будущие исследователи сумели ее идентифицировать на других памятниках. Приведенное ниже описание, разумеется, не может быть полным.

1. Округлобокие горшки с изогнутым или почти прямым отогнутым наружу венчиком и выпуклой линией профиля от шейки до места наибольшего расширения тулова (рис. 159: 9; 189: 14)(Острая Лука, 2004, рис. 64: 7; 117: 3)

2. Широкодонные миски с усеченно-коническим корпусом и валикообразным венчиком (рис. 159: 16; 174: 10)(Острая Лука, 2004, рис. 118: 1).

3. Миски с зигзаговидным профилем, бочок оформлен горизонтальными гранями (рис. 161: 5)

4. Небольшие по размеру кувшины. Судя по формам венчиков очень разнообразны (рис. 147: 6; 153: 1,2; 156: 12; 159: 8; 161: 6,14; 162: 16; 183: 1,2; 189: 7; 195: 2)(Острая Лука, 2004, рис. 117: 4). Единственный целый сосуд происходит из Животинного могильника. В Ксизово-19 найдена нижняя часть кувшина подобной формы (рис. 127: 6).

5. Большие округлобокие кувшины с цилиндрическим горлом (рис. 147: 1; 161: 7) (Острая Лука, 2004, рис. 51: 1; Обломский, 2007, рис. 23: 6).

6. В Ксизово-19 во множестве обнаружены ручки кувшинов, как больших, так и малых. Сечение их разнообразно, но характерным элементом продукции ксизовских мастеров были кувшины с уплощенными ручками, имеющими желобок посередине, на котором зачастую заметны линии лощения, ориентированные перпендикулярно длинной оси ручки (рис. 124: 4,5; 134: 9; 147: 4; 154: 3; 156: 2,7,8,13; 159: 13-15; 161: 8,10,13; 162: 15; 174: 8,9; 182: 4; 183: 3,4; 189: 1-6,11,12)(Острая Лука, 2004, рис. 51: 2,5,6; 64: 11; 118: 4-6).

7. Крупные горшки или пифосы. Отличаются относительно рыхлыми стенками, зачастую орнаментированы налепными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 144: 3; 161: 12,15; 189: 9). Единственный целый сосуд этого типа происходит с городища Крутогорье (Акимов, 2012, рис. 8: 11).

8. Из Ксизово-19 происходит серия сильно фрагментированных венчиков сосудов, которые в приведенную выше классификацию «не вписываются» (рис. 127: 4; 134: 10; 151: 2; 161: 9, 11; 171: 2, 3; 174: 7; 183: 5, 6; 189: 8, 10) (Острая Лука, 2004, рис. 8: 1, 2; 64: 8-10; 80: 2).

Орнаментировалась обычно лишь верхняя часть корпуса сосудов. Мотивов орнаментации немного, и они довольно стандартны. Как правило, это – зигзаги, стороны которых иногда образованы параллельными линиями, в сочетании с горизонтальными линиями, прочерченными или глубоко пролощенными, или желобками. Зачастую в этот орнамент вписаны налепные валики. Редкими элементами являются волна, небольшие концентрические окружности, сетка с ромбическими ячейками (рис. 154: 4; 155: 2, 3, 8; 159: 11; 162: 13; 179: 3; 183: 7-10; 189: 13) (Острая Лука, 2004, рис. 39: 58: 3; 80: 1; 117: 5,6).

По характеру обработки поверхности, обжигу и стилю орнаментации гончарная керамика из Ксизово восходит к позднеантичным традициям гончарства (Обломский, 2004д, с. 153, 154).

Импортная гончарная керамика.

Амфоры. Обломки амфор составляют в среднем по памятнику около 1% (табл. 16), разумеется, некоторое количество черепков относится к позднеримскому времени. Встречены обломки красно-. розово- и светлоглиняных сосудов. Стенки амфор при этом были гладкими либо рифлеными или покрытыми концентрическими расчесами (рис. 125: 9; 156: 5; 157: 12-14; 159: 17-20; 162: 18-20; 172: 9; 174: 11). К сожалению, обломки слишком фрагментированы для точного типологического определения.

Столовая керамика. Фрагменты столовых сосудов также сильно измельчены и довольно редки. К ним относятся 2 обломка краснолаковых сосудов (рис. 123: 4; 189: 15), фрагменты тонкостенного сероглиняного сосуда, орнаментированного концентрическими кругами по поверхности (рис. 128: 1), невыразительные обломки светлоглиняных гончарных сосудов. Интересную категорию изделий представляют собой сероглиняные светильники – 2 экз. (рис. 191: 6) и (Обломский, 2006а, рис. 3: 6). Последний из перечисленных обломков принадлежал кольцеобразной лампе с несколькими фитилями.

Вещи

Из культурного слоя раскопа происходит множество находок. К сожалению, культурно-хронологическая принадлежность многих из них не ясна. Неопределенны датировки курантов

зернотерок и точильных камней, найденных вне сооружений, костяных поделок. В пределах железного века даты ножей с прямыми спинками, колец, в т.ч. и от кольчуг, шильев и пробойников и ряда других инструментов, весьма расплывчаты. В рамках позднеримского времени – эпохи Древней Руси датируются обломки жерновов из камня местных пород, железные серпы с отогнутой кверху пяткой. Широко датируются бронзовые кольца, некоторые изделия из свинца, обломок глиняного тигля. Все эти предметы приведены в отчетах о раскопках. Из культурного слоя происходит также довольно много украшений и деталей поясной гарнитуры из бронзы, серебра и железа, стеклянные бусы, гребни из рога, обломки стеклянных сосудов. Не исключено, что часть из этих вещей относится к поселению, но большинство из них связаны с разграбленными захоронениями могильника (см. главу 6). В помещенную ниже сводку включены специфические изделия из культурного слоя, принадлежность которых к гуннскому периоду по аналогиям не вызывает сомнений, в первую очередь бытовые, распространенные обычно на поселениях, а также вещи, происходящие из объектов середины 1 тыс.н.э.

Орудия труда и предметы быта.

1. *Железный нож с прямой спинкой* (1 экз.) и обломки таких же изделий (2 экз.) – рис. 172: 10,(Обломский, 2006а, рис. 4: 1,11).

2. *Железные скрепы с петлями* (6 экз.). Связаны с юртоообразной постройкой (постройка 4 раскопа 1 2004 г.), вероятно, предназначены для подвижного соединения каких-то деревянных конструкций (решеток или им подобных) (Обломский, 2006а, с. 44,45, рис. 4: 3-5,8,9).

3. *Гвозди небольшого размера с полусферической шляпкой* – 1 целый экз. и еще 1 острие от подобного гвоздя. Входят в комплекс находок, связанных с юртообразной постройкой (Обломский, 2006а, рис. 4: 7,10).

4. *Обломок железной бритвы – 1 экз.* (рис. 164: 9). Подобные изделия А.А. Александров относит к III – V вв.н.э. (Александров, 2011, с. 225, рис. 1: 2,3). Кроме Ксизово-19, обломки бритв встречены в Мухино-2 (Земцов, 2012, с. 179). Бритва была найдена у пояса мужчины-воина из погр. 19 Ксизово-17А (см. главу 4).

5. *Железное трапециевидное кресало – 1 экз.* (рис. 191: 9). Считается, что трапециевидные кресала-подвески типичны для римского времени. Они являются характерной принадлежностью мужских поясов Центральной Европы (Ilkjaer, 1993, 246-252 s.,taf. 181). Более узкую дату называет М. Йонаковский, посвятивший специальную работу анализу кресал в комплексах пшеворской культуры. Все пластинчатые кресала (как трапециевидные, так и подтреугольные) датируются им в довольно узких пределах этапов B1-C1a (от периода не позднее третьей четверти I в. по начало III в.). Допускается существование их на этапе C1b. Максимально поздней возможной датой выхода из употребления этих кресал в Центральной Европе М. Йонаковский считает рубеж III/IV в. или начало IV в. (Jonakowski, 1996, s.94-100). В лесостепной зоне такие кресала известны на памятниках черняховской культуры (Магомедов, 2001, с. 86). Очерк распространения трапециевидных кресал в лесной зоне Восточной Европы приведен в монографии И.Г. Розенфельдт. В Волго-Окском междуречье они появляются в позднеримское время. В эпоху раннего средневековья они также хорошо известны в Поднепровье, например, на памятниках пражской культуры. У финно-угорских племен использовались до XI-XII в. (Розенфельдт, 1982, с. 143-145; Вяргей, 1999, с. 331, мал. 102: 3,4).

6. *Глиняные пряслица.* При описании применена схема, использованная в публикации поселения Замятино-8 (Обломский, 2004б, с. 24,25).

Высокие биконические (диаметр наибольшего расширения меньше высоты) – 2 экз. (рис. 190: 3,16).

Биконические средней высоты (диаметр наибольшего расширения равен высоте или больше ее, но более, чем в два раза) – 36 экз. (рис. 163: 1-6, 11-15; 164: 1-4; 175: 1,2; 190: 4-13, 17-21; 194: 7; 195: 1-3) (Обломский, 2006а, рис. 4: 2).

Низкие биконические – 10 экз. (рис. 131: 13; 163: 7-10; 164: 5,6,8; 190: 1,2).

Бочонковидные – 2 экз. (рис. 164: 7; 190: 14).

Диаметр отверстий пряслиц гуннского периода варьирует в пределах 4-8 мм. Лишь у двух из них они – более широкие (1,8 см; рис. 164: 5,6), что характерно для изделий мощинской культуры. У некоторых пряслиц отверстия расширяются в своеобразные воронки с одной (рис. 190: 1) или с двух сторон (рис. 190: 9). Поверхность пряслиц может быть как лощеной, так и шероховатой, орнаментированы лишь немногие из них. Основные мотивы орнаментации: нарезки по ребру (рис. 131: 13; 163: 4,13; 164: 8); нарезки по ребру и насечки в верхней части (рис. 164: 4); нарезки выше и ниже ребра (рис. 190: 13); сетка выше и ниже ребра (рис. 190: 19); рельефные дольки на поверхности (рис. 164: 1); овальные

каннелюры по ребру (рис. 164: 2; 190: 17; 194: 7). Рельефная орнаментация пряслиц, в т.ч. и каннелюрами, в Верхнем Подонье появилась в результате влияния традиций черняховской культуры. По набору форм, их соотношению и орнаментации пряслица из Ксизово-19 типичны для культурной группы Чертовицкое-Замятино (Обломский, 2007, с. 86,87).

7. *Грузик дьякова типа* – 1 экз. (рис. 164: 11). Специфическое глиняное изделие, характерное для дьяковской культуры. Имеет форму усеченного конуса со слабо выраженной узкой частью и широким основанием, по краю орнаментированным нарезками. Высота – 2,4 см, диаметр нижнего основания – 4,8 см, верхнего – 1,8 см, отверстия – 0,8 см, которое расположено перпендикулярно плоскости оснований. По классификации К.А. Смирнова относится к наиболее распространенному типу 1, который сам К.А. Смирнов датировал II – V вв.н.э. (Смирнов, 1971, с. 81, 82, рис. 1; 1974, с. 64,65). Наблюдения за распределением грузиков типа 1 в культурном слое Дьякова городища, сделанные Н.А. Кренке, показали, что дату их можно расширить от конца II в. до н.э. до V – начала VI в.н.э., поскольку они часто встречаются в верхнем слое А от его основания до самых поздних напластований (Кренке, 2011, с. 55-73). Поскольку в Верхнем Подонье в догуннский период влияние со строны культур Поочья не отмечено, что грузик из Ксизово, скорее всего, относится к середине 1 тыс.н.э.

8. *Глиняные грузила для ткацких станков.* В большинстве своем фрагментированные, относятся к трем типам.

Пирамидальные – 4 экз. (рис. 165: 3, 10; 175: 3; 191: 4). Последнее орнаментировано наколами по верхнему основанию.

Конические – 23 экз. (рис. 128: 4; 131: 7, 12; 134: 18, 19; 147: 8; 157: 15, 16; 165: 1, 2, 4-9; 168: 9; 175: 4, 5; 191: 1-3, 5). Отвестие ориентировано перпендикулярно высоте и находится в вехней части изделия. Узкое основание бывает иногда отмечено вдавлением, нанесенным пальцем.

Округлые с вертикальным каналом отверстия – 3 экз. (рис. 131: 8-10).

Пирамидальные и конические грузила на территории Верхнего Подонья характерны для памятников двух культурных групп: типа Каширки-Седелок позднеримского периода и круга Чертовицкого-Замятино. В лесостепном Поднепровье такие грузила распространены на поселениях черняховской культуры и на поздних памятниках киевской культуры, находившихся под черняховским влиянием (Обломский, 2004б, с. 24, 25).

9. *Точильные камни.* Из объектов гуннского времени происходит 4 экз. (рис. 128: 5; 131: 11; 153: 10, 14).

10. *Камень-наковальня* – 1 экз. (рис. 196: 2,3). Представляет собой грубо обработанный валун с уплощенными сторонами. Обнаружен на раскопе 8 в хозяйственной яме с материалами гуннского времени (описание см. выше).

11. *Фрагмент жернова* – 1 экз. (рис. 196: 1). Найден в той же яме, вероятно, изготовлен из т.н. серого туфа, что типично для жерновов черняховской культуры.

12. *Полированное круглое в сечении обоюдоострое изделие из кости* – 1 экз. (рис. 131: 14). Такие предметы, которые часто считают проколками, типичны для черняховской и поздней фазы киевской культуры (периода черняховского влияния). Происходят они также и из Замятинского археологического комплекса (Обломский, 2004б, с. 25). Трассологический анализ подобного изделия из Замятино-5 был проделан А.Н. Усачуком. На поверхности предмета были обнаружены следы, которые возникают при наматывании чего-то, вроде нити или волоса. Не исключено, что заостренные костяные стержни служили в качестве орудий для плетения (Обломский, Усачук, 2004, с. 82).

12. *Костяные проколки.* Представляют собой грубо обработанные изделия из кости с одним заостренным концом – 2 экз. (рис. 183: 6,7).

Предметы вооружения и воинского снаряжения.

1. *Железный наконечник копья со следами приклепанной втулки* – 1 экз. (рис. 191: 7). Имеет подтреугольное лезвие с хорошо выраженными плечиками, заканчивающееся трапециевидным выступом, к которому были приклепаны при помощи трех заклепок полосы для крепления древка. Держатель древка сломан в месте третьей заклепки, для которой на выступе лезвия было предусмотрено специальное отверстие. Общая длина изделия – 13,6 см, лезвия – 11,6 см, максимальная ширина лезвия – 3,6 см. Близким по технике изготовления изделиям с территории Польши посвящена статья К. Чарнецкой. Польские экземпляры представляли собой копья, переделанные из обломков клинков мечей, К. Чарнецкая даже называет их «мечеобразными». На территории Европейского Барбарикума такие изделия крайне редки. Традиционно в Централь-

ной Европе наконечники копий выковывались из единого куска металла. Аналогии наконечникам копий, изготовленным из двух кусков (лезвие отдельно от втулки), автор находит на востоке – в позднесарматской и гуннской среде от Поволжья до Казахстана в комплексах IV – V вв. (Czarnecka, 2009-2010, s. 119-122). Для Верхнего Подонья наконечник копья из Ксизово-19 уникален. Об особой роли этого изделия, вероятно, церемониальной, свидетельствуют остатки бронзы или меди, которые сохранились на нижней части клинка, с внешних сторон обеих полос для крепления древка и внутри на нижнем выступе. По всей видимости, после изготовления наконечник окунули в расплавленный цветной металл.

Наконечники копий, покрытые тонким слоем меди, встречаются среди римского комплекса вооружений (Hirsch, 2009, № 456). По наблюдениям О.А. Радюша, которому я приношу благодарность за приведенную выше аналогию, они являлись частью штандартов воинских подразделений. Копье из Ксизово – явно не римское, а «доморощенное», но, вероятно, под влиянием римских традиций оно выполняло ту же функцию.

2. *Наконечники стрел* – 5 экз. (рис. 164: 10; 191: 8, 10-12)[11]. Все они – трехлопастные с ромбическим пером и черешком для крепления к древку стрелы. У двух из перечисленных (рис. 164: 10; 191: 10) края лопастей в нижней и верхней части прямые, у прочих в нижней заметна выемка, а перо отделено от черешка небольшим уступом. Первые два наконечника относятся к типу 1 подтипу «А» варианту а, остальные – к типу 3 варианту в по классификации И.П. Засецкой (Засецкая, 1994, с. 37). Оба типа стрел характерны для гуннской эпохи, но на территории Восточной Европы использовались вплоть до третьей четверти VII в., о чем красноречиво свидетельствуют материалы сгоревшего в это время городища Никодимово в Могилёвском Поднепровье (Седин, 2011, рис. 3-5).

3. *Фрагмент бронзового псалия* – 1 экз. (рис. 140: 2,3). Очень близкие аналогии (с орнаментом по краю и зажимами для узды) происходят из Базель-Кляйехюнингена (Ахмедов, Казанский, 2004, рис. 20: 3), Лермонтовской Скалы-2, склепа 6 Сахарной Головки (Ахмедов, 1996, рис. 55: 1,2), из конского погребения 4 в Дюрсо (Дмитриев, 1979, рис. 3: 16) и др. И.Р. Ахмедов выделяет две серии псалиев с расширенными лопастями (в т.ч. и орнаментированных бронзовых) – с птицеголовыми и полиэдрическими окончаниями. Они синхронны в рамках середины V – начала VI в. (Ахмедов, 2009, с. 160-161).

4. *Бронзовый зажим для узды* – 1 экз. (рис. 140: 4, 5). Кольца от узды с подобными массивными полукольцами и узкими подпрямоугольными лопастями с двумя отверстиями для заклепок происходят из гуннских комплексов у хут. Саги и дер. Фёдоровки (Засецкая, 1994, табл. 16: 14; 34: 9).

5. *Обломок костяной накладки на лук* – 1 экз. (рис. 164: 12). В 2010 г. в одной из ям поселения Ксизово-16 были обнаружены костяные накладки на лук и их заготовки. Боковые стороны накладок покрыты мелкими нарезками, нанесенными для того, чтобы с них не сползала обмотка. Подобным же образом обработан торец упомянутого выше изделия, что заставляет видеть в нем фрагмент такой же накладки.

6. *Полированное подтреугольное костяное изделие с прямоугольным вырезом посередине* – 1 экз. (рис. 164: 13).

Подобные изделия исследователями интерпретируются по-разному, но все, кто с ними сталкивался, отмечают их связь с воинским бытом. Близкий костяной предмет, но с концами, оформленными по-другому, происходит с черняховского поселения Хлопков-1 (Днепровское лесостепное Левобережье) с выразительным набором находок финала позднеримского и начала гуннского периода (о дате Хлопкова см. Обломский, 2002, с. 59). О.М. Приходнюк считал эту вещь костяным шаблоном для отливки восковой модели фиксатора для кинжала (Приходнюк, 1998, с. 58, рис. 39: 14), что в свете приведенных ниже аналогий вызывает сомнения.

Две подобные поделки, но плоские в сечении найдены в конском захоронении 4 северокавказского могильника Дюрсо (Дмитриев, 1979, рис. 3: 19). М.М. Казанский отмечает, что некоторые пластины от седел из Дюрсо, в т.ч. и происходящее из этого погребения, являются типологически промежуточными между пластинами гуннского периода (Новогригорьевка, Мундольсхейм), с одной стороны, и остроготских и франкских седел первой трети VI в. (Казанский, 2001, с. 54, 55), с другой. Костяные изделия, близкие к происходящему из Ксизово предмету, в Дюрсо

[11] Два из этих наконечников происходят из культурного слоя раскопов 7 2009 г. (северная часть) и 6 2010 г., прочие – из подъемного материала. Схема расположения участков сбора подъемного материала на плане памятника приводится в разделе о могильнике Ксизово-19.

лежали в месте брюха лошади на ребрах левого бока под седлом (Дмитриев, 1979, с. 212, рис. 1: I). Видимо, они как-то связаны с подпругой.

Очень близкие находки (2 экз.) происходят из погр. 12 могильника Восточномалайский-2. Авторы публикации трактуют их как пряжки от ремешков наборного панциря (Лимберис, Марченко, 2011, с. 436; рис. 12: 2). Погребение относится к эпохе раннего средневековья: в комплексе найдена геральдическая поясная гарнитура.

Три аналогичные ксизовской костяные застежки найдены в кургане 19 могильника Степушка-1 на Алтае (Тишкин и др. 2013, рис. 13: 13-15). Авторы публикации предварительно датируют памятник концом III – началом V в. (Тишкин и др., 2013, с. 274), но поскольку в кургане 19 вместе с застежками найдена костяная рама подпружной пряжки, которые по А.К. Амброзу хотя и появились в выделенной им третьей группе степных раннесредневековых древностей, но в целом характерны для VIII – X вв., то имеются основания отнести курган 19 не к римскому времени, а к более позднему периоду (Амброз, 1981, с. 15; Тишкин и др. 2013, рис. 13: 12).

Костяной предмет из Ксизово, видимо, представлял собой застежку от каких-то ремешков из снаряжения всадника или боевого коня.

Украшения и изделия из цветных металлов

1. *Выплески бронзы* – 45 экз., *обрезки бронзовых или медных пластин* – 65 экз., *пластина со следами пробы работы инструмента вроде керна* (по 1 экз.). Обнаружены на сравнительно компактном участке в западной части памятника (раскопы 4,7 и 9), где, вероятно, находилась рабочая площадка ремесленника-ювелира. Еще один выплеск найден вне этого ареала – среди набора вещей, связанных с юртообразной постройкой 4 раскопа 1 2004 г. (рис. 137-140: 1), (Обломский, 2006а, рис. 4: 6).

2. *Бронзовая фибула с пластинчатым приемником* (Обломский, 2006а, рис. 4: 13). Двучленная с широким кольцом (или муфтой), предназначенном для крепления пружины, образованном загибом верхнего расплющенного края спинки изделия вверх. Железная короткая ось ее продета в кольцо. Корпус изготовлен из дрота, в сечении полукруглого с одной стороны и уплощенного с другой. Изделие деформировано, но спинка фибулы явно была дугообразной. Приемник – сплошной, подпрямоугольной формы. Длина фибулы (с учетом кривизны при деформации) – 6,2 см, ширина спинки – до 3 мм.

Типологически близкие фибулы специально исследовал И.О. Гавритухин. Он отнес похожие изделия к серии «Сиреневая бухта, 167» архаичных вариаций фибул с трубчатым приемником и широким кольцом для крепления пружины. Серия формируется около середины (не позднее второй половины) V в. и продолжает существовать в VI в. Фибулы этой серии изготовлены на Боспоре, но под влиянием дунайских традиций (Гавритухин, 2008, с. 363, 364, рис. 1: 15)[12]. В Ксизово-19 фибула входит в состав комплекса находок, связанного с юртообразной постройкой, и датирует его не ранее середины V в.

3. *Бронзовая пластинчатая ножка подвязной фибулы* (рис. 194: 8). По всей видимости, является частью прогнутой подвязной фибулы с широким кольцом или муфтой для крепления оси пружины, находки которых в Ксизово-19 многочисленны. Подробное описание их дается в разделе о могильнике (глава 6).

4. *Фрагмент бронзовой бантиковидной накладки* (Обломский, 2006а: рис. 4: 12). Размеры сохранившейся части изделия (половина) – 3 × 2,8 см. Все подтреугольное ее поле покрыто выпуклыми полусферами шириной около 4 мм, сгруппированных в 5 рядов.

В классификации бляшек дьяковской культуры К.А. Смирнова изделия из двух повернутых друг к другу вершинами треугольников относятся к типу 5, который автор по эстонским аналогиям датирует III – IV вв. (Смирнов, 1974, с. 53, 54). Серия подобных накладок (в виде бантиков по терминологии автора) учтена И.Г. Розенфельдт. Ей же намечена эволюция этих изделий по количеству рядов с мелкими бляшками на треугольном поле (от трех до пяти) (Розенфельдт, 1982, с. 116, 117, рис. 28: 40-46).

Специальное исследование бантиковидных накладок, в первую очередь, применительно к материалам Дьякова городища, было предпринято Н.А. Кренке и Е.Ю. Тавлинцевой. Эти изделия характерны, в основном, для позднедьяковской культуры, а за пределами ее ареала они встречаются довольно редко. В работе учтены 44 находки, отмечено, что эволюция их в направлении, указанном И.Г. Розенфельдт, может воспри-

[12] В главе 10 настоящей монографии И.О. Гавритухин изменил свое мнение и предположил возможность появления фибул этого таксона раньше – в конце IV в. Тем не менее, все датированные аналогии, которые он привел в цитированной выше статье относятся ко времени от середины V в. и позднее. Вопрос о дате фибул серии «Сиреневая бухта, 167» требует дополнительного исследования.

ниматься лишь в виде общей тенденции. Время существования большинства накладок определено в рамках III – первой половины IV в., тем не менее, в работе упомянуты изделия из погр. 140 Абрамовского могильника, которое, по мнению авторов, датируется рубежом IV – V вв. (Кренке, Тавлинцева, 2011, с. 94-98). По-видимому, отдельные вещи могли использоваться и позже даты бытования большинства образцов. Кроме находок из Ксизово-19, об этом свидетельствуют и материалы мощинского городища Акиньшино, где такая накладка обнаружена в слое VII в. (доклад А.М. Воронцова на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», Тула, Куликово поле, 2010 г.; общие сведения о раскопках городища Акиньшино см. в Воронцов, 2011). На поселении Ксизово-19 обломок бантиковидной накладки входит в состав комплекса предметов, связанного с юртообразной постройкой, который по упомянутой выше фибуле со сплошным приемником датируется не ранее середины V в.

Стеклянные бусы.

Серия бус происходит из нижнего слоя ямы 12 раскопа 7 2009 г. Подробнее о бусах из Ксизовского археологического комплекса см. в главе 11.

Типы объектов и планиграфия поселения

Постройки, исследованные на поселении Ксизово-19, имели жилое и хозяйственное назначение. Жилищ исследовано всего 6. Их планировка и конструкция разнообразны, что отражает сложный этнический состав населения поселка.

Жилища.

Прямоугольные полуземлянки – 5 построек (постройка 1 раскопа 2; объекты 2 и 5 раскопа 7; постройки 1 и 2 раскопа 6). Глубины котлованов в материке составляли от 0,1 до 0,68 м, размеры по нижнему краю котлована – от 2,75 × 2,8 м до 5 × 4 м. В объекте 2 раскопа 7 имелись две внутренние ступеньки (рис. 129). Из этой группы построек очаг внутри помещения (остатки открытого кострища) прослежен всего один раз – в этом же сооружении. В одной постройке по периметру котлована не было столбовых ям (постр. 1 раскопа 6; рис. 176), еще в одной яма от столба находилась у одной из стен (постройка 2 раскопа 6; рис. 177). В объекте 5 раскопа 7 вдоль двух коротких торцевых стен котлована прослежены 6 столбовых ям (рис. 133). Не исключено, что две средние из них вместе с двумя ямами в центре помещения являются остатками столбов, служивших в качестве опор для конька кровли. В постройке 1 раскопа 2 внутри помещения также была зафиксирована яма от столба, но она была несколько сдвинута от центра ближе к северо-восточной стене (рис. 129). В этой же постройке внутри помещения находилась хозяйственная яма.

Подквадратные и подпрямоугольные небольшие незначительно углубленные в грунт полуземлянки без ям от столбов, с отдельными или регулярно стоявшими столбовыми ямами вдоль края котлована, иногда с опорными столбами кровли в средней части помещения, с открытыми очагами или без них типичны для поселенияй типа Чертовицкого – Замятино. Эти постройки генетически связаны с традициями домостроительства киевской культуры (Акимов, 2001, с. 146-148; Обломский, 2007, с. 81,82).

Юртоообразная постройка. Публикации этого объекта посвящена специальная статья А.М. Обломского. Это сооружение (постройка 4 раскопа 1) в плане было близким к кругу диаметром 4,8 – 5 м (Обломский, 2006а, рис. 2). Судя по профилям, оно углублено в грунт на 0,5-0,7 м. Перепад глубин обусловлен тем, что сооружение находилось на склоне. По периметру внутренней части котлована прослежена цепочка из 8-ми ям от столбов. С северо-западной стороны котлована наблюдался выступ шириной 1,4 м и длиной 0,6 м, у края которого находились 5 столбовых ям. Пол постройки был ровным, за исключением двух углублений в южной и северо-восточной частях.

Южное углубление в плане близко к неправильному овалу размерами 1,7 × 1 м с неровным дном, максимальная глубина которого от уровня пола постройки составляла 13 см. В юго-западной его оконечности прослежена столбовая яма. Со стороны центра сооружения южное углубление оконтурено 4-мя ямами от столбов. Они, а также столбы, расположенные вдоль борта постройки в южной части котлована отгораживали овальное в плане помещение размерами 2,6 × 1,7 м.

Северо-восточное углубление в плане, также, было овальным. Его размеры составляли 2,3 × 1,3-1,9 м. В его заполнении обнаружено скопление костей животных и обломков лепных сосудов, несколько камней. Очаг не прослежен, но он был только в одной из шести построек жилого назначения, исследованных на поселении. Оче-

видно, таковы особенности местного грунта: он плохо сохраняет следы прокала. Тем не менее, северо-восточное углубление, судя по находкам довольно большого количества костей, скорее всего, было «кухней», а юго-западный отсек – «спальней». В юго-восточной части котлована постройки прослежена хозяйственная яма, которая частично выходила за его борт.

С постройкой связаны находки 6-ти петель, изготовленных из железных прутьев. В одном случае в отверстие такой петли было вставлено кольцо, в другом – такая же петля. Концы четырех петель с одной стороны заострены, вероятно, для того, чтобы их можно было вбивать в какую-то деревянную основу, но у одного изделия сохранившееся окончание было довольно толстым (Обломский, 2006а, рис. 4: 3-5, 8, 9). Не исключено, что петли служили для соединения подвижных деталей деревянного каркаса, возможно, решеток или других раздвижных частей.

Очень похожая постройка, но несколько меньшая по размерам, исследована на поселении Мухино-2 (Земцов, 2012, с. 90-102). Из нее происходит керамика, характерная для верхнедонской культурной группы Чертовицкое-Замятино, к которой относятся и материалы середины 1 тыс.н.э. из Ксизово-19.

По планировке и конструкции постройка 4 очень близка к т.н. юртообразным сооружениям типа II по С.А. Плетнёвой. Они были круглыми или овальными в плане, со столбовыми ямами по периметру, зачастую с выступами, также, иногда окруженными столбами. Очаг находится в центральной части сооружения. В подобных постройках иногда бывают заметны линии столбов внутри помещения, которые огораживают мужскую его часть – место ложа хозяина. В пределах построек могли находиться хозяйственные ямы (Плетнева, 1967, с. 53-57, рис. 11; 1996, с. 54).

В соответствии с определением В.С. Флёрова постройка 4 Ксизово-19 является стационарным юртообразным жилищем, характерным для кочевников в период оседания на землю. К сооружению из Ксизово наиболее близки по планировке постройка Новолымаревского поселения (с таким же боковым выступом, окруженным столбами), сооружения 41, 44, 47 Правобережного Цимлянского городища (с внутренними отсеками, отгороженными столбами) (Флёров, 1996, с. 50; рис. 3: 4; 4: 2; 5: 1; 14: 2), жилища V и IX во дворе здания IV (караван-сарая) в Саркеле (Плетнёва, 1996, с. 51-53, рис. 19).

Все перечисленные выше аналогии юртообразной постройке из Ксизово относятся к салтово-маяцкой культуре. В своде юртообразных жилищ В.С. Флёрова наиболее ранние сооружения на территории Восточной Европы исследованы на поселениях пеньковской культуры, причем ни в одной из этих построек не обнаружено датирующих материалов, позволяющих определить их хронологию более узко, чем в рамках второй четверти-середины V – конца VII вв.(по общей дате культуры) (Флёров, 1996, с. 56-57). К эпохе великого переселения народов, в т.ч. и к гуннскому периоду, В.М. Зубарь отнес серию круглых построек с каменным цоколем из Хоры Херсонеса Таврического. Он считал их юртообразными жилищами, но эти объекты по большей части плохо документированы, внутренняя планировка их не столь «прозрачна», как у построек из Ксизово и Мухино (Зубарь, 2007, с. 232-261).

Как указано в публикации, с юртообразной постройкой из Ксизово-19 связана серия находок, в т.ч. и фибула середины V – VI вв. (см. выше). Поскольку по имеющимся данным культурная группа типа Чертовицкого-Замятино прекращает свое существование не позднее конца V – начала VI в., то постройки из Ксизово-19 и Мухино-2 являются к настоящему времени самыми ранними из исследованных юртообразных жилищ.

Глинобитная постройка (объект 1 раскопа 7). Очевидно, сгорела и практически полностью позже была уничтожена перекрывшим ее коллективным погребением, из заполнения которого происходят обожженная глиняная обмазка с отпечатками прутьев, кости животных, керамика, в т.ч. и пережженная, глиняное грузило, точильный камень, спекшиеся стеклянные бусы, обгоревшее зерно (рис. 126: Б, В). Керамика, как лепная, так и гончарная, характерна для Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э.

Глинобитные постройки на памятниках типа Чертовицкого – Замятино крайне редки. В настоящее время их опубликовано всего 3, они изучены на поселениях Староживотинное-3 и Замятино-7. Все они были наземными. Первая из них является хозяйственной, вторая (Замятино-7, постройка 2 раскопа 1), несмотря на небольшие размеры, вероятно, была жилищем: там прослежен очаг. Интерпретация третьего сооружения (Замятино-7, постройка 3 раскопа 2) неоднозначна, но не исключено, что и она была жилой. Глинобитные постройки, скорее всего, связаны с традициями домостроительства черняховской культуры (Обломский, 2007, с. 81).

Хозяйственные сооружения

Постройки. На памятниках типа Чертовицкое-Замятино они крайне редки. В Ксизово-19 все они были углублены в грунт. Две из них имели подпрямоугольную форму (объект 2 раскопа 4 и яма 2 раскопа 4). Размеры первой – 1,7 × 1,95 м, пол плоский, а сбоку имелся выступ, глубина в материке – 0,33-0,36 м (рис. 126: А); второй – 1,6 × 1,2-1,25 м, глубина – 0,25 м, внутри имелась прямоугольная яма (рис. 148: А,В). Третья постройка (5 раскопа 1) была округлой, диаметром в нижней части 3,1 × 2,9 м, глубиной до 0,4 м. В центре помещения находилась яма от столба (рис. 166: А).

Территориально и хронологически ближайшая аналогия круглой постройке с центральным столбом известна на поселении киевской культуры Каменево-2, которое относится к раннегуннскому периоду (Памятники, 2007, с. 99-100; рис. 94: постр. IV).

Очаги. Вне построек исследовано 7 очагов, которые относятся к двум типам.

Тип 1 – прямоугольные вымостки из крупных сравнительно плоских кусков камня, сверху обмазанные глиной – 5 случаев (очаги 1 и 3 раскопа 4; 2 и 4 раскопа 6; «вымостка» над ямой А) (рис. 136; 141; 171: А; 177: В-Д; 178: Г-Д). Длина подобных сооружений 1-1,4 м, ширина 0,8-0,9 м.

Тип 2 – округлые в плане глинобитные площадки (очаг 2 раскопа 4, 3 раскопа 6) (рис. 141; 178: А-В). Первый из них представлял собой просто подушку из глины, у второго глиной была вымазана субструкция из мелкой гальки. Диаметр первого очага 0,6 м, второго – 0,8-0,82 м.

Принадлежность этих объектов гуннскому периоду удостоверяется скоплениями керамики этого времени, найденными около очагов 1 и 2 раскопа 4, 1 раскопа 7 на одном уровне с ними. Между камнями субструкции очага 4 раскопа 6 обнаружен крупный обломок груболепного сосуда таксона I,6 (рис. 178: 1). Очаги не связаны с жилищами, но находились на территории усадеб и, очевидно, играли роль летних кухонь.

Ямы. Самый многочисленный вид хозяйственных объектов. Материалы гуннского времени происходят из 44 ям. Они – круглые или овальные в плане, стенки их сужены книзу, почти отвесные или слегка расширенные. Их ширина в верхней части составляет 0,8-2 м, но чаще всего около 1-1,2 м. Глубины ям варьируют от 0,28 до 1,11 м. Не исключено, что «мелкие» ямы на самом деле были более глубокими, только впущенными в грунт из верхних напластований гумуса, в которых их контуры не прослеживались. Три ямы представляли собой погреба с боковыми ступеньками-сходами: яма 8 раскопа 2, объект 6 раскопа 9 (рис. 151: А), яма 11 раскопа 2. Первые две из них отличались большими, чем обычно, размерами (3,0 × 2,8 м и 3,0 × 3,2 м).

После прекращения функционирования по своему первоначальному назначению (как хранилищ) большинство ям использовались в качестве свалок бытового мусора. В них обычно находят битую керамику и кости животных. Некоторые из них использовались в ритуальных целях (см. ниже).

Гончарный горн. Найден случайно местным крестьянином в 2002 г., исследовался Г.Л. Земцовым и А.Н. Бессудновым.

Печь была вырезана в материковом глинистом слое, на глубине 0,7 м от современной поверхности в северной части и почти на поверхности – в южной. Горн имел в плане овальную форму, размерами по основанию 1,74 × 2,12 м и состоял из двух камер – топочной и обжигательной. Общая высота объекта, по всей видимости, составляла около 1,6 м. Межкамерная перегородка имела толщину 0,2-0,25 м. Предположительно, ее высота над уровнем дна составляла 0,7 м. В сохранившейся части свода был обнаружен продух округлой формы диаметром 0,16 м. Перекрытие топочной камеры удерживалось подпорным столбом овальной формы. Вход в топку располагался с юго-востока, со стороны реки. Рядом с ним, с запада, поверхность материка была сильно обожжена. К западу от сооружения, на площади 1,5 × 0,3-0,6 м, наклонная поверхность материковой глины была немного выровнена. Здесь прослежены четыре ямки от столбов (Земцов, 2004, с. 67, 68; рис. 117: 2).

К горну с севера примыкала площадка размерами около 7,5 × 7,5 м. В ее пределах не было объектов гуннского времени. С северо-запада и северо-востока это пространство было ограничено ямами-карьерами для забора глины с неровными стенками и дном (ямы 1-4,6, яма 1 в «постройке 1», «постройка 2»). За северо-восточной линией этих ям обнаружено скопление 3, в состав которого входили фрагменты сформованного на гончарном круге высушенного, но не обожженного сосуда. Очевидно, что горн, площадка и ямы-карьеры представляли собой комплекс объектов, связанных с деятельностью ремесленника гончара.

Культовые объекты

Захоронения собак. Обычно совершались в ямах около построек. В яму 10 раскопа 2 были положены две собаки на одном уровне, в ямы 12 раскопа 7 и 3 раскопа 1 – по одной (рис. 149; 167: 3). Ориентировка скелетов неустойчива: в первом случае головами на восток и юг, во втором – на запад, в третьем – на юго-юго-запад. В яме 12 скелет собаки находился в верхней части заполнения, а нижняя была забита обожженной глиняной обмазкой, между кусками которой встречены кости младенца. В яме 3 скелет собаки сверху был заложен камнем.

Ямы с захоронениями собак в Ксизово-19 для поселений гуннского времени Верхнего Подонья не уникальны. При зачистке обрыва оврага на краю селища Ксизово-17 была обнаружена яма, где скелеты собак в анатомическом порядке лежали в три слоя (см. главу 3). В Ксизово-16 в хозяйственной яме 3 также был найден скелет собаки (см. главу 2). В яму 4 раскопа 2 Замятино-7 вместе с костями других животных была положена насильственно умерщвленная собака (с переломанной шеей) (Острая Лука, 2004, с. 40). Скелет собаки, а также кости других животных и рыбы, черепки сосудов и грузило от ткацкого стака происходят из ямы 11 поселения Мухино-2 (Земцов, 2012, с. 171). Кости детей в ямах вместе остатками животных встречены не только в Ксизово-19. Останки младенца вместе с костями поросят и овцы обнаружены в яме 4 на поселении Замятино-5 (Острая Лука, 2004, с. 166).

Как уже отмечалось, хотя единый свод ритуальных объектов первой половины 1 тыс.н.э. в Восточной и Центральной Европе и отсутствует, имеются данные, что ямы с жертвоприношениями собак обнаружены на поселениях киевской, черняховской и пшеворской культур (Острая Лука, 2004, с. 166), причем на пшеворских памятниках они часто заложены камнем.

Ямы с нетипичным размещением керамики. В Ксизово-19 исследованы две ямы, материалы из заполнения которых отличались от обычных свалок мусора. При анализе этих объектов создавалось ощущение, что они были засыпаны преднамеренно.

В яму «очаг 1» раскопа 1 2003 г. на дно были ссыпаны остатки какого-то костра, горевшего на стороне. Выше на разных уровнях залегали черепки от трех сосудов, два из которых относились к гуннскому времени, а третий – к первым вв.н.э. Выше яма была «запечатана» каменной вымосткой (рис. 53).

Горшки гуннского времени, по всей видимости, были разбиты преднамеренно, черепки сосуда первых вв.н.э. были подобраны где-то на территории поселения.

В нижней части ямы 1 раскопа 10 была обнаружена керамика гуннского времени. В верхнюю ее часть, очевидно, в процессе засыпки, были поставлены два сосуда эпохи бронзы («погребение 71»), изъятых, видимо, из одного из разрушенных захоронений этого времени, которые известны на могильнике Ксизово-19, положены кости животных (рис. 192: Б; 193).

Разумеется, определение двух этих ям, как ритуальных, условно. Тем не менее, некоторой аналогией им является погребение 70 из Ксизово-19 (подробное описание см. в главе 6). Захоронение было вскрыто после его совершения, а яма, оставшаяся после этого, была засыпана. В нее рядом с первоначально погребенной женщиной был положен младенец (или его кости). Затем в яму были помещены остатки разрушенного перекопом захоронения эпохи бронзы, в т.ч. горошок и куски двух черепов, и обломки горшка гуннского периода.

Ямы и постройка с человеческими останками. Кости черепа человека были помещены в заполнение постройки 1 раскопа 2 и яму-погреб с двумя боковыми ступеньками-сходами в северо-западной части раскопа 7 (погр. 52). В заполнении округлой хозяйственной ямы на раскопе 7 2008 г. (погр. 18) головой кверху, а ногами вниз параллельно борту, т.е. не горизонтально, а под наклоном, лежал скелет ребенка (описания этих погребений см. в главе 6). Все эти случаи свидетельствуют о том, что к моменту совершения погребений на заброшенном к этому времени участке поселения западины на месте некоторых объектов были еще видны и использовались в ритуальных целях.

Планиграфия поселения.

Как показано на планах исследованных площадей (рис. 118; 119), жилища не концентрируются на каком-то определенном участке, а разбросаны по всей территории раскопов, как к западу, так и к востоку от ложбины. Ямы, очаги и хозяйственные постройки расположены около жилищ. Хозяйство, следовательно, велось не всеми жителями изученной части поселка совместно, а отдельно небольшими семьями. В отличие от поселений у с. Замятино, где участки поселка с одной-двумя усадьбами отделены друг от друга оврагами, т.е. имеют естественные границы, на исследованных пощадях Ксизово-19

с плоским рельефом этого не было. Выделение усадеб на этом памятнике по указанной причине условно, но, возможно, читателям будут интересны некоторые наблюдения в этом отношении, сделанные в процессе раскопок.

Усадьбы к западу от ложбины. Небольшое дворохозяйство исследовано на раскопе 2, но, к сожалению, не полностью. Ямы с материалами гуннского периода (2, 5, 7, 8, 10, 11) явно тяготеют к постройке 1 и занимают компактный участок к западу от нее. В одной из них (яма 10) захоронена собака.

В западной части раскопа 7 выделяется еще одна изолированно расположенная группа сооружений: жилище, которое было на месте коллективного погребения (объект 1), ямы 4, 12, 13, 15, яма, в которой устроено погребение 18. Не исключено, что место, на котором находилась сгоревшая наземная постройка (объект 1) пытались расчистить, совершая при этом какие-то ритуальные действия. Часть обмазки от стен была ссыпана в яму 12, куда помещены и кости младенца. В верхнюю часть ямы после ее частичной засыпки была положена собака.

К северу от объекта 1 находится еще одно жилище (объект 2 раскопа 7), отделенное от предыдущего пустым пространством. К объекту 2 тяготеют погреб, в котором устроено погребение 52, очаг 1 с расположенными около него скоплениями бытовых отходов. Вероятно, это – еще одна усадьба (по крайней мере, ее южная часть).

Большинство объектов, исследованных к западу от ложбины, находятся в южной части раскопов 7 и 9 и на раскопе 4. С юга эта площадь ограничена краем обрыва террасы (рис. 117). К гуннскому времени здесь относится 19 хозяйственных ям и 2 постройки, 3 очага, но только одно жилище (объект 5 раскопа 7). Во взаимном расположении этих объектов наблюдается определенная логика. Жилище окружено пустыми пространствами, вероятно, двором. Хозяйственные сооружения составляют 2 области концентрации: западную, в которую входят только ямы (8Б, 10, 11А, 11В, 16, 17, 22, 24, 31, 36 раскопа 7), и восточную (периферийную), включающую серию ям (1, 3, 6, 11 и 13 раскопа 4; 21, 38 и объект 6 раскопа 9), 2 хозяйственные постройки (объект 2 и яма 2 раскопа 4), 3 очага (1-3 раскопа 4) со скоплениями культурных остатков около них. Между этими двумя сгустками хозяйственных объектов в направлении с юга на север концентрировались находки выплесков бронзы и обрезков пластин, очевидно, связанные с рабочей площадкой ювелира.

Интересно, что взаимное расположение объектов в южной части раскопанной к западу от ложбины площади в Ксизово-19 в плане очень похоже на ситуацию на усадьбе мастера-гребенщика в Замятино-8. Между двумя входящими в нее жилищами находилось пустое пространство – двор. Хозяйственные ямы были сосредоточены на определенном участке к западу и югу от одного из жилищ. Очаги и хозяйственные наземные сооружения, от которых остались скопления ям от столбов, были расположены на южной периферии усадьбы. Между хозяйственными ямами и очагами на свободном пространстве в культурном слое наблюдалась концентрация отходов изготовления гребней (Обломский, 2004б, с. 26-27, рис. 52). Очевидно, там находилось рабочее место ремесленника.

По аналогии с Замятино-8, объект 5 раскопа 7 Ксизово-19, две области концентрации хозяйственных объектов к востоку от него вместе с зоной распространения выплесков бронзы и обрезков пластин составляют единую усадьбу, обитатель которой был ювелиром.

Могильник на западных раскопах Ксизово-19 полностью перекрывает поселение. Жизнь на западной оконечности селища, по всей видимости, прекратилась до того, как были совершены первые захоронения, поскольку в котлованах всех жилищ устроены свалки мусора, т.е. постройки были заброшены еще раньше. Развалины глинобитного наземного жилища, очевидно, были снивелированы до такой степени, что его следов на поверхности не осталось, иначе трудно объяснить факт перекрывания остатков постройки коллективным погребением (объект 1 раскопа 7).

Усадьбы к востоку от ложбины. Здесь выделяется не заселенный производственный участок гончара (см. выше), который занимает южную оконечность раскопа 1. В северной его части находится юртообразное жилище и концентрирующиеся около него сооружения: хозяйственная постройка 5, ямы 5, 14 и А, очаг около ямы А. К этому же дворохозяйству, видимо, относятся погребение собаки (скопление 2 и яма 3) и культовый объект «очаг 1» (рис. 3).

Севернее в южной части раскопа 6 находится жилище (постройка 2), а около него – ямы 13, 23 и 27. С этой же группой объектов, скорее всего, связан и очаг 3.

Следующая группа сооружений гуннского времени расположена в северной части раскопа 6. К ней относится жилище (постройка 1), ямы

1 и 8, очаги 2 и 4 и три скопления культурных остатков в слое поселения.

Могильник на этом участке перекрывает не всю исследованную площадь (подробнее см. главу 6). За его пределами фактически остался раскоп 1, кроме его западной оконечности, т.е. комплекс сооружений гончара и усадьба, центром которой было юртообразное жилище. Последнее, как было указано выше, по связанной с ней фибуле датируется не ранее середины V в. Необходимо отметить, что и гончарный горн и юртообразная постройка прекратили свое существование до финала поселения: оба сооружения были засыпаны мусором. После того, как они были заброшены, жизнь, очевидно, продолжалась на другом участке.

Итак, на поселении Ксизово-19 исследованы 7 усадеб. При этом наибольшей из них (как по площади, так и по количеству объектов) была усадьба ювелира.

Таблицы

Таблица 1. Массовый материал из объектов раскопа 2.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
Постройка 1	Заполнение	2		27	6	1		1	4		1	6
Постройка 1, яма 1	Заполнение			11	3			1				
Постройка 1 в целом		2/3		38/60	9/14	1/2		2/3	4/6		1/2	6/10
Яма 10	Заполнение			4					1			
Яма 11	Заполнение		1/4	14/52	2/7		2/7	2/7	4/16	2/7		
Яма 2	Заполнение	2		8	1			1				1
Яма 5	Заполнение			7	8		1			1		
Яма 7	Заполнение	1	5	4						2		
Яма 8	Заполнение			14/66			3/14	2/10	2/10			

Примечания: для столбцов 1-11 – количество/процент; 1 - керамика эпохи неолита; 2 - керамика эпохи бронзы; 3 - груболепная керамика с шамотом; 4 - груболепная керамика с шамотом и дресвой; 5 - груболепная керамика с шамотом и песком; 6 - груболепная керамика с дресвой; 7 - лепная лощеная керамика; 8 - гончарная лощеная керамика; 9 - гончарная нелощеная керамика; 10 - красный лак; 11 - гончарная керамика средневековой Руси.

Таблица 2. Ямы раскопа 2 2003 г.

№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/ по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки
2	Овальная	1,48 × 1,92/1,2 × 1,4	1,11	Черный гумус	Керамика, кости животных.
5	Округлая	1,6 × 1,96/ стенки почти отвесные	0,38	Черный гумус	Керамика (рис. 123: 7-9), кости животных.
7	Овальная	1,32 × 1,96/ 0,96 × 0,84	0,51 (на дне – две ступеньки)	Черный гумус	Керамика, кости животных.
11	Подовальная с одной ступенькой	1,68 × 2,12/ 1,32 × 1,30; размеры ступеньки – 0,4 × 1,2	0,65	Черный гумус	Керамика (рис. 124: 5,6), кости животных.

Таблица 3. Ямы раскопов 4, 7, 9 2008-2009 гг.

Раскоп/ год	№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки	Примечания
Зачистка обрыва 2008 г.	1	Овальная	1,1 × 0,8/ 0,9 × 0,7	0,61-0,81	Верх - линза серого суглинка толщиной до 12 см; низ - светло-серый гумусированный суглинок толщиной 20-30 см	Керамика, кости животных, отщеп кремня, 2 кусочка глиняной обмазки	
4/ 2008	3	Округлая	Диаметр 1,8 / 1,1	0,63-0,67	Черный гумус	Керамика, кости животных, 5 кусков очажной обмазки	
4/ 2008	6	Овальная	1,7 × 1,54	0,17-0,26	Черный гумус	Керамика, кости животных, 2 кусочка обмазки	Сверху перекрыта очагом 3 и скоплением 11, юго-западный край сливается с ямой 7
7/2008	4	Круглая	Диаметр 1,3-1,35/ 1,3-1,35	0,66-0,71	Черный гумус	Керамика, кости животных, камни,	Перекрывалась погребением 17
4/2009	11	Овальная	1,53 × 1,34/ 1,53 × 1,53	0,84	Серый гумус	Керамика, кости животных, выплеск бронзы, кусочек глиняной обмазки (рис. 153: 1)	
4/2009	13	Овальная	1,63 × 1,7/ 1,56 × 1,6	0,21-0,36	Серый гумус	Керамика, кости животных	
7/2009	8Б	Округлая	Диаметр 1,38-1,5/ стенки почти отвесные	0,38-0,4	Темно-серый гумус	Керамика, камни, кости животных отдельные куски обмазки	
7/2009	9	Овальная	1,3 × 1,12/ 1,14 × 1,07	0,12-0,15	Темно-серый гумус	Керамика, кусочек обмазки	Частично выходила за пределы раскопа, указаны размеры исследованной части

7/2009	10	Овальная в верхней части, округлая снизу	1,65 × 1,4/ диаметр 1,35	0,38-0,43	Темно-серый гумус, в западной части – линза переотложенной материковой глины толщиной до 0,4 м	Керамика, кости животных, точильный камень, 2 куска обмазки (рис. 153: 5, 10)	
7/2009	11А	Овальная	1,45 × 1,3/ стенки почти отвесные	0,17-0,3	Темно-серый гумус	Керамика, кости животных, 3 куска обмазки	
7/2009	11В	Овальная	1,5 × 1,4/ стенки почти отвесные	0,11-0,33	Темно-серый гумус	33 куска очажного пода, керамика, 2 куска обмазки (рис. 153: 3, 4,7)	
7/2009	13	Округлая	Диаметр 1,33/ 1,5	0,53-0,83	Темно-серый гумус	Керамика, точильный камень, 2 куска обмазки, железный шлак (рис. 153: 13)	
7/2009	14	Овальная	1,6 × 1,38/ 1,5 × 1,34	0,29-0,4	Темно-серый гумус	Керамика, кости животных, 6 кусков обмазки (рис. 153: 6, 8, 15, 16)	
7/2009	15	Овальная	1,1 × 0,97/ 1,17 × 1,12	0,69-0,74	Слой 1 – темно-серый гумус толщиной до 22 см; слой 2 – гумус с золой и обмазкой; слой 3 – придонная часть	Керамика, кости животных, 12 кусочков обмазки (рис. 153: 2, 9, 11-13)	
7/2009	16	Круглая	Диаметр 1,25-1,37/ стенки – почти отвесные	0,32-0,43	Темно-серый гумус, нижние 10-18 см содержали обмазку	Керамика, камни, кости животных (рис. 154: 1, 2, 4)	
7/2009	17	Круглая	Диаметр 1,28-1,3/ стенки почти отвесные	0,21-0,3	Темно-серый гумус с золой и обмазкой	Керамика, железный шлак	
7/2009	22	Овальная	1,72 × 1,5/ 1,6 × 1,4	0,26-0,47	Темно-серый гумус	Керамика, кость животных	В центральной части – скопление обмазки и 2-х камней
7/2009	24	Овальная	1,46 × 1,02/ стенки почти отвесные	0,3-0,4	Темно-серый гумус	Керамика, на дне развалы горшка и миски (рис. 154: 3, 5-7)	

7/2009	31	Овальная	1,38 × 1,26/ стенки почти отвесные	0,62-0,64	Темно-серый гумус	Кости животных, камни, на дне развал плохо сохранившегося гончарного чернолощеного сосуда	Частично выходит за пределы раскопа, указаны размеры исследованной части
7/2009	36	Округлая	Диаметр 1,4/ 1,3-1,34	0,45-0,49	Темный гумус	Керамика, кости животных	
7/2009	37	Круглая	Диаметр 1,5/ 1,3	0,53, в основании – ступенька	Темный гумус	Керамика, кости животных (рис. 155: 1, 3, 6, 7)	
7/2009	39	Круглая	1,4 × 1,32/ стенки почти отвестные	0,17-0,22, в основании – ступенька	Чернозем	Керамика, кости животных (рис. 155: 2, 4, 5)	В верхней части ямы и над ней – скопление 20 (керамика, камни) (рис. 155: 8-12).
9/2009	8	Овальная	1,4 × 1,5/ 1,2 × 1,3	0,39-0,49	Черный гумус	Кости животных, керамика, 4 обрезка бронзовых пластин	
9/2009	38	Овальная	1,2 × 1,4-1,5	0,28-0,34	Темный гумус	Керамика, кости животных	Частично выходит за пределы раскопа, указаны размеры исследованной части

Таблица 4. Массовый материал из объектов гуннского времени раскопа 4 2008 г.

Объект, участок культурного слоя	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
Объект 2	скопление костей	5								2		2
Очаг 1		3		2								
Очаг 2	2-ой уровень пода	1										
Очаг 3		4			1				1			
Скопление 10		9		2	4		3	4			1	
Скопление 11		2										
Скопление 2		15		1	1			1				3
Скопление 3 и 4		42	1	1	9	1	3					
Скопление 7		2										
Скопление 8		9										
Скопление 9		6	1					1				
Скопление 5		2										
Скопление 6		5				17						
Яма 1	заполнение	6			3	1		1				3
Яма 2	заполнение	8	5					2		1		6

Яма 3	заполнение	2			5	1	2	2				5 кусков очага
Яма 6	заполнение	6			1		2	1				2

Примечания: 1 – груболепная керамика с шамотом; 2 – груболепная керамика с шамотом и железной рудой; 3 – груболепная керамика с шамотом и известняком; 4 – груболепная керамика с шамотом и дресвой; 5 – лепная лощеная керамика; 6 – неопределимая керамика; 7 – сероглиняная гончарная лощеная керамика; 8 – сероглиняная гончарная шероховатая керамика; 9 – фрагменты амфор; 10 – железный шлак; 11 – обмазка.

Таблица 5. Массовый материал гуннского времени из объектов раскопа 7 2008 г.

Объект, участок культурного слоя	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
Объект 1	верх заполнения (над слоем обмазки)	13	4	2	1	5		4				
Объект 1	из завала обмазки	32			31	14	31	16		3		
Объект 1	из-под завала обмазки	2			13	6	15	4				
Объект 1	из-под скелетов					2				1		
Объект 1 в целом		47/24	4/2	2/1	45/22	27/14	46/23	24/12		4/2		
Объект 2	верх заполнения	78	1	1		21	76	1				
Объект 2	заполнение	131	2	3		28	101	1	3		2	
Объект 2	пол	50				25	30	1			1	
Скопление 1		65		2		18	16	5	3	4	1	4
Скопление 5		11		2	5	75	28					
Объект 2 в целом		335/40	3/1	8/2	5/1	167/20	251/30	8/2	6/1	4/1	4/1	4/1
Скопление 2								2				
Яма 4	заполнение	21/45		1/2	1/2	4/8	13/27	1/2		2/4		5/10

Примечания: для столбцов 1-11 – количество/процент; 1 – груболепная керамика с шамотом; 2 – груболепная керамика с шамотом и железной рудой; 3 – груболепная керамика с шамотом и известняком; 4 – груболепная керамика с шамотом и дресвой; 5 – лепная лощеная керамика; 6 – неопределимая керамика; 7 – сероглиняная гончарная лощеная керамика; 8 – сероглиняная гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 9 – фрагменты амфор; 10 – железный шлак; 11 – обмазка.

Таблица 6. Массовый материал из объектов гуннского времени раскопа 4 2009 г.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Скопление 19		1	7	1		
яма 11	заполнение	1	9		1	6
яма 13	заполнение		1		2	

Примечания: 1 – обмазка; 2 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 3 – лепная лощеная керамика; 4 – гончарная шероховатая керамика середины 1 тыс.; 5 – гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.

Таблица 7. Массовый материал гуннского времени из объектов раскопа 7 2009 г.

Участок/объект	Глубина в м	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
Очаг 1	слой под очагом												
Скопление 6				6		1	2				1		
Скопление 7			12	1									
Скопление 7	уровень скопления (между камней и рядом)		5	17	4	11	3				4	1	
Скопление 8			20	36		4			5		2		
яма 36	заполнение			3	1	2					1	1	
яма 37	заполнение			10		3	1	2			3		
яма 39	заполнение	2/4			35/66		11/21		2/4		2/4	1/2	
скопление 11			1	15						4	5		
яма 8Б	слой 1		7	7									
яма 8Б	слой 2		2	12				1		2			
Яма 8Б в целом			9	19/86				1/5		2/9			
яма 9	заполнение		1	8							2		
яма 10	слой 1		3	18	1						2	1	
яма 10	слой 2		2	6				2			3		
Яма 10 в целом			5	24/73	1/3			2/6			5/15	1/3	
яма 11А	заполнение		3	19							1		
яма 11В	слой 1		33	2							1	1	
яма 11В	слой 2		2	14							2		
яма 12	заполнение		428	53/81				2/3		1/2	9/14		
яма 13	слой 1			4									
яма 13	слой 2		2	3						2	1		1
яма 14	слой 1		4	6									
яма 14	слой 2			6	1	1				1			
яма 14	слой 3		2	6								1	
яма 14	0,6-0,8		75	6						1			
Яма 14 в целом			81	24/83	1/3	1/3				2/8		1/3	
яма 15	слой 1		16	7						1	1		
яма 15	слой 2		162	21								1	
яма 15	слой 3		12	16	1					1	1	1	
Яма 15 в целом			190	44/86	1/2					2/4	2/4	2/4	
яма 16	заполнение	1	1	2	1 раз-вал					4	1		
яма 17	заполнение		198	5				2	1		3		1
яма 22	заполнение		62	19/79				1/4		1/4	3/13		
яма 24	заполнение		1	14				1		1	1	2	
объект 5, слой над постройкой													
А», III-IV	0,6-0,8		7	94				2	1	7	5	1	

объект 5, А»-Б», II	слой 1		6	51				3		3	2		
объект 5, А»-Б», III-IV	слой 1		1	24				1		1	5		1
объект 5, северный участок А»-Б», II, заполнение	слой 2			9						1	2		
объект 5, заполнение АБА»II	слой 2			19	1			1			1		
объект 5	дно		4	12				1 развал		2	1		
объект 5, хозяйственная яма	слой 2			2									
Объект 5 в целом			11	117/83	1/1			6/4		7/5	10/7		

Примечания: 1 – неопределимые фр-ты; 2 – обмазка; 3 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 4 – лепная керамика с примесью шамота и известняка в тесте; 5 – лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 6 – лепная керамика с примесью шамота и руды в тесте; 7 – лепная лощеная керамика; 8 – лепная подлощенная керамика; 9 – гончарная шероховатая керамика середины 1 тыс.; 10 – гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.; 11 – амфоры; 12 – шлак.

Таблица 8. Массовый материал гуннского времени из объектов раскопа 9 2009 г.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
Объект 6	верх заполнения		1		1	3				1			
Объект 6	низ заполнения			7		7		3		1			
Объект 6	заполнение			1									
Объект 6 в целом			1	8/33	1/4	10/42		3/13		2/8			
Скопление 13		2		3		3							
Скопление 16				11		3				2	3		
Скопление 17				3		1					3	1	
Яма 21	скопление материала			10		7		2	1			1	
яма 21	заполнение	12	2	103	2	46	3	5	2	3	20	1	
Яма 21 в целом		12/6	2	113/53	2/1	53/24	3/1	7/3	3/1	3/1	20/9	2/1	
яма 38	заполнение			2		1				1			1
Яма 8	заполнение			10/31		13/41	7/22				2/6		

Примечания: для столбцов 1-12 – количество/процент; 1 – неопределимые фр-ты; 2 – обмазка; 3 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 4 – лепная керамика с примесью шамота и известняка в тесте; 5 – лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 6 – лепная керамика с примесью шамота и руды в тесте; 7 – лепная лощеная керамика; 12 -; 8 – лепная подлощенная керамика; 9 – гончарная шероховатая керамика середины 1 тыс.; 10 гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.; 11 – амфоры; 12 – шлак.

Таблица 9. Ямы раскопа 1 2003-2004 г.

№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки	Примечания
1 2003 г.	Овальная	1,6 × 1,2/1,5 × 1,15	0,4-0,58	Темный гусус	Керамика, кости животных (рис. 168: 1)	Кости концентрировались в западной части ямы, выше нее в культурном слое – скопление костей и керамики 1
8 2003 г.	Не понятна: контуры терялись в культурном слое, частично перекрыта ямой 12	Не менее, чем 0,8 × 0,37 м	0,2	Черный гумус	Керамика, опиленный рог, обломок грузила (рис. 168: 8,9)	
9 2003 г.	Овальная	1,42 х 1,5, стенки почти отвесные	0,41-0,58	Темный гумус	Керамика, кости животных	
10 2003 г.	Круглая, в пределы раскопа вошла частично	Диаметр исследованного участка: 1,75 / 1,4	0,68	Темный гумус	Керамика, кости животных (рис. 172: 10)	Выше ямы в культурном слое – скопление 8 (кости животных, камни, обмазка, керамика, железный нож)
11 2003 г.	Овальная	1,6 × 1,43/ 1,48 × 1,2	0,33-0,66	Темный гумус	Керамика, кости животных, обломок грузила (рис. 172: 1-9)	
14 2004 г.	Круглая	1,24-1,28 / стенки почти отвесные	0,1-0,15	Серый гумусированный суглинок	Керамика, кости животных	Выше ямы в культурном слое – скопление 13 (кости животных, камни, обмазка, керамика)

Таблица 10. Массовый материал из объектов раскопа 1 2003 гг.

Участок/объект	Глубина (в м)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
«Очаг 1» .	Заполнение		28									
«Постройка 2»	Заполнение	1/4	15/63	1/1		3/13			2/8			2/8
Яма 1	Заполнение		4				3					
Яма 4	Заполнение	10	8				3					
Яма 8	Заполнение		1						1			
Яма 9	Заполнение	5	5									
Яма 10	Заполнение		8									
Яма 11	Заполнение		114/75	18/12		1/1	9/6	1/2	4/3	1/1	2/1	
Яма А	Заполнение		5					2				

Примечания: для столбцов 1-11 – количество/процент; 1 – керамика эпохи неолита-бронзы; 2 – лепная керамика с шамотом; 3 – лепная керамика с шамотом и дресвой; 4 – лепная керамика с шамотом и песком; 5 – лепная керамика с песком; 6 – лепная керамика с дресвой; 7 – лепная лощеная керамика; 8 – гончарная лощеная керамика; 9 – гончарная нелощеная керамика; 10 – фр-ты амфор; 11 – гончарная керамика средневековой Руси.

Таблица 11. Массовый материал из объектов раскопа 1 2004 г.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Постройка 4	пол		1		3	1			
Постройка 4	заполнение	1	18	25	19		4	6	3
Скопление 16					4			18	
Скопление 18			5	11	8	1		3	
Скопление 21			10						
Яма 20	заполнение		5	4					
Яма 21	заполнение		2		3			1	
Постройка 4 в целом									
		1/1	41/26	40/25	37/24	2/1	4/3	28/18	3/2
Скопление 12			6	4		3	3	1	
Яма 14	заполнение		1	3		1			

Примечания: столбцы 1-8 – количество/процент; 1 – керамика эпохи бронзы; 2 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 3 – груболепная керамика с шамотом и дресвой в тесте; 4 – груболепная керамика с дресвой в тесте; 5 – лепная лощеная керамика; 6 – гончарная лощеная керамика; 7 – гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 8 – гончарная керамика Древней Руси.

Таблица 12. Ямы раскопа 6 2008-2010 г.

№	Форма в плане	Размеры по верхнему краю/по дну (в м)	Глубина в м	Заполнение	Находки	Примечания
1 раскопа 6 2009 г.	Круглая	1,34 х 1,50 /, 1,28 х 1,45	0,28-0,40	Темно-серый гумусированный суглинок	2 костяные проколки, керамика, кости животных (рис. 181: 6-8).	
8 раскопа 6 2009 г.	Круглая	1,05 в верхней части	0,11-0,22 м	Серый гумусированный суглинок	Керамика, кости животных (рис. 182: 1,4).	Прослежена с культурном слое, в заполнении – 2 скопления (камней и керамики)
13 раскопа 6 2010 г.	Круглая	2, стенки почти отвесные	0,2-0,27	Однородный чернозем	Керамика, кости животных	
23 раскопа 6 2010 г.	Овальная	1,4 х 1,25/1,3 х 0,96	0,3-0,43	Однородный чернозем	Керамика	

Таблица 13. Массовый материал из объектов раскопа 6 2009 г.

Участок/ объект	Глубина	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
скопление 4				18					1			2	81		
Очаг 2	уровень камней в основании			3					3				1		
Очаг 2	заполнение			2					2						
Постройка 1	заполнение	34		50	3	5	1		3		5	3	1	3	2
Постройка 1	уровень очага 1	26	14	109	4	3			1			6			
Постройка 1	скопление керамики		3	18	1	3						1	1		
Постройка 1 в целом		60/21	17	177/62	8/3	11/4			4/1		5/2	10/4	2/1	3/1	2/1
Яма 1	верх заполнения	4		2					2			4			
Яма 1	низ заполнения	9		4		2						2			
Яма 1 в целом		13/44		6/21		2/7			2/7			6/21			
Яма 8	заполнение	11/44	1	5/20	3/12	3/12		1/4		1/4				1/4	

Примечания: столбцы 1-14 – количество/процент; 1 – неопределимые фр-ты; 2 – обмазка; 3 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 4 – лепная керамика с примесью шамота и известняка в тесте; 5 – лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 6 – лепная керамика с примесью шамота и руды в тесте; 7 – лепная керамика с примесью известняка в тесте; 8 – лепная керамика с примесью дресвы (иногда железной руды) в тесте; 9 – лепная керамика с примесью песка в тесте; 10 – лепная керамика без выраженных примесей; 11 – лепная лощеная керамика; 12 – лепная подлощенная керамика; 13 – гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.; 14 – гончарная древнерусская керамика.

Таблица 14. Массовый материал из объектов раскопа 6 2010 г.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
Очаг 4				7							1
Постройка 2	заполнение			12/41		3/10	10/33	3/10		1/3	1/3
Скопление 7		10		5			4				
Скопление 8				1		1					
Скопление 10				7			1				
Скопление 13				3			2				4
Скопление 14					развал						
Скопление 15		7	1	14		11	4	1			
Скопление 16				14		2	3	1			
Скопление 18				5		2		2	1		
Яма 13	заполнение			3			2				1
Яма 23	заполнение			4			5			1	1
Яма 27	заполнение	1		8				1			

Примечания: 1 – неопределимые фр-ты; 2 – обмазка; 3 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 4 – лепная керамика с примесью шамота и известняка в тесте; 5 – лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 6 – лепная керамика с примесью дресвы (иногда железной руды) в тесте; 7 – лепная лощенная керамика; 8 – лепная подлощенная керамика; 9 – гончарная шероховатая керамика; 10 – гончарная лощеная керамика.

Таблица 15. Массовый материал из объектов раскопов 8 2009 г. и 10 2010 г.

Участок/объект	Глубина	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
Яма 1 раскопа 8	заполнение	2	23			1						2
«Погребение 71» раскопа 10	дно		14			15	2	2		2		
«Погребение 71» раскопа 10	заполнение		6	1		27	2				3	
Яма 1 раскопа 10	заполнение		25		1	11	14		3	1		

Примечания: 1 – обмазка; 2 – лепная керамика с примесью шамота в тесте; 3 – лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте; 4 – лепная керамика с примесью известняка в тесте; 5 – лепная керамика с примесью дресвы (иногда железной руды) в тесте; 6 – лепная лощеная керамика; 7 – лепная подлощенная керамика; 8 – гончарная шероховатая керамика середины 1 тыс.; 9 – гончарная лощеная керамика середины 1 тыс.; 10 – амфоры; 11 – железный шлак.

Таблица 16. Соотношение основных групп керамики гуннского времени из культурного слоя поселения Ксизово-19.

Год	Раскоп	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
2003	1	370	72		27	78	54	3
		61%	12%	0%	4%	13%	9%	0%
2003	2	133	37		34	8		
		63%	17%	0%	16%	4%	0%	0%
2004	1	383	223		27	51	112	7
		48%	28%	0%	3%	6%	14%	1%
2008	3	131	73	15	14	50	24	2
		42%	24%	5%	5%	16%	8%	1%
2008	4	439	205	78	73	123	36	21
		45%	21%	8%	7%	13%	4%	2%
2008	5	148	36	3	9	76	25	3
		49%	12%	1%	3%	25%	8%	1%
2008	6	251	46	8	16	38	8	3
		68%	12%	2%	4%	10%	2%	1%
2008	7	834	121	26	101	118	41	36
		65%	9%	2%	8%	9%	3%	3%
2009	4	587	25		25	83	56	28
		73%	3%	0%	3%	10%	7%	3%
2009	6	1081	96	108	312	149	25	6
		61%	5%	6%	18%	8%	1%	0%
2009	7 северная часть	1671	958	182	135	498	304	66
		44%	25%	5%	4%	13%	8%	2%

2009	7 южная часть	2083	82	2	148	315	285	73
		70%	3%	0%	5%	11%	10%	2%
2009	8	5		3	1			
2009	9	684	401	84	49	134	70	27
		47%	28%	6%	3%	9%	5%	2%
2010	6	2927	1141	116	393	275	81	21
		59%	23%	2%	8%	6%	2%	0%
2010	10	94	26	2	8	23	3	2
		59%	16%	1%	5%	15%	2%	1%
Всего по памятнику		11821	3542	627	1372	2019	1124	298
		57%	17%	3%	7%	10%	5%	1%

Примечания: в верхней строчке по каждому раскопу указано количество черепков, ниже – процент от общего количества керамики гуннского периода по раскопу или его участку; 1 – груболепная керамика с шамотом; 2 – грубоепная керамика с шамотом и дресвой (иногда с рудой); 3 – грубоепная керамика с шамотом и известняком; 4 – лепная лощеная керамика; 5 – гончарная лощеная керамика; 6 – гончарная нелощеная керамика; 7 – фр-ты амфор.

Таблица 17. Типологическое определение груболепной керамики киевской традиции.

Рисунок: №	Таксон	Рисунок, №	Таксон
123: 6	I,1,а,а	186:14	I,1,а,а
125: 1	I,1,а,а	186:16	I,1,а,а
125: 4	I,1,а,а	186:17	I,1,а,а
127: 7	I,1,а,а	187:1	I,1,а,а
130: 2	I,1,а,а	187:2	I,1,а,а
132: 1	I,1,а,а	187:4	I,1,а,а
132: 3	I,1,а,а	187:6	I,1,а,а
134: 2	I,1,а,а	187:7	I,1,а,а
134: 4	I,1,а,а	Обломский, 2006; рис. 3:5	I,1,а,а
134: 16	I,1,а,а	176:6	I,1,а,а
135: 4	I,1,а,а	176:4	I,1,а,а
135: 6	I,1,а,а	179:6	I,1,а,а
142: 3	I,1,а,а	131:3	I,1,а,а особая форма
144: 2	I,1,а,а	151:1	I,1,а,а особая форма
147: 7	I,1,а,а	152:3	I,1,а,а особая форма
147: 5	I,1,а,а	178:1	I,1,а,а особая форма
150: 6	I,1,а,а	185:7	I,1,а,а особая форма
152: 4	I,1,а,а	185: 8	I,1,а,а особая форма
153: 7	I,1,а,а	144: 1	I,1,а,б
153: 11	I,1,а,а	153: 4	I,1,а,б
153: 16	I,1,а,а	155: 5	I,1,б
154: 1	I,1,а,а	123: 5	I,3-а
155: 9	I,1,а,а	134: 3	I,3-а
156: 1	I,1,а,а	147: 9	I,3-а

156: 3	I,1,а,а	157: 1	I,3-а
156: 4	I,1,а,а	173: 1	I,3-а
157: 2	I,1,а,а	173: 3	I,3-а
157: 3	I,1,а,а	173: 5	I,3-а
158: 1	I,1,а,а	184: 4	I,3-а
158: 3	I,1,а,а	184: 12	I,3-а
158: 4	I,1,а,а	186: 15	I,3-а
158: 5	I,1,а,а	135: 8	I,3-б
158: 6	I,1,а,а	142: 1	I,3-б
158: 7	I,1,а,а	155: 6	I,3-б
158: 8	I,1,а,а	156: 6	I,3-б
158: 9	I,1,а,а	157: 13	I,3-б
158: 12	I,1,а,а	172: 7	I,3-б
160: 1	I,1,а,а	173: 6	I,3-б
160: 2	I,1,а,а	186: 7	I,3-б
160: 4	I,1,а,а	187: 3	I,3-б
160: 5	I,1,а,а	(Земцов, 2004, рис. 118: 7)	I,3-б
160: 7	I,1,а,а	187: 11	I,4,а
160: 8	I,1,а,а	132: 9	I,4,б
160: 9	I,1,а,а	153: 12	I,4,б
162: 1	I,1,а,а	157: 7	I,4,б
162: 2	I,1,а,а	187: 14	I,4,б
162: 3	I,1,а,а	127: 1	II,1
172: 12	I,1,а,а	142: 7	II,1
173: 2	I,1,а,а	160: 14	II,1
176: 2	I,1,а,а	160: 18	II,1
176: 3	I,1,а,а	170: 2	II,1
176: 7	I,1,а,а	182: 9	II,1
179: 4	I,1,а,а	184: 15	II,1
179: 5	I,1,а,а	187: 8	II,1
180: 1	I,1,а,а	132: 2	II,2,а
182: 2	I,1,а,а	125: 7	II,5
182: 3	I,1,а,а	123: 3	миска-плошка
182: 5	I,1,а,а	173: 7	миска-плошка
184: 1	I,1,а,а	187: 15	миска-плошка
184: 2	I,1,а,а	134: 1	миска-плошка I
184: 3	I,1,а,а	157: 5	миска-плошка II
184: 5	I,1,а,а	160: 19	Миска-плошка II
184: 6	I,1,а,а	162: 6	Миска-плошка II
184: 7	I,1,а,а	168: 7	Миска-плошка II
184: 8	I,1,а,а	157: 6	диск I
184: 9	I,1,а,а	168: 6	диск I
184: 10	I,1,а,а	182: 6	диск I
184: 11	I,1,а,а	186: 13	диск I
184: 13	I,1,а,а	142: 6	диск II
186: 1	I,1,а,а	157: 15	диск II

186: 2	I,1,а,а	157: 16	диск II
186: 3	I,1,а,а	157: 17	диск II
186: 4	I,1,а,а	172: 3	диск II
186: 5	I,1,а,а	172: 4	диск II
186: 6	I,1,а,а	172: 5	диск II
186: 9	I,1,а,а	172: 6	диск II
186: 10	I,1,а,а	173: 10	диск II
186: 11	I,1,а,а	173: 11	диск II
186: 12	I,1,а,а	173: 12	диск II
		182: 7	диск II

Таблица 18. Основные пропорциональные соотношения груболепных сосудов киевской традиции.

Таксон формы	Пропорциональные соотношения	Памятники типа Шишино-5-Шмырево (пропорции \кол-во измеренных сосудов)	Памятники типа Букреевка-Тазово (пропорции \кол-во измеренных сосудов)	Замятино-5 (пропорции \кол-во измеренных сосудов)	Замятино-7 (пропорции \кол-во измеренных сосудов)	Замятино-8 (пропорции \кол-во измеренных сосудов)	Ксизово-19
(пропорции\ кол-во измеренных сосудов							
I,1,а,а; I,1,а,б	Д1:Н2	1,18-3,13; 4,67-5,43 \39 шт.	1,4-3,48; 4,35 \27 шт.	1,67; 1,9; 2,6; 4,2 \4 экз.	2,24; 2,83 \2 шт.	1,52-3,43 \12 шт.	1,37-4 \43 шт.
	Д2:Н2	1,15-3,05; 4,13-4,86	1,3-3,22; 4,24	1,44; 1,76; 2,33; 3,95	1,9; 2,57	1,38-3,14	1,18-3,66
	Д3:Н2	1,72-3,46; 4,33-5,14	1,72-3,75; 4,75	1,78; 2,17; 2,56; 4,55	2,33; 3,22	1,61-3,52	1,67-4,16
I,1,б	Д1:Н2	1,67; 2; 2,55; 2,8 \4 шт.	1,18; 2,06	нет измеренных	форма отсутствует	нет измеренных	1,47 \1 шт.
	Д2:Н2	1,67; 1,97; 2,51; 2,76	1,18; 2,22				1,47
	Д3:Н2	2,28; 2,32; 2,87; 3,1	1,65; 2,63				2
I,3-а	Д1:Н2	1,5-4 \6 шт.	1-2,86 \12 шт.	нет измеренных	нет измеренных	3,76; 3,77 \2 шт.	1,18-2,9 \4 шт.
	Д2:Н2	1,45-3,94	0,92-2,69			3,7; 3,7	1,02-2,83
	Д3:Н2	1,65-4,17	1-3,29			3,98; 3,85	1,47-3,1
I,3-б	Д1:Н2	2-6,7 \22 шт.; пропорции 17 шт. – 2-4,3	2,26-4,17 \6 шт.	форма отсутствует	нет измеренных	3,2; 3,76 \2 шт.	2,03-3,74 \10 шт.
	Д2:Н2	1,75-6,36 (пропорции 17 шт. – 1,75-4)	2,11-3,54			2,96; 3,53	1,81-3,55

	Д3:Н2	1,83-6,4 (пропорции 17 шт. – 1,83-3,78)	2,15-3,33			3,16; 3,72	1,74-3,68
I,4,а	Д1:Н2	2,74 \1 шт.	2,17-7,39 \7 шт.	форма отсутствует	5,6 \1 шт.	3,93 \1 шт.	2,67 \1 шт.
	Д3:Н2	3,14	2,22-9,35		6,12	4,29	3
I,4,б	Д1:Н2	форма отсутствует	3,5; 5,67; 9,58 \3 шт.	форма отсутствует	2,8 \1 шт.	нет измеренных	4,07 \1 шт.
	Д3:Н2		3,5; 5,67; 10		2,96		4,3
II,1	Д1:Н2	1,08-4,17 \4 шт.	1,75-5,25 \6 шт.	нет измеренных	3,3; 4,78 \2 шт.	2,62 \1 шт.	1,81-2,76 \6 шт.
	Д2:Н2	1,04-3,62	1,58-4,85		3,1; 4,56	2,3	1,69-2,44
	Д3:Н2	1,78-3,88	1,88-5,05		3,5; 4,91	2,74	2,09-2,82
II,2,а; II,2,б	Д1:Н2	1,52; 2,29 \2 шт.	форма отсутствует	нет измеренных	форма отсутствует	нет измеренных	2,1 \1шт.
	Д2:Н2	1,52; 2,29					1,93
	Д3:Н2	2,05; 2,65					2,4

Таблица 19. Структура керамического набора сосудов киевской традиции.

Типы сосудов/ название памятника	Боромля-2 (%)	Гочево-3 (%)	Букреевка-2(%)	Тазово (%)	Авдеево (%)	Замятино-7 (%)	Замятино-8 (%)	Замятино-5 (%)	Ксизово-19 (%)
I,I,а,а; I,1,а,б	30	31	32	56	62	52	67	72	62
I,I,б	-	3	-	-	6	-	1	3	1
I,3-а	19	15	6	12		15	9	8	6
I,3-б	5	2	8	4	6	4	3	-	6
I,4,а	-	2	15	-	6	7	4	-	1
I,4,б	3	3	-	8	-	4	1	-	3
I,4,г	-	-	-	-	-	-	1	-	-
II,1	5	5	5	-	14	7	1	3	5
II,2,а; II,2,б	11	3	6	-	-	-	1	3	1
II,5	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Миски-плошки	22	30	28	4	6	11	4	-	4
диски	5	4	-	16	-	-	7	13	10

Таблица 20. Типологическое определение груболепной керамики черняховской, окской, степной и местной традиций.

Рисунок: №	Таксон	Рисунок: №	Таксон
125: 2	I,5	185: 3	II,3
144: 6	I,5	131: 2	I,1,в
160: 3	I,5	155: 3	I,1,в
170: 1	I,5	158: 11	I,1,в
172: 1	I,5	160: 15	I,1,в
187: 13	I,5	187: 9	I,1,в
123: 7	I,6	153: 5	I,1,г
124: 6	I,6	153: 8	I,1,г
130: 8	I,6	153: 9	I,1,г
152: 5	I,6	154: 2	I,1,г
156: 11	I,6	160: 13	I,1,г
158: 10	I,6	160: 17	I,1,г
160: 16	I,6	162: 4	I,1,г
172: 11	I,6	162: 5	I,1,г
173: 9	I,6	166: 1	I,1,г
173: 8	I,6	182: 1	I,1,г
185: 4	I,6	187: 12	I,1,г
186: 5	I,6	132: 4	степной вариант 2
185: 6	I,6	151: 2	степной вариант 2
187: 10	I,6	154: 7	степной вариант 2
(Обломский, 2006; рис. 3: 1)	I,6	157: 4	степной вариант 2
(Обломский, 2006; рис. 3: 2)	I,6	180: 4	степной вариант 2
157: 14	II,3	131: 6	груболепная округлобокая миска
157: 18	II,3	160: 6	груболепная округлобокая миска
160: 12	II,3	184: 14	груболепная округлобокая миска
168: 3	II,3	157: 8	груболепная ребристая миска
185: 1	II,3	172: 2	груболепная ребристая миска

Таблица 21. Типологическое определение лепной столовой керамики.

Рисунок: №	Таксон	Характер поверхности
130: 15	Тип 1 вариант 1	Лощеная
135: 5	Тип 1 вариант 1	Лощеная
152: 1	Тип 1 вариант 1	Лощеная
157: 9	Тип 1 вариант 1	Лощеная
157: 11	Тип 1 вариант 1	Лощеная
159: 1	Тип 1 вариант 1	Лощеная
159: 3	Тип 1 вариант 1	Лощеная
159: 4	Тип 1 вариант 1	Лощеная
179: 3	Тип 1 вариант 1	Лощеная
195: 3	Тип 1 вариант 1	Лощеная

130: 14	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
171: 1	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
130: 10	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
185: 9	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
179: 1	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
182: 11	Тип 1 вариант 1	Подлощенная
159: 2	Тип 1 вариант 2	Лощеная
159: 5	Тип 1 вариант 2	Лощеная
162: 7	Тип 1 вариант 2	Лощеная
188: 11	Тип 1 вариант 2	Лощеная
125: 3	Тип 1 или 2	Лощеная
185: 11	Тип 1 или 2	Лощеная
185: 12	Тип 1 или 2	Лощеная
131: 1	Тип 2	Лощеная
135: 2	Тип 2	Лощеная
142: 4	Тип 2	Лощеная
156: 9	Тип 2	Лощеная
162: 8	Тип 2	Лощеная
174: 1	Тип 2	Лощеная
176: 8	Тип 2	Лощеная
182: 10	Тип 2	Лощеная
188: 12	Тип 2	Лощеная
159: 7	Тип 2	Подлощенная
127: 3	Тип 3	Лощеная
155: 11	Тип 3	Лощеная
156: 10	Тип 3	Лощеная
158: 25	Тип 3	Лощеная
158: 29	Тип 3	Лощеная
181: 8	Тип 3	Лощеная
185: 13	Тип 3	Лощеная
185: 14	Тип 3	Лощеная
185: 15	Тип 3	Лощеная
188: 3	Тип 3	Лощеная
188: 4	Тип 3	Лощеная
188: 5	Тип 3	Лощеная
188: 10	Тип 3	Лощеная
125: 6	Тип 4	Лощеная
152: 6	Тип 4	Лощеная
152: 7	Тип 4	Лощеная
154: 5	Тип 4	Лощеная
154: 6	Тип 4	Лощеная
155: 1	Тип 4	Лощеная
158: 19	Тип 4	Лощеная
158: 20	Тип 4	Лощеная
158: 21	Тип 4	Лощеная
158: 22	Тип 4	Лощеная

158: 23	Тип 4	Лощеная
158: 24	Тип 4	Лощеная
158: 26	Тип 4	Лощеная
158: 27	Тип 4	Лощеная
162: 11	Тип 4	Лощеная
162: 12	Тип 4	Лощеная
174: 3	Тип 4	Лощеная
185: 16	Тип 4	Лощеная
185: 17	Тип 4	Лощеная
188: 6	Тип 4	Лощеная
188: 7	Тип 4	Лощеная
188: 8	Тип 4	Лощеная
195: 1	Тип 4	Лощеная
174: 4	Тип 4	Подлощенная
134: 11	Тип 5 вариант 1	Лощеная
162: 10	Тип 5 вариант 1	Лощеная
161: 3	Тип 5 вариант 1	Лощеная верхняя часть и шероховатая нижняя
134: 5	Тип 5 вариант 1	Подлощенная
127: 5	Тип 5 вариант 2	Лощеная
162: 9	Тип 5 вариант 2	Лощеная
182: 8	Тип 5 вариант 2	Лощеная
134: 15	Тип 5 вариант 2	Лощеная
150: 4	Тип 5 вариант 2	Лощеная
159: 6	Тип 5 вариант 2	Подлощенная
179: 2	Тип 5 вариант 2	Подлощенная
185: 10	Тип 5 вариант 2	Подлощенная
142: 5	Тип 5 вариант 3	Подлощенная
158: 28	Тип 7	Лощеный
174: 2	Тип 7	Лощеный
188: 9	Тип 7	Лощеный
188: 13	диск 1	Подлощенный
188: 14	диск 1	Подлощенный
130: 12	Тип 9	Лощеная
157: 10	Тип 9	Лощеная
161: 1	Тип 9	Лощеная
130: 6	Тип 9	Подлощенная
161: 2	причерноморская форма с каннелюрами	Лощеная
188: 2	причерноморская форма с ручкой	Лощеная

Таблица 22. Сочетание лепной керамики разных традиций в объектах поселения Ксизово-19.

Объект	Груболепная керамика, таксон – кол-во экз. (рисунок: №)	Традиция груболепной посуды	Столовая керамика, таксон – кол-во экз. (рисунок: №)	Традиция столовой посуды
Объект 1 раскопа 7 2008 г.	I,1,а,а – 1 экз. (127: 7)	киевская	3 – 1 экз. (127: 3)	окская
			5,2 – 1 экз. (127: 5)	окская
Объект 2 раскопа 7 2008	I,1,а,а – 3 экз. (130: 2; 132: 1; 132: 3)	киевская	1,1 – 3 экз. (130: 10,14,15)	окская
	I,1,а,а особая форма – 1 экз. (131: 3)	киевская	9 – 1 экз. (130: 6,12)	неопределимая
	I,1,в – 1 экз. (131: 2)	черняховская	2 – 1 экз. (131: 1)	окская
	Округлобокая миска – 1 экз. (131: 6)	местная		
	I,1,г – 1 экз. (130: 8)	окская		
	I,4,б – 1 экз. (130: 9)	киевская		
	I,6 – 1 экз. (130: 8)	окская		
	II,2,а – 1 экз. (132: 2)	киевская		
	степной вариант 2 – 1 экз. (132: 4)	степная		
Объект 5 раскопа 7 2009 г.	I,1,а,а – 2 экз. (134: 15; 136: 4)	киевская	5,2 – 1 экз. (134: 15)	окская
			1,1 – 1 экз. (135: 5)	окская
			2 – 1 экз. (135: 2)	окская
Скопления у очагов 2 и 3 раскопа 4 2008 г.	I,1,а,а – 1 экз. (142: 3)	киевская	2 – 1 экз. (142: 4)	окская
	I,3-б – 1 экз. (142: 1)	киевская	5,3 – 1 экз. (142: 5)	киевская
	II,1 – 1 экз. (142: 7)	киевская		
	диск II – 1 экз. (142: 6)	киевская		
Яма 12 раскопа 7 2009 г.	I,1,а,а – 1 экз. (150: 6)	киевская	5,2 – 1 экз. (150: 4)	окская
Яма 21 и скопление 15 раскопа 9 2009 г.	I,1,а,а особая форма – 1 экз. (152: 3)	киевская	1,1 – 1 экз. (152: 1)	окская
	I,1,а,а – 1 экз. (152: 4)	киевская	4 – 2 экз. (152: 6,7)	окская
	I,6 – 1 экз. (152: 5)	окская		
	степной вариант 2 – 1 экз. (152: 2)	степная		
Яма 16 раскопа 7 2009 г.	I,1,а,а – 1 экз. (154: 1)	киевская		
	I,1,г – 1 экз. (154: 2)	черняховская		
Яма 24 раскопа 7 2009 г.	степной вариант 2 – 1 экз. (154: 7)	степная	4 – 1 экз. (154: 5,6)	окская
Яма 39, скопление 20 раскопа 7 2009 г.	I,1,а,а – 1 экз. (155: 9)	киевская	3 – 1 экз.(155: 11)	окская
«Очаг 1» раскопа 1 2003 г.	II,1 – 1 экз. (170: 2)	киевская		
	I,5 – 1 экз. (170: 1)	окская		
Яма 11 раскопа 1 2003 г.	I,3-б – 1 экз. (172: 7)	киевская		

	Диск II – 4 экз. (172: 3-6)	киевская		
	I,1,в – 1 экз. (172: 1)	черняховская		
	Ребристая миска – 1 экз. (172: 2)	местная		
скопление 13 раскопа 1 2004 г.	I,1,а,а – 1 экз. (172: 12)	киевская		
	I,6 – 1 экз. (172: 11)	окская		
Скопление 4 раскопа 6	I,1,а,а – 2 экз.(179: 4,5)	киевская	1,1 – 1 экз. (179: 3)	Окская
Постройка 4 раскопа 1 2004 г.	I,1,а,а – 1 экз.(Обломский, 2006, рис. 3: 5)	киевская		
	I,6 – 1 экз. (Обломский, 2006, рис. 3: 1,2)	окская		

Глава 6
Могильник гуннского времени Ксизово-19

А.М. Обломский (Москва), И.А. Козмирчук (Липецк)

Описание

Погребения могильника исследованы на тех же раскопах, что и объекты поселения и имеют общую нумерацию по всему памятнику (рис. 197; 198). Как было указано выше, могильник перекрывает культурный слой селища, в ряде случаев захоронения накладывались на более ранние объекты поселения, но тоже относящиеся к гуннскому времени. Так, коллективное погребение «объект 1» раскопа 7 2008 г. полностью разрушило постройку с глинобитными стенами, погребение 17 перекрывало яму 4 раскопа 7 2008 г. В ряде случаев заброшенные к этому времени объекты поселения использовались для совершения захоронений или помещения в них костей из разрушенных погребений (постройка 1 раскопа 2, погребения 18, 52). Судя по глубинам залегания очагов от уровня дневной поверхности, т.е. тех объектов, которые явно находились in situ и не были разрушены в процессе функционирования поселения, культурный слой гуннского периода накапливался от уровня 0,54 м до 0,11-0,13 м. Глубина некоторых погребений варьировала в этом диапазоне (2, 35, 57). Соответственно, они были впущены в грунт, когда формирование культурного слоя селища середины 1 тыс.н.э. уже прекратилось.

На могильнике исследованы захоронения эпохи бронзы (катакомбной и абашевской культур) и скифского времени. К гуннскому периоду относятся, во-первых, погребения, где встречены вещи этого времени, во-вторых, захоронения со следами постмортального расчленения, что будет обосновано в главе 8 (всего 48 погребений середины 1 тыс.н.э., из них 42 расчлененных, включая захоронения черепов). Определение пола и возраста погребенных сделано И.К. Решетовой (Институт археологии РАН).

Объект 1 раскопа 7 представляет собой погребение четырех человек в одной яме (рис. 199) и является пока уникальным для Верхнего Подонья. Могильная яма прослежена на поверхности материка под слоем чернозема толщиной 1,04-1,07 м, т.е. удалось исследовать лишь нижнюю часть погребальной конструкции. Ее дно находилось на глубине 1,83-1,93 м от дневной поверхности. В плане яма – овальная. Размеры по верхнему краю составляли 2,6 × 2,2 м, по дну – 2,52 × 2,1 м. В северной ее оконечности имелась плоская ступенька размерами 0,7 × 0,15-0,18 м. Стенки ямы по всей высоте были прокалены (кроме места, где находилась ступенька), о чем свидетельствуют следы обожженности оранжево-красного цвета толщиной до 1 см. Прокал осуществлялся при помощи сжигания досок или деревянных плах, которые были прижаты к

бортам ямы. Следы таких досок в виде узких полос угля шириной 1-2 см прослежены в нескольких местах вдоль бортов объекта. Яма засыпана черноземом, содержавшим культурные остатки, связанные с более ранним жилищем (угли, обмазка, керамика, кости животных).

В могильной яме в анатомическом порядке находились 4 скелета взрослых людей с хорошей сохранностью костей, составлявшие 4 яруса, причем нижний скелет лежал на материковом дне ямы в максимальном удалении от места входа, т.е. ступеньки, а самый верхний – почти у самой ступеньки на 15-18 см выше нижнего. Умершие, таким образом, были положены в яму не одновременно, а в последовательности от дальней от входа стенки в сторону входа. После совершения каждого захоронения на полу откладывалась прослойка грунта, правда, не слишком толстая. При первоначальном визуальном осмотре следов воздействия огня на костях зафиксировано не было.

К нижнему ярусу относится *скелет Г*, который был положен в вытянутой позе на спине на дно южной части ямы таким образом, что его голова и кости пальцев ног примыкали к ее стенкам. Погребенный ориентирован головой на юго-запад. Череп повернут лицевой частью к северу. Руки согнуты в локтях и разведены в противоположные стороны, кисти лежали у боков корпуса, ноги вытянуты параллельно друг другу. К северу от него, в основном, под верхней частью скелета В были разбросаны мелкие бусины (рис. 200), описание которых приводится в главе 11, округлая вставка (?) из розового камня (рис. 200: 2), кусочек прозрачного бесцветного стекла (рис. 200: 1). Точный ареал их установить не удалось, т.к. все они обнаружены при просеивании грунта через сито.

Скелет В относится ко второму ярусу. Он лежал к северу от предыдущего и несколько выше его на подсыпке грунта толщиной до 6 см. Поза погребенного – вытянутая на спине, но корпус слегка согнут под углом, очевидно для того, чтобы «втиснуть» покойного в относительно узкое пространство ямы. Руки умершего положены вдоль корпуса, причем правая накладывается на локоть левой руки более раннего скелета Г, ноги параллельны друг другу. Тело было ориентировано головой на юго-западо-запад, череп слегка повернут лицевой частью к северу. Над грудью погребенного по обе стороны от позвоночника лежали 2 блока из сырцовой высушенной глины толщиной около 3 см. Размеры южного из них – 20 × 10 см, северного – 25 × 8 см, уровни залегания – до 23 см выше скелета, т.е. перед положением блоков тело было засыпано грунтом. В 15 см к северу от черепа на его уровне обнаружен железный псалий, орнаментированный насечками (рис. 201: 17)

Скелет Б (третий ярус) лежал несколько выше предыдущего на 5-7 см в вытянутой позе на спине головой на юго-западо-запад. Правая рука согнута в локте, отведена в сторону на высоту плеча, кисть лежала под головой. Ее локоть накладывается на лицевую часть скелета В. Левая рука также была согнута в локте, слегка отведена к северу, кисть лежала на плече. Ноги, в целом, параллельны друг другу, хотя правая была несколько согнута в колене и лежала поверх левой ноги скелета В. В районе правого локтя погребенного наблюдалась область концентрации стеклянных бусин общими размерами 10 × 5 см (рис. 201: 1-16), описание которых приводится в главе 11. Выше нижней части груди погребенного лежал крупный сырцовый блок размерами 24 × 22 см такой же толщины, что и предыдущие. Верхняя часть груди была перекрыта плоским камнем размерами 18 × 12 см. К северо-западу от головы находился еще один камень размерами 23 × 15 см. Сырцовый блок и камни залегали на уровне 20-25 см выше скелета.

Скелет А относится к четвертому ярусу. Он лежал на левом боку головой на запад лицом на юг в скорченной позе. Ноги были слегка согнуты в коленях, причем левая перекрывала левую ногу скелета Б. Руки согнуты в локтях, кисти лежали со стороны лица и груди. Их кости перекрывали часть грудной клетки скелета Б, а правая рука скелета А накладывалась на правую руку скелета Б. В 10 см к северу от затылка скелета А зафиксировано скопление бус общими размерами 20 × 15 см, описание которых приводится в главе 11 (рис. 202).

В 10 см к северу от таза погребенного обнаружен кусочек розового реальгара. Под черепом скелета А зафиксированы следы древесного тлена.

Все умершие были взрослыми мужчинами в возрастном интервале 35-50 лет (Решетова, 2013, с. 82).

Начало распространения псалиев с аналогичной головкой И.Р. Ахмедов датирует первой третью – первой половиной V в. Позже они известны в середине V – начале VI в. (Ахмедов 1996, с. 41,42, рис. 55: 2-4; 2001, 245; 2009, с. 160-161).

Набор бус по аналогиям с материалами Средней Оки О.С. Румянцева датирует концом IV/началом V – концом V/началом VI вв. (см. главу 11).

Традиция коллективных захоронений в склепах, больших грунтовых ямах и катакомбах в римское время и эпоху Великого переселения народов хорошо известна в Крыму, причем как в некрополях античных городов, так и в «варварской» с оседлым населением части полуострова. В деталях могильные сооружения различаются как по хронологии, так и по конкретным местностям (Айбабин, 1999, с. 22-24, 61-66; Храпунов, 2004, с. 148; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 14-18), но, как раз, конструктивные особенности устройства верхней части погребального сооружения (свод, дромос и т.п.) в Ксизово не прослежены из-за толстого слоя чернозема, в котором теряются контуры любых ям. Коллективные захоронения в обширных ямах и катакомбах известны и на Северном Кавказе. Примером может служить могильник Клин-Яр в Кисловодской котловине (Флёров, 2007, с. 78-101), Паласа Сырт (Гугуев и др. 2010, с. 283) и, судя по описаниям М.П. Абрамовой, погребения в горных районах Северной Осетии (Абрамова, 1997, с. 106). Таким образом, до обнаружения еще нескольких подобных захоронений, параллели объекту 1 Ксизово-19 могут быть указаны лишь в широких рамках крымско-северокавказского региона. Тем не менее, принципиально важно, что ни в Верхнем Подонье, ни на соседних территориях (лесостепное Поднепровье и далее к западу, Поочье, Среднее Поволжье) аналогичные погребальные сооружения в позднеримское и гуннское время не известны.

Погребение 2 (рис. 203: 1). Скелет взрослого человека, лежавший в вытянутой позе на спине, ориентированный на северо-запад, залегал на глубине 15-17 см от дневной поверхности. Сохранность костей – средняя, но в могиле в результате перекопа оставлена только нижняя часть скелета (от таза до фаланг пальцев ног). Она находилась in situ, но и здесь утрачены были некоторые кости ног и таза. По отношению к тазу ноги покойного положены под небольшим углом в правую сторону. Они – вытянуты, хотя и слегка согнуты в коленях.

Около правой бедренной кости с внутренней стороны был найден небольшой кусочек охры. Около таза, между ногами и вдоль ног зафиксированы коричневые пятнышки древесного тлена. Погребальная яма в культурном слое не прослеживалась.

В 40 см к северо-западу от таза находился развал верхней части сероглиняного гончарного лощеного кувшина с горизонтальными желобками на поверхности (рис. 203: 2), который по орнаментации и фактуре был явно произведен на поселении (аналогии см. в главе 5 монографии). Судя по тому, как залегали черепки, обломки этого сосуда были переотложены в результате перекопа. Между ними находились 6 мелких фрагментов груболепных сосудов и 1 обломок ребра лепной чернолощеной миски. Интересно, что два обломка стенок того же гончарного кувшина попали в заполнение постройки 1 раскопа 2 вместе с характерной лепной керамикой типа Чертовицкого-Замятино и крышкой черепа человека.

Погребение 7 (рис. 204: А). В предматериковом слое на глубине 1,03-1,09 м от дневной поверхности головой на восток в вытянутой позе на спине лежал плохо сохранившийся скелет подростка, по предварительному заключению возрастом около 14 лет. Грудная клетка и правая рука утрачены, от левой уцелела плечевая кость. Череп повернут лицом к югу. Вещей в погребении не было.

Погребение 8 (рис. 204: Б). В предматериковом слое на глубине 0,96-1,06 м головой на северо-северо-запад в вытянутой позе на спине лежал скелет подростка относительно хорошей сохранности. Нижняя челюсть утрачена, череп повернут теменем книзу. Плечевые кости обеих рук лежали in situ, локтевые находились справа от таза. Кости стоп ног перемещены. Вещей в погребении не было.

Погребение 10 (рис. 204: В). В черноземном слое на глубине 0,65-0,68 м от дневной поверхности головой на северо-северо-запад в вытянутой позе на спине лежал скелет ребенка возрастом 9-11 лет относительно хорошей сохранности. Утрачены кости правой руки и правая часть таза. Сохранились лишь отдельные кости стоп. Вещей в погребении не было.

Погребение 11 (рис. 204: Г). В черноземном слое на глубине 0,72-0,86 м от дневной поверхности в вытянутой позе на спине лежал фрагментированный скелет ребенка возрастом 6-8 лет, ориентированный на северо-запад. Вся верхняя часть скелета, включая череп и грудную клетку, утрачена. Кости ног сохранились лишь частично. Вещей в погребении не было.

Погребение 12 (рис. 204: Д). В черноземном слое на глубине 0,88-0,96 м головой на север в вытянутой позе на спине лежал скелет женщины

возрастом 40-55 лет. Весь грудной отдел, а также кости рук утрачены. Не сохранились и кости стоп. В 20 см к западу от руки погребенной на уровне залегания костей лежал кремневый нуклеус, соотношение которого с захоронением не ясно.

Погребение 13 (рис. 205). Перекрывает северо-восточный край ямы 8 раскопа 4 2008 г., датировка которой неопределенна. Совершено в подтрапециевидной яме, ориентированной по оси северо-запад – юго-восток, прослеженной на поверхности материка. Размеры ямы по верхнему краю составляют 2,6 × 1,35-1,2 м, в нижней части – 2,45 × 1,2-0,95 м, общая глубина 0,1-0,28 м. Она заполнена темно-серым однородным гумусом, из которого происходят фрагмент сосуда эпохи бронзы, 5 обломков груболепных горшков с примесью шамота в тесте и по одному с включениями шамота и известняка, а также шамота и дресвы, 1 фрагмент сероглиняного гончарного лощеного сосуда.

На дне ямы на глубине 0,93-1,09 м от дерна в вытянутой позе на спине головой на северо-запад находился скелет грацильной женщины возрастом 16-22 лет. Сохранность костей, в целом, плохая. Голова покойной лежала на правом боку и была повернута лицом к югу. Нижняя челюсть была обращена зубами кверху, но отодвинута от черепа на 12 см к юго-востоку. Кости посткраниального скелета сохранились частично и, очевидно, были передвинуты и отчасти уничтожены грызунами. In situ лежали кости правой руки и локтевая – левой, правая половина таза, правая тазобедренная кость. Прочие длинные кости ног смещены к югу и востоку. Грудная клетка практически не сохранилась.

Чуть выше кисти на правую руку был надет бронзовый неорнаментированный браслет из массивного дрота (рис. 206: 2). Аналогичный браслет был вынесен кротами в юго-восточную часть ямы, где в ее заполнении он и был найден (рис. 206: 3). Около колена погребенной в заполнении ямы была обнаружена бусина с корпусом из желтого глухого стекла и тремя вставками из непрозрачного синего стекла с белыми ободками (рис. 207: 28). Около стенки ямы было найдено глиняное округло-биконическое пряслице, орнаментированное точечными вдавлениями около одного из оснований и крестообразными насечками вокруг отверстия на другом (рис. 206: 5). На левой стороне черепа около глазницы лежало неорнаментированное бронзовое кольцо из дрота с заходящими концами (рис. 206: 1). В районе шеи погребенной и под нижней челюстью зафиксировано скопление стеклянных бусин, которое состояло, по всей видимости, из деталей ожерелья, первоначально находившегося на шее захороненной, и элементов наголовного украшения, осыпавшихся вниз. Часть этого украшения in situ сохранилась только под черепом, т.е. с правой стороны головы.

Скопление бус у шеи и под нижней челюстью включало 20 биконических бусин из красного непрозрачного стекла, покрытых плотной коричнево-зеленой патиной, обломок прозрачной округлой бесцветной бусины, 88 цилиндрических бисерин из желтого глухого стекла и 58 таких же по форме изделий, но из черного непрозрачного стекла, темно-синюю, почти черную непрозрачную округлую бусину, бусину из бирюзового непрозрачного стекла с двумя синебелыми глазками, фрагменты бусины из непрозрачного голубого стекла с выступающими наружу ребрами (рис. 207: 1-3, 6-9, 12-27, 30; 208).

После снятия костей черепа выяснилось, что под ним сохранились детали головного убора, которые были перемещены вниз с верхней (левой) части головы. Они состояли из нескольких блоков украшений.

I – две линии бисера (рис. 209: 1-IБ) и остатки подвески из бронзы в виде листочка с тремя концами (рис. 209: 1-IА). Верхняя линия состояла из 8 черных непрозрачных бисерин, а нижняя – из 10-ти желтых. Две желтых бусины нижней линии откатились в сторону. С востока к подвеске почти примыкала желтая округлая бусина (рис. 207: 4; 210: I).

II – находился в 1,5 см к северу от блока I. Состоял из 2-х параллельных линий желтого бисера (по 5 шт. в каждой). Перпендикулярно им видны окислы бронзы – остатки двух подвесок, форма которых не ясна. Под северной из них углом расположены 5 черных бисерин (рис. 209: 1-II; 210: II).

III – две параллельные линии бисера, в каждой из которых по 4 желтых экз., и бронзовая подвеска в виде листочка с тремя концами (рис. 209: 1-III; 210 :III).

IV – находился в 0,5 см к северу от предыдущего блока. Сильнее, чем прочие, разрушен. Бисер составляет 2 параллельные линии. К северо-западной из них относятся 8 желтых бисерин, к юго-восточной – 3 черных. Еще 2 черных экз. лежали в 1,5 см к югу около скопления бусин В (рис. 209: 1-IV). К северо-западу от северо-западной линии бисера находилась биконическая

бусина с желтой патиной. Скопление бусин В составляли 3 биконических экз. с плотной зелено-коричневой патиной (такие же, как и у шеи погребенной). Из двух бусин Д левая была округлой, предположительно, синей, а правая – глазчатой желтой с сине-белыми глазками, аналогичная найденной в заполнении захоронения (рис.210: IV).

К востоку от основного массива украшений находились две биконические бусины с плотной коричнево-зеленой патиной (рис. 207: 5,10). Между блоками III и IV лежал обломок янтарно-желтой стеклянной бусины с выступающими наружу ребрами (рис. 207: 29)

Блоки украшений I-III лежали на поверхности светлого пятна перегнившей органики размерами 9,5 × 7 см и толщиной 0,4-0,7 см по краям и 3,5 см в центре. В его толще встречались отдельные угольки, которые концентрировались под северо-восточной частью черепа (рис. 209: 1).

При переборке культурного слоя выше могильной ямы был обнаружен бронзовый перстень со спиралевидными отогнутыми в противоположные стороны завитками (рис. 206: 4).

Сохранившуюся под черепом часть украшения головы можно реконструировать, как отрезок ленты шириной около 5 см, на которую в два ряда были нашиты блоки желтого и черного бисера, со свисавшими с них маленькими бронзовыми подвесками (треугольными, округлыми и напоминающими по форме листики античных погребальных венков). К ленте была прицеплена низка более крупных бусин (рис. 209: 2). На лбу лента замыкалась кольцом с заходящими друг за друга незамкнутыми концами. Подобные украшения головы хорошо известны в позднеантичной Европе (Обломский, 2011, с. 450).

Хронологических индикаторов, которые позволили бы определить узкую дату, в погребении не было. Тем не менее, несмотря на своеобразие деталей, оно не является чем-то из ряда вон выходящим на фоне прочих захоронений Острой Луки Дона. Красные бусины с плотной темной патиной обнаружены в погребении 6 Ксизово-17 (участок «Мыс») (см. главу 4, рис. 59: 1-3), желтый бисер – в погребении 6 Ксизово-17Б (рис. 95: 9-11). В целом по О.С. Румянцевой (см. главу 11) набор бус не противоречит датировке погребения гуннским временем. Керамика из заполнения могильной ямы аналогична той, которая происходит из культурного слоя гуннского периода, а пряслице относится к типу биконических средней высоты, т.е. наиболее характерному для поселений круга Чертовицкого-Замятино (см. главу 5 монографии).

Погребение 15 (рис. 211: А). Прослежена только восточная часть могильной ямы, западная из-за уклона материка в юго-западной части раскопа «читалась» лишь в виде аморфного пятна. Контуры восточной половины ямы зафиксированы на поверхности материка. Общая глубина ямы не превышает 8 см. Погребальное сооружение, по всей видимости, было подквадратным в плане, имело размеры около 1,2 × 1,2 м, было заполнено темно-серым гумусом.

В центральной и западной частях могилы двумя кучками без анатомического порядка на уровне 0,82-0,89 м от дневной поверхности были сложены кости женщины возрастом 40-50 лет. В восточной кучке сверху лежали кости таза, ниже – рук и ребра. В основании находился череп, повернутый лицевой частью кверху. В западной кучке были помещены ребра, часть позвонков, одна из длинных костей ноги. К востоку от черепа лежали две длинных кости. В заполнении могильной ямы было обнаружено сегментовидное орудие из кремня. Не исключено, что оно попало в объект из культурного слоя.

Погребение 16 (рис. 212: А). В предматериковом слое на глубине 1,0-1,01 м от дневной поверхности прослежено темное пятно толщиной около 1-2 см – западная часть могильной ямы, восточные очертания которой терялись в темно-сером грунте. Ширина пятна – до 1 м, длина участка, контуры которого удалось зафиксировать – 1,8 м. В пределах ямы in situ были обнаружены нижние части костей обеих ног (ниже колена) подростка возрастом 16-18 лет с преобладающими мужскими признаками. Правая бедренная кость найдена несколько выше в 0,6 м к востоку. Около нее и между нею и костями ног обнаружено еще несколько костей. Череп и верхняя часть скелета в захоронении отсутствовали. Судя по положению ног, покойник первоначально лежал на спине головой к востоку. Вещей в погребении не было.

Погребение 17 (рис. 211: Б). Западная его часть перекрывает яму 4. Контуры могилы в виде черного пятна подпрямоугольной формы, ориентированного по линии запад – восток, прослежены на поверхности материка, дно находилось на уровне 0,95-1,05 м от дневной поверхности. Максимальная глубина могильной ямы в материке – 0,1 м, размеры – 2,35-2,4 × 1,0-1,2 м. В восточной части ямы на ее дне лежал раздавленный череп взрослого человека возрастом

30-35 лет, скорее, мужчины. Нижняя челюсть находилась в 40 см к юго-западу выше черепа в заполнении ямы. В 20 см к югу и 40 см к юго-западу от челюсти кучкой были сложены длинные кости рук. Еще несколько обломков костей были найдены между челюстью и черепом. Первоначально покойник, таким образом, был ориентирован головой на восток.

На дне ямы в западной ее части был найден обломок железного ножа (рис. 211: 1), ближе к середине в заполнении – бронзовое колечко из уплощенного дрота (рис. 211: 3), около скопления длинных костей на уровне – втулка железного наконечника стрелы (рис. 211: 2), по заключению Ю.Д. Разуваева (присутствовавшего на раскопках), более длинной, чем обычно в скифское время. В заполнении обнаружены фрагмент сосуда эпохи энеолита или бронзы, 4 обломка груболепных горшков с примесью шамота в тесте, 3 фрагмента гончарных сероглиняных сосудов, включая обломок стенки серолощеного с налепным валиком, 7 кусочков обожженной глиняной обмазки, 11 невыразительных черепков. Набор керамики из заполнения характерен для гуннского периода.

Погребение 18 (рис. 212: Б). Контуры овальной в плане ямы были прослежены на поверхности материка, глубина ямы составляла 0,7-0,73 м. Размеры объекта – 1,72 × 1,84 м, стенки – почти отвесные. Центральная часть заполнения ямы представляла собой однородный чернозем. В средней и нижней частях наблюдалась мощная (толщиной до 52 см) линза переотложенной материковой глины, в плане у стенок ямы имевшая вид кольца. Все находки происходят из гумусированного заполнения. К ним относятся кости животных, 1 фрагмент сосуда эпохи бронзы, отщеп кремня, 9 обломков груболепных сосудов с шамотом в тесте (в одном случае в комбинации с дресвой), фр-т лепного лощеного сосуда и 5 сероглиняных гончарных (из них 2 – лощеных), 4 кусочка глиняной обмазки, камень-терочник. На поверхности пятна заполнения ямы обнаружено лезвие железного ножа. В целом по структуре набор материала из заполнения соответствует тому, который происходит из культурного слоя гуннского времени.

В юго-восточной оконечности ямы в верхней части ее заполнения залегали кости черепа младенца. Часть из них находилась ниже в 0,2 м к северо-западу. Кость таза обнаружена на дне ямы. Северо-западнее черепа в 14 см от него найден маленький (детский) бронзовый браслет из дрота (рис. 212: 1). Захороненный в яме младенец, таким образом, был ориентирован головой на юго-восток. Более ранняя хозяйственная яма гуннского периода, частично заплывшая грунтом, была использована для помещения его тела. Кости, как показано на профиле, залегали параллельно поверхности линзы глинистого грунта от верхней части заполнения ямы до ее дна.

Погребение 19В (рис. 213). Перекрывало северо-восточную часть погр. 19А. Могильная яма в виде темного пятна зафиксирована на поверхности материка. Она ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, имела глубину не более 2 см и размеры 1,97 × 0,5-0,63 см. На дне ямы на глубине 0,99-1,07 м головой на юго-юго-восток в вытянутой позе на спине находился скелет человека. Череп без нижней челюсти лежал теменем к западу, левая тазовая кость находилась на месте левой лопатки, часть позвонков, бедренные кости обеих ног лежали in situ. Две лучевые кости рук были сложены в районе груди, длинные кости ног – в северной части могильной ямы севернее колен погребенного. Большинство костей скелета в захоронении отсутствовало, вещей также не было.

Погребение 22 (рис. 214: А). Могильная яма подпрямоугольной формы с изгибом в средней части, ориентированная по линии юго-западо-запад – северо-востоко-восток, прослежена на поверхности материка. Ее глубина в материке составляла 0,15-0,18 м. Заполнение представляло собой однородный чернозем. Размеры ямы – 1,4 × 0,5-0,6 м. На дне на глубине 1,19-1,2 м от дневной поверхности в вытянутой позе на спине головой на юго-западо-запад лежал скелет ребенка. Череп раздавлен грунтом, грудная клетка отсутствовала. Кости рук сложены кучкой в южной части ямы, при этом длинные кости лежали анатомическими парами, т.е. при расчленении скелета мягкие ткани не до конца разложились. In situ находились часть позвоночника, кости таза и ног. Из них правая слегка согнута в колене. Кости стоп перемещены. Вещей в погребении не было.

Из заполнения происходят обломок сосуда эпохи энеолита или бронзы, фрагмент гончарного сероглиняного сосуда, обломок горшка эпохи Древней Руси, один невыразительный черепок.

Погребение 23 (рис. 214: Б-Г). Могильная яма, по форме и ориентировке аналогичная предыдущей, прослежена на поверхности материка. Общая глубина ямы в материке составляла 0,22-0,24 м, она заполнена однородным черно-

земом. Размеры ямы – 1,6 × 0,5-0,65 м. На дне на глубине 1,23-1,27 м от дневной поверхности головой на юго-западо-запад в анатомическом порядке на спине лежал скелет ребенка хорошей сохранности. Руки покойного были согнуты в локтях и положены на грудь, ноги слегка согнуты в коленях (правая сильнее, чем левая). В заполнении ямы обнаружены 2 обломка бронзовой пластины (рис. 214: 2). Над центральной частью пятна заполнения выше скелета находился развал верхней части груболепного горшка с шамотом, органикой и известняком в тесте (рис. 214: 1). Сосуд имеет аналогии на поселениях Острой Луки Дона гуннского периода и в некоторых погребениях-ингумациях Верхнего Подонья того же времени. Он относится к кочевнической традиции (Обломский, 2012).

Погребение 24 (рис. 215: А). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,7-0,74 м от дневной поверхности, занимало пространство 1 × 0,4 м, могильная яма не прослежена. Разрушено, сохранились разрозненные фрагменты костей черепа, несколько позвонков разных отделов, плечевые кости и лопатки во фрагментах. Большинство костей, в т.ч. и череп, были сложены в кучку в центральной части погребения. Вещей не было.

Погребение 25А (рис. 215: Б). Залегало в культурном слое на глубине 0,7-0,73 м от дневной поверхности. Погребальная яма не прослежена. Кости встречены на пространстве 1,6 × 0,3-0,55 м. Первоначально покойник был ориентирован головой на юго-юго-восток. Плечевой отдел, грудь и таз разрушены. Свод черепа и нижняя челюсть сохранились во фрагментах, найдены несколько разрозненных позвонков, кости правого и левого предплечий, левого плеча фрагментарной сохранности, тазовые кости (правая и левая), большие берцовые бедренные кости (правая и левая), разрозненные кости стоп. Таз и ноги лежали in situ, кости плечевого пояса и фрагмент нижней челюсти находились между бедренными костями. Вещей в погребении не было. На уровне скелета обнаружены два обломка лепного сосуда городецкой культуры. К востоку от него лежали 2 камня и 2 фрагмента лепного подлощенного сосуда.

Погребение 27 (рис. 215: В). Зафиксировано в нижней части культурного слоя на глубине 0,75-0,83 м от дневной поверхности. Разрушено, яма не прослежена. Кости залегали на пространстве 1,7 × 0,3 м. Левая бедренная кость, левые большая и малая берцовые, правые большая и малая берцовые находились в анатомическом порядке. Сохранились также отдельные кости правой стопы и разрозненные фрагменты длинных костей плечевого пояса. Первоначально погребенный был ориентирован головой на северо-западо-запад. Вещей, за исключением одного невыразительного обломка груболепного сосуда с примесью шамота и дресвы в керамической массе, не было.

Погребение 29 (рис. 215: Г-Е). Могильная яма близкой к овальной формы размерами 1,1 × 0,54-0,82 м зафиксирована в нижней относительно светлой части культурного слоя. Ее глубина составляла 0,07-0,14 м. В плане яма сильно суживалась к юго-западной оконечности и расширялась с восточной стороны. В яме на уровне 0,89-0,93 м от дневной поверхности, т.е. практически на ее дне в анатомическом порядке на спине головой к юго-западу лежал скелет человека. Отдельные мелкие кости находились выше – в заполнении. Первоначально ноги покойника были согнуты в коленях, под давлением земли правая нога «сложилась» вправо, а у левой сломались бедро и кости голени. Левая рука согнута в локте и положена вдоль туловища, правая – слегка согнута в локте, также располагалась вдоль туловища. Шея индивида была наклонена вперёд, голова находилась в вертикальном положении (подбородок прижат к груди лежащего человека), в силу этого несколько верхних шейных позвонков оказались внутри черепа. Отмечена практически полная сохранность скелета, за исключением мелких костей стоп, кистей, отсутствует грудина и несколько грудных позвонков. В этом же погребении на уровне скелета и чуть выше находились несколько разрозненных костей другого индивида (предположительно, ребёнка). При этом обломок таза лежал в северной части ямы.

В верхней части заполнения ямы, которое представляло собой однородный темно-серый гумус, и над ней над правыми плечом и рукой погребенного лежали 9 кусков обожженной глиняной обмазки. В самой яме найдены кости животных, 2 фрагмента стенок лепного сосуда эпохи бронзы, 14 обломков груболепных сосудов, как правило, с шамотом в тесте, 2 фрагмента стенок сероглиняных гончарных сосудов, из них один – с лощеной поверхностью. Технологически состав поздней керамики из ямы типичен для гуннского времени.

Вещей, которые можно было бы отнести к погребальному инвентарю, в захоронении не было.

Находки из заполнения свидетельствуют, что засыпка могильной ямы осуществлялась тогда, когда в культурном слое уже содержался материал гуннского периода.

Погребение 30 (рис. 216: А). Зафиксировано в культурном слое, яма не прослежена, разрушено. На глубине 0,7-0,96 м от дневной поверхности на пространстве 1,4 × 0,9 м были разбросаны кости человека. Обнаружены фрагменты свода черепа и нижней челюсти, 7 позвонков всех отделов, разрозненные фрагменты длинных костей рук и ног, лопаток, рёбер. Здесь же найден невыразительный обломок груболепного сосуда.

Погребение 31 (рис. 216: Б). Прослежено в нижней части культурного слое на глубине 0,93-1,04 м от дневной поверхности. Разрушено, погребальная яма не зафиксирована. На пространстве 1,4 × 0,3 м обнаружены свод черепа и нижняя челюсть человека во фрагментах, 2 верхних шейных позвонка, обломки длинных костей плечевого пояса и лопаток, длинные кости ног. Череп находился в вертикальном состоянии (стоял на основании), в силу этого несколько грудных позвонков оказались внутри него. Длинные кости ног лежали в анатомическом порядке, фрагменты таза находились между коленями, обе локтевые кости лежали слева от бёдер, остальные кости беспорядочно разрозненны. Судя по положению черепа и ног, погребенный первоначально лежал в вытянутой позе на спине головой к северо-востоко-востоку.

Погребального инвентаря в захоронении не было. На уровне костей в культурном слое обнаружены обломки груболепных сосудов железного века (2 – с дресвой в керамическом тесте, 1 – с шамотом и дресвой, 5 – с шамотом), фрагмент чернолощеного гончарного и обломок чернолощеного лепного сосудов, 2 куска обмазки, 8 костей животных. Набор керамики соответствует происходящему из культурного слоя и объектов гуннского времени. Погребение, таким образом, было разрушено тогда, когда материалы середины 1 тыс. н.э. в культурном слое уже отложились.

Погребение 32 (рис. 216: В). В культурном слое на уровне 0,75-82 м от дневной поверхности лежали несколько разрозненных фрагментов свода черепа.

Погребение 35 (рис. 216: Г). Прослежено в культурном слое на глубине 0,39-0,45 м от дневной поверхности. Контуры погребальной ямы не зафиксированы. Скелет человека лежал на спине в анатомическом порядке головой на северо-запад. Ноги были слегка согнуты в коленях, под давлением земли они упали в согнутом же виде на левую (для индивида) сторону, правая рука вытянута вдоль тела. Сохранились фрагменты свода черепа, длинные кости левой руки, таза, бёдра, большеберцовые, разрозненные кости стоп. Левая рука и грудная клетка частично были разрушены. Вещей в погребении не было.

Погребение 36 (рис. 216: Д). Залегало в культурном слое на уровне 0,53-0,69 м от дневной поверхности, занимало пространство 1,1 × 0,47 м. Разрушено, яма не прослежена. Сохранились свод черепа во фрагментах, несколько позвонков всех отделов, осколки рёбер, ряд других костей, всё – в разрозненных фрагментах. Кости черепа концентрировались в западной части захоронения, но они, как и все прочие, явно передвинуты. Вещей в погребении не было.

Погребение 38 (рис. 216: Ж). Находилось в культурном слое, разрушено, погребальная яма не прослежена. Кости залегали на пространстве 1,65 × 0,6-0,7 м, анатомический порядок отсутствовал. Все они перемешаны и составляли 2 скопления в южной и северной частях погребения. В верхнем горизонте первого из них, который находился на уровне 0,59-0,7 м от дневной поверхности, залегали фрагмент свода черепа, правая лопатка, правая и левые локтевые кости, длинные кости ног, осколки рёбер. Ниже на 18-22 см найдены кости таза, несколько ребер, позвонков и других костей. Северное скопление состояло из костей черепа, ребер, позвонков, длинных костей рук и ряда других. Вещей в погребении не было, но на уровне костей обнаружен 1 фрагмент сосуда эпохи бронзы, 5 обломков груболепных горшков с примесью шамота в тесте, 5 фрагментов с включениями шамота и дресвы в тесте, 1 – с примесью известняка, 3 гончарных серолощеных черепка, крупный фрагмент оплавленной железной руды, отдельные кости животных. Набор керамики соответствует происходящему из культурного слоя и объектов гуннского времени.

Погребение 40 (рис. 217: А). В нижней части культурного слоя на глубине 0,99-1,01 м от дневной поверхности обнаружен отдельный фрагмент свода черепа человека, расколовшийся на куски.

Погребение 42 (рис. 216: Е). Зафиксировано в культурном слое на уровне 0,64-0,73 м. Разрушено, яма не прослежена. Размеры области залегания костей – 1,2 × 0,3 м. Во фрагментах сохранились череп и нижняя челюсть, кости таза, правое и левое бедра, правая большеберцовая

кость. In situ частично залегали кости ног, вероятно, череп. Судя по их расположению, погребение первоначально было ориентировано головой на север или северо-северо-запад. Находок в погребении не было.

Погребение 43 (рис. 216: З). В культурном слое на глубине 0,71-0,73 м на пространстве 0,45 × 0,2 м обнаружено несколько разрозненных фрагментов черепа, залегавших двумя скоплениями. Находок не было.

Погребение 45 (рис. 217: Б). Выявлено на уровне 0,85-0,89 м от дневной поверхности. Представляло собой сильно разрушенное захоронение взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, ориентированного головой на северо-северо-запад. От скелета сохранились череп, верх позвоночника, правая часть грудной клетки, правая плечевая кость и левая ключица. Длина сохранившейся части скелета – 0,3 м. Судя по правой плечевой кости, лежавшей in situ, руки погребенного могли быть вытянуты вдоль туловища. Могильная яма в слое серого суглинка, сильно изрытого норами грызунов, не фиксировалась. Сопровождающий инвентарь отсутствовал. В 0,3 м восточнее скелета лежала крупная кость животного, однако ее связь с погребением не установлена.

Погребение 48 (рис. 217: В). Выявлено на глубине 0,96 м от дневной поверхности. Представляло собой разрушенное погребение человека, от скелета которого сохранилась лишь часть раздавленной черепной крышки. Могильная яма в слое серого суглинка не фиксировалась.

Погребение 50 (рис. 217: Г). В культурном слое на глубине 0,64-0,74 м обнаружено скопление костей черепа. Здесь же найдено несколько угольков. Вещи отсутствовали.

Погребение 52 (рис. 217: Е,Ж). Совершено в достаточно сложной по форме яме, контуры которой прослежены на поверхности материка. Центральная часть ямы в плане была округлой диаметром 1,5-1,8 × 1,6 м с практически отвесными стенками. Дно находилось на уровне 0,3-0,35 м от верхнего края объекта. С запада и востока к ней примыкали углубления со ступеньками с плоскими поверхностями. Размеры этих углублений – западного – 1,3 × 1,3 м, восточного – 0,46 × 0,5 м. Поверхности ступенек зафиксированы на уровнях, соответственно, 0,9-0,19 м и 0,19-0,24 м от верхнего края ямы. Общая длина объекта – 2,4 м.

В нижней части заполнения ямы на 7 см выше дна лежал раздавленный человеческий череп, к востоку от него – позвонок. Еще одна кость найдена в заполнении, которое представляло собой однородный черный гумус. Других находок в яме не было.

Погребение, скорее всего, представляло собой перезахоронение отдельных костей, помещенных в западину заплывшей ко времени его совершения более ранней хозяйственной ямы-погреба с двумя ступеньками-местами схода.

Погребение 54 (рис. 217: Д). В нижней части культурного слоя на глубине 0,8-0,82 м от дневной поверхности прослежено темное пятно северной части могильной ямы размерами 1,4 × 0,8 м. Выше в культурном слое, но в пределах пятна, обнаружены 3 плохо сохранившихся человеческих кости. Вещей не было, кроме фрагмента придонной части груболепного сосуда с шамотом в тесте.

Погребение 54А (рис. 218). Парное, совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры ямы – 2,25 × 1,14-1,3 м, стенки – почти отвесные. Общая глубина погребальной ямы в материке – 0,14-0,17 м. Из заполнения, которое представляло собой темно-серый гумус, происходят фрагмент днища и 4 обломка стенок лепных горшков с примесью шамота в тесте, фрагмент стенки чернолощеного гончарного сосуда.

Кости погребенных находились на двух уровнях. Верхний фиксировался на наиболее высокой точке глубины свода черепа и тазовых костей западного скелета и чуть ниже. Здесь в кучку были сложены кости ребер и конечностей. Вокруг этого скопления прослеживалось пятно более темного, чем заполнение могильной ямы, грунта размерами около 0,64 × 0,57 м, которое, по всей видимости, являлось следом перекопа.

Ниже находились скелеты двух человек, лежавшие параллельно друг другу и ориентированные головами на северо-северо-запад. Западный из них лежал на уровне 1,1-1,16 м от дневной поверхности, восточный, в целом, чуть выше (на 2 см). Оба скелета находились не на дне ямы, а на 5-7 см выше него. Правое колено восточного скелета перекрывало левую голень западного. Не исключено, что западный покойник был положен в могильную яму несколько раньше восточного. У западного скелета in situ в анатомическом порядке сохранились кости правой ноги и голень левой, а также таз, хотя он и был поднят на несколько сантиметров выше ног. На месте грудной клетки сохранились отдельные ребра. Череп был повернут теменем книзу.

Под ним лежала нижняя челюсть и ряд других костей. Восточный скелет сохранился лучше. In situ лежали кости обеих ног (причем правая была несколько согнута в колене), вытянутая вдоль туловища левая рука, плечевая кость правой, лопатки и ключицы, позвонки грудного отдела. Кости таза перемещены к западу. Положение черепа изменено. Он был развернут затылком книзу и лицом кверху. Оба скелета, таким образом, были нарушены, но, скорее всего, не в результате ограбления или постпогребального расчленения, а землеройными животными, вынесшими часть костей наверх и сдвинувших с первоначального места многие другие. Погребального инвентаря в захоронении не было, но набор керамики, которая происходит из заполнения, характерен для культурного слоя поселения гуннского времени.

Погребение 55 (рис. 219: А-В). Совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по оси северо-восток – юго-запад. Контуры ямы прослежены на поверхности материка. Общая глубина ямы – 0,02-0,03 м, размеры – 2,3 × 0,74-0,83 м. Заполнение представляло собой однородный темно-серый гумус. Из него происходят 2 обломка стенок сероглиняных гончарных сосудов (один – с лощеной поверхностью, другой – с шероховатой).

На дне ямы на глубине 0,92-0,96 м от дневной поверхности головой на северо-восток в вытянутой позе на спине лежал скелет человека. In situ сохранились череп, плечевой пояс, частично правая и левая руки, грудная клетка с правой стороны. Вся нижняя часть скелета отсутствовала. Вещей в погребении не было, но, судя по керамике из заполнения, погребальная яма была выкопана (или захоронение было нарушено) в то время, когда слой гуннского времени на поселении уже отложился.

Погребение 57 (рис. 219: Г). Прослежено в культурном слое на глубине 0,47-0,54 м от дневной поверхности. Парное, на пространстве 1,7 × 0,7 м лежали кости двух человек, причем оба скелета сильно разрушены. Юго-западный из них (скелет А) принадлежал молодой женщине возрастом 17-19 лет (по длине и развитию костей посткраниального скелета). Пол установлен по тазовым костям. Скелет ориентирован головой на северо-запад. In situ лежали лишь кости черепа, фрагменты таза, бедренные, левые берцовые, отдельные кости левой стопы. Фрагменты черепа представлены центральной частью мозгового отдела. Из посткраниального скелета сохранились кости плеча и предплечий, бедренные кости, большеберцовая и малоберцовая кости левой стороны, фрагмент пяточной и таранной кости (левых), разрушенные части таза (в сочленении с бедренными).

Скелет Б лежал слева от описанного выше, но ориентирован он в противоположном направлении: головой на юго-восток. Принадлежал ребенку 6-8 лет (по развитию и длине костей посткраниального скелета). Частично сохранился череп (лобная, фрагментарно теменные и затылочная кости). В остальном скелет представлен только длинными костями: плечевыми, бедренными (эпифизы разрушены), большеберцовыми. In situ, похоже, лежал лишь череп, прочие кости перемещены. Вещей в погребении не было.

Погребение 60 (рис. 220: А). Находилось в культурном слое на глубине 0,66-0,79 м от дневной поверхности. Скелет женщины возрастом 25-30 (по зубам), 18-20 (по костям) лежал головой на северо-запад. Пол определен по костям таза и черепа. Несоответствие костного и зубного возрастов объясняется типом питания. Верхняя часть скелета разрушена, череп отодвинут от плеч на 0,45 м к северо-западу. От него сохранился мозговой отдел и нижняя челюсть. Последняя найдена выше погребения. Под черепом располагались позвонки С1-С3. Из костей посткраниального скелета сохранились фрагмент правой лопатки, плечевые, бедренные, таранные кости, правый надколенник, кости голени, фрагменты тазовых костей, крестец, фрагменты ребер, правая ключица, левая лучевая кость, позвоночник (Т1 – Т4, L1 – L5). Кости расположены в естественном порядке (кроме надколенника, который находился в области поясничных позвонков, правой ключицы, найденной к северо-западу от правого плеча, и левой плечевой кости, отодвинутой к северо-востоку от левого плеча). Суставные сочленения присутствуют между бедренными костями, тазом, крестцом, позвонками. Левая локтевая кость располагалась под тазом. В погребении на уровне костей скелета найдены кости животных, из-под захоронения происходят 3 обломка сосудов эпохи бронзы, груболепная неорнаментированная керамика (с шамотом в тесте – 13 фрагментов, с шамотом и дресвой – 2 фрагмента, с дресвой в тесте – 18 фрагментов) 2 обломка сероглиняных гончарных сосудов. Состав керамики типичен для отложений гуннского периода. Погребение, таким образом, впущено в культурный слой этого времени.

Погребение 61 (рис. 220: Б). Зафиксировано в культурном слое на уровне 0,85-0,97 м от

дневной поверхности. Погребальная яма не прослежена. Скелет был ориентирован головой на северо-запад. Он сильно разрушен. In situ сохранились череп и кости ног. В погребении захоронена женщина возрастом 20-25 лет. Пол определен по нижней челюсти и фрагментам черепа, возраст – по зубам. Череп сохранился фрагментарно: фронтальная, левая височная, левая теменная, левая скуловая кости, фрагменты верхней челюсти. На внутренней поверхности костей черепа имеются «пальцевые вдавления». На клыках верхней и нижней челюсти присутствуют следы эмалевой гипоплазии (3-5 лет). От посткраниального скелета сохранились фрагменты рукояти и тела грудины, обломки бедренных и большеберцовых костей. На месте груди на уровне скелета обнаружена костяная проколка (рис. 220: 1). Поскольку вещь найдена в той части захоронения, где скелет был разрушен, то принадлежность ее к погребению вызывает сомнения.

Погребение 62 (рис. 220: В). Перекрывает яму 12 раннего железного века или первых вв.н.э. В культурном слое на глубине 0,99-1,01 м обнаружено несколько костей женщины (?) возрастом 20-30 (? по tibia). Погребальная яма не прослежена. Пол определен предположительно по общему развитию костного рельефа в виду плохой сохранности костей. Череп отсутствует. От посткраниального скелета сохранились: большеберцовые кости, фрагмент правой плечевой, фрагменты диафизов малоберцовых костей. В локтевой вырезке плечевой кости – перфорация. Кости tibia располагаются параллельно друг другу, плечевая кость – между ними. Вещей не было. Скелет первоначально, скорее всего, был ориентирован по оси северо-запад – юго-восток.

Погребение 64 (рис. 220: Г). Зафиксировано в культурном слое на глубине 1,01-1,08 м от дневной поверхности. Здесь головой на северо-западо-запад лежал сильно разрушенный скелет ребенка 5-7 лет. Возраст определен по степени прорезывания зубов. В погребении сохранились кости верхней и нижней челюсти, ключицы, правая лопатка, фрагменты ребер. Судя по расположению костей, до разрушения скелет лежал в вытянутой позе на спине.

Погребение 66 (рис. 220: Д). В культурном слое на глубине 0,78-0,94 м от дневной поверхности лежали фрагменты черепа и обломок плечевой кости ребенка возрастом 10-15 лет. Возраст определен по развитию костей черепа, фрагменту плечевой кости. В обломках сохранились лобная, левая теменная кость, сосцевидный отросток левой височной кости, левая плечевая кость. Кости черепа лежат в естественном порядке, сочленены. Погребальная яма не прослежена.

Погребение 67 (рис. 220: Е). В нижней части культурного слоя на глубине 0,99-1,12 м от дневной поверхности лежали кости мужчины возрастом 35-40 лет. Пол определен по черепу, размеру и развитию костного рельефа tibia, возраст – по зубам. Череп сохранился полностью целым, за исключением левой теменной кости и нижней челюсти, кости сочленены. На черепе имеются резаные следы, лизисы на поверхности эндокрана. На зубах верхней челюсти отмечены следы кариеса (M3), скол коронок (1P1 P2 M1). От посткраниального скелета сохранились фрагменты tibia и ulna (правой и левой стороны), пяточной и таранной костей (левой стороны), позвонка L4. Погребение разрушено практически полностью. Среди сохранившихся костей закономерностей расположения не прослеживается. Они занимали пространство 1,2 × 0,5 м, череп находился в его северо-западной оконечности, но он был развернут лицом к северо-западу, а не «внутрь» скелета. На уровне залегания костей обнаружен обломок днища груболепного сосуда с шамотом и известняком в тесте, фрагмент стенки лепного лощеного сосуда, попавшие в погребение, скорее всего, из культурного слоя.

Погребение 68 (рис. 221: А). Зафиксировано в культурном слое на глубине 0,73-0,8 м от дневной поверхности. Погребальная яма не прослежена. Скелет принадлежал женщине возрастом 25-30 лет (?). Пол определен по сохранившимся фрагментам таза, развитию костного рельефа; возраст (предположительно) по размеру и развитию костей посткраниального скелета. Разрушена верхняя часть скелета выше таза. Череп отсутствовал. Сохранились фрагменты локтевых, лучевых костей, крестца, тазовых, бедренных, большеберцовых костей. Имеются суставные сочленения между позвонками, крестцом, тазом, также левой бедренной и большеберцовой костью. Позвоночник и ноги погребенного сохраняют анатомический порядок, руки лежали перпендикулярно телу. Первоначально погребенный был ориентирован головой на северо-запад. Вещей в захоронении не было.

Погребение 69 (рис. 221: Б). В нижней части культурного слоя на глубине 1,0–1,06 м от дневной поверхности лежал сильно разрушенный скелет мужчины возрастом 18-25 лет, первона-

чально ориентированный головой на северо-запад. Погребальная яма не прослежена. Пол определен по тазовым и бедренным костям, возраст – по развитию костей (череп отсутствовал). В захоронении не было всей верхней части скелета за исключением некоторых костей рук. В погребении сохранились: фрагменты плечевых, бедренных, тазовых костей, правой локтевой кости, крестца, правой лопатки, костей голени, позвонка С2. Правая плечевая и локтевая кости, крестец, тазовые и бедренные кости имеют суставные сочленения. Несмотря на то, что скелет разрушен, оставшиеся кости сохранили естественный порядок. На уровне залегания скелета найдены кости животных. Под левой голенью, которая в погребении отсутствовала, прослежено пятно обожженности грунта толщиной около 0,5 см. Оно имело скобообразую форму длиной 0,3 м и шириной 0,08-0,12 м. На его поверхности зафиксирован кусок древесного угля длиной 0,1 м и шириной 0,05 м. Еще одно пятно такой же толщины прослежено в 10 см к юго-западу от предыдущего, ближе к правой голени, кости которой тоже были обожжены. Его размеры – 0,08 × 0,2 м. Пятна прокала грунта представляют собой деталь погребального обряда. Вещей в захоронении не было.

Погребение 70 прослежено на двух стратиграфических уровнях.

Верхний уровень (рис. 222). В культурном слое на глубине 0,77-0,82 м от дневной поверхности прослежены контуры более темного, чем окружающий грунт, пятна неправильно округлой формы размерами 2,1 × 2,15 м, представлявшего собой, вероятно, основание ямы. Чуть выше восточного края пятна в культурном слое обнаружено *скопление керамики 6* размерами 0,27 × 0,24 м, состоящее из фрагментов сосуда катакомбной культуры эпохи бронзы, из которых удалось склеить его полный профиль (примерно, третью часть горшка) (рис. 224: 1).

Над западной частью пятна чуть ниже этого развала обнаружено еще одно скопление черепков общими размерами 0,2 × 0,47 м. Оно состояло из обломков верхней части груболепного округлобокого горшка с крупным шамотом в тесте, типичного для гуннского времени (рис. 224: 2). Севернее и юго-восточнее второго скопления на разных уровнях найдены кости двух черепов, лежавшие без анатомического порядка.

Большая часть из них принадлежали женщине возрастом 20-30 лет. Пол определен по фрагментам костей черепа и нижней челюсти, возраст – по зубам. Череп разрушен посмертно, его кости лежали на разных уровнях. Сохранились фрагменты нижней челюсти, фронтальной, левой височной, затылочной, теменных долей. По степени стертости зубов возраст можно определить 25-35 годами, но отсутствие М3 говорит либо о гиподонтии, либо, учитывая стертость поверхностей, характеризует тип питания (в этом случае возраст определим 20-25 годами). Кости посткраниального скелета не сохранились.

Фрагмент височной кости принадлежал, скорее всего, ребенку.

Нижний уровень (рис. 223). Ниже темного пятна на уровне материка на глубине 0,78-0,94 м от дневной поверхности зафиксированы контуры овальной в плане ямы, в целом совпадающей с ним, хотя и несколько выступающей за его пределы. Размеры ямы – 2,5 × 1,4-1,6 м, в плане она близка к овалу с выемкой в западной части. Дно находилось на уровне 0,96-1,04 м от дневной поверхности. Общая глубина ямы в материке – 0,1-0,2 м. Заполнение представляло собой серый гумусированный суглинок.

На дне ямы в центральной ее части головой к северо-северо-западу в анатомическом порядке лежал скелет женщины возрастом 30-35 лет. Пол определен по костям таза, черепа, общему развитию скелета, возраст – по зубам, черепу. Погребенная была положена на спину, руки вытянуты вдоль корпуса, левая слегка согнута в локте. Ноги первоначально, по всей видимости, были согнуты в коленях, подтянуты кверху и стояли на стопах. Впоследствии правая нога упала в согнутом в колене виде вправо, кости левой в перемещенном состоянии находились юго-восточнее таза и с левой стороны.

Череп сохранился полностью (целый), в области asterion имеются wormian bones, на зубах отмечен зубной камень. Из костей скелета отсутствуют: грудина, правая стопа, кисти, надколенник, очевидно, вынесенные из захоронения грызунами. In situ имеются суставные сочленения. На тазовых костях признаков перенесенных родов нет. В средней части груди на одном из позвонков заметно зеленое пятно – окисел бронзы. Около бедра левой ноги найден кусочек древесного угля, еще один уголек обнаружен у правого плеча на уровне скелета. У левой голени находился кусочек реальгара, с правой стороны от черепа – три кусочка мела.

К юго-западу от плеча погребенной ближе к краю ямы на 10 см выше дна ямы в этом месте, без видимого анатомического порядка лежали

кости ребенка возрастом 1-1,5 месяцев (по ключице, tibia). От погребения сохранились фрагменты ребер, черепа, ключица, tibia. К западу от черепа на той же глубине лежали несколько обломков сосудов. Два из них относились к эпохе бронзы (в т.ч. фрагмент стенки сосуда катакомбной культуры), три – неопределимые в культурно-хронологическом отношении. Прочая керамика – груболепная неорнаментированная (с шамотом в тесте – 2 фрагмента, с шамотом и дресвой – 1 фрагмент, с дресвой – 2 фрагмента), по набору технологических групп она характерна для гуннского периода.

Таким образом, в овальной яме сначала была захоронена женщина. Яма при этом не засыпалась, судя по тому, что колени погребенной были подняты кверху, и, вероятно, имела какое-то перекрытие. Затем она была вскрыта, из погребения были изъяты вещи (первоначально они были, т.к. от одного бронзового предмета остался окисел на костях), но скелет при этом не был разрушен. В процессе засыпки погребения после вскрытия рядом с женщиной был положен младенец (или его кости). Керамика в нижнюю часть ямы попала, вероятно, из культурного слоя. Затем, когда яма уже была частично засыпана, в нее были помещены остатки разрушенного перекопом погребения эпохи бронзы, к которому относился горшок из скопления 6 и куски двух черепов, а также обломки горшка гуннского периода. Дата погребения диагностируется сосудом гуннского времени из заполнения.

Погребение 77 (рис. 221: В). В культурном слое на глубине 0,9-1,07 от дневной поверхности головой на северо-запад в вытянутой позе на спине лежал скелет мужчины возрастом 25-27 лет (по зубам), 17-19 лет (по длине ключицы, развитию костей посткраниального скелета). Погребение сильно разрушено. Отсутствует правая часть груди, таз, левые рука и нога. Правая рука вытянута вдоль корпуса.

Череп представлен фрагментарно, но практически полностью. На затылочной кости в районе большого затылочного отверстия просматривается вдавленное повреждение. Наблюдается ряд эпигенетических признаков – шовные кости в lambda, groovs frontalis. Верхняя челюсть отсутствует. На зубах нижней челюсти фиксируется зубной камень, эмалевая гипоплазия (прав. P1, C), прижизненная утрата P2 левой стороны. С правой стороны отсутствует P2. В промежутке между P1 – M1 расположен m2 (молочный). Посткраниальный скелет: фрагменты лопаток, левая ключица, правая плечевая, головка левой плечевой, фрагмент правой локтевой кости, фрагменты 8 ребер. Шейные позвонки сохранились все, грудные – до девятого (T1 – T9). От нижних конечностей сохранились диафизы бедренной кости, надколенник и кости голени. На дорзальной поверхности с латеральной стороны на бедренной кости заметны параллельные резаные отметины. У правого плеча скелета на его уровне найдена серьга в виде несомкнутого бронзового кольца из дрота (рис. 221: 1). Других вещей в погребении не было.

Погребение 78 (рис. 225: А). Перекрывает сверху коллективное погребение 79 эпохи бронзы. В культурном слое на глубине 0,75-0,85 м от дневной поверхности головой на юго-восток в вытянутой позе на спине лежал скелет мужчины возрастом 30-35 лет. Пол установлен по сохранившимся костям посткраниального скелета и фрагментам черепа, возраст по зубам. Погребальная яма не прослежена. Захоронение сильно разрушено: полностью отсутствуют ноги, верхняя часть груди. Тем не менее, по сохранившимся фрагментам можно заключить, что первоначально покойник лежал в вытянутой позе на спине, а руки были положены вдоль корпуса. Из костей черепа в погребении остались лобная, теменные, височные кости, фрагменты верхней челюсти (с зубами) и правой скуловой кости. Нижняя челюсть отсутствует. Прослеживаются эпигенетические признаки – остеомы (на правой височной кости, левой теменной с медиальной стороны) и groovs frontalis (на лобной кости). Как факторы пищевого стресса могут расцениваться cribra orbtala и эмалевая гипоплазия (C, P1 правой стороны; предположительно в возрасте 4,5 лет). Все зубы верхней челюсти присутствуют, за исключением M1 правой стороны. Из остальных костей скелета сохранились плечевые кости, кости правого предплечья, фрагменты правой кисти, костей таза, нескольких ребер и тела 5 грудных позвонков во фрагментах. На плечевых костях отмечается заметный рельеф. На правой подвздошной кости два вдавленных перелома (скорее посмертных).

В 45 см к северо-западу от таза скелета чуть ниже его обнаружено несколько груболепных черепков (с шамотом в тесте – 2 фрагмента, с шамотом и известняком – 1 фрагмент) и обломок лепного подлощенного сосуда. Эта керамика по фактуре характерна для гуннского периода. Принадлежность черепков к погребению вызывает сомнение, но важно, что в культурном

слое ниже скелета встречена керамика гуннского времени.

Погребение 81 (рис. 225: Б,В). Совершено в овальной в плане могильной яме, ориентированной по оси северо-запад – юго-восток, контуры которой прослежены на поверхности материка. Плоское дно находилось на уровне 1,18-1,20 м от дневной поверхности. Размеры ямы – 2,3 × 0,8 м, стенки – практически отвесные, глубина в материке – 0,09-0,16 м. Заполнение представляло собой однородный чернозем.

Погребение сильно разрушено. Кости находились на разных уровнях и концентрировались в северо-западной и юго-восточной оконечностях ямы. Параллельно друг другу лежали лишь кости голеней ног, из чего можно заключить, что скелет до вскрытия могилы был положен в вытянутой позе на спине головой на северо-запад.

Останки принадлежали женщине возраста Adultus. Сохранились только кости правой и левой голени и стопы. На большеберцовых костях замечены следы варикозного расширения вен. В погребении присутствуют кости животных. Вещей не было.

* * *

Таким образом, большинство погребений на могильнике разрушены после их совершения. Нетронутыми оказались лишь 7 из них. Все они исследованы к западу от ложбины, т.е. в западной оконечности памятника.

Совершенно уникальным для Верхнего Подонья является коллективное погребение объект 1 раскопа 7, которое, как уже отмечалось выше, имеет аналогии в причерноморско-северокавказском регионе. Погр. 54А было парным. Подобные захоронения, правда, со следами постмортального расчленения, зафиксированы на могильниках Ксизово-17 («Мыс», погр. 6), Ксизово-19 (погр. 57), Животинное (погр. 5). Прочие погребения (13, 18, 23, 29) были одиночными. В западном секторе ориентированы головами скелеты объекта 1 и погребений 13, 23, 29, в северном – погр. 54А, в восточном – погр. 18. Размеры ям одиночных захоронений приблизительно соответствуют длине и ширине тела покойного с некоторым допуском, глубины залегания скелетов от дневной поверхности – 0,93 – 1,27 м (2 и 3 типы глубины могильника Ксизово-17). Все ямы – простые, без заплечков и ниш. Для совершения погр. 18 была использована западина на месте хозяйственной ямы более раннего поселения.

Погребенные, в основном, лежали в вытянутой позе на спине. Лишь один скелет (А объекта 1) был положен в скорченной позе на левом боку. Руки большинства погребенных вытянуты вдоль туловища, у двух они согнуты в локтях (скелет Г объекта 1, погр. 29), у одного – согнута в локте и положена кистью под голову правая рука (скелет Б объекта 1), еще у одного руки согнуты в локтях и сложены на груди (погр. 23). Ноги погребенных, как правило, вытянуты параллельно друг другу. Исключение составляет погр. 29. Ноги покойника, по всей видимости, были первоначально согнуты в коленях и поставлены вертикально на стопы. Один скелет был перекрыт сверху блоками из сырой глины (В объекта 1), другой – таким же блоком и камнем (Б объекта 1). За головой у него находился еще один камень.

В погр. 29, кроме основного скелета, зафиксировано наличие разрозненных костей другого, принадлежавшего младенцу. Положение дополнительных костей человека в погребение зафиксировано на могильнике Ксизово-17 (участок Б, погр. 3 и 23).

В двух погребениях (29 и 54А) вещей не было. Инвентарь прочих довольно скуден: бусы и псалий из объекта 1, браслет из погр. 18, 2 бронзовые пластины и верхняя часть горшка из погр. 23. Относительным богатством выделяется погр. 13, где была захоронена девушка с браслетами на руках, ожерельем бус на шее и расшитой бисером лентой на голове.

В целом, неразрушенные погребения Ксизово-19 (не считая коллективного захоронения) принципиально ничем не отличаются от исследованных на могильнике Ксизово-17, за исключением положения рук и ног некоторых погребенных.

По набору вещей первой третью V – началом VI в. датируется коллективное захоронение «объект 1» раскопа 7, а всем гуннским временем в целом – погр. 13. Судя по керамике из заполнения, засыпка могильной ямы погр. 29 производилась тогда, когда в культурном слое уже содержалась керамика гуннского периода.

Имеют ли отношение к середине 1 тыс.н.э. разрушенные погребения? Этот вопрос, в свою очередь, делится на два: во-первых, когда совершены погребения, во-вторых, когда они были разрушены? Проблема времени разрушения захоронений специально рассмотрена в главе 8. Здесь мы попытаемся дать ответ на первый вопрос.

Как было показано выше, кроме керамики из погр. 2, 70, серьги из погр. 77, кольца, обломков

железного ножа и втулки наконечника стрелы из погр. 17 в расчлененных захоронениях никаких предметов, которые можно было бы считать погребальным инвентарем, не было. Тем не менее, из культурного слоя происходит множество вещей, которые можно условно назвать «предметами могильной группы», т.е. тех, которые часто встречаются в погребениях эпохи Великого переселения народов. К ним относятся на западном участке 11 фибул и их обломков, 34 целых и фрагментированных стеклянных бусины, 4 пинцета, 3 серьги и кольца, 1 обломок гребня, 5 фрагментов зеркал, 3 обломка браслетов, 4 фрагмента стеклянных сосудов, 8 разнообразных подвесок (в большинстве своем трапециевидных и колокольчиков), 9 деталей поясных наборов (рам, язычков и обойм пряжек, накладок), накладка-цикада, ногтечистка.

В культурном слое восточного участка найдены 12 фибул и их фрагментов, 2 обломка гребней, 4 серьги и кольца разных типов, 9 деталей поясных наборов, 7 подвесок, 4 стеклянных бусины, 1 обломок стеклянного сосуда, 5 обломков браслетов, 3 пинцета, 1 сюльгама, 1 бронзовая пронизь, 1 фрагмент зеркала. Металлические вещи изготовлены не только из железа и бронзы, но и из серебра, т.е. встречались довольно дорогие предметы. Ниже будет показано, что весь этот комплекс вещей относится к середине 1 тыс.н.э.

Необходимо отметить, что не только в разрушенных погребениях, но и в объектах поселения находок «могильной группы» практически не было. Исключения составляют лишь яма 12 раскопа 7, где найдена серия бусин, и юртообразная постройка 4 раскопа 1, с которой связаны бронзовая фибула и обломок бантиковидной накладки (Обломский, 2006). Разумеется, такого количества престижных вещей в культурном слое поселения просто не может быть, даже несмотря на изрядную исследованную площадь.

Тем не менее, хотя бы в виде предположения связь находок «могильной группы» с культурным слоем поселения априори отрицать нельзя. Проблема наличия или отсутствия ее требует специального исследования.

На общем плане раскопов 4,7 и 9, составлявших общую площадь к западу от ложбины, откуда происходят практически все престижные вещи на этом участке памятника (кроме подъемного материала) нанесены данные о средней степени концентрации керамики середины 1 тыс.н.э. на 1 кв.м культурного слоя (рис. 226). Естественно предположить, что и вещи должны в подавляющем большинстве выпадать в землю там же, где происходило наиболее интенсивное накопление культурных остатков, т.е. в местах наибольшей концентрации массового материала. Тем не менее, группировка «находок могильной группы» иная. Они сосредоточены не на тех участках, где керамики больше всего, а составляют две полосы. Первая из них тянется от западного угла исследованной общей площади через центр к юго-восточному краю, вторая – параллельно ей к северу от середины северного борта раскопа 7 к юго-восточному углу раскопа 9. Обе полосы находятся около двух основных зон расчлененных погребений, которые образуют на этой площади некоторое подобие двух рядов. Очень похожая картина наблюдается к востоку от ложбины на раскопах 3,5 и 6. Области наибольшей концентрации керамики в культурном слое поселения фиксируются в южной и центральной частях их общей площади (рис. 227). На южном участке престижных вещей практически нет, большинство из них обнаружены в восточной и северной частях раскопа. Расчлененные погребения, составляющие вместе с несколькими неразрушенными 3 основных ряда, концентрируются в центральной и западной части исследованного участка. Престижные вещи найдены, в основном, как в пределах их ареала, так и вдоль северной и восточной его границ.

Таким образом, можно считать установленным, что находки т.н. могильной группы действительно связаны именно с могильником и попали в культурный слой из погребений во время их разрушения (так же, как и отдельные человеческие кости). О том, что расчлененные погребения относятся к середине 1 тыс.н.э. свидетельствуют радиокарбонные даты некоторых из них (табл. 1).

Буквально сразу после начала работ в Ксизово-19 поступили сведения, что к памятнику проявили интерес кладоискатели: на поверхности поля мы неоднократно находили грабительские ямки, выкопанные для того, чтобы достать из культурного слоя металлические вещи. На сайтах кладоискателей в интернете были выставлены на продажу некоторые украшения из Ксизово. Для того, чтобы спасти от грабителей как можно больше вещей, во время работы экспедиции был организован сбор подъемного материала, в т.ч. и при помощи металлоискателя. Участки, на котором он производился, показаны на плане памятника (рис. 228). Глубина залегания предметов – до 20 см, что на большей ча-

сти площади памятника соответствует пахотному слою. В результате была получена довольно большая коллекция вещей разных эпох, в т.ч. и середины 1 тыс.н.э., которая вместе с материалами из раскопок передана в Государственную дирекцию охраны памятников истории и культуры Липецкой обл. К сожалению, из-за условий землепользования и по другим причинам полностью собрать металлические вещи из слоя пашни не удалось. Ограбление памятника «черными копателями» продолжается.

Ниже приводится описание «вещей могильной группы» из Ксизово-19, а также предметов тех же категорий, которые происходят из подъемного материала. Сведения о бусах включены в главу 11. Интересно, что многие предметы из цветных металлов согнуты, сломаны или скручены для придания им большей компактности еще в древности. Вероятно, основной целью вскрытия могил в середине 1 тыс.н.э. был поиск сырья для дальнейшей переработки его ювелирами.

Украшения

Фибулы[1]

А. Двучленные с прогнутым корпусом.

1. *Бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины серии I южного (или крымского варианта) по классификации А.К. Амброза* (подъемный материал, рис. 229: 1). Изготовлена из узкой пластины без фасеток и огранки. Высота – 4 см, ширина пластины – 4-5 мм. По А.К. Амброзу основной ареал – Крым, дата – IV в. (Амброз, 1966, с. 66, табл. 11: 16,18). Для черняховской культуры такие фибулы не характерны, хотя иногда и встречаются в ее комплексах, в основном, в дунайско-днестровском регионе. Примером могут служить изделия из погр. 60 и 89 могильника Оселивка на Западной Украине (Никитина, 1988, табл. 32: 2; 50: 2). Известны подобные фибулы и в Нижнем Подунавье. В крепости Нове Е. Генчева датирует их второй половиной III в. (Генчева, 2004, с. 53-54, табл. XVI: 2,3).

2. Обширная и типологически очень слабо изученная *группа железных и бронзовых двучленных фибул с прогнутым в верхней части корпусом, со сплошным или подвязным приемником и широким кольцом для крепления пружины.* В Верхнем Подонье их в настоящее время известно 32 экз. В Ксизово-19 обнаружено 19 экз., причем из культурного слоя раскопов их происходит 13 экз. и одна фибула связана с юртообразной постройкой на раскопе 1 (рис. 229; 230; см. также главу 5 монографии). Эти фибулы в разных системах классификации в зависимости от конкретных деталей могут относиться к нескольким таксонам[2], но объединяет их, кроме общей профилировки корпуса, особый способ крепления оси пружины. Ее стержень продет в широкое кольцо или муфту, которая сделана из загнутого кверху или книзу края верхней части спинки.

Раньше всего фибулы этой группы, похоже, появляются в Нижнем Подунавье. Е. Генчева вслед за Г. Диакону относит их к двум типам (19б и 19в) с относительной короткой и длинной пружинами. Суммарная их дата – середина – вторая половина III – IV в. (Генчева, 2004, с. 54, 55, табл. XVI: 5-7, 9-12). Происходят они и из Среднего Подунавья (доклад Д. Радичевича на конференции «Лесостепная и лесная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», Тула – Куликово поле, ноябрь 2012 г.). Единичные находки фибул дунайского облика известны и в Крыму. А.И. Айбабин могилу 23 Инкермана с фасетированной «дакийской» фибулой относит ко второй хронологической группе древностей Юго-Западного Крыма, которая датируется первой половиной IV в. (Айбабин, 1999, с. 258, 259, табл. XIII: 4).

Экскурс о распространении подобных фибул в Южной и Центральной Европе, включая крайние юго-западные регионы черняховской культуры, сделанный, в основном, по работам М.М. Казанского и Я. Шустера, приводит А.В. Мастыкова. При этом основной период их бытования она датирует IV в., не исключая начало V в. (Мастыкова, 2009, с. 42).

Основной ареал фибул с широким кольцом для крепления пружины в Восточной Европе – Нижнее Подонье, Северный Кавказ, отчасти Крым, хотя встречаются они и за пределами очерченного региона, суммарная дата – конец

[1] См. также главу 10 монографии.

[2] По А.К. Амброзу – группа 15, серия VI («лебяжьинская»), вариант 4; группа 16, подгруппа 3, серия I; группа 17, подгруппа 1, вариант II (Амброз, 1966), по А.В. Мастыковой – 5 серий группы дуговидных фибул (Мастыкова, 2009, с. 41-46). И.О. Гавритухин выделил 3 серии боспорских фибул с широким кольцом для крепления пружины (Гавритухин, 2008, с. 363, 364).

IV – VI вв. На Северном Кавказе известны, возможно, и в VII в. (Обломский, 2009, с. 261-264; Мастыкова, 2009, с. 41-46).

Происхождение восточных фибул рассматриваемой группы загадочно. А.В. Мастыкова считает возможным искать их прототипы на Северном Кавказе в позднеримский период. Тем не менее, находки из Донифакса, Лизгора, Задалиска, Кумбулты, Нижней Рутхи, на которые она ссылается (Мастыкова, 2009, с. 42), слабо документированы (Абрамова, 1997, с. 75-77). Связь их с комплексами, а соответственно, и более или менее точную датировку установить невозможно. Не исключено, что они относятся к тому же периоду, что и основной массив подобных фибул на Северном Кавказе, тем более, что эти предположительно ранние фибулы по характеру заготовки, профилировке корпуса, орнаментации ничем существенным не отличаются от прочих.

Не исключено, что прогнутые фибулы с широким кольцом или муфтой для крепления пружины появляются в результате переработки в сторону упрощения черняховских традиций. Узкое вертикальное кольцо с отверстием для опоры оси пружины заменяется более простым держателем – согнутой в трубку верхней частью спинки. Отметим, что подобный способ крепления оси пружины ранее был хорошо известен в Северном Причерноморье на двучленных лучковых фибулах. Допустимо также влияние на возникновение восточных прогнутых фибул с широким кольцом дунайских традиций изготовления подобных украшений.

Вариант 1[3] . Подвязные фибулы, сделанные из пластин относительно равномерной ширины – 2 экз. из бронзы и 1 экз. из железа (рис. 229: 2-4). Высота фибул – 5,2-5,7 см, ширина корпуса – 7-8 мм. У одной из них на спинке заметен слабо выступающий продольный валик (рис. 229: 2), у другой выше завязки края орнаментированы косыми насечками (рис. 229: 4). На концы осей пружин у бронзовых фибул надеты округлые с продольными отверстиями шишечки таким образом, что прутики осей слегка выходят за их края.

В Верхнем Подонье бронзовая подобная фибула без орнамента с шишечками на концах пружины происходит с поселения Ксизово-16. К этому же варианту относятся фасетированные фибулы из погребения 2 могильника Ксизово-17Б, вероятно, из культурного слоя Ксизово-17А и из Замятино-8. Фибула из Ксизово-17Б происходит из погребения 2, а обломок застежки из Замятино-8 связан с усадьбой мастера-гребенщика. Оба объекта датируются около второй трети – середины V в. (Обломский, 2009, рис. 5: 1,2,5,7, см. также главы 2 и 4).

По классификации А.К. Амброза такие фибулы соответствуют группе 16, подгруппе 3, серии I. Специфика северокавказских изделий заключается в наличии у многих экземпляров обмотки корпуса проволокой или ее имитации (Амброз, 1966, с. 68; Мастыкова, 2009, с. 44, 45). Тем не менее, фибулы без обмотки, подобные найденным в Верхнем Подонье, на Кавказе также известны (Мастыкова, 2009, рис. 12: 2,5,6,8; Абрамова, 1997, рис. 17: 6; 52: 2). Закрытые комплексы, из которых они происходят датируются: Дюрсо, погр. 285 – 375-500 гг., Гиляч, погр. 5 1965 г. – 380/400 – 450/460 гг., Тагамцик, погр. 4 – 360/370 – 470/480 гг., Лермонтовская Скала 2, погр. 11 – 380/400 – 500/510 (Мастыкова, 2009, с. 189, 216, 219, 234).

В Нижнем Подонье такие фибулы обнаружены на поселении Рогожкино XIII (Гудименко, Толочко, 2012, рис. 7: 4), в культурном слое городища Танаис (Обломский, 2010б, рис. 7: 4), в нескольких погребениях его некрополя (Арсеньева и др., 2001, табл. 6: 63; 9: 107, 108; 21: 284, 285). Из последних узкую дату в пределах периодов D1-D2 центральноевропейской хронологии, т.е. около 380-440 гг. по определению авторов публикации, имеет погр. 18 1985 г. (Арсеньева и др. 2001, с. 207).

На Кубани две такие фибулы без орнамента обнаружены в некрополе на Старокорсунском городище №2 в погр. 557з и 619з. Оба захоронения датируются авторами публикации именно по этим фибулам, но в погр. 619з найдена калачевидная пряжка со слегка прогнутым язычком, характерная для периодов C3 и D1 центральноевропейской хронологии (вторая 0 третья треть IV в.) (Ламберис, Марченко, 2009, рис. 2: 3; 3: 2,5).

В Крымском Приазовье фибула, близкая к варианту 1, обнаружена в склепе 13/1 могильника Сиреневая бухта. По заключению автора публикации захоронения на могильнике нача-

[3] Другое типологическое деление фибул с широким кольцом для крепления пружины приведено в главе 10 монографии (автор И.О. Гавритухин). Обе типологии на наш взгляд являются предварительными. По этой причине мы не стали сводить их вместе, а оставили в виде, соответвующем замыслу каждого автора.

лись в III в., но особенно интенсивно они совершались в V-VI в. (Масленников, 1997, с. 38; рис. 27: 1).

Вариант 2. Подвязные пластинчатые фибулы с расширенным в верхней части корпусом, суживающимся к завязке, и относительно узкой ножкой – 2 целых и 5 фрагментированных экз. из бронзы (рис. 229: 5-11). Высота целых фибул – 5,3-5,8 см, максимальная ширина корпуса – 0,6-1,2 см, минимальная – 0,4-0,5 см, ширина ножки – 0,4-0,8 см. У 4-х фибул пластина выше завязки имеет слабо выпуклый продольный валик (рис. 229: 6,7,9,11), как у одной из фибул первого варианта (рис. 229: 2). Ножка орнаментирована насечками по краю, в трех случаях в сочетании с продольными фасетками (рис. 229: 6, 7, 9, 11). У двух насечками по краю украшена слегка вогнутая пластина корпуса (рис. 229: 5,8), еще у одной корпус был снабжен легким продольным ребром (рис. 229: 10). На концы осей пружин двух изделий надеты шишечки с продольными отверстиями (рис. 229: 5, 11). Еще у одной эти шишечки были, как бы, двойными (рис. 229: 7).

В Верхнем Подонье аналогичная фибула с коническими шишечками и ножкой, украшенной насечками по краю и фасетками, происходит с поселения Мухино-2 (Обломский, 2009, рис. 5: 3).

По классификации А.К. Амброза такие застежки относятся к группе 15, серии VI («лебяжьинской»), варианту 4, которая датируется «второй половиной IV, V, и частично VI в.» Ареал – Северный Кавказ, Крым, Восточная Грузия, Абхазия (Амброз, 1966, с. 57). Из четырех фибул, рисунки которых приводит в своем своде А.К. Амброз, две, так же, как и экземпляры из Верхнего Подонья, имеют на спинках продольные слабо выраженные валики (Амброз, 1966, табл. 10: 9,10). В более поздних публикациях издана еще серия фибул с расширенной спинкой из Северного Кавказа (Абрамова, 1997, рис. 50: 4; 54: 12; Мастыкова, 2009, рис. 12: 1,3,4,7). Комплексы с ними датируются: Дюрсо, погр. 197 и 483 – 450 – 480/490 гг.; Пашковский 1, погр. 5 1949 г. – 450-470 – 530-570 гг. (Мастыкова, 2009, с. 187,194,204,205).

В Танаисе подобная фибула происходит из погр. 43 1985 г., которое датируется около 380-440 гг. (Арсеньева и др. 2001, с. 207, табл. 26: 356).

В некрополе Старожилово-1 Крымского Приазовья близкая фибула найдена в склепе 4/4 (Масленников, 1997, рис. 12: 10).

Вариант 3. Прогнутые подвязные фибулы из бронзы с треугольным в сечении корпусом, сплошь украшенным по бокам насечками, расположенными «елочкой», и пластинчатой ножкой, в одном случае орнаментированной насечками по краю – 3 экз. (рис. 230: 1-3). Все три фибулы деформированы, поэтому точную их высоту выяснить невозможно. Приблизительно, она составляет 4-6 см. Ширина корпуса – 3-5 мм, ширина ножки – 4-7 мм. В Верхнем Подонье аналогичная фибула с биконическими шишечками на концах происходит с поселения Мухино-2 (неопубликована, сообщение Г.Л. Земцова).

Точные аналогии этим фибулам найти не удалось. По всей видимости, они специфичны для Верхнего Подонья. Не исключено, что типологически донские изделия связаны с северокавказскими дуговидными прогнутыми подвязными фибулами с поперечным рифлением на корпусе (Мастыкова, 2009, рис. 15: 3,5,10), но это сходство весьма отдаленное. Корпус у кавказских фибул – полукруглый в сечении или полый, полосы рифления – горизонтальные.

Вариант 4. Прогнутые фибулы со сплошным приемником и пластинчатым корпусом относительно равномерной ширины – 2 целых экз. из бронзы и, возможно, 1 фрагментированный экз. (рис. 229: 12; 230: 4, 5). Два целых экземпляра орнаментированы косыми крестами чуть ниже пружины и несколько выше приемника. Выше и ниже каждого креста помещены горизонтальные параллельные линии. Такая же композиция находится на головке фрагментированной фибулы (рис. 229: 12). На корпусе и ножке каждой фибулы заметны боковые горизонтальные фасетки. Ножка одной из фибул дополнительно орнаментирована насечками по краю, расположенными в верхней части (рис. 230: 4), а на плоскую поверхность ножки другого изделия нанесены зигзагообразные насечки (рис. 230: 5). Высота фибул – 4,6 и 4,9 см, ширина корпуса – 5-6 мм.

Вариант 5. Бронзовые орнаментированные прогнутые фибулы со сплошным приемником, пластинчатый корпус которых суживается книзу – 2 экз. (рис. 230: 6,7). Одна из фибул (рис. 230: 7) деформирована, высота другой – 6 см, максимальная ширина корпуса – 7-8 мм, минимальная (на конце ножки) – 3-4 мм. У одной из фибул на корпусе помещены фасетки (рис. 230: 6), у другой – косой крест под пружиной (рис. 230: 7). Ножки обеих фибул украшены в одной и той же манере: зигзагообразными насечками.

Подобные фибулы происходят с поселения Ксизово-8 (рис. 5: 17, 18).

Вариант 6. Железные фибулы с треугольным пластинчатым корпусом – 1 экз. (рис. 230: 8).

Железные фибулы варианта 6 в Верхнем Подонье обнаружены в культурных слоях городища Малый Липяг, могильника Ксизово-17А, на поселениях Мухино-2 (Обломский, 2009, рис. 5: 4,6), Ксизово-16 (см. главу 2 монографии). На концы оси пружины первой из перечисленных фибул были надеты бронзовые цилиндрики. Сохранился один из них. Все фибулы неорнаментированы, лишь в нижней части корпуса изделия из Мухино помещено изображение косого креста (неопубликовано, сообщение Г.Л. Земцова).

Все прогнутые фибулы с широким кольцом для оси пружины и со сплошными приемниками объединены А.К. Амброзом в вариант II группы 17 подгруппы 1. Детальное описание их отсутствует из-за малочисленности известных исследователю экземпляров. Находки происходят из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея. Дата ориентировочно определена в рамках IV в. (Амброз, 1966, с. 71).

И.О. Гавритухин на территории Северо-Восточного Причерноморья выделил две серии бронзовых пластинчатых фибул с широким кольцом для крепления пружины и сплошным приемником: «Фанагория 1989» и «Пашковская», которые формируются во второй половине V в., но известны и в раннем средневековье (Гавритухин, 2008, с. 363, 364). Судя по приведенным в статье иллюстрациям, корпусы фибул обеих этих серий изготовлены из пластин равномерной ширины.

К фибулам с пластинчатыми приемниками из Верхнего Подонья экземпляры выделенных И.О. Гавритухиным серий имеют косвенное отношение: в большинстве случаев они неорнаментированы, а рифление на корпусе, встречающееся на «пашковских» фибулах, в Верхнем Подонье не отмечено. Тем не менее, некоторое сходство, хотя и отдаленное, все же имеется. Ножка одной из фибул из Пашковского могильника орнаментирована зигзагами (Гавритухин, 2008, рис. 1: 11), как у нескольких застежек из Ксизово-19 (рис. 230: 5,6,7), трубчатый приемник, как у некоторых пашковских фибул, имеется у нескольких застежек из Верхнего Подонья (рис. 230: 6-8) (Обломский, 2009, рис. 5: 4,6).

Бронзовые фибулы, близкие к варианту 4, но без орнамента, встречаются в Юго-Западном Крыму в комплексах первой половины V в. (Хайрединова, 2002, с. 58,59).

Железная небольшая фибула с суженной ножкой, очень близкая к верхнедонским образцам варианта 6, найдена в погр. 50 1982 г. вместе с характерной для гуннского времени пряжкой с хоботовидным язычком (Арсеньева и др. 2001, табл. 13: 196, 197).

Таким образом, двучленные прогнутые фибулы с широким кольцом или муфтой для опоры оси пружины из Верхнего Подонья в наибольшей степени близки к застежкам такой же конструкции на Северном Кавказе, в Крыму и в некрополе Танаиса. Комплексы с аналогиями верхнедонским фибулам на этих территориях датируются, в основном, в рамках конца IV – V вв., что подтверждается и материалами Верхнего Подонья. На оси пружин некоторых фибул лесостепного Подонья надеты бронзовые цилиндрики. Таким же способом оформлены концы осей пружин у ряда фибул из Танаиса, что, по-видимому, свидетельствует о единой ремесленной традиции. На это обстоятельство обратил внимание И.О. Гавритухин (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 42).

Вместе с тем, набор верхнедонских фибул второй группы весьма своеобразен и не находит полного соответствия ни на Кавказе, ни в Крыму. Можно поставить вопрос о возникновении собственной моды на подобные украшения в донской лесостепи, хотя эта тема и требует пристального исследования.

Б. Двупластинчатые фибулы.

1. *Большого размера.* В эпоху Великого переселения народов типичны для территории Центральной и Южной Европы, Крыма и Кавказа. Полностью в Ксизово-19 ни одна из них не сохранилась. До нас дошли лишь отдельные детали четырех из них.

Кнопки (рис. 231: 1-4). Круглая с плоским нижним ободком, желобком посередине, верхним сфероконическим выступом, продольным отверстием для насаживания на стержень (рис. 231: 1). Такие кнопки широко распространены на больших составных фибулах из Кавказа, Крыма, Подунавья (Bierbrauer, 2008, Taf. 5: 1, 7; 6: 1, 3; 8: 2, 3; 11: 1,2,4; Tejral, 1973, Abb. 8: 3, 4; 9: 2, 3; 1997, Abb. 15: 9, 10; 22: 3, 4, 6, 7). Фигурными кнопками, такими, как происходящие из Ксизово-19 изделия из белого сплава с позолотой и серебряное (рис. 231: 3,4), снабжены знаменитые фибулы из Смолина (Tejral, 1973, Abb. 4: 3; 5: 6). Большие составные двупластинчатые фибулы в Подунавье относятся к горизонту Смолин-Косино или D2/D3 по Я. Тейралу (430/440 – 470/480 гг.), но и

входят в состав некоторых комплексов горизонта D3 (450 – 480/490 гг.). Изделия с крупными сфероконическими кнопками появляются раньше – в фазе D2. В частности, ими снабжена известная фибула из Качина (Tejral, 1997, S. 344, Abb. 15: 10). На территории Восточной Европы на Северном Кавказе они распространены на первой-второй фазах могильника Дюрсо, которые М.М. Казанский и А.В. Мастыкова синхронизируют с фазами D3 и, частично, D2/D3 Подунавья (Казанский, 2001, с. 45, 46; Мастыкова, 2009, с. 51-52). В Крыму большие составные двупластинчатые фибулы используются вплоть до VII в., причем наблюдается их собственная линия эволюции (Амброз, 1966, с. 87; Айбабин, 1990, с. 19). Кнопки поздних крымских фибул – фигурные, по форме близкие к происходящим из Ксизово-19, но имеющие несколько другую систему крепления. У фибулы из Смолина кнопка соединена с верхней пластиной двумя боковыми вертикальными и одной перпендикулярной заклепкой. У поздних крымских фибул кнопки отлиты вместе со сравнительно широкой пластиной, на которой имеются отверстия для 2-х – 4-х перпендикулярных заклепок (Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 3). Форма крепления фигурных кнопок из Ксизово-19 (рис. 231: 4,5) – такая же, как у фибул из Смолина и других застежек из Подунавья.

Стойка пружины (рис. 231: 5). Оси пружин больших двупластинчатых фибул зачастую бывают соединены пластинчатыми стойками по две вместе. Стойки обычно крепятся к краям верхнего щитка и, как и концы пружин, бывают снабжены шишечками. На фрагменте такой стойки из Ксизово-19 место, где было отверстие для оси пружины, обломано. Торцевая поверхность пластины покрыта насечками.

2. *Двупластинчатая фибула из бронзы с пятиугольной головкой и ножкой в форме усеченного в верхней части ромба*. Верхняя и нижняя пластины по краям орнаментированы зигзаговидными насечками. На окончании верхнего и нижнего щитков и по бокам нижнего щитка заметны круглые плоские выступы, соединяющая пластины дужка в сечении треугольная. Короткая пружина крепится на оси, которая продета в отлитую вместе с корпусом фибулы вертикальную стойку с отверстием. Приемник обломан, но, судя по сохранившейся части, был сплошным (рис. 231: 6). Высота фибулы – 8,8 см, максимальная ширина верхнего щитка – 2,8 см, нижнего (вместе с выступами) – 2 см.

Подобные фибулы, по всей видимости, имеют прототипы в Подунавье, в т.ч. и в могильнике Унтерзибенбрунн (Tejral, 1997, Abb. 15: 1,7). Литые небольшого размера относятся к группе типа Братеи и распространены как в Подунавье, так и в Северном Причерноморье (Tejral, 1997, S. 349, Abb. 29: 11; Kazanski, 2002, p. 409, fig. 17: 7,8; Bierbrauer, 2008, S. 126, Abb. 16). И.О. Гавритухин отнес близкие по стилю малые литые фибулы к типу Вышков-Херсонес, которые возникли как подражания большим фибулам с пятиугольными и треугольными головками. По признаку формы верхней пластины (пятиугольной) фибула из Ксизово-19 относится к понтийской серии, общая дата которой – середина – вторая половина V в. (Гавритухин, 2000, с. 290-294).

3. *Двупластинчатая фибула с подпрямоугольной (?) верхней и листовидной нижней пластиной.*

Край верхнего щитка обломан, поэтому форма его не ясна. Короткая пружина крепилась на отлитой вместе с корпусом стойке с отверстием. Треугольная в сечении дужка – довольно длинная. Нижний щиток – листовидной формы, относительно короткий. На конце его имеются три выступа. Приемник – пластинчатый. На краях обеих щитков заметны небольшие вырезы орнаментального характера. Высота фибулы – не менее 7,4 см, ширина верхнего щитка – 1,7 см, нижнего – 1,6 см (максимальная), 1,1 см (минимальная) (рис. 231: 7).

По конструктивным особенностям и стилю оформления фибула относится к эпохе Великого переселения народов, но точные аналогии ей подобрать не удалось. По форме ножки к ней близка фибула из Краснодарского водохранилища, верхняя часть которой обломана (Мастыкова, 2009, рис. 31: 3).

4. *Фибула с тремя рельефными выступами на треугольной головке и ланцетовидной ножкой* (рис. 232: 1). Верхний щиток пятиугольной формы с тремя рельефными с лицевой стороны и плоскими с внутренней выступами. На нем помещена стойка для пружины, отлитая вместе с корпусом. В отверстие стойки вставлена короткая ось пружины. Дужка в сечении подтреугольная, нижний щиток – листовидный. Общие размеры изделия – 6,2 см, максимальная ширина верхнего щитка (с кнопками) – 2,4 см, нижнего – 1,2 см. Фибула относится к группе двупластинчатых по терминологии А.И. Айбабина (Айбабин 1990, с. 18, 19), по А.В. Мастыковой – трехпа-

лых двупластинчатых (Мастыкова, 2009, с. 55), по Е.Л. Гороховскому – к ранним пальчатым. Впрочем, И.О. Гавритухин посвятил терминологии специальное эссе, где написал об ее условности (Гороховський, 1999; Гавритухин, 2004б). Типологически к фибуле из Ксизово-19 наиболее близки застежки из погр. 15 1948 г. могильника Пашковский 1, Керчи, Бачил-Аула (Мастыкова, 2009, рис. 37: 1; Айбабин, 1990, рис. 10: 9; Гавритухин, 2004б, рис. 122: 12). Тем не менее, экземпляр из Ксизово отличается от перечисленных пятиугольной с вогнутыми краями формой верхней пластины, которая характерна для фибул разных вариантов дунайской традиции (Мастыкова, 2009, с. 53). По типологическим соображениям и комплексу из Пашковского 1 все близкие к экземпляру из Ксизово фибулы датируются второй половиной V – началом VI в. (Гороховський, 1999, с. 71; Мастыкова, 2009, с. 55; Гавритухин, 2004б, с. 90-91; Гавритухин, Казанский, 2006, с. 323).

5. *Двупластинчатые фибулы с глубоким выемчатым (т.н. кербшнитным) орнаментом – 1 целый и 3 фрагментированных экз.* (рис. 232: 2-5).

Кроме Ксизово-19, на территории Верхнего Подонья фибула этой группы найдена на поселении Ксизово-8. Специально рассмотрены в главе 9 монографии. Там же дается их описание. Общая дата фибул этой группы – середина – третья четверть V в.

В. Пальчатая фибула.

Сохранилась лишь ножка с ромбическим нижним щитком и частично дужка, треугольная в нижней части и треугольная с вогнутым основанием выше. Ромбическая ножка украшена выемчатым орнаментом, вписанным в ромб, и оканчивается шишечкой с рельефной поверхностью (рис. 232: 6).

Малые пальчатые фибулы с ножкой подобной формы и орнаментации по западноевропейской терминологии относятся к обширной группе типа Гурзуф, распространенной в Центральной Европе, Подунавье, Крыму, на Северном Кавказе. В рамках группы выделяется несколько локальных серий, но отнесение к ним экземпляра из Ксизово-19 затруднено, поскольку верхняя часть застежки не сохранилась. Формирование группы относится к середине V в., но известны такие фибулы вплоть до рубежа VI-VII вв. (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311-314).

Г. Фибула и накладка «цикады».

Фибула из бронзы имеет пластинчатый приемник и вертикальную стойку для крепления пружины, отлитые вместе с корпусом. Пружина и игла, очевидно, были железными. От них на головке изделия сохранились окислы (рис. 233: 1). Верхняя часть оформлена в виде трех крыльев, отделенных от полусферического окончания рельефной «шейкой». Общая высота фибулы – 4,3 см.

Накладка из серебра имитирует фибулу, но не имеет следов пружинного аппарата и приемника (рис. 233: 2). Также оканчивается тремя крыльями, шейка – рельефная. На ножке помещены два выпуклых выступа «глаза» по бокам и нижний подтреугольный выступ -»челюсти». Общая высота изделия – 3,7 см.

Очень близкую аналогию накладке представляет собой экземпляр из Херсонеса, склеп № 14/1914 г. (Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 12: 15; Айбабин, 1990, рис. 10: 13). Целая очень похожая фибула, но с выступом сверху приведена в издании (Амброз, 1966, табл. 15: 22). Фибула из Ксизово-19 практически полностью аналогична броши из Керчи, склеп 181/1902 г. (Айбабин, 1990, рис. 10: 13; Амброз, 1966, табл. 15: 24). А.И. Айбабин датирует крымские фибулы-цикады второй половиной V в. – первой половиной VI в. (Айбабин, 1990, с. 26; рис. 2: 64).

Недавно были опубликованы находки двух подобных фибул-цикад из погр. 1 катакомбы 145 Китея, которое авторы публикации датируют концом IV – первой половиной V в. (Ханутина, Хршановский, 2011, рис. 2: 3).

Близкие украшения известны в Среднем Подунавье (Vinski, 1957, Abb. 5: 5, 16). В публикации могильников Виминациума такая застежка отнесена к типу «фибул-цикад с фасетками». Отмечено, что в Подунавье и Крыму фибулы этого типа датируются второй третью V – началом VI в. (Ivanisević et alii, 2006, p. 17; fig. 8: 10). Две серебряные фибулы, близкие к экземпляру из Ксизово-19 (рис. 233: 1), происходят из могильника Алмалык-Дере у подножия Мангупа в Крыму. Авторы публикации по аналогиям с Подунавьем датируют эти вещи 460-480 гг. (Mączyńska et alii, 2011, p. 160, fig. 12). Наиболее вероятная дата цикад из Ксизово-19 – вторая треть/середина V – начало VI в.

Д. Треугольная (?) фибула круга восточноевропейских эмалей.

Сохранилась только ножка ажурной фибулы без гнезд эмали (рис. 233: 3). Она близка к тре-

угольной, с «прорезями» справа и слева от середины. На конце ножки и по бокам находились грубые близкие к сферическим выступы. Лицевая поверхность покрыта припоем серо-беловатого цвета, очевидно для скрепления с основой пластин из белого металла, как на многих изделиях круга эмалей стадии деградации по Г.Ф. Корзухиной. Две фибулы с очень близкими окончаниями входили в состав клада, который найден около с. Поставмуки или Сухоносивка (по другому источнику) (Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 157; 158: 3; Левада, 2010). Несколько более отдаленную аналогию представляет собой фибула из Киева, также ажурная с элементами деградации (Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 144: 1).

Ажурные украшения без эмали третьей стадии развития стиля появляются около середины III в. и существовали вплоть до гуннского времени (Обломский, Тепиловский, 2007, с. 123, 124).

На памятнике обнаружены также отдельные детали фибул (пружины, игла) (рис. 230: 9,10; 233: 4).

Браслеты

А. Пластинчатые.

1 *Фрагмент бронзового браслета с одним сохранившимся концом. Корпус изготовлен из пластины, свернутой в трубочку* (рис. 234: 1). На зооморфном окончании помещены два прямоугольных выступа, по образному выражению А.В. Мастыковой напоминающие «капюшон кобры», с прочеканенными точками-»глазками» на них.

В Верхнем Подонье браслет с окончаниями такой же формы, но с гравированной орнаментацией, происходит из погр. 5 Животинного могильника, без орнамента – из погребения на поселении Мухино-2, а в Нижнем Подонье – из погр. 253 некрополя Танаиса, которые относятся к гуннскому времени. Хорошо известны они на Северном Кавказе. А.В. Мастыкова упоминает также отдельные находки на Урале и в Словакии (Обломский, 2004г, с. 223-224, рис. 2: 16,19; Мастыкова, 2009, с. 68, 69; рис. 60, 61).

2. *Фрагмент бронзового браслета из узкой пластины*, орнаментированного таким же образом, как и многие фибулы, т.е. насечками по краям (рис. 234: 2).

Б. Из дрота.

1. *Фрагмент браслета из полукруглого в сечении дрота с каплеобразным сохранившимся концом* (рис. 234: 3). Свернут в многовитковое кольцо.

Браслеты с подобными окончаниями были широко распространены в Северном Причерноморье и существовали длительное время. В крымском могильнике Лучистое происходят из комплексов второй половины V в. (Хайрединова, 2002, с. 63, рис. 5: 9,10).

2. Б*раслеты из круглого в сечении дрота с параллельными глубокими бороздками на концах* – 1 целый и 4 фрагментированных экз. (рис. 234: 4-7, 15).

В эпоху Великого переселения народов они распространены на Северном Кавказе, в Абхазии, в Крыму, в Подунавье, в Италии и Центральной Европе (Мастыкова, 2009, с. 67, рис. 55-58; Хайрединова, 2002, с. 63,64, рис. 5: 6,11,12; Bierbrauer, 2008, Taf. 7: 4). Иногда встречаются в Поочье (Воронина и др.,2005, с. 58, рис. 39: 7).

3. *Браслет из круглого дрота с поперечными насечками на уплощенных концах* (рис. 234: 8).

По стилю и характеру нанесения орнамента напоминает следующий тип, но в упрощенной форме.

4. *Браслеты из круглого или ромбического в сечении дрота с антропо-зооморфными изображениями на уплощенных окончаниях* (7 фрагментированных экз. – рис. 234: 9-14, 16).

На Острой Луке Дона аналогичные браслеты происходят из Ксизово-19А (см. главу 1 настоящей монографии) и с поселения Мухино-2 (Земцов, 2012, с. 175). Подобные браслеты достаточно часто встречаются в Крыму, на Северном Кавказе, в Абхазии, похожие известны в Западной Европе (Мастыкова 2009, 67-69). В понтийском регионе они имеют местные корни (Труфанов 2001, 71). Регион их концентрации наблюдается в Поочье. И.В. Белоцерковская указывает, что в культуре рязано-окских могильников такие браслеты появились в период 3, который датируется V (возможно, без первых десятилетий) – началом VI в. Наиболее поздние экземпляры относятся к первой половине VII в., но изображения на них чрезвычайно схематичны, сильно упрощены (Вихляев и др. 2008, с. 33, рис. 55: 3; Белоцерковская, 2007, с. 195, 200, 201; рис. 3: 12,13,15, 4: 1,2,4,5; 2012, рис. 1: 13,14; 4: 2-7; 6: 4; 2014, с. 195, 209).

5. *Браслет из бронзы, изготовленный из круглого в сечении дрота. Один из концов – округлый, второй – плоский заостренный* (рис. 235: 3). На его поверхности заметны две параллельные борозды.

И.В. Белоцерковская для культуры рязано-окских могильников интерпретирует такие изде-

лия, как детские браслеты, и указывает, что они характерны для V-VI вв. (Белоцерковская, 2014, с. 195, 196; рис. 1: 53).

Серьги, кольца

1. *Овальная серьга с тремя круглыми выступами в нижней части* (рис. 235: 1). Общая высота серьги – 4,5 см, щитка – 3,2 см, максимальная ширина щитка – 1,4 см. Серьга изготовлена из серебра. На щитке видны следы припоя, очевидно, крепившего ячейки для четырех вставок из камня или стекла – одной овальной и трех круглых.

Подобные изделия распространены на Боспоре, где датируются Э. Хайрединовой первой половиной V в. За пределами Крыма единственная находка известна в Эране (горизонт Унтерзибенбрунн) (Хайрединова, 2002, с. 61, рис. 4: 16-19). Для сережек из керченских склепов И.П. Засецкая называет более широкую дату: вторая половина IV – первая половина V в. (Засецкая, 1993, с. 53,77, табл. 22: 84; 50: 243).

2. *Бронзовая серьга с полиэдрическим окончанием* (рис. 235: 2). Деформирована, поэтому точные размеры не ясны. В Верхнем Подонье подобные серьги происходят из Невежеколодезного (1 экз.) и из погр. 29 Ксизово-17А (2 экз.) (Обломский, 2007, рис. 21: 7; см. главу 4 монографии).

Изделия такой формы по наблюдениям Э.А. Хайрединовой появились на рубеже IV и V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае. В эпоху Великого переселения народов «массово встречаются от Испании до Дагестана» (Хайрединова, 2002, с. 62). На Северном Кавказе серьги с простым литым многогранником известны вплоть до VI-VII вв. (Мастыкова, 2009, с. 72-74). В Крыму их датируют V – первой половиной VII в. (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183).

3. *Бронзовое кольцо (или обломок браслета) из дрота с пластинчатым овальным окончанием и отверстием для застегивания* (рис. 235: 4). Размеры изделия – 3,4 × 2,5-2,7 см.

В Крыму подобные изделия известны с I-II вв.н.э. до раннего средневековья (Мыц и др., 2006, с. 135-136). Позднее распространяются в Поочье и Поволжье, относятся к т.н. муромскому типу, который датируется, преимущественно, VIII-X вв., хотя не исключено, что появляется и несколько раньше (Розенфельдт, 1982, с. 15, 16; рис. 1: 16; Вихляев и др. 2008, с. 14, рис. 7: 1-3).

4. *Бронзовое кольцо с рельефными валиками на одном из концов, с пластинчатым ушком для подвешивания* (рис. 235: 5).

Скорее всего, изготовлено из обломка браслета из дрота типа 2 (см. выше).

5. *Обломок кольца с выступающими наружу шишечками, сгруппированными по три* (рис. 235: 6).

По классификации А.В. Богачёва фрагмент изделия из Ксизово относится к подтипу II. В III в. до н.э. – III в.н.э. такие украшения встречаются, в основном, в Поднепровье, понтийских степях, Северном Причерноморье, в Центральной Европе. Во второй половине IV в. они распространяются в Окско-Сурском междуречье, в IV-VI вв. – на памятниках именьковской культуры, в V-VI вв. – в Южном Приуралье и затем – в Прикамье (Богачёв, 1998; 2011, с. 109-110). На Северном Кавказе большинство комплексов с такими украшениями (скорее всего, амулетами) датируется второй половиной VI – X вв. (Албегова (Царикаева), Ковалевская, 2012, с. 112).

6. *Бронзовое кольцо из пластины с заходящими друг за друга концами* (рис. 235: 7). Основанием для отнесения этой вещи к середине 1 тыс.н.э. является ее орнаментация. Кольцо украшено таким же образом, как и многие прогнутые фибулы: насечками по краю пластины и косым крестом на ее конце.

Сюльгамы

1. *Бронзовые пластинчатые с концами той же ширины, что и корпус, завернутыми перпендикулярно его плоскости* (рис. 235: 8,9). Из Ксизово-19 происходят два экземпляра таких вещей. У первой из них (рис. 235: 8) сохранился язычок в виде иглы без прогиба, у второй (рис. 235: 9) он утрачен. Размеры первой сюльгамы – 3,5 × 3 см, ширина корпуса – 3 мм, второй, соответственно, 2,9 × 2,6 см и 3 мм. Оба изделия орнаментированы, первое – насечками по краю, второе – нерегулярными зигзаговидными нарезками по внешней поверхности корпуса.

В Верхнем Подонье застежки, полностью аналогичные первой сюльгаме, происходят из культурных слоев поселения Мухино-2 и могильника Ксизово-17 (участок «Мыс»), а неорнаментированная – из Третьего Чертовицкого городища, еще одна – с городища Крутогорье (Обломский, 2010г, рис. 2: 1-3; Земцов, 2012, с. 181, нижняя иллюстрация; Акимов, 2010, с. 8).

2. *Бронзовая из круглого дрота со слегка выступающими за край корпуса концами, орнаментированная нерегулярными насечками с внутренней и внешней сторон* (рис. 235: 10). Игла утрачена. Общие размеры изделия – 2,5 × 2,7 см, ширина корпуса – 4 мм.

Сюльгамы обоих типов являются характерными украшениями финно-угорского населения восточной части Восточной Европы. Плоские с концами, не выходящими за край корпуса, в т.ч. и орнаментированные насечками изделия, по периодизации рязано-окских могильников И.В. Белоцерковской (хронологический признак 64) датируются частично IV, всем V и началом VI в. (Белоцерковская, 2007, с. 189, табл. 2)[4]. К IV – V вв. их относят авторы публикации Никитинского могильника (Воронина и др., 2005, с. 72, 73). В V в. они характерны для женского костюма окских финнов (Воронина и др. 2005, рис. 9: 7, 8; 13: 3-7; Белоцерковская, 2012, рис. 7: 3-7).

Сюльгамы из круглого дрота с концами, не выступающими за край рамы, по К.А. Смирнову относятся к первой половине 1 тыс. н.э. (Смирнов, 1974, с. 48, табл. V: 16). В соответствии с современными хронологическими схемами по И.В. Белоцерковской в рязано-окских могильниках они появляются в период 1 – начале 2а, т.е. в III в., но отмечено, что встречаются и раньше: в ранних захоронениях Кошибеево и в пьяноборских древностях (Белоцерковская, 2007, с. 192, 198). В монографии В.И Вихляева, А.А. Беговаткина, О.В. Зеленцовой и В.Н. Шитова указано, что подобные сюльгамы использовались финно-угорским населением с IV до середины XIII в. (Вихляев и др., 2008, с. 43).

Подвески

А. Трапециевидные

1. *С высотой больше основания* – 4 экз. (рис. 236: 1-3, 7). Высота этих подвесок колеблется в пределах 1,6-2,5 см, максимальная ширина – 1,1-1,3 см.

2. *С высотой меньшей или равной основанию* – 8 экз. (рис. 236: 4-6,7-11). У трех подвесок в отверстие в верхней части продеты бронзовые кольца.

Все подвески изготовлены из бронзы, неорнаментированы.

Трапециевидные подвески в железном веке чрезвычайно широко распространены на территории Восточной Европы, однако иногда они различаются по пропорциям и размерам. Маленькие неорнаментированные изделия с пропорциями, близкими к подвескам из Ксизово, часты в Поочье, где они использовались в том числе и в качестве деталей комбинированных украшений, см. например (Розенфельдт, 1982, рис. 5: 1-11; Белоцерковская, 2007, рис. 2: 19,41-43).

Б. Колокольчики

1. *Неорнаментированные относительно больших размеров* – 2 экз. (рис. 236: 12, 13). Изготовлены из бронзы, имеют тонкие стенки, в верхней части снабжены отверстиями для того, чтобы можно было вставить петлю для подвешивания, смяты. Точный диаметр по этой причине установить невозможно. Приблизительно он равен 3-4 см. Высота составляла, соответственно, 2,5 и 1,9 см. Первый из перечисленных колокольчиков имел «шляпообразную» форму, второй – усеченно-коническую с выпуклыми боками.

По наблюдениям Э.А. Хайрединовой подобные колокольчики в первые вв.н.э. известны на Северном Кавказе, в III-IV вв. в Буджакской степи и Юго-Западном Крыму. В V –первой половине VI в. они широко использовались населением Крыма (Хайрединова, 2002, с. 66, рис. 8: 1-4).

2. *Бронзовые конические колокольчики относительно небольших размеров с отверстием в верхней части* – 7 экз. (рис. 236: 14-20). Стенки – очень тонкие, поверхность орнаментирована параллельными линиями, сгруппированными по две-три. На каждом из колокольчиков этого типа расположены 2-3 пояса таких линий. Четыре колокольчика смяты, размеры не деформированных составляли: высота – 1,1-1,7 см, диаметр основания – 1,1-1,4 см.

Подобные колокольчики по наблюдениям, изложенным в монографии В. Иванишевича, М.М. Казанского, А.В. Мастыковой, распространены в Подунавье в V в. В этот же период известны на Боспоре и в Крыму (Ivanišević et alii, 2006, fig. 15: 2; p. 31; Масленников, 1997, рис. 12: 17).

3. *Конические подвески, свернутые из бронзового листа* – 3 экз. (рис. 236: 21-23). Подобные подвески в рязано-окской культуре являются деталями комбинированных височных украшений. И.В. Белоцерковская отмечает, что они появились во второй половине V в. (Белоцерковская, 2014, с. 185, рис. 4: 14).

[4] Приношу глубокую благодарность И.В. Белоцерковской за консультацию по поводу украшений финно-угорского происхождения из Верхнего Подонья.

Детали ожерелья

А. Стеклянные бусы (рис. 237-239).

Специально анализу стеклянных бус посвящена глава 11. Датирующие возможности бус массовых типов, особенно, когда они найдены вне комплексов, ограничены. Тем не менее, среди бусин, обнаруженных в Ксизово-19 имеются две т.н. крапчатые (рис. 239: 1,2), которые по А.В. Мастыковой датируются в пределах второй четверти V – третьей четверти VI в. (Мастыкова, 2009, с. 112-115).

Б. Разделитель нитей (?).

Изготовлен из бронзы, подпрямоугольный, вытянут по вертикали, верхний и нижний края, по-видимому, обломаны. Внутри корпуса сделаны 4 продольных канала, на внешней поверхности вдоль них помещены 4 параллельные линии бугорков (рис. 239: 8). Точную аналогию вещи найти не удалось, но она похожа на прямоугольные вставки, которые использовались на головных венчиках и ожерельях культур финно-угорского круга. Более или менее близкие по стилю вещи в составе комбинированных украшений опубликованы Ю.А. Красновым (Краснов, 1980, рис. 22: 1,3).

Поясная гарнитура

Пряжки и их детали

1. *Железная пряжка с овальной расширенной спереди рамой и язычком с загнутым концом, выступающим за ее край (т.н. хоботовидным).* С противоположной стороны язычок имеет характерный уступ (рис. 240: 1).

2. *Бронзовые и железные язычки пряжек, полностью охватывающие спереди раму* – 5 экз. (рис. 240: 2-6). Сзади у таких язычков имеются подпрямоугольные или подтреугольные площадки, иногда орнаментированные композициями в виде косых крестов.

Пряжки с хоботовидными язычками или с язычками, охватывающими спереди всю рамку в массе своей появляются в гуннский период (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 22).

3. *Подпрямоугольные и подтреугольные пластинчатые обоймы пряжек* – 4 экз. (рис. 241: 1-4). Обоймы таких форм типичны для эпохи Великого переселения народов. Более точное хронологическое определение возможно лишь с учетом форм рам и язычков пряжек, которые не сохранились.

Наконечники ремней

1. *Пластинчатые листовидные наконечники без орнамента* – 1 фрагментированный экз. (рис. 240: 7). Два обломка подобных наконечников происходят из погр. 30 могильника Ксизово-17А (см. главу 4). Подобные изделия с отверстиями для нашивания на ремень на юге Центральной Европы и в Среднем Подунавье Я. Тейрал относит к периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.) (Teiral, 1997, S. 330, Abb. 9: 15, 16).

2. *«Язычкообразные» (по терминологии Р. Мадыды-Легутко) орнаментированные наконечники* – 1 фрагментированный экз. и еще один, свернутый в трубочку (рис. 240: 8, 9). Оба отличаются довольно большими размерами, хотя точные параметры вещей не ясны, поскольку они обломаны. Первый из двух перечисленных наконечников изготовлен из бронзовой пластины (рис. 240: 8). В верхней его плоской прямоугольной по форме части (противоположной концу ремня) помещена композиция в виде косого креста из двух параллельных линий насечек. Еще две такие линии отделяют эту композицию от длинной нижней части. По краям пластины в верхней части наконечника заметны насечки. Ниже в средней части пластины имеется мягкое продольное ребро.

Пластина, из которой сделан второй наконечник, закруглена снизу и слегка расширяется кверху. На ее поверхности зигзагообразными насечками нанесен орнамент, состоящий из крестообразных композиций, разделенных параллельными линиями (рис. 240: 9).

По классификации Р. Мадыды-Легутко такие наконечники относятся к варианту 2 типа 12. У большинства длина колеблется в пределах 5 – 7,6 см, что вполне соответствует образцам из Ксизово. Они распространены в Прибалтике, на территории вельбарской и пшеворской культур, южнее в Подунавье, причем наибольшая концентрация их наблюдается в Прибалтике и Северной Польше. Датируются подобные наконечники в пределах фаз С3 – начала эпохи Великого переселения народов, т.е. приблизительно второй третью IV – началом V в. (Madyda-Legutko, 2011, s. 91-97, tabl. XLII: 11; XLVIII: 1-10).

4. *Пластинчатый с раздвоенным концом* (рис. 240: 10). Высота – 3,5 см, максимальная ширина пластины – 0,8 см. В верхней прямоугольной части, где помещен штифт для крепления к ремню, заметен орнамент в виде косого креста, по краю пластины нанесены насечки. Ниже по краям видны продольные фасетки.

У археологов, занимающихся эпохой Великого переселения народов, подобные изделия получили условное название «наконечников в форме гаечного ключа». Они довольно разнообразны: нижняя выемка может быть полукруглой либо угловатой, поверхность орнаментирована тиснением, вставками, насечками, фасетками (Засецкая, 1994, табл. 6: 14; Габуев, 2005, кат. 62, 85; Малашев, 2000, рис. 13: Е2, Ж1-2, З2-3; Гмыря, 2012, рис. 6: 1,2; Гугуев и др. 2010, рис. 1: 2,3; 5: 1,2). Распространены в степях, на Северном Кавказе. В.Ю. Малашев относит такие наконечники к типу 9 и датирует их гуннским и постгуннским временем (Малашев, 2000, с. 197).

5. *Литой прямоугольный наконечник* с орнаментом в виде косого креста на верхней прямоугольной площадке, двумя продольными ложбинами в нижней части. Край ремня вставлялся в раздвоенный верхний конец (рис. 240: 11). Высота изделия – 4 см, ширина – 0,8 см.

Очень близкие наконечники, но со скруглениями в нижней части, происходят из Нови Шалдорфа в Подунавье. Памятник датируется концом V – началом VI в. (Tejral, 1976. S. 25,26; Abb. 3: 1,4).

6. *Листовидный наконечник из серебра с заостренной нижней частью.* В верхней части расположены прямоугольная площадка, паз и штифт для крепления конца ремня (рис. 240: 12). Ниже – площадка, состоящая из составленных вместе прямоугольника и треугольника. Приблизительно от середины и ниже изделие в разрезе подтреугольное. Продольное ребро слабо выражено. Высота наконечника – 2,5 см, ширина – 0,6-0,7 см. В Верхнем Подонье аналогичные изделия, но изготовленные из железа и бронзы, происходят из культурного слоя раскопа 1 могильника Ксизово-17А (см. главу 4) и с поселения Мухино-2 (неопубликовано, сообщение Г.Л. Земцова).

По наблюдениям И.Н. Храпунова треугольные в сечении наконечники с заостренным концом распространены в Крыму в позднеримский период (Храпунов, 2002, с. 44). В гуннское время они известны в Керчи, в Прикаспийском Дагестане, на Таманском полуострове. «Позднюю реплику описанных вещей» представляет собой наконечник из Суук-Су. В позднеримский период такие изделия крепились к ремню, в основном, при помощи дополнительной пластины, а в гуннское – конец ремня вставлялся в паз в верхней части, как и на вещах из Верхнего Подонья (Храпунов, 2002, с. 44, рис. 200: 14,15; 211: 4,5; Айбабин, 1990, с. 51, рис. 48: 21; Крым, 2003, табл. 64: 69). Тем не менее, крымские, степные и кавказские наконечники, в основном, узкие и длинные, в два-три раза превышающие по длине экземпляры из Верхнего Подонья. Кроме того, в верхней части этих изделий находится не подпрямоугольная, а подтреугольная площадка.

Большие наконечники, близкие к крымско-кавказским, встречаются и в Центральной Европе. Р. Мадыда-Легутко включает такие изделия в вариант 3 типа 12, но на восточноевропейские образцы похожи лишь некоторые экземпляры. В частности, подтреугольное сечение корпуса и треугольную площадку в верхней части имеет наконечник из пшеворского поселения Гура Бирув (Madyda-Legutko, 2011, tabl. XLII: 6), одного из самых поздних для этой культуры. По находкам вещей автор публикации датирует памятник концом позднеримского периода – началом эпохи Великого переселения народов (Muzolf, 1997, s. 189-190). М. Мончыньска по аналогиям датирует наконечник из Гуры Бирув серединой – второй половиной V в. (Mączyńska, 1998, s. 28).

Подпрямоугольными площадками снабжены наконечники из Таманского полуострова (упоминавшийся выше) и из погребения 1 курганной группы в Кантемировке, которую Е.Л. Гороховский относит к заключительной пятой фазе черняховской культуры (последняя четверть IV – первая треть V в.) (Гороховский, 1988, с. 45, 46). Обломок верхней части похожего наконечника происходит из погр. 4 1965 г. северокавказского могильника Гиляч, которое М.П. Абрамова, ссылаясь на А.К. Амброза, датировала V в. (Абрамова, 1997, с. 50, рис. 41: 8). Похожие наконечники с прямоугольной площадкой в верхней части, но сделанные из согнутой пополам пластины, происходят из курганов VII/1 и V группы Тураево в Нижнем Прикамье (Gening, 1995, Abb. 26: 11; 29: 14). Автор публикации В.Ф. Генинг относит эти курганы, соответственно, к концу IV – V в. и к концу V в. (Gening, 1995, S.319). Наконечники из Кантемировки наиболее близки к верхнедонским по оформлению и пропорциям (Обломский, 2002, рис. 91: 1; Гопкало, 2011, рис. 9: 14), но они значительно больше их по размерам. Донские изделия представляют собой, как бы, уменьшенный вариант наконечников из Кантемировки.

Похожие небольшие изделия с подтреугольным в сечении корпусом и заостренным концом, но по оформлению сильнее отличающиеся от верхнедонских, чем причерноморские, изредка

встречаются в Подунавье. В могильнике Виминациум-1 такой наконечник найден в погр. 24, которое относится к фазе В некрополя (2-ая – 3-я треть V в.) (Ivanisević et alii, 2006, p. 26, 121, fig. 13: 16). Маленький наконечник, но без прямоугольной верхней площадки происходит из могильника Вельке Павловице в Чехии (Tejral, 1976, Abb. 26: 1), для которого допускается существование и в раннемеровингское время (Tejral, 2012, s. 58).

7. *Подобный предыдущему, но с креплением к ремню в виде дополнительной пластины* (рис. 240: 13). В верхней части находится выделенная специальными уступами по бокам прямоугольная площадка со штифтом, по краям подчеркнутая параллельными продольными насечками. Нижняя часть – плоская со слабо выраженным ребром посередине. Высота изделия – 2,5 см, ширина – 0,7-0,8 см.

Такие наконечники изредка встречаются в Крыму и Подунавье. В приазовском некрополе Сиреневая бухта он найден в склепе 23/11 вместе с пряжками, язычки которых полностью охватывают раму (Масленников, 1997, рис. 52: 3, 5, 15-17, 24). В могильнике Скалистое подобное изделие происходит из погр. 465, которое А.И. Айбабин относит к первой половине VI в. (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 197, рис. 84: 5). Очень похожий наконечник найден погр. 15 могильника Хеммингeн в Австрии, которое относится к последней трети V в. (Teiral, 2003, Taf. 9: 4).

Накладки[5]

1. *Гвоздевидная* (рис. 240: 14). Диаметр шляпки – 1,2 см, высота шпенька – около 1 см. На шляпке имеется полукруглый вырез, края орнаментированы насечками.

Аналогии известны в Подунавье и на Северном Кавказе. Изделие с серебряной головкой и бронзовым шпеньком происходит из знаменитого комплекса в Унтерзибенбрунне (Nothnagel, 2008, Taf. 17: 19), В Среднем Подунавье очень близкое изделие известно на могильнике Виминациум (Ivanišević et alii, 2006, fig. 13: 11), на Кавказе – в погр. 6 могильника Чми, которое по А.В. Мастыковой датируется 360/370 – 500/510 (Мастыкова, 2009, с. 253, рис. 49: 18). В могильнике Дюрсо происходит из конского погребения 10, где было украшением узды (Дмитриев, 1979, рис. 3: 11). Этот комплекс по хронологической системе М.М. Казанского точно не датируется, но явно относится к раннему этапу могильника (фазы 1-3), общие хронологические границы которого – 430/440 – 530/540 гг. (Казанский, 2001, с. 46-52). Найденные в погребении пряжки с хоботовидными язычками, скорее, указывают на раннюю часть этого хронологического диапазона, чем на позднюю.

Самая северная в Восточной Европе находка такой накладки происходит из могильника колочинской культуры Смяч в Подесенье (вместе с пряжкой с хоботовидным язычком) (Горюнов, 1974, рис. 1: а).

2. *Обломок бронзовой фигурной накладки* (рис. 241: 5). Из-за того, что изделие фрагментировано, точные аналогии ему подобрать невозможно, но по стилю оформления (выступы, резкие скошенные края) оно явно относится к эпохе Великого переселения народов.

3. *Бронзовая накладка с трапециевидными краями и прямоугольным выступом посередине* (рис. 241: 6). По краям изделия заметны фасетки, по противоположным от прямоугольного выступа бортикам нанесены насечки. Отверстие для штифта находится в центре. Размеры изделия – 2,4 × 0,8-0,9 см.

Аналогичные изделия известны в крымском могильнике Лучистое, где они датируются первой половиной VI в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52, рис. 27: 10). На Северном Кавказе такая накладка происходит из погр. 58 Мокрой Балки второй трети VI в. (Мастыкова, 2009, рис. 49: 3, с. 65).

4. *Пластинчатые накладки без орнамента* (рис. 241: 7-12). Разнообразные по форме бронзовые пластинчатые накладки весьма часты на поясах позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов по всей Восточной и Центральной Европе, см. реконструкции в (Madyda-Legytko, 2011, tabl. XLVII: 2,3; Радюш, Щеглова, 2012, с. 22). Особенно они были популярны у восточного финского населения (Голдина, Бернц, 2010, табл. 223, 224).

5. *Бронзовая бантиковидная накладка* (рис. 241: 13). По форме напоминает два повернутых друг к другу вершинами треугольника, поверхность которых заполнена рельефными полусферическими выступами. С оборотной стороны помещены три петли. Высота изделия – 2,5 см, максимальная ширина – 2,1 см.

[5] Не исключено, что часть вещей этой категории служили для украшения не ремней, а каких-то других предметов (шкатулок, сумок, лент убора и др.).

Изделие, похоже, бракованное, имеет неровные края и нерегулярное расположение выступов, особенно в нижней части. Является характерным украшением позднедьяковской культуры бассейна Оки. Аналогии приведены в главе 5.

Предметы быта

1. *Гребни* (3 экз.).

Имеющиеся обломки (один небольшой и два крупных) относятся к типу III по С. Томас (рис. 242: 1-3). Все они изготовлены из цельных пластин, два из них представляют собой подвески. Размеры гребня, сохранившегося почти целиком: высота – 5,1 см, ширина основания выступа – 3,7 см, максимальная ширина – 6,6 см. Второй, сохранившийся, приблизительно, наполовину, был несколько меньшим. Один из гребней орнаментирован двумя параллельными врезанными линиями, нанесенными в основании выступа (рис. 242: 1), у второго в средней части с обеих сторон помещены композиции в виде концентрических окружностей (рис. 242: 2). Боковая часть третьего гребня орнаментирована такими же окружностями, но меньшего диаметра, расположенными по две с обеих сторон.

По Р.Г. Шишкину однослойные гребни на территории черняховской культуры в рамках типа III – сравнительно поздние и появляются около середины IV в. (Шишкин, 2002, с. 245, 246). По характерным вертикальным пропилам на плечиках явно являются продукцией мастерских у с. Замятино, где обнаружена заготовка такого изделия. Усадьба в Замятино-8, на которой расположена мастерская, по происходящему из нее материалу датируется около середины V в. (Обломский, 2004а, с. 145). В Верхнем Подонье аналогичные однослойные гребни найдены в культурном слое поселения Мухино-2 с напластованиями позднеримского и гуннского периодов (Земцов, 2003, рис. 1: 11), а также в погр. 2 могильника Ксизово-17Б вместе с железной прогнутой подвязной фибулой с широким кольцом (муфтой) для крепления пружины, зеркалом с петлей на обороте, пряжкой, набором бус. По сочетанию вещей комплекс датируется второй третью – серединой V в. (см. главу 4).

2. *Предмет туалета-подвеска* (рис. 242: 4). Функции этих вещей не до конца ясны. Иногда их называют ногтечистками. Изделие из серебра, в верхней части которого находится петля для подвешивания, изготовлено из стержня толщиной до 2,5 мм, в сечении круглого в верхней и нижней части и квадратного посередине. Конец уплощен и отогнут в сторону. По краям ребер квадратной в сечении части изделия нанесены овальные насечки. Общая длина вещи без учета кривизны – 11 см.

Туалетные наборы, в состав которых входят инструменты с загнутыми концами, в V-VI вв. распространены в Европе, на Северном Кавказе, в Нижнем Подонье и в Крыму (Мастыкова, 2009, с. 90-91). В Верхнем Подонье такой набор найден в погребении знатной женщины на поселении Мухино-2. Этот комплекс по происходящим оттуда крапчатым бусам ориентировочно датируется второй третью V – началом VI в. (Земцов, 2003, рис. 2: 8; Обломский, 2007, с. 79, рис. 27: 13). Предложена и более узкая дата этого комплекса: около 430-450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014, с. 212).

3. *Зеркала-подвески с петлей на обороте* (рис. 243). Из Ксизово-19 происходит 17 фрагментов, 16 из них изготовлены из белого сплава, один – из бронзы. Подобные зеркала орнаментируются с внешней стороны валиками в виде концентрических окружностей, которые зачастую бывают разделены перпендикулярными центру отрезками или зигзагами. Встречаются и другие орнаменты. Типология зеркал строится, в первую очередь, на их декоре. Из-за сильной фрагментированности изделия из Ксизово-19 трудно отнести к какому-то определенному типу, тем не менее, некоторые из них (даже судя по обломкам) снабжены тремя концентрическими валиками на обороте.

На территории Центральной и Западной Европы считаются характерными предметами гуннского времени. На востоке Европы датируются широко: со II или первой половины III в. и до эпохи раннего средневековья. В коллективной монографии, посвященной публикации комплексов из Морского Чулека, приводится свод находок зеркал с тремя концентрическими окружностями на территории Восточной Европы. Он очень показателен: большинство зеркал с этим типом орнаментации относится к концу IV – середине VI в., но известны как более ранние находки (III в.), так и более поздние (VIII-IX вв.) (Засецкая и др. 2007, с. 21-24). Вероятно, при дальнейшем типологическом изучении удастся выделить варианты зеркал с более узкой хронологией. В Верхнем Подонье большинство подобных зеркал найдены на поселениях типа Чертовицкое-Замятино середины 1 тыс. (Подгорное – 1 экз., Замятино-5 – не менее 3 фр-тов,

Замятино-8 – 1 экз., Ксизово-8 – 1 экз., Ксизово-19А – 1 целый экз. и 6 фр-тов), а еще два – в упоминавшихся выше захоронениях в Мухино и в погр. 2 Ксизово-17Б гуннского периода (Обломский, 2004б, рис. 43: 13; Бирюков, 2004а, рис. 112: 6-8; Медведев, 1996, рис. 3: 1; Земцов, 2003, рис. 2: 12). Тем не менее, известны и более ранние находки – на городище Ишутино первых вв.н.э. и в сарматском погребении у с. Подклетное (Разуваев, 1998. Рис. 3: 6; Медведев, 1990, рис. 5: 1).

4. *Пинцеты*, обнаруженные в Ксизово-19, делятся на три варианта.

А. Относительно равномерной ширины без орнамента (рис. 244: 5,6). Оба экземпляра изготовлены из бронзы, снабжены кольцами для подвешивания. В верхней части одного изделия имеется скобка-зажим (рис. 244: 5). Длина первого пинцета – 5 см, второго – 4,3 см, ширина, соответственно – 0,3-0,4 и 0,5 см.

Б. Неорнаментированные с расширением в нижней части, края пинцетов прямые (рис. 244: 1-4). Из бронзы изготовлены 3 экземпляра, из железа – один (рис. 244: 3). Три пинцета (рис. 244: 1-3) сравнительно большие: длина, соответственно, 5,5; 6 и 5,8 см, ширина в верхней части – 0,6; 0,6 и 0,5 см, максимальная ширина лопастей – 1; 1,2 и 1,1 см. Четвертый (рис. 244: 4) имеет меньшие размеры: длина – 3,7 см, ширина в верхней части – 0,4 см, лопасти – 0,7 см.

В. Бронзовый пинцет с расширением в нижней части, края в виде вогнутой дуги (рис. 244: 7). По краям корпуса с обеих сторон изделие орнаментировано полукруглыми фасетками, пружинящей петли – насечками. В верхней части корпуса на одной из сторон фасетки дополнительно отделены друг от друга прочеканенными параллельными линиями.

Разработка типологии пинцетов 1 тыс.н.э. – дело будущего, имеются лишь локальные описания этих вещей. Единственную попытку построить общую схему их классификации и хронологии от римского времени до раннего средневековья предпринял В.С. Кулешов и изложил свои основные выводы на третьей конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов» (Тула – Куликово поле, 2010 г.). Согласно его данным, набор пинцетов из Ксизово-19 типичен для Восточной Европы середины 1 тыс.н.э., а изделие с фасетками (рис. 244: 7) имеет центральноевропейские аналогии. К сожалению, работа В.С. Кулешова пока не завершена и, соответственно, не опубликована. В Верхнем Подонье серебряный пинцет варианта Б с кольцом для подвешивания происходит из богатого женского погребения у с. Мухино (Обломский, 2007, рис. 27: 8), а бронзовый – с поселения Ксизово-19А (см. главу 1 настоящей монографии).

Следующие две категории вещей относятся к эпохе Великого переселения народов условно.

5. *Круглые бляшки, шляпки от гвоздей и, возможно, накладок* (рис. 245: 1-6). Три из них – бронзовые, гладкие с двух сторон (рис. 245: 1-3). Диаметр этих изделий составляет от 1 до 3 см. Назначение их загадочно, но отлиты они точно так же, как и две круглые шляпки диаметром 1,4 и 2,5 см, на которых видны следы перпендикулярных поверхности острия или каких-то креплений (рис. 245: 4,6). Вероятно, похожее назначение имела и свинцовая бляшка, на внешней стороне которой заметен валик по краю (очевидно, след какого-то грубого орнамента), а с внутренней – паз для фиксации крепления (рис. 245: 5).

Разнообразные гвозди и заклепки из цветных металлов с плоскими шляпками в римское время и эпоху Великого переселения народов широко использовались населением Подунавья и Северного Причерноморья. Эти изделия встречены как на поселениях, так и в захоронениях (Крапивина, 1993, рис. 88: 1-6,13,20-26; Ivanisević et alii, 2006, p. 26, fig. 13: 4-10,12,13). Круглые бляшки с креплением в виде дуги, соединенной со шляпкой двумя концами (по-видимому, как на рис. 245: 6) известны в середине 1 тыс.н.э. в Прикамье (Голдина, Бернц, 2010, табл. 211: 1-4).

6. *Заклепки* (рис. 245: 7-10). Из Ксизово-19 их происходит 4 экз. Все они грубо свернуты из бронзового листа на манер конуса, а сверху расплющены от удара. Прямых данных о том, что они относятся к середине 1 тыс., нет, но учитывая, что в это время у населения Острой Луки Дона были в употреблении разнообразные изделия из пластин (обоймы и накладки на ремни, подвески), а в Ксизово-19 работал мастер-ювелир, который широко использовал бронзовый лист (найдено множество обрезков), то принадлежность заклепок к гуннскому периоду весьма вероятна.

Стеклянные сосуды

С территории памятника происходят фрагменты 2-х стенок и 3-х днищ (рис. 246). Стекло – тонкое, прозрачное, бесцветное или олив-

кового, светло-желтого, желто-зеленого цвета. Типологическое определение и точное датирование сосудов из-за их сильной фрагментированности невозможно. Сосуды такой цветовой гаммы достаточно типичны для конца IV – V вв. (Яценко, 2007).

* * *

Планиграфия и хронология могильника

Закончив обзор погребений и вещей из культурного слоя, связанных с могильником, можно вернуться к вопросу о его хронологическом соотношении с поселением, но вначале – несколько слов о планиграфии некрополя. Особенность Ксизово-19 состоит в том, что погребения могильника, которые можно отнести к гуннскому периоду, расположены нечетко выраженными рядами. На раскопах к западу от ложбины таких рядов было два: в северо-восточной оконечности площади и в ее центре. Оба этих ряда погребений параллельны друг другу и ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. При этом все нерасчлененные погребения находятся только в центральном ряду (рис. 197).

К востоку от ложбины также наблюдаются ряды захоронений, но их – три (один – в восточной и два – в центральной части площади). Они также параллельны, но ориентированы иначе: по линии юго-запад – северо-восток. Большинство относящихся к могильнику вещей из разрушенных погребений концентрируется вдоль этих рядов, что особенно отчетливо видно на западных раскопах (рис. 197; 198). Вне этих рядов также могут быть расположены отдельные погребения, причем, как показано в главе 8, все погребения черепов находятся на окраинах участков могильника.

Таким образом, два некрополя гуннского времени Ксизовского микрорегиона имеют разную планировку: в Ксизово-17 погребения расположены очагами или сгустками с некими дополнительными цепочками, вытянутыми по линиям рельефа (вдоль края террасы и северного оврага, по наиболее возвышенной части северного мыса), в Ксизово-19 – рядами. В какой степени типична та или иная планировка, пока сказать невозможно, поскольку эти два могильника – единственные в Верхнем Подонье, раскопанные широкой площадью, т.е. материал для сравнения отсутствует.

При сопоставлении рис. 118 и 197 становится ясно, что могильник на западной части исследованной в Ксизово-19 площади (к западу от ложбины) полностью накладывается на селище в пределах раскопов 4, 7, 9. На раскопе 2 погребений не обнаружено, но в заполнении постройки 1 найдены куски черепа человека и обломки гончарного кувшина, того же, что происходит из погр. 2. Таким образом, находившееся на этом участке жилище, бывшее центром небольшой по площади усадьбы, к моменту функционирования могильника было заброшено, а котлован постройки использовался в других, очевидно, ритуальных, целях.

Могильник, по всей видимости, возник тогда, когда объекты поселения, расположенные на его территории, были оставлены обитателями, чем объясняется перекрывание их погребениями (см. выше). Тем не менее, некоторые заплывшие ямы и котлованы полуземлянок были еще видны: в них клали кости черепов из разрушенных погребений, а в одной из ям был захоронен младенец (погр. 18).

Иная картина наблюдается на площадях, расположенных к востоку от ложбины. Юго-восточнее основной зоны распространения погребений на раскопе 1 находятся два участка поселения: горн для обжига посуды, связанная с ним рабочая площадка гончара и усадьба, жилищем которой была юртообразная постройка 4. Оба этих участка прекратили свое существование, как жилой и производственный, до прекращения жизни поселения в целом: горн, ямы-карьеры, жилище, постройка 5 и ряд хозяйственных ям были засыпаны бытовым мусором (обломки керамики, кости животных). По всей видимости, в тот момент, когда они были заброшены, жизнь на селище продолжалась, но где-то в другом месте, скорее всего, неподалеку, т.к. мусор вряд ли носили на большие расстояния.

Гончарная керамика при этом продолжала использоваться населением Верхнего Подонья, в т.ч. и обитателями Ксизово-19. Изготовленный на круге кувшин, по фактуре, форме и орнаментации аналогичный керамике из горна, происходит из погребения 2. Обломки гончарных сосудов встречены среди мусора, засыпавшего сооружения раскопа 1. Еще один кувшин небольших размеров, явно изготовленный в Ксизово, происходит из погр. 4 Животиного могильника под Воронежом (см. главу 5 монографии), одной из самых поздних ингумаций середины 1 тыс.н.э. Верхнего Подонья (Обломский, 2004г, с. 224). Возможно, в период совершения погребения на могильнике гончарная мастерская на раскопе 1

еще производила продукцию, но не исключено, что в Ксизово были еще какие-то горны для обжига посуды, помимо исследованного.

Из вещей, связанных с могильником, большинство относятся к типам, диагностирующим эпоху, т.е. конец IV – V вв., в целом. На их фоне выделяется группа предметов с относительно поздней датой, хорошо обоснованной на других территориях. К этим вещам, пик распространения которых приходится на вторую половину V в., относятся двупластинчатые фибулы типа Братеи – Вышков и с тремя выступами на головке, цикады (рис. 231: 6; 232: 1; 233: 1, 2).

Вероятнее всего, объекты, расположенные на территории могильника, датируются максимум серединой V в., а погребения относятся, в основном, ко второй половине этого столетия.

Тем не менее, не все усадьбы в западной части поселения были заброшены к тому времени, когда начались захоронения на могильнике. В набор вещей, связанный с юртообразной постройкой, входит бронзовая фибула второй половины V – VI в. (см. главу 5). Таким образом, северо-восточная усадьба на раскопе 1, расположенная к юго-востоку от могильника, синхронна ему. По изложенным выше косвенным соображениям не исключено, что и гончарная мастерская на юго-западной части раскопа 1 во второй половине V в. еще продолжала работать, хотя прямых данных в отношении этого нет.

Таблица 1. Радиокарбонные даты некоторых погребений из Ксизово-19.

Лаб. № ИГАН	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, BP[6]	Интервал калиброванного возраста на 1 σ: Cal BC - лет до н.э. Cal AD-лет н.э., [начало: конец] вероятность
3771	Ксизово-19, Р.5, погребение 8	коллаген	1600±60	[409 AD:538 AD] 1,
3772	Ксизово-19, Р.5, погребение 10	коллаген	1690±100	[235 AD:437 AD] 0,890189 [489 AD:512 AD] 0,06967 [516 AD:530 AD] 0,040141
3767	Ксизово-19, Р.5, погребение 12	коллаген	1640±110	[259 AD:285 AD] 0,087652 [287 AD:293 AD] 0,015832 [322 AD:541 AD] 0,896516
3766	Ксизово-19, Р.5, погребение 11	коллаген	1710±120	[138 AD:198 AD] 0,162851 [207 AD:428 AD] 0,837149

[6] Радиоуглеродный возраст по коллагену включает в себя поправку на изотопное фракционирование.

Глава 7
Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово

Г.В. Бейдин, К.В. Мызгин (Харьков)

В конце лета 2012 года, на поселении гуннского времени Ксизово 19А местным кладоискателем при помощи металлодетектора был обнаружен клад медных боспорских монет конца III – начала IV веков н.э. Клад был распахан плугом: все монеты собраны на площади 10 кв.м.; следов его упаковки не сохранилось. Основная часть комплекса была обнаружена на глубине 0,3 м от уровня современной поверхности. Всего кладоискателями из земли было извлечено 175 монет. Через некоторое время место находки клада было осмотрено начальником отдела археологии Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области И.Е. Бирюковым, который обнаружил еще три монеты, происходившие, вероятно, из этого комплекса.

В декабре этого же года, при посредничестве местного краеведа А.Д. Швырева клад был приобретен Государственным военно-историческим и природным музеем-заповедником «Куликово поле», где и хранится в настоящее время (Инв. №: ГМЗ-КП-1532/1, Н-3296 – ГМЗ-КП-1532/175, Н-3470)[1]. Три монеты, обнаруженные И.Е. Бирюковым, хранятся в Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области (№№ 159, 160 и 178 в каталоге). Таким образом, можно говорить о не менее, чем 178 монетах, входивших в клад. Справедливости ради отметим, мы не можем быть до конца уверены в том, что в нашем распоряжении имеется первоначальный состав клада, зарытого в древности. В силу того, что клад был распахан, возможно, что из земли были изъяты не все монеты (свидетельством чему может быть обнаружение монет И.Е. Бирюковым). Наконец, остается неизвестным, все ли монеты были переданы находчиком в музей (какие-то, например, в качестве сувенира или памяти о находке были оставлены у себя или подарены знакомым). Но, безусловно, ясно одно: большая и, несомненно, наиболее репрезентативная часть клада находится в распоряжении науки.

Все монеты клада относятся к позднебоспорским медным статерам. Как известно, медные статеры являются деградировавшими золотыми боспорскими статерами, которые еще в 20-е годы III в.н.э., при боспорском царе Рискупориде III (211/212-228/229 гг. н.э.), содержали до 30% золота (Фролова, 1997, с. 9). Медные статеры полностью сохранили тип и размеры своих золотых прототипов: на их лицевой стороне изображался бюст боспорского царя внутри круговой легенды с титулом и именем царя, а на оборотной – бюст римского императора в венке и год

[1] Сердечно благодарим А.М. Обломского за информацию о кладе и приглашение для его изучения, а также А.М. Воронцова – за возможность непосредственной работы с монетами клада в музее-заповеднике «Куликово поле».

боспорской эры. Кроме того, на многих статерах лицевая и оборотная стороны имели различные дифференты или эмблемы.

В состав комплекса входят монеты, чеканенные от имени четырех боспорских царей: Тейрана (275/276-278/279 гг. н.э.), Фофорса (285/286-309/310 гг. н.э.), Радамсада (309/310-318/319 гг. н.э.) и Рискупорида VI (318/319-336/337 гг. н.э.) (приложение 1), однако, сохранность далеко не всех монет клада позволяет их идентифицировать хотя бы приблизительно. К неопределенным (8,9% монет клада) нами отнесено 16 экземпляров. В остальном, монеты распределяются по эмитентам следующим образом: Тейран – 1 экз. (0,56%), Фофорс – 65 экз. (36,5%), Радамсад – 3 экз. (1,7%), Рискупорид VI – 93 экз. (52,3%).

Наиболее ранней (старшей) монетой клада является статер Тейрана (№ 1 – здесь и далее по каталогу), чеканенный в период его правления, т.е. между 275/276 и 278/279 гг. н.э. Наиболее поздним по времени чеканки (младшая монета) является статер Рискупорида VI (№ 161), датирующийся 628 годом боспорской эры (г. босп. э.), или 331/332 г. н.э. Но такие хронологические границы были установлены только по монетам, чью датировку можно было определить. В то же время, среди монет клада есть экземпляры (например, №№ 138, 160), на которых не виден год, но они имеют дифферент в виде трезубца на аверсе и орла на реверсе. Согласно В.А. Анохину, монеты с такими дифферентами чеканились между 619 и 630 гг. босп. э. (Анохин, 1986, с. 129), т.е. теоретически, позднейшими в кладе могут быть монеты, отчеканенные в 333/334 гг. н.э., но пока что подтверждений этому нет.

Монеты поступили в музейные фонды, имея характерные для медных статеров окислы, образовавшиеся вследствие долгого нахождения в земле. Наличие таких окислов значительно усложняло определение монет, поэтому во время работы с ними они подвергались нами незначительной чистке. В целом, сохранность монет следует оценить как плохую: практически все они имеют сильную потертость. При общем весе клада в 1256,06 г, средний вес статеров в комплексе составляет 7,17 г. Для сравнения, средний вес позднебоспорских медных статеров этого периода колеблется между 7,4 и 7,6 граммов (табл. 1). Такая потертость монет, как правило, вызывается процессом их длительного обращения.

По степени сохранности монеты были разделены нами на несколько групп: экземпляры, имеющие удовлетворительную сохранность, плохую и очень плохую. Монет хорошей сохранности, на которых, несмотря на потертость, полностью читались бы надпись и год, а также были бы видны дифференты, в кладе не было. Удовлетворительную сохранность (в легенде читается более половины букв, видны год и дифференты монеты) имеют 20 экз. (11,2%); плохая сохранность (читается менее половины букв легенды, тип определяется по дифференту и части букв года) у 118 монет (66,3%); очень плохой сохранностью (не видно букв легенды и года, а правитель если и определяется, то только по дифференту) обладают 40 экз (22,5%).

Имеют монеты также и различные степени определяемости по типам. Если у одной части (77 экз., 43,3%) тип монеты определяется по году выпуска и дифферентам на обеих сторонах[2], то у второй части (85 экз., 47,8%) тип точно определить невозможно ввиду плохой сохранности, однако такие монеты могут быть отнесены к выпуску того или иного царя по сохранившемуся дифференту или части букв года. Причем за счет того, что на боспорских монетах последних царей дифференты или их сочетание на аверсе и реверсе относятся к определенным годам чеканки, по их наличию можно определить имя царя или период его правления, в который выпускалась данная монета. Наконец, третью часть составляют монеты, чей тип невозможно определить в принципе, так как не видны ни буквы, ни дата выпуска, ни дифференты (16 экз., 8,9%).

До Ксизовского находки кладов, содержащих боспорские монеты последней четверти III – первой трети IV вв. н. э., были известны исключительно в пределах территории Боспорского царства (рис. 247), что подчеркивает неординарность рассматриваемого нами комплекса. Анализ состава таких кладов (табл. 2) показывает, что клад из Ксизово по своей структуре мало отличается от комплексов, происходящих с территории Боспора. Несколько заниженный процент содержания в исследуемом кладе монет Радамсада (1,7% при 4,5-7,7% в других кладах) и Рискупорида VI (52,24% при 61-79,3% в других кладах) может объясняться более высоким числом (8,9%) не определенных монет, имеющих очень плохую сохранность.

---

[2] Среди подобных монет распределение по эмитентам выглядит следующим образом: Фофорс – 40 монет (61,5%), Радамсад – 2 монеты (66%), Рискупорид VI – 35 монет (37,6%).

Но если находка клада боспорских монет за пределами Боспора – случай уникальный, то этого нельзя сказать о подобных единичных монетных находках[3]. Их изучению посвящен целый ряд публикаций как авторов этих строк, так и их коллег (Mielczarek, 1989; Bodzek, Madyda-Legutko, 1999; Бейдин, Григорьянц, 2002/2003; Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006; Сташенков, 2007; Myzgin, 2009; Бейдин, Мызгин, 2009; 2010; Саяный и др., 2010; Сидорович, 2011; Myzgin, Beidin, 2012; Мызгин, 2013; Бодзек, Мадыда-Легутко, 2013, и др.). Единичные находки позднебоспорских монет встречаются на широком пространстве от Днепра до Волги, в основном концентрируясь в днепро-донском междуречье в пределах распространения памятников черняховской культуры (Myzgin, Beidin, 2012, map 4) (рис. 248). Среди них, большинство монет принадлежит эмиссиям Фофорса (39,9%) и Рискупорида VI (50,1%), и в меньшей мере – Тейрана (10%) (единичные находки монет Радамсада за пределами Боспора нам не известны) (Myzgin, Beidin, 2012, p. 61).

Схожесть Ксизовского клада с составами кладов монет, обнаруженных на Боспоре, и, напротив, не схожесть с распределением по эмитентам внутри единичных находок может свидетельствовать о том, что в своем окончательном виде комплекс сформировался, скорее всего, на территории Боспорского царства и в таком виде был доставлен в область Верхнего Подонья. В противном случае, следовало бы ожидать в регионе значительного количества синхронных единичных находок боспорских монет, ведь формирование кладов «на местах» всегда вызывается потребностью укрыть часть денег (или средств обмена), представляющих ценность и активно обращающихся именно на местном рынке. Так, в частности, было на самом Боспоре, такую же ситуацию мы можем наблюдать и с денариями I-II вв. на территории черняховской культуры и т.д. На сегодняшний день сведения, которыми располагает наука (как и данные, которыми располагают кладоискатели) не могут подтвердить широкого употребления позднебоспорских медных статеров на территории Верхнего Подонья. Следовательно, пока говорить о местном формировании клада из Ксизово не приходиться. Напротив, подавляющее количество аргументов свидетельствует, что комплекс представляет собой единое собрание монет, сформированное на территории Боспорского царства, впоследствии принесенное на территорию Верхнего Подонья и не поддававшееся изменениям.

Однако в этом случае очевиден другой вопрос, а именно – время сокрытия клада. Известно, что время функционирования Ксизовского археологического комплекса приходится на конец IV – V вв. (согласно А.М. Обломскому, в этот период наблюдаются тесные связи Верхнего Подонья и Северного Причерноморья) (Обломский, 2011; 2012б). Таким образом, между позднейшими монетами клада и временем функционирования археологического комплекса – не менее 50-ти лет. Учитывая сохранность монет, свидетельствующую об их долгом обращении, можно смело утверждать, что и время попадания монет в Ксизово, и время выпадения клада было синхронно существованию поселения.

Этой мысли не противоречат данные об обращении позднебоспорских монет на территории Северо-Восточного Причерноморья. О том, что медные статеры обращались на боспорском рынке длительное время после их выпуска, свидетельствует, прежде всего, сохранность монет в поздних кладах, обнаруженных непосредственно на территории царства. Исследователи боспорских кладов отмечают, что существует две их группы, отличающихся друг от друга по сохранности. Такие клады как Таракташский, Феодосийский, 2-й Патрэйский, Кепский, с Шум-речки состояли из монет хорошей сохранности, что позволило не только определить все монеты кладов, но и разобрать их по штемпелям (Голенко, Сокольский, 1968, с. 75, 80, 269). Клады 2–й Тиритакский, 5-й Керченский, 1-й Ильичевский содержали монеты плохой сохранности (сильно затертые), что свидетельствует об их длительном обращении до сокрытия (Голенко, Сокольский, 1968, с. 269). Ксизовский клад близок именно второй группе. И если условия находок кладов первой группы позволили сделать вывод, что они выпали в 70-х годах IV в. во время гуннского нашествия, т.е. были в обращении 40-50 лет (Голенко, Сокольский, 1968, с. 89), то время сокрытия кладов второй группы очевидно произошло гораздо позже. О том, что монеты последних боспорских царей Фофорса, Радамсада, Рискупорида VI служили в качестве средств обращения, по крайней мере, еще 200 лет, говорит находка в Ильичевском кладе 1975 года вместе со 130 медными боспорскими статерами пяти золотых со-

[3] К сожалению, все известные единичные находки позднебоспорских монет обнаружены вне археологического контекста, а происходят из подъемного материала.

лидов византийского императора Юстиниана I (527-565 гг. н.э.). Причем отмечается, что 29 монет из 130 были очень плохой сохранности (Фролова, Николаева, 1978, с. 174).

Другим весомым аргументом в пользу долгого обращения боспорских статеров конца III – первой трети IV вв. на территории Боспора могут служить нумизматические материалы из Танаиса. Из 45 монет, обнаруженных в слоях, относящихся ко второй половине IV – началу V в. н.э., около 15 принадлежало позднебоспорским статерам, из которых по пять монет содержали имена Фарсанза и Рискупорида VI и три монеты являлись грубыми литыми подражаниями боспорским статерам (Безуглов, 2001, с. 143). Остальные 30 монет являлись позднеримскими и были выпущены в правление императоров от Карина (282-283 гг.н.э.) до Аркадия (383-408 гг.н.э.), при чем основная масса монет – 25 из 30 – отчеканена между 375 и 395 гг.н.э.[4] (Безуглов, 2001, с. 144-146).

Конечно, при длительном обращении монет, выпущенных в определенный хронологический отрезок, сложно, а точнее, невозможно, установить, какой характер имело их накопление: длительный или кратковременный. Но, как сказано выше, нам видится очевидным, что Ксизовский клад попал на территорию Верхнего Подонья значительно позднее выпуска монет, содержавшихся в нем. Другой вопрос, что этот факт должен быть соотнесен с единичными находками позднебоспорских монет на территории черняховской культуры, с которой традиционно связывается их распространение[5].

Наконец, причины и пути попадания собрания медных статеров так далеко вглубь варварской территории вряд ли смогут когда-нибудь стать нам известны. Клад мог быть как собственностью местного (или боспорского?) купца, ювелира, а то и воина-наемника, получившего жалование находившимися в обращении на территории службы монетами (как это, например, было с бронзовыми римскими монетами IV в. чеканки монетных дворов Восточной Римской империи, широко распространенных на территории черняховской культуры, в основном, западнее р. Днестр) (Магомедов, 2006, с. 47-50).

Как бы то ни было, публикуемый комплекс является пока что уникальным явлением для археологии гуннского времени Восточноевропейского Барбарикума, и его дальнейшее глубокое осмысление – дело будущего. По крайней мере, этому могут способствовать новые находки позднебоспорских материалов в регионе.

Приложение 1

КАТАЛОГ МОНЕТ КЛАДА

Определение и идентификация монет клада проводилась по работам В.А. Анохина (Анохин, 1986) и Н.А. Фроловой (Фролова, 1997).

В основу периодизации правления царей с именем «Рискупорид» была положена периодизация, принятая в работах А.Н. Зографа (Зограф, 1951), К.В. Голенко (Голенко, 1960; 1967) и Н.А. Фроловой (Фролова, 1997).

В описании монет клада ссылка на тип по Н.А. Фроловой приводится только там, где в данный год выпускалось несколько типов монет, или данный тип монеты в описании В.А. Анохина отсутствует. Это вызвано тем, что Н.А. Фролова дает разделение датированных монет по типам только в пределах одного года чеканки. Фотографии монет приводятся на рис. 249-263.

Тамги на монетах Фофорса: тамга 1 и тамга 2

Тейран
572-575 гг. босп. э. (275/276-278/279 гг. н.э.)

1. Л.с.: Бюст царя вправо; … **CIЛEωCTEIPANOY**. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден. Точечный ободок. Вес: 6,91 гр. Диаметр: 19 × 21,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/20, Н-3315. Тип: точно не определяем.

Фофорс
582-606 гг. босп. э. (285/286-309/310 гг. н.э.)

[4] К слову, наличие такого количества позднеримских монет в поздних слоях Танаиса резко выделяет его среди других боспорских центров. С.И. Безуглов связывает это с приходом сюда группы населения восточногерманского происхождения (Безуглов, 2001, с. 149). Наличие позднеримских монет в Ксизовском кладе расставило бы все точки над “i” в вопросе места его формирования. Однако такие находки отсутствуют даже в подъемном материале с территории Ксизовского комплекса. Имеющейся же в нашем распоряжении информации о составе находок позднебоспорских статеров в Танаисе явно не достаточно, чтобы предполагать танаискую природу изучаемого клада.

[5] Подробнее об этом см. Бейдин, Мызгин, 2009; Myzgin, Beidin, 2012.

583 г. босп. э. (286/287 гг. н.э.)

2. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ОРС**… О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ГПФ**. Вес: 6,85 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/153, Н-3448. Тип: Анохин 731.

584 г. босп. э. (287/288 гг. н.э.)

3. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ΔПФ.** Вес: 7,24 гр. Диаметр: 19,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/14, Н-3309. Тип: Анохин 733.

4. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ІЛЕО**… О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); **ΔП[Ф].** Вес: 7,25 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/43, Н-3338. Тип: Анохин 733.

5. Л.с.: Бюст царя вправо; …**СІ**… О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); **ΔПФ.** Вес: 7,43 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/78, Н-3373. Тип: Анохин 733.

585 г. босп. э. (288/289 гг. н.э.)

6. Л.с.: Бюст царя вправо;…**ЕωСΘΟΘ**… О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ЄПФ.** Вес: 7,68 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/95, Н-3390. Тип: Анохин 734.

7. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕ…Θ…С**. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ЄПФ**. Вес: 7,39 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/143, Н-3438. Тип: Анохин 734.

586 г. босп. э. (289/290 гг. н.э.)

8. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ…ОУ**. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ϚП[Ф].** Точечный ободок. Вес: 6,38 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/156, Н-3451. Тип: Анохин 735.

588 г. босп. э. (291/292 гг. н.э.)

9. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ωС…ОΘ…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **НПФ**. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 18 × 19,4 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/107, Н-3402. Тип: Анохин 737.

582-588 гг. босп. э. (285/286-291/292 гг. н.э.)

10. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…ПФ**; три точки сзади. Вес: 6,92 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/8, Н-3303. Тип: точно не определяем.

11. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…ПФ**. Вес: 7,09 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/13, Н-3308. Тип: точно не определяем.

591 г. босп. э. (294/295 гг. н.э.)

12. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **AqФ**; три точки сзади. Вес: 7,14 гр. Диаметр: 18,7 × 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/79, Н-3374. Тип: Анохин 739б; Фролова – тип 5.

.

592 г. босп. э. (295/296 гг. н.э.)

13. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВА…**; точка (шар) спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **BqФ**. Вес: 7,55 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/75, Н-3370. Тип: Анохин 740а; Фролова – тип 2.

593 г. босп. э. (296/297 гг. н.э.)

14. Л.с.: Бюст царя вправо; **В…РСОУ** Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1), **ГqФ.** Вес: 7,83 гр. Диаметр: 18,7 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/5, Н-3300. Тип: Анохин 741; Фролова – тип 2.

15. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛЕОСΘΟΘΟ…** Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ГqФ.** Точечный ободок. Вес: 7,26 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/46, Н-3341. Тип: Анохин 741; Фролова – тип 2.

16. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СОУ**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ГqФ**; тамга (1). Вес: 7,42 гр. Диаметр: 18,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/158, Н-3453. Тип: Анохин 741а; Фролова – тип 1.

17. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **Гq[Ф]**. Вес: 7,99 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/165, Н-3460. Тип: Анохин 741а; Фролова – тип 1.

591-593 г. босп. э. (294/295-296/297 гг. н.э.)

18 Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не видна; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо;

тамга (1); год не виден. Точечный ободок. Вес: 7,61 гр. Диаметр: 18,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/160, Н-3455. Тип: точно не определяем.

594 гг. босп. э. (297/298 гг. н.э.)

19. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ[Є] ѡСѲОО…**; прямой крест спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ΔqФ.** Вес: 7,23 гр. Диаметр: 19,7 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/37, Н-3333. Тип: Анохин 742в.

593-594 гг. босп. э. (296/297-297/298гг. н.э.)

20. Л.с.: Бюст царя вправо; **В…ОРСОУ**; прямой крест спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 6,96 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/164, Н-3459. Тип: точно не определяем.

595 г. босп. э. (298/299 гг. н.э.)

21. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ…СОУ**; ə спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ЄqФ**. Вес: 7,71 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/39, Н-3334. Тип: Анохин 743а; Фролова – тип 3.

22. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не сохранились. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ЄqФ.** Вес: 6,60 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/74, Н-3369. Тип: точно не определяем.

23. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ѲОО…СО…** О.с.: Бюст императора вправо; **Єq[Ф]**, тамга (1), три точки сзади. Вес: 7,21 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/111, Н-3406. Тип: Анохин 743б; Фролова – тип 1.

592-595 гг. босп. э. (295/296-298/299 гг. н.э.)

24. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась, косой крест спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга?; год не виден. Вес: 7,15 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/10, Н-3305. Тип: точно не определяем.

595 или 596 гг. босп. э. (298/299 или 299/300 гг. н.э.)

25. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась, ə спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Точечный ободок. Вес: 6,92 гр. Диаметр: 18 × 18,6 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/21, Н-3316. Тип: Анохин 743а или Анохин 744а.

596 г. босп. э. (299/300 гг. н.э.)

26. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕѡСѲ…**; три точки спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ϚqФ;** три точки сзади. Вес: 7,66 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/32, Н-3327. Тип: Анохин 744в; Фролова – тип 1.

27. Л.с.: Бюст царя вправо;… **СІЛЕѡСѲОѲ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ϚqФ**; три точки сзади. Вес: 6,75 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/86, Н-3381. Тип: Анохин 744в; Фролова – тип 1.

28. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕ…РСО**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1), **ϚqФ**, три точки сзади. Вес: 7,58 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/108, Н-3403. Тип: Анохин 744в; Фролова – тип 1.

29. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕѡСѲО…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга за полем; **Ϛq[Ф]**, три точки сзади. Вес: 7,47 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/114, Н-3409. Тип: Анохин 744в; Фролова – тип 1.

30. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СІЛ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1), **ϚqФ**. Вес: 7,28 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/137, Н-3432. Тип: Анохин 744б.

31. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛЕѡСѲО…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1), **Ϛq[Ф]**; три точки сзади. Вес: 7,16 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/139, Н-3434. Тип: Анохин 744в; Фролова – тип 1.

32. Л.с.: Бюст царя вправо; **… СІЛЕѡСѲООѡ…**; ə спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); **ϚqФ**. Вес: 7,23 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр. удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/166, Н-3461. Тип: Анохин 744а; Фролова – тип 3.

597 г. босп. э. (300/301 гг. н.э.)

33. Л.с.: Бюст царя вправо;**…СѲОѲѡР…**, три точки спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст

императора вправо; тамга (1), год **ZqΦ** три точки сзади. Точечный ободок. Вес: 7,75 гр. Диаметр: 18,5 × 19,5 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/27, Н-3322. Тип: Анохин 745а; Фролова – тип 1.

34. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛ…COY**; три точки спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **Zq[Φ]**; три точки сзади. Точечный ободок. Вес: 7,44 гр. Диаметр: 17,5 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/146, Н-3441. Тип: Анохин 745а; Фролова – тип 1.

598 г. босп. э. (301/302 гг. н.э.)

35. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACI…OPC**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **HqΦ**; три точки сзади. Вес: 7,54 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/92, Н-3387. Тип: Анохин 746; Фролова – тип 2.

599 г. босп. э. (302/303 гг. н.э.)

36. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛEωCΘ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ΘqΦ**; три точки сзади. Точечный ободок. Вес: 7,00 гр. Диаметр: 19,4 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/71, Н-3366. Тип: Анохин 747а; Фролова – тип 1.

37. Л.с. Бюст царя вправо; **BACI…**; спереди три точки. О.с.: Бюст императора вправо; **Θq[Φ]**; три точки сзади. Вес: 7,51 гр. Диаметр: 18,2 × 19,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/84, Н-3379. Тип: Анохин 747а; Фролова – тип 1.

38. Л.с. Бюст царя вправо; **B[A]CIЛE… OΘ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ΘqΦ**; три точки сзади. Вес: 7,18 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/89, Н-3384. Тип: Анохин 747а; Фролова – тип 1.

39. Л.с. Бюст царя вправо;**…ΘOΘO•PCO**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ΘqΦ**; три точки сзади. Вес: 7,89 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/149, Н-3444. Тип: Анохин 747а; Фролова –тип1.

591-599 гг. босп. э. (294/295-302/303 гг. н.э.)

40. Л.с. Бюст царя вправо; **…ЛEωCΘOO…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…qΦ**. Вес: 7,17 гр. Диаметр: 18,5 × 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/3, Н-3298. Тип: точно не определяем.

41. Л.с. Бюст царя вправо; **BACIЛ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…qΦ**. Вес: 6,59 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/35, Н-3330. Тип: точно не определяем.

42. Л.с. Бюст царя вправо; **B…ΘOΘOO… COY.** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1), **…qΦ**. Вес: 7,75 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/44, Н-3339. Тип: точно не определяем.

43. Л.с. Бюст царя вправо; **BACI…PCO**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…q[Φ]**; три точки сзади. Вес: 7,13 гр. Диаметр: 18,5 × 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/128, Н-3423. Тип: точно не определяем.

44. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О. .с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…q[Φ]**; тамга (1); три точки сзади. Вес: 6,99 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/129 Н-3424. Тип: точно не определяем.

45. Л.с.: Бюст царя вправо; **…PC**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…qΦ**. Вес: 6,82 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/155, Н-3450. Тип: точно не определяем.

46. Л.с.: Бюст царя вправо; **…CIЛE…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…qΦ**. Вес: 7,44 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/168, Н-3463. Тип: точно не определяем.

583-599 гг. босп. э. (286/287-302/303 гг. н.э.)

47. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **…Φ**; Точечный ободок. Вес: 7,38 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/116, Н-3411. Тип: точно не определяем.

600 г. босп. э. (303/304 гг. н.э.)

48. Бюст царя вправо; **BACIЛEωC…**, три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **X**; три точки сзади. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 19,8 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/81, Н-3376. Тип: Анохин 748.

601 г. босп. э. (304/305 гг. н.э.)

49. Л.с.: Бюст царя вправо;**…CΘ…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга

(1); **АХ**; три точки сзади. Вес: 7,04 гр. Диметр: 18,4 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/7, Н-3302. Тип: Анохин 749.

50. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ΘО…**, три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); год **АХ**; три точки сзади. Точечный ободок. Вес: 7,59 гр. Диаметр: 17,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/29, Н-3324. Тип: Анохин 749.

51. Л.с.: Бюст царя вправо; надписи не сохранились; три точки сзади. О.с.: Бюст императора вправо; **АХ**; три точки сзади. Вес: 7,70 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/64, Н-3359. Тип: Анохин 749.

52. Л.с.: Бюст царя вправо; В**АСІ…СОІ**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **АХ**; три точки сзади. Вес: 7,33 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/118, Н-3413. Тип: Анохин 749.

602 г. босп. э. (305/306 гг. н.э.)

53. Л.с.: Бюст царя вправо; **В…РСОУ.** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **ВХ**; три точки сзади. Вес: 7,25 гр. Диаметр: 18,2 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/126, Н-3421. Тип: Анохин 750.

605 г. босп. э. (308/309 гг. н.э.)

54. Л.с.: Бюст царя вправо;**…Л…**, три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); **Є[Х]**; три точки сзади. Вес: 7,58 гр. Диаметр: 17,5 × 19,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/9, Н-3304. Тип: Анохин 753.

591-606 гг. босп. э. (294/295-309/310 гг. н.э.)

55. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СОΘО…О**. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; три точки сзади, одна спереди. Вес: 6,98 гр. Диаметр: 18,1 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/4, Н-3299. Тип: точно не определяем.

56. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛЕωСΘОО…**; три точки спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; тамга и год не видны. Вес: 7,69 гр. Диаметр: 18,9 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/50, Н-3345. Тип: точно не определяем.

57. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ЛЕωСΘОО…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга и год не видны; три точки сзади. Вес: 6,96 гр. Диаметр: 18,2 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/56, Н-3351. Тип: точно не определяем.

58. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ОСΘООРС**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; тамга (1); три точки сзади. Вес: 7,28 гр. Диаметр: 18,6 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/130, Н-3425. Тип: точно не определяем.

582-606 гг. босп. э. (285/286-309/310 гг. н.э.)

59. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ωСΘО…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); год не виден. Вес: 6,66 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/25, Н-3320. Тип: точно не определяем.

60. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ΘО…** О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,17 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.:очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/61, Н-3356. Тип: точно не определяем.

61. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ… ОРС…**; три точки спереди. О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Вес: 7,66 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/82, Н-3377. Тип: точно не определяем.

62. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛЕωСΘОΘ…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Вес: 6,92 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/93, Н-3388. Тип: точно не определяем.

63. Л.с.: Бюст царя вправо; **…АСІЛЕΘОО…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (2); год не виден (за полем). Вес: 7,00 гр. Диаметр: 18,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/104, Н-3399. Тип: точно не определяем.

64. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛЕ…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Вес: 7,95 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/125, Н-3420. Тип: точно не определяем.

65. Л.с.: Бюст царя вправо; **…Л…О…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Вес: 7,27 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/148, Н-3443. Тип: точно не определяем.

66. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ІЛЕУСΘОΘ…** О.с.: Бюст императора вправо; тамга (1); год не виден. Вес: 7,08 гр. Диаметр: 18,2 × 19,1 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/163, Н-3458. Тип: точно не определяем.

Радамсад
606-615 гг. босп. э. (309/310-318/319 гг. н.э.)

613 г. босп. э. (316/317 гг. н.э.)

67. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕҮСРА…** О.с.: Бюст императора вправо; **ГІХ**; палица спереди. Вес: 7,50 гр. Диаметр: 19,2 мм.Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/17, Н-3312. Тип: Анохин 761.

614 г. босп. э. (317/318 гг. н.э.)

68. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ…** О.с.: Бюст императора вправо; **ΔІХ**; палица спереди. Вес: 6,75 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/141, Н-3436. Тип: Анохин 762.

606-615 гг. босп. э. (309/310-318/319 гг. н.э.)

69. Л.с.: Бюст царя вправо;…**РАΔА…** О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; палица спереди. Вес: 7,51 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/62, Н-3357. Тип: точно не определяем.

Рискупорид VI
615-633 гг. босп. э. (318/319-336/337 гг. н.э.)

616 г. босп. э. (319/320 гг. н.э.)

70. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІ…РІ…** О.с.: Бюст императора вправо; **ϹІХ**; палица спереди. Вес: 6,71 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/68, Н-3363. Тип: Анохин 765.

617 г. босп. э. (320/321 гг. н.э.)

71. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ZIX**; двузубец спереди. Дата выпуска: Вес: 7,11 гр. Диаметр: 18,5 × 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/76, Н-3371. Тип: Анохин 766.

72. Л.с.: Бюст царя вправо; **…РНСКОҮПО…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ZIX**; двузубец спереди. Вес: 7,93 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/162, Н-3457. Тип: Анохин 766.

73. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не сохранились. О.с.: Бюст императора вправо; **ZIX**; двузубец спереди. Вес: 6,42 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/169, Н-3464. Тип: Анохин 766.

618 г. босп. э. (321/322 гг. н.э.)

74. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІС**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **НІХ**; двузубец спереди. Вес: 6,39 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/51, Н-3346. Тип: Анохин 767а; Фролова – тип 1.

75. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕωСРІ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **НІ[Х]**; дифферент не виден (за полем). Точечный ободок. Вес: 6,69 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/131, Н-3426. Тип: точно не определяем.

619 г. босп. э. . (322/323 гг. н.э.)

76. Л.с.: Бюст царя вправо; В**АСІЛЕОС… РІ…К…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **ΘІ-Х**. Вес: 7,46 гр. Диаметр: 18,5х20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/6, Н-3301. Тип: Анохин 768б; Фролова – тип 3.

77. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ… ҮПОРІС**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ΘІХ**; орел на шаре спереди. Вес: 7,39 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/30, Н-3325. Тип: Анохин 768а; Фролова – тип 1.

615-619 г. босп. э. (318/319-322/323 гг. н.э.)

78. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СІЛЕ…**; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо;**…ІХ**. Вес: 7,03 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/52, Н-3347. Тип: точно не определяем.

616-619 гг. босп. э. (319/320-322/323 гг. н.э.)

79. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ОС РНСКОҮПОРІ…**, трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…Х**; двузубец спереди. Вес: 7,34 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/72, Н-3367. Тип: точно не определяем.

80. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ІЛ…**; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; **…ІХ**, двузубец спереди. Вес: 6,84 гр. Диаметр: 17,5 × 18,7 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/77, Н-3372. Тип: точно не определяем.

81. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ωCPICK…**; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; **…IX**; двузубец спереди. Вес: 6,46 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/136, Н-3431. Тип: точно не определяем.

620 г. босп. э. (323/324 гг. н.э.)

82. Л.с.: Бюст царя вправо; **… EOCPICKOYП…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо, **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,63 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/1, Н-3296 тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

83. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ACIЛЕ…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Вес: 7,50 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/2, Н-3297. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

84. Л.с.: Бюст царя вправо; **… YCPICKOYПОРІ**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,47 гр. Диаметр: 19,1 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/24, Н-3319. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

85. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛЕОСРІСКОУ…**, венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,41 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/45, Н-3340. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

86. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ACIЛЕУС…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,13 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/58, Н-3353. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

87. Л.с.: Бюст царя вправо;**…ЛЕ…ΔОС**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 5,79 гр. Диаметр: 17 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/66, Н-3361. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

88. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ICKOY…**; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Вес: 7,12 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/69, Н-3364. Тип: точно не определяем.

89. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛЕ… YПОРІС**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **Х-К**. Точечный ободок. Вес: 7,42 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/94, Н-3389. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

90. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛЕ… PHCKOYПОРІС**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **КХ**; орел на шаре спереди. Вес: 8,42 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/145, Н-3440. Тип: Анохин 769а; Фролова – тип 3.

91. Л.с.: Бюст царя вправо; **…CIЛ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **К-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,83 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/147, Н-3442. Тип: Анохин 769; Фролова – тип 1.

621 г. босп. э. (324/325 гг. н.э.)

92. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛЕУСРІСКО…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,57 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/33, Н-3328. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1

93. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ACI… KO…**, венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Вес: 8,00 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/47, Н-3342. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1.

94. Л.с.: Бюст царя вправо; **… ЛЕОСРІСКОУ…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Точечный ободок. Вес: 8,07 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/49, Н-3344. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1.

95. Л.с.: Бюст царя вправо; **…PIСК…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,48 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/120, Н-3415. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1.

96. Л.с.: Бюст царя вправо; **…PICKOY…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,72 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/121, Н-3416. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1.

97. Л.с.: Бюст царя вправо; **BACIЛЕ…**, венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **АК-Х**. Точечный ободок. Вес: 8,50 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/133, Н-3428. Тип: Анохин 770; Фролова – тип 1.

98. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **АКХ**; орел на шаре спереди. Вес:

7,18 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/57, Н-3352. Тип: Анохин770а; Фролова – тип 2.

622 г. босп. э. (325/326 гг. н.э)

99. Л.с.: Бюст царя вправо;**… ωС РНСКО…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ВКХ**; звезда спереди. Точечный ободок. Вес: 7,25 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/16, Н-3311. Тип: Анохин 771а.

100. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕОС РІСКОУП…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **ВК-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,82 гр. Диаметр: 19,5 × 20,5 мм. Сохр.: хорошая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/23, Н-3318. Тип: Анохин 771г; Фролова – тип 10.

101. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СКОУПОР…**, венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **ВК-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,86 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/42, Н-3337. Тип: Анохин 771г; Фролова – тип 10.

102. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ЕУСР…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ВК-Х**. Вес: 7,32 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/123, Н-3418. Тип: Анохин 771г; Фролова – тип 10.

103. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАС… ОУПОРІС**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ВК-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,90 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/170, Н-3465. Тип: Анохин 771г; Фролова – тип 10.

104. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВА…ОРІС…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ВКХ**; Ника спереди. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 18,7 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/105, Н-3400. Тип: Анохин 771д; Фролова – тип 7.

105. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕУСРНСКОУПО**; точка(шар) спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ВКХ**; Ника на шаре спереди. Вес: 7,25 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/144, Н-3439. Тип: Анохин 771з; Фролова – тип 6.

106. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; **ВК-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,97 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/97, Н-3392. Тип: точно не определяем.

623 г. босп. э. (326/327 гг. н.э.)

107. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ПОРІС**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ГКХ**; звезда спереди. Вес: 7,52 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-К П-1532/138, Н-3433. Тип: Анохин 772; Фролова – тип 2.

108. Л.с.: Бюст царя вправо; **В…ОУПОРІС**, венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ГКХ**; без дифферента. Вес: 7,05 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/80, Н-3375. Тип: Анохин 772б; Фролова – тип 8.

109. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **ГКХ**; звезда спереди. Вес: 7,26 гр. Диаметр: 18,3 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/90, Н-3385. Тип: Анохин 772д; Фролова – тип 7.

110. Л.с.: Бюст царя вправо;В**АСІЛЕ… ОРІС**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **Г-К[Х]**. Вес:7,30 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/83, Н-3378. Фролова – тип 9.

111. Л.с.: Бюст царя вправо; … **РУСКОУПОР…**; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; **ГКХ**. Точечный ободок. Вес: 6,75 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/88, Н-3383. Тип: точно не определяем.

622 г. босп. э. (325/326 гг. н.э), 623 г. босп. э. (326/327 гг. н.э.)

112. Л.с.: Бюст царя вправо; **… ІСКОУ…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; изображение года не попало; звезда спереди. Точечный ободок. Вес: 6,64 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/19, Н-3314. Тип: точно не определяем.

113. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ОУПОРІ…**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **…КХ**; звезда спереди. Вес: 7,47 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/34, Н-3329. Тип: Точно не определяем.

114.Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; звезда спереди. Вес: 6,72 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/167, Н-3462. Тип: точно не определяем.

115. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІ…Р**; венок спереди. Точечный ободок. О.с.: Бюст импера-

тора вправо; год не виден; Ника спереди. Вес: 7,30 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/122, Н-3417. Тип: точно не определяем.

116. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не видна; точка(шар) спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,65 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/151, Н-3446. Тип: точно не определяем.

621-625 гг. босп. э. (324/325-328/329 гг. н.э.)

117. Л.с.: Бюст царя вправо; **…АСІ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо;… **КХ**; орел на шаре спереди. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/96, Н-3391. Тип: точно не определяем.

118. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СІ…РІ…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…К-Х** Вес: 7,48 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/102, Н-3397. Тип: точно не определяем.

618-625 гг. босп. э. (321/322-328/329 гг. н.э.)

119. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІ…**; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Точечный ободок. Вес: 7,12 гр. Диаметр: 18,4 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/15, Н-3310. Тип: точно не определяем.

120. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не читается; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Вес: 7,87 гр. Диаметр: 18,1 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/51, Н-3336 Тип: точно не определяем.

121. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 18 × 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/132, Н-3427. Тип: точно не определяем.

122. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **...-Х**. Вес: 7,28 гр. Диаметр: 17,8 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/135, Н-3430. Тип: точно не определяем.

123. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СІЛЕУ…С…** Точечный ободок. О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Точечный ободок. Вес: 6,97 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/142, Н-3437. Тип: точно не определяем.

124. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛ…С…** О.с.: Бюст императора вправо; **…-Х**. Вес: 6,82 гр. Диаметр: 17,5 × 18,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/150, Н-3445. Тип: точно не определяем.

125. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; … **КХ**; звезда спереди. Вес: 6,89 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/171, Н-3466. Тип: точно не определяем.

616, 622-625гг. босп. э. (319/320; 325/326-328/329 гг. н.э.)

126. Л.с.: Бюст царя вправо; **…ЛЕ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **…Х**; звезда спереди. Вес: 7,68 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/54, Н-3349. Тип: точно не определяем.

127. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕ..К…**, дифферент неразборчив. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден, звезда спереди. Вес: 7,08 гр. Диаметр: 18,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/26, Н-3321. Тип: точно не определяем.

128. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІ… С**; без дифферента. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; звезда спереди. Вес: 7,18 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/87, Н-3382. Тип: точно не определяем.

129. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; звезда спереди. Вес: 6,66 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/98, Н-3393. Тип: точно не определяем.

130. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; звезда спереди. Вес: 7,14 гр. Диаметр: 17,5 × 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/119, Н-3414. Тип: точно не определяем.

131. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕωС…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден (за полем); дифферент не виден. Вес: 7,03 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/127, Н-3422. Тип: точно не определяем.

618-629 гг. босп. э. (321/322-332/333 гг. н.э.)

132. Л.с.: Бюст царя вправо; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден. Точечный ободок. Вес: 7,75 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/12, Н-3307. Тип: точно не определяем.

133. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не читается; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не читается. Вес: 6,35 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/36, Н-3332. Тип: точно не определяем.

134. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 6,35 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/106, Н-3401. Тип: точно не определяем.

135. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,95 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/112, Н-3407. Тип: точно не определяем.

136. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась, венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 8,50 гр. Диаметр: 17,5 × 18,2 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/134, Н-3429. Тип: не определим.

137. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,11 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/154, Н-3449. Тип: точно не определяем.

619-625, 630 гг. босп. э. (322/323 – 328/ 329, 333/334 гг. н.э.)

138. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не сохранились. О.с.: Бюст императора вправо; дата не видна; орел на шаре спереди. Вес: 6,89 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/11, Н-3306. Тип: точно не определяем.

139. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕωС Р…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 6,86 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/28, Н-3323. Тип: точно не определяем.

140. Л.с.: Бюст царя вправо; **…І…П…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; орел на шаре спереди. Точечный ободок. Вес: 7,53 гр. Диаметр: 19,1 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/31, Н-3326. Тип: Точно не определяем.

141. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не читается; дифферента нет? О.с.: Бюст императора вправо; орел на шаре спереди. Вес: 7,92 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/36, Н-3331. Тип: точно не определяем.

142. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не читается; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; **…КХ**; орел на шаре спереди. Вес: 6,97 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/48, Н-3343. Тип: точно не определяем.

143. Л.с.: Бюст царя вправо;**ВАСІЛЕωС РІ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо;**…Х**; орел на шаре спереди. Вес: 7,45 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/53, Н-3348. Тип: точно не определяем.

144. Л.с.: Бюст царя вправо; **…РІСКОУП…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 7,26 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/55, Н-3350. Тип: точно не определяем.

145. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; года не видно; орел на шаре спереди. Вес: 8,12 гр. Диаметр: 20,1 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/60, Н-3355. Тип: точно не определяем.

146. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕωСР…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 8,77 гр. Диаметр: 20 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/65, Н-3360. Тип: точно не определяем.

147. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВАСІЛЕ…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 7,01 гр. Диаметр: 17 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/67, Н-3362. Тип: точно не определяем.

148. Л.с.: Бюст царя вправо; **…СРІСК…**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 6,86 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/70, Н-3365. Тип: точно не определяем.

149. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не сохранились. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Точечный ободок. Вес: 6,86 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.:очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/85, Н-3380. Тип: точно не определяем.

150. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре. Вес: 6,41 гр. Диаметр: 19,2 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/91, Н-3386. Тип: точно не определяем.

151. АЕ, Л.с.: Бюст царя вправо; **…СКО…;** трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден (за полем); орел на шаре спереди. Вес: 7,42 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/99, Н-3394. Тип: точно не определяем.

152. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ОУПОРІ**..О.с.: Бюст императора вправо; …**Х**; орел на шаре спереди. Вес: 6,87 гр. Диметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/103, Н-3398. Тип: точно не определяем.

153. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ІЛЕѡСРІ**…; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден; орел на шаре спереди. Вес: 6,91 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/109, Н-3404. Тип: точно не определяем.

154. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ІАЕ**…; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; …**Х**; орел на шаре спереди. Вес: 7,48 гр. Диаметр: 19,8 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/110, Н-3405. Тип: точно не определяем.

155. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден (за полем); орел на шаре спереди. Вес: 6,89 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/113, Н-3408. Тип: точно не определяем.

156. Л.с.: Бюст царя вправо; …**АСІЛ**…; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; год не виден (за полем); орел на шаре спереди. Вес: 7,52 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/115, Н-3410. Тип: точно не определяем.

157. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ПОРІ**…; трезубец (?) спереди. О.с.: Бюст императора вправо; …**КХ**; орел на шаре спереди. Вес: 6,97 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/157, Н-3452. Тип: точно не определяем.

158. Л.с.: Бюст царя вправо; …**РІ…ПОРІ**…; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; …Х; орел на шаре спереди. Вес: 7,15 гр. Диаметр: 19 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/161, Н-3456. Тип: точно не определяем.

159. Л.с.: Бюст царя вправо; **В… ѡСРНСКОУПОРІС**; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; …**Х**; орел на шаре спереди. Диаметр: 19 мм. Сохр.: удовлетворительная. Тип: точно не определяем.

160. Л.с.: Бюст царя вправо; … **ѡ**…; трезубец спереди. О.с.: Бюст императора вправо; …**Х**; орел на шаре спереди. Диаметр: 17,3х18 мм. Сохр.: плохая. Тип: точно не определяем.

628 г. босп. э. (331/332 гг. н.э.)

161. Л.с.: Бюст царя вправо; …**СІЛ**…; венок спереди. О.с.: Бюст императора вправо; **НК[Х]**; Ника спереди. Вес: 6,37 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/100, Н-3395. Тип: Фролова – тип 1.

615-633 гг. босп. э. (318/319-336/337 гг. н.э.)

162. Л.с.: Бюст царя вправо; …**ІСК**…дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; дифферент и год за полем. Вес: 6,02 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/159, Н-3454. Тип: точно не определяем.

Не определяемые монеты

163. Л.с.: Бюст царя вправо; **ВА…І**… О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны (палица?) Точечный ободок.Вес: 7,41 гр. Диаметр: 18,2 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/18, Н-3313. Тип: точно не определяем.

164 Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не сохранились. Вес: 7,45 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/22, Н-3317. Тип: точно не определяем.

165. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не читается; дифферент не виден. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,34 гр. Диаметр: 18,1 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/40, Н-3335. Тип: не определим.

166. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны.Вес: 6,72 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/59, Н-3354. Тип: не определяем.

167. Л.с.: Бюст царя вправо; надписи и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,62 гр. Диаметр: 19,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/63, Н-3358. Тип: не определяем.

168. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись не сохранилась. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,00 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/73, Н-3368. Тип: не определим.

169. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 5,87 гр. Диаметр: 18,2 × 19 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/101, Н-3396. Тип: не определим.

170. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,22 гр. Диаметр: 19 × 20 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/117, Н-3412. Тип: не определим.

171. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора впра-

во; год и дифферент не видны. Вес: 7,23 гр. Диаметр: 18,8 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/124, Н-3419. Тип: не определим.

172. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 7,31 гр. Диаметр: 19,3 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/140, Н-3435. Тип: не определим.

173. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 6,67 гр. Диаметр: 18,5 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/152, Н-3447. Тип: не определим.

174. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 6,16 гр. Диаметр: 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/172, Н-3467. Тип: не определим.

175. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 4,91 гр. Диаметр: 16,2 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/173, Н-3468. Тип: не определим.

176. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 5,36 гр. Диаметр: 16,8 × 17 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/174, Н-3469. Тип: не определим.

177. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Вес: 5,18 гр. Диаметр: 17,3 × 18 мм. Сохр.: очень плохая. Инв. №: ГМЗ-КП-1532/175, Н-3470. Тип: не определим.

178. Л.с.: Бюст царя вправо; надпись и дифферент не видны. О.с.: Бюст императора вправо; год и дифферент не видны. Диаметр: 16,8 × 17 мм. Сохр.: очень плохая. Тип: не определим.

Таблицы

Таблица 1. Распределение среднего веса монет в Ксизовском кладе по эмитентам.

Правитель	Общий вес монет в кладе, гр.	Средний вес монет в кладе, гр.	Средний вес позднебоспорских монет (по: Фролова, 1997, с. 148), гр.
Тейран	6,91	6,91	7,6
Фофорс	473,25	7,28	7,6-7,7
Радамсад	21,76	7,25	7,3-7,4
Рискупорид VI	654,69	7,19	7,2-7,6
Неопределенные	99,45	6,63	-
Всего	1256,06	7,17	7,4-7,6

Таблица 2. Составы кладов боспорских монет конца III – начала IV вв.н.э.

№ п/п	Место находки	Год находки	Количество монет													Примечания
			Всего	Савромат IV		Тейран		Фофорс		Радамсад		Рискупорид VI		Неопр		
				шт	%	шт	%	шт	%	шт	%	шт	%	шт	%	
1	Керчь (1-й)	1852	Неск. сотен	-	-	-	-	*		*		*		-		
2	Керчь (2-й)	1869	180**	2				*		*		47		-		Фарсанз-1
3	Керчь (3-й)	1870	До 1500**	-	-	-	-	*		*		*		-		
4	Станица Фонталовская	1878	70	-	-	-	-	*		-	-	*		-		
5	Керчь (4-й)	1904	*	-	-	-	-	*		-	-	*		-		Золотые монеты Константина II - 2
6	Таракташ (Судак)	1908	До 2000** Осмотрено 582	5		6		94		11		192		208		Римские медные монеты - 66
7	Феодосия	1927	136	-	-	-	-	28	20,6	9	6,6	96	70,6	3	2,2	
8	Тиритака	1946	227			1	0,44	32	14,1	14	6,2	180	79,3	-	-	
9	Патрэй (2-й)	1951	397	1	0,25	2	0,5	118	29,73	28	7,05	248	62,5	-		
10	Керчь (5-й)	1961	90** Опубликовано 70	-	-	-	-	20	28,6	3	4,5	47	67,1	-		
11	Кепы	1962	745	-	-	1	0,14	206	27,73	35	4,8	501	67,2	-		Двойные денарии Ининфимея-2
12	Шумречка, Анапский р-н	1972	261***	-	-	-	-	75	28,7	17	6,5	169	64,8	-		Подражание римским денариям -2
13	Ильичевкое городище (1-й)	1975	130 статеров	-	-	-	-	18	13,9	10	7,7	101	77,7	-		Рискупорид V -1, солиды Юстиниана-5
14	Батарейка	1976	500**	-	-	-	-	58	-	3	-	87	-	-		
15	Ильичевкое городище (2-й)	1977	36	-	-	-	-	11	30,6	3	8,3	2	61,1	-		
16	Ксизово	2013	178	-	-	1	0,56	65	36,5	3	1,7	93	52,24	16	9	

Примечание:
** - данные отсуствуют*
*** - количество не точное*
**** - с учетом монет, сданных в музей позже*

Глава 8

Расчлененные погребения гуннского времени в Верхнем Подонье: ритуал или ограбление?

А.М. Обломский (Москва)

Ритуально разрушенным погребениям Восточной и Центральной Европы позднеримского периода и раннего средневековья посвящена обширная литература. Наиболее полно эта тема разработана для черняховской культуры. Начиная с 60-х гг. XX в. и до настоящего времени, как при описании конкретных могильников, так и в общих работах по погребальному обряду к этой теме обращались многие исследователи (Сымонович, 1963; 1993, с. 136, 137; Никитина, 1985; Магомедов, 1987, с. 36, 37; 2001, с. 29, 30; Петраускас, 1999; 2014; Войнаровський, 1998 и др.). Полные сведения о расчлененных захоронениях могильников, раскопанных до конца 70-х гг. содержатся в издании (Сымонович, Кравченко, 1983), дополнения – в работах О.В. Петраускаса и В.С. Тилищака (Петраускас, 2014; Тиліщак, 2014). Относительно их интерпретации, начиная с упомянутой выше статьи Э.А. Сымоновича 1963 г., преобладает представление о ритуальном характере эксгумации погребений (Гудкова, 2010; Кияшко, 2010; Петраускас, 2014; Гопкало, 2014). Тем не менее, звучали и голоса скептиков, которые не отрицали ограбления, как одной из причин вскрытия могил (Магомедов, 1987, с. 37; Никитина, 2008, 137). Полный обзор мнений на этот счет см. в статье О.В. Петраускаса (Петраускас, 2014).

Разрушенные погребения в римское время и эпоху Великого переселения народов достаточно часты в Центральной Европе и Подунавье. Основной причиной расчленения считается страх перед возможным вредоносным влиянием умерших на жизнь живых (Мончинска, 1997).

К проблеме разрушенных погребений неоднократно обращались исследователи раннесредневековых древностей Восточной Европы, в первую очередь Северного Кавказа и салтовской культуры (Флёров, 2007; 2012; Комар, 2008; Сидоренко, 2008; Шестопалова, 2014). Специальную монографию этой тематике посвятил В.С. Флёров (Флёров, 2007). Он же ввел достаточно удачный термин «постпогребальные обряды». Мнение о ритуальном характере эксгумаций достаточно часто высказывалось, хотя имеется и противоположная точка зрения. Так Г.Е. Афанасьев, полемизируя с В.С. Флёровым, указывал другие причины разрушения скелетов на могильниках салтово-маяцкой культуры: естественные гидро-динамические процессы, приведшие к перемещению костей в результате заполнения грунтом погребальной камеры, ограбление от древних времен до наших дней, уничтожение погребений для того, чтобы стереть память о населявшем ранее территорию народе (Афанасьев, 2012, с. 124, 125). В последнем пункте мнение Г.Е. Афанасьева перекликается с

идеями В.Н. Войнаровского, высказанными относительно причин разрушения черняховских могил (см. ниже).

Приведенный выше довольно краткий и неполный обзор литературы свидетельствует, что разрушенные погребения – широко распространенное явление, причем не только в черняховской культуре. Не является исключением и регион Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов. Настоящая глава посвящена характеристике разрушенных погребений, известных на этой территории, вопросам их хронологии и интерпретации.

Общая характеристика источника. В настоящем издании не учитываются погребения, разрушенные в результате деятельности землеройных животных. В этом случае в захоронениях обычно отсутствуют отдельные кости скелета, как правило, мелкие (фаланги пальцев, кости стоп, некоторые ребра и т.п.) иногда – некоторые кости рук или ног. В ряде случаев удалось проследить ходы сусликов или сурков, которые переместили и даже вынесли наверх в культурный слой отдельные кости. Не привлечены к рассмотрению детские погребения с элементами анатомического порядка, где отсутствует ряд костей, поскольку они – довольно мягкие и в наибольшей степени подвержены гниению, а также захоронения со скелетами плохой сохранности без некоторых костей, но с вполне очевидным правильным их расположением. Расчлененными считаются погребения, где скелет специально разрушен после совершения захоронения. К ним относятся:

1. Погребения, в которых анатомический порядок расположения костей скелета нарушен, а целый ряд костей отсутствует.
2. Захоронения черепов.
3. Перезахоронения.

К первой группе относятся 33 захоронения могильника Ксизово-19 (№№ 2, 7, 8, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 19В, 22, 25А, 27, 30, 31, 35, 36, 38, 42, 45, 54, 55, 57, 60, 61, 62, 64, 67, 68, 69, 70, 77, 78, 81), 7 – могильника Ксизово-17, участка «Мыс» (№№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9), 12 – Ксизово-17А (№№ 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 20, 30, 75), 7 – Ксизово-16 (скопления 1, 4; погребения 4, 12, 13, 14, 15) (см. главы 2, 4,6 настоящей монографии), 1 – Животинного (№ 5) (Медведев, Винников, 1989), 1 – Мухино (погребение на поселении) (Земцов, 2003), 1 – Каменка (№ 1) (раскопки Е.Н. Мельникова и И.Е. Бирюкова 2005-2006 гг.), 1 – Шилово (№ 4) (Акимов, Пряхин, 2010), 1 – Стрельбище IV (№ 1) (Акимов, Пряхин, 2010), 1 – Ямное (№ 1) (Акимов и др. 2008). Вторую группу составляют 10 погребений Ксизово-19 (№№ 24, 32, 40, 43, 48, 52, 50, 66, постройка 1 раскопа 2), 1 – Ксизово-17А (№ 76), 2 – Ксизово-17Б (№ 22, яма 7 раскопа 2), 1 – Животинного (№ 3). Перезахоронения пока зафиксированы только на могильнике Ксизово-17А. К ним относятся погребения 11, 62, 66, 74. Всего, таким образом, в Верхнем Подонье известно 84 расчлененных захоронения, т.е. они составляют вполне представительную по численности группу. Вопрос о хронологии этих погребений будет рассмотрен ниже.

Планиграфия. В Ксизово-16 раскопан сравнительно небольшой участок могильника (рис. 12). О планиграфии расчлененных погребений судить трудно. На могильнике Ксизово-17 подавляющее большинство захоронений концентрируются в особой зоне, которая находится к северо-востоку от двух основных участков некрополя (юго-западного и центрального) (рис. 56, 61, 67, 89, 264). Эта область вытянута вдоль края террасы Дона и охватывает также отделенный оврагом северо-восточный мыс. В Ксизово-19 на обоих участках могильника (к востоку и западу от разделяющей его пополам ложбины) нетронутые и расчлененные захоронения расположены вперемежку. Тем не менее, отмечено, что все погребения гуннского времени (включая расчлененные) образуют подобие рядов, 2 из которых прослежены на западном участке и 3 – на восточном (см. главу 6, рис. 197, 198). В Ксизово-17 и 19 наблюдается общее тяготение захоронений черепов к периферии могильников, т.е. в планиграфии расчлененных погребений там, где она изучена, имеется некоторая логика.

Глубины залегания скелетов. Сведения о них помещены в табл. 1. Из нее следует, что они варьируют от 0,05 м до 1,3 м. В соответствии со стратиграфией Ксизово-17 и 19, т.е. памятников, на которых могильники исследованы наибольшими площадями, по глубинам залегания от дневной поверхности все погребения можно разделить на 3 типа. К первому относятся совершенные в слое чернозема, т.е. от 0,05 до 0,7-0,8 м, ко второму – в неглубоких ямах в нижней части слоя чернозема и в верхней – материка (0,8-1,2 м), к третьему – в глубоких ямах (1,3-2,0 м). Это деление, разумеется, условно, но оно в какой-то степени показывает уровень затрат труда при первоначальных земляных работах по устройству погребения, поскольку копать срав-

нительно мягкий чернозем легче, чем жесткий глинистый материк. Из представленной в табл. 1 выборки в первый тип включены 44 погребения (60%), во второй – 25 (34%), в третий – 1 (2%) (рис. 265). При этом нужно учитывать, что самое богатое захоронение в Верхнем Подонье, исследованное на поселении Мухино-2, довольно значительно углублено в материк – на 0,45 м. Для 3-х захоронений (4%) глубина залегания не ясна. Я разделяю точку зрения, что для определения статуса умершего в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов важен был не только погребальный инвентарь, но имели значение и трудозатраты на совершение захоронения (Магомедов, 1997. С. 84). Если учесть этот принцип, то в большинстве расчлененных могил захоронены представители низших слоев общества, хотя разрушению подвергались и богатые погребения, например, упомянутое выше захоронение в Мухино.

Погребальные ямы. В слое чернозема они не читались, прослежены в 17-ти случаях (табл. 2). Все они – простые, как правило, прямоугольные или со скругленными углами, без подбоев и заплечков и в большинстве случав соответствуют длине тела с некоторыми допусками. Исключение составляет яма погр. 4 Ксизово-17А, где на дне в северо-западной части имелась ступенька высотой 10 см, длиной 50 см, небольшая площадка отмечена и в юго-восточной оконечности ямы, её высота – до 7 см, длина 40 см. Скелет находился в наиболее глубокой части ямы между ступеньками.

Ямы, образовавшиеся в результате перекопа могил, приведшие к их разрушению, прослежены только в погр. 1 Каменки и в погр. 55 Ксизово-19. В первом случае яма находилась в северо-западной части могилы, ее длина составляла 1,42 м при общей длине погребения 2,25 м, во втором – занимала юго-западную половину могилы.

Большинство погребений были одиночными. Парных – всего 3 (Ксизово-19, погр. 57; Ксизово-17, мыс, погр. 6; Животинное, погр. 5). Из них погребенные в первых двух расположены «валетом», т.е. головами в противоположные стороны. В третьем голова ребенка лежит на плече взрослой женщины. Ориентированы оба скелета одинаково – на юг.

Ориентировка. Сведения об ориентировке тех погребений, где ее было возможно установить, приводятся в табл. 3. Выборка составляет 55 захоронений. Из них головами на северо-запад первоначально были ориентированы 18 скелетов из одиночных могил и еще два из парных захоронений, на запад с незначительным отклонением к северу – 3, с небольшим отклонением к югу – 1, на юго-запад – 1. Головами на восток были ориентированы 5 умерших, на восток с небольшим отклонением к югу – 4, к северу – 1, на юго-восток – 8 и еще 2 скелета из парных погребений, на северо-восток – 2, на север с небольшими отклонениями к западу и востоку – 6, на юг, в т.ч. и с отклонениями на восток – 4. Для двух погребений удалось установить только ориентировку могильных ям: по осям северо-запад – юго-восток и запад – восток. Таким образом, головами в западном секторе были ориентированы 45% скелетов, в восточном – 36%, в северном – 11% и в южном – 8% (рис. 266). Интересно, что преобладающая ориентировка погребений на разных могильниках и их участках не всегда совпадает. Так, если в Ксизово-19 и на участке «Мыс» Ксизово-17 в соответствии с общей закономерностью преобладают захоронения с ориентировкой в западном секторе с отклонениями на север, то в северо-восточной части могильника Ксизово-17А – с восточной с отклонениями на юг (табл. 3).

Парные погребения из Ксизово-17 и 19 свидетельствуют, что скелеты, ориентированные в западном и восточном секторах принадлежали одной и той же группе населения, т.к. в этих могилах они найдены вместе.

Дополнительные детали погребальных ритуалов. В подавляющем большинстве захоронений не отмечены. Исключения из этого правила немногочисленны. В погр. 5 Животинного зафиксирована подсыпка дна могилы мелом (Медведев, Винников, 1989, с. 151), кусочки мела найдены в заполнении погребения на поселении Мухино-2, здесь же на дне могилы прослежен слой углей (Земцов, 2003, с. 111). В погр. 70 Ксизово-19 обнаружены кусочки мела и реальгар. Следы органических подстилок в виде пятен тлена отмечены в погр. 3, 4 Ксизово-17А, кусочки охры найдены в двух погребениях на уровне скелетов (Ксизово-17А, погр. 7; Ксизово-19, погр. 2). В последнем случае прослежены, также, следы древесного тлена. Остатки дерева обнаружены в неразрушенной части погр. 1 Каменки. Отдельные угольки отмечены около захоронения черепа в погр. 50 Ксизово-19. У левой ноги скелета в погр. 69 Ксизово-19 прослежены пятна обожженности почвы и найден кусок древесного угля.

Антропология. Данные опеделения пола и возраста погребенных, сделанные антропологами Я. Кулявцевой-Главовой (Чехия, г. Мост), М.В. Добровольской и И.К. Решетовой (Россия, Москва), для могильников Ксизово-17 и 19, Р.А. Тюриным (Россия, Воронеж) для могильника Ксизово-16 приводятся в табл. 4. Они весьма показательны. Эксгумации подвергались погребения как детей и подростков, так и взрослых мужчин и женщин, т.е. какая-либо избирательность по полу и возрасту отсутствовала.

Общая модель первоначального устройства могилы до эксгумации и расчленения скелетов. Таким образом, до разрушения захоронения, которые им подвергались, были совершены в овальных или с закругленными углами простых ямах, рассчитанных на тело умершего с некоторыми допусками, на разных глубинах, причем преобладали относительно неглубокие могилы, выкопанные в слое чернозема, хотя встречаются и погребения в довольно глубоких ямах. При устройстве могилы в какой-то мере могло использоваться дерево (гробовины, перекрытия, обкладка стенок?). В подавляющем большинстве могил захоронено по одному умершему. Парные погребения встречаются в виде исключения. Скелеты были ориентированы, преимущественно, в западном секторе, реже – в восточном, но встречаются погребения с северной и южной ориентировками. Умершие были положены в вытянутой позе на спине. В ряде случаев под скелетами зафиксированы органические подстилки. Прослежены элементы обряда очищения: засыпка дна могильной ямы мелом, угольки в заполнении, уголь на дне погребальной ямы, следы обожженности нижней части заполнения. В виде исключения в могилах встречены кусочки охры.

Инвентарь расчлененных погребений специально будет рассмотрен ниже, но необходимо подчеркнуть, что среди них были и довольно богатые: захоронение на поселении Мухино-2 («княжеское» по статусу) и погр. 7 Ксизово-17А с оружием.

Общие сведения о погребальном обряде юго-западного и центрального участка могильника Ксизово-17, где находились почти исключительно могилы без следов эксгумаций, были опубликованы мною в 2008 г. (Обломский, 2008б). Более полные сведения приводятся в главе 4 монографии. Нетрудно убедиться, что сходство исследованных там погребений и расчлененных на уровне модели достаточно велико. Очень близки глубины, формы и размеры могильных ям, их ориентировка, некоторые дополнительные детали обряда (в ненарушенных могилах встречены отдельные угольки, зафиксированы случаи использования дерева и т.д.). Некоторые отличия наблюдаются в ориентировке. На юго-западном и центральном участках Ксизово-17, как и в ареалах, где господствуют расчлененные погребения, преобладают могилы с ориентировкой умерших в западном секторе, известны захоронения с северной ориентировкой. В отличие от нарушенных погребений, восточную ориентировку имеют лишь несколько погребений[1], а захоронения с южной, впрочем, достаточно редкие и в «расчлененной группе», отсутствуют вовсе. Тем не менее, основной спектр ориентировок погребений без эксгумаций и разрушенных захоронений совпадает, а различия могут быть объяснены специфическими традициями разных общин. Среди погребений на юго-западном и центральном участках имеются могилы с заплечками (плоскими полками для опоры деревянных перекрытий), а также одно с подбоем. Среди расчлененных погребений такие ямы пока не отмечены, но нужно учитывать, что первоначальные их очертания были изменены в результате перекопов.

Если в публикации 2008 г. я был склонен считать расчлененные погребения каким-то особенным этнокультурным явлением для гуннского времени Верхнего Подонья, то теперь при дальнейшем накоплении материала, особенно после раскопок могильника Ксизово-19, я не вижу принципиальной разницы по обряду захоронения между ними и большинством ненарушенных погребений. Причины разрушения могил, по всей видимости, не были связаны с этнокультурными традициями.

Типы расчлененных погребений первой группы. В основу классификации положены способы разрушения скелетов. Несмотря на то, что эти способы очень индивидуальны, некоторые общие принципы, все же, удается наметить.

1. Разрушены грудная клетка и плечевой пояс. Остальные кости – в относительно анатомическом порядке: Ксизово-19, погр. 7, 12, 19В, 22 (кости рук передвинуты в анатомическом порядке), 25А, 31, 35, 42, 60, 77 (кроме того, разрушены таз и правая нога), Ксизово-17 «Мыс»,

[1] В публикации упомянуто только одно (Обломский, 2008, с. 32). Остальные были обнаружены после ее выхода в свет.

погр. 1, 2 (кроме этого, отсутствует часть костей левой ноги), 4, 6 (разрушен один из двух скелетов – женский, нет ребер и левой ключицы); Ксизово-17А, погр. 3, 12; Ксизово-16, погр. 13; Ямное. Всего – 18 случаев (рис. 267; 268).

2. В публикации упомянуто только одно (Обломский, 2008, с. 32). Остальные были обнаружены после ее выхода в свет. То же самое, но без черепа – Ксизово-19, погр. 27, 68; Ксизово-17А, погр. 8, Ксизово-16, погр. 14; всего – 4 погребения; (рис. 269: 1-3).

3. Скелет, в основном, в анатомическом порядке. Отсутствует череп – Ксизово-17 «Мыс», погр. 9; Ксизово-17А, погр. 10; Стрельбище-IV, погр. 1 – 3 случая (рис. 269: 4-6).

4. В анатомическом порядке сохранились таз и часть костей выше и ниже его – Ксизово-19, погр. 2, 11, 69; Ксизово-17, погр. 7; всего 4 погребения (рис. 270).

5. В анатомическом порядке сохранились отдельные кости ног – Ксизово-19, погр. 16; Ксизово-17А, погр. 4, 16, 75; Мухино-2, погребение на поселении (Земцов, 2012, с. 158, 159); Каменка, погр. 1 (читается яма-перекоп, в ее пределах кости перемешаны); всего – 6 захоронений (рис. 271).

6. Сохранилась часть скелета выше таза – Ксизово-19, погр. 45, 55, 64 (отсутствует еще и левая часть грудной клетки), 78 (верхняя часть скелета сохранилась частично); Ксизово-17А, погр. 30; Шилово, погр. 4 (разрушены кости голеней, они сложены в кучку); всего 6 погребений (рис. 272).

7. В погребении находятся череп и кости конечностей, последние передвинуты или in situ – Ксизово-19, погр. 17, 36, 61, всего 3 случая (рис. 273).

8. Кости сложены в кучу или разбросаны на некотором пространстве без анатомического порядка – Ксизово-19, погр. 15, 30, 38, 67, 81; Ксизово-17 «Мыс», погр. 3; Ксизово-17А, погр. 6, 7, 9, 13; Ксизово-16, погр. 4, 12, 15; всего – 13 случаев (рис. 274).

9. В погребении остались отдельные кости без анатомического порядка – Ксизово-19, погр. 54, 62; Ксизово-17А, погр. 20, Ксизово-16, скопление 1, скопление 4; всего 5 случаев (рис. 275).

Ниже описаны редкие способы расчленения.

10. Ксизово-19, погр. 57 – парное захоронение, черепа передвинуты, сохранились кости ног, частично, рук, таз (рис. 276: 1).

11. Ксизово-19, погр. 8. Череп перевернут теменем книзу, кости рук ниже локтей перемещены (рис. 276: 2).

12. Ксизово-19, погр. 10. Нет руки, ребер и костей таза правой стороны скелета (рис. 276: 3).

13. Животинное, погр. 5. Уникальная могила с захоронением женщины и ребенка. У женщины кости рук передвинуты в восточный край ямы в анатомическом порядке вместе с браслетом, у ребенка нет ребер, грудного отдела позвоночника, костей правой ноги от колена и ниже (рис. 276: 4).

14. Ксизово-19, погр. 70. Оно прослежено на двух стратиграфических уровнях (рис. 277). В овальной яме первоначально была захоронена женщина. Яма при этом не засыпалась, судя по тому, что колени погребенной были подняты кверху, и, вероятно, имела какое-то перекрытие. Затем она была вскрыта, из погребения были изъяты вещи (первоначально они были, т.к. от одного бронзового предмета остался окисел на костях), но скелет при этом не был разрушен. В процессе засыпки погребения после вскрытия рядом с женщиной был положен младенец (или его кости). Керамика в нижнюю часть ямы попала, вероятно, из культурного слоя. Затем, когда яма уже была частично засыпана, в нее были помещены остатки разрушенного перекопом погребения эпохи бронзы, к которому относился горшок из скопления 6 и куски двух черепов, и обломки горшка гуннского периода.

Таким образом, в большинстве случаев разрушению подвергалась верхняя часть умершего (грудь, плечевой пояс, может отсутствовать череп), реже – только нижняя или верхняя и нижняя, в отдельных случаях – руки или ноги. Известны также захоронения, где кости полностью перемешаны (сложены в кучку или разбросаны по яме), и погребения, в которых остались лишь отдельные кости. О.В. Петраускас обратил мое внимание на необходимость особого учета погребений, где длинные кости положены поперек общей первоначальной ориентировки скелета. В расчлененных трупоположениях черняховской культуры, которыми он занимается, этот прием наблюдается достаточно часто (Петраускас, 2014, с. 135-137). В Верхнем Подонье поперечное расположение длинных костей зафиксировано в 11 захоронениях из 55 погребений первой группы, что составляет 18% (погр. 16, 19В, 31, 27, 68, 81 Ксизово-19; 3, 7, 9, 12 Ксизово-17А; 6 Шилово), т.е. их достаточно много, чтобы сделать вывод об устойчивой традиции.

Перезахоронения. Их известно всего 4. Все они обнаружены на могильнике Ксизово-17А. По своим признакам выделяется погр. 11. Здесь

параллельно друг другу головами на северо-запад лежали части скелетов выше таза мужчины 30-39 лет и женщины 25-34 лет (рис. 278: 1). При перезахоронении пытались соблюсти анатомический порядок, но при этом кости крестца женского скелета находились в обратном положении по отношению к позвоночнику, а грудная клетка мужского развернута почти перпендикулярно общей оси скелета. В большое отверстие черепа женского скелета была вставлена левая малая берцовая кость. По всей видимости, череп переносили надетым на нее. Расположение костей показывает, что ко времени совершения перезахоронения мягкие ткани тел умерших еще не окончательно разложились: их части переносились «анатомическими блоками».

Три остальных погребения однотипны и совершены в котлованах более ранних полуземлянок (рис. 278: 2-4). Погр. 62 и 66 были скоплениями детских костей, залегавших без анатомического порядка рядом с постройкой 4 раскопа 3 позднеримского периода и в ее котловане. Погр. 74 представляло собой разрозненные кости конечностей, позвонки, ребра и отдельные фрагменты черепа мужчины 40-49 лет, находившиеся в заполнении постройки 5 раскопа 2, которая, судя по керамике из нижней ее части, может датироваться либо позднеримским, либо гуннским временем. Кости, по всей видимости, во всех трех случаях были помещены в западины, которые образовались на месте заплывших землей построек.

Время разрушения погребений. При анализе расчлененных захоронений закономерно возникает вопрос, через какое время после совершения погребений они были разрушены?

Кроме упомянутого выше погр. 11 Ксизово-17А (перезахоронение двух человек), которое было совершено тогда, когда мягкие ткани тел не до конца разложились, известны еще три явных подобных случая. В погр. 22 Ксизово-19 в анатомическом порядке передвинуты кости рук, в погр. 62 того же могильника – часть правой ноги. В погр. 5 Животинного кости рук женщины перемещены в восточный край могилы в анатомическом порядке вместе с браслетом. Напрашивается вывод, что эксгумации проводились вскоре после совершения захоронения. Тем не менее, из большинства погребений вынимались разрозненные кости. Наличие захоронений, где кости помещены в кучку или хаотически разбросаны по всей яме, свидетельствуют о том, что разрушалось не полуразложившееся тело, а именно скелет. О том, что эта операция могла быть проделана через достаточно большой промежуток времени, свидетельствует погребение 7 Ксизово-17А. В этом объекте из инвентаря первоначально находились панцирь из пластин и какой-то клинок в деревянных ножнах. В результате эксгумации эти вещи были расколоты на мелкие куски, но это могло произойти, когда структура железа настолько изменилась, что его легко было сломать. Таким образом, вскрытие могил совершалось от времени через 2-3 месяца до нескольких десятилетий после захоронения либо, как будет показано ниже, даже значительно позже.

Способы использования вынутых из погребений костей. Достаточно много человеческих костей происходит из культурного слоя всех раскопов, где были разрушенные захоронения, т.е. кости, как правило, разбрасывались около погребений. Тем не менее, на юго-западном участке могильника Ксизово-17 известны три захоронения, в которые были положены дополнительные кости. В погр. 3 Ксизово-17Б слева от головы захороненного здесь ребенка 11-13 лет, скелет которого находился в анатомическом порядке, был положен череп женщины возрастом 20-24 года, нижняя челюсть которого лежала у ног ребенка. Там же находились и длинные кости голени женщины (рис. 279: 1). Судя по этому факту, в погребение была положена не голова, а именно череп женщины без мягких тканей.

В погр. 12 Ксизово-17Б был захоронен взрослый мужчина, на груди и тазе которого на боку лежал почти полный скелет ребенка. Еще один детский череп без нижней челюсти лежал между ногами взрослого человека (рис. 279: 2).

В погр. 23 Ксизово-17Б рядом со скелетом мужчины старше 50-ти лет лежали разрозненные кости другого мужчины возрастом 30-34 лет.

Своеобразной формой использования костей, извлеченных из погребений, являются захоронения черепов иногда с отдельными другими костями, сложенными в кучку или положенными рядом с черепными. Описание черепа из погребения 3 Животинного могильника отсутствует. Во всех остальных случаях черепа были неполными. Из серии объектов (Ксизово-19, погр. 2, 40, 48, 66, постройка 1 раскопа 2; Ксизово-17А, погр. 76; Ксизово-17Б, погр. 22) происходили обломки сводов черепа и черепных крышек, в других случаях отмечены отдельные кости черепа (Ксизово-19, погр. 24, 43, 50, 70 верхний уровень). В погр. 52 Ксизово-19 найден череп без

нижней челюсти, а в яме 7 раскопа 2 Ксизово-17Б – еще и без лицевой части. Таким образом, как и в неразрушенных погребениях Ксизово-17Б, использовались именно черепа (точнее то, что от них осталось), а не головы погребенных.

Интересно, что в ряде случаев черепа, как и три из четырех исследованных в Верхнем Подонье перезахоронений, помещались в заплывшие землей объекты поселений. Череп погр. 52 Ксизово-19 был найден в нижней части заполнения типичной ямы-погреба с двумя ступеньками – местами сходов. В заполнении постройки 1 раскопа 2 того же памятника найдена черепная крышка и обломки гончарного кувшина, причем того, что происходит из расположенного неподалеку разрушенного погр. 2, где череп отсутствовал. В средней части заполнения округлой ямы 7 с боковой ступенькой (также по форме погреба) был найден череп человека. Ниже до дна яма была засыпана костями рыбы и чешуей.

Детали ритуалов, проводившихся при повторной (после разрушения) засыпке могилы. Их следы зафиксированы в трех случаях. В Мухино-2, как отмечено автором предварительной публикации, лепной лощеный кувшин и груболепной кухонный горшок стояли не на уровне залегания костей, в выше их в заполнении могильной ямы (Земцов, 2003, с. 111-112). В погр. 12 Ксизово-17А над верхней частью пятна ямы с некоторым смещением к северу находилась выкладка из камней в виде сходящихся вместе двух лучей. При этом камень в их вершине был самым большим по размеру. По моему мнению, эта выкладка символизирует скелет умершего, лежавший ниже, а большой камень – его голову. Ориентирована выкладка точно так же, как и сам скелет.

В овальной яме погр. 70 Ксизово-19 первоначально была захоронена женщина. В процессе засыпки погребения после вскрытия рядом с женщиной был положен младенец (или его кости). Затем, когда яма уже была частично засыпана, в нее были помещены остатки разрушенного перекопом погребения эпохи бронзы, к которому относился горшок из скопления 6 и куски двух черепов, и обломки горшка гуннского периода.

Интересно, что на наиболее полно исследованном могильнике с расчлененными погребениями Ксизово-19, разрушению подвергались не только погребения гуннского времени, но и более ранние: эпохи бронзы (катакомбной и абашевской культур) и раннего железного века (скифского времени). Ниже дается характеристика этих объектов.

Расчлененные погребения эпохи бронзы.

Погребение 37 зафиксировано в нижней части культурного слоя на глубине 0,7-0,8 м от дневной поверхности. Погребальная яма не прослежена. На пространстве 1,2 × 0,55 м залегали свод черепа человека (во фрагментах), несколько позвонков всех отделов, осколки рёбер. Всё в разрозненных обломках. Здесь же найдены несколько костей животных, рыбий позвонок. Севернее черепа обнаружен развал колоколовидного сосуда абашевской культуры с примесью раковины в тесте. Погребение датируется 2 четвертью II тыс. до н.э.[2]

Погребение 47 находилось в культурном слое на 0,4 м выше материка (0,58-0,7 м от дневной поверхности). Могильная яма не фиксировалась. Скелет подростка лежал скорченно на левом боку головой на северо-восток. Большая часть позвоночника и грудной клетки, кости голеней и стоп отсутствовали. Длина сохранившейся части скелета – 0,55 м. Ноги погребенного были согнуты под прямым углом относительно туловища, руки вытянуты и помещены между колен. Череп лежал на левом боку. Перед коленями погребенного стояли два лепных горшковидных сосуда разной величины. В 0,2 м к юго-востоку от них находилась жаровня – крупный фрагмент стенки лепного сосуда. Погребение по керамике, происходящей из него, относится к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры и датируется началом 2 четверти II тыс. до н.э.

Погребение 49 залегало практически на материке (1,02-1,1 м от дневной поверхности). Контуры могильной ямы были приблизительно зафиксированы на уровне материка по темному пятну, имевшему в плане форму неправильной трапеции размерами 1,55 × 1,90 м. Являлось частично разрушенным захоронением взрослого человека, лежавшего скорченно на левом боку головой на северо-восток. Большая часть позвоночника и грудной клетки, кости голеней и стоп отсутствовали. Ноги погребенного были согнуты под прямым углом относительно туловища, руки вытянуты и помещены между колен. Череп лежал на левом боку. Восточнее скелета в 0,35 м располагался раздавленный высокий сосуд. Рядом с ним, южнее, лежала кость животного. Среди фаланг пальцев рук, возле колен, был найден обломок бронзового височного кольца

[2] Здесь и далее определение культурно-хронологической принадлежности захоронений эпохи бронзы дано И.А. Козмирчуком (Липецк).

или серьги. Погребение относится к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры и датируется началом 2 четверти II тыс. до н.э.

Погребение 46 зафиксировано на уровне материка (1,11-1,17 м от дневной поверхности). Могильная яма в слое серого суглинка, сильно изрытого норами грызунов, не фиксировалась. Это – разрушенное захоронение взрослого человека. От скелета остался раздавленный череп, лежавший на левой стороне, и три шейных позвонка. Судя по этим останкам, погребенный был ориентирован головой в северном направлении. Перед лицевой частью черепа в 0,2 м были найдены фрагменты лепного сосуда катакомбной культуры.

По описанию нетрудно убедиться, что погр. 37 соответствует типу 8 расчлененных захоронений гуннского времени, погр. 47 и 49 – типу 1, а погр. 46 представляет собой захоронение черепа.

Расчлененные погребения раннего железного века.

Погребение 14. Яма подпрямоугольной формы размерами 2,9-3,1 м × 1,1-1,6 м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, прослежена на поверхности материка. Общая глубина ямы в материке – 0,06-0,09 м. Заполнение ямы, в целом, представляло собой серый гумус, но в ее пределах читалось более темное подпрямоугольное пятно размерами 2,2 × 1,7-0,8 м, которое возникло в результате перекопа при постмортальном расчленении останков захороненного. В пределах этого пятна на глубине 1,15-1,18 м от дневной поверхности в вытянутой позе на спине лежали останки скелета взрослого человека. In situ находились лишь кости левой ноги, голень и стопа правой, локтевая и лучевая кости правой руки, плечевая и кисть левой. Кости таза и череп отсутствовали. Позвонки, ребра, часть костей рук были сложены кучкой на месте груди. В северо-западной части пятна наблюдалось еще одно скопление мелких костей. Судя по костям, первоначально скелет был ориентирован головой на северо-запад. В северной части ямы на ее дне, лежали два наконечника стрел (железный втульчатый и костяной), черешок от еще одной костяной стрелы, а также бронзовая ворворка.

Погребение 26. На поверхности материка прослежена овальная в плане яма размерами 1,9-2,0 × 0,8-1,05 м, ориентированная по оси северо-запад – юго-восток. В материк яма впущена на 6-13 см. Заполнение представляло собой однородный черный гумус. На дне ямы на глубине 1,2 м от дневной поверхности лежали кости человека очень плохой сохранности, составлявшие 3 скопления в юго-восточной, центральной и северо-западной части ямы. Сохранились свод черепа во фрагментах, осколки трубчатых костей левой и правой голени. Остатки черепа находились в юго-восточной части ямы, кости обеих ног (in situ) – в северо-западной. Могила, по всей видимости, после совершения захоронения была вскрыта. Первоначально погребенный лежал головой к юго-востоку. Около костей черепа лежало сечено-коническое пряслице с узким отверстием и вдавлениями на поверхности, типичное для раннего железного века[3].

Погребение 28 сверху частично перекрыто скоплением культурных остатков гуннского времени. Погребение зафиксировано в культурном слое на глубине 0,67-0,79 м от дневной поверхности. Яма не прослежена, захоронение разрушено. Кости человека занимали пространство 1,9 × 0,3-0,6 м. In situ частично лежали лишь кости ног. Вся верхняя часть скелета переотложена. Из костей сохранились: правые бедренная, большая и малая берцовые, частично кости стопы, а также левые большая и малая берцовые и отдельные кости стопы, правая и левая плечевые, правая и левая локтевые, правая лучевая кости, фрагменты правой височной кости и правой глазницы. Особенности залегания костей: кости ног – в анатомическом порядке, плечевая кость – в «нормальном» положении. Кости правого предплечья находились у проксимального эпифиза правой же плечевой кости, то есть дальше от ног, нежели плечо. Там же был расположен фрагмент левой локтевой кости. Вышеназванные фрагменты черепа находились около правого плеча. В центральной части погребения на уровне залегания костей обнаружено глиняное пряслице близкой к грушевидной формы и узким отверстием, типичное для раннего железного века, а также точильный камень. Судя по положению ног, покойник первоначально были ориентирован головой на северо-запад.

Погребение 41 было частично перекрыто хозяйственной ямой 31. Погребальная яма подпрямоугольной формы зафиксирована на поверхности материка. В юго-восточной оконечности ее контуры не читались. Общая глубина ямы в материке – 0,01-0,08 м.

---

[3] Здесь и далее культурно-хронологическое определение погребений раннего железного века Ю.Д. Разуваева (Воронеж).

На дне ямы на глубине 0,83-1,01 м от дневной поверхности головой на северо-запад лежал скелет человека. Захоронение было разрушено. In situ лежал череп и правая голенная кость. Кости таза, бедренные, кости правой руки были передвинуты. Большинство позвонков, ребер, костей груди и левой руки в погребении отсутствовали. Между черепом и голенью погребенного, т.е. там, где кости были передвинуты, наблюдалось темное пятно размерами 0,85 × 0,54 м. Очевидно, это и есть след ямы, разрушившей захоронение.

На ее границе на дне погребальной ямы, обнаружен железный втульчатый наконечник стрелы с ромбическим пером, характерный для раннего железного века, и обломок втулки еще от одной стрелы.

Погребение 44 обнаружено на уровне 1,05-1,18 м от дневной поверхности, практически на материке. Представляет собой захоронение взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой ориентированного на север-северо-запад. Скелет отчасти потревожен: почти полностью отсутствовали кости верхних конечностей, не было большей части ребер, оказались смещенными кости правой стопы. Левая стопа и отчасти голень были разрушены котлованом постройки 1. Сохранность костей, в целом, плохая, фрагментарная. Свод черепа сохранился во фрагментах, имеются обломки правой лопатки и правого плеча, крестец и тазовые кости, длинные кости обеих ног, разрозненные кости стоп.

Длина скелета – 1,67 м. Судя по сохранившемуся обломку правой плечевой кости, лежавшему in situ, руки погребенного могли быть вытянуты вдоль туловища. Череп был развернут влево и несколько смещен к левому плечу. Могильная яма не фиксировалась, скелет лежал в слое темно-серого суглинка, не отличавшимся от окружающей почвы. В 0,3 м севернее черепа, фактически на том же уровне, был найден железный втульчатый двухлопастной наконечник стрелы. Этот элемент погребального инвентаря позволяет датировать погребение скифским временем. Рядом с правой голенью погребенного был найден фрагмент венчика лепного сосуда, типологически близкого посуде скифоидной культуры.

Погребение 56 совершено в близкой к овальной яме, контуры которой прослежены с юго-западной и юго-восточной стороны на поверхности материка. Глубина ямы в материке – 0,03- 0,04 м. Судя по пятну темного грунта на этом уровне, приблизительные размеры ямы – 2,6 × 1,0 м. Погребение разрушено. В яме на ее дне на глубине 0,77-0,84 м от дневной поверхности лежал скелет человека. In situ сохранились ноги до таза, выше встречены лишь разрозненные кости, череп отсутствовал. Первоначально покойник был ориентирован головой на северо-востоко-восток. К северу от правой ноги погребенного на уровне костей обнаружена бронзовая булавка со спиралевидным навершием. При разборке культурного слоя над захоронением было найдено бронзовое колечко из пластины. Захоронение относится к раннему железному веку.

Погребение 65. Перекрыто в средней части объектом 1 раннеримского времени. Совершено в яме, первоначальные размеры которой в верхней части составляли 2,44 × 1,52-0,7 м, в нижней – 2,3 × 1,3-0,48 м. Она ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Глубина ямы в материке составляла 0,09 – 0,14 м.

Кости человека лежали на материке и в нижней части ямы на глубине 1,13-1,27 м. Они принадлежали мужчине возрастом 35-45 лет. От костей черепа сохранилась нижняя челюсть, от посткраниального скелета – позвоночник, ключицы, лопатки, кости верхних конечностей (кроме пястных и фаланг), кости таза, tibia и fibula правой стороны, фрагменты ребер, частично кости плюсны и предплюсны. Грудной и шейный отделы позвоночника располагались в анатомическом порядке, поясничные позвонки разрушены, но локализованы в одном месте. Крестец сохранился фрагментарно, таз смещен относительно крестца и позвоночника (перпендикулярно общему направлению положения тела – оси позвоночника). Плечевые кости смещены перпендикулярно позвоночнику, локтевая кость смещена, лопатки располагаются в естественном положении, ребра не имеют четкой локализации, размещены по всему уровню погребения. Левая ключица смещена.

Погребение 76 прослежено в культурном слое на глубине 1,03-1,1 м практически на поверхности материка, разрушено, яма не зафиксирована. Скелет ребенка лежал головой на северо-запад. In situ сохранились череп, плечо правой руки и несколько ребер. Ниже средней части грудной клетки кости хаотически разбросаны. На уровне залегания костей в районе груди обнаружены две стеклянные бусины кубической формы с желтыми перистыми разводами. Из них первая имела основу из темно-коричневого стекла, вторая – из черного. Бусы относятся к типу 276 варианту б

по Е.М. Алексеевой и датируются IV-III вв. до н.э. (Алексеева, 1978, с. 49).

Яма 4 раскопа 2. Ее пятно прослеживалось на поверхности материка. Размеры по верхнему краю составляли 164 × 252 см. Форма в плане в верхней части близка к треугольной, в нижней – к овальной, стенки суживаются ко дну, размеры ямы в нижней части – 120 × 176 см. Общая глубина ямы составляла 53 см.

Заполнение объекта было однородным и представляло собой черный гумус. У юго-западной стенки зафиксировано скопление костей и камней, которое занимало пространство размерами 112 × 80 см и имело толщину 15 см. Верхний край скопления зафиксирован на глубине 91 см от репера. Среди скопления костей животных найдены берцовая (?) и голенные кости человека, камень-курант зернотерки, два железных втульчатых наконечника стрел раннего железного века.

Расчленению типа 1 соответствует погр. 44, типа 5 – погр. 14, 26, 28, 56, 65; типа 6 – погр. 76, типа 7 – погр. 41. Яма 4, скорее всего, является жертвенным объектом, в который были помещены кости человека и некоторые вещи из какого-то разрушенного погребения.

Еще три погребения раннего железного века обнаружены на могильнике Ксизово-16. Все они в той или иной степени разрушены (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011). Признаки постмортального расчленения типа 2 имеет погр. 6, типа 4 – погр. 8, типа 10 – парное погр. 11, причем один из скелетов разрушен сильнее.

* * *

Перечисленные выше случаи свидетельствуют, что при засыпке ям, оставшихся после разрушения могил, соблюдались какие-то обряды. В ритуалах участвовали, также, кости, извлеченные из захоронений. Они иногда подкладывались в неразрушенные погребения, а черепа зачастую захоранивались отдельно, причем преимущественно на окраинах топографически обособленных участков могильников. Выкладка некоторых костей поперек общей ориентировки скелета также связана с какой-то ритуальной традицией. Погребения эпохи бронзы и раннего железного века разрушались таким же способом, как и середины 1 тыс.н.э., причем ритуалы соблюдались и в этих случаях: имеется захоронение черепа и жертвенная яма с человеческими костями. Казалось бы, все это свидетельствует, что разрушение могил было особым обрядом, т.е. причины эксгумации были исключительно ритуальными. По моему мнению, не все так просто и здесь мы подходим к проблеме даты совершения погребений Верхнего Подонья, которые потом были разрушены, а также даты самого разрушения.

Датирование разрушенных погребений. Вещи, которые происходят из расчлененных погребений (за исключением эпохи бронзы и раннего железного века), крайне немногочисленны, а большинство захоронений вообще не имеют инвентаря. Бронзовые серьги в виде простых колец с несомкнутыми концами найдены в погр. 77 Ксизово-19, 3, 12 Ксизово-17А. Деталь какого-то бронзового украшения в виде плоской шайбы с отверстием обнаружена в погр. 15 того же могильника. Из погр. 7 Ксизово-17А происходят обломки железных пластин панциря и лезвия в деревянных ножнах, но эти фрагменты настолько малы, что их тип установить невозможно.

В погр. 6 Ксизово-17 (участок «Мыс») в районе шеи и левой плечевой кости женщины из парного захоронения найдены 6 стеклянных бусин (Обломский, 2007, рис. 24: 1-6; см. также главу 4). Связь этого набора бус с гуннским временем не исключена, тем не менее, прямых данных о том, что комплекс относится именно к этому периоду, нет.

Сравнительно узко датируются четыре захоронения. Из перекопа погр. 30 Ксизово-17А происходят 2 обломка бронзовых пластинчатых наконечников поясов. Подобные изделия на юге Центральной Европы и в Среднем Подунавье Я. Тейрал относит к периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.) (Teiral, 1997, S. 330, Abb. 9: 15, 16). Из погр. 5 Животинного могильника происходят бронзовые браслет с узкими концами, украшенными насечками, и последующим плоским прямоугольным расширением, а также калачиковидная серьга (Медведев, Винников, 1989, рис. 2: 2,3; Обломский, 2007, рис. 26: 2,3). По сочетанию вещей комплекс, в целом, датируется V в., не исключая конец IV в. и «выход» в VI в. (Обломский, 2004в, с. С. 223-224). В погр. 2 Ксизово-19 обнаружен развал верхней части сероглиняного гончарного кувшина (Обломский, 2007, рис. 23: 6), который явно представлял собой продукцию местной гончарной мастерской. Горн в Ксизово-19, где обжигались подобные сосуды, функционировал в гуннский период (Земцов, 2004; Обломский, 2004г, с. 153, 154).

Захоронение из Ямного авторы публикации относят к последней трети IV – началу V в. (Акимов и др. 2008, с. 4). Тем не менее, происхо-

дящие из него железные вертикально-овальная и В-образная пряжки датируются значительно шире, включая VI в. (Ivanišević et al. 2006, p. 20, 21). Дата погребения из Ямного – довольно широкая: V в. в целом, не исключая конец IV и «выход» в VI в.

Погребение на поселении Мухино-2 с богатым набором изделий из золота, серебра, янтарными и стеклянными бусами и т.д. по наблюдениям автора предварительной публикации Г.Л. Земцова, в целом, датируется V в. Золотые нашивные бляшки свидетельствуют о принадлежности костюма захороненной здесь женщины к «княжескому» или «понтийскому», широко распространенному в этот период (Земцов, 2003, с. 112; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 242). Как я уже отмечал, до полной публикации комплекса более точно определить его дату трудно, но происходящие из этого захоронения т.н. крапчатые стеклянные бусы по А.В. Мастыковой имеют сравнительно узкую датировку. По времени наиболее широкого их употребления погребение из Мухино можно датировать периодом второй четверти/второй трети V – началом VI в. (Обломский, 2005б; Мастыкова, 2009,с. 112-115). О вероятной синхронности этого захоронения и погр. 5 Животинного могильника свидетельствует серебряный браслет из Мухино (Земцов, 2003, рис. 2: 6), по форме окончаний очень близкий к бронзовому браслету из Животинного. М.М. Казанский и А.В. Мастыкова считают возможным датировать комплекс из Мухино еще более узко: второй четвертью V в. (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 242).

Немногочисленные узко датированные комплексы, в целом, свидетельствуют о принадлежности расчлененных погребений (кроме тех захоронений, которые явно были совершены в эпоху бронзы и в раннем железном веке) к V в., не исключая несколько более широкой даты.

К середине 1 тыс.н.э. относятся и 4 расчлененных погребения из Ксизово-19, кости которых были продатированы в ИГАН радиокарбонным методом (см. раздел о могильнике Ксизово-19).

Кроме прямых данных для определения хронологии разрушенных погребений, имеется и ряд косвенных.

Как уже было отмечено выше, первоначальный обряд захоронения погребений, которые впоследствии были вскрыты, по основным признакам принципиально не отличается от зафиксированного на тех участках могильника Ксизово-17, где разрушенные погребения являются редким исключением (юго-западном и центральном). По комплексам эти участки датируются периодами D1-D3 Я. Тейрала, т.е. концом IV – всем V в. (Обломский, 2008а; 2010в). Иными словами, строгих оснований датировать расчлененные погребения иначе, чем ненарушенные, нет.

На раскопе 2 Ксизово-17А, расположенном около края террасы Дона в центральной части памятника, кроме расчлененных, исследована еще и серия древнерусских погребений XII-XIII вв. Последние имеют западную ориентировку с отклонениями, покойники зачастую лежали в гробах, ни одна из этих могил не была разрушена. Расчлененные погребения отличаются от древнерусских. Как уже отмечалось, в большинстве случаев на этом участке они имели ориентировку в восточном секторе, использование гробов не зафиксировано. Три из обнаруженных здесь перезахоронений (погр. 62, 66, 74) совершены в котлованах более ранних построек после того, как они частично заплыли грунтом. Одна из этих построек по происходящей из нее керамике относится к горизонту типа Каширки-Седелок, материалы которого известны в Ксизово-17 и датируются второй половиной III – началом IV в. (Обломский, 2009а, с. 194-195). Поселенческих материалов гуннского времени на раскопе 2 не зафиксировано, но имеются относящиеся к раннесредневековой боршевской культуре (остатки двух печей-каменок и керамика из слоя) (Григорьев, Обломский, 2008)[4]. Таким образом, разрушенные погребения в этой части памятника датируются позже начала IV в., но раньше боршевского времени (вторая половина VIII – начало XI в.) (Винников, 1995, с. 105-127).

На раскопе 1 Ксизово-17А, который находится на северо-восточной оконечности памятника и на участке «Мыс», кроме расчлененных погребений и нескольких неразрушенных без вещей, дата которых неопределенна, исследованы скорченные погребения эпохи бронзы с характерными сосудами и одно древнерусское со специфическим набором сердоликовых и хрустальных бус. Погребения этих периодов легко отличимы от разрушенных по позе захороненных и набору вещей. На раскопе 1 зафиксирован культурный слой позднеримского времени с типичной керамикой, на участке «Мыс» напластования I тыс.н.э. отсутствовали. Тем не менее,

[4] В публикации описывается одна печь. Остатки второй были обнаружены позже в сезон раскопок 2008 г.

на этих двух вскрытых площадях в культурном слое найдены железный наконечник пояса, принадлежность которого к гуннскому периоду не вызывает сомнений, и бронзовая плоская рама сюльгамы рязано-окского происхождения, аналогии которой в Верхнем Подонье известны на памятниках типа Чертовицкого-Замятино середины I тыс.н.э. (Обломский, 2007, с. 78, рис. 24: 8, 9; 2009б, с. 264, 265). Эти вещи могли попасть в культурный слой только из разрушенных погребений. Несколько шире датируются происходящие из раскопа 1 железные фибула и язычок пряжки (Обломский, 2007, рис. 24: 10, 12).

Таким образом, по конкретным условиям нахождения на памятнике расчлененные погребения могильника Ксизово-17, вероятнее всего, относятся к гуннскому периоду.

Более яркие материалы по датированию расчлененных захоронений были получены при исследовании могильника Ксизово-19.

Могильник состоит из двух участков, расположенных на невысоких всхолмлениях, разделенных ложбиной. На нем исследовано 48 погребений середины 1 тыс.н.э., из них 42 расчлененных, включая захоронения черепов. Расчлененные погребения, а также неразрушенные захоронения гуннского периода впущены в культурный слой поселения с материалами круга Чертовицкого-Замятино, который датируется первой половиной V в. Зафиксированы 2 случая, когда расчлененные и неразрушенные захоронения середины 1 тыс. перекрывали объекты поселения, кроме того, в хозяйственной яме-погребе, заполнении жилища-полуземлянки были захоронены черепа, а еще одна яма использована для погребения младенца (см. главу 6). Из-под погр. 60, которое находилось в культурном слое, происходят 3 обломка сосудов эпохи бронзы, груболепная неорнаментированная керамика (с шамотом в тесте – 13 фрагментов, с шамотом и дресвой – 2 фрагмента, с дресвой в тесте – 18 фрагментов) 2 обломка сероглиняных гончарных сосудов. Состав керамики типичен для отложений гуннского периода.

Кроме керамики из погр. 2, 70, серьги из погр. 77, кольца, обломков железного ножа и втулки наконечника стрелы из погр. 17, в расчлененных захоронениях никаких вещей, которые можно было бы считать погребальным инвентарем, не было (не считая объекты эпохи бронзы и раннего железного века). Тем не менее, из культурного слоя происходит множество вещей, которые были условно названы «предметами могильной группы», т.е. тех, которые часто встречаются в погребениях эпохи Великого переселения народов (фибулы, детали ожерелий, серьги, браслеты, зеркала и т.д., подробнее см. в главе 6 монографии). Необходимо отметить, что не только в разрушенных погребениях, но и в объектах поселения находок «могильной группы» практически не было. Исключения составляют лишь яма 12 раскопа 7, где найдены бусины, и юртообразная постройка 4 раскопа 1, с которой связаны бронзовая фибула и обломок бантиковидной накладки (Обломский, 2006а). Разумеется, такого количества престижных вещей в культурном слое поселения просто не может быть, даже несмотря на изрядную исследованную площадь (2704 кв. м).

В главе 6 показано, что по планиграфии эти вещи относятся к расленным погребениям некрополя, т.е. находки т.н. могильной группы действительно связаны с могильником и попали в культурный слой из погребений во время их разрушения (так же, как и отдельные человеческие кости).

Находки «могильной группы» из Ксизово-19 составляют характерный набор вещей V в., которые распространены от Северного Кавказа и ареала рязано-окских могильников до Центральной Европы. Погребения, которые впоследствии были разрушены (по крайней мере, большинство из них) были совершены в гуннский период. При этом выделяется серия предметов с более узкой датой в рамках середины – второй половины V в.

* * *

Теперь нужно ответить на вопрос, каким временем можно датировать разрушение могил? Необходимо отметить, что при работе с расчлененными погребениями он ставится довольно редко. Для черняховской культуры специально этой проблеме посвящена статья В.М. Войнаровского. При всей оригинальности ответа (черняховские готские и сарматские могилы вскрывали раннесредневековые славяне с целью обезвредить врагов-«чужаков») (Войнаровський, 1998, с. 338-342) автор совершенно справедливо обратил внимание на обстоятельство, что проблема датирования разрушенных погребений имеет два аспекта. Нужно определить не только дату совершения захоронения, но время его разрушения, которое могло произойти значительно позже. Противоположные наблюдения у В.С. Флёрова. При описании рас-

члененных захоронений могильника Клин Яр он указывал, что многие катакомбы с самого начала возводились таким образом, чтобы обеспечить возможность последующего проникновения в них (например, Флёров, 2007, с. 50, 51 и др.), т.е. разрушение скелетов было изначально запланировано тем же населением, которому и принадлежал некрополь.

Не вызывает сомнения, что в Верхнем Подонье в тех немногих случаях, когда останки из погребений вынимались или перемещались анатомическими блоками, т.е. до полного разложения мягких тканей, эксгумация производилась вскоре после совершения захоронений, также в гуннский период. Тем не менее, это наблюдение не дает прямого ответа на вопрос, когда были разрушены прочие погребения, откуда извлекались или в которых перемещались кости, лежавшие в могиле уже без связок?

Дата разрушения этих погребений косвенным образом может быть определена по найденной в них керамике. Как было показано в публикации материалов археологического комплекса у с. Замятино, а также в главах 2,3 и 5 настоящей монографии, в технологическом отношении набор керамики гуннского времени Острой Луки Дона включает лепную посуду с шероховатой поверхностью с примесями шамота, а также комбинированными, т.е. шамота в сочетании с другими включениями (дресвы, песка, известняка), лепную лощеную и гончарную керамику (импортную позднеантичную, в т.ч. и амфоры, и местную сероглиняную с шероховатой и лощеной поверхностью) (Обломский, 2004б, с. 23-24). В табл. 5 собраны данные о керамике, которая происходит из заполнения могильных ям или найдена на уровне скелетов (13 объектов). Во всех случаях это – мелкие фрагменты, которые явно попали в перечисленные объекты из культурного слоя, а не являются инвентарем погребений. Тем не менее, набор посуды из этих захоронений соответствует тому, который отложился в культурном слое гуннского периода с включениями немногочисленных более ранних черепков (эпох неолита-бронзы, раннего железного века). Очень показательна в этом отношении верхняя часть погр. 70 Ксизово-19. В ее заполнении обнаружен полный профиль сосуда катакомбной культуры эпохи бронзы вместе с крупными обломками груболепного горшка с шамотом в тесте гуннского периода. В культурном слое как Ксизово-17Б, так и Ксизово-19 достаточно часты находки древнерусской гончарной керамики. Из учтенных в табл. 5 объектов происходит только 1 мелкий фрагмент сосуда этого времени, который мог быть занесен в заполнение погребения 22 кротами. Таким образом, захоронения были разрушены тогда, когда в культурном слое уже была керамика середины 1 тыс., связанная с ранее существовавшим на территории могильника поселением, но еще не отложился древнерусский слой, т.е. скорее всего, в гуннский период, если учесть наличие в «расчлененном массиве» захоронений, которые были вскрыты вскоре после их совершения.

Интересно, что такой же, как перечисленный выше, набор керамики происходит из заполнения разрушенных погребений, совершенных в эпоху бронзы и в раннем железном веке (табл. 6), в т.ч. и из зафиксированных в их пределах ям-перекопов. Учитывая, что характер расчленения захоронений этих периодов был таким же, как у погребений середины 1 тыс.н.э., можно сделать вывод, что и они были разрушены тогда же, когда и прочие, т.е. в гуннское время.

Выводы. Считается, что основным признаком ритуального характера разрушения могил является наличие в них инвентаря, т.е. тех, кто вскрывал погребения, интересовали кости скелета и их расположение, а не предметы из захоронений. Подавляющее большинство расчлененных погребений Верхнего Подонья вообще не содержит вещей. В остальных инвентарь – более чем скудный. Единственным исключением является захоронение у с. Мухино. Тем не менее, первоначально в расчлененных погребениях престижные предметы были, о чем свидетельствуют их многочисленные находки около разрушенных могил в Ксизово-19, хотя сами эти могилы буквально очищены от вещей. Как показано на планах памятников и раскопов, в Ксизово-17 большинство расчлененных погребений занимают отдельный участок, территориально обособленный от зон, где концентрируются неразрушенные могилы, иногда с достаточно богатым инвентарем. При этом все участки некрополя Ксизово-17 гуннского времени и могильник Ксизово-19 синхронны в рамках этого периода. Проводилась, таким образом, эксгумация не всех погребений, а расположенных на определенных участках, т.е. видимо, могил умерших не своей общины, а чужой. Я считаю, что основной целью разрушения погребений в Верхнем Подонье было

именно ограбление[5]. Тот факт, что нарушенной в большинстве случаев оказывалась верхняя часть скелета, объясняется тем, что именно здесь преимущественно и находились наиболее престижные вещи – головные уборы, фибулы, ожерелья и др. Разрушенными оказались и некоторые более ранние захоронения (бронзового и раннего железного века), на которые наткнулись грабители. При этом их не слишком интересовали стеклянные бусы, а также небольшие изделия из железа, бронзы, серебра и даже золотой фольги (в Мухино). Не исключено, что одной из причин ограбления был поиск цветного металла. В Ксизово-19 некоторые бронзовые вещи были смяты в комки, свернуты в трубочки, очевидно, для компактности, т.е. грабителям нужны были не сами предметы, а материал, из которого они изготовлены. Часть вещей потом была потеряна около могил.

Тем не менее, некоторые ритуалы в процессе вскрытия могил, все же, соблюдались. Магическое значение имели отдельные кости, особенно, черепа, которые подкладывались в другие, неразрушенные, погребения, хотя и довольно редко (зафиксировано всего 3 случая). Чаще черепа закапывались в землю отдельно, преимущественно, на окраинах могильников. Останки некоторых погребенных были перезахоронены, хотя во всех четырех явных случаях не полностью. Какие-то обряды выполнялись при засыпке могильных ям после их вскрытия (поставленные в верхнюю часть заполнения сосуды в Мухино, выкладка из камней над одним из погребений в Ксизово-17А, куски черепа и обломки горшков в верхней части заполнения погр. 70 Ксизово-19). Весьма возможно, что эти магические ритуалы имели целью обезопасить живых от мести со стороны умерших, чьи захоронения были ограблены. Возможны, конечно, и другие интерпретации. Тем не менее, совершенно очевидно, что наличие обрядовых действий не противоречит ограблению могил, как основной причине их разрушения.

[5] Ранее при предварительном анализе погребального обряда гуннского времени из Верхнего Подонья я склонялся к мнению о ритуальном характере разрушения захоронений этого периода (Обломский, 2007, с. 77). Такова же точка зрения авторов публикации погребения у с. Ямное и В.С. Флёрова (Акимов и др., 2008, с. 5; Флёров, 2012, с. 232-233). Теперь, собрав все факты о разрушенных погребениях Верхнего Дона, я свою точку зрения изменил.

Таблицы

Таблица 1. Глубины расчлененных погребений от дневной поверхности.

№№ погребений	Глубины залегания от дневной поверхности
Ксизово-19	
2	0,15-0,17 м
7	1,03-1,09 м
8	0,96-1,06 м
10	0,65-0,68 м
11	0,72-0,86 м
12	0,88-0,96 м
15	0,82-0,89 м
16	1,0-1,01 м
17	0,95-1,05 м
19В	0,99-1,07 м
22	1,19-1,2 м
24	0,7-0,74 м
25А	0,7-0,73 м
27	0,75-0,83 м
30	0,7-0,96 м
31	0,93-1,04 м
32	0,75-0,82 м
35	0,39-0,45 м
36	0,53-0,69 м
38	0,59-0,88 м
40	0,99-1,01 м
42	0,64-0,73 м
43	0,71-0,73 м
45	0,85-0,89 м
48	0,96 м
50	0,64-0,74 м
54	?
55	0,92-0,96 м
57	0,47-0,54м
60	0,66-0,79 м
61	0,85-0,97 м
62	0,99-1,01 м
64	1,01-1,08 м
66	0,78-0,94 м
67	0,99-1,12 м
68	0,73-0,8 м
69	1,0–1,06 м
70	0,78-0,94 м
77	0,9-1,07 м
78	0,75-0,85 м

81	1,18-1,20м
Ксизово-17, мыс	
1	0,35-0,4 м
2	0,2-0,3 м
3	0,4-0,45 м
4	0,15-0,25 м
6	0,3-0,45 м
7	0,1-0,2 м
9	0,15-0,25 м
Ксизово-17А	
3	0,4-0,45 м
4	0,55-0,65 м
6	0,05-0,15 м
7	0,65 м
8	0,65 м
9	0,7 м
10	0,33-0,36 м
11	0,37-0,42 м
12	0,48-0,50 м
13	0,6-0,75 м
16	0,7-1,0 м
20	1,3 м
30	0,52-0,56 м
75	0,8 м
76	0,5 м
Ксизово-17Б	
22	0,7 м
Ксизово-16	
Скопление 1	0,25-0,3 м
Скопление 4	0,2-0,35 м
Погребение 4	0,82 м
Погребение 12	0,65–0,8 м
Погребение 13	0,35-0,45 м
Погребение 14	0,5 м
Мухино	
Погребение	0,91-0,97 м
Каменка	
1	0,4-0,7 м
Животинное	
3	?
5	?

Таблица 2. Размеры погребальных ям.

№ погребения	Параметры могильной ямы
Ксизово-19	
16	Ширина пятна – до 1 м, длина участка, контуры которого удалось зафиксировать – 1,8 м
17	2,35-2,4 × 1,0-1,2 м
54	1,4 × 0,8 м (северная часть)
70	2,5 × 1,4-1,6 м
81	2,3 × 0,8 м
Ксизово-17А	
3	2,2 × 0,8 м
4	3 × 1-1,1 м
7	2,6 × 0,85-0,9 м
8	не менее 2,0 × 1,75 м
9	2,3 × 1,5 м
13	1,9 × 0,95 м
16	2,85 × 1,88-2,3 м
20	2,15 × 0,93 м
Животинное	
5	0,55 × 1,75 м
Мухино	
Погребение	2,0 × 0,37-0,55 м
Каменка	
1	2,25 × 0,85-0,95 м
Шилово	
4	2,85 × 1,4 м
Ямное	
1	2,05 × 0,6 м

Таблица 3. Ориентировки расчлененных погребений.

№ погребения	Ориентировка
Ксизово-19	
2	СЗ
7	В
8	ССЗ
10	ССЗ
11	СЗ
12	ССВ
16	В
17	В
19В	ЮЮВ

22	ЮЗ
25	ЮЮВ
27	СЗ
31	В
35	СЗ
42	ЮЗЗ
45	СЗ
54	СЗ или ЮВ
55	СВ
57	парное: СЗ и ЮВ
60	СЗ
61	СЗ
64	СЗ
67	СЗ
68	СЗ
69	СЗ
70	ССЗ
77	СЗ
78	ЮВ
81	СЗ
Ксизово-17, мыс	
1	СЗ
2	СЗЗ
3	Ю
4	ЮВ
6	СЗ – мужской, ЮВ – женский
7	СЗ
9	СЗ
Ксизово-17А	
3	ЮВВ
4	ЮВ
6	СЗ
7	ЮВВ
8	ЮВ
9	ЮВ
10	ЮВВ
11	СЗЗ
12	ЮВВ
16	ЮВ
20	З или В
30	ССЗ
75	ЮВ
Ксизово-16	
13	ЮВ
14	В
Животинное	

5	Ю
Мухино	
Погребение	ССЗ
Каменка	
1	СЗЗ
Шилово	
4	СЗ
Стрельбище-4	
1	СВ
Ямное	
1	СВВ

Таблица 4. Пол и возраст погребенных.

№ погребения	Пол, возраст
Ксизово-17, мыс	
2	ребенок
4	взрослый
6	Парное: взрослые женщина и мужчина
9	Мужчина, 30-39 лет
Ксизово-17А	
3	Ребенок 5-11 лет
4	Мужчина 30-39 лет
6	Пол не ясен, 20-25 лет
7	Женщина 20-25 лет
8	Женщина 25-39 лет
10	Мужчина 40-50 лет
11	Парное перезахоронение, скелет А – мужчина 30-39 лет, скелет Б – женщина 25-34 года
12	Взрослый мужчина
13	Мужчина 40-49 лет
16	Пол не ясен, старше 45 лет
30	Женщина 16-20 или 25-39 лет
62	Ребенок 4-5 лет
66	Ребенок около 5-7 лет
74	Мужчина 40-49 лет
75	Мужчина 30-39 лет
Ксизово-17Б	
22	Ребенок около 2 лет
Раскоп 2 яма 7	Ребенок 6-10 лет
Ксизово-16	
4	Взрослый мужчина
12	Женщина (?) 20-25 лет
13	Взрослый

14	Мужчина 35-40 лет
15	Женщина 50+ лет
Скопление 1	Подросток
Скопление 4	Мужчина 25-30 лет
Ксизово-19	
57	Женщина 17-19 лет, ребенок 6-8 лет
60	Женщина 18-30 лет
61	Женщина 20-25 лет
62	Женщина 20-30 лет
64	Ребенок 5-7 лет
66	Ребенок 10-15 лет
67	Мужчина 35-40 лет
68	Женщина 25-30 лет
69	Мужчина 18-25 лет
70	Женщина 30-35 лет
77	Мужчина 17-27 лет
78	Мужчина 30-35 лет
81	Женщина возраста Adultus

Таблица 5. Керамика из разрушенных погребений гуннского времени.

Могильник	Объект, участок культурного слоя	Условия находки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ксизово-19	Погребение 17	заполнение				5					11	3		7	
Ксизово-19	Погребение 22	заполнение		1							1	1			1
Ксизово-19	Погребение 27	заполнение					1								
Ксизово-19	Погребение 30	с уровня залегания скелета									1				
Ксизово-19	Погр. 38	с уровня залегания скелета	1												
Ксизово-19	Погребение 25А	с уровня залегания скелета								2					
Ксизово-19	погребение 31	заполнение				5	1		2	1		1		2	
Ксизово-19	Погребение 38	с уровня залегания скелета	1			5	5	1				3	1		
Ксизово-19	Погребение 54	заполнение				1									
Ксизово-19	Погребение 54А	заполнение				5						1			
Ксизово-19	погребение 55	заполнение										2			
Ксизово-19	погребение 67	с уровня залегания скелета			1					1					
Ксизово-17Б	Раскоп 2, яма 7	в слое гумуса	2			2									
Ксизово-17Б	Раскоп 2, яма 7	уровень черепа							1	1					

Таблица 6. Керамика из разрушенных погребений эпохи бронзы и раннего железного века.

Могильник	Объект, участок культурного слоя	Условия находки	1	4	7	9	10	12
Ксизово-19	Погребение 14	заполнение	1	3	4	2		
Ксизово-19	Погребение 28	заполнение		1		2		
Ксизово-19	Погребение 46	заполнение		1				
Ксизово-19	Погребение 41	На уровне скелета		4				1
Ксизово-19	Погребение 44	заполнение			1			
Ксизово-19	Погребение 56	заполнение	1	3	1		1	

Примечания к табл. 5 и 6: 1 – керамика эпох неолита-бронзы; 2 – лепная керамика городецкой культуры раннего железного века с рогожной поверхностью; 3 – груболепная керамика с шамотом и известняком в тесте; 4 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 5 – груболепная керамика с шамотом и дресвой в тесте; 6 – груболепная керамика с известняком в тесте; 7 – груболепная керамика с дресвой в тесте; 8 – лепная лощеная и подлощенная керамика; 9 – неопределимая керамика; 10 – сероглиняная гончарная керамика; 11 – железный шлак; 12 – обожженная глиняная обмазка; 13 – древнерусская гончарная керамика.

Глава 9
Фибулы подгруппы Левице – Токари в Подонье

И.О. Гавритухин (Москва)

Фибулы подгруппы Левице – Токари появились в музейных собраниях и на страницах научных публикаций в 1880-е годы. Основа их изучения была заложена в 1950-е гг. Михаем Пардуцем и Иоахимом Вернером, хотя для дальнейшей работы опорными стали терминология, свод (тип Прша – Левице, распространенный от Среднего Подунавья до Крыма) и хронологические наблюдения последнего (Werner, 1959, S. 428-431). Новое базовое обобщение на конец 1980-х гг. принадлежит Ангелике Хайнрих (Холл). В 1990-е гг. ареал и спектр понимания этих фибул были существенно расширены Анной Хараламбиевой, опубликовавшей ряд находок в Северо-Восточной Болгарии, и мной за счет систематизации восточноевропейских находок, позволившей выделить новые таксоны, расширить их ареал до Левобережья Среднего Днепра. Петером Томкой в связи с публикацией важной находки из Левеля (рис. 280: 14) высказаны новые наблюдения и довольно подробно изложена история изучения интересующих нас фибул (Tomka, 2010, S. 479-483; дополнения см. в: Gavritukhin, 2013, p. 107)[1].

Существенный сдвиг в понимании фибул рассматриваемой подгруппы вызвало появление в недавнее время информации о новых находках, прежде всего в Восточной Европе. Важнейшее место среди них занимают фибулы из Ксизово (рис. 5: 14; 232: 2-5; 280: 3, 4, 6, 9, 20). Они фиксируют северо-восточную границу ареала подгруппы (рис. 281: 43; 282: 25-28), их найдено 5 экземпляров (более, чем на любом другом памятнике)[2], относящихся к разным сериям, дающим представление обо всех основных этапах и формах эволюции интересующих нас фибул на востоке зоны их распространения. Это и побудило меня предложить специальный очерк о донских находках[3].

Данная работа базируется на недавно опубликованном мною новом обобщающем исследовании фибул подгруппы Левицы – Токари в целом (Gavritukhin, 2013)[4]. На этой основе ниже

[1] В моей публикации опечатка, вместо «Levce» следует читать «Levice».

[2] Не считая Керчи, но находки, привязанные к этому пункту, в основном, представлены покупками, т.е. эта локализация, как образно выразился И. Вернер, «апокриф».

[3] Впервые он был представлен как доклад на 4-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», прошедшей на Куликовом поле в ноябре 2012 г. Тем не менее, мне кажется, что публикация этих наблюдений более целесообразна не в сборнике трудов конференции, а в данном издании, специально посвященном находкам из Ксизово.

[4] В этой статье кратко изложен ряд результатов моей работы по плановой теме в ИА РАН в 2010-2012 гг.

приведены типология, хронология и обзор культурно-исторического контекста этих вещей[5], что необходимо как введение к части, посвященной специальному изучению донских находок.

Типологическая схема. К подгруппе Левицы – Токари относятся небольшие (в пределах 5-9 см, в основном 6-7,5 см; зафиксированные размеры от 5,4 и 5,7 до 8,3 и около 8,5 см) литые фибулы, украшенные в кербшнитной (гранено-выемчатой) технике простой орнаментацией (комбинации треугольников и четырехугольников, нередко ромбов), с выступами на головной пластине (1 или 3) и ножке (1 или 3), имеющие одну стойку для крепления оси короткой пружины и сплошной приемник. Головная (закрывающая пружинный механизм) пластина может быть треугольной или сегментовидной, ножка (пластина, закрывающая приемник) – ромбической или близкой к ромбу (все – не учитывая выступов). Выступы по вертикальной оси имеют форму округлых (иногда «подрезанных») кнопок, в ряде случаев – более сложную. Боковые выступы, если они есть – в виде кнопок или уплощенные простых форм. Материал: в основном бронза, есть серебряные, позолоченные; при этом пружинящий механизм, как правило, сделан из железа.

В рамках подгруппы выделяются серии (основная и производные от нее, различающиеся формой головной пластины), блоки вариантов (Левице, выделяемый в рамках основной серии по наличию орнамента на дужке; в рамках других серий они выделяются главным образом по форме вертикального выступа на ножке и другим признакам) и варианты.

Основная серия (рис. 280: 16-21; 281) объединяет очень близкие по всем основным показателем находки, имеющие треугольную головную пластину, украшенную четырьмя врезными треугольниками и ромбическую ножку, орнаментированную четырьмя врезными ромбами; на головной пластине и ножке – по одному выступу-кнопке простой формы. Длина образцов – в основном, 60-66 мм, но есть единичные отклонения. Как правило, фибулы на обороте пластин по оси симметрии имеют «ребро», иногда отчетливое (близкое в сечении прямоугольнику) или сглаженное.

Блок вариантов Левице (соответствует Hauptgruppe по А. Хайнрих) отличается по врезанному овалу с заостренными концами (Spitzovale) на дужке (рис. 280: 16-19; 281: в-д). Небольшие различия в размерах и пропорциях пластин, округлая или «подрезанная» форма кнопки, наличие или отсутствие валиков у оснований дужки не всегда фиксируются по доступной мне информации, но в будущем, я надеюсь, послужат для выделения вариантов. Пока явно выделяются варианты по наличию вытянутой кнопки на ножке и по полой дужке (рис. 280: 19; 281: г, д).

Другие находки основной серии (без врезки на дужке, характерной для блока вариантов Левице) значительно менее многочисленны. Выделяются варианты (рис. 280: 20, 21; 281: е-к): с удлиненной кнопкой; с дужкой треугольного сечения и мелкими кнопками; с зауженной дужкой и массивной ножкой; Фынтынеле – длиной чуть менее 60 мм, с валиком у оснований дужки, «подрезанной» кнопкой. Есть и единичные находки, пока не отнесенные к вариантам. Для обоснованной группировки вариантов в блоки данных пока недостаточно.

Дунайско-донская серия (рис. 280: 1-3, 6, 13; 282: и-н, вероятно, о) объединяет фибулы, украшенные так же, как образцы основной серии (что не исключает, в принципе, как у других серий, и более сложный орнамент), но имеющие крупную головную пластину, близкую равностороннему треугольнику, укороченную или расширенную ножку, более сложные формы кнопок и/или боковые выступы на пластинах, бóльший разброс показателей размеров. Блоки вариантов выделяются по форме выступа на конце ножки.

Блок вариантов Русенско – Алёшки характеризуется трехчастным или близким по форме выступом (рис. 280: 1, 3, 13; 282: и). Образцы существенно отличаются деталями, что позволяет каждый относить к особому варианту.

Блок вариантов Сахновка (рис. 282: к) характеризуется выступом, по форме близким вытянутому треугольнику или заостренному полуовалу, в ряде случаев просматривается его рельефное оформление, напоминающее пятилистник; есть варианты с разным расположением наибольшего расширения ножки, с боковыми выступами на пластине и без них.

---

[5] Информация дополнена. Благодарю: Геннадия Юрьевича Стародубцева за возможность опубликовать находку из его разведок на поселении Пены 2 Беловского района Курской области в 2014 г. (рис. 280: 18; 281: 42); Дана Апараскивея за информацию о находках, связанных с поздеантичной крепосью Ибида (рис. 282: 8); Кориолана Операну и Иоана Станчу за помощь в работе с коллекцией из Фынтынели (рис. 281: 23; новая публикация: Dobos, Operanu, 2012), что позволило уточнить характеристики опубликованной фибулы.

Вариант Ксизово (рис. 280: 6; 282: м) представлен пока единственным экземпляром, у которого ножку завершает округлая кнопка.

Отдельный (в рамках дунайско-донской серии) вариант (рис. 282: л) представлен экземплярами, которые близки образцам основной серии, но отличаются рифленой дужкой и рифлением в основании вытянутого выступа на ножке. Назван он так, поскольку все известные ныне находки не имеют привязки к конкретному пункту.

Паннонская серия (рис. 280: 7, 14; 282: п) объединяет фибулы, имеющие вытянутую по вертикали головную пластину, пластины, украшенные так же, как образцы основной серии, или более сложными комбинациями треугольников; от основной серии она отличаются также более крупными размерами, более сложной формой выступов, иногда – наличием боковых выступов на пластинах. Образцы существенно различаются деталями, что позволяет каждый относить к особому варианту (или, учитывая различное окончание ножки, по аналогии с дунайско-донской и причерноморской сериям, – к блоку вариантов).

Отдельный экземпляр «из Керчи» (рис. 280: 15; 282: в) своеобразен на фоне рассматриваемых фибул, хотя и близок некоторым из них по разным признакам. Только новые находки и основанные на них исследования смогут помочь ответить на вопрос, относить ли его к варианту (блоку вариантов) в рамках выделенных серий или же рассматривать в рамках особой серии.

Причерноморская серия (рис. 280: 4, 5, 8, 9; 282: г-ж)[6] объединяет фибулы с сегментовидной (близкой полукругу) головной пластиной, украшенные сложнее, чем образцы основной серии, часто – имеющие более сложные формы выступа на конце ножки, боковые выступы на пластинах, более крупные размеры. Блоки вариантов выделяются по форме окончания ножки.

Блок вариантов Токари – Сахарная головка (рис. 280: 4, 5, 8, 9; 282: г, д) характеризуется трехчастным или близким по форме окончанием ножки. По особенностям орнаментации выделяются варианты. У пока единственной находки варианта Токари (рис. 280: 8; 282: г) орнамент головной пластины, такой же, как у образцов основной серии (с учетом особенностей абриса пластины), а ножки – из вытянутых треугольников. У фибул варианта Сахарная головка (рис. 280: 4, 5, 9; 282: д) пластины украшены различными комбинациями из 6 треугольников.

Блок вариантов Керчь – Копачинцы (рис. 282: е) характеризуется наличием выступов несложных форм, орнаментом из 3 выпуклых треугольников на головной пластине и из 8 врезных треугольников на ножке.

Отдельный (в рамках причерноморской серии) вариант Херсонес (рис. 282: ж) ранее назывался «вариант Зюк», но переименован, учитывая терминологию Фолькера Бирбрауера (Bierbrauer, 2008, S. 126, Abb. 17). Этот вариант характеризуется длинным концом ножки, орнаментом из 3 выпуклых треугольников на головной пластине и из 7 врезных треугольников на ножке. Кнопка на головной пластине по форме близка полусфере, боковые выступы – прямоугольнику. На обороте имеется вертикальное «ребро», как у образцов основной серии, что отличает рассматриваемый вариант от других вариантов причерноморской серии и остальных серий, производных от основной.

Балканская серия (рис. 282: з) объединяет фибулы с головной пластиной, близкой треугольнику, вытянутому по горизонтали; показательны и небольшие размеры (длина менее 6 см). Образцы существенно различаются деталями, что позволяет каждую из представленных фибул относить к особому варианту.

Датировка и культурно-исторический контекст. В настоящее время практически общепризнанно отнесение основной серии фибул подгруппы Левице – Токари к фазе[7] D2/D3, не исключая и фазу D3. Их рассматривают в рамках стилей простейшей геометризированной кербшнитной орнаментации, появившейся на варварских вещах под влиянием римских образцов.

Ареал фибул основной серии (рис. 281) охватывает области, входившие в Гуннскую державу или контролируемые ею в эпоху Аттилы. Находки образуют практически сплошную зону, за исключением горных областей, где памятников интересующего нас времени нет, и нижнедунайско-черноморско-донских степей, где находились гунны и другие кочевники, не носившие фибул. Ареалы других серий (рис. 282), значи-

[6] П. Томка отметил, что название «причерноморская» не совсем удачно. Это так, хотя находок этой серии и сейчас в Причерноморье больше, чем в лесостепной зоне, а менять уже устоявшуюся терминологию без крайней нужды я считаю не целесообразным.

[7] Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, фазы даются в понимании Ярослава Тейрала.

тельно более компактны и показывают избирательные связи, а не распространение подобно волнам в однородной среде. Эти наблюдения – аргумент в пользу датировки появления основной серии ранней частью фазы D2/D3, т.е. до битвы на Недао (между 453 и 456 гг.), закрепившей распад единого политического и культурного пространства Гуннской державы[8].

Появление фибул подгруппы Левице – Токари, судя по аналогиям ряду деталей и плотной концентрации находок на севере Среднего Подунавья, связано со свевско-герульскими группировками, подчиненными в это время гуннам и близко контактировавших с ними. То, что в Среднем Потисье такие фибулы найдены на могильниках, соотносимых с сарматами, хорошо вписывается в контекст традиционных сарматосвевских/квадских связей, сильных, начиная с периода римских влияний.

Эпоха гуннского доминирования над обширной зоной «не степных» группировок сопровождалась формированием «окологуннских» элит с единой культурой, отразившейся как в снаряжении воинов-всадников (во многом на основе восточных образцов), так и в женском уборе (в основном, с восточногерманскими, аланскими, позднеантичными компонентами). В среде ряда групп, возглавляемых этими элитами, получили распространение и фибулы основной серии (гипотезу о возможной причине этого см. в прим. 37 к главе 10 данной книги).

Такие фибулы использовались (и, возможно, производились) и после крушения Гуннской державы. Однако еще в ее эпоху, главным образом вне основной зоны концентрации рассматриваемых фибул, начались модификации исходных образцов. Сначала – через изменение формы некоторых деталей, пропорций частей, утраты характерного врезного овала. Несколько позднее – через появление новых форм выступов у окончаний ножки и (реже) головной пластины, появление боковых выступов, увеличение у некоторых изделий размеров (П. Томка предложил считать «рубежной» длину в 7 см), усложнение орнаментации пластин и (реже) дужек. Это и привело к формированию новых серий, получивших развитие уже в постаттиловскую эпоху, во 2-й половине V в.

Первые существенные модификации одинаковы у некоторых вариантов разных серий, например, рифление дужки (рис. 280: 13, 14; 282: и, л, п), замена на ножке композиции из ромбов треугольниками (рис. 280: 8, 14, 15; 282: в, г, п), появление небольших округлых боковых выступов на головной пластине (рис. 280: 6, 7; 282: м, о), специфичная трехчастная форма выступов (рис. 280: 1, 3-5, 7-9, 13; 282: г, д, и, п). Такие детали известны и на фибулах других групп. Например, специфичные выступы на пластинах имеют аналогии среди кнопок у некоторых рельефно украшенных и двупластинчатых фибул (рис. 280: 1, 3-5, 7-13). Не сложно найти аналогии на фибулах других групп и остальным упомянутым признакам.

«Открытое пространство» (offene Räume, по Ф. Бирбрауеру), формирование и апогей которого связаны с эпохой Гуннской державы, после битвы на Недао еще существует. Однако функционирует оно уже не непосредственно[9], а через сохранение элементов былого единства традиций и избирательные связи. Причем не редко встречающаяся атрибуция этого пространства как «восточногерманского культурного круга» по мере накопления материалов представляется все более условной и неточной.

В рамках серий происходит уже сепаратное развитие, что фиксируется по особенностям, присущим только им или вариантам в их рамках. На западе, где после распада Гуннской державы остались, в основном, германские группировки, главным образом, победители на Недао, это развитие фиксируется лишь паннонской серией, имеющей очень компактный ареал, отделенный огромной пустой зоной от других серий, производных от основной (рис. 280: 7, 14; 282: п). Паннонская серия крайне немногочисленна, при этом ее вариации весьма разнообразны. Судя по всему, она существовала недолго. Интересно, что она находится вне ареала, где во 2-й половине V в. локализуются герулы, и во 2-й четверти V в. располагалась зона наиболее плотной концентрации фибул основной серии подгруппы Левице – Токари.

Иная картина развития фибул подгруппы Левице – Токари прослеживается на востоке ее ареала, т.е. в зоне, связанной с группами, сохранившим верность гуннским военно-политическим

[9] Находок в комплексах мало (см. подписи к рис. 281), лишь единичные из них могут дать уточнение даты, и все они не противоречат сказанному в связи с анализом ареалов.

[9] Вспомним «толпу королей и вождей», «ждавших подобно сателлитам кивка Аттилы» (Iord. Get, 200; перевод Елены Чеславовны Скрижинской).

структурам в битве на Недао и некоторое время позднее.

Ареал фибул дунайско-донской серии (рис. 282: и-о) практически полностью повторяет зону восточных находок фибул основной серии, если исключить Крым (рис. 281). Эти фибулы связаны с несколькими разными культурными группами.

В Нижнем Подунавье и Северо-Западном Причерноморье (рис. 282: 4, 5, 8, 13, 14) они, за единичными исключениями, найдены вне археологического контекста, поэтому говорить об их культурной принадлежности преждевременно. Вероятно, не случайно, что в Подунавье эти фибулы, как и находки паннонской серии, локализуются на Правобережье, там, где хотя бы номинально сохранялся контроль Римской империи. Причем находка, контекст которой известен, связана с позднеримской/ранневизантийской крепостью (рис. 282: 8; см. прим. 5).

В Восточном Прикарпатье пара интересующих нас фибул достоверно связана с могильником Ботошань (рис. 280: 2; 282: 9). Он отнесен мной к группе постчерняховских древностей региона, финал которой приходится на 2-ю половину V в., учитывая хронологию продвижения славян на Нижний Дунай к началу VI в. (Гавритухин, 2000; 2009, с. 13; там другая литература).

Находки в полосе от Днестра до Северского Донца входят в ареал пражской и пеньковской культур, сменивших здесь черняховскую культуру. Фибулы последней представлены многими сотнями образцов, но интересующих нас среди них нет, что указывает на более поздний период появления фибул подгруппы Левице – Токари. Мнение о том, что фибулы чужды славянскому костюму V-VI вв., опровергается возрастающим числом находок и их детальным рассмотрением. В недавних работах выделены экземпляры, позволяющие говорить о локальных сериях и местном производстве фибул в части пеньковского ареала не позднее конца V в., в т.ч. дающие возможность связать их с черняховскими традициями, адоптируемыми в новой среде (Гавритухин, 2007в; 2010в; 2011а). Правда, в зоне пражской культуры местные серии достоверно выделяются лишь с конца VI – VII в. (Гавритухин 1991; 2010а, с. 53-55; в печати), но, костюм носителей пражской культуры и более раннего времени не был «безфибульным». Как и в зоне пеньковской культуры, славянами на юго-востоке пражского ареала были ассимилированы носители традиций, восходящих к черняховской культуре, но на дальнейшее развитие сильно повлияли контакты с Византией, к границам которой славяне подошли не позднее 520-х гг.

На Дону рассматриваемые фибулы связаны с гетерогенными памятниками типа Чертовицкое – Замятно и, несомненно, относятся к их не ранним горизонтам (подробнее см. ниже и главы 6, 10, 14 данной книги).

Особую картину дают находки причерноморской серии (рис. 282: г-ж). Вариант Токари, наиболее близкий кругу прототипов (образцам основной серии), представлен эпонимной находкой на лесостепном Днепровском Левобережье. Этот пункт (рис. 280: 8; 282: 22) расположен почти по середине полосы, протянувшейся от Верхнего Поднестровья до Верхнего Подонья, где найдено 4 экземпляра типологически более поздних фибул варианта Сахарная головка и блока вариантов Керчь – Копачинцы, представленных в Крыму лишь 2 раза (рис. 282: д, е). Наиболее типологически поздний вариант Херсонес (рис. 282: ж) зафиксирован пока только в Крыму, зато не менее, чем 4 находками. Это позволяет предполагать, что начало развития причерноморской серии следует связывать с лесостепной зоной Восточной Европы, где активный процесс переработок образцов основной серии маркирует и дунайско-донская серия.

Образцы варианта Херсонес выделяются на фоне прочих фибул причерноморской серии наличием на конце ножки длинного рельефного выступа-отростка. Для этого варианта и блока вариантов Керчь – Копачинцы показательно и наличие на головной пластине орнамента из выпуклых, а не врезных, треугольников. В Восточной Европе ближайшие аналогии указанным элементам и их сочетание представлены на местных переработках ранних вариаций фибул, ножка которых украшена вписанными друг в друга ромбами (тип Гурзуф по Херберту Кюну[10]; напр., Айбабин, 1990, рис. 14: 9-11), датируемых не ранее прототипов, относящихся к фазе D3 (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311-314).

На нескольких памятниках Восточного Крыма и Тамани (зона, контролируемая Боспором) прослежено, что смена ряда элементов убора, связанного с традициями гуннской эпохи, приходится здесь на время смуты, вызванной деятельностью гуннского князя Горда, контролировавшего этот

[10] О ряде вопросов их изучения и основную литературу см. в части 8 главы 10 данной книги.

регион, включением Боспора в состав Византии и прибытием византийского воинского контингента, в котором, судя по всему, были и германцы с членами их семей (Гавритухин, Казанский, 2006; Гавритухин, 2011а; там обзор проблематики и библиография), т.е. на период конца 520-х – 530-е гг. Это фиксирует и финал «актуальности» моды на фибулы подгруппы Левицы – Токари, наступивший на западе заметно раньше.

Схожая картина фиксируется и в Нижнем Подунавье. Находки дунайско-донской серии указывают на связь с полосой восточноевропейских памятников, вытянувшихся от Карпат на восток до Дона (рис. 282: и, к). Наиболее же типологически поздние экземпляры представлены локальной балканской серией, известной лишь на территории Северо-Восточной Болгарии (рис. 282: з).

Находки из Подонья в контексте эволюции фибул подгруппы Левице – Токари. Сразу же отмечу, что рассматриваемые фибулы представлены лишь в Верхнем Подонье, более того, пока лишь в Задонском районе, а достоверно – только на двух памятниках в Ксизово (8 и 19). Как было сказано в начале этого очерка, интересующие нас застежки из Подонья относятся к сериям, маркирующие все основные этапы развития подгруппы на востоке ее ареала.

Находка на участке 2 в Ксизово-19 (рис. 280: 20) фрагментирована (сохранились лишь ножка и дужка), тем не менее, отнесена мной к основной серии. Теоретически она может относится и к варианту Ксизово дунайско-донской серии, представленному одним достоверным экземпляром (рис. 280: 6; см. о нем ниже). Однако пропорции ножки у рассматриваемой застежки аналогичны пропорциям ножек фибул основной серии (как на рис. 280: 16-21; Gavritukhin, 2013, fig. 1; 2: 12-23), в то время как ножки фибул дунайско-донской серии при схожей длине шире или при схожей ширине короче (рис. 280: 1-3, 6, 13).

Рассматриваемая находка имеет дужку треугольного сечения, что на фибулах основной серии известно еще только у застежки «из Керчи» (рис. 280: 21). Это и стало основой для выделения в рамках основной серии особого варианта (рис. 281: ж).

Еще один признак, на основе которого можно различать вариации в рамках основной серии – «подрезанная» кнопка на конце ножки (как на рис. 280: 18-20). Картографирование (рис. 281: м) показало, что все фибулы, где по доступной информации этот признак фиксируется надежно[11], расположены вне зоны основной концентрации таких украшений (на территории Словакии). На западе (территория Нижней Австрии), если учитывать «периферию» к северу и югу от Карнунта, помимо 2 фибул с «подрезанной» кнопкой, еще 2 сохранились фрагментарно и наличие/отсутствие этого признака не ясно (рис. 281: 1-3, 6; Gavritukhin, 2013, fig. 1: 18, 19; 2: 11). Для фибул двух вариантов (рис. 281: д, и; Gavritukhin, 2013, fig. 1: 19; 2: 19, 22, 23; см. прим. 5), встреченных в Южном Подунавье, Трансильвании и Крыму, присущ только интересующий нас признак. Особенно показательна подборка из лесостепной и степной зоны Восточной Европы (рис 281: 28-33, 39-43): 6 находок оттуда несомненно имеют «подрезанную» кнопку; у остальных 6 конец ножки утрачен и наличие/отсутствие этого признака не ясно; еще 4 фибулы из этой зоны не картографированы, поскольку их локализация («с Украины» и т.п.) слишком неопределенная, но и они имеют «подрезанную» кнопку.

Интересно географическое распределение и фибул основной серии с маленькими кнопками. Они представлены у вариантов, кнопка которых на ножке имеет вытянутую по вертикали приостренную форму (рис. 281: г, е; Gavritukhin, 2013, fig. 2: 13-15); их ареал – юг Среднего Подунавья. Среди фибул с округлой кнопкой на ножке, относящихся к блоку вариантов Левице, маленькие размеры имеют кнопки экземпляра из Бачки Моноштор (рис. 281: 20; Gavritukhin, 2013, fig. 1: 14), могильника, расположенного в той же зоне, что и находки упомянутых фибул с вытянутой приостренной кнопкой. Маленькие кнопки известны и у фибул в Крыму, в т.ч. у застежки с треугольным сечением дужки, как у интересующего нас экземпляра из Ксизово (рис. 280: 21; 281: ж, к; Gavritukhin, 2013, fig. 2: 16, 17). Экземпляр блока вариантов Левице (рис. 280: 19; 281: 26), кнопка на конце ножки у которого (как и у рассматриваемой ксизовской фибулы) сравнительно небольшая на фоне других «подрезанных», происходит из Северо-Восточной Болгарии. Нетрудно заметить, что все эти находки сделаны в периферийных южных зонах распространения фибул основной серии подгруппы Левицы – Токари.

---

[11] Имеются ввиду вещи, изученные по оригиналам, представленные хорошими фотографиями или не вызывающими особого сомнения рисунками. Практически все они, за исключением находок, не поступивших в музеи, приведены в: Gavritukhin, 2013.

Итак, рассматриваемая ксизовская фибула относится к кругу первых, еще слабо заметных, модификаций образцов основной серии, связанных с западной, южной и обширной восточной периферией ее ареала. Эта находка – крайняя северо-восточная точка основного ареала. Ее ближайшие аналоги известны в Западном и Северо-Восточном Причерноморье (рис. 280: 19-21; 281: 26, 35-36, 43). Судя по всему, рассматриваемый ксизовский экземпляр был привезен оттуда или сделан по образцам из этого региона. Датируется он в хронологических рамках основной серии (2-я – 3-я четверти V в.), но явно принадлежит не самым ранним изделиям этой серии.

Находки на участке 5 и между раскопами 6 и 7 в Ксизово-19, а также происходящая, по словам находчиков, из Задонского района Липецкой области (рис. 280: 3, 6; 282: 24-26)[12] относятся к разным блокам вариантов дунайско-донской серии.

Одна из них (рис. 280: 6) отличается от образцов основной серии лишь модификацией пропорций пластин, удлиненной дужкой, наличием небольших боковых выступов на головной пластине. Другой типологически ранний экземпляр этой серии (рис. 280: 13; 282: 5) происходит с противоположного конца ее ареала, причем он принадлежит к блоку вариантов Русенско – Алёшки, который также представлен в Ксизово. Однако ксизовская застежка этого блока вариантов (рис. 280: 3), судя по пропорциям частей, деградированному изображению на конце ножки, небрежно выполненной орнаментации ромбами, явно не относится к ранним в рамках своего блока вариантов. Круг ее ближайших аналогов (вероятно, прототипов) представлен фибулой из Алёшек на северо-западном побережье Черного моря (рис. 280: 1; 282: 14).

Типологические наблюдения над вещами с одного памятника и картографирование находок дунайско-донской серии по блокам вариантов и вариантам (рис. 282: и-о) приводит к следующим заключениям. Центр формирования серии не прослеживается, варианты не образуют ареалов, позволяющих говорить о локальных особенностях, при том, что ареал этой серии – самый большой из всех серий, производных от основной. Складывается впечатление наличия единой среды, напоминающей ту, что маркирует основанная серия, но сохранившейся лишь на востоке ее ареала (исключая Крым).

Вероятно, единство этого весьма обширного «осколка» было обусловлено связями, существовавшим в эпоху Аттилы, и сохранившимися после Недао. «Нервы» этих связей, скорее всего, обеспечивали группы гуннов, как жившие на Нижнем Дунае и восточнее еще в 1-й половине V в., так и выгнанные из Среднего Подунавья победителями на Недао (см. обзор сведений письменных источников в: Засецкая и др., 2007, с. 101-105). Каждая из этих групп имела своего предводителя, тем не менее, они активно взаимодействовали между собой и, наверное, с группами оседлого населения, опираясь на старые родственные контакты, новые брачные и договорные союзы, патронажные, даннические и другие формы отношений. Различные группы оседлого населения, бывшие частью этой среды, и «маркируются» фибулами дунайско-донской серии. Общность среды внутри этого пространства обусловила легкое перемещение образцов. Осуществляли это странствующие ремесленники, жены-иноплеменницы и/или кто-то еще: вопрос, требующий специальных исследований, и пока открытый.

Датировка фибул дунайско-донской серии не ранее 450-х гг. связана с тем, что она производна от основной серии и сформировалась в новых исторических условиях. Находки из Ботошань (рис. 280: 2), судя по расширению ножки, сдвинутому ближе к дужке, наличию боковых выступов на обеих пластинах, принадлежит к типологически наиболее поздними в этой серии. При этом могильник, откуда они происходят, относится к постчерняховским (дославянским) древностям Восточного Прикарпатья, датируемым не позднее V в. Есть и другие типологически поздние экземпляры (например, в блоке вариантов Сахновка; рис. 282: к), но их археологический контекст неизвестен.

Намеченный для дунайско-донской серии типологический ряд в рамках 2-й половины V в. теоретически мог быть «пройден» и за десятилетие, и почти за полстолетия (обе эти крайности маловероятны). Немногочисленность находок при очень обширном ареале, пестрота деталей при неустоявшемся «стандарте» их сочетания – свидетельства сравнительной кратковременности производства изделий этой серии. Одна из рассматриваемых ксизовских находок соот-

[12] Фибула из «Задонского района» известна лишь по фотографии плохого качества из интернета, поэтому ее атрибуция условна, а детальный типологический анализ невозможен.

носится с ранней частью упомянутого типологического ряда, другая – занимает в нем не раннее, но и не позднее место.

Исследование причерноморской серии дает результат, заметно отличающийся от описанного чуть выше. Большинство вариантов представлено не единичными и очень близкими по сочетанию характерных признаков изделиями. Ареалы вариантов вполне выразительны, демонстрируя компактную зону основной концентрации и избирательность связей. Например, вариант Сахарная головка представлен двумя экземплярами в Ксизово и одним в Горном Крыму (рис. 282: д), вариант Херсонес – 4-мя (включая одну пару) экземплярами в Херсонесе и одним на севере Керченского полуострова (рис. 282: ж).

Ксизовские находки (рис. 280: 4, 9), хотя и происходят с разных памятников (8 и 19, участок 3), по всем основным признакам очень близки, в отличии от ксизовских находок дунайско-донской серии, происходящих из одного пункта. Они относятся к типологически наиболее архаичному для причерноморской серии блоку вариантов Токари – Сахарная головка.

В рамках этого блока наиболее архаичен вариант Токари, принадлежащий кругу первых вариаций, на основе которых сложились серии, производные от основной (рис. 280: 6-8, 13-15). Трехчастное окончание ножки у образца из Токарей вытянутой центральной частью отличается от аналогичных деталей у застежек других серий подгруппы Левице – Токари (рис. 280: 1, 3, 7, 13), близких по форме трехчастным кнопкам ряда фибул других групп (на рис. 280: 10-12 приведены наиболее близкие образцы; подробнее см. список в: Gavritukhin, 2013, p. 119). Зато окончание ножки у фибул варианта Сахарная головка явно продолжает линию развития, связанную с экземпляром из Токарей. Можно даже наметить ряд деградации этого элемента (на рис. 280: 8 – 9 – 4 – 5). Получается, что особенности этого элемента не случайны и связаны с вполне отчетливым кругом памятников.

Детальные типологические наблюдения подтверждают картину, полученную ранее при рассмотрении причерноморской серии, исходя из более общих типологических наблюдений и данных картографирования. Серия сформировалась в лесостепной зоне к востоку от Днепра, в северо-восточной части области, маркируемой фибулами дунайско-донской серии. Причем по фибулам здесь довольно явно просматривается тенденция к формированию локальных особенностей, что для интересующих нас застежек из других частей упомянутой области не отмечено. Показательно и то, что все фибулы серий, производных от основной, встреченные в Крыму (если их варианты не локальны), имеют аналогии к востоку от Днепра (рис. 282: д, е).

Судя по всему, производство фибул причерноморской серии в Крыму сложилось при влиянии с севера, вполне вероятно, что именно из Верхнего Подонья, хотя, возможно, и не без участия местных прототипов (как на рис. 280: 15) или дериватов основной серии (см. рис. 281: 34-38). В отличие от блока вариантов Токари – Сахарная головка, в рамках остальных блоков вариантов причерноморской серии экземпляры, типологически близкие образцам основной серии, отсутствуют.

Блок вариантов Керчь – Копачинцы и вариант Херсонес (рис. 282: е, ж) сближают такие признаки, как особенно усложненная орнаментация ножки, украшение головной пластины выпуклыми, а не врезанными треугольниками. Показательно и то, что у этих застежек, в отличие от образцов блока вариантов Токари – Сахарная головка, место наибольшего расширения ножки часто или всегда расположено ближе к дужке, пластины имеют боковые выступы. Если серия Керчь – Копачинцы представлена один раз в Восточном Крыму и два раза в полосе от Верхнего Поднестровья до Левобережья Среднего Поднепровья (выборка не позволяет судить о том, где расположен центр производства), то вариант Херсонес – локальный, крымский. В лесостепной зоне с последних десятилетий V в. также отмечено сепаратное (от Крыма) производство фибул, в т.ч. местных переработок причерноморских образцов, представленных, например, серией Новоселица (Гавритухин, 2007в). Прекращение (или резкое ослабление) активных контактов культур Крыма и лесостепной зоны Восточной Европы, наверное, обусловлено изменением ситуации в азово-черноморских степях и дает еще один хронологический репер для изучения культур региона.

Единственный узко датируемый комплекс с фибулой причерноморской серии дает могила 12 из Сахарной головки (Борисова, 1959; Хайрединова, 2002, рис. 18: 1-4; Gavritukhin, 2013, fig. 4A: 9-11). Из погр. 2 этой могилы, соседней с погр. 1, где найдена интересующая нас фибула, происходит маленький наконечник ремня. Такие наконечники по крымским материалам убедительно датированы Эльзарой Айдеровной Хай-

рединовой (Хайрединова, 2003, с. 132) в рамках 2-й половины V – VI вв. К ее аргументам можно добавить еще некоторые комплексы, и то, что в меровингских некрополях Северной Галлии такие наконечники появляются на фазе M1, датируемой 470/480–520/530 гг. (тип 199 по Legoux, Périn, Vallet 2004; Gavritukhin, 2013, p. 117-119, 122). Прочие находки из данной могилы не противоречат дате в рамках 2-й половины V – начала VI вв. (Gavritukhin, 2013, p. 122). А сочетание даты наконечника и типологической позиции интересующей нас фибулы свидетельствую о возможности исключить из этих хронологических рамок позднюю и самую раннюю части.

Возвращаясь к фибулам Подонья, отметим, что застежек подгруппы Левице – Токари нет на Нижнем Дону, хотя число находок середины 1-го тыс. из Танаиса и его окрестностей весьма представительно. При этом активные связи по Дону в гуннское время надежно документированы (см. главу 15 данной книги). Прекращение функционирования обширного поселения в Танаисе и связанных с ним могильников датируется серединой V в. (Обломский, 2010б; там литература). Если учесть, что в Танаисе отсутствуют вещи, показательные для фазы D2/D3 и D3, дату гибели этого центра можно сдвинуть на 2-ю четверть V в. Вспомним, что в 540-е гг. Атиллой были посланы войска во главе с его старшим сыном Эллаком для подавления намечавшегося сепаратизма на восточных окраинах Гуннской державы. Вероятно, в ходе этих событий пострадал и Танаис. Впрочем, гибель этого нижнедонского центра может относится и к 460-м гг., когда в азово-черноморские степи продвинулись с востока новые многочисленные группы воинственных кочевников (см. обзор данных письменных источников в: Засецкая и др., 2007, с. 101-103), а новую ситуацию на Нижнем Дону отражают «княжеские» могилы из Морского Чулека и другие комплексы «постаттиловского» времени (Засецкая и др., 2007, с. 106-110). Возможно и совмещение этих наблюдений. Вещи фазы D2/D3, связанные, главным образом, с центрами Гуннской державы в Среднем Подунавье, не попадали к «танаитам» потому, что их элита оказалась на периферии политических структур, сложившихся после похода Эллака. Как бы то ни было, танаисская выборка дает важный репер для хронологии восточноевропейских древностей V в.

Обобщая наблюдения над фибулами подгруппы Левице – Токари, можно наметить следующие ступени их эволюции (специально оговорюсь, новая ступень не означает, что типологически более ранние вещи в ее время перестали использоваться; приведенные «цифры», конечно же, условны):

1-я – формирование подгруппы (блока вариантов Левице основной серии) во 2-й четверти V в. в северной части Карпатской котловины (рис. 280: 16-17);

2-я – распространение основной серии среди многих народов, связанных с Гуннской державой, появление первых модификаций, еще не выходящих за рамки основной серии; эпоха Аттилы, 440-450-е гг. (рис. 280: 18-21; 281);

3-я – формирование серий, производных от основной; горизонт вариантов, максимально близких образцам основной серии; в целом, после битвы на Недао, 450-460-е гг. (рис. 280: 6-8, 13-15);

4-я – развитие в рамках блоков вариантов, сложившихся на ступени 3; 460-470-е гг. (рис. 280: 1, 3-5, 9);

5-я – складываются типологически поздние варианты и новых блоки вариантов, напрямую не связанные с образцами ступеней 2 и 3; 470-480-е гг. (рис. 280: 2; 282: е, к, н);

6-я – появляются самые типологически поздние формы, сохраняющиеся лишь на ограниченных территориях; 480-490-е гг. (рис. 282: ж).

Существенные изменения, обусловившие смену стилей, восходящих к эпохе Гуннской державы, на Боспоре датируются 530-ми гг., что, наверное, дает позднейший репер (terminus ante quem) для фибул подгруппы Левице – Токари. На других территориях причины смены стилей были иные, что и обусловило другое (как правило, более раннее) время прекращения производства и использования рассматриваемых застежек.

Донские находки распределяются по описанным ступеням следующим образом. Первые единичные экземпляры (рис. 280: 20) попадают в эту, самую восточную, часть ареала подгруппы фибул Левице – Токари на ступени 2. Отсутствие таких вещей на Нижнем Дону объяснимо прекращением активности местного центра или его культурно-политической периферийностью в эпоху Аттилы. Одной находкой (впрочем, они, как правило, единичны и в других зонах) на Верхнем Дону представлена ступень 3 (рис. 280: 6), зато массово – ступень 4 (рис. 280: 3, 4, 9). Ступень 5 находками в Ксизово не зафиксирована, но к ней относится упомянутая (прим. 12) фибула из «Задонского района», не исключено,

также происходящая из Ксизово. Ступень 6 нигде на Дону не представлена. Не однократно отмечалось (см. главы 10 и 14 данной книги), что на памятниках типа Чертовицкое – Замятино, несмотря на большое число находок, вещей, датируемых не ранее конца V в., не найдено. Судя по всему, к этому времени эта донская группировка прекратила свое существование.

Глава 10
Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово

И.О. Гавритухин (Москва)

1. Вводные замечания.

Коллекция фибул, происходящая с памятников у с. Ксизово, – крупнейшая в Верхнем Подонье. Подавляющее большинство этих находок (53 экземпляра) относится или может относиться к ранней части эпохи Великого переселения народов (последние десятилетия IV – V вв.), т.е. связано с памятниками типа Чертовицкое – Замятино, судя по их общепринятой хронологии (большинство ксизовских фибул найдено вне комплексов), а в ряде случаев подтверждено комплексами или контекстом. Характеристике ксизовских фибул указанной эпохи и посвящен данный очерк.

Для культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы сопоставимые по численности коллекции фибул этого времени имеются лишь из рязано-окских могильников и могильников Прибалтики. Довольно много фибул и на могильниках Прикамья, правда, большинство этих застежек относится к специфичным локальным типам, в V в. выходящим из употребления. Следует отметить и то, что среди фибул конца IV – V вв. Среднего Поочья значительное число представлено локальными типами (крестовидные и др.); синхронные фибулы Прибалтики связаны в основном с более западными и южными землями, а их аналогий с более восточных территорий заметно меньше. Ксизовские же фибулы соотносимы, главным образом, с традициями юга Восточной Европы и Подунавья, а многочисленность коллекции дает возможность более детального изучения этих направлений связей, весьма важных для культурного развития Восточной Европы в целом. В этом заключается особое значение рассматриваемой выборки.

В типологической характеристике фибул я опирался, прежде всего, на ставшую классической для отечественного вещеведения книгу Анатолия Константиновича Амброза о фибулах II в. до н.э. – IV в. н.э. юга Европейской части СССР (Амброз, 1966). Естественно, его схема была модифицирована с учетом локализации и хронологических рамок интересующих нас находок.

По памятникам фибулы распределены следующим образом (описание памятников и находок на них, включая фибулы, см. в главах 1-6 данной книги):

Ксизово-8 (раскопок не было) (глава 1) – 1 экз. броши-цикады; 2 экз. окских фибул с кнопкой; 1 экз. двучленных прогнутых подвязных с широким кольцом для крепления оси пружины; 2 экз. двучленных прогнутых со сплошным приемником; 1 экз. фибулы с выступами на пластинах (подгруппа Левице – Токари). Всего – 7 экз.

Ксизово-16 (поселение и могильник) (глава 2) – 1 экз. двучленной прогнутой подвязной фибулы и 1 экз. двучленной прогнутой фибулы со сплошным приемником. Всего – 2 экз.

Ксизово-17А (могильник и поселение) (глава 4) – пара брошей, похожих на современные

«значки», в виде цикад, крепившихся на булавке (погребение 52); 1 экз. двучленной прогнутой подвязной фибулы; 1 экз. двучленной прогнутой фибулы со сплошным приемником. Всего – 4 экз.

Ксизово-17Б, раскоп 2 (могильник) (глава 4) – 1 экз. двучленной прогнутой подвязной фибулы (погребение 2).

Ксизово-19А (раскопок не было) (глава 1) – 1 экз. двучленной прогнутой подвязной фибулы.

Ксизово-19 (поселение) (глава 5), постройка 4 на раскопе 1 – 1 экз. двучленной прогнутой фибулы со сплошным приемником.

Ксизово-19 (многие найдены в зоне могильника и, судя по всему, связаны с ним; много фибул происходит и из нераскопанной части, где не исключено наличие могильника) (глава 6) – 2 экз. фигурных брошей в виде цикад и имитирующих их накладок; 1 экземпляр фибулы круга восточноевропейских вещей с выемчатыми эмалями; 14 экз. двучленных прогнутых подвязных; 5 экз. двучленных прогнутых со сплошным приемником; 2 фрагмента двучленных прогнутых; 4 кнопки, в том числе на стойке для крепления осей пружины, скорее всего, от двупластинчатых фибул; 5 экз. фибул с выступами на пластинах (подгрупп Левице – Токари и Братей – Вышков); 1 экз. пальчатых фибул (типа Гурзуф); 2 экз. пластинчатых фибул гибридных форм; 1 кнопка от фибулы неопределенного типа; 1 игла с пружиной и стойка для крепления оси пружины от фибулы неопределенного типа. Всего – 37 экз.

Как видно по списку, особенно много фибул происходит из Ксизово-19, причем это не самый полно обследованный памятник, хотя и один из таковых. Необычно много фибул и в Ксизово-8, где раскопок не было. Почему таково распределение находок – предмет особого исследования; ниже я ограничусь заметками в связи с конкретными находками на этих памятниках.

2. Фибулы-броши и связанные с ними украшения (Амброз, 1966, группа 8).

Представлены только подгруппой броши-цикады, или «пружинные броши в форме «мух» (или «цикад»)» (Амброз,1966, с. 35). Броши-цикады нередко рассматриваются суммарно, но более правильным представляется их подразделение на типы, серии и т.д. и особое исследование каждого таксона (см. краткий обзор подходов в: Гавритухин, Казанский, 2006, с. 328). Украшения в форме цикад датируются очень широко. Броши такой формы появляются в римское время; наиболее многочисленны и разнообразны в V в.; на протяжении VI в. выходят из употребления; с «заходом» в VII в. можно предположительно датировать лишь единичные находки (см. комплексы в части 2.1.1 и обзор литературы в: Mączyńska, 2009).

2.1. Броши в форме трилистника и их имитации; «трехкрылые» (по Kühn, 1935); тип VI (по Brentjes, 1954)[1]. Наиболее подробно такие фибулы рассмотрены Магдаленой Мончыньской в связи с экземплярами, найденными на памятниках балтов. Отметив различные точки зрения на ряд вопросов изучения фибул-цикад, она указала на круг аналогий рассматриваемым экземплярам и довольно широкий разброс их дат по комплексам: от фазы D1 центральноевропейской шкалы[2] до 2-й половины VI в. (Mączyńska, 2009). Мною было подготовлено исследование брошей-цикад в форме трилистника, представленное в форме доклада на конференции, приуроченной к открытию выставки «Эпоха Меровингов: Европа без границ» (Санкт-Петербург, 2007 г.). Здесь приводится резюме этой работы в частях, связанных с ксизовскими находками, естественно, дополненное информацией, появившейся после 2007 г.

2.1.1. Броши из культурного слоя раскопа 6 в Ксизово-19 (рис. 233: 1) и из Ксизово-8 (рис. 5: 21) относятся к **серии Виминаций**, для образцов которой показательна круглая форма «головки цикады». Они различаются наличием или отсутствием на «головке» выступов и/или характерных врезок, оформлением шейки и другими деталями, но выделять варианты по устойчивому сочетанию признаков пока преждевременно.

Круглая «головка» без выступов и врезок, как у брошей из Ксизово, есть у застежки, найденной при раскопках в Херсонесе (не опубликована; МЗХТ, № 20/36688), но она отличается от ксизовских и других вариаций серии Виминаций длинной «шеей» с 10-11 валиками, перпендикулярными оси симметрии вещи.

Экземпляр, близкий находке из Ксизово-19, но отличающийся наличием небольшого выступа на «головке», известен мне по рисунку Леонида Ростиславовича Розенфельда (подписан «Михайловка на Роси, III.3591»; архив ИА РАН,

---

[1] Названы Бурхардом Брентйесом также “Lotosblütenfibel” из-за сходства с расцветшим лотосом, если застежку повернуть пружиной вверх, что, правда, не обычно для ношения фибул, а для ряда типов застежек просто невозможно.

[2] Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, в понимании Ярослава Тейрала.

фонд А.К. Амброза). Две схожие броши, с врезками или выступом на «головке» и тремя валиками на «шейке», публиковались в интернете с указанием «Украина» и без более точной локализации[3].

Брошь-цикада из Ксизово-8 напоминает экземпляр из Виминация (Ivanisević et alii, 2006, pl. 3: 16.1; fig. 8: 10; вещь изучалась мною в Народном музее г. Пожаревац), но последний крупнее, имеет вертикальные врезки на «головке», не столь широко поставленные и более прогнутые «крылья». По другим признакам рассматриваемая застежка из Ксизово-8 ближе экземпляру из Ксизово-19 и ряду брошей из южных областей Восточной Европы.

Находки фибул серии Виминаций не образуют компактного ареала. Они есть в Юго-Восточной Прибалтике (Mączyńska, 2009, rys. 1: c, d), Подунавье от Карнунта (Fitz, 1986, № B.1.1) до Виминация, в Крыму, в Среднем Поднепровье. Датированных комплексов известно четыре: один в Подунавье, три в Крыму.

Для датировки погр. 16 некрополя Виминаций–Бурдель, где найдена упомянутая выше брошь, важно наличие рельефно украшенной фибулы с тремя «пальцами»; основной период бытования ее аналогий определяется в рамках 2-й половины V – первых десятилетий VI вв. (Ivanisević et alii, 2006, pl. 3; p. 16-17, типы 1.6[4], 1.7; Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311). Следует отметить, что брошь из Виминация на фоне других экземпляров интересующей нас серии брошей-цикад явно не самая архаичная.

В склепе 3 могильника Сахарная головка находилось 3 костяка, соотношение находок с ними не ясно (Борисова, 1959, с.186-187; фибулы и пряжки из этого склепа изучались мною по оригиналам в МЗХТ), но нет оснований и предполагать существенное различие в их датировке. Показательны: двупластинчатая фибула круга Суук-Су с выступами на «головной» пластине и имитацией накладок; рамка и язычок, такие же, как у пряжек, на обойме которых прессовкой изображены крест или лев. Такое сочетание по хронологической схеме Александра Ильича Айбабина и Эльзары Айдеровны Хайрединовой, наиболее разработанной для крымских древностей интересующего нас времени, характерно для хронологических групп 7 и 8 по А.И. Айбабину, датированных 2-й половиной VI и 1-й половиной VII вв. (Айбабин, 1999, с. 275-277; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 15, 16, с. 25-27). Следует отметить, что общепризнанная хронология многих вещей, встреченных в Крыму, позволяет несколько удревнить датировки, предложенные упомянутыми крымскими коллегами (Гавритухин, 2011 б).

Пара брошей-цикад интересующей нас серии найдены на скелете 2 склепа 192 могильника Алмалык-дере, вместе с пряжкой, на обойме которой присутствовал крест, т.е. аналогичной той, что встречена с брошью-цикадой в рассмотренном погребении из Сахарной головки (Mączyńska, 2009, rys. 3: e, f[5]; s. 396, 398).

При доследовании в 2004 г. склепа 1 некрополя Пантикапея найден экземпляр, переходный от серии Керчь (для нее характерно полукруглое очертание «головки» цикады), датируемой гуннским временем, к серии Виминаций. Склеп ограблен, комплексы и даже число погребенных там установить невозможно. Авторы предварительной публикации пишут, что находки из него относятся к V в. (Зинько, Бейлин, 2005).

Для датировки появления брошей серии Виминаций следует учесть наличие «головки» круглой формы, показательной для этой серии «трехкрылых» брошей-цикад, у образцов других типов начиная с эпохи расцвета Гуннской державы в 430-е – начало 450-х гг., например, у броши из погребения 1899 г. в Левице (Gavritukhin, 2013, fig. 4A: 21, p. 109, 114-117)[6].

Таким образом, броши серии Виминаций появились не позднее 2-й половины V в. (скорее, в середине этого столетия) и бытовали (по крайней мере, в Юго-Западном Крыму) до, как минимум, середины – 2-й половины VI в., не исключая ранней части VII в. Интересующие нас застежки из Ксизово, судя по ближайшим аналогиям, связаны с вещами, найденными на юге Восточной

[3] Благодарю за информацию Игоря Анатольевича Бажана.

[4] Наиболее ранние образцы трехпалых рельефно украшенных фибул (тип 1.6 по указанной публикации) датируют в рамках 2-й трети 5 в., что справедливо отмечено авторами этой публикации, однако интересующую нас находку нет оснований относить к кругу наиболее ранних.

[5] В публикации, очевидно, опечатка. Эти фибулы подписаны как происходящие из склепа 189, однако, судя по описаниям находок оттуда в этой и другой (к сожалению, тоже предварительной) публикации (Mączyńska et alii, 2011, p. 159, 160, 163; fig. 12), в склепе 189 найдены броши-цикады другой серии.

[6] В публикации опечатка, вместо «Levce» следует читать «Levice».

Европы к северу от Черного моря, более далекие аналогии есть в Южном Подунавье. Не исключено местное или «лесостепное» производство ксизовских брошей-цикад по образцам из упомянутых областей.

2.1.2. Изделие (вероятно, нашивку), имитирующее брошь-цикаду в форме трилистника, из культурного слоя раскопа 9 в Ксизово-19 (рис. 233: 2) отличают от известных мне образцов рассматриваемого типа подтреугольные очертания «головки» с «выпученными глазами». По доступны материалам, такое оформление «головки» встречено еще лишь у одной броши в виде трилистника, опубликованной в интернете с указанием на с. Збруч Каменец-Подольского района Хмельницкой области Украины. По месту первой достоверной находки стоит называть выделяемую серию **«Ксизово»**. Уникальный образец, имитирующий «цикаду с выпученными глазами» (без следов крепления с обратной стороны) найден при раскопках у с. Мацковцы[7], правда, ее корпус, хотя и имитирует трилистник, выполнен в виде трапеции (с не расходящимися «крыльями»).

«Выпученные глаза», оформление которых схоже с образцами серии Ксизово, известны у брошей других типов. Неоднократно они встречены у специфических фибул и их имитаций северокавказской серии, прототипы которых концентрируются в Северо-Восточном Причерноморье (Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 20: 1, 65, 67; 24: 44, 61, с. 332-333). Упомянутые находки на Кавказе датируются позднее, чем существовали интересующие нас памятники в Ксизово, поэтому появление рассматриваемого элемента логично связывать с древностями Северо-Восточного Причерноморья и, возможно, лесостепной зоны от Поднестровья до Подонья[8]. Где-то здесь и произошло соединение «головки с выпученными глазами» с «телом» в форме трилистника, известным по находкам и в этих регионах.

Для датировки ксизовского экземпляра можно опереться лишь на стилистические аналогии. Наиболее ранние броши-цикады с прогнутыми крыльями, как у рассматриваемой находки из Ксизово-19, известны в комплексах фазы D2/D3 центральноевропейской шкалы (например, Szameit, 1997, Taf. 5: 4; Mączyńska, 2009, rys. 3c, s. 396, 398) и отсутствуют в комплексах, синхронизируемых с фазой D2. Таким образом, интересующая нас вещь из Ксизово-19 датируется не ранее середины V в.

2.2. Булавки-значки с завершением в форме цикад со «сложенными крыльями»; уплощенные подражания типам I-V (по Brentjes, 1954). Более точно определить, какой тип брошей имитировали эти и другие навершия булавок, затруднительно, поскольку они выполнены схематично. Пара таких вещей найдена в погребении 52 Ксизово-17А (рис. 80: 1-2; цветное фото: Земцов, 2012, с 183).

Булавки с навершиями в виде цикад известны мне лишь в Среднем Подунавье, включая бассейн Тиссы (Vinski, 1957, Abb. 1, 8-10; Dmitriević et alii, 1962, № 82.7, 8; Kisné Cseh, Prohászka, 14 kép.; Nemeti, 1999, № 3, 6)[9]. Они довольно разнообразны, лишь в одном случае (Ромита в Трансильвании) игла загнута так же, как у ксизовских экземпляров, отчего застежка напоминает значок. В других случаях игла прямая или обломана. Все эти находки сделаны не в ходе раскопок, поэтому их контекст и датировка не ясны. Раскопки в Ксизово-17А, где в погребении 52 пара таких булавок-значков зафиксирована in situ на плечах пожилой женщины, впервые дают конкретный материал для изучения таких вещей в контексте убора и на сравнительно узко датированном памятнике.

Для уборов юга Восточной Европы в интересующее нас время булавки не характерны, находки – единичны и явно связаны с инокультурными влияниями (Албегова, Верещинский-Бабайлов, Гавритухин, 2010, с. 109; см. также часть 5.2), а булавки с навершиями в виде цикад встречены впервые. Это позволяет рассматривать интересующие нас ксизовские экземпляры в контексте прямых связей Верхнего Подонья со Средним Подунавьем. Стоит отметить, что дунайские находки приурочены к крупным городам Паннонии (включая расположенную далеко

[7] Лубенский район Полтавской области Украины. Вещь найдена в постройке 4 на городище, соотносимом с детинцем древнерусского города Снепород. Кроме древнерусского горизонта, на этом памятнике имеются находки черняховской культуры. Благодарю автора раскопок, Юрия Юрьевича Моргунова, за информацию.

[8] Брошь, схожая с экземпляром «с Тамани» (Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 24: 61) известна по данным интернета с указанием на Харьковскую область (см. прим. 3).

[9] Массивные обломанные пластины аналогичной формы, не исключено, что от наверший булавок, происходят с востока Сербского Подунавья (Vinski, 1957, Abb. 17, 18; оригиналы изучались мною в Народном музее в г. Белград, №№ 1135-1137).

от границы Сисцию), лимесу в Мезии, территории Дакии (где римские традиции или прямые связи с Империей существовали и после эвакуации этой провинции в 272 г.).

3. Дериваты сильно профилированных фибул западных типов (Амброз, 1966, группа 13).

В Ксизово представлены двумя подгруппами.

3.1. Ажурные фибулы круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Такая находка из Ксизово-19 рассмотрена А.М. Обломским в главе 6 данной книги.

3.2. Окские фибулы с кнопкой. Представлены двумя находками: в северной (рис. 5: 15) и юго-западной (рис. 5: 19) частях Ксизово-8. В Верхнем Подонье аналогичная фибула происходит с поселения Мухино-2 (не опубликована, благодарю за информацию автора раскопок, Григория Леонидовича Земцова).

Основы современного понимания этой серии фибул заложены Ильей Рафаэльевичем Ахмедовым (2008). Ее новое исследование на основе существенно возросшего материала (около 40 экз.) ведется Алексеем Михайловичем Воронцовым (я благодарен коллеге за возможность воспользоваться его наблюдениями, которые готовятся к печати).

По типологии И.Р. Ахмедова, находки из Ксизово-8 относятся к подтипам «а» и «б» типа 2, различающихся, главным образом, размерами, что предположительно считалось и хронологическим признаком. По наблюдениям А.М. Воронцова, небольшие и более крупные фибулы одного типа в целом синхронны. Например, уже фибулы типа 1 (несомненно, наиболее раннего) из Серенска, с Огубского городища и другие имеют длину около 8,5-9 см, как образцы подтипа 2б. Подтверждают это и датированные находки.

Фибулы подтипа 2б, встреченные в погребениях культуры рязано-окских могильников, датированы около 1-й половины – середины V вв. (Ахмедов, 2008, с. 12). Керамика из курганов в Шаньково (с фибулами подтипов 2а и 2б по И.Р. Ахмедову, причем в кургане 1 вместе находились два экземпляра фибул подтипа 2а и один 2б) относится к 4-му хронологическому горизонту мощинской культуры по шкале правобережья Верхней Оки и датируется в рамках конца IV – V вв. (Воронцов, 2013). Следует отметить, что фибулы, аналогичные интересующим нас ксизовским, типологически не самые поздние в рамках рассматриваемой подгруппы и весьма многочисленны. Скорее всего, они относятся к горизонту мощинской культуры, датируемому гуннским временем[10].

Отнесение окских фибул с кнопкой к мощинской культуре сомнений не вызывает. Их находки в Ксизово-8 явно не случайны. Связи обитателей этого поселения с Поочьем подтверждаются наличием в Ксизово-8 лепной окской керамики и пряслица мощинского круга (см. главу 1 данной книги), а о связях памятников типа Чертовицкое – Замятино в целом с мощинской культурой писали практически все исследователи верхнедонских древностей эпохи Великого переселения народов.

4. Прогнутые подвязные фибулы (Амброз, 1966, группа 16).

4.1. С узкой ножкой и вертикальной стойкой для крепления оси пружины (подгруппа 2 по: Амброз, 1966). По типологии А.К. Амброза, все три ксизовские фибулы этой подгруппы относятся к **серии I** (с коленчато или с ассиметрично мягко изогнутой спинкой), характерной в основном для черняховской культуры, но к разным вариантам.

4.1.1. Находка из сборов в Ксизово-19А (рис. 9: 1) принадлежит **варианту 1**, датированному концом II – III вв. (Амброз, 1966, с. 62-63). По классификационной схеме Евгения Леонардовича Гороховского это серия А (гладкие), вариант А3 (с корпусом трехгранного сечения), разновидность А3а (с корпусом шириной 3-4 мм), с резко обозначенным ребром на спинке (Гороховский, 1988, с. 35).

Исследователи черняховской культуры такие фибулы датируют широко и нередко по-разному. Например, находку из погребения 8 в Ружичанке одни относят к середине III в., другие – к середине IV в. (Гопкало, 2012, с. 337). К позднейшим относится экземпляр из погребения 123 в Михэлэшень, датируемый, скорее всего, уже гуннским временем (Гавритухин, 2000, рис. 4: 11, с. 278-279). Правда, на фоне единичных позднечерняховских образцов ксизовский экземпляр выглядит архаичнее. С другой стороны, в Ксизово-19А хорошо представлены вещи, обычные для памятников гуннского времени (см. главу 1), а ранних или «классических» черняховских не найде-

[10] По наблюдениям А.М. Воронцова, более поздние мощинские памятники существенно менее многочисленны, чем «классические», меняется их приуроченность к гидросистеме. Это связано с потрясениями, которые испытала мощинская культура в середине или 2-й половине 5 в., и началом нового этапа ее существования.

но (если не считать рассматриваемую фибулу). Впрочем, на памятниках Подонья, синхронных не поздним фазам черняховской культуры (тип Каширки – Сиделки), находки фибул и других деталей убора очень редки (Обломский, 2007).

4.1.2. Находка из сборов на участке 4 в центре прибрежной части Ксизово-19 (рис. 229: 1) относится к **южному варианту** (с ленточным нефесетированным корпусом). Из верхнедонских находок, к нему же относится фибула из Замятино-7 (Обломский, 2004е, с. 47, рис. 66: 13; более точная прорисовка: Гавритухин, Обломский, 2006, рис. 2: 60). В Ниженм Подонье этот вариант представлен в погр. 4/1990 Танаиса (Арсеньева и др., 2001, табл . 39: 474)[11].

А.К. Амброз (1966, с. 66) датировал южный вариант IV в., основной ареал указал в Крыму. Следует отметить, что «IV в.» в терминологии А.К. Амброза для черняховской культуры соответствует ее периодам, синхронизируемым с фазами C3 и D1 центральневропейской шкалы, датированными от 320/330-х гг. до начала V в. В свете находок, не известных А.К. Амброзу, основным ареалом таких фибул следует считать дунайско-днестровскую зону черняховской культуры (ср. Гавритухин, 2008, с 364; 2010а, с. 53-54), рядом с которой хорошо представлены аналогично сделанные (и более ранние) фибулы «римского» типа по Георге Дьякону, т.е. с полуциркульно выгнутой дужкой (например, Diaconu, 1971, Taf. VII: 1; VIII: 2, 4, 5, 8; X: 2; Ioniţă, 1992, Abb. 2: 2, 3; 3: 4; Cociş, 2004, No 1850-1896, 1925-1929; Генчева, 2004, с. 53-54, табл. XVI: 2, 3; Никитина, 2008, с. 55, 56, тип 6; Гавритухин, 2010а, рис. 25: 14; Petcović, 2010, T. LXXIII: 4-7; sl. 113; список можно продолжить за счет публикаций отдельных памятников и коллекций). Для уточнения ареала отметим находку такой фибулы, правда, со слабыми фасетками на ножке, в Рутхе в Северной Осетии (коллекция ГИМ, рисунок из фонда А.К. Амброза в архиве ИА РАН). Верхняя хронологическая граница таких фибул, судя по упомянутым работам, относится к гуннскому времени.

Упомянутая выше застежка с поселения Замятино-7 – железная с бронзовыми кнопками на концах оси пружины, что характерно для ряда танаисских фибул гуннского времени и находок с памятников типа Чертовицкое – Замятино (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 42). Найдена она в слое раскопа 1, т.е. на участке, дважды обживавшимся в середине I тыс. н.э. (Обломский, 2004е, с. 47-49). Близость к черняховским и крымским прототипам свидетельствует в пользу отнесения фибулы к раннему горизонту указанного периода на поселении Замятино-7. Бронзовые экземпляры из Подонья, вероятно, были прототипами упомянутого замятинского. Они могли быть как сделанными на месте, так и привозными из Крыма или Днестро-Дунайского региона. Эти связи документированы иными фибулами (см. часть 11.2).

4.1.3. Фибула из культурного слоя могильника Ксизово-17А (рис. 62: 4) железная, плохой сохранности, но отнесение ее к рассматриваемому кругу наиболее вероятно. Ее бронзовые аналоги относятся по А.К. Амброзу к **варианту 4 (**длиной 7 и более см), датирующемуся гуннским временем (Гавритухин, 1999, с. 51; 2000, с. 274-275). Правда, железные фибулы черняховского круга нередко несколько крупнее их бронзовых или серебряных аналогов (в ряде случаев – явно образцов). Но даже с учетом этого рассматриваемая находка из Ксизово, несомненно, относится к вещам, показательным для поздних фаз черняховской культуры (например, Гороховский, 1988, рис. 66, 79).

При анализе источников поступления таких фибул следует иметь ввиду, что фибулы поздних фаз черняховской культуры (наряду с вещами, показательными для этого времени, тогда продолжали использовать и типологически более ранние фибулы) получили весьма широкое распространение восточнее ареала черняховской культуры (см. часть 11.2). Поэтому единичная находка «черняховской» фибулы может свидетельствовать не обязательно о прямых связях с этой культурой.

4.2. С узкой ножкой и широким кольцом для крепления оси пружины (подгруппа 3 по: Амброз, 1966). Систематического обобщающего исследования таких фибул нет. А.К. Амброз, для работы которого большинство этих фибул не являлись основным предметом внимания, выделил серию I (с ленточным корпусом равномерной ширины, в т.ч. с обмоткой), упомянув, что другие фибулы этой подгруппы могут иметь сходство в оформлении с подвязными фибулами черняховской и иных подгрупп, отнес к этому кругу и

[11] Атрибуция других схожих фибул из Нижнего Подонья требует уточнения. Некоторые экземпляры из Танаиса (например, Арсеньева и др., 2001, табл. 9: 107, 108), при знакомстве с оригиналами (хранятся в АМЗТ) оказались все же имеющими «легкую» фасетировку (Гавритухин, Воронцов, 2008, рис 15: 26, 27). У находки из Рогожкино-XIII (Гудименко, Толочко, 2012, рис. 7: 4) утрачен пружинящий механизм, т.е. она может относиться к другой подгруппе подвязных фибул (см. часть 5.2).

двучленные прогнутые «лебяжьинские» фибулы (Амброз, 1966, с. 68). Г. Дьякону выделил такие фибулы в «дакийский» тип, отнеся к варианту 2 фибулы со своеобразным (П-образным) сечением дужки, а прочие, оформление которых схоже с «римскими» (см. часть 4.1.2) и черняховскими («готскими» по Г. Дьякону), оставил в рамках варианта 1 (Diaconu, 1971). В развитие этих наблюдений было предложено выделять особую конструктивную схему византийских фибул (Гавритухин, 2010а, с. 37; рис. 2: 9, 10; 7: 5; 25: 11) и предшествующие им формы (Гавритухин, 2010а, с. 45, 53-54, рис. 4: 19, 20; 25: 15).

Недавно Анна Владимировна Мастыкова вновь обратилась к специальному исследованию таких фибул в связи с изучением северокавказских женских уборов конца IV – середины VI вв. Интересующие нас застежки были разделены ею на «понто-кавказкие» (с ленточным корпусом), фибулы с дужкой, украшенной перпендикулярными ей рифлением или обмоткой (как со сплошным, так и подвязным приемником), прочие «дуговидные», подразделенные на бронзовые подвязные и железные (среди последних могут быть и фибулы со сплошным приемником) (Мастыкова, 2009, с. 41-45). Однако игнорирование отличия фибул с равномерно расширенной дужкой от фибул с неравномерно расширенной дужкой, не представляется плодотворным. Даже на примере ксизовской коллекции видно, что эти признаки устойчиво сочетаются с другими, то есть они не случайны (см. ниже). Непонятно, почему фибулы с ленточным корпусом названы «понто-кавказскими», хотя таковых в Подунавье не меньше, чем в Причерноморье. Неудачно и рассмотрение фибул со сплошным приемником и рифленой дужкой вместе с подвязными, имеющими проволочную обмотку на дужке, а уж тем более указание на то, что вторые имитируют первые. Последнее утверждение противоречит датировкам рассматриваемых фибул, предложенным самой А.В. Мастыковой (наиболее ранней из датированных она называет застежку, которая имеет обмотку и подвязный приемник)[12], признает она и различие ареалов этих серий (Мастыкова, 2009, с. 44, 45). Не удачно и предложенное терминологическое сочетание «дуговидные … прогнутые», по неясной причине заменяющее устоявшуюся терминологию. Сказанного достаточно для объяснения, почему в отношении рассматриваемых фибул типология и терминология А.В. Мастыковой мною не используются.

Наметки классификации, предложенные А.К. Амброзом, конечно, доработанные и откорректированные в соответствии с новыми находками, вполне пригодны для работы с рассматриваемыми фибулами. Учитывая возросший объем материала и его разнообразие, таксоны, которые А.К. Амброз называл «серия», точнее называть «блок серий», нумерация которых продолжает список, начатый А.К. Амброзом. Блок серий I, выделенный А.К. Амброзом (с ленточным равномерно расширенным корпусом), в Ксизово не представлен. Зато наиболее многочисленным на фоне прочих находок из Ксизово является блок серий II, который объединяет фибулы с расширенной дужкой. Представлен и блок серий III, эти фибулы аналогичны фасетированным черняховским, отличаясь схемой крепления оси пружины. В рамках этих блоков ниже рассматриваются лишь серии, представленные в Ксизово. Варианты выделяются лишь для ксизовской подборки и даны через описание характерных признаков, поскольку четкую номенклатуру целесообразно вводить после изучения всего таксона. Своеобразна и типологически компактна (на уровне варианта) подборка ксизовских фибул, которые не относятся к упомянутым блокам серий. Я пока ограничусь лишь выделением этого варианта, оставив отнесение его к сериям и их блокам (этот список открыт) для будущих исследований.

4.2.1. Блок серий II в основном соответствует варианту 4 и пантикапейскому варианту подгруппы VI (лебяжинской) группы 15 по А.К. Амброзу (1966, с. 57). Спинка у этих фибул может быть расширена не только «овально» (точнее – каплевидно), как на «классических» «лебяжьинских» образцах, но и иметь прямые бока, расширяясь к месту крепления пружины (например, Амброз, 1966, табл. 10: 10). От дунайских и других западных фибул (например, Kazanski, 1993б, fig. 3: 4, 5; Schuster, 2001, Abb. 6: 1, 2, 5, 7-9; Гавритухин, 2010а, рис. 4: 19, 20), интересующие нас застежки отличаются орнаментацией (на них представлены короткие врезки по бокам корпуса, редко – ряды точек, иногда длинные фасетки на ножке), а в ряде случаев и другими признаками, показательными для конкретных серий.

[12] Замечу также, что упомянутые А.В. Мастыковой фибулы из Паласа-сырта (еще более ранние; их исследование Владимиром Юрьевичем Малашевым готовится к печати) имеют не рифленую дужку, а проволочную обмотку.

А.К. Амброз предложил для фибул этого блока серий (двучленных «лебяжьинских») дату в рамках 2-й половины IV – «частично» VI вв., что в целом подтверждено А.В. Мастыковой (2009, с. 41-42). Ранние (не исключающие догуннское время) комплексы указаны А.К. Амброзом в Закаказье. По наблюдениям Игоря Анатольевича Бажана и Ольги Александровны Гей такие фибулы (ХИ-73) характерны для женских погребений цебельдинской культуры периодов 3-4 (ступень II) и 5, датированных соответственно 310/320-350/355 и 350-375 гг. (Гей, Бажан, 1997, табл. 23, 25, 26)[13]. Однако как показал детальный анализ, ступень II синхронизируется с фазам C3 и D1 центральноевропейской шкалы, а период 5 – с фазой D2, что соответствует 320/330 – ок. 410 и 380/400 – ок. 450 гг. (Kazanski, Mastykova, 2007, p. 22-23, 25). Это близко дате А.К. Амброза (допуская небольшое удревнение нижней хронологической границы), при этом вопрос, появились ли такие фибулы в догуннское время или после 375 г., остается открытым. Верхняя хронологическая граница фибул рассматриваемого блока серий включает, как минимум, середину VI в., а ее традиции прослеживаются, как минимум, и в VII в. (например, Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83, катакомба 25); уточнение этих наблюдений выходит за рамки обзора ксизовских фибул.

Рассматриваемые ксизовские находки принадлежат двум сериям.

4.2.1.1. Серия А. Для ее образцов показательно наличие вертикального ребра посередине дужки. Она представлена тремя вариантами: сравнительно крупные, с ярко выраженной «каплевидностью» дужки, врезками по бокам ножки на всю ее длину (рис. 229: 11; Ксизово-19, раскоп 9); со слабым расширением дужки, неорнаментированные (рис. 5: 20; 229: 2; вероятно, рис. 229: 10; Ксизово-8, Ксизово-19, северная часть раскопа 7 и сборы на участке 4); с не очень широкой дужкой, близкой каплевидной, ножкой, украшенной сочетанием врезок и длинных фасеток (рис. 229: 6, 7, 9; Ксизово-19, северная часть раскопа 7, раскопы 4 и 10). У хорошо сохранившихся образцов зафиксированы надставленная пружина, в т.ч. с округлыми кнопками на концах ее оси, или короткая пружина с длинными кнопками на концах ее оси.

Вертикальное ребро на дужке встречается у фибул разных традиций; скорее всего, эта деталь могла возникнуть конвергентно (Гавритухин, 2010а, с. 46-47). Однако в единстве традиций, представленных рассматриваемой серией А, едва ли можно сомневаться, как и в ее прототипах среди «лебяжьинских» фибул (например, Амброз, 1966, табл. 10: 5). Следует отметить, что образец ближайшего прототипа (варианта 3 или переходного от него к интересующему нас варианту 4 «лебяжьинских» фибул) происходит из Донифарса в Северной Осетии (коллекция ГИМ, рисунок из фонда А.К. Амброза в архиве ИА РАН). Не менее трех находок фибул серии А сделано в Северной Осетии, представлена она и на Боспоре (Амброз, 1966, табл. 10: 9, 10; Гавритухин, 2010а, рис. 7: 19-21; другие рисунки по коллекциям ГИМ из фонда А.К. Амброза в архиве ИА РАН).

Для ряда находок с Северного Кавказа, правда, других серий, показательно и украшение ножки сочетанием врезок и длинных фасеток, как у рассматриваемых ксизовских третьего варианта, или врезками на всю длину, как у ксизовских первого варианта (например, Гавритухин, 2010а, с. 52, рис. 17: 3, 10, 17). Судя по всему, серия А сложилась в центральных районах Северного Кавказа (очень вероятно, что на территории Осетии), где ее традиции прослеживаются долго, например, на подвязных шарнирных фибулах (см. выше о датировке и: Гавритухин, 2010а, рис. 17: 9).

Своеобразный вариант серии А представлен фибулой из погр. 374 в Дюрсо, отнесенного к этапу III развития могильника по В-образной рифленой пряжке с подвижной треугольной обоймой, имеющей боковые полукруглые выступы в передней части и выступ в виде двух рогов в задней (Дмитриев, 1982, рис. 3: 1; 11; 12: 8)[14]. Александром Васильевичем Дмитриевым этот

[13] Лишь один экземпляр отнесен к периоду 2, однако набор признаков комплекса № 17, где найдена эта застежка, в таблице сериации (табл. 23) вполне позволяет «сдвижку вверх» комплекса № 17 и отнесение его к ступени II.

[14] Сечение дужки не точно отражено в публикации, уточнено при работе с оригиналами в НИМЗ. Тем не менее, А.В. Мастыкова (2009, с. 42-43, рис. 12: 11) справедливо выделила этот экземпляр из общего ряда рассматриваемых ею фибул. Правда, от гипотетических черняховских прототипов эту застежку отделяет хронологическая лакуна. Не менее показательно наличие зигзаговидного орнамента вдоль края ножки, что явно связано с влиянием образцов фибул других традиций или изделий других категорий.

этап датирован 1–2-й третью VI в., Михаилом Михайловичем Казанским – 470/480–530/540 гг. Рассмотрев их аргументы, я предложил дату около 4-й четверти (или конца) V – середины VI вв. (Гавритухин, 2010а, с. 57). Конечно, единственный хронологический репер, да еще в отношении своеобразного (и явно типологически не раннего) экземпляра, не дает дату всей серии. До появления новых находок ее можно датировать лишь в хронологических рамках всего блока серий II.

4.2.1.2. Серия Б. Для ее образцов показательна плоская («ленточная») дужка. В Ксизово эта серия представлена двумя вариантами: фибулы с дужкой, бока которой на всю длину украшены короткими врезками (рис. 229: 4, 5, 8); неорнаментированные (рис. 26: 4; 5: 20). Отличаются они и локализацией: три экземпляра первого варианта найдены в Ксизово-19 (сборы на участке 3, раскопы 10 и 6), два второго – в Ксизово-16 и Ксизово-8. У всех их дужка слегка вогнута с внешней стороны. Пружинный механизм у трех лучше сохранившихся застежек такой же, как у ряда образцов серии А; для одного образца (рис. 229: 8) не исключено, что боковые части оси были утрачены и после ремонта осталась лишь короткая пружина.

Находки фибул серии Б широко распространены от Северной Осетии и некоторых регионов Закавказья до Восточного Крыма и Верхнего Дона, где они встречены в комплексах от гуннского времени до, по крайней мере, середины VI в., именно к ней относится большинство «понто-кавказских» фибул по А.В. Мастыковой и некоторые другие (Мастыкова, 2009, с. 41-44; рис. 12: 1-5, 7, 9, 10; 13: 5, 8; список можно продолжить, но картину по существу это не изменит)[15]. Стоит отметить, что на Северном Кавказе можно найти близкие аналогии всем основным элементам рассматриваемых ксизовских застежек, но полных соответствий (на уровне «узкого» варианта, по терминологии А.К. Амброза) мне не известно.

4.2.2. Блок серий III объединяет застежки, корпус которых (кроме системы крепления оси пружины) аналогичен «черняховским» фасетированным прогнутым подвязным фибулам с узкой ножкой (см. часть 4.1). В Ксизово он представлен железными экземплярами разной сохранности: из погр. 2 могильника Ксизово-17Б (рис. 91: 2) и из культурного слоя раскопа 7 в Ксизово-19 (рис. 229: 3). Обе эти фибулы аналогичны **варианту 3** упомянутых застежек черняховской традиции.

К рассматриваемому кругу фибул, скорее всего, относится и обломок, связанный с мастерской костореза на поселении Замятнио-8 (Обломский, 2004, с. 26, рис. 26: 5). Фибула этого же блока серий, в такой же степени близкая черняховским варианта 3, найдена в погр. 43/1985г. некрополя Танаиса (Арсеньева и др., 2001, табл. 26: 356)[16], правда, фасетки у нее очень узкие, как у некоторых других танаисских застежек (например, Гавритухин, Воронцов, 2008, рис. 15: 26, 27), и в черняховской культуре встречающиеся не часто. Кроме Подонья, фибулы этого блока серий известны в Подунавье, где они выделены Г. Дьякону в вариант 1 «дакийского» типа (Diaconu, 1971, Taf. VII: 6-8; IX: 3, 10; Beilage II). Их «черняховские» («готские» по Г. Дьякону) аналоги в соответствии с типологией А.К. Амброза (1966, серия I подгруппы 2 группы 16) относятся к разным вариантам – от 1-го до 3-го (в т.ч. длиной около 6,5 см, т.е. близкие варианту 4).

Подунайские находки (где есть ранние варианты) датируются от III в. до гуннского времени. Погр. 43/1985г. некрополя Танаиса – не ранней частью гуннского времени, финал существования косторезной мастерской в Замятино-8 – не ранее 430-х гг. (аргументацию см. в части 11.1). Погр. 2 Ксизово-17Б может синхронизироваться с ними, но не исключает и более раннюю дату в рамках гуннского периода.

Насколько связаны дунайские и донские фибулы рассматриваемого блока серий – не ясно. Дунайские застежки появились явно раньше и могли быть прототипами находок из Подонья, тем более, что свидетельства прямых связей этих регионов имеются (см. часть 11.2). Однако не менее, даже более вероятным представляется другой вариант. Донские экземпляры могли возникнуть как переработка черняховских традиций (наличие которых в данном регионе несомненно) под влиянием других фибул юга Восточной Европы, имеющих широкое кольцо

[15] К недавно опубликованным комплексам, показательным для датировки гуннским временем (синхронно фазе D2 в Центральной Европе), относится катакомба 1(8) могильника Березовский 2 в Кисловодской котловине (Савенко, 2014).

[16] Схема крепления оси пружины уточнена по оригиналу в АМЗТ.

для оси пружины: рассматриваемой подгруппы (о ее нижней хронологической границе см. в части 4.2.1) или непосредственно двучленных лучковых (группа 15 по: Амброз, 1966). Если для застежки из Танаиса есть аргументы в пользу признания ее местного производства (см. выше)[17], то для верхнедонских экземпляров аргументов такого рода нет, впрочем, как нет и контраргументов.

4.2.3. Верхнедонской вариант. Для этих фибул (рис. 230: 1-3), помимо общих характеристик подгруппы, показательны: дужка с прямыми боками и треугольным сечением, украшенная врезками, образующими узор в виде елочки; наличие «перехвата» для фиксации обмотки проволокой, идущей от приемника; плоская, чуть шире дужки, ножка с прямыми боками, иногда украшенными врезками. На почти полностью сохранившемся экземпляре концы оси короткой пружины оформлены цилиндриками, как у ряда застежек из Подонья (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 42). Три находки сделаны в Ксизово-19: 2 экз. из сборов на участке 4; один – в культурном слое раскопа 6. Еще две фибулы этого варианта происходят из сборов 2010 и 2012 гг. на расположенном неподалеку от Ксизово памятнике Мухино-2 (благодарю за информацию Григория Леонидовича Земцова).

Кроме упомянутых пяти экземпляров с двух памятников, находки фибул этого варианта мне не известны. Треугольное сечение дужки у фибул рассматриваемой подгруппы показательно для ряда застежек цебельдинской культуры (например, Трапш, 1971, табл. XII: 4; XXVII: 2) блока серий II, хронология которых обсуждалась в части 4.2.1. Однако для утверждения о прямых связях Верхнего Подонья с территорией Абхазии пока нет оснований. Схожее сечение дужки у этих застежек (не такое уж редкое, если учесть фибулы других типов) могло возникнуть конвергентно. Еще один экземпляр рассматриваемой подгруппы, имеющий треугольное сечение дужки, происходит из погр. 218 Дюрсо, однако он найден вместе с ременным наконечником геральдического круга (Дмитриев, 1982, рис.3: 11; 12: 24). Уже исходя из датировки (не ранее середины VI в.), эта застежка не может рассматриваться в контексте исследования происхождения интересующих нас фибул или контактов населения, оставившего памятники типа Чертовицкое – Замятино.

Прочие признаки фибул верхнедонского варианта распространены весьма широко, кроме упомянутых цилиндриков на концах оси пружины, что свидетельствует в пользу утверждения о местном (донском) производстве, по крайней мере, некоторых изделий этого варианта. В пользу этого утверждения можно отметить и наличие украшения врезной «елочкой» дужки одной их ксизовских фибул со сплошным приемником (рис. 5: 17; см. часть 5.2, вариант 1-3), хотя этот мотив известен и шире (например, Гавритухин, 2007а, рис. 11: 4-6). Но главные аргументы – уникальность сочетания признаков и сравнительная многочисленность находок при компактности их ареала – делает утверждение о производстве интересующих нас фибул в Верхнем Подонье наиболее вероятным. Скорее всего, центр их изготовления находился на Острой Луке Дона, в Ксизово-19 или в Мухино-2, или в их окрестностях.

5. Двучленные фибулы со сплошным приемником (Амброз, 1966, группа 17).

В Ксизово эта группа представлена только подгруппой 1 (с узкой ножкой), находки распределены между одним блоком серий и одной своеобразной серией.

5.1. С широким кольцом для крепления оси пружины, загнутым к внешней стороне дужки. Этот весьма обширный и разнообразный блок серий изучен слабо. А.К. Амброзом выделена одна серия (17-1-II; Амброз, 1966, с.71), куда отнесены разнородные находки из Северного Причерноморья, что объяснимо территориально-хронологическими рамками его работы и количеством находок к началу 1960-х гг. В системе Мехтильд Шульце интересующий нас способ крепления пружины обозначен как схема «у», которая отмечена у фибул 6 типов (Schulze, 1977). Из них застежки типов 25 и 26 имеют короткий приемник, 101–103 – приемник, зауженный к концу ножки, чего нет у интересующей нас ксизовской находки. Для нашей темы важен лишь тип 104, состав которого повторяет список А.К. Амброза с добавлением находки из Бирска (см. ниже), причем, опираясь лишь на некоторые опубликованные образы, как признак всего типа 104 указано округлое сечение дужки.

Три варианта фибул рассматриваемого блока серий, различающихся сечением дужки, среди находок из Дюрсо отмечены А.В. Дмитриевым (1982, с. 78-79, тип 4)[18]. Выделение нескольких се-

[17] Показательно и наличие у некоторых таких фибул бронзовых цилиндриков, оформляющих концы оси пружины, не редких у фибул из Подонья (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 42).

рий намечено мною в связи с анализом некоторых находок (Гавритухин, 2007б; 2008). А.В. Мастыковой такие фибулы конца IV – середины VI вв. с Северного Кавказа рассматривались суммарно или объединялись с фибулами других групп (Мастыкова, 2009, с. 43-47, рис.15: 1-6; 19; 20; 22: 3), причем атрибуцию некоторых из них, как отмечено в этом исследовании, нужно уточнить по оригиналам, а для обломков она гадательна.

На Верхнем Дону рассматриваемый блок серий представлен фибулой, связанной с комплексом находок из постройки 4/2004 г. (юртообразной) в Ксизово-19 (рис. 315: 2). Эту вещь я отнес к **серии Сиреневая бухта 167**, для образцов которой показательны полуциркульно выгнутая дужка округлого или полукруглого сечения, зауженная ножка, короткий приемник, «сдвинутый» к концу ножки. Находки этой серии, кроме Ксизово, представлены в Крыму, Северо-Восточном Причерноморье, центральной части Северного Кавказа и Закавказья, Приуралье (Амброз, 1966, табл. 10: 16; Гавритухин, 2007б, рис. 1, 3-5; Дмитриев 1982, рис. 3: 14; Мастыкова, 2009, рис. 22: 3; Апхазава, 1979, табл. XXII: 2; Мажитов, 1968, табл. 8: 3, 4), в коллекции Днепропетровского национального исторического музея (известна мне по фотографии Эраста Алексеевича Сымоновича, любезно предоставленной Игорем Анатольевичем Бажаном).

Дата серии (середина V – первые десятилетия VI вв.) была получена методом наложения хронологических отрезков вероятного бытования находок из могильника Сиреневая бухта и Ильичевского городища на Боспоре, с учетом общего контекста развития боспорских фибул (Гавритухин, 2007б, с 484-485; 2008, с. 363-364). Однако при увеличении числа датированных (пусть даже не «узко») комплексов метод наложения хронологических отрезков становится явно малопригодным, а ряд находок и наблюдений позволяет откорректировать датировку (см. ниже).

Вариант с округлым сечением дужки, кроме интересующей нас фибулы из Ксизово-19, представлен единичными образцами во всех регионах, где встречены находки рассматриваемой серии – в Херсонесе, Дюрсо, Бирске, на р. Чегем (центральная часть Северного Кавказа), в Восточной Грузии, вероятно, в Южном Поднепровье (публикации см. выше). 2 экземпляра найдены в комплексах.

Погр. 196 в Дюрсо, судя по наличию стакана, характерного для III этапа эволюции этого могильника (Дмитриев, 1982, с. 104)[19], датируется около конца V – середины VI вв. (Гавритухин, 2010а, с. 57; см. также часть 4.2.1.1). Из погр. 114 в Бирске опубликована лишь фибула, а пряжка дана через отсылку к находке из погр. 108 (Мажитов, 1968, с. 100, табл. 5: 19). Судя по формализованной группировке пряжек из Бирска (по Н.А. Мажитову, использовавшейся А.К. Амброзом и мною) и откорректированной мною сериации комплексов этого памятника, пряжки того же типа, что в погр. 108, встречаются в периодах В, Г, единично Д Бирской шкалы (Гавритухин, 1996, рис. 2, тип 10). То есть, такие пряжки бытовали еще в гуннское время, а выходят из употребления в период, когда в Приуралье распространяются «классические» гарнитуры Шиповского круга (не ранее последних десятилетий V в.; соответствует III этапу по шкале Дюрсо) и кушнаренковская керамика (дата этого репера – предмет дискуссии, место которой не здесь).

Для понимания рассматриваемых фибул следует отметить и то, что в центральной части Северного Кавказа и Закавказья известно много аналогичных застежек, но с завитком или симметричными кнопками на конце сплошного приемника. К сожалению, большинство их найдено вне комплексов и датируются они широко (например, Амброз, 1966, табл. 6: 4; Апхазава, 1979, табл. XIX: 7, 36, 37; XXII: 1, 9; Гаглойти, 2003, табл. II: 3, с. 20; Мастыкова, 2009, рис. 18: 3, 4, с. 45-46; Гавритухин, 2010б, рис. 2: 10, 11; коллекция ГИМ, рисунки из фонда А.К. Амброза в архиве ИА РАН).

Принимая во внимание этот контекст, моя гипотеза о формировании серии Сиреневая бухта 167 на Боспоре (Гавритухин, 2007б, с. 484-485; 2008, с. 363-364), соответственно, и о ее нижней хронологической границе, требует пересмотра (как минимум – уточнения). С учетом ранней датировки ряда комплексов Сиреневой бухты (с другими фибулами; интересующее нас погребение узко не датируется) и пряжки из Бирска, нижняя хронологическая граница серии «уходит» в гуннское время. Насколько «глубо-

[18] Фибула из погр. 474 варианта 4б описана А.В. Дмитриевым (1982, с. 78, рис. 3: 22) как имеющая «пластинчатую спинку», однако при работе с оригиналами в НИМЗ установлено, что сечение ее дужки имеет вид уплощенного треугольника со сглаженными углами.

[19] Комплекс не опубликован; благодарю Александра Васильевича Дмитриева за информацию.

ко» – можно будет уточнить после публикации Бирского могильника и появления новых находок. Учитывая наиболее вероятную дату гибели Ильичевского городища (576 г.), и дату погр. 196 из Дюрсо, верхнюю хронологическую границу рассматриваемой серии фибул следует сдвинуть в середину или 3-ю четверть VI в. То есть, пока датировать интересующий нас вариант, как и всю серию, более узко, чем в рамках конца IV – 3-й четверти VI вв. было бы неосторожно.

5.2. С широким кольцом для крепления оси пружины, загнутым к внутренней стороне дужки. Такая схема крепления оси пружины для фибул Восточной Европы необычна (см. ниже). Тем более поражает сравнительная многочисленность и своеобразие (при повторяемости деталей) таких застежек в Подонье, особенно в Верхнем, что позволяет выделять особую **донскую серию**. Корпус у всех образцов серии мягко ассиметрично изогнут. У всех экземпляров, у которых хорошо сохранился конец ножки, видно, что она оформлена загибом ее конца на торец приемника. Многие застежки орнаментированы врезными линиями, которые могут образовывать косой («андреевский») крест, зигзаг, небольшими боковыми врезками, длинными фасетками. Серия подразделяется на блоки вариантов по форме дужки и ножки, на варианты – по сечению дужки и особенностям орнаментации. Они обозначаются через указание на номер блока вариантов и варианта (например, 2-1 значит вариант 1 блока вариантов 2).

Для ***блока вариантов 1*** показателен корпус, сужающийся от места крепления пружины к концу ножки. ***Вариант 1*** представлен находкой в культурном слое раскопа 7 Ксизово-19 (рис. 230: 6). Он характеризуется прямоугольной в сечении дужкой с четкими фасетками (здесь сечение становится шестиугольным). Этот экземпляр имеет две площадки, украшенные боковыми треугольными врезками; ножка украшена врезными линиями, образующими зигзаг, часть отрезков которого более длинная. ***Вариант 2*** представлен находками на участке 4 сбора подъемного материала в Ксизово-19, из сборов в Ксизово-8 и Мухино-2[20] (рис. 230: 7; 229: 12; 5: 18). Он характеризуется спинкой со слегка сглаженными на внешней стороне углами; края бывают немного загнуты внутрь, что придает спинке бóльшую «покатость»; иногда заметно, что на конце спинки имеется площадка (т.е. сечение здесь практически прямоугольное), но читается этот элемент слабо (особенно это очевидно по сравнению с вариантом 1). Находки украшены врезным косым крестом на дужке близ места крепления пружины или близ ножки, врезным зигзагом на ножке. ***Вариант 3*** представлен находкой из Ксизово-8 (рис. 5: 17). Характерна не фасетированная дужка, имеющая четкие прямоугольные грани с внешней стороны. У упомянутого экземпляра дужка украшена врезными «елочкой» (как у подвязных фибул верхнедонского варианта, но перевернутой; см. часть 4.2.3) и косыми крестами, ножка украшена врезками, образующими зигзаг. Условно выделяется ***вариант 4***, к которому отнесены железные экземпляры плохой сохранности, найденные в Ксизово-17А (рис. 88: 3 с ножкой, украшенной длинными и довольно широкими фасетками), в культурном слое раскопа 6 в Ксизово-19 (рис. 230: 8), а также в погр. 50/1982г. Танаиса (Арсеньева и др., 2001, табл. 13: 196; уточненную по оригиналу в АМЗТ прорисовку см. в: Гавритухин, Воронцов, 2008, рис. 15: 24).

Для ***блока вариантов 2*** показательна равномерно расширенная дужка; ножка может чуть сужаться к концу или быть равномерно расширенной, в т.ч. немного более широкой, чем дужка. ***Вариант 1*** представлен находкой в культурном слое раскопа 7 в Ксизово-19 (рис. 230: 5). Характерные признаки – прямоугольная в сечении дужка фасетирована, ножка немного шире дужки. У данного экземпляра орнамент представлен врезными косыми крестами на площадках, расположенных на дужке; ножка имеет длинные фасетки, украшена врезными линиями, образующими подобие зигзага (отрезки накладываются) или асимметричного косого креста. ***Вариант 2*** представлен находкой в культурном слое раскопа 4 в Ксизово-19 (рис. 230: 4). Она отличается от той, что отнесена к варианту 1, тем, что фасетки на дужке не широкие (отчего спинка напоминает некоторые экземпляры варианта 1-2), ножка не шире спинки и чуть суживается к концу, а ее орнамент представлен, кроме фасеток и врезного зигзага, боковыми врезками близ спинки, в данном случае – ассиметричными (2 узкие с одной стороны, короткая фасетка – с другой). Очевидно, что по мере накопления материала характеристики вариантов (наверное, и их число) будут уточняться. ***Вариант 3*** (как и 1-4) выделяется условно, поскольку относимая к нему железная находка из Ксизово-16 (рис. 26: 2) сильно коррозирована.

[20] Благодарю за информацию Григория Леонидовича Земцова.

К сожалению, почти все рассматриваемые фибулы найдены вне комплексов, только погр. 50/1982г. из Танаиса с фибулой варианта 1-4 датировано гуннским временем по характерной пряжке (Арсеньева и др., 2001, табл. 13: 196).

Территориально близкий аналог фибулам блока вариантов 1 донской серии, правда, отличающийся полуциркульно изогнутой дужкой и другими деталями, т.е. принадлежащий иной серии (очевидно, и традиции), происходит из Ольвии (Амброз, 1966, табл. 10: 15). А.К. Амброз (1966, с. 70-71) обратил внимание на необычность для восточноевропейских находок схемы крепления пружины этой застежки, отметив такую лишь у некоторых смычковых фибул (группа 14 по: Амброз, 1966), зато представленную далеко на северо-западе (от Чехии и ФРГ до Финляндии).

Весьма обстоятельно такие фибулы представлены в работе Мехтильд Шульце. В разработанной ею весьма дробной системе описания фибул со сплошным приемником интересующий нас способ крепления оси пружины (кольцом, загнутым внутрь корпуса) выделен как форма «z» (Schulze, 1977). Этот признак показателен для более, чем 50 типов из 255, на которые разделены рассматриваемые М. Шульце застежки. Плотная зона концентрации находок таких фибул – Северная и Центральная Германия. Уже на ранних этапах (с середины – 2-й половины III в.) они встречаются от юга Ютландии до Северных Альп, реже – восточнее, до бывшей Восточной Пруссии, Восточного Прикарпатья, Нижнего Подунавья. Несколько позднее некоторые типы становятся известны на юге Скандинавии, затем, вместе с переселившимися из-за Рейна их носителями, на севере Галлии. В эпоху Великого переселения народов крепление пружины формы «z» отмечено и у некоторых типов фибул, известных еще шире (их интерпретация – особая тема, которой я здесь не касаюсь, поскольку эти типы весьма далеки от интересующих нас находок в Ксизово).

Из этого массива блоку вариантов 1 донской серии наиболее близки типы 106-114 по М. Шульце[21]. Их основной массив относится к кругу т.н. Нимбергских фибул[22], длительная история изучения, уточненная типология, хронология, каталоги которых опубликованы Лотарем Шульте и Яном Бемманном (Schulte, 1997; Bemmann, 2001). Эти фибулы подразделяются на варианты (часто по традиции, идущей от первых исследований, их называют «ступень, фаза – Stufe»): A, небольшие, с плоской дужкой, шириной до 0,9 см; B, аналогичные, но длинной более 5 см, с дужкой шириной нередко 1,2-1,4/1,5 см; C, с дужкой дуговидного сечения. Выделяется и круг прототипов (Vorstufe), у которых заужена только ножка, а дужка расширена равномерно.

Хронология этих фибул наиболее детально рассмотрена Я. Бемманном, по наблюдениям которого, основной массив застежек варианта A относится к фазе C3, B – к фазам D1 и D2, C – D2 центральневропейской шкалы. При этом, некоторые экземпляры варианта A бытуют и в конце IV в., B и C – и в середине V в. В целом близкая картина получена Л. Шультом. Из 124 находок, учтенных Я. Бемманном, почти все происходят из бассейна Средней Эльбы, включая Заале и Шпрее, лишь единичные экземпляры встречены немного севернее и южнее, северо- и юго-западнее, 2 находки происходят с севера Среднего Подунавья, 1 – из верховий Вислы (знаменитый клад из Свильчи).

Аналогии блоку вариантов 2 донской серии принадлежат кругу типов, описанных М. Шульце под номерами 27-38. Формально (по набору признаков, которыми оперировала М. Шульце) донским фибулам наиболее близки типы 35-36, 30, 38, в основном, распространенные в Рейнско-Везерском регионе и низовьях Эльбы, с ответвлениями на северо-восток Галлии и по всей Эльбе. Дата этих застежек – в рамках IV – 1-й половины/середины V вв. Наиболее обстоятельно такие фибулы изучались Хорстом Вольфгангом Бёме (Böme, 2007, p. 5-8; там литература). Близок донским фибулам и тип 29 по М. Шульце (спинка без фасеток, что напоминает слабофасетированные донские экземпляры). Он встречается, хоть и не очень часто, на всем протяжении Эльбы, единично – западнее и в бассейне Моравы, единожды – на Калининградском полуостро-

[21] Многими специалистами отмечено, что система М. Шульце хороша, прежде всего, как схема *описания*, дающая неплохое представление о находке и позволяющая не пропустить ряд признаков, значимых для изучения и атрибуции вещи. Однако, она не может учесть признаки, в некоторых случаях весьма важные (например, профилировка дужки), или перейти к группировке типов/вариантов, позволяющей увидеть вещи на более широком фоне или более детально.

[22] Строго говоря, среди них есть и фибулы с другой схемой крепления оси пружины, однако застежек с интересующей нас схемой крепления оси пружины среди Нимбергских подавляющее большинство и, несомненно, именно она характеризует традицию, представленную Нимбергскими фибулами.

ве и в римской крепости Новиодун в Низовьях Дуная (об этой находке см. ниже), а датируется, в основном, от конца III до середины IV вв.

Следует упомянуть и тип 32 по М. Шульце в связи с тем, что, судя по каталогам и картам в ее работе, относящиеся к нему фибулы определяют территориально наиболее близкий к Дону юго-восток ареала фибул интересующих нас типов. Если не считать единичные находки на Верхней Эльбе и в Южном Побужье[23], фибулы типа 32 концентрируются на территории Румынской Молдовы и северо-востока Мунтении. Эти древности (тип Поянешть – Выртешкой) наиболее обстоятельно изучались Георге Бикиром, рассматривавшим указанные фибулы в рамках типа 3 (со сплошным приемником, охватывающим иглу, полуциркульно выгнутой спинкой прямоугольного сечения, двучленные с нижней тетивой), представленного 9 находками, в т.ч. тремя, учтенными М. Шульце (Bichir, 1976, p. 92). Каков тип крепления оси пружины у этих фибул, румынский исследователь не указывает, а по публикациям он определим не безусловно (это относится и к упомянутой выше фибуле типа 29 из Новиодуна). Лишь атрибуция одной находки, как принадлежащей интересующему нас кругу, не вызывает сомнений (Bichir, 1976, pl. CLXVI: 11). Она отнесена к раннему горизонту участка Варницэ поселения Пояна–Дульчешть и датирована 2-й половиной II в.

Список важных для нашей темы находок из Южного Подунавья и Среднего Потисья можно дополнить, прежде всего, за счет находок подвязных фибул, на что уже обращалось внимание (Гавритухин, 2010а, с. 46). Подвязные фибулы с такой же схемой крепления оси пружины встречены и восточнее. На Нижнем Дону – в погр. 24/1982г. некрополя Танаиса (Арсеньева и др., 2001, табл. 9: 107, 108; уточненный по оригиналу в АМЗТ рис.: Гавритухин, Воронцов, 2008, рис. 15: 26, 27). Скорее всего, к этому кругу относится и фрагмент подвязной фибулы из этого же региона, происходящий из сборов в Рогожкино-XIII (Гудименко, Толочко, 2012, рис. 7: 4). Застежка, вероятно найденная в Среднем Поднепровье и, по-видимому, реконструированная Евгением Леонардовичем Гороховским по фото, приведена в диссертации этого специалиста (табл. 15: 97)[24]. Упомянутые восточноевропейские фибулы с подвязным приемником единичны и явно выделяются на фоне массово представленных местных традиций. Когда и как они попадали к востоку от их основного ареала – тема особого исследования.

Единственная известная мне фибула с интересующей нас схемой крепления пружины и сплошным приемником в Поднепровье представлена находкой в погребении из Любовки (Гавритухин, 2007в, рис. 22: 2). Однако она очень своеобразна, в т.ч. и по технологии изготовления. С рассматриваемыми ксизовскими застежками у нее схожи лишь схема крепления оси пружины, расширяющаяся к пружине дужка (этот признак широко распространен) и орнамент косыми крестами (но здесь дважды повторенный на ножке). С местными традициями эта и вторая застежки из Любовки не связаны, скорее всего, они привезены с Южного Подунавья или Балкан, или являются единичными репликами, сделанными по образцам оттуда (Гавритухин, 2007в, с. 31-32). Это подтверждает и наличие в комплексе из Любовки булавки (см. о них в части 2.2.).

Интересующих нас фибул и со сплошным приемником в Южном Подунавье и Среднем Потисье не много. Среди них есть экземпляры, напоминающие нимбергские застежки вариантов А (Bojović, 1983, T. XXXIV: 330, 333; рисунки коллекции Дмитриевича в Народном музее г. Пожаревец)[25] и В (Bojović , 1983, T. XXXIV: 329; Хараламбиева, 1997, № 83; Csallány, 1961, Taf. CCXI: 1)[26]. Пара таких весьма крупных фибул найдена в погр. 146 некрополя Виминаций–Више Грбалья, отнесенным авторами публикации к фазе С1 некрополя, датированной около начала – 1-й трети VI в., исходя из пред-

[23] Таковой М. Шульце посчитала находку № 1914 по ее каталогу, т.е. из погр. 86 черняховского могильника Маслово. Однако, по схематичным рисунку и описанию в публикации (Петров, 1964, с. 138, рис. 6: 4) такая атрибуция, как минимум, рискованна, а с учетом черняховского контекста – маловероятна (насколько мне известно, коллекция, к сожалению, не сохранилась).

[24] Эта ценная рукопись, к сожалению, не опубликована. Я благодарен Евгению Леонардовичу за предоставление ее копии (хранится в отделе археологии эпохи Великого переселения народов ИА РАН) и разрешение использовать эти материалы.

[25] За предоставление копий этих рисунков я благодарен Драгану Яцановичу. Информация о находках, опубликованным Драголюбом Бойвичем, уточнена по оригиналам в Музее града Белграда и я благодарен Милице Янкович за помощь в этой работе.

[26] Информация о находке с могильника Чонград–Кеттёшхалм уточнена по оригиналу в Музее им. Й. Косты, г. Сентеш.

полагаемой даты фибул, но с указанием на более раннюю дату гривны (Ivanisević et alii, 2006, pl. 29: 146.4-5; p. 121, 118, 30). Однако отнесение упомянутых застежек из Виминация к типу Рамердорф – не точно (одна из показательных характеристик этого типа – овально расширенная спинка)[27]. Остальные упомянутые фибулы найдены вне комплексов; опору для даты имеет лишь экземпляр из Чонграда–Кеттёшхалма, поскольку он происходит с могильника эпохи Великого переселения народов, украшен штампованным орнаментом (образующие вертикальную линию по середине дужки небольшие крестики с резко расширенными лопастями), встречающимся и в это время.

От этих подунайских находок интересующие нас донские фибулы блока вариантов 1 отличаются рядом деталей. У упомянутых дунайских фибул, если они не деформированы, дужка изогнута полуциркульно. Часть из дунайских застежек не орнаментирована, некоторые украшены штампованным орнаментом (см. выше), боковыми врезками или короткими фасетками, врезными косыми крестами; однако элементы орнамента, схожие с теми, что у рассматриваемых донских фибул, у них расположены иначе. Одна из рассматриваемых дунайских находок имеет укороченный приемник, другая – массивную дужку, чего нет ни у донских, ни у Нимбергских фибул.

Нимбергские фибулы, в отличии от рассмотренных дунайских, схожи с донскими по профилировке, наличию у некоторых застежек цилиндриков на концах оси пружины (например, Leube, 1986, Abb. 2: d; Bemmann, 2001, Abb. 1: 9; 2: 4, 7; 3: 3, 4; 6: 3). Есть аналогии и в орнаментации, например, дужки, как у экземпляра варианта 1-1 донской серии (Leube, 1986, Abb. 2: d, отчасти c, b; Bemmann, 2001, Abb. 1: 5, 6; 2: 2-5, 12 и др.), косой крест на дужке (Leube, 1986, Abb. 2: i; Bemmann, 2001, Abb. 3: 9; 6: 4; наличие или отсутствие его не ясно по некоторым изображениям в: Schulte, 1997). Но в целом стилистика орнаментации отличаетя: у Нимбергских застежек не редкость использование штампов, длинных вертикальных и нескольких горизонтальных линий, за редким исключением (например, Bemmann, 2011, Abb. 3: 11) не встречается орнамент ножки врезными зигзагами, что весьма популярно на Дону. Нет у фибул донской серии заостренных, если смотреть сбоку, окончаний ножки, что обычно у Нимбергских, рельефных окончаний ножки, как у некоторых находок с Эльбы. Покатая спинка, показательная для варианта 1-2 донской серии, лишь отдаленно напоминает сечение спинки, характерное для Нимбергских фибул варианта С. Отличаются и пропорции: донские экземпляры по длине относились бы к варианту В и С Нимбергских фибул, а по ширине – к варианту А. Отметим, что по этому признаку донская серия ближе некоторым находкам из Среднего Потисья и Южного Подунавья.

Для пока немногочисленного блока вариантов 2 донской серии полных аналогий мне не известно. А типологически ближайшие формы происходят из регионов, где были распространены Нимбергские фибулы, или еще более далеких от Дона.

Итак, донская серия явно своеобразна и, судя по всему, связана с местным производством. Больше всего соответствий в деталях и их сочетаниях она имеет в бассейне Средней Эльбы. По другим источникам прямая связь этих регионов не фиксируется. Связи Подонья со Средним (особенно южными областями) и Нижним Подунавьем, в т.ч., вероятно, прямые, документированы некоторыми фибулами (см. часть 11.2). Однако в данном случае ряд отмеченных различий позволяют лишь предполагать возможный вклад дунайских традиций в формирование донской серии, т.е. пока вопрос о механизмах ее формирования остается открытым. Судя по дате Нимбергских фибул (наиболее близких рассматриваемы донским), и наличию фибул донской серии в Танаисе, появление донской серии относится к гуннскому времени, скорее всего, существовала она и позднее (ряд наблюдений и гипотез см. в части 11.2, о группе 2).

6. Двупластинчатые фибулы (Амброз,1966, группа 21).

Целых экземпляров фибул этой группы в Ксизовно, да и в целом на Вернем Дону, пока не найдено, хотя они известны в соседних регионах – на Средней Оке, в Среднем Поволжье и Приуралье, Нижнем Подонье, зоне черняховской культуры, близ верховий Оки (Поршино). Однако в Ксизово найдены детали фибул, имеющие ближайшие аналогии именно среди двупластинчатых засте-

[27] Не точны и балкано-дунайские аналогии для фибул из погр. 146 Виминация, приведенные авторами упомянутой публикации. У железного экземпляра из Сингидуна система крепления оси пружины не ясна; у застежки из Македонии эта часть утрачена, приемник короткий и высокий, конец ножки загнут на внешнюю сторону; фибула из Ятруса имеет вертикальную стойку для оси пружины.

жек. Все они происходят из Ксизово-19, найдены вне комплексов.

6.1. Стойка с надставленной кнопкой (рис. 231: 5) предназначена для соединения по бокам головной пластины концов длинных осей (как правило, двух, реже трех) пружинящего механизма; в ряде случаев эту функцию выполняла пружинная обмотка, переходящая от одной оси на другую. Такая стойка с надставленной кнопкой найдена в культурном слое раскопа 6. Показательно, что эта стойка узкая, что отличает ее от широких Г-образных в сечении стоек многих двупластинчатых фибул эпохи Великого переселения народов.

К наиболее ранним образцам фибул с узкими стойками относятся находки в Закшуве (быв. Сакрау), одном из памятников «княжеского» ранга, опорных для выделения фазы C2 центральневропейской шкалы (Salin, 1935, Abb. 93, 94; Амброз, 1966, рис. 4: 5; Wandalowie, 2004, No 29.2-4, 29.9-10). Есть такие стойки и у ряда застежек черняховского круга традиций, в т.ч. у связанных с ними двупластинчатых фибул, украшенных обкладкой золотым листом и полихромными вставками (например, Salin, 1935, Abb. 16; Амброз, 1966, рис. 4: 14; Diaconu, 1973, Taf. II: 9, 10; вероятно, Taf. II: 8; Засецкая, 1982, рис. 3; 1993, табл. 4: 2; 7: 4, Gavritukhin, 2002, fig. 9: 9, 15, 16; 11: 4; вероятно, fig. 7: 21 и 9: 17). Они датированы не ранее 2-й половины IV в., большинство относится к эпохе Великого переселения народов, в т.ч. к постгуннскому времени. По сравнению с другими регионами, фибулы с такими стойками чаще встречаются и наиболее разнообразны в Керчи.

От перечисленных и других аналогичных им находок, стойка из Ксизово отличается размерами. Ее длина, не считая кнопки, – около 2 см (с учетом утраченного конца), а м.б. и более того. На крупных фибулах узкие стойки встречаются редко. Стойки двупластинчатых фибул из Качина (Кухаренко, 1982, рис. 1; уточнено по оригиналу в Волынском краеведческом музе, г. Луцк, рис.: Gavritukhin, 2002, fig. 10: 13) и Борков (Амброз, 1982, рис. 1: 29) отличаются сложной врезной орнаментацией внешней плоскости стойки. У полихромных двупластинчатых застежек из Нежина (Гавритухин, 2007г, рис. 25: 6), Унтерзибенбрунна (публиковалась многократно; прорисовку этой детали по оригиналу в Природноисторическом музее, г. Вена, см. в: Gavritukhin, 2002, fig. 15: 8) и Мульта (часто фигурирует как Эран; Пиле, 2006, рис. 8) украшение внешней стороны стоек напоминает валики или отсутствует, а сами стойки не имеют кнопок. Узкие стойки с надставленной кнопкой, обтянутые золотой пластиной и украшенные вставками, есть и у больших фибул из Шимлеул Сильваней (не редко употребляется и венгерское название – Силадьшомйо) (Barbarenschmuk .. 1999, S. 208-209, No 68).

Три из упомянутых комплексов с крупными фибулами относятся к «классическим» для фазы D2; с ранней частью этой фазы соотносится клад из Нежина, датированный концом IV – первыми десятилетиями V вв. (Гавритухин, 2007 г, с. 35-37). Фибула из Борков относится к серии Секей, одной из наиболее ранних среди двупластинчатых фибул с накладками у оснований дужки (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 297). Так же, поздней частью фазы D2 или ранней частью фазы D2/D3, т.е. эпохой Аттилы, датируются крупные фибулы из Шимлеул Сильваней (Гавритухин 2007г, с. 35-37). Это определяет дату больших узких стоек с надставленной кнопкой концом IV – серединой V вв. Учитывая, что крупные фибулы этой эпохи индивидуальны, несмотря на отсутствие полных аналогий, указанным комплексам, скорее всего, синхронна и интересующая нас стойка из Ксизово, имеющая прототипы среди образцов, связанных с традиями черняховского круга.

6.2. Стойка, выполненная вместе с зооморфной кнопкой (рис. 231: 3) найдена в культурном слое раскопа 10. У нее сохранились следы двух отверстий, что указывает на функцию. Это – боковая стойка, соединяющая концы двух осей пружинящего механизма. Зооморфные кнопки встречаются у многих двупластинчатых фибул эпохи Великого переселения народов, особенно часто у фибул с накладками у оснований дужки начиная с середины V и до VII вв. Однако, в отличии от рассматриваемой ксизовской, почти во всех случаях стойка у них широкая, Г-образная в сечении. Многие узкие стойки (см. часть 6.1.) отличаются от интересующей нас тем, что имеют кнопки других (более простых) форм, сделанные отдельно от стойки, или отсутствием кнопок.

С учетом сказанного, ближайший известный мне аналог рассматриваемой стойке представлен на одной из пар фибул, найденных в Шимлеул Сильваней. Они имеют боковые стойки интересующей нас схемы и формы и зооморфную кнопку, выполненную в виде головы хищной птицы (Barbarenschmuk … 1999, S. 10, 202,

203, № 50-51). Судя по изображениям (Засецкая, 1982, рис. 7; Гавритухин, 2007г, рис. 25: 1-3; вещи утрачены во время Великой Отечественной войны), им аналогичны стойки фибул из Поршино, но имеющие более схематизированные изображения на кнопках. Обломки фибулы из Койду (Giurescu, 1937), судя по всему, принадлежали аналогичной фибуле. Кнопки, близкие по форме упомянутым находкам из Поршино и Койду, также на узких стойках, но украшенных с внешней стороны вставками, реконструируются для других фибул из Шимлеул Сильваней (Barbarenschmuk … 1999, S. 140, 208-209, № 67).

Большинство исследователей синхронизируют упомянутые находки с центральневропейской фазой D2. По моим наблюдениям (Гавритухин, 2007г, с. 35-37), они принадлежат двум горизонтам: конца IV – первых десятилетий V вв. и около середины V в. Все эти фибулы сделаны из золота или из серебра и обтянуты золотой пластиной, украшены полихромными вставками, т.е. принадлежали людям высокого ранга. Наверное, не низким был ранг и владельца рассматриваемой серебряной позолоченной стойки из Ксизово-19. Судя по схематизированному изображению на кнопке, эта ксизовская фибула в намеченном ряду ее аналогов была не ранней.

6.3. Зооморфная кнопка (рис. 231: 4) найдена к северу от восточной части раскопа 6. Внутри нее сохранился обломок плоского штыря, т.е. она оформляла не конец оси пружины, а вертикальный выступ, не редко украшавший головную (закрывавшую пружину) пластину у двупластинчатых фибул. Зооморфная форма и крупные размеры кнопки свидетельствуют о том, что фибула, которой она принадлежала, относится к эпохе Великого переселения народов.

Для прочности крепления к головной пластине крупные зооморфные кнопки часто делались с пластинкой (довольно широкой или длинной узкой) у основания. Такая кнопка насаживалась на штырь, имевшийся на головной пластине, и дополнительно крепилась к ней заклепками, пропущенными через нее и упомянутую пластинку кнопки (например, Амброз, 1982, рис. 1: 5, 6, 8-10, 16, 17, 19, 25, 42, 43, 47, 51-54; в ряде случаев атрибуцию по изображениям удалось подтвердить при работе с оригиналами).

Фибул с вертикальными зооморфными кнопками, насаживаемых на штырь без дополнительно крепления (как рассматриваемая ксизовская) не много. Они встречены у двупластинчатых полихромных фибул из Шимлеул Сильваней (в т.ч. ранних) и Поршино (Амброз, 1982, рис. 1: 1, 2; Barbarenschmuk .. 1999, S. 202-206, №№ 50-51, 54-55, 58-59; Засецкая, 1982, рис. 7; Гавритухин 2007г, рис. 25:1, 3). Такие кнопки, но более схематично сделанные и серебряные, как рассматриваемая ксизовская, известны у двупластинчатых фибул с накладками у дужки, например, из Перьяма (Hampel, 1905, Bd. III, Taf. 6; уточнено по оригиналу в Венгерском национальном музее, г. Будапешт), керченского склепа 165/1904г. (Амброз, 1982, рис. 1: 40).

Упомянутые полихромные фибулы датированы в рамках конца IV – середины V вв. (см. часть 6.1 и 6.2), а двупластинчатые с накладкам, судя по ранним формам накладок (паяной полихромной и литой) относятся к ранней части фазы D2/D3 (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 297). Скорее всего, интересующая нас кнопка из Ксизово принадлежала двупластинчатой фибуле 2-й четверти или середины V в.

6.4. Крупная грибовидная кнопка (рис. 231: 1) найдена в культурном слое раскопа 6. Судя про размерам (9 × 7 мм), она принадлежала весьма крупной фибуле, что указывает на датировку эпохой Великого переселения народов. Не исключено, что эта кнопка украшала концы оси пружины или дужку близ пружины у прогнутых фибул с подвязным или сплошным приемником. Однако таких фибул очень крупных размеров (едва ли менее 10 см длиной) в Подонье не известно, да и вообще они редки. Крупные двупластинчатые фибулы встречаются много чаще, их детали найдены и в Ксизово-19, в т.ч. в раскопе 6, т.е. неподалеку от рассматриваемой кнопки (см. часть 6.1, 6.3).

Особенно большие двупластинчатые фибулы с грибовидными кнопками близких или даже бóльших, чем интересующий нас ксизовский экземпляр, размеров характерны для фазы D2/D3 центральноевропейской шкалы, в основном для ее ранней части, сопоставимой с эпохой Аттилы (например, Амброз, 1982, рис. 1: 4, 23, 26, 27). Вероятно, этому кругу принадлежит и рассматриваемая ксизовская кнопка. Однако есть редкие примеры фибул меньших размеров с очень крупными кнопками, как у застежек из Нежинского клада (Гавритухин, 2007г, рис. 25: 6).

Скорее всего, рассматриваемая кнопка из Ксизово принадлежала крупной двупластинчатой фибуле 2-й четверти или середины V в. (об их дате см. в частях 6.1-3). Однако нельзя исключить и иную атрибуцию с датировкой в более широких хронологических рамках.

7. Фибулы с выступами на пластинах.

Как особая группа такие фибулы выделены мною в ходе работы по плановой теме 2010-2012 гг. в ИА РАН (см. прим. 4 к главе 9). Они близки застежкам, относящихся к группам пальчатых и двупластинчатых фибул, но явно своеобразны на их фоне. От пальчатых фибул их разделяет отсутствие или скупость рельефной орнаментации, от двупластинчатых – наличие выступов на головной пластине и/или ножке, нередко и усложненная форма пластин, особенности орнаментации. Есть и другие признаки (в основном показательные для подгрупп и серий), позволяющие говорить об особенностях фибул этой группы.

В восточноевропейских материалах эта группа хорошо представлена подгруппами Левице – Токари и Братей – Вышков, образцы которых есть и в Ксизово (см. ниже). Многочисленны в Восточной Европе и находки фибул с кнопками-заклепками на выступах, в т.ч. местных серий (Гавритухин, 2000, с. 285-288; список 3 на с. 311-312; Гавритухин, Казанский, 2006, с. 301-311, список 2 на с. 338). Они не представленны на Дону, хотя существовали и в то же время, что интересующие нас ксизовские памятники. В рамках этой же группы целесообразно рассматривать и более поздние антропо-зооморфные фибулы, хотя на их формирование явно оказали влияние пальчатые фибулы, а эволюция связана с развитием двупластничатых фибул (Амброз, 1993; Родинкова, 2006а; 2006б; Гавритухин, 2010г, с. 524, 526).

7.1. Подгруппа Левице – Токари. В Ксизово найдено 5 экземпляров таких фибул; они рассмотрены в главе 9 данной книги.

7.2. Подгруппа Братей – Вышков. Представлена одной находкой (рис. 231: 6) на раскопе 4 в Ксизово-19. Итог изучения таких фибул на 1990-е гг. рассмотрен мною в работе, где предложено и их довольно дробное подразделение (в т.ч. связываемое с локальными особенностями), а также каталог (Гавритухин, 2000, с. 281-294, 309-311)[28].

В соответствии с этими наблюдениями, интересующая нас застежка из Ксизово по пятиугольной (не считая выступ) форме головной пластины имеет аналогии среди находок понтийской серии блока серий Вышков – Херсонес, а по форме ножки (с тремя, а не пятью выступами) – среде экземпляров блока серий Братей – Бригецио. Сочетание тех и других зафиксировано в Крыму и Западном Причерноморье (Гавритухтн, 2000, рис. 8).

По месту расположения наибольшего расширения на ножке (оно расположено ближе к дужке, но не очень близко от нее), рассматриваемая ксизовская фибула относится к варианту 3 (их нумерация сквозная для всех серий, поскольку серии выделяются по другим признакам). То есть в типологическом ряду эта фибула занимает не раннее место, но и не самое позднее.

Ранние образцы данной подгруппы по центральноевропейской шкале относятся к фазе D2, причем оформление подгруппы приходится на не раннюю часть этой фазы; для фазы D2/D3 такие застежки являются одной из характерных форм, на фазе D3 уже единичны. Эти наблюдения почти 20-летней давности (Гавритухин, 2000)[29] подтверждает и неучтенная тогда находка из Бушберга (часто употребляют название Штайнмандль), одной из опорных для понимания фазы D2/D3. Там представлены три экземпляра фибул блока серий Братей – Бригецио, в т.ч. полуфабрикат и брак, у которых ножка близка рассматриваемой ксизовской находке (Szameit, 1997, Taf. 5: 1-3).

Находки, ставшие доступными за последние годы, позволяют несколько откорректировать и дополнить наблюдения, на которых основан данный текст (такая работа ведется). Тем не менее, выводы, что интересующая нас фибула из Ксизово датируется не ранее середины V в., сделана в Причерноморье или по привезенным оттуда образцам, и сейчас имеют веские основания.

8. Пальчатые фибулы.

На памятниках типа Чертовицкое – Замятино представлены единичными ранними образцами (Гавритухин, 2004б).

Ножка (пластина, закрывающая приемник), найденная на участке 3 сбора подъемного материала в Ксизово-19 (рис. 232: 6), украшена вписанными друг в друга ромбами, что показательно для фибул **типа Гурзуф** по Херберту Кюну. Наиболее ранние образцы этого и ряда других типов пальчатых фибул появились в Среднем Подунавье на фазе D2/D3 центральноевропейской шкалы, там же их развитие прослежено и позднее, причем для ранних серий типа Гурзуф (не име-

[28] В этой статье, особенно в упомянутой ее части, допущен ряд опечаток, возникших, судя по всему, во время конвертации исходного текста при редактировании.

[29] Эта статья – материалы доклада, прочитанного в Лодзи в 1996 г.

ющих боковых выступов на ножке, как и у рассматриваемой находки из Ксизово), по крайней мере, до 1-й трети VI в. (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311). Уже ранние образцы типа Гурзуф получили распространение далеко от центра их формирования, включая Восточную Европу от Верхней Оки и Посеймья до Крыма (например, Гавритухин, 1997, рис. 11-13; Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 12: 24, 29, 30; список 4а на с. 338; Гавритухин, в печати). По крымским находкам прослежено, как этой основе складываются местные серии (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 311-314; там литература).

Судя по плоской рельефной орнаментации, интересующая нас фибула из Ксизово относится к кругу «не стильных» переработок в довольно пестром массиве фибул, объединяемых в тип Гурзуф. К кругу ее прототипов, скорее всего, относятся вариации, выделяемые по наличию длинного рельефного выступа на конце ножки, не имеющей боковых выступов.

Довольно много таких фибул известно в Среднем Подунавье, например, в погр. 3 Дюнапатай–Бодпуста (многократно публиковалась как Бакодпуста; Kiss, 1983, Abb. 7: 1, 2), аналогичные в погр. 18 Хач–Бендекпуста (Bóna, Nagy, 2002, Abb. 59: 5-7), с чуть более коротким выступом в погр. 1311 Виминация–Више гроболя (Ivanisević et alii, 2006, Pl. 35), с несколько более сложно оформленным – в погр. 53 Тольна–Мёж (Tejral, 1997, Abb. 5: 1). Все эти фибулы сравнительно небольшие (длина около 5 см), а более крупные экземпляры, как правило, имеют на конце ножки зооморфный выступ.

Более крупная фибула с ножкой интересующей нас формы происходит из Керчи (Айбабин, 1990, рис. 14: 9; Salin, 1935, Abb. 37). С рассматриваемой ксизовской находкой ее сближает и сглаженная орнаментация на ножке, а сложная профилировка выступа вполне могла быть упрощена при имитациях этого образца. У современных исследователей не вызывает сомнения, что крымские фибулы типа Гурзуф производны от дунайских. Однако мне не известно в Подунавье соответствий рассматриваемой керченской застежки на уровне «узкого» варианта или его несомненного прототипа. С другой стороны, выделяется она и на фоне прочих крымских фибул, образующих стандартные серии, местное производство которых бесспорно (Гавритухин, Казанский, 2006, с 313-314; там литература). Так что пока нельзя однозначно утверждать ни что эта фибула привозная, ни что она – продукт крымских мастерских.

Не проясняется картина и если обратиться к более широкому кругу фибул с длинным рельефным выступом на конце ножки. Следует сразу же отметить, что таковые весьма разнообразны, в ряде случаев интересующий нас выступ имеет аналогии среди выступов («пальцев») на головной (закрывающей пружину) пластине, что еще больше «размывает» круг аналогий. Можно назвать, как минимум, два примера фибул с длинным рельефным выступом на конце ножки, для которых аргументировано восточноевропейское производство. Это особая серия восточноевропейских трехпалых фибул типа Гурзуф, которые имеют боковые выступы на ножке (поэтому выше они не рассматривались) (Гавритухин, Казанский, 2006, список 4г на с. 338), и вариант Херсонес понтийской серии подгруппы Левице – Токари (см. главу 9 данной книги). Возможно, не случайно, что достоверные находки тех и других концентрируются в Херсонесе. Число же примеров с более западных территорий – труднообозримо.

Итак, рассматриваемая фибула из Ксизово является имитацией образцов типа Гурзуф, восходящих к дунайским прототипам середины V в. Однако где она была сделана – сказать трудно. Дата по аналогиям с учетом суммы признаков – около 2-й половины V – 1-й трети VI вв.

9. Единичные формы.

Две фибулы из Ксизово-19 трудно отнести к выделяемым исследователями группам. Обе они найдены вне комплексов. Одна из них явно относится к гибридным формам, т.е. застежкам, совмещающим признаки фибул нескольких групп, причем эти признаки настолько значимы, что однозначно дать предпочтение атрибуции в сторону одной из групп затруднительно. В тоже время, фибул, называемых «гибридные», не столь много, чтобы говорить об особой группе.

9.1. Трехпалая с гладкой ножкой (рис. 232: 1) найдена в культурном слое раскопа 6. Ножка этой фибулы имеет многочисленные аналогии среди двупластинчатых фибул и фибул с ромбической ножкой без пластины у пружины, особенно серии Киев – Тайманово (ряд примеров см. в: Gavritukhin, 2002; Гавритухин, 2007а, рис. 11; с. 20-22). Выразительная серия фибул с такой же и близкой по форме ножкой, но головной пластиной с пятью пальцами, выделена мною в серию Мощенка. Эта гибридная серия, образцы которой отличаются от рассматриваемой ксизовской находки по пятипалой головной пластине, распространена от Северного Причерноморья до

Нижнего Подесенья и датирована 2-й половиной V в. (Гавритухин, 2004в, с. 214; 2007в, с.30; Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 22: 32-34; Гавритухин, в печати).

Головная пластина рассматриваемой ксизовской фибулы имеет прогнутые бока. Аналогии этому признаку представлены у застежек среднедунайской серии блока серий Вышков – Херсонес, ряда образцов фибул с кнопками-заклепками, относящихся к группе фибул с выступами на пластинах (см. о них часть 7), и некоторых близких им по форме (Гавритухин, 2000, рис. 6: 42, 43, 54, 55; 7: 1, 3, 4, 8, 15, 16; Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 8: 28, 29; 9: 3, 4; 10: 12, 14). Их ареал охватывает Среднее Подунавье и Северное Причерноморье (с этой зоной связана и покупка в Майкопе); дата – V в., не исключая 1-й трети VI в. Правда, на головной пластине они имеют выступы или кнопки, отличающиеся по форме, а часто и по технике исполнения, от интересующего нас ксизовского экземпляра.

Схожие, нередко более причудливые формы головных пластин встречаются у фибул с узкой ножкой и их аналогов, отнесенных Хербертом Кюном к типу Алькофен (No 54), Александром Кохом к группе форм Нидер-Флорштадт/Вислох (No I.1.2) и ее аналогам, Ярославом Тейралом к типу Гроссумштат – Нидер-Флорштадт. Они представлены в Среднем Подунавье (и одна на Северо-Западе Балкан), но в подавляющем большинстве известны западнее, датируются около середины V в. или чуть шире (Kühn, 1974; Koch, 1998, Tejral, 1997, S. 350, Abb. 28: 1-7).

Этому кругу близок и экземпляр из Белградской покупки 1911 г. (Tejral, 1997, Abb. 23: 13; Dmitriević et alii, 1962, s. 117), важной для нас в двух аспектах. Во-первых, у упомянутого экземпляра гладкую головную пластину подтреугольной формы окаймляют три рельефные выступы-кнопки, т.е. из всех перечисленных выше примеров он ближе всего рассматриваемой ксизовской фибуле. Во-вторых, из этой же покупки (по словам продавца, разрушенного погребения) происходит рельефно украшенная фибула, один из ближайших аналогов-прототипов находке из Замятино-5 в Верхнем Подонье, недалеко от Ксизово (Гавритухин, 2004б).

В отношении упомянутой замятинской фибулы была отмечена связь некоторых ее признаков с вкусами мастеров Северо-Восточного Причерноморья (Гавритухин, 2004б, с. 94). В этом регионе известна и застежка с гладкой головной пластиной, тремя рельефными кнопками и гладкой ромбической ножкой (Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 22: 35), т.е. по ряду признаков близкая интересующему нас ксизовскому экземпляру. Отличает этот (еще один гибридный) образец полукруглая форма головной пластины и выступ на конце ножки, имеющий аналоги на ранней пальчатой фибуле типа Гурзуф из Курска (Гавритухин, 1997, рис. 11; Гавритухин, в печати).

Изучение гибридных фибул Восточной Европы находится на начальной стадии. Хотя рассматриваемая находка из Ксизово в отличии, например, от серии Мощёнка, пока единична, ее отнесение к этому кругу представляется очевидным. Прототипы ее головной пластине находятся в Среднем Подунавье или еще западнее. Аналогии ножке наиболее многочисленны (и близки им в деталях) среди находок на юге Восточной Европы. Среди них и застежки серии Мощенка. Скорее всего, с зоной инноваций между Северо-Восточным Причерноморьем и полосой от Среднего Поднепровья до Верхнего Подонья, представленной серией Мощенка и другими фибулами 2-й половины V в., связан и интересующий нас ксизовский экземпляр. Не только он, но и ряд других застежек, позволяют включать Верхнее Подонье в эту инновационную зону (см., часть 11.2, о группе 3).

9.2. С двумя сложно профилированными пластинами (рис. 231: 7) найдена при сборах на участке 2. Близких аналогий этой фибуле мне найти не удалось. Аналогии деталям или единичны и не точны, или распространены очень широко, что не позволяет очертить зону, с которой связаны прототипы рассматриваемой вещи. Ножка, расширенная ближе к дужке известна у некоторых фибул начиная с Аттиловской эпохи (например, Tejral, 1997, Abb. 20: 2; 28: 5; Koch, 1998, Formengruppe II.1), а встречается и много позднее – до VII в. (например, Гавритухин, 2010г, рис. 1; 2: 1-4, 7, 8; 4: 1-5; 5: 1, 4, 7, 8; 6; 8: 24, 32, 33-37, 39).

10. Фрагменты фибул, типологическое определение по которым не однозначно.

10.1. Пружинящий механизм и часть дужки (рис. 230: 10) найден в культурном слое раскопа 6 Ксизово-19. Этот фрагмент, если ограничится ксизовскими находками, наиболее близок «черняховским» двучленным прогнутым подвязным фибулам (см. часть 4.1). Однако, не исключено, что эта фибула имела сплошной приемник, чему есть многочисленные черняховские (и не только) аналогии. Возможно, что после расчистки окислившихся фрагментов органического веще-

ства окажется, что ось ее пружины крепилась к корпусу широким кольцом. Такие фибулы есть в Ксизово (части 4.2, 5.1), хотя дужки у них, как правило, шире. Но ведь данная фибула не обязательно должна быть похожа на экземпляры, уже представленные среди рассмотренных находок. С учетом этого (например, ножка может быть расширенна к концу, быть ромбической и т.д.) спектр возможных аналогий еще более обширен.

10.2. Пружинящий механизм и стойка для его крепления (рис. 233: 4) найден культурном слое раскопа 4 Ксизово-19. Показательна стойка; она согнута в форме буквы «Т» из тонкой пластинки и припаивалась, приклеивалась или иначе крепилась к корпусу фибулы, который был изготовлен отдельно[30]. Такая система крепления стойки пружинящего механизма и аналогично изготовленного приемника полностью оправдана для двупластинчатых фибул, сделанных из тонких пластин, или для ряда брошей, нередко собранных на пластине и украшенных вставками. Те и другие весьма многочисленны на Северном Кавказе (особенно в центральных районах) начиная с V в. (например, Мастыкова, 2009, типы, представленные на рис. 1, 5-8, 31-36)[31].

10.3. Обмотка пружины на оси с кнопками на концах (230: 9) найдена в культурном слое раскопа 7 в Ксизово-19. Она может относиться к фибулам, упомянутым в части 10.1, а говоря строго, можно утверждать лишь то, что эта застежка была двучленной.

11. Общие замечания.

11.1. Хронологические реперы. Из всех ксизовских фибул лишь одна найдена в выразительном для датировки комплексе – двучленная прогнутая подвязная, с корпусом, таким же, как у фибул черняховского круга, но широким кольцом для оси пружины (часть 4.2.2) – в погр. 2 Ксизово-17Б (рис. 91: 2). Дата в рамках 380/400 – около 450 гг. определяется по пряжке, аналоги которой есть в комплексах, синхронных центральноевропейской фазе D2 (см. главу 4 данной книги). По зеркалу и сосуду эта дата не уточняется. Исходя из сопоставления гребня с продукцией косторезной мастерской в Замятно-8, Андрей Михайлович Обломский датировал рассматриваемое погребение «около 2-й трети – середины V в.» (глава 4; Обломский, 2004а, с. 144-146).

В пользу хронологической близости косторезной мастерской в Замятнино-8 и погр. 2 в Ксизово-17Б свидетельствует и происходящие из них фибулы (часть 4.2.2). Как было отмечено, к этому же кругу относится фибула из погр. 43/1985г. в Танаисе, где найдена и фибула с ножкой, близкой ромбической (Арсеньева и др., 2001, табл. 26: 355), поздних вариаций серии Киев – Тайманово (о них см.: Гавритухин, 2007а, с. 21). Фибула серии Киев – Тайманово в погр. 4 черняховского могильника на Старокиевской горе найдена вместе с однослойным миниатюрным гребнем-подвеской (Петраускас, Шишкин, 2010, рис. 5: 4), ближайшим аналогом экземпляра из погр. 2 в Ксизово-17Б, отличающимся лишь отсутствием врезок в плечики и наличием скупого орнамента. Как мы видим, ряд аналогий замкнулся, что позволяет говорить о круге комплексов, близких по времени.

В пользу его датировки ранней частью гуннской эпохи свидетельствует то, что все упомянутые вещи связаны с черняховской традицией. Причем и маленькие, и однослойные, и подвесные (и комбинирующие эти признаки) гребни типа III по С. Томас не единично представлены на черняховских памятниках (Терпиловский, Петраускас, 2005, с. 66-67), как и фибулы с ромбической ножкой (Гавритухин, 2007а, с. 20-22). Для датировки финала черняховской культуры показательно наличие вещей, синхронизируемых с центральноевропейской фазой D2, при отсутствии индикаторов фазы D2/D3. Это и позволяет соотносить финал многих позднечерняховских памятников с уходом значительных масс людей в ополчение Радагайса незадолго перед 406 г., не исключая для некоторых памятников время мобилизации сил на Дунае с 430-х гг. для нового натиска как на Восточную, так и Западную части Римской империи (Гавритухин, 2000; 2004б, с. 91-92; 2007а, с. 24, Казанский, 2011).

Более поздняя дата, предлагаемая А.М. Обломским, основана на хронологии «крапчатых» бус по А.В. Мастыковой. В недавней работе погребение из Мухино-2 (недалеко от Ксизово и Замятино), где есть аналогичные бусы, Анна

[30] У одного из наиболее ранних образцов (из Березовского могильника в Кисловодской котловине; в рамках 1-й половины – середины V в.) пластинка с пружинящим механизмом крепилась к корпусу двупластинчатой фибулы еще и заклепками (Савенко, 2014, рис. 5: 21; характеристики находок уточнены по оригиналам в Кисловодском историко-краеведческом музее; благодарю за помощь в работе Сергея Николаевича Савенко), но такое я встречал редко.

[31] Указаны лишь типы, для которых такая конструкция наиболее характерна. Встречается она и у фибул других типов. Часто в публикациях эти детали даны невнятно, или, если они сохранились отдельно, их не сопоставляют с корпусом фибул, к которым они относились.

Владимировна датировала около 430-450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014). Дата получена исходя из сочетания вещей, характерных для древностей, синхронизируемых с центральноевропейской фазой D2 (и более раннего времени), и тех, что появляются на фазе D2/D3 (в данном случае – как раз «крапчатые» бусы). Выделение горизонтов комплексов, датируемых на «стыках фаз», представляется мне вполне оправданным и продуктивным, как в принципе, так и в данном случае.

В пользу не самой ранней даты свидетельствует и наличие в погр. 43/1985г. из Танаиса крупного зеркала (Арсеньева и др., 2001, табл. 26: 354). Судя по материалам Северного Кавказа, такие зеркала появляются в гуннское время, но не в самом его начале[32]. Этому наблюдению не противоречат известные мне материалы с других территорий. Верхняя дата рассматриваемого комплекса ограничена временем существования некрополя Танаиса гуннского времени – 440-ми или началом 460-х гг., что является важным хронологическим репером для Подонья в целом, да и других регионов (см. главу 9).

Таким образом, для очерченного круга мы имеем 2 комплекса, датированных 430-450-ми гг. (элитное погребение в Мухино-2, финал мастерской гребенщика в Замятино-8)[33]. К нему же относятся некоторые комплексы финала черняховской культуры (погр. 4 на Старокиевской горе), которые пока нет оснований датировать позднее 1-й трети V в. Погр. 43/1985 г. из Танаиса позднее упомянутого старокиевского комплекса, судя по фибуле с ромбической ножкой, явно производной от «стильных» образцов, и крупному зеркалу. Погр. 2 в Ксизово-17Б может быть синхронизировано с упомянутыми донскими комплексами, но нельзя исключить и его одновременность позднечерняховским.

Еще один хронологический репер дает наблюдение над соотношением фибул днепровско-донской лесостепной зоны и Крыма. Некоторое время после битвы на Недао (произошла между 453 и 456 гг.) они развивались взаимосвязано, а потом – сепаратно; перерыв связей, судя по всему, произошел в последние десятилетия или в конце V в. и объясним изменениями в степной зоне[34], связывавшей эти регионы (см. главу 9 данной книги; Гавритухин, 2007в). Учитывая, что позднейшие фибулы на памятниках типа Чертовицкое – Замятнино относятся к горизонту «пост-Недао», с этими изменениями в степи логично соотнести и гибель интересующих нас верхнедонских памятников. Это дает и верхнюю хронологическую границу для найденных на них фибулах, даже если их аналогии на других территориях существовали и позднее.

Новый период взаимосвязей культур Крыма и упомянутой лесостепной зоны, судя по фибулам, наступил ок. середины – 2-й половины VI в., причем связи с Крымом фиксируются в Поднепровье, но не на Верхнем Дону (Гавритухин; 1997; 2011а, рис. 9; Гавритухин, Казанский, 2006, рис. 27). Памятники это времени в Верхнем Подонье, не выделены, возможно, этот регион был практически не заселен. В Нижнем Подонье они есть, но связаны с новым населением, не носившем фибулы (например, Безуглов, Ильюков, 2007).

11.2. Культурно-хронологические группы фибул. Данные о ксизовских фибулах, опираясь на их анализ в частях 2–10 этой главы, резюмированы в приведенной в ее конце таблице 1. Фибулы распределены в таблице в хронологическом порядке, а в конец помещены находки, дата которых покрывает все время существования памятников типа Чертовицкое – Замятнино. Рассмотрим эти фибулы по получившимся группам.

Группа 1 объединяет 4 верхние линии ячеек в таблице 1. Отнесение части этих фибул к памятникам типа Чертовицкое – Замятнино может быть поставлено под сомнение, но вполне вероятна и их принадлежность этому кругу древностей. Все они имеет прототипы в черняховской и киевской культурах. Именно с населением, переселившимся из этих зон, связано формирование «костяка» памятников типа Чертовицкое – Замятнино (см. главу 15 данной книги; Обломский, 2004д, с. 156, группы 1 и 2).

Киевские традиции на Верхнем Дону А.М. Обломский соотносит, скорее всего, с переселением носителей сейминско-донецкого вари-

[32] Работа по разделению комплексов гуннского времени центральной части Северного Кавказа (территория от Северной Осетии до Карачаево-Черкесии) проделана мной и Владимиром Юрьевичем Малашевым и готовится к печати.

[33] По наблюдениям А.М. Обломского мастерская гребенщика в Замятино-8 существовала сравнительно недолго. Но вот 10 или 40 лет – сказать нельзя.

[34] Письменные источники для этого времени очень скудны, поэтому назвать конкретные войны или миграции трудно. Возможные реконструкции далеко выходят за рамки данной работы.

анта киевской культуры. С ними контактировали люди, жившие на востоке ареала черняховской культуры. Вполне вероятно, что черняховские элементы на Верхней Дон принесены из этого, географически ближайшего черняховского региона. Наблюдения над фибулами позволяют поставить вопрос и об еще одном вероятном источнике черняховского импульса.

Основной ареал фибул линий № 1 (если принять позднечерняховскую атрибуцию этой находки) и № 3 связаны с юго-западными группами черняховской культуры (не исключено, что и № 5, см. о группе 1/2). Вероятно, это не случайно. Аналогии элементам домостроительства в Танаисе на Нижнем Дону имеются, по наблюдениям А.М. Обломского (2009б), в областях черняховской культуры, тяготеющих к Северо-Западному Причерноморью. Не ранние двупластинчатые фибулы, представленные в Среднем Поочье, аналогичны черняховским находкам, концентрирующимся в Днестро-дунайской зоне (Gavritukhin, 2002, maps 3, 5). Особая значимость этой зоны черняховской культуры в раннегунское время фиксируется и наблюдениями над стеклянными сосудами (Gavritukhin, 2011; Gavritukhin, in print).

Каков был механизм распространения влияния из этой черняховской зоны – сказать трудно. В отношении Нижнего Подонья вероятна довольно массовая миграция. Для Верхнего Подонья не исключены как миграция оттуда, так и «трек», опосредованный Танаисом, или переселение/влияние с Нижнего Дона. Упомянутые двупластинчатые фибулы могли попасть в Поочье как по Дону, так и по традиционным путям, связывающим Оку с черняховской культурой в IV в. (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 34-35). Правда, таких фибул у тех и других гипотетических посредников пока не найдено, так что можно ставить вопрос о компактной дальней миграции черняховской группы на Среднюю Оку или участии окских отрядов в походах до Дуная.

Группа 1/2 условно объединяет фибулы линий № 5 и № 6 по таблице 1. Вероятна как их синхронность группе 1, так более поздняя датировка в рамках 1-й половины V в.

Окские фибулы с кнопкой (линия № 6), как было отмечено (часть 3.2.), отражают присутствие окского (в данном случае – мощинского) населения на Верхнем Дону (см. главы 1 и 15 данной книги; Обломский, 2004д, с. 156, группа 3). Трудно сказать, синхронен ли этот приток населения киевскому и черняховскому или он инспирирован связями (военными походами?), опиравшимися на уже начавший формироваться верхнедонской центр.

Синтез черняховских и явно иных традиций фиксируется фибулами линии № 5. Не исключено нижнедунайское происхождение этих фибул (подробнее см. часть 4.2.). В этом случае они вписываются в контекст юго-западного импульса, отмеченного выше при рассмотрении группы 1. Но более вероятным представляется их связь с донской зоной совмещения традиций черняховской культуры и традиций юго-восточных регионов Восточной Европы.

Находки, для которых, по крайней мере, прототипы соотносимы с черняховской культурой, известны много восточнее ее ареала даже если судить по фибулам. Они встречаются до Волго-уральского региона, Восточного Приаралья, Кавказа (Gavritukhin, 2002, maps 3-6; Левина, 1996, рис. 140: 11; вероятно, 139: 5, 6). Однако восточная зона непосредственного присутствия заметных групп «черняховцев», документированная не единичными находками нескольких категорий, включая керамику, проходит по Подонью и Северо-Восточному Причерноморью. В этой полосе памятников очевиден и синтез черняховских традиций с традициями юго-восточных регионов Восточной Европы, включая Кавказ[35].

Как было отмечено, финал черняховской культуры датируется не позднее 1-й трети V в. (часть 11.1), но анклавы этих традиций сохранялись и в новом контексте. Это фиксируют не только отдельные могильники и направления традиционных связей в ее зоне (Гавритухин, 2004в; 2007в; в печати). Черняховская круговая посуда известна на ранних колочинских и пеньковских памятниках, что является одним из оснований их датировки около 2-й четверти V в. (Обломский, 2002, с. 69-79; Терпиловский, 2004а, с. 59-66). На Дону такая посуда употреблялась в гуннское время (Обломский, 2007), возможно, включая 2-ю четверть V в. Сохранение на Острой луке Дона косторезных черняховских традиций несомненно, по крайней мере, до 2-й четверти V в. (например, в Замятино-8), что соотносимо с кругом черняховско-донских комплексов, рассматривавшихся в части 11.1.

---

[35] Реконструкции некоторыми коллегами походов военизированных отрядов из черняховского ареала в Прикамье или массовая миграция из Поднестровья на Среднюю Волгу явно недостаточно аргументированы.

Группа 2 включает линии №№ 7-11 по таблице 1. Эти фибулы по дате и кругу аналогий соотносятся с эпохой, начавшейся в конце IV – первых десятилетиях V вв., когда центры Гуннской державы в основном смещаются к Дунаю, а во 2-й четверти там оформляется и начинает доминировать над другими ее главный центр. Объединяет эти фибулы и то, что они связаны с традициями, весьма далекими от Дона и соседних регионов.

Четыре находки (линии 7-10) происходят из компактного участка, включающего раскоп 6 и расположенный неподалеку раскоп 10 Кизово-19 (рис. 117). Они соотносятся со стилями, сложившимися в Подунавье в результате синтеза разных традиций в новых центрах активности гуннов и подчиненных им народов. Оттуда новые «веяния» распространялись и в восточноевропейские «тылы» гуннского «мира». Механизм мог быть разным: сложившиеся в ходе миграций связи Подонья с днестро-дунайским регионом (см. выше о фибулах группы 1), участие верхнедонских отрядов в военных действиях на западе, связи гуннских и различных «окологунских» элит и др., тем более, что одно не исключает другого.

С такой элитарной группой, жившей в Ксизово-19 и имевшей связи с Подунавьем, соотносимы и рассматриваемые находки (часть из них, наверное, относится к могильнику; см. главу 6 данной книги). В этом же контексте попали на Верхний Дон и «крапчатые» бусы, найденные в Ксизово-19, элитарном погребении из Мухино-2, на усадьбе гребенщика в Замятнино-8[36]. Формирование памятников типа Чертовицкое – Замятино из разнородных элементов практически все нынешние исследователи связывают с политической силой, каковой была одна из групп кочевников, связанных с гуннами (вероятно, акациры) (см. главу 15 данной книги). Не менее очевидно и то, что люди, перемещенные на Верхний Дон, имели собственные элиты, продолжавшие свои традиции но, как мы видим, чутко реагирующие на «столичные веяния».

Фибулы со сплошным приемником, сужающимся к ножке корпусом и кольцом для оси пружины, загнутым внутрь корпуса (линия 11), имеют ближайшие аналогии на Средней Эльбе, где традиция изготовления застежек такой же схемы и облика существовала и в IV в. Эта или близкая традиция фиксируются довольно разнородными и сравнительно немногочисленными находкам в Потисье и Южном Подунавье. На Дону она представлена своеобразной, судя по всему, местной серией фибул (см. часть 5.2).

Прямых связей Подонья и бассейном Средней Эльбы по другим категориями находок не отмечено (впрочем, такое специальное систематическое исследование никто не делал). Пока для объяснения этого феномена наиболее реальной представляется такая модель. Среднеэльбские группировки в какой-то форме (например, договор) были вовлечены в орбиту Гуннской державы. В итоге, помимо воинских контингентов (вероятно, в их составе) на Дунае появились и ремесленники, часть которых, как и воинов, осталась в местах, куда стекались богатства. Такая группа в рамках прозрачного «мира» Гуннской державы (см. о нем в главе 9 данной книги) могла попасть и на Дон. Пришлые ремесленники начали делать на новых для них землях фибулы, по какой-то причине (высокий статус прибывших[37], эффективность работы новой мастерской или др.) ставшие востребованные местным населением. Возможно, часть таких фибул по новым образцам делали уже местные мастера.

Следует отметить, что на Верхнем Дону таких фибул довольно много, а на Нижнем – это единичные разнородные находки (см. в части 5.2). Вероятно, их производство началось незадолго до прекращения существования в Танаисе центра гуннского времени. В таком случае

[36] Неоднократно отмечалось особое отношение к гребням в германских культурах (вплоть до «длинноволосых» королей). Мастер, обслуживающий эту традицию, поскольку она имела возможность культивироваться, вполне мог иметь не низкий статус.

[37] В качестве примера вспомним фибулы подгруппы Левице – Токари (см. главу 9 данной книги). Они сформировались в свевско-герульской среде, в основном на территории юго-западной части Словакии, но распространились по всей Гуннской державе. Объяснение высокого статуса этих группировок (что и обусловило «популярность» фибул) можно найти в том, что на этих памятниках многочисленны гуннско-кочевнические черты – монголоидные черепа, конское снаряжение и др. (см., например, Ruttkay, 2009). Вероятно, на этих германских поселениях группа гуннов имела зимники или базы. Т.е. статус определила «физическая» близость к гуннской верхушке. Особый (приближенный к главе державы) статус мог иметь и отряд, приглашенный со Средней Эльбы. Кстати, влияние с северных территорий, не контролировавшихся гуннами (включая Эльбу), прослеживается и в формировании фибул подгруппы Левице – Токари (Gavritukhin, 2013, p. 114-117).

можно предположить, что этот отряд выходцев с Эльбы входил в корпус Эллака, посланного Аттилой на восток для подавления сепаратистских тенденций (см. об этом в главе 9 данной книги). Некоторое время этот отряд находился в Танаисе. После крушения Гуннской державы его возвращение домой стало невозможным, а после того, как центр в Танаисе прекратил существование, эти люди могли уйти на Верхней Дон, где мощный центр власти сохранялся еще не одно десятилетие.

Группа 2/3 включает линии №№ 12-16 по таблице 1. Датировка этих фибул не исключает эпоху Аттилы (440-е – начало 450-х гг.), но вполне вероятно, что они появились и после крушения возглавляемой им державы.

Область происхождения этих форм (в тех случаях, когда ее удалось установить, линии №№ 12-15) – Среднее Подунавье, где была ставка Аттилы и центр Гуннской державы. Однако детальный анализ показал, что вариации рассматриваемых фибул, представленные в Ксизово, связаны напрямую не с этим центром, а с южной и восточной перифериями Гуннской державы. Несомненно, что военно-политическое образование под эгидой гуннов было гетерогенным, причем, кроме властной «вертикали», скреплялось и «горизонтальными» связями ее отдельных частей. При распространении «моды» на огромных просторах неизбежно возникают локальные особенности; сходство вариаций вещей и отражает пучки избирательных «горизонтальных» связей.

Эти связи определяли и группировку сил в битве на Недао. Сохранялись они и после того, как на Недао произошел крах Гуннской державы. Судя по фибулам, у верхнедонской группировки в эпоху Атиллы и после Недао важными были связи с группировками в днепро-донской лесостепной зоне и в Причерноморье. Уникальная фибула (линия № 16), хотя многие аспекты ее атрибуции не ясны, вполне может вписываться в этот контекст (см. также характеристику группы 3).

Возможно, не случайно, что все фибулы рассматриваемой группы найдены в Ксизово-19. Это – еще одно свидетельство значимости этого поселения в структуре группировки, оставившей памятники типа Чертовицкое – Замятино.

Группа 3 включает линии №№ 17-20 по таблице 1. Эти фибулы появились в 3-й четверти V в., т.е. уже после Недао, и бытовали до того, как на поселениях, относимых нами к типу Чертовицкое – Замятино, прекратилась жизнь. Эти находки и их аналоги образуют два выразительных ареала (они не сплошные: исключают степь, где жили кочевники, не носившие фибул) и зону их пересечения в Днепро-донской лесостепи.

Первый ареал представлен двумя фибулами дунайско-донской серии, найденными в Кизово-19 (линия № 17). О значении этого поселения уже не раз говорилось даже в связи с анализом фибул. Простирается этот ареал от Нижнего Подунавья и Северо-Западного Причерноморья до Восточного Прикарпатья и лесостепной зоны, тянущейся на восток до Верхнего Подонья. Это соответствует восточному «осколку» Гуннской державы, просуществовавшему некоторое время и после того, как Аттила умер, а на Недао была окончательно сломана ее «властная вертикаль» (подробнее см. в главе 9 данной книги).

Второй ареал представлен в Ксизово не на одном памятнике (линии №№ 18-19) и охватывает Крым, Северо-Восточного Причерноморье, Днепро-донскую лесостепь. Избирательные связи этих регионов прослеживаются для эпохи Аттилы (см. о группе 2/3), а возникли, наверное, раньше. В 3-й четверти V в. здесь сложился и распространился ряд новых и характерных только для данного ареала форм фибул. С этой зоной творческой активности связан и ряд фибул, отнесенных к группе 2/3. Причем если около середины V в. источник инноваций, скорее всего, был на юге (линии № 12 и № 13), то для 3-й четверти V в. есть основания говорить о приоритете северных центров (линия № 18, вероятно, № 15), включая Верхнее Подонье (возможно, именно Ксизово). Для некоторых фибул этой зоны творчества (например, линия № 14) вопрос о породивших их центрах открыт до новых находок и исследований.

В контекст инноваций, связанных с той зоной, вписываются и фибулы, прототипы и ближайшие аналоги которых не ясны (линии № 20 и № 16). С верхнедонским центром связано и появление фибул, дата которых не понятна (группа 5, линия № 25); вполне вероятно, что они – тоже продукт рассматриваемой зоны творческой активности в 3-й четверти V в. Судьба центров этой зоны была разной. Верхнедонские вскоре прекратили существование вместе с поселениями типа Чертовицкое – Замятино, среднеднепровские и черноморские некоторое время стали развиваться отдельно (см. часть 11.1).

Группа 4 включает линии №№ 21-24 по таблице 1. Датировка этих фибул шире, чем памят-

ников типа Чертовицкое – Замятино, а объединят их то, что все они имеют аналогии на Северном Кавказе, хотя некоторые и не только там.

Прогнутые подвязные фибулы с плоской расширенной от ножки дужкой и широким кольцом для крепления оси пружины (линия № 21) распространены весьма широко по юго-восточной части Восточной Европы, включая ряд регионов Кавказа. Они явно взаимосвязаны, но центр, где они сформировались, на уровне современных исследований не ясен. Такие находки из Ксизово могут отражать контакты с любой из частей этой зоны, как между памятниками Подонья (их связь не вызывает сомнений), так их или только Верхнего Подонья с Крымом и Северо-Восточным Причерноморьем (см. линии №№ 3, 12-15, 18-20), рядом регионов Кавказа, где отмечена серия соответствий интересующим нас ксизовсим фибулам (часть 4.2.1.2) в деталях оформления (см. также ниже).

В целом схожий основной ареал имеют фибулы той же схемы пружинящего механизма, но с округлой или полукруглой в сечении дужкой и сплошным приемником (линия № 22). Учитывая основную область концентрации в центральных районах Кавказа схожих фибул, но с иначе оформленной ножкой (см. часть 5.1.), предпочтительнее связывать происхождение рассматриваемых застежек с кавказскими регионами (судя по двупластинчатым фибулам и другим вещам, оттуда происходят и принадлежащие этой серии застежки из Бирска в Приуралье). Однако единичная вещь (как в Ксизово) могла иметь «трек», который реконструируется гадательно.

Происхождение прогнутых подвязные фибул с расширенной от ножки дужкой, имеющей вертикальный валик, и широким кольцом для крепления оси пружины (линия № 23) более определенно можно связать с центральными районами Северного Кавказа, вероятно, с территорией Северной Осетии.

Этот регион входил в зону ранней аланской культуры Северного Кавказа, где во 2-й половине II – IV вв. существовали мощные центры городского уровня, продукция которых достигала Южного Приуралья и Нижнего Подонья (Малашев, 2014). Оттуда же пришли на Нижний Дон аланы-танаиты (Безуглов, 1990). Упомянутые центры, судя по богатым погребениям (например, Габуев, 2014), не стали глухой периферией и в гуннское время. К сожалению, их активность в сфере производства деталей убора и ряд других аспектов истории (включая финал этих центров) не изучены. Поэтому связь появления новых типов фибул с ними или продолжателями их некоторых традиций пока может быть лишь гипотезой. Ее конкретизация и проверка – дело будущего.

Как аргумент в пользу этой гипотезы отметим и то, что стойки для крепления пружинящего механизма, аналогичные найденной в Ксизово-19 (линия № 24), часто встречаются у брошей и двупластинчатых фибул именно Северного Кавказа (см. часть 10.2).

Группа 5 включает линию № 25 по таблице 1. Эти фибулы представлены на Острой Луке Дона пятью экземплярами (см. часть 4.2.3). Прямых аналогов им нет; к сожалению, все находки сделаны вне комплексов. В пользу датировки этих застежек около 3-й четверти V в. свидетельствует отсутствие таких вещей в Танаисе и то, что на это время приходится фиксируемая фибулами активность ряда центров в зоне Днепро-донской лесостепи (см. о группе 3). Впрочем, эти аргументы косвенные и весьма зыбкие для датировки. Следует отметить, что рассматриваемые фибулы найдены на памятниках, где отмечены элитные погребения (Ксизово-19 и Мухино-2). Возможно, это не случайно, и интересующие нас фибулы указывали на приближенность носивших их людей этому кругу.

Группа 6 включает линию № 26 по таблице 1. Как было отмечено (часть 2.2.), находка таких фибул в Ксизово в погребении дало пока уникальные данные к изучению всего круга булавок и значков, в оформлении которых использовано изображение цикад. К сожалению, невозможно сказать, к какому времени относятся фиксируемые рассматриваемыми вещами прямые связи Верхнего Подонья со Среднем Подунавьем. Наиболее вероятной представляется эпоха могущества Гуннской державы (см. о группах 2 и 2/3).

Группа 7 включает линию № 27 по таблице 1. На фоне данных, полученных при анализе других фибул, эти две находки малоинформативны.

Таблица 1. Резюме данных о рассмотренных фибулах из Ксизово.

№	Характеристика, таксон (№ части в тексте)	Рис. образца 1/3 н.в.	Дата	Основной ареал	Поселение, участок, комплекс в Ксизово
1	Двучленные прогнутые подвязные с узкой стойкой для оси пружины, вариант 1 (4.1.1)		В осн. III – сер. IV вв. Единично до кон. IV – нач. V вв.	Черняховская и киевская культурыры и западнее. В осн. ЮЗ черняховской к-ры	**19А**
2	Ажурные круга восточноевропейских выемчатых эмалей, 3-я стадия развития стиля (3.1)		III – нач. (1-я пол.?) V вв.	Ср. Поднепровье, зоны влияния, связанные с киевской культурой	**19**, вост. часть
3	Двучленные прогнутые подвязные с узкой стойкой для оси пружины, южный вариант (4.1.2)		IV – нач. V вв.	ЮЗ черняховской культуры, Крым, единично Дон	**19**, уч. 4
4	Двучленные прогнутые подвязные с узкой стойкой для оси пружины, вариант 4 (поздние формы варианта 3?) (4.1.3)		Кон. (сер.) IV – первые десятилетия (нач.) V вв.	Черняховская культура, зоны ее влияния	**17А**
5	Двучленные прогнутые подвязные с кольцом для оси пружины наружу, с корпусом как черняховские вариант 3 (4.2.2)		2 пол. (не ранее 2 четв.) IV – 1 пол. (сер.?) V вв.	Дон, Ниж. Дунай	**17Б**, погр. 2; **19**, р. 7
6	Окские с кнопкой, серия 2 (3.2)		Кон. IV – сер. V вв.	Верх. Поочье	**8** (2 экз.)
7	Двупластинчатые, крупные, с узкой стойкой для концов осей пружины и простой вертик. кнопкой (6.1)	1/2 н.в.	Кон. IV – сер. V вв.	Зона влияния Гуннской державы; прототипы – зона черняховской культуры и ее влияний, Крым	**19**, р. 6
8	Двупластинчатые крупные, с зооморфным вертикальным выступом без пластинки (6.3)	1/2 н.в.	Кон. IV – сер. V вв.	Ср. Подунавье, зона влияния Гуннской державы	**19**, р. 6
9	особенно крупные, с грибовидной кнопкой (6.4)	1/2 н.в.	Кон. IV (2 четв. V?) – сер. V вв.	Ср. Подунавье, зона влияния Гуннской державы	**19**, р. 6
10	Двупластинчатые, крупные, с узкой стойкой для концов осей пружины и боковым зооморфным выступом (6.2)	1/2 н.в.	Кон. IV (2 четв. V?) – сер. V вв.	Ср. Подунавье, зона влияния Гуннской державы	**19**, р. 10

11	Прогнутые со сплошным приемником и кольцом для оси пружины внутрь (5.2)		IV – сер. V вв. Кон.(?) IV – сер.(?) V вв. Кон. IV – сер. (?) V вв.	Ср. Эльба Юж. Подунавье Дон	**19**: р. 7 (2 экз.), уч. 4, р. 6, р. 4, **8** (2 экз.); **17А; 16**
12	Левице – Токари, основная серия, с малой «подрезанной» кнопкой (7.1; гл. 9)		Сер. V в.	Причерноморье	**19**, уч. 2
13	Братей – Вышков, элементы блока серий Братей – Бригецио и понтийской серии блока Вышков – Херсонес (7.2)		Сер. – 2 пол. (?) V в.	Крым, Зап. Причерноморье	**19**, р. 4
14	Броши-цикады, серия Виминаций, скорее, ЮВ вариации (2.1.1)		Сер. V – VI (нач. / 1-я пол. VII?) вв.	Ср. Подунавье, ЮВ Прибалтика; скорее Сев. Причерноморье, Днепро-донская лесостепь	**19**, р. 6; 8
15	Броши-цикады, серия Кзизово, единичный экземпляр (2.1.2)		Не ранее сер. V в.	СВ Причерноморье, Днестро-донская лесостепь	**19**, р. 9
16	С двумя сложно профилированными пластинами, ножка расширена близ дужки (9.2)		Не ранее сер. V в.	?	**19**, уч. 2
17	Левице – Токари, дунайско-донская серия, (7.1; гл. 9)		3 четв. (2 пол.?) V в.	От Ниж. Дуная и Вост. Прикарпатья до Верх. Подонья	**19**: уч. 5, между р. 6 и 7
18	Левице – Токари, причерноморская серия, вариант Сахарная головка (7.1; гл. 9)		3 четв. (2 пол.?) V в.	От Крыма до Левобережья Ср. Поднепровья и Верх. Подонья	**19**, уч. 3; **8**
19	Гибрид: трехпалая головная пластина с прогнутыми боками и ромбическая ножка, все без рельефного орнамента (9.1)		Ок. 2 пол. V в.	От СВ Причерноморьем до Левобережья Ср. Поднепровья (по дунайским и местным прототипам)	**19**, р. 6

20	Гурзуф, без боковых выступов на ножке, упрощенная вариация (8)		2 пол. V – 1 треть VI вв.	От Подунавья и ЮВ Прибалтики до Крыма, Посеймья, Верх. Поочья	**19**, уч. 3
21	Двучленные прогнутые подвязные с кольцом для оси пружины наружу, серия II-Б (4.2.1.2)		Ок. сер. IV – VI вв.	От центральных районов Сев. Кавказа и Завкаказья до СВ Причерноморья и Дона	**19**: уч. 3, р. 10, р 6; 16; 8
22	Прогнутые со сплошным приемн. и кольцом для пружины наружу, серия Сиреневая бухта 167 (5.1)		Кон. IV – 3 четв. VI вв.	Центр Сев. Кавказа и Закавказья, СВ Причерноморье, Юж. Крым Приуралье, Верх. Дон, Юж. Поднепровье	**19**, постр. 4/2004
23	Двучленные прогнутые подвязные с кольцом для оси пружины наружу, серия II-А (4.2.1.1)		Ок. сер. IV – VI вв.	Сев. Осетия (там и генезис), СВ Причерноморье, Верх. Дон (более всего находок)	**19**: р. 9, сев. часть р. 7 (2 экз.), уч. 4, р. 4, р. 10
24	Пружинящий механизм на стойке, согнутой из тонкой пластины (10.2)	1/2 н.в.	V – VII вв.	Сев. Кавказ	**19**, р. 4
25	Двучленные прогнутые подвязные с кольцом для оси пружины наружу, верхнедонской вариант (4.2.3)		В рамках памятников типа Чертовицкое – Замятнино, скорее, не ранее сер. V в.	Верх. Дон	**19:** уч. 4 (2 экз), р. 6
26	«Значок» в виде цикады (2.2)		Импортная – в рамках памятников типа Чертовицкое – Замятнино	Ср. Подунавье, в т.ч. Потисье	**17А**, погр. 52
27	Фрагменты двучленных фибул (10.1; 10.3)		2 пол. III – VII вв.		**19**: р. 6, р. 7

Глава 11

Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов

О.С. Румянцева (Москва)

ВВЕДЕНИЕ

Публикуемая коллекция бус представлена 728 экземплярами, из них 108 происходят из Ксизово-17 и 620 – из Ксизово-19. Бусы были зафиксированы в 8 захоронениях, значительная их часть происходит также из культурного слоя поселений и могильников Ксизовского комплекса памятников.

Методические аспекты работы. При систематизации бус учтены их форма, технология изготовления, цвет, размеры, декор. Для определения технологии изготовления изделий использована система З.А. Львовой (Львова, 1979, 1980, 2000); в отдельных случаях привлекались также данные из работ М. Шпэр (Spaer, 1993, 2001). В коллекции встречены изделия, изготовленные из отрезков тянутых палочек и трубочек, в технике навивки и однократного обертывания. При систематизации украшений, сделанных из отрезков тянутых трубочек, учитывался способ деления трубочки на части, который может являться хронологическим признаком или свидетельствовать о разном происхождении находок (см.: Румянцева, 2007а). Среди находок из Ксизово выделяются как изделия, полученные в результате деления трубочки на части ножницами или щипцами, так и «рубленый» бисер, изготовленный методом отшибания (Львова, 2000, с. 257). Отдельно учтена также находка, изготовленная из растянутого в трубку выдутого пузыря. Среди полихромных изделий преобладают бусы с накладным декором (глазчатые, со спиралевидным и зигзагообразным орнаментом, крапчатая и др.), встречаются и изделия, выполненные в более сложных технологиях – миллефиори, «глазчато-полосатые» и др.

При морфологическом описании находок учитывались форма и размеры бус: высота, измерявшаяся вдоль канала изделия, максимальный диаметр для округлых в поперечном сечении бус или ширина граней для граненых.

Анализ данных химического состава стекла проводился на основе методики, разработанной В.А. Галибиным (Галибин, 2001). При определении типа основного сырья (зола или природная сода) в качестве приоритетного критерия рассматривается содержание калия и магния (Freestone, 2005), концентрация которых в содовом стекле не превышает 1,5% (Галибин, 2001).

Ксизовский археологический комплекс Острой Луки Дона представлен многослойными поселениями, содержащими материалы не только эпохи Великого переселения народов, но также бронзового и раннего железного веков, и могильниками, в которых исследованы захоронения эпохи бронзы, гуннского и древнерусского времени. Лишь часть изученных бус происходит из датированных захоронений, значительное их количество зафиксировано в культурном слое памятников. В одном случае бусы происходят из погр. 27 Ксизово-17А, не содержащего других находок; оно было пред-

положительно отнесено к гуннскому горизонту на основании особенностей погребального обряда (см. главу 4). Тем не менее, судя по химическому составу стекла происходящих из него украшений, захоронение может относиться к древнерусскому кладбищу (см. раздел «Химический состав стекла»). По морфологическим, технологическим признакам и характеру декора все рассмотренные в данной главе украшения могут относиться к горизонту эпохи Великого переселения народов (см. раздел «Систематизация, зоны распространения и хронология основных типов бус»). В то же время, нельзя полностью исключать, что отдельные экземпляры монохромных изделий, происходящих из культурного слоя памятников, могли принадлежать и другому хронологическому горизонту (см. ниже).

Находки из древнерусских комплексов, исследованных на памятнике, здесь не рассматриваются.

Прежде, чем переходить к основной части, я хочу поблагодарить А.В. Мастыкову, А.М. Обломского, Ю.Л. Лихтер, И.Н. Кузину и Е.К. Столярову, рекомендации, советы и справедливые критические замечания которых существенно помогли мне при подготовке данной работы. Глава, посвященная хронологии и зонам распространения бус из Ксизово, в значительной степени основана на разработках А.В. Мастыковой, благодаря усилиям которой бусы эпохи Великого переселения народов стали одним из важнейших хронологических индикаторов и информативным источником по истории культурных контактов и костюма древнего населения.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ЗОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ХРОНОЛОГИЯ БУС

Из 728 экземпляров бус 108 (107 целых и 1 фрагмент) происходит из Ксизово-17 и около 620 – из Ксизово-19 (558 целых; 32 фрагмента; спекшиеся под воздействием высокой температуры изделия, точное количество которых не определяется, здесь и далее при статистических расчетах их количество условно определяется как 30 экземпляров). Все украшения, за исключением одной бусины из фаянса, происходящей из Ксизово-17Б, изготовлены из стекла.

Стеклянные бусы

Стеклянные украшения из Ксизово-17 представлены 3 полихромными (2,8%) и 104 монохромными (97,2%) изделиями. Они происходят из 6 погребений, 5 из которых на основании других категорий погребального инвентаря относятся к эпохе Великого переселения народов. Датировка одного (Ксизово-17А, погр. 27) дискуссионна (см. раздел «Химический состав стекла»), 3 бусины найдены в культурном слое памятника. По технологии изготовления среди монохромных бус преобладают украшения из тянутых трубочек (76 изделий, 73% монохромных бус, из них 72 выполнено путем деления трубочки при помощи щипцов или ножниц (69,2%) и 4 представлено «рубленым» бисером (3,8%), изготовленным методом отшибания); в технике навивки выполнено 21 украшение (20,2%), из тянутых палочек – 6 изделий (5,8%); технологию изготовления 1 фрагмента бусины (1%) определить не удалось.

Все бусы, происходящие из Ксизово-19 – стеклянные, они представлены 11 полихромными (1,8%) и 609 монохромными (98,2%) украшениями. Бусы происходят из двух погребений эпохи Великого переселения народов, а также из культурного слоя могильника и поселения. Как и в Ксизово-17, большинство монохромных изделий изготовлено из отрезков тянутых трубочек. К ним относятся 539 экз. (88,5% монохромных бус), в т.ч. 338 экз. – из трубочек, разделенных на части щипцами или ножницами (55,5%), 200 экз. представляют собой «рубленый» бисер (32,8%), и 1 – пронизь, изготовленную из дутой трубочки (0,2%). Второе место занимают бусы в технике навивки (38 экз., 6,2%), третье – украшения из отрезков тянутых палочек (29 экз., 4,8%); в технике однократного обертывания изготовлено 1 изделие (0,2%), технология изготовления 2 бусин не определяется (0,3%).

Полихромные бусы

Общее число полихромных бус составляет 14 экземпляров, 3 из которых происходят из Ксизово-17 и 11 – из Ксизово-19. Пять находок были обнаружены в двух погребениях (Ксизово-17А, погребение 29; Ксизово-19, погребение 13), остальные 9 встречены в культурном слое изученных памятников.

Крапчатая бусина из культурного слоя Ксизово-19 (рис. 287: 1; 294: 1, 4) шаровидной формы изготовлена в технике навивки из темно-синего стекла и украшена крапинками красного и белого глухого стекла. Подобный декор получался путем обкатки разогретой основы бусины, надетой на инструмент, по разноцветной стеклян-

ной крошке (Spaer, 2001, p.53, fig. 23). Высота бусины составляет 13 мм, максимальный диаметр – 15-16 мм.

Наиболее полная сводка крапчатых бус эпохи Великого переселения народов была сделана А.В. Мастыковой; ею же была уточнена их хронология в рамках этого периода. Бусы с крапчатым декором широко распространены в Европе от Италии и Франции на западе до Северного Кавказа, Поочья и, возможно, Среднего Поволжья на востоке. Подобные находки происходят из дунайского региона, Северной Италии, Северной и Южной Галлии, из аламанских некрополей, Северной Европы (Швеция), Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья (полную сводку см.: Ivanišević et al., 2006, p. 73-76).

Если говорить об аналогиях, наиболее близких территориально, то в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы выделяются всего два региона, откуда происходят крапчатые бусы – это Северо-Запад России (памятники культуры псковских длинных курганов) (Мастыкова, Плохов, 2010) и Верхнее Подонье – Среднее Поочье. При этом анализ химического состава стекла позволил выявить различия между бусами Северо-Запада, с одной стороны, и Поочья – Подонья, с другой. Это дает возможность предположить, что бусы из этих двух регионов имеют разное происхождение (Румянцева, в печати-2).

Помимо Ксизово, где крапчатая бусина была обнаружена в слое могильника, на территории Верхнего Подонья они были встречены на поселении Замятино-8, а также в Мухино-2, в слое поселения и в погребении знатной женщины в костюме с золотыми бляшками, характерном для аристократии оседлого понтийского населения (Мастыкова, 2004, с. 85, рис. 45: 9; Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 242; Обломский, 2011; Земцов, 2012, рис. на с. 180). Весьма вероятно, что именно к данному типу относятся и бусы из погребения в Волобуевке (Драный Яр) в бассейне Северского Донца[1], однако однозначно атрибутировать данную находку невозможно: инвентарь погребения, вероятно, не сохранился, а в публикации приведен лишь схематичный рисунок бус (Сибилев, 1928, табл. 22:5; Ivanišević et al., 2006, p. 75).

В Среднем Поочье этот редкий для региона тип украшений зафиксирован только в могильниках Кораблино и Заречье-4 (4 экз., раскопки И.В. Белоцерковской) – окских памятниках, одних из наиболее близких к Верхнему Подонью территориально. Кроме них, крапчатые бусы в окском регионе происходят из Велегожского клада (раскопки А.М. Воронцова). Ни одной бусины, которую можно было бы достоверно отнести к данному типу, пока не найдено в финских материалах Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Вероятно, один экземпляр подобного украшения происходит из Желтухинского могильника, однако его сохранность не позволяет установить это точно (сохранилась основа бусины с небольшими углублениями – следами декора). В публикации указано, что она имела белые «глазки» (Уткин, Черников, 1994, с. 45, рис. 2: 2).

Время наибольшего распространения крапчатых бус, все шире использующихся в последние годы в качестве хроноиндикаторов, определяется в рамках середины – второй половины V в., что соответствует периодам D2/D3, D3 и E по центральноевропейской хронологической шкале. Однако в удаленных от Дуная регионах они могли доживать до середины VI, а в отдельных случаях – до второй половины VI в. (Ivanišević et al., 2006, p. 76).

Погребение Мухино-2 Верхнего Подонья, содержащее серию крапчатых бус в сочетании с золотыми аппликациями, типичными для горизонта Унтерзибенбрунн, датируется концом периода D2 – началом D2/D3 «варварской» европейской хронологии, т.е. приблизительно 430–450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014, с. 212).

Находка из Драного Яра, судя по происходящим из того же захоронения фибулам, маркирующим в Центральной Европе горизонт Смолин-Косино, датируется второй третью V в. (Ivanišević et al., 2006, p. 75). Дата горизонта гуннского периода в Замятино-8, к которому относится подобное украшение, определена как конец IV –V в. в широких рамках. Наиболее вероятная «узкая» дата этого памятника – около середины V в. (Обломский, 2004д, с. 145).

Погребение 48 могильника Заречье-4, где была обнаружена крапчатая бусина, содержало пряжку, повторяющую поясные экземпляры, которые в Центральной и Западной Европе и на Ближнем Востоке относят ко второй половине V – началу VI в. (Белоцерковская, 2007, с. 201; рис. 9: 48). Наиболее позднюю дату имеет захоронение 25 могильника Кораблино. Оно отнесе-

[1] Считается, что исторически бассейн Северского Донца относится к Днепровскому Левобережью (Обломский, 2002, с. 5), однако украшения из Драного Яра территориально наиболее близки ареалу крапчатых бус Верхнего Подонья – Среднего Поочья.

но И.В. Белоцерковской к периоду 4 (VI – первая половина VII вв.), однако, судя по набору металлических украшений, включавшему височные привески к головным уборам с объемными подвесками, а также ожерелья, сочетающие стеклянные бусы с бронзовыми литыми пронизями с привесками (Белоцерковская, 2007, с. 201-202), можно предположить, что комплекс относится к началу этого периода, что подтверждается и общей датой крапчатых бус.

Бусина-миллефиори из культурного слоя Ксизово-19 – шаровидной формы (рис. 287: 2; 294: 2, 5). Ее основа, изготовленная методом сварки на инструменте (?), представляет собой спеченные между собой отрезки цапф зеленого стекла. На боковых сторонах бусины читается декор в виде ромба с четырьмя розетками (данный элемент повторяется трижды). Высота бусины – 9 мм, максимальный диаметр – 14-15 мм.

Бусы-миллефиори из спеченных палочек зеленого стекла, часто имеющие дополнительные декоративные композиции по бокам (обычно полихромные), известны и в римское время, и в эпоху Великого переселения народов. Значительная их часть происходит из памятников позднеантичного времени. В Северном Причерноморье подобная бусина найдена в могильнике Нейзац (Стоянова, 2004, табл. III: 27); близкие аналогии известны также в Херсонесе, Пантикапее, Кепах, могильнике Совхоз-10 и в культурном слое Танаиса (Алексеева, 1982, тип 502, табл. 49: 28). В Центральной Европе такие бусы единичны: подобное украшение происходит из могильника Швайцария (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 21, 48; Type 282; Taf. 7: 382).

Бусы, выполненные в близкой технологии, хотя и не полностью идентичные типологически находке из Ксизово, известны также в позднеантичных некрополях сербской Воеводины (Средний Дунай); одна бусина найдена на территории черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 49, табл. V: II/2).

В эпоху Великого переселения народов известны немногочисленные экземпляры аналогичных бус. Одна из них происходит из погребения 300 могильника Дюрсо (Ковалевская, 2000, с. 66; МЕР 224), отнесенного М.М. Казанским к фазе 1-2 (430/440-470/480 гг.) (Казанский, 2001). В.Б. Ковалевская отмечает также их находки в материалах VII в. (Чир-Юрт) и, в большей степени, в VIII-IX вв. (Ковалевская, 2000, с. 66). К горизонту конца VII-IX вв. относится большая часть бус-миллефиори подобного типа в материалах неволинской культуры Прикамья (Голдина, 2010, рис. 33, 37; типы VB1 а, б, VB2а). Однако часто по публикациям данный тип сложно отличить от «глазчато-полосатых» бус.

Из территориально близких следует упомянуть аналогию, которая происходит из погребения 44 могильника Заречье-4 (раскопки И.В. Белоцерковской). По набору бус массовых типов оно может быть датировано концом IV/началом V – концом V/началом VI в., что соответствует периоду 3 по И.В. Белоцерковской (Белоцерковская, 2007, с. 198; Румянцева, 2007а, с. 236).

Бусы-миллефиори происходят из погребения Мухино-2 Верхнего Подонья, датированного концом периода D2 – периодом D2/D3 центральноевропейской хронологии, однако типологически они отличаются от находки из Ксизово (Мастыкова, Земцов, 2014, с. 211; рис. XVII: 13, 16, 17).

Бусы с поперечно-полосатым декором

Украшение из погребения 29 Ксизово-17А (1 экз.; рис. 283: 9; 289: 9) – неправильной, чуть уплощенной в поперечном сечении формы изготовлено из темно-синего прозрачного и красного глухого стекла. Вероятно, оно получено в результате поперечного прокола отрезка многослойной тянутой палочки (Львова, 2000, с. 259). Подобные бусы обычно именуются полосато-глазчатыми. Высота изделия составляет 6,5 мм, диаметр – 8 мм.

Полосато-глазчатая бусина из погребения 29 Ксизово-17А (1 экз.; рис. 283: 8; 289: 8) эллипсоидной в продольном и немного уплощенной в поперечном сечении формы, изготовлена из стекла, по меньшей мере, двух цветов, неопределимых из-за иризации (возможно, желтое и желто-коричневое глухое). Бусина выполнена путем поперечного прокола отрезка многослойной палочки. Высота бусины составляет 9 мм, диаметр тулова – 9 × 7 мм.

В античное время полосато-глазчатые бусы встречаются в Северном Причерноморье. Е.М. Алексеева датирует их II-IV вв. (Алексеева, 1982, с. 42, 43, табл. 49: 15-24). В эпоху Великого переселения народов подобные украшения известны в дунайском регионе, в Южной Моравии, где датируются периодами D3-E центральноевропейской хронологии (430/440-510 гг.). В некрополе Виминациума (Северная Сербия) они зафиксированы в погребениях периодов D2/D3 (430/440-460/470) и конца V – первой половины VI в. Серия аналогичных бус происходит и из Северного При-

черноморья. В некрополе Дюрсо они встречены в могилах третьей четверти V – первой трети VI в. В Бжиде подобное украшение найдено в погребении конца V – начала VI в. На Северо-Западном Кавказе их находки зафиксированы в Пашковском могильнике (погребения середины V – второй трети VI в.), в могильнике Клин-Яр III – в горизонте второй трети V – второй трети VI в. Известны они и в Закавказье. Таким образом, время их наибольшего распространения в изучаемую нами эпоху приходится на вторую половину V – вторую треть VI в.; одной из зон их наиболее высокой концентрации в Восточной Европе является, вероятно, Северный Кавказ и особенно – Западное Предкавказье (Ivanišević et al., 2006, p. 78-79, 102-104, fig. 67: 57; Пашковский могильник…, там же см. более полный список аналогий).

Полосато-глазчатые бусы характерны и для более позднего периода: особенно широко они распространяются в салтовское время (Ковалевская, 2000, с. 67-69; Пашковский могильник…, в печати). В отличие от разнообразных по форме бус эпохи Великого переселения народов, для более поздних украшений характерна стандартная шаровидная форма и, в среднем, более крупные размеры (Пашковский могильник…).

На сопредельных территориях находки полосато-глазчатых бус происходят с поселения Мухино-2 (Земцов, 2012, с. 180) и из погребения 46 могильника Заречье-4, которое относится ко времени не ранее конца V или к началу VI в. (Белоцерковская, 2012, с. 58; Белоцерковская, 2014; Румянцева, в печати-1).

Бусина темно-синего прозрачного стекла **со спиралевидным декором** асимметричной (полусферической / биконической) формы (Ксизово-17Б, культурный слой; 1 экз.; рис. 283: 34; 289: 34) изготовлена в технике навивки и украшена нитью белого глухого стекла, проходящей в виде спирали от одного основания канала к другому. Высота бусины составляет 9 мм, диаметр – около 20 мм.

В Восточной и Центральной Европе бусы данного типа характерны, скорее, для позднеантичного времени, чем для эпохи Великого переселения народов. Аналогии им происходят из погребения XX центральнокавказского могильника Брут 2 первой половины III в. (Габуев, Малашев, 2009, с. 140; Румянцева, 2009, с. 358, рис. 11: 13), из некрополя Нейзац конца II-IV вв. в Центральном Крыму (Стоянова, 2004, табл. III: 40), могильника Бельбек Юго-Западного Крыма (Столярова, 2001, рис. 1: 7). В Центральной Европе аналогичные бусы (типы 193-194) встречаются в комплексах фаз B2 (70/80-160/170 гг.) и C1 (160/180-250/270 гг.) (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 47, Taf. 3: 193, 194); близкую датировку имеют аналогичные по форме бусы синего стекла, но без орнамента (типы 184, 186). Бусы данного типа иногда рассматриваются в литературе как пряслица или булавочные головки; однако, как показала М. Темпельманн-Мончиньска, они использовались и в качестве деталей ожерелий, в т.ч. «богатых». По данным Т. Хеверник, бусы данного типа известны в ареале от Южной Испании до Англии и Южной Норвегии, а также в Турции, Египте и Палестине; время их распространения охватывает период от I в.н.э. вплоть до эпохи Великого переселения народов. Однако, как установила М. Темпельманн-Мончиньска, на территории среднеевропейского Барбарикума они использовались на протяжении относительно короткого периода – порядка 200 лет. Почти все они концентрируются на территории вельбарской культуры, некоторые происходят из эльбско-германского круга; на других территориях их находки единичны (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 47).

Глазчатые бусы зонной формы со слоисто-щитковыми глазками (Ксизово-19, погребение 13; 3 экз.; рис. 285: 35-37; 292: 1-3). Основа двух из них сделана из желтого глухого, одной – из бирюзового глухого стекла; техника изготовления – вероятно, навивка. Глазки изготовлены из последовательно наложенных слоев белого и синего глухого стекла. Высота бус составляет 4-5,5 мм, максимальный диаметр – 7-9 мм.

В Северном Причерноморье желтые и бирюзовые бусы со слоисто-щитковыми глазками имеют широкие датировки, начиная от VI-IV вв. до н.э. до финала эпохи античности (Алексеева, 1975, с. 55-56, 61-62, табл. 16). В Центральной Европе бусы с многослойными глазками широко известны в римское время и начале эпохи переселения народов: появляясь в период B1, они доживают до периода D по хронологии К. Годловского, т.е. до середины V в. (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 51), однако точных аналогий изделиям из Ксизово по форме, композиции декора и цветовой гамме среди них обнаружить не удалось. Бусина с глазчатым орнаментом, но отличающаяся от ксизовской по форме и цветовой гамме, происходит из Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. (Засецкая, 1993, с. 81). Глазчатые бусы эпохи Ве-

ликого переселения народов происходят также из Западного Предкавказья. В могильнике Клин-Яр III они встречены в погребении 2 шиповского горизонта (2-ая треть V – 2-ая треть VI в.) (Мастыкова, 2001, с. 89; рис. 1: 17, 18). Синхронны им и находки украшений из Пашковского могильника, также глазчатых, но выполненных в другой цветовой гамме: они происходят из захоронений 5.1948 и 15.1948, датированных 450/470-530/570 гг. (Мастыкова, 2009, с. 201, 203; табл. 31:18; 40:13). На разных территориях глазчатые бусы известны также в VI в. и особенно широко – с конца VII – начала VIII в. (Theune-Vogt, 1990, Type 64. S. 30, 46; Ковалевская, 2000, с. 38; Мастыкова, 2001, с. 89; рис. 3: 31; Голдина, 2010, рис. 30; 32 и др.).

Бусина шаровидной формы темно-синего стекла, **с декором в виде неправильной формы пятен красного и прожилок белого глухого стекла** (Ксизово-19, культурный слой; 1 экз.; рис. 287: 3; 294: 6). Основа бусины изготовлена методом сварки на инструменте «слоеных» заготовок из темно-синего и белого стекла. Красные пятна являются, вероятно, накладными, хотя они присутствуют как с внешней стороны бусины, так и со стороны канала; однако это не «сквозные» стерженьки, характерные для изделий, выполненных в технике миллефиори. Высота бусины составляет 11 мм, максимальный диаметр – 14 мм.

Бусина с близким по композиции декором, изготовленная в технике миллефиори, происходит из захоронения Мухино-2 Верхнего Подонья, датированного финалом периода D2 – началом D2/D3 центральноевропейской хронологии, т.е. примерно 430-450 гг. (Мастыкова, Земцов, 2014, с. 211-212). В качестве близких стилистически, но отличных по форме и технологии изготовления, можно указать две бусины из погребения 84 некрополя Сингидунум III эпохи Великого переселения народов (Ivanišević et al., 2006, p. 83, fig. 68: 72, 73). Они имеют накладной декор красного стекла в виде неправильной формы пятен, однако форма украшений – полиэдрическая, а основа изготовлена из одноцветного синего стекла.

Бусы с зигзагообразным декором (Ксизово-19, культурный слой; 3 экз.; рис. 287: 4-6; 294: 8-10) представлены тремя экземплярами – двумя одночастными и одним – двухчастным, имеющими шаровидную или неправильную форму. Все бусы выполнены из темно-синего прозрачного стекла, декор – из белого глухого стекла. Основа их изготовлена в технике навивки, декор представляет собой накладную стеклянную нить. Высота одночастных бус составляет 7-8,5 мм, двухчастной – 20 мм, максимальный диаметр – 9,5-15 мм.

В Северном Причерноморье бусы с поперечным волнистым или зигзагообразным орнаментом наиболее характерны для II-IV вв. н.э.; украшения темно-синего стекла с белым зигзагом происходят из Херсонеса и Фанагории (Алексеева, 1978, с. 39, 51). В Центральной Европе такие бусы встречаются как в римское время (начиная с периода B2 или B2/C1, т.е. с конца I – середины II в.), так и в начале эпохи Великого переселения народов (период D по К. Годловскому) (Tempelmann-Mączyńska, 1985, с. 53). В Верхнем Подонье бусина с зигзагообразным декором, но с основой черного стекла происходит с поселения Мухино-2 с напластованиями гуннского времени (Земцов, 2012, рис. на с. 180).

Бусина со спиралевидным декором (?) (Ксизово-19, культурный слой; 1 экз.; рис. 287: 7; 294: 7) форма близка к шаровидной. Из-за иризации цвет стекла практически не определяется. Скорее всего, основа была изготовлена из темно-синего или черного глухого стекла; цвет декора также неопределим (возможно, желтый). Данное изделие отнесено к категории полихромных с определенной долей условности: нельзя исключать, что спиралевидная полоса, читающаяся на бусине, является особенностью иризации стекла, а не декоративным элементом. Высота бусины составляет 11 мм, максимальный диаметр – 14 мм.

Еще одно украшение можно отнести к полихромным лишь условно. Это **14-гранная бусина темно-синего прозрачного стекла** (Ксизово-19, культурный слой; 1 экз.; рис. 287: 8; 294: 3, 11). Основа бусины изготовлена из тянутой палочки, грани получены путем прессования на плоскость и шлифовки – за счет этого они четкие, правильной формы. Небольшие углубления, по одному на каждой из ромбовидных боковых сторон бусины позволяют предположить, что она была декорирована цветными вставками, однако ни сами они, ни даже их следы не сохранились. Высота бусины составляет 8 мм, ширина граней – 7 мм.

14-гранные (или призматические) бусы темно-синего прозрачного стекла были широко распространены в Европе в римское время и эпоху Великого переселения народов, начиная с периода C1a (160/180-210-230) и по меньшей мере до первой половины VI в. (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 37, Taf. 2:126; Ivanišević et al., 2006, p. 80,

81). По качеству изготовления (симметричные, тщательно прошлифованные грани) находка из Ксизово наиболее близка монохромным кубо-октаэдральным бусам черняховской культуры, получившим распространение во второй половине IV в. и на ранней стадии гуннского времени (Гопкало, 2008, с. 41, 98, 108), хотя и немного отличается от них по пропорциям. Если же говорить об изделиях подобной формы с декоративными глазками, то они относятся обычно к более позднему горизонту – к финалу эпохи переселения и раннему средневековью (Дюрсо, погр. 259, 390, 500; два из этих погребений – 259 и 500 – отнесены М.М. Казанским к фазе 3 могильника, синхронизированной им с центральноевропейскими фазами D3/E-E, т.е. 470/480-530/540 гг.; Скалистое, 258, 525, Гапоновский клад, Мокрая балка, кат. 67, 115, Эшкакон, погр. 6, могильник у аула Новая Джагута) (Ковалевская, 2000, с. 48, МЕР 171; Мастыкова, 1996; Казанский, 2001).

14-гранная бусина темно-синего прозрачного стекла, также с углублениями, предположительно, от несохранившихся декоративных элементов, происходит с поселения Мухино-2 Верхнего Подонья (Земцов, 2012, рис. на с. 180). Она имеет более крупные размеры и чуть менее четкие грани[2].

Монохромные бусы

Общее количество монохромных стеклянных бус составляет 713 экземпляров, 104 из которых происходит из Ксизово-17 и 609 – из Ксизово-19. Они были найдены в 8 погребениях (6 захоронений из Ксизово-17, в т.ч. 5 – датированных эпохой Великого переселения народов и 1 – безынвентарное; 2 захоронения эпохи переселения из Ксизово-19), а также в культурном слое и поселенческих комплексах обоих памятников.

По цветовой гамме, среди находок из Ксизово-17 преобладают украшения темно-синего прозрачного стекла – 36 экз. (34,6%); бусы зеленого прозрачного и полупрозрачного стекла представлены 31 экз. (29,8%), желтого глухого – 17 экз. (16,3%), черного глухого – 9 экз. (8,7%), красного глухого – 5 экз. (4,8%), бесцветного прозрачного – 3 экз. (2,9%); находки оливкового прозрачного, фиолетового прозрачного и голубого полупрозрачного стекла представлены по 1 экземпляру каждого цвета (по 1%).

Среди монохромных украшений из Ксизово-19 преобладают изделия красного глухого стекла – 308 экз. (50,6%); количество находок желто-оранжевого глухого стекла составляет 124 экз. (20,4%), темно-синего прозрачного – 89 экз. (14,6%), черного глухого –76 экз. (12,5%). Прочие находки представлены единичными экземплярами: бирюзового глухого стекла – 2 экз. (0,3%), серо-голубого глухого – 2 экз. (0,3%), коричневого прозрачного – 2 экз. (0,3%), бесцветного прозрачного – 1 экз. (0,2%), зеленого прозрачного – 1 экз. (0,2%); у 4 изделий (0,7%) цвет не определен из-за расстеклования.

Подавляющее большинство украшений данной категории имеет стандартную форму и технологию изготовления, вследствие чего их ареал и хронология, как правило, очень широки. Дальние аналогии в большинстве случаев не уточняют даты, а лишь подтверждают возможную принадлежность украшений, обнаруженных вне комплексов, к горизонту гуннского времени. Наиболее продуктивным при изучении монохромных бус представляется привлечение данных сопредельных территорий, где ритмы распространения стеклянных украшений, являвшихся импортными в лесной и лесостепной зонах, могли быть общими. При изучении бус Верхнего Подонья используются, в первую очередь, разработки по хронологии украшений Среднего Поочья, построенные на материалах рязано-окских могильников (Румянцева, 2007а).

Бусы, изготовленные в технике навивки

Бусы красного глухого стекла, шаровидной, кольцевидной, винтообразной и неправильной форм в Ксизово-19 представлены 32 экземплярами (9 целыми и 23 фрагментами) (Ксизово-19, яма 12: 3 целых, 6 фрагментов; рис. 286: 1-3; 293: 1-3; культурный слой: 6 целых, 17 фрагментов; рис. 288: 2-17; 295: 2-22). Высота бус – 5-10 мм, максимальный диаметр – 9-12 мм.

В Верхнем Подонье бусы красного стекла, выполненные в технике навивки, найдены также на поселениях Крутогорье (раскопки Д.В. Акимова)[3] и Мухино-2 Липецкой обл. (Земцов, 2012, рис на с. 180). Зона же наиболее высокой концентрации бус данного типа приходится на Среднее Поочье. Они существенно хуже представлены к востоку от данного регио-

[2] Благодарю Г.Л. Земцова за возможность ознакомиться с материалами его раскопок.

[3] Благодарю Д.В. Акимова за любезно предоставленную информацию о неопубликованных материалах его раскопок.

на, в Среднем Поволжье и Окско-Сурско-Цнинском междуречье (Румянцева, 2010). Появляются они в V в., причем время их массового распространения начинается, вероятно, ближе к середине столетия, и доживают до середины VII в., прекращая существование одновременно с рязано-окскими могильниками (Румянцева, 2007а, с. 219-221). Среди бус данного типа, происходящих из Ксизово-19, выделяются изделия с признаками, характерными в Среднем Поочье для поздней части обозначенного периода, т.е. не ранее конца V в.:

- изготовленные из стекла темно-коричневого оттенка;
- имеющие винтообразную форму;
- с острыми краями, свидетельствующие, вероятно, о делении многочастной бусины на части при помощи отшибания.

Если рассматривать дальние аналогии, то бусы данного типа происходят из склепа 77 могильника Лучистое в Крыму (Aibabine, Khairedinova, 1997, p. 71, 75). По любезному сообщению А.В. Мастыковой, они известны и в Боспорском некрополе. В Центральной Европе бусы красного стекла, выполненные в технике навивки и из отрезков тянутой палочки, происходят из некрополей Виминациума и Сингидунума эпохи Великого переселения народов, где относятся к горизонту 530-580 гг. (Ivanišević et al., 2006, p. 88, 104). Бусы красного глухого стекла, выполненные в технике навивки, известны также в некрополе Либенау в Германии (Siegmann, 2002, t. L.19; аналогии см. также: Румянцева, 2007а, с. 233).

Бусы неправильной формы темно-синего прозрачного стекла представлены 3 экземплярами (Ксизово-19, объект 1, скелет Г: 1 экз.; рис. 284: 2; 291: 2; погребение 13: 1 экз.; рис. 285: 38; 292: 8); культурный слой: 1 экз.; рис. 288: 18; 295: 25). Высота изделий составляет 4-8 мм, диаметр – 8-13 мм. Обработка изделий некачественная, у оснований канала читаются следы накладки стекломассы.

Подобные бусы характерны как для позднеримского времени, так и для эпохи Великого переселения народов. В Северном Причерноморье римского времени навитые бусы синего стекла наиболее характерны для III-IV вв. (Алексеева, 1978, с. 64, 65, тип 15; табл. 33:2). В материалах черняховской культуры они появляются не ранее последней трети III в. (Гопкало, 2008, с. 19-20; табл. I:II:15). Находки эпохи переселения происходят из некрополей Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае, из Моравии, Венгрии, а также ряда памятников Западной Европы, где время их распространения может быть определено, в целом, концом V – VI вв. (преимущественно, первой его половиной) (Ivanišević, 2006, p. 88, 89, 103-104). Датированные аналогии с сопредельных территорий мне неизвестны.

Бусина бирюзового глухого стекла шаровидной формы представлена одним изделием (Ксизово-19, погребение 13; рис. 285: 39; 292: 7). Ее высота составляет 6 мм, диаметр – 9 мм.

Бусы темно-синего прозрачного стекла уплощенной в поперечном сечении формы и округлой или биконической – в продольном, представлены 2 изделиями (Ксизово-17А, погребение 29: 1 экз.; рис. 283: 11; 289: 11; Ксизово-19, культурный слой: 1 экз.; рис. 288: 21; 295: 26). Форма украшениям придана путем двухстороннего прессования на плоскость. Высота бус составляет 14 мм, ширина граней – 7,5-9 × 4-4,5 мм.

Бусина бирюзового полупрозрачного стекла уплощенной формы представлена 1 экземпляром (Ксизово-19, культурный слой; рис. 288: 20; 295: 23). Его высота составляет 10 мм, ширина граней – 7 × 3 мм.

Шаровидная бусина черного глухого стекла представлена одним экземпляром (Ксизово-17А, погребение 19; рис. 283: 7; 289: 7). Ее высота составляет 11 мм, диаметр – 16 мм.

Ближайшие аналогии данному изделию известны на поселениях Мухино-2 и Замятино-8 Острой Луки Дона гуннского времени (Земцов, 2012, с. 180-181; Мастыкова, 2004, с. 84). В целом же данный тип широко распространен территориально и хронологически. В Северном Причерноморье они известны в I-IV вв. (Алексеева, 1978, с. 62-63, тип1), в Центральной Европе встречаются и в позднеримское, и в гуннское время (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 29). В черняховской культуре подобные украшения появляются на раннем этапе культуры (Гопкало, 2008. С. 19; табл. I:II:14). В эпоху Великого переселения народов бусы данного типа встречены в Виминациуме и Сингидунуме (горизонт середины V в.); их единичные находки также происходят из аламанских и меровингских некрополей второй половины V в. В Дуратоне они найдены в могиле, которая датируется последней третью V – первой третью VI в., в Керченском некрополе – в погребении второй половины V – первой половины VI в. (Ivanišević et al., 2006, p. 89-90, fig. 69: 107-109).

Винтообразные бусы-пронизки черного и желтого глухого стекла. Украшения черного глухого стекла представлены 7 экземплярами, желтого глухого – 12 изделиями. Их высота составляет 3-16 мм, диаметр – 4-4,5 мм. Пронизи черного глухого стекла происходят из: Ксизово-17Б, погребение 2 (4 экз.; рис. 283: 30-33; 289: 30-33), Ксизово-17А, погребение 27 (3 экз.; рис. 290: 12-14); пронизи желтого глухого стекла – из погребения 27 Ксизово-17А (12 экз.; рис. 290: 15-30).

На Острой Луке Дона аналогичное украшение черного глухого стекла найдено на поселении Мухино-2 с напластованиями гуннского времени (Земцов, 2012, с. 180-181).

Данный тип бус широко распространен территориально и хронологически, включая позднеримское время и эпоху Великого переселения народов. По данным свода Е.М. Алексеевой, в Северном Причерноморье подобные бусы характерны для III-IV вв. (Алексеева, 1978, с. 74, тип 203, табл. 33: 83-86). Аналогичное изделие черного стекла происходит из некрополя Каллатиса IV в., расположенного на западном берегу Черного моря (Preda, 1980, pl. 27: 353; Ivanišević et al., 2006, p. 97; fig. 70:153-161). В материалах черняховской культуры большинство украшений подобной формы, в т.ч. черного глухого стекла, датируются не ранее последней трети III в. (Гопкало, 2008, с. 32; тип XIII/2). В эпоху Великого переселения народов бусы данного типа известны в некрополях Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае, в погребениях конца IV – первой половины V в. и конца V – первой половины VI в. В аламанских некрополях Вайнгартен и Плейдельсхайм они зафиксированы в материалах последней трети V – первой половины VI в. Аналогичные находки раннемеровингского времени (470/480-600/610) происходят из могильников Сен-Мартен-де-Фонтене (Северная Галлия) и Дирсхайм (Ivanišević et al., 2006, p. 97, 100-104; fig. 70:153-161).

Захоронение 27 Ксизово-17А (рис. 290: 12-30), содержащее винтообразные пронизи черного и желтого глухого стекла, было отнесено А.М. Обломским к горизонту гуннского времени по двум признакам: скорченное положение костяка и данные бусы, имеющие аналогии в погребении 2, сопровождающий инвентарь которого позволяет датировать его второй третью – серединой V в. (см. главу 4). Однако при анализе химического состава стекла было установлено, что бусы из погребения 27, несмотря на морфологическое и технологическое сходство со своими аналогиями из гуннского горизонта, возможно, относятся к древнерусскому, а не к гуннскому периоду (см. раздел «Химический состав стекла» настоящей главы). В связи с этим важно упомянуть, что винтообразные бусы, аналогичные находкам из погребения 27, известны и в древнерусское время. В Новгороде они встречаются, начиная с 17-го яруса новгородской стратиграфии, наибольшее их количество приходится на 15-й ярус (1224 г.). Ю.Л. Щапова датировала появление винтообразных бус на Руси XII в. (Щапова, 1972, с. 82). На Северо-западе Руси наиболее близкие аналогии находкам из Ксизово встречены в материалах второй половины XII-XIII вв. (Захаров, Кузина, 2008, с. 187: табл. 86, типы 94, 95).

Бусы, изготовленные из отрезков тянутой палочки.

Биконические бусы красного глухого стекла. Отличительным признаком изделий является правильная биконическая форма (Ксизово-17, мыс, погребение 6: 3 экз.; рис. 283: 1-3; 289: 1-3); Ксизово-19, погребение 13: 28 экз.; рис. 285: 1-27; 292: 4-6, 17-19). Она могла придаваться изделиям путем обкатки в желобчатой формочке, изготовленной по тому же принципу, что находки из мастерской Ком-эль-Дикка в Египте, предназначавшиеся для формовки многочастных украшений (Spaer 1993; 2001, Румянцева, 2012). Высота изделий составляет 4-7,5 мм, диаметр – 6-9,5 мм.

Биконические бусы красного глухого стекла в Северном Причерноморье встречаются с VI в. до н.э. по III в. н.э. (Алексеева, 1978, с. 68, тип 88). В Центральной Европе они редки; в целом находки биконических бус глухого стекла относятся к периодам Cla – D центральноевропейской хронологии, т.е. ко второй половине II – первой половине V в. (Tempelmann-Mączyńska, 1988, S. 33, Type 71).

Бусы красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутых палочек, – частая находка в могильниках Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Они известны как в римское время, так и позднее – до рубежа V/VI вв. в Среднем Поочье и, вероятно, вплоть до VI-VII вв. в Окско-Сурско-Цнинском междуречье. На Средней Оке биконические или «чечевицеобразные» формы отличают изделия конца IV/ начала V – конца V/ начала VI вв. (Румянцева, 2007а, с. 219-221), однако, несмотря на формальное морфологическое сходство, можно отметить, что изделия из Ксизово имеют более правильную форму, чем их среднеокские аналогии. Возможно, это вызвано особенностями до-

полнительной обработки изделий на финальной стадии изготовления.

Бусина биконической формы темно-синего прозрачного стекла (Ксизово-17, мыс, погребение 6: рис. 283: 4; 289: 4). Как и бусы красного стекла, она имеет правильную форму, полученную, вероятно, в результате обкатки. Ее высота составляет 7,5 мм, диаметр – 8 мм.

В Северном Причерноморье биконические бусы синего стекла имеют широкую датировку, от VI в. до н.э. до IV в.н.э. (Алексеева, 1978, с. 68-69, тип 94). В Центральной Европе они известны преимущественно по древностям фаз C1b-C3 (220/230-350/370), однако встречаются также и в материалах фазы D, т.е. в конце IV – первой половине V в. (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 32, Type 57). В материалах черняховской культуры биконические бусы синего стекла датируются временем не ранее второй трети IV в. (Гопкало, 2008, с. 31, тип XII/8).

В Верхнем Подонье близкие по форме бусы, изготовленные из отрезков тянутых палочек, но с менее тщательной дополнительной обработкой происходят с городища Крутогорье (раскопки Д.В. Акимова).

Бусина биконической формы оливкового прозрачного стекла (Ксизово-17, мыс, погребение 6: рис. 283: 5; 289: 5). Ее также отличает правильная форма; высота составляет 5,5 мм, диаметр – 8 мм.

Бусина серо-голубого глухого стекла цилиндро-биконической формы (Ксизово-19, культурный слой: рис. 288: 19; 295: 24). Ее высота составляет 10,5 мм, диаметр – 11 мм.

Бусина голубого полупрозрачного стекла, имеющая уплощенную форму в поперечном сечении и неправильную – в продольном (Ксизово-17А, постройка 1: рис. 283: 37; 289: 37). Форма изделию придана путем прессования на плоскость. Высота бусины составляет 10 мм, ширина граней – 11 × 3 мм.

Бусы данного типа широко известны как в римское время, так и в эпоху Великого переселения народов. Находки позднеантичного периода происходят с памятников Северного Причерноморья I – IV вв. (Алексеева, 1978, с. 68), из некрополя Каллатиса (западное побережье Черного моря), из мастерской по производству бус в Тибискуме (римская Дакия). В Центральной Европе бусы данного типа найдены на памятниках масломенчской группы вельбарской культуры периодов C2 и C3 (250/260-350/370) (Ivanišević et al., 2006, p. 86, fig. 68: 88, 89; там же см. ссылки на литературу). Они также широко распространены в позднеантичных могильниках Сербской Воеводины. В черняховской культуре самая ранняя находка бусины данного типа датирована первой половиной IV в.н.э. (Гопкало, 2008, с. 38; табл. III: XVI: 3).

В эпоху Великого переселения народов они зафиксированы в могильнике Врхославице Южной Моравии в захоронении периода D3 центральноевропейской хронологии (450-470/480), в материалах некрополей Виминациума и Сингидунума Среднего Подунавья в могилах конца V- VI в. (возможно, первой половины – середины столетия), а также в могильнике Сен-Мартен-де-Фонтене в Нормандии (Ivanišević et al., 2006. P. 86, 87, 103, 104; fig. 68: 88, 89).

Бусина аналогичной формы сине-фиолетового непрозрачного стекла происходит с верхнедонского поселения Мухино-2 (Земцов, 2012, рис. на с. 180).

Бусы, изготовленные в технике однократного обертывания.

Бусина янтарно-коричневого прозрачного стекла, округлой в поперечном и эллипсоидной в продольном сечении формы (Ксизово-19, культурный слой: рис. 288: 26; 295: 31). Ее высота составляет 6,5 мм, диаметр – 7 мм.

Бусы, изготовленные из отрезков тянутой трубочки.

В данной технологической группе выделяется две подгруппы бус. Первая – это изделия, слегка закругленные к основаниям канала, чаще всего с небольшими шейками-закраинами; некоторые из них многочастные и имеют несколько долей, разделенных между собой глубинными перемычками. Считается, что подобные перемычки получались при помощи щипцов. Находки в мастерской по производству бус в Египте свидетельствуют о том, что существовал и другой способ изготовления подобных многочастных украшений – путем обкатки надетой на инструмент заготовки по верхней желобчатой поверхности каменных формочек (Spaer, 1993; 2001). Вторая группа – т.н. рубленый бисер кольцевидной и цилиндрической форм, который получался методом отшибания: путем прикосновения холодного мокрого инструмента к горячей заготовке (Львова, 2000, с. 257-258) или при помощи деления холодной трубочки инструментом (Kanungo, 2004), часто с последующей обработкой изделий в «тепловом барабане».

Первая подгруппа представлена следующими типами изделий.

Бусина шаровидной формы зеленого полупрозрачного стекла (Ксизово-17А, погребение 29: рис. 283: 12; 289: 12). У оснований канала изделия читаются выраженные шейки-закраины. Высота составляет 6 мм, диаметр – 7 мм.

Бусы зеленого полупрозрачного стекла шаровидной и цилиндрической форм были широко распространены в римское время и в эпоху Великого переселения народов. В частности, в античных памятниках Северного Причерноморья они встречаются в материалах I – IV вв.н.э. (Алексеева, 1978, с. 64; рис. 33:1, тип 9); в Центральной Европе датируются фазами B1 – D (10/20 гг. – первая половина V в.) (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 28; Type 4, 8). В варварских некрополях Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае они происходят из захоронений второй половины V – VI вв. (Ivanišević et al., 2006. P. 102-104; fig. 68: 93; 69: 119). Известны подобные бусы и в более позднее время, в частности, они происходят из Гапоновского клада (Мастыкова, 1996, с. 43; рис. 34а: 11-15), время сокрытия которого определяется как вторая половина – третья четверть VII в., а время формирования вещевого комплекса относится к концу VI – первой трети VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 91-95; Мастыкова, 2009, с. 104; Пашковский могильник, в печати).

Бусина цилиндрической формы фиолетового прозрачного стекла (Ксизово-17А, погребение 29: рис. 283: 10; 289: 10). У оснований канала изделия читаются выраженные шейки-закраины, края которых с обеих сторон завершаются сколами. Возможно, данное изделие является фрагментом многочастной пронизи, однако ровные края сколов могут свидетельствовать о том, что многочастная заготовка могла быть намеренно разделена на части при помощи отшибания. Высота составляет 6 мм, диаметр – 5 мм.

В Центральной Европе подобные бусы характерны как для римского времени, так и для эпохи Великого переселения народов (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 28; Type 3). Близкие украшения происходят из погребений 8 и 63 варварского некрополя Виминациума на Среднем Дунае, относящихся к фазе, синхронной периоду D2/D3 центральноевропейской хронологии (430/440-460/470) (Ivanišević et al., 2006, p. 88, 119, 120; fig. 68: 98, 99).

Бусина шаровидной формы бесцветного прозрачного стекла (Ксизово-17А, культурный слой: рис. 283: 36; 289: 36). Изделие изготовлено из двух слоев бесцветного прозрачного стекла – более массивной основы и плотно прилегающего к ней верхнего тонкого слоя стекла. Данная техника исполнения характерна обычно для бус с металлической прокладкой – золото- или серебростеклянных, однако в данном случае её следы не читаются. Бусина имеет шейки-закраины, характерные для изделий описываемой подгруппы, однако по краям у них читаются ровные сколы. Они могут свидетельствовать о делении многочастной заготовки на части при помощи отшибания. Высота изделия – 5 мм, диаметр – 6 мм.

Аналогичное изделие **бесцветного прозрачного стекла** (Ксизово-17Б, погребение 6: рис. 290: 6), но меньшего размера – также, возможно, двухслойное. У оснований канала читаются шейки-закраины. Высота бусины составляет 3 мм, диаметр – 4 мм.

Цилиндрические пронизи малого диаметра (до 3-3,5 мм).

Цилиндрические одночастные пронизи красного глухого стекла. Высота изделий – 4-8 мм, диаметр – 2,5 – 3 мм. Места находок: Ксизово-17А, погребение 29 (2 экз.; рис. 283: 16, 17; 289: 16, 17); Ксизово-19, объект 1 (17 экз., в т.ч. у скелета А – 4 экз., у скелета Б – 2 экз., у скелета Г – 11 экз.; рис. 284: 8, 9; 291: 8).

Отличительной чертой украшений данного типа, происходящих из Ксизово, является наличие у оснований каналов большинства изделий шеек-закраин и коричневых прожилок-свилей. Аналогичные пронизи красного глухого стекла происходят из могильников Среднего Поочья, причем подобные признаки характеризуют украшения горизонта конца IV/начала V – конца V/начала VI в. (Румянцева, 2007а, с. 219-221).

Среди дальних аналогий изделиям данного типа – находки из античных памятников Северного Причерноморья (Алексеева, 1978, с. 67; табл. 33:14). В Центральной Европе они распространяются, начиная с периода C2, т.е., с середины III в. (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 39, Type 149). Среди находок подобных бус эпохи Великого переселения народов А.В. Мастыкова обращает внимание на серию изделий, происходящих из дунайского региона (княжеское захоронение в Смолине второй трети V в., погребение 5 из Врхославице 2 периода D3 (450-470/480), Виминациум, погребение 63 периода D2/D3, (430/440-460/470), Чёвар периода D2/D3, Нитра и др.) (Ivanišević et al., 2006, p. 95, fig. 69:132).

Цилиндрические одночастные пронизи темно-синего прозрачного стекла. Высота составляет 5-6 мм, диаметр – 2,5-3 мм. Места находок: Ксизово-17А, погребение 29 (3 экз.; рис. 283: 21-23; 289: 21-23); Ксизово-19, объект 1 (12 экз., в т.ч. у скелета А – 8 экз., у скелета Б – 1 экз., у скелета Г – 3 экз.; рис. 284: 4; 291: 7), яма 12 (9 экз., рис. 286: 9-11; 293: 9-11), культурный слой (2 экз., рис. рис. 288: 22, 23; 295: 28, 29).

Цилиндрические двухчастные пронизи темно-синего прозрачного стекла (Ксизово-19, объект 1: у скелета А – 2 экз., рис. 284: 3; 291: 3). Высота – 11-11,5 мм, диаметр – 2,5 мм.

Находки подобных пронизей, одно- и двухчастных, происходят из античных памятников Северного Причерноморья (Алексеева, 1978, с. 67, табл. 33:14), а также из Каллатиса (Preda, 1980; Ivanišević et al., 2006, p. 94; fig. 69:127-129). В Центральной Европе они начинают распространяться в период С2 (250/260–300/320) и продолжают существовать в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 39, Type 145). Встречены они и в материалах среднедунайских варварских некрополей Виминациума и Сингидунума. В меровингских некрополях они найдены в захоронениях конца V – VI вв. (Ivanišević et al., 2006, p. 94).

На территории Среднего Поочья единичные находки аналогичных пронизей происходят из погребения 44 могильника Заречье-4, которое по набору бус массовых типов может быть датировано концом IV/началом V – концом V / началом VI в. (Румянцева, 2007а, с. 236), а также с поселения Мухино-2 Острой Луки Дона (Земцов, 2012, рис. на с. 180).

Цилиндрические одночастные пронизи темно-зеленого прозрачного стекла. Высота – 6 мм, диаметр – 2-3 мм. Места находок: Ксизово-17А, погребение 29 (3 экз., рис. 283: 13-15; 289: 13-15); Ксизово-19, объект 1 (у скелета А – 1 экз., рис. 284: 6; 291: 6).

Цилиндрические одночастные пронизи зеленого полупрозрачного стекла (Ксизово-17Б, погребение 6: 2 экз., рис. 290: 4, 5). У оснований канала изделий читаются шейки-закраины. Их высота составляет 8-8,5 мм, диаметр – 3 мм.

В римское время пронизи темно-зеленого прозрачного стекла широко известны в Северном Причерноморье. Е.М. Алексеева отмечает, что находки данного типа наиболее характерны для второй половины I-II вв. (Алексеева, 1978, с. 67; табл. 33:17). В Центральной Европе пронизи зеленого прозрачного стекла получают распространение, начиная с периода С2, т.е., с середины III в.; доживает данный тип бус до периода D, т.е. до начала эпохи Великого переселения народов (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 39, Type 146).

В Среднем Поочье аналогичные изделия темно-зеленого прозрачного стекла происходят из погребения 44 могильника Заречье-4, которое по набору бус массовых типов может быть датировано концом IV/началом V – концом V/началом VI в. (Румянцева, 2007а, с. 236).

Цилиндрическая одночастная пронизь черного или темно-коричневого непрозрачного стекла (Ксизово-17Б, погребение 6: рис. 290: 2). У оснований канала изделия читаются шейки-закраины. Высота изделия – 5,5 мм, диаметр – 3 мм.

Аналогии данному украшению происходят из среднедунайского варварского некрополя Сингидунума, где они встречены в материалах второй половины V – начала VI в. (Ivanišević et al., 2006, p. 95, 103, 104).

Крупная цилиндрическая пронизь темно-синего прозрачного стекла (Ксизово-19, культурный слой: рис. 288: 24; 295: 30). Ее высота составляет 13 мм, а диаметр – 5 мм.

Украшения данного типа широко распространены во времени. В Центральной Европе крупные цилиндрические бусы синего стекла появляются на фазах В1 и В2, т.е., в I в.н.э., и известны вплоть до эпохи Великого переселения народов (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 39, Type 135). На Среднем Дунае они встречены в некрополе Сингидунума, в захоронениях конца IV – первой половины V в. (Ivanišević et al., 2006, p. 94, 101, fig. 69: 125, 126).

Бисер кольцевидной, шаровидной и цилиндрической формы и многочастные пронизи с долями аналогичной формы.

Бисер красного глухого стекла, высота изделий составляет 1,5-3 мм, диаметр – 3-4 мм. Места находок: Ксизово-19, объект 1 (184 экз., в т.ч. у скелета А – 52 экз., у скелета Б – 11 экз., у скелета Г – 121 экз.; рис. 284: 10, 11, 14; 291: 9).

Двухчастные пронизи красного глухого стекла. Высота – 4-7 мм, диаметр – 2,5-4 мм. Места находок: Ксизово-19, объект 1 (43 экз., в т.ч. у скелета А – 7 экз., у скелета Б – 2 экз., у скелета Г – 34 экз.; рис. 284: 13, 15-17; 291: 10).

Трехчастные пронизи красного глухого стекла. Высота изделий составляет 8-11 мм, диаметр – 2,5-3,5 мм. Места находок: Ксизово-19, объект 1 (3 экз., в т.ч. у стелета А – 1 экз., у ске-

лета Г – 2 экз.; рис. 284: 12; 291: 11); культурный слой (1 экз., рис. 288: 1; 295: 1).

В Среднем Поочье аналогичные изделия – малых размеров, с темно-коричневыми прожилками-свилями и, как правило, с шейками-закраинами у оснований каналов – характерны для горизонта конца IV/начала V – конца V/начала VI в., а в единичных случаях известны и в более позднее время (Румянцева, 2007а, с. 219-221). Перечисленные признаки отличают их от украшений позднеримского времени, имеющих однородный ярко-красный цвет, практически без свилей, иногда с розовым или оранжевым оттенком, и чуть более крупные средние размеры. Среди последних часто встречаются также экземпляры с заглаженными основаниями каналов, что не характерно для изделий эпохи Великого переселения народов. Кроме того, среди изделий III-IV вв. встречаются пронизи с 4-мя и более долями, а у украшений эпохи Великого переселения народов количество долей не превышает трех (Румянцева, 2007а, с. 214, 219-221).

В Северном Причерноморье мелкие бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек, известны в I-III вв. (Алексеева, 1978, с.63, табл. 33: 1). В эпоху раннего средневековья подобные украшения также встречаются. В частности, они происходят из материалов аламаннского некрополя Вайнгартен последней трети VI – первой половины VII в. (Theune-Vogt, 1990, S. 30, 38; Type 34).

Бисер темно-синего прозрачного стекла. Высота изделий составляет 2-3 мм, диаметр – 2,5-3 мм. Места находок: Ксизово-17А, погребение 29 (29 экз., рис. 283: 25-29; 289: 25-29); Ксизово-19, яма 12 (15 экз., рис. 286: 4, 5; 293: 4, 5), культурный слой (1 экз., рис. 288: 25; 295: 27).

Двухчастные пронизи темно-синего прозрачного стекла. Высота составляет 6-8,5 мм, диаметр – 2,5-3,5 мм. Места находок: Ксизово-17А, погребение 29 (1 экз., рис. 283: 24; 289: 24); Ксизово-19 объект 1 (2 экз., в т.ч. у скелета А – 1 экз., у скелета Г – 1 экз.; рис. 284: 5; 291: 4, 5); яма 12 (5 экз., рис. 286: 6-8; 293: 6-8). 6 фрагментов аналогичных многочастных (возможно, также двухчастных) пронизей, у которых сохранилось по одной доле, происходят из ямы 12 раскопа 7 Ксизово-19.

На территории Среднего Поочья подобные украшения немногочисленны, однако единичные аналогии им происходят из погребения 44 могильника Заречье-4, которое по набору бус массовых типов может быть датировано концом IV/началом V – концом V/началом VI в. (Румянцева, 2007а, с. 236). Бисер темно-синего прозрачного стекла с шейками-закраинами встречен также в погребении 82 могильника Кораблино, которое по металлическим украшениям датируется гуннским временем, и содержит при этом бусы массовых типов, типичные для позднеримского горизонта (Румянцева, 2007а, с. 219-221).

В Северном Причерноморье подобные украшения были распространены в первые века нашей эры (Алексеева, 1978, с. 65). В материалах черняховской культуры они появляются не ранее второй трети IV в. (Гопкало, 2008, с. 26-27, табл. II; IX: 7). В эпоху Великого переселения народов подобные украшения известны в Моравии, в захоронениях второй трети V в. (Смолин, Новый Шалдорф, Врхославице). В варварских могильниках Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае украшения данного типа происходят из захоронений конца IV – второй трети V в. (Ivanišević et al., 2006, p. 99-102; fig. 70: 188-192).

Бисер зеленого полупрозрачного стекла (Ксизово-17А, погребение 29: 25 экз., рис. 283: 18-20; 289: 18-20). Высота составляет 1,5-2 мм, диаметр – 2,5-3,5 мм.

В Северном Причерноморье украшения данного типа были распространены в I-IV вв. (Алексеева, 1978, с. 64, тип 9, рис. 33:3). Известны они и в материалах черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 26, табл. II:IX:4). В эпоху Великого переселения народов подобные изделия встречены в Моравии (Похоржелице, Смолин), где они датируются 360/370-460/470 гг., а также на Среднем Дунае (Виминациум, Сингидунум), в материалах второй трети V в. и конца V – VI (возможно, первой половины) в. (Ivanišević et al., 2006, P. 98, 101-104; Fig. 70:168-174).

Двухчастная пронизь желтого непрозрачного стекла с долями шаровидной формы (Ксизово-17Б, погребение 6: рис. 290: 1). Высота изделия составляет 7 мм, диаметр – 4 мм.

Четырехчастная пронизь с долями шаровидной формы (Ксизово-17Б, погребение 6: рис. 290: 7). Цвет изделия не определяется из-за плохой сохранности стекла. Высота пронизи составляет 10 мм, диаметр – 3 мм.

Бисер шаровидной и цилиндрической формы, цвет не определяется из-за плохой сохранности стекла (Ксизово-19, яма 12: 3 экз., рис. 286: 4). У оснований канала читаются шейки-закраины. Высота изделий составляет 3-4 мм, диаметр – 3-3,5 мм.

Двухчастная пронизь с долями шаровидной формы, цвет не определяется из-за плохой сохранности стекла (Ксизово-19, яма 12: рис. 286: 8). Высота изделия составляет 6,5 мм, диаметр – 3 мм.

Кроме перечисленных находок, в объекте 1 раскопа 7 Ксизово-19 обнаружено неопределенное число (вероятно, не менее 30) изделий ***темно-синего прозрачного стекла***, спекшихся между собой под действием высокой температуры, среди которых – бисер, цилиндрические и многочастные пронизи темно-синего прозрачного стекла (рис. 284: 1; 291: 1).

Ко второй подгруппе – **рубленый бисер** – относятся следующие находки.

Бисер цилиндрической формы желтого глухого стекла, края острые (Ксизово-17Б, погребение 6; 4 экз., рис. 290: 3, 8-10). Высота составляет 1,5-4,5 мм, диаметр – 3,5-5 мм.

Бисер кольцевидной формы черного глухого и желто-оранжевого глухого стекла. Боковые грани закруглены и не имеют острых краев. Вероятно, после деления трубочки на части украшения подвергались тепловой обработке. Высота изделий составляет 1-2 мм, диаметр – 3-3,5 мм. Места находок: Ксизово-19, погребение 13 (черного глухого стекла – 76 экз.; желто-оранжевого стекла – 124 экз.; рис. 285: 28-34; 292: 9-16).

В античных памятниках Северного Причерноморья бисер цилиндрической формы известен в разновременных материалах, включая первые века н.э. (Алексеева, 1978, с. 66-67). В Центральной Европе плоские бусы, изготовленные из непрозрачного стекла, в т.ч. желтого и черного, характерны для фаз B2/C1-Clb/C2 (160/180 – 300/320 гг.), т.е. преимущественно для позднеримского времени (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 32, Type 52, 55). Значительная серия находок рубленого бисера разных цветов происходит из материалов северокавказского могильника Брут 2 второй половины II – середины III в. (Румянцева, 2009).

Точные аналогии данным украшениям, происходящие с сопредельных территорий, неизвестны. Однако в рязано-окских могильниках бисер, изготовленный в технике отшибания (но из красного глухого стекла), характерен только для одного периода. Он появляется в конце IV/начале V в. и доживает до времени не позднее конца V/начала VI вв. (Румянцева, 2007а). Помимо технологии изготовления, изделия данной группы часто отличает особый химический состав, свидетельствующий о том, что они изготовлены из стекла, сваренного на основе золы солончаковых растений аридной зоны Востока, т.е., происходят из центров, работавших в определенной производственной традиции (Румянцева, 2007а; 2009). На Средней Оке стекло устойчивого, однозначно «зольного» состава характерно только для обозначенного периода.

Изделия из трубочки, полученной методом выдувания.

Цилиндрическая пронизь бесцветного прозрачного стекла, изготовленная, вероятно, при помощи отшибания (Ксизово-19, объект 1: рис. 284: 7; 291: 12). Ее высота составляет 9 мм, диаметр – около 2 мм.

Из территориально близких аналогий необходимо упомянуть находку из погребения 82 могильника Кораблино на Средней Оке, которое по сочетанию вещей может быть отнесено, вероятно, к началу гуннского времени. Бусы различаются способом деления трубочки на части – у находок из Кораблино имеются шейки-закраины.

Изделия, выполненные в неопределенной технологии

Бусы ребристой формы. Одна из них изготовлена из светло-коричневого прозрачного стекла; вероятнее всего, ее основа была выполнена из тянутой трубочки (Ксизово-19, погребение 13: 1 фрагмент, рис. 285: 41; 292: 20). Размеры не определяются; высота сохранившейся части составляет 8 мм.

Вторая бусина сделана из сине-голубого полупрозрачного стекла (Ксизово-19, погребение 13: 1 фрагмент, рис. 285: 40; 292: 21); судя по широкому каналу, ее основа могла быть выполнена в технике навивки. Высота бусины составляет 4 мм, диаметр – около 7-8 мм.

На территории Восточной Европы бусы подобных форм известны в позднеримское время в Северном Причерноморье (Алексеева, 1978, табл. 33: 46-56) и в ареале черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 35); в Центральной Европе они доживают по меньшей мере до фазы D, т.е. до конца IV – первой половины V в. (Tempelmann-Mączyńska, 1985, S. 40). В V-VI вв. ребристые бусы известны на территории Северного Кавказа (Ковалевская, 2000, с. 18-19).

Фрагмент **граненой бусины темно-синего прозрачного стекла** (Ксизово-17, мыс, погребение 6: рис. 283: 6; 289: 6). Форма и размеры бусины не определяются, общие размеры сохранившегося фрагмента в максимальном измерении составляют 12 × 5 × 5 мм.

Бусина из египетского фаянса

Из египетского фаянса изготовлена одна бусина. Она имеет эллипсоидную форму и выполнена из фаянса серо-голубого цвета (Ксизово-17Б, культурный слой поселения; рис. 283: 35; 289: 35). Изделие декорировано прочерченным орнаментом в виде штриховки и ободков у оснований канала. Высота бусины составляет 17 мм, диаметр – 9 мм.

Аналогии, морфологически близкие находке из Ксизово, мне неизвестны. В целом же украшения из египетского фаянса были распространены как в античное время, так и в эпоху раннего средневековья; наиболее поздние из них происходят из комплексов V-VI вв. (Ivanišević et al., 2006, p. 122; Румянцева, 2009, с. 351). Не исключено, что этот экземпляр относится к горизонту I-II вв. н.э., материалы которого представлены в Ксизово-17Б.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БУС ПО КОМПЛЕКСАМ

Из 63 погребений гуннского времени из Ксизово-17 бусы встречены лишь в 5-ти или 6-ти – в зависимости от того, к какому времени относится погребение 27 (Ксизово-17А) с бусами из свинцово-кремнеземного стекла. Редкая встречаемость бус в погребениях обусловлена, вероятно, наличием на могильнике большого числа безынвентарных захоронений. В 4 случаях они принадлежали взрослым женщинам (Ксизово-17, мыс, погр. 6, Ксизово-17А, погр. 29, Ксизово-17Б, погр. 2, 6), в одном случае бусина найдена в мужской могиле (Ксизово-17А, погр. 19), в одном – в детской (Ксизово-17А, погребение 27) (рис. 283; 289; 290). Количество бус в погребениях невелико: одна находка происходит из мужского захоронения и от 4 до 66 – из женских. В двух захоронениях взрослых женщин (Ксизово-17А, погр. 29, 66 экз., рис. 283: 8-29; 289: 8-29; Ксизово-17Б, погр. 6, 10 экз., рис. 290: 1-11) бусы обнаружены в районе шеи погребенных, что позволяет рассматривать их как детали ожерелий, состоявших, вероятно, исключительно из бус и не имевших металлических элементов, или расшивок ворота и/или нагрудной части одежды. В одном случае (взрослая женщина в парном захоронении 6, участка Мыс, рис. 283: 1-6; 289: 1-6) 4 бусины обнаружены в районе верхних позвонков грудного отдела, у правой лопатки, под черепом и у плечевой кости, а 2 – у локтя и предплечья. Учитывая то, что скелеты в захоронении повреждены, можно предположить, что бусы, также входившие в состав небольшого ожерелья, были перемещены с исходного местоположения. В одном случае (Ксизово-17Б, погребение 2, рис. 283: 30-33; 289: 30-33) две бусины в захоронении молодой женщины 16-20 лет найдены под нижней челюстью, а две обнаружены в районе локтя погребенной. В мужском захоронении 19 (Ксизово-17А, рис. 283: 7; 289: 7) единственная бусина средних размеров была зафиксирована в районе таза погребенного. Рядом были найдены остатки нагайки, бритвы и ножа, очевидно, подвешенных к поясу покойного (см. главу 4). Назначение бусины неясно, однако можно предположить, что она была связана с поясным набором и, возможно, с системой крепления упомянутых предметов к поясу. Бусы из погребения 27, возможно, древнерусского горизонта (рис. 290: 12-30), локализованы под черепом захороненного здесь ребенка. Три украшения – крупная сферическая бусина с накладным спиралевидным декором (рис. 283: 34; 289: 34), украшение из фаянса (рис. 283: 35; 289: 35), бусина из бесцветного прозрачного стекла (рис. 283: 36; 289: 36) – происходят из культурного слоя памятника, одно (уплощенная бусина голубого полупрозрачного стекла, рис. 283: 7; 289: 37) – из постройки 1 раскопа 3 Ксизово-17А с керамикой группы Каширка – Седелки второй половины III – начала IV в.

В одном случае комплекс бус, вероятно, дает возможность уточнить дату захоронения. По металлическому инвентарю (серьгам с полиэдрическими окончаниями) А.М. Обломский датирует погребение 29 (Ксизово-17А) временем не ранее конца IV – начала V в. Учитывая период наибольшего распространения полосато-глазчатых украшений (рис. 283: 8, 9; 289: 8, 9), дата захоронения, предположительно, может быть смещена к середине V в. В остальных случаях даты наборов бус не противоречат тем, что получены на основании других категорий погребального инвентаря (о возможности отнесения погребения 27 к древнерусскому горизонту см. раздел «Химический состав стекла»).

В могильнике Ксизово-19 только в двух случаях бусы зафиксированы в погребениях. Они происходят из объекта 1 раскопа 7 (265 экз.; рис. 284; 291) и погребения 13 (237 экз.; рис. 285; 292).

Объект 1 раскопа 7 представляет собой погребение 4-х взрослых индивидов, захороненных ярусами в одной яме. Бусы зафиксированы скоплениями в районе трех из четырех скелетов:

- к северу от скелета Г, захороненного в нижнем ярусе. Точное расположение бус не установлено, т.к. они были обнаружены при просеивании грунта через сито. Здесь обнаружены цилиндрические пронизи красного глухого, темно-синего прозрачного и бесцветного прозрачного стекла, бисер, двухчастные и трехчастные пронизи красного глухого стекла, а также бусина темно-синего (?) стекла, изготовленная в технике навивки. Общее количество находок составляет 173 экземпляра;

- в районе правого локтя скелета Б (третий ярус). Из скопления происходят цилиндрические пронизи красного глухого и темно-синего прозрачного стекла, а также бисер и двухчастные пронизи красного глухого стекла, общее количество составляет 16 экз.;

- к северу от затылка скелета А (верхний, четвертый ярус). Здесь находились цилиндрические пронизи красного глухого стекла, зеленого прозрачного стекла, одно- и двухчастные цилиндрические пронизи темно-синего прозрачного стекла; бисер, двухчастные и трехчастная пронизи красного глухого стекла, общее количество находок – 76 экз.

Группа спеченных бисера и пронизей темно-синего прозрачного стекла в количестве не менее 30 шт. происходит также из завала обожженной обмазки в заполнении могильной ямы, связанного, вероятно, с жилой постройкой, которая принадлежала поселению, предшествовавшего могильнику, и погибла в результате пожара. Материалы из нее могли попасть в склеп при засыпке погребения. Кости же захороненных в склепе людей и связанный с ними погребальный инвентарь не обожжены (см. главу 6 настоящей монографии). В то же время, спекшиеся бусы абсолютно идентичны бисеру и пронизям, происходящим из самого погребения.

Комплекс интерпретирован А.М. Обломским как коллективное захоронение в склепе, уникальное для Верхнего Подонья и имеющее аналогии в крымско-северокавказском регионе (Обломский. 2010г; см. также главу 6). По находке псалия он датируется первой третью V – началом VI вв. Набор бус не противоречит данной датировке – по аналогиям с материалами Средней Оки его дата может быть определена в пределах конца IV/начала V – конца V/начала VI вв. (Румянцева, 2007а).

Сразу несколько обстоятельств, связанных с бусами из данного комплекса, заслуживает особого внимания, не находя однозначного объяснения. Во-первых, все захоронения в склепе принадлежали взрослым мужчинам. Как правило, массовые находки бус, обычно являющихся элементом женского костюма, для погребений мужчин не характерны. Наряду с этим местоположение бус, расположенных скоплениями у скелетов А и Б, позволяет предположить, что они являются приношением, а не элементом убора погребенных. Во-вторых, расположение скелетов ярусами предполагает, что захоронения должны были совершаться последовательно в разное время. Тем не менее, бусы, найденные у скелетов Г, Б и А, идентичны. При этом для Верхнего Подонья изучаемого периода не отмечается стандартизация наборов, характерная, например, для финского населения Поочья и Среднего Поволжья. Создается впечатление, что данные наборы составлялись единовременно. Наконец, идентичны находкам из склепа (не носящим следов огня) и спекшиеся пронизи и бисер из сгоревшей постройки, предшествовавшей по времени коллективному захоронению.

В связи с перечисленными обстоятельствами необходимо упомянуть находки бус из ямы 12 раскопа 7 (рис. 286; 293). Как считает А.М. Обломский, яма 12 (изначально использовавшаяся как хозяйственная) и объект 1, были, вероятно, засыпаны мусором, образовавшимся после сожжения одной и той же постройки. В одном горизонте стратифицированного заполнения ямы зафиксированы кости младенца и бусы, которые могли попасть сюда вместе с обмазкой (см. главу 5). При этом в ней зафиксированы бисер, двухчастные и цилиндрические пронизи, идентичные находкам из склепа. Помимо них, здесь встречены также бусы красного глухого стекла, изготовленные в технике навивки; аналогичное им изделие, но, вероятно, синего, а не красного стекла (цвет его точно не определяется) также было найдено в склепе. Две из бус-навивок из ямы 12 оплавлены, еще одна носит следы пребывания в огне; бисер и пронизи имеют плохую сохранность, незначительное воздействие на них высоких температур, судя по их внешнему виду, не исключено, однако они не оплавлены, как спеченные находки из склепа, происходящие, вероятно, из сгоревшей постройки, разрушенной при его сооружении.

Высокая степень совпадения наборов бус из объекта 1, ямы 12 и, вероятно, разрушенной склепом постройки, материал из которой попал в засыпку склепа и в яму, говорит либо о том, что наборам бус у населения, оставившего комплекс памятников Ксизово-19, все же

была свойственна определенная «стандартизация», возможно, с преобладанием украшений красного и синего цветов, либо о редком совпадении, которое сложно признать случайным. Необходимо, правда, при этом уточнить, что в объекте 1 преобладают находки красного глухого стекла, а в яме 12 – темно-синего прозрачного, при том, что типологически они идентичны. Обстоятельства находки бус в склепе исключают, однако, возможность единовременного формирования всего набора, включающего украшения из объекта 1, ямы 12 и разрушенной постройки.

Наличие бус красного стекла, изготовленных в технике навивки, невысокое качество их изготовления (в частности, наличие следов накладки стекломассы) по аналогии с материалами Средней Оки позволяет датировать время засыпки ямы 12, помещения в нее скелета младенца и бус не ранее, чем серединой V в. (Румянцева, 2007а, с. 217-219).

В погребении 13, принадлежавшем женщине 16-22 лет, большая часть бус была зафиксирована в районе шеи и под нижней челюстью погребенной (рис. 285; 292). Они интерпретированы А.М. Обломским как остатки ожерелья (170 экз.) и головного убора (67 экз.). Последний, уникальный для Верхнего Подонья, имеет аналогии в позднеантичной Европе; на основании него погребение 13 интерпретировано А.М. Обломским как комплекс причерноморской традиции (Обломский, 2011). Данное захоронение отнесено к гуннскому времени, чему не противоречит датировка набора бус, в котором преобладают украшения красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутой палочки, а также имеется рубленый бисер.

Остальные погребения Ксизово-19 не содержали бус. Нужно отметить, что для могильника в целом характерно преобладание безынвентарных захоронений, что обусловлено, вероятно, высокой долей погребений со следами постмортальных манипуляций. В то же время, из культурного слоя поселения происходит множество вещей, которые А.М. Обломский отнес к «предметам могильной группы», убедительно показав их первоначальную связь с могильником и попадание в слой во время разрушения захоронений. Вероятно, к ним относятся и большинство бус, места находок которых в целом совпадают с зонами концентрации металлических украшений – они происходят из раскопов 4, 6, 7 и 9. Из слоя памятника, происходит, таким образом, 38 украшений (рис. 287; 288; 294; 295), среди которых преобладают бусы красного глухого стекла, изготовленные в технике навивки (6 целых и 16 фрагментов) (рис. 288: 2-17; 295: 2-22). Остальные находки представлены бисером и цилиндрическими пронизями темно-синего прозрачного стекла (рис. 288: 22-25; 295: 27-30); трехчастной пронизью красного глухого стекла (рис. 288: 1; 295: 1); крапчатой бусиной (рис. 287: 1; 294: 1, 4); бусиной с декором в виде красных пятен и белых прожилок (рис. 287: 3; 294: 6); бусиной-миллефиори зеленого стекла (рис. 287: 2; 294: 2, 5); бусами темно-синего прозрачного стекла с зигзагообразным декором – двух- и одночастными (рис. 287: 4-6; 294: 8-10); 14-гранной бусиной темно-синего прозрачного стекла со следами несохранившегося декора (рис. 287: 8; 294: 3, 11); уплощенными бусами, изготовленными из темно-синего прозрачного и бирюзового полупрозрачного стекла (рис. 288: 20, 21; 295: 23, 26); бусиной со спиралевидным декором (рис. 287: 7; 294: 7); бусиной неправильной формы темно-синего прозрачного стекла (рис. 288: 18; 295: 25); цилиндро-биконической бусиной серо-голубого глухого стекла (рис. 288: 19; 295: 24); шаровидной янтарно-коричневого прозрачного стекла (рис. 288: 26; 295: 31). Большое количество украшений, происходящих из культурного слоя памятника, что не типично для поселений Центральной России гуннского времени, также подтверждает гипотезу об изначальной связи их с разрушенными захоронениями.

Таким образом, характер конкретных наборов бус из Ксизово-19 и их местоположение в уборе может быть реконструировано только для двух захоронений, принадлежавших пришлым носителям причерноморско-кавказской культурной традиции. Однако наличие большого количества бус в слое могильника говорит о том, что этот элемент убора мог достаточно широко использоваться местным населением; в то же время, количество разрушенных захоронений, из которых бусы попали в слой, неизвестно: это могли быть и единичные комплексы.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛА

Для анализа химического состава стекла было отобрано 22 образца бус: 4 – из Ксизово-17 и 18 – из Ксизово-19. Образцы из Ксизово-17 представлены следующими изделиями:

- цилиндрической пронизью зеленого полупрозрачного стекла, изготовленной из отрезка тянутой трубочки (табл. 1: 1);

- бусиной темно-синего прозрачного стекла со спиралевидным декором, изготовленной в технике навивки (табл. 1: 2),

- бусами-пронизками черного и желтого глухого стекла, изготовленными в технике навивки (табл. 1: 3, 4).

Образцы бус из Ксизово-19 представлены:

- 3 изделиями темно-синего прозрачного стекла, изготовленными в технике навивки: двумя – с зигзагообразным декором (табл. 2: 2, 3) и одной – без декора (табл. 2: 1);

- 8 украшениями красного глухого стекла, изготовленными в технике навивки (табл. 2: 4-11);

- 2 украшениями красного глухого стекла, изготовленными из отрезков тянутой палочки (табл. 2: 12, 13);

- 4 экземплярами бисера и пронизей красного глухого стекла, изготовленными из тянутых трубочек (в т.ч. одной цилиндрической пронизью (табл. 2: 14), одной двухчастной пронизью (табл. 2: 15) и двумя экземплярами бисера (табл. 2: 16, 17);

- 1 цилиндрической пронизью темно-синего прозрачного стекла, изготовленной из отрезка тянутой трубочки (табл. 2: 18).

Плохая сохранность не позволила проанализировать состав стекла рубленого бисера из погребения 13, а соображения экспозиционной сохранности единичных находок – большинство полихромных украшений.

Стекло анализировалось методом эмиссионной спектрографии; материалы Ксизово-17 – в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик – к.т.н. А.Н. Егорьков), Ксизово-19 – в реставрационном отделе Музея археологии Республики Татарстан (аналитик – к.ф.-м.н. Р.Х. Храмченкова).

Из 22 проанализированных стекол 20 относятся к типу Na-Ca-Si (натриево-кальциево-кремнеземных), сваренных на основе природной соды или золы растений и 2 – к типу Pb-Si (свинцово-кремнеземных).

Стекло типа Na-Ca-Si

Изделия темно-синего прозрачного стекла

Изучено 5 образцов бус темно-синего прозрачного стекла, одна из них происходит из Ксизово-17 (табл. 1: 2) и 4 – из Ксизово-19 (табл. 2: 1-3, 18). Все они изготовлены из стекла, сваренного на основе природной соды, что определяется низкими концентрациями оксидов калия и магния, не превышающими соответственно 1,2% и 1,6%. В качестве красителя во всех случаях использован кобальт. Отличительной чертой стекла всех изделий является высокая для содового стекла концентрация марганца (0,4-0,6%). Часть его попала в стекло, вероятно, вместе с кобальтовым сырьем. Кобальт с примесью марганца был типичным красителем, использовавшимся при изготовлении средиземноморских содовых стекол рассматриваемого периода (Галибин, 2001, с. 37). Различия фиксируются на уровне следующих случайных примесей и технологических добавок.

Стекло бус из Ксизово-19, изготовленных в технике навивки, среди которых одна – монохромная и две – с зигзагообразным декором (табл. 2: 1-3), отличаются низкими концентрациями меди (0,06-0,12%) и железа (0,32-0,46%). Железо в подобных концентрациях характеризует, вероятно, источник песка, использованного в качестве сырья при варке стекла (Галибин, 2001, с. 49). Стекло рассматриваемых образцов отличается также высокими концентрациями алюминия (5,57-5,76%).

Стекло цилиндрической пронизи (табл. 1: 18) отличает от рассмотренных образцов более высокая концентрация как никеля, который может быть геохимической характеристикой кобальтовой руды (Галибин, 2001, с. 49), так и железа (1,17%), часть из которого также могла попасть в состав стекла вместе с кобальтом (Hall, Yablonsky, 1997, p. 373).

Стекло бусины со спиралевидным декором из Ксизово-17 (табл. 1:2) характеризует более высокие примеси меди (0,2%) и железа (1,2%), но более низкое содержание алюминия (3,6%). Медь могла быть как характеристикой кобальтового сырья, так и добавляться независимо – для корректировки цвета изделий или для удешевления процесса производства. Согласно данным современных стеклоделов, производящих бусы с использованием традиционных технологий, кобальтовое сырье обходится в 10 раз дороже медного (Küçükerman, 1988, p. 81). Незначительные концентрации меди могут свидетельствовать также об использовании в производстве стеклобоя (Freestone, 2005).

Исходя из полученных данных, можно предположить, что при окрашивании бус разных типов, изготовленных из синего стекла и происходящих из Ксизово-17 и 19, использовался кобальт из различных источников. Не исключено, что различия в содержании меди могут говорить также и о разных способах окрашивания стекла.

Общие источники сырья и традиции окрашивания могут характеризовать лишь бусы в технике навивки (монохромную и с зигзагообразным декором) из Ксизово-19. В то же время, не следует забывать о том, что в рассматриваемую эпоху для окрашивания стекла могли использоваться не только минеральные красители, но и цветной стеклобой, что в ряде случаев также может влиять на содержание и соотношение в стекле различных элементов, включая упомянутые железо, медь, никель, марганец.

Полученные результаты можно сопоставить с данными анализов состава стекла бус эпохи Великого переселения народов, также окрашенных кобальтом и происходящих как из Верхнего Подонья (являющихся частью представительной аналитической базы, собранной А.В. Мастыковой и А.Н. Егорьковым), так и из Верхнего и Среднего Поочья (Румянцева, 2007б; Егорьков, 2010; Румянцева, в печати-2).

Крапчатые бусы бассейнов Верхнего Дона и Средней Оки, а также бисер Среднего Поочья отличаются от изучаемых более разнородным составом на уровне основных стеклообразующих элементов, часто не позволяющим определить исходное сырье, использованное при варке стекла (зола или сода). Однако среди них есть экземпляры, изготовленные, как и ксизовские находки, из содового стекла. В целом стекло крапчатых бус содержит достаточно высокие концентрации меди (0,2-2,3%) и железа (1-2,4%) (Румянцева, 2007б; в печати-2). Данное сочетание отличает их от стекла навитых бус и цилиндрической пронизи из Ксизово-19. Различаются они и по содержанию алюминия (изучаемые бусы – более 5%, бисер и пронизи из Поочья и крапчатые – 1,4-4,1%). Бусина со спиралевидным декором из Ксизово-17 (табл. 1: 2) ближе среднеокским и верхнедонским крапчатым по содержанию перечисленных элементов; правда, в отличие от последних, в ней не зафиксированы оксиды свинца и олова.

Стекло 14-гранной бусины с Дьякова городища отличается высокой концентрацией железа и отсутствием меди, что сближает ее с пронизью из объекта 1 Ксизово-19 (табл. 2: 18), но имеет существенно более низкое содержание алюминия (1,9%) и высокую концентрацию сурьмы (1%) (Кренке, Румянцева, 2008, с. 103: табл. 1:4).

Итоги сравнительного анализа позволяют говорить, во-первых, о достаточно разнородном составе окрашенного кобальтом стекла бус, происходящих из рассматриваемого региона, как на уровне стеклообразующих элементов, так и технологических добавок и примесей. Сочетание высоких концентраций марганца при низком содержании меди и железа в содовом стекле, характеризующее навитые бусы из Ксизово-19 (монохромную и с зигзагообразным декором) является, согласно имеющимся на сегодня данным, не типичным для украшений, поступающих в изучаемый регион.

Изделия красного глухого стекла

Изучено 14 образцов бус красного глухого стекла. По особенностям химического состава его можно разделить на 2 группы. Первая представлена бусами в технике навивки, бисером и пронизями из тянутых трубочек; вторая – биконическими бусами, изготовленными из отрезков тянутых палочек.

Бусы в технике навивки и из отрезков тянутых трубочек (табл. 2: 4-11, 14-17) отличает, во-первых, «пограничное» содержание оксидов калия и особенно – магния, не позволяющее однозначно определить характер использованного сырья – зола или сода. И если концентрация калия во всех образцах достаточно высока, но все же ниже формального пограничного значения – 1,5%, разделяющего зольное и содовое стекло (см.: Галибин, 2001, с. 69), то содержание магния в 9 из 12 случаев превышает его. Существует несколько версий происхождения стекла подобного состава. По мнению А.Н. Егорькова, при изготовлении цветного стекла, использовавшегося при производстве украшений, мог применяться морской песок, богатый данными химическими элементами; в этом случае оно могло быть изготовлено на природной соде (Egorkov, 2006; Егорьков, 2011). Не исключено также, что причиной подобных содержаний данных элементов могла быть примесь стекольного боя, использовавшаяся при изготовлении бус. Однако в этом случае стоит предположить, что бусы изготавливались в регионе, где одинаково широко были распространены и зольные, и содовые стекла, т.к. бусы подобного состава встречаются в эпоху Великого переселения народов достаточно часто. В западноевропейской литературе подобное стекло принято называть «mixed-alkali glass», дословно – «смешанно-щелочным» или стеклом, изготовленным на основе смешанного щелочного сырья. При изучении англо-саксонского стекла второй половины VI-VII в. ряд особенностей состава стекла с содержаниями оксидов калия и магния, незначительно превышающими значе-

ния, типичные для содового стекла, позволили авторам заключить, что для его изготовления использовалась, видимо, «смесь материалов, содержащих природную соду, и материалов, содержащих растительную золу», при этом форма, в которой они попали в состав стекломассы, неясна. Как предположили исследователи, его основой стало содовое стекло, к которому могло быть добавлено до 20% «содержащего золу материала» (Freestone et al., 2008). Однозначного объяснения, как получалось стекло подобных составов, на сегодня не существует.

Ряд отличительных признаков характеризует стекло перечисленных бус на уровне технологических добавок и случайных примесей. Оно окрашено медью, однако во всех образцах присутствует также кобальт, краситель синего цвета; содержание его на порядок ниже, чем в синем стекле, однако слишком высоко, чтобы рассматриваться как незначимое. Нужно отметить, что кобальт, с одной стороны, является сильным красителем, даже малых концентраций которого хватает для окраски стекла в синий цвет, с другой – достаточно дорогим. Присутствие его в стекле красного цвета представляется необъяснимым. Образцы рассматриваемых бус содержат также высокие концентрации свинца, железа и алюминия, а в большинстве случаев – марганца. Стекло этой группы отличается также повышенным, на фоне остальных образцов выборки, содержанием никеля и цинка, а стекло бус, изготовленных в технике навивки – также и более высоким содержанием висмута. Перечисленные элементы могут быть спутниками меди, кобальта или свинца (Галибин, 2001, с. 48-50).

Близкое по составу стекло, также содержащее кобальт, характеризует и бусы могильников Среднего Поочья, изготовленные по аналогичным технологическим схемам. В качестве близкой по составу аналогии необходимо упомянуть также украшения красного стекла, происходящие с Боспора (Галибин, 2000, с. 254-255, ан. № 10-11). Присутствие кобальта в незначительных концентрациях, не связанное с окрашиванием стекла, обычно рассматривается как признак использования в производстве стеклобоя: в этом случае он и некоторые другие элементы могли попадать в стекло вместе с осколками декорированных сосудов (Freestone, 2003, p. 111-115). Однако в данном случае вторичное использование стекла (весьма вероятное при изготовлении данных бус) не объясняет присутствие кобальта во всех образцах (а в стекле окской выборки – еще и связь между присутствием кобальта и определенной технологией изготовления украшений – навивкой). Столь неординарные особенности состава позволяют предположить, что место производства и, следовательно, источник поступления бус к населению Боспора, Средней Оки и Верхнего Дона был общим.

В бусах красного стекла, изготовленных из отрезков тянутой палочки (табл. 2: 12, 13), концентрация калия и магния составляет менее 1%, что говорит об использовании при его изготовлении в качестве сырья природной соды. Данное стекло также окрашено медью, при этом от красных бус прочих технологических групп его отличают: низкое (менее 0,1%) содержание марганца, что характерно для содового стекла, в котором он не использовался специально в качестве технологической добавки; более высокое содержание свинца и сурьмы; более низкое содержание алюминия и цинка. Различия между двумя изученными образцами бус данной технологической группы фиксируются на уровне концентраций олова, железа и висмута.

Сырье и технологические добавки, использованные при изготовлении бус из тянутой палочки, отличаются от тех, что применялись при производстве прочих изделий красного стекла из Ксизово. Крайне важны различия в составе не только в стекле бус из ксизовского археологического комплекса, выполненных с использованием различных технологий, но и между верхнедонскими и среднеокскими бусами. Наборы стеклянных украшений рязано-окских могильников синхронного периода характеризуются присутствием большого количества бус из палочек, однако там проанализированные украшения, относящиеся к данному горизонту, изготовлены из стекла, сваренного в другой традиции – на основе золы солончаковых растений аридной зоны Востока (Румянцева, 2007а; 2010, с. 293). Речь при этом идет не о микрорегиональных отличиях, а о принципиально разных центрах стеклоделия: в изучаемую эпоху содовое стекло характеризует центры Восточного Средиземноморья и Европы, а зольное – региона Месопотамии. При этом на уровне морфологии наблюдаются лишь небольшие различия, обусловленные характером дополнительной обработки заготовок. На основе данных химического состава стекла, таким образом, можно заключить, что, несмотря на внешнее сходство, верхнедонские и среднеокские бусы имеют разное происхождение и не могут рассматриваться как аналогии.

Пронизь зеленого полупрозрачного стекла

Стекло зеленой полупрозрачной пронизи (табл. 1: 1) имеет состав, не позволяющий однозначно определить сырье, использованное при его изготовлении: зола солончаковых растений или природная сода. Оно содержит пограничную концентрацию оксида калия (1,3%) и высокую для содового стекла концентрацию магния (2,4%). Для получения непрозрачного стекла зеленого цвета использована медь в сочетании с оловом и свинцом.

Стекло типа Pb-Si

Стекло двух навитых бус-пронизок, происходящих из одного и того же захоронения (Ксизово-17А, погр. 27, табл. 1: 3, 4), характеризует отсутствие или крайне низкое (до 0,6%) содержание оксидов натрия, калия, кальция и магния, обычно являющихся основными стеклообразующими компонентами в стекле I тыс. н.э. Концентрации оксида алюминия также нехарактерно малы (0,1-0,2%). Основу стекла данных бус составляют оксиды свинца (59-70%) и кремния.

Мне известна лишь одна находка бусины эпохи Великого переселения народов, изготовленная из стекла данного геохимического типа. Это навитой бисер черного стекла типа «Смолин», происходящий из Нового Шалдорфа (Моравия). При этом еще 32 находки подобных украшений, происходящие из Центральной Европы и Западного Предкавказья, изготовлены из стекла, сваренного с использованием содового или зольного сырья (Румянцева, в печати-2). В целом же свинцово-кремнеземное стекло еще не получило распространения в I тыс.н.э. В этот период бесщелочное свинцовое стекло отличает лишь изделия китайского и японского происхождения; отдельные его находки встречены на памятниках Дальнего Востока от рубежа эр до конца I/начала II тыс.н.э. (Красноярский, Хабаровский край, Амурская область (Галибин, 2001, с. 77, кат. № 683, 1293, 1302, 1386, 1389). В то же время, свинцово-кремнеземное стекло является типичным для древнерусского периода (Галибин, 2001, с. 82). Погребение 27 не содержало других находок, кроме навитых бус, оно отнесено к эпохе Великого переселения народов на основе положения костяка. Захоронения древнерусского периода на могильнике многочисленны. Бусы подобного типа имеют широкую датировку, в древнерусское время они хорошо известны (см. раздел «Систематизация, хронология и зоны распространения бус»). Не исключено, что данные изделия, и, соответственно, содержащее их погребение относятся к древнерусскому периоду.

По типологическим признакам и технологии изготовления бусы из погребения 27 очень близки находкам из захоронения 2 Ксизово-17Б, однако выявленная разница в химическом составе стекла не позволяет считать их аналогиями. Украшения, происходящие из погребения 2, безусловно относящегося к эпохе Великого переселения народов, не содержат определимых концентраций свинца и относятся к классу натриево-кальциево-кремнеземных, что типично для изучаемой эпохи[4].

Итоги изучения химического состава стекла бус из Ксизово сводятся к следующему. Бусы красного глухого стекла изготовлены в двух различных традициях и происходят из разных источников: экземпляры, сделанные в технике навивки и из отрезков тянутой трубочки, объединены общим происхождением с окскими и, вероятно, боспорскими украшениями. С известной долей осторожности можно уточнить на основе данных химического состава стекла и датировку бисера и пронизей из объекта 1: если по морфологии и технологии изготовления они имеют аналогии на Оке с конца IV/начала V по начало VI в., то изделия в примесью кобальта в составе синхронны, вероятно, бусам в технике навивки, появление и распространение которых можно связывать со временем не ранее второй трети/середины V в. (Румянцева, 2007а). Это подтверждает выводы А.М. Обломского о функционировании могильника во второй половине V в. Биконические красные бусы из Ксизово из тянутых палочек, изготовлены на основе другого сырья, нежели их окские аналогии, они связаны происхождением с разными центрами производства. Важным итогом – хотя, безусловно, и предварительным, т.к. выборка анализов мала – является отсутствие на Верхнем Дону бус из зольного стекла, широко распространенных в гуннское и

[4] Анализ двух образцов бус из погребения 2 выполнен на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) Л.А. Пельгуновой, научным сотрудником Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. Описание возможностей и ограничений прибора при исследовании археологических материалов дано в специальной публикации (Сапрыкина, Пельгунова, 2013, с. 82-86). Результаты исследования не публикуются, т.к. на сегодня методика анализа стекла на данном оборудовании не отработана. Выражаю признательность Л.А. Пельгуновой за выполнение анализа.

постгуннское время в Поочье. Особый состав имеют и бусы синего стекла, пронизь-трубочка и бусы-навивки, в т.ч. с зигзагообразным декором: среди окских и донских находок идентичные им по химическому составу изделия нам неизвестны. Они, вполне возможно, поступали на Дон из другого источника, нежели, в частности, хорошо изученные крапчатые бусы, серия которых представлена на Средней Оке и на Верхнем Дону. В то же время, говоря о происхождении бус, необходимо учитывать, что контакты верхнедонского населения с производителями бус могли осуществляться не напрямую, а через посредников. Определить, на каком из этапов пути изготовитель и потребитель украшений из разных центров сходились вместе, не представляется возможным.

КСИЗОВО-19: ОСОБЕННОСТИ НАБОРА БУС И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ

Набор бус из захоронений Ксизово-19 характеризует две особенности: высокая для памятников лесной и лесостепной зон концентрация полихромных украшений и преобладание бус определенной цветовой гаммы, примерно наполовину представленных изделиями красного глухого стекла. Из 620 изученных бус 11 экземпляров являются полихромными изделиями, что составляет около 1,8% украшений данной категории. Для сравнения, доля полихромных бус у окских финнов, населявших территорию к северо-востоку от Острой Луки, составляет всего 0,06%. Относительно высокий процент полихромных украшений в Ксизово сопоставим с их содержанием в древностях черняховской культуры (1,7%) (Гопкало, 2008, с. 81: табл. 2.2), население которой находилось в постоянном тесном контакте с провинциально-римским миром, и слегка превышает их долю в могильниках Нейзац и Дружное Центрального и Юго-Западного Крыма позднеримского времени (1,3 и 1% соответственно) (Хайрединова, 1995, с. 86; Стоянова, 2004, с. 299), а также центральнокавказского могильника Брут-2 второй половины II – середины III вв. (1%) (Румянцева, 2009, с. 379). Из изученных «варварских» памятников юга Восточной Европы, находившихся в тесном контакте с античным населением, доля полихромных изделий выше только в могильнике Бельбек, оставленном позднескифским населением (3,5%) (Столярова, 2001, с. 194). В некрополях Среднего Подунавья эпохи Великого переселения народов Виминациуме и Сингидунуме доля полихромных стеклянных украшений составляет 1,6% от общего числа бус и 1,8% стеклянных украшений (Виминациум – 3,2%, Сингидунум – 0,9% от общего количества бус)[5]. Таким образом, доля полихромных украшений в Ксизово сопоставима с их удельным весом у племен, находившихся в прямом контакте с представителями античной цивилизации. Простое сравнение процентного содержания полихромных украшений, конечно же, достаточно условно: в выборке представлены материалы разных хронологических периодов. Кроме того, на их долю влияет еще и тип украшений из стекла. Например, характерные для сарматских племен расшивки, встречающиеся в области голеней погребенных, обычно не содержат полихромных украшений, а именно они представлены наибольшим количеством бус и бисера. То есть, у населения, предпочитавшего ожерелья и не расшивавшего одежду, процент полихромных бус в наборах заведомо будет выше (особенностями костюма, вероятно, объясняются различия между наборами могильников Бельбек, с одной стороны, и Нейзац и Дружное, с другой). Однако, в целом даже подобное сопоставление отражает общие тенденции формирования наборов.

Вторая особенность – цветовая гамма набора бус из Ксизово. Половина коллекции (50,6% монохромных украшений) представлены изделиями красного глухого стекла. Преобладание бус данного цвета – особенность костюма племен Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья. В гуннское время и позже их удельный вес в некоторых могильниках превышает 99% (Румянцева, 2010, с. 277). Известны они и на поселениях позднедьяковской культуры (сводку см.: Кренке, Румянцева, 2008, с. 100-101). Почти все морфо-технологические типы бус красного стекла, происходящие из Ксизово, имеют аналогии в материалах культуры рязано-окских могильников и сопредельных ей памятников Поволжья и Посурья; исключение составляют биконические бусы, изготовленные из отрезков тянутой палочки, отличающиеся особенностями обработки и химическим составом стекла.

Значительная серия как бус красного стекла, представляющих собой массовые типы в Среднем Поочье, так и большинство редких типов бус, имеют аналогии в материалах Верхнего Подонья

[5] Статистические данные рассчитаны по (Ivanišević et al., 2006, p. 51).

(в первую очередь, в могильнике Ксизово-19), а также в Северном Причерноморье и на Кавказе. Данные бус, таким образом, подтверждают гипотезу А.М. Обломского о том, что Верхнее Подонье играло роль промежуточной территории в связях причерноморско-кавказского региона и населения бассейна Оки (Обломский, 2011).

Вполне возможно, что именно в Верхнем Подонье находился центр, при участии которого импорты, в т.ч. и стеклянные украшения, могли поступать из Северного Причерноморья к окским финнам. Однако в ряде случаев присутствие здесь красных бус может иметь и другое объяснение.

Для археологического комплекса Ксизово, как и в целом для Верхнего Подонья, характерны находки, связываемые с присутствием здесь носителей культур Поочья. Среди них выделяются низкие биконические пряслица с очень широкими отверстиями, а также украшения и другие детали убора, среди которых – застежки-сюльгамы, пирамидальные колокольчики, браслеты с уплощенными орнаментированными концами, ложнозерненые накладки-бантики, литые пронизь и ложноплетеная подвеска к головному убору с привесками в форме колокольчиков, литая бляшка с ложновитым бортиком и др. (см. главу 15). Данный компонент прослеживается и на основании керамического комплекса (Обломский, 2010г, с. 131, рис. 2). Большинство из перечисленных украшений являются предметами традиционного женского убора, которые, по мнению большинства ученых, обычно не заимствуются напрямую и свидетельствуют о присутствии использовавшего их населения в инокультурной среде (Белоцерковская, 2007 и многие другие). Нельзя исключать, что в ряде случаев и ожерелья из красных стеклянных бус принадлежали носительницам культур бассейна Оки, жившим на Острой Луке. По мнению Д.В. Акимова, контакты населения на границе лесной и лесостепной зон могли носить «семейно-брачный» характер (Акимов, 2008, с. 166). В случаях с объектом 1 и погребением 13 Ксизово-19 данный тезис не подтверждается, т.к. бусы красного глухого стекла происходят из захоронений с обрядом и набором инвентаря, не характерным для населения Поочья (по любезному сообщению А.М. Обломского, подобные захоронения на Острой Луке Дона на сегодня не найдены). Однако нам ничего неизвестно про археологический контекст находки бус, выполненных в технике навивки, и вероятно, попавших в культурный слой могильника в результате разрушения одного или нескольких погребений, их содержавших. Нельзя исключать, что они входили в состав ожерелья женщины, захороненной здесь в традиционном для окских племен костюме. Очевидно, что ожерелье (равно как и любое другое украшение из стеклянных бус), несмотря на безусловно импортный характер его основных элементов, может рассматриваться в то же время и как деталь традиционного убора. В некоторых случаях одним из наиболее важных «традиционных» признаков, наряду с местоположением в уборе, является цветовая гамма набора: этот тезис был обоснован на материалах раннесредневековых бус северо-запада России, Поочья и Поволжья, материалах некрополей Виминациума и др. (Ivanišević et al., 2006, p. 105; Мастыкова, Плохов, 2010; Румянцева, 2010).

Если говорить о пути поступления античных импортов из Северного Причерноморья, то наиболее очевидной на сегодня представляется версия о функционировании донского торгового пути, берущего начало в низовьях Дона, где располагался Танаис, и доходящего до бассейна Оки. По мнению М.М. Казанского, этот путь существовал от «времени Клавдия Птолемея» до IX в. и связывал богатую пушниной лесную зону с Причерноморьем (Казанский, 2010, с. 95, 96). А.М. Обломский, датирующий горизонт эпохи переселения в Танаисе концом IV – не ранее середины V в., интерпретировал его как порт и, вероятно, торговый центр гуннской державы (Обломский, 2010г, с. 181). На другом конце этого пути, на Острой Луке Дона, исследованы памятники типа Чертовицкое-Замятино, оставленные полиэтничным населением. Они представляли собой поселки с торгово-ремесленными функциями и земледельческой округой (Обломский, 2004д, с. 165-166). Судя по данным археологии, регион Острой Луки играл ключевую роль в связях Причерноморья, степей и населения окского региона (Обломский, 2004д, с. 166). Данных о существовании поселения в Танаисе позже второй половины V в. нет, а верхняя хронологическая граница комплекса памятников у с. Ксизово не выходит за рамки рубежа V/VI вв. (Обломский, 2011).

Сопоставление динамики поступления бус – самого массового импорта у варварских племен – в Верхнее Подонье и Поочье, является важным источником информации об участии жителей Верхнего Подонья в отношениях торговли/обмена между окским и причерноморско-кавказским населением.

Хронология распространения в лесной зоне большинства стеклянных украшений, встреченных в Ксизово-19, в целом не противоречит данным, полученным на основании дат прочих категорий инвентаря. Среди них: бисер и пронизи (цилиндрические и многочастные) красного глухого стекла, изготовленные из отрезков тянутых трубочек, и крапчатые бусы, период распространения которых практически полностью соответствует времени существования Ксизовского археологического комплекса, подтверждая возможность их поступления к окским финнам через Верхний Дон. Не противоречит данной гипотезе датировка бус-миллефиори и прочих находок полихромных украшений, а также бисера и пронизей темно-синего и темно-зеленого глухого стекла. Большинства, но не всех.

Динамика поступления на Среднюю Оку бус красного стекла, изготовленных в технике навивки, иная. Появляются они в V в., причем время их массового распространения начинается, вероятно, ближе к середине столетия, а доживают до середины VII в., прекращая существование одновременно с рязано-окскими могильниками. На востоке, где финские погребальные памятники известны и в более позднее время, они, судя по всему, переживают середину столетия. То есть, украшения данного типа активно использовались окским населением еще около полутора столетий после того, как ксизовский комплекс памятников прекращает существование: его исчезновение никак не отразилось на их поступлении в лесную зону.

К сожалению, все бусы, изготовленные в технике навивки, найдены в Ксизово и на других памятниках Верхнего Подонья вне комплексов. Это не позволяет полностью исключить, что они принадлежали носительницам культур Поочья, принесшим их на Острую Луку в составе традиционного убора (что могло произойти и в V в.). Однако подобные находки не единичны, что говорит, скорее, о систематическом явлении, чем о частных случаях. Но даже если присутствие большинства красных стеклянных бус в технике навивки в Ксизово не связано с единичным захоронением «окской» женщины с ожерельем, то ксизовский комплекс памятников (равно как и другие поселения типа Чертовицкое-Замятино на Острой Луке) были не единственным пунктом, выполнявшим эти функции. Возможно, постепенно эта роль переходит к другим центрам, существовавшим в более позднее время, судя по бусам, по меньшей мере, в VI-VII вв.

Возможны ли были другие пути поступления бус данного типа к окским финнам, минуя верхнедонской анклав памятников? Одно из направлений их контактов ведет, вероятно, в Верхнее Поочье и Верхнее Поднепровье (см.: Амброз, 1970; Ахмедов, 2011, с. 125). Правда, на сегодня маркирующие его находки представлены, в основном, престижными вещами, в первую очередь, предметами воинской культуры, имеющими прототипы в древностях Центральной Европы. Характер культурных связей населения данных регионов нуждается в дальнейшем изучении. Напомним также, что в синхронное время – в середине – третьей четверти V в. (период 3С по хронологии И.Р. Ахмедова) в Поочье распространяется большое количество центрально-европейских импортов и подражаний им; однако данный факт связывается исследователями с непосредственным присутствием в лесной зоне военизированных групп переселенцев со Среднего и Верхнего Дуная (Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, 2011, с. 125-128 и др.). Что касается массовых типов бус, то наиболее вероятным представляется их систематическое поступление в лесную зону в результате налаженного обмена через причерноморско-кавказские центры. Близость уникального химического состава красных бус в технике навивки с Боспора и из Поочья подтверждает данную гипотезу: место производства данных украшений, вероятно, было общим.

Наличие связей между населением Северного Причерноморья и лесной зоны фиксируется по письменным источникам: во времена Иордана торговлю восточноевропейским мехом осуществляли причерноморские гунны-хунугуры, которые, по мнению М.М. Казанского, населяли приазовские степи и могли использовать для этого путь по Дону и Верхней Оке (Казанский, 2010, с. 95, 96). В этом случае в Подонье должны существовать поселения более позднего горизонта, чем памятники круга Чертовицкое-Замятино (Обломский, 2011). Возможно, дальнейшие исследования позволят пролить свет на роль лесостепного Подонья в связях населения Причерноморья и лесной зоны в VI-VII вв. н.э.

Необходимо обратить внимание и еще на один важный момент. Наборы бус из зольного стекла, наиболее распространенные у окских финнов в гуннское время, т.е. во время существования изучаемого комплекса памятников на Острой Луке Дона, не находят пока аналогий в Верхнем Подонье. Речь идет о рубленом бисере красного глухого стекла (его отсутствие может объясняться

мелкими размерами – в этом случае он плохо фиксируется в поселенческих слоях, а погребений с бусами на Острой Луке известно мало) и о бусах, изготовленных из тянутых палочек и в технике однократного обертывания. Аналогии из Ксизово-19, относительно близкие окским морфологически, имеют другой химический состав, что свидетельствует о разном происхождении окских и донских находок. Таким образом, по имеющимся на сегодня данным, можно заключить, что связи жителей Поочья с античным населением в гуннское время осуществлялись, как минимум, не только посредством верхнедонского «анклава». Причем, учитывая зольный состав стекла, речь идет скорее о каких-то «восточных», а не западных, центральноевропейских или днепровских контактах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наборы бус из Ксизово-17 и 19 могут быть сопоставлены между собой с определенной долей условности. Выборки стеклянных украшений, происходящих с данных памятников, репрезентативны по количеству изделий, однако число комплексов, из которых они происходят, невелико (6 погребений из Ксизово-17 и 2 – из Ксизово-19).

Общей особенностью, характеризующей оба комплекса памятников, является высокая доля полихромных украшений: до 3% – в Ксизово-17 и около 1,8% – в Ксизово-19. В первом случае, однако, это может быть в значительной степени обусловлено упомянутой особенностью выборки – два из трех найденных здесь полихромных украшения происходит из одного и того же погребения, а одно может относиться к догуннскому горизонту.

Набор бус из Ксизово-17 в целом менее представителен, чем из Ксизово-19. Отчасти это может быть обусловлено характером захоронений, содержавших бусы. Если в Ксизово-19 обе могилы, где были найдены стеклянные украшения, принадлежали, как считает А.М. Обломский, выходцам из причерноморско-кавказского региона, то происхождение индивидов из захоронений с бусами из Ксизово-17 определить сложнее, они не отличаются столь же яркими чертами погребального обряда.

Ни на одном из представленных памятников не выделяется устойчивого набора бус и цветовой гаммы, характеризующих костюм оставившего их населения. Преобладающие цвета в коллекциях бус Ксизово-17 и 19 также различны. В Ксизово-19 наиболее многочисленны украшения красного глухого стекла, второе место занимают желто-оранжевые бусы, далее по количеству находок следуют темно-синие и черные украшения; находки зеленого стекла редки. Среди бус из Ксизово-17 на первом месте находятся изделия из синего стекла, им уступают по количеству украшения зеленого, желтого и черного цвета, и лишь единичными находками представлены бусы из красного стекла. Данные особенности могут быть обусловлены тем, что население, оставившее исследуемые памятники, было полиэтничным.

К типам стеклянных украшений, неоднократно встречающимся на разных памятниках региона (Ксизово, Мухино, Замятино, Крутогорье), относятся:

- бисер, цилиндрические и многочастные пронизи синего, красного и зеленого стекла, изготовленные из отрезков тянутых трубочек;
- бусы красного стекла – биконические из тянутой палочки и изготовленные в технике навивки;
- бусы черного стекла, изготовленные в технике навивки;
- навитые винтообразные пронизи черного стекла;
- «рубленый» бисер различных цветов.

Возможно, эти изделия, представленные серийными находками, являлись здесь преобладающими, и именно они в наибольшей степени характеризуют костюм различных представителей полиэтничного верхнедонского населения.

На Верхнее Подонье приходится также зона концентрации крапчатых бус, в целом не получивших широкого распространения в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы; за пределами Подонья и Среднего Поочья их ареал фиксируется лишь на Северо-Западе, у носителей культуры псковских длинных курганов. На территории Среднего Поочья – Верхнего Подонья выделяется также серия находок глазчато-полосатых бус.

Особенности набора бус Ксизово-19 позволяют говорить как о тесных контактах жителей региона с античными центрами, так и, возможно, о присутствии здесь окского культурного компонента, подтверждая выводы, полученные на основании других категорий находок. Можно предположить, что часть бус поступала в окский регион через верхнедонские центры.

Непредставительный набор стеклянных украшений из Ксизово-17 не позволяет делать выводы о направлениях и характере культурных связей оставившего памятник населения. На основании набора бус складывается, скорее, впечатление об их случайных, нерегулярных поступлениях. Данное предположение основано не только на сравнительном анализе наборов из Ксизово-17 и 19, но и на сопоставлении коллекции бус из Ксизово-17 с выборками с сопредельных территорий, где хорошо изучены могильники синхронного времени. В финских захоронениях Среднего Поочья и Окско-Сурско-Цнинского междуречья бусы в изучаемый период являются одним из наиболее устойчивых материальных элементов женского убора, достигая в отдельных захоронениях нескольких сотен экземпляров. Наблюдающееся различие может быть обусловлено как объективными причинами (характером контактов населения), так и особенностями полученной выборки (большим числом разрушенных погребений). В то же время, стеклянные бусы едва ли могли быть целью грабителей. Раскопки Ксизово-19 показали, что значительная их часть попала в слой могильника из разрушенных захоронений.

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла бус Ксизово-17.
Аналитик А.Н.Егорьков, Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН
(за значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится
одна значащая цифра, выше – две, достижимая чувствительность по K2O около 1 %).

№ п/п	Шифр лаборат.	Место находки	Наимено-вание	Техно-логия	Цвет, прозрач-ность	SiO2	Na2O	K2O	CaO	MgO	Al2O3	Fe2O3	MnO	TiO2	PbO	SnO2	CuO	CoO	Sb2O5	Ag2O	NiO
1	832-23	Ксз-17Б, погр. 6	пронизь цил.	трубочка	зеленый полупрозр	осн.	16	1,3	8,6	2,4	3,6	1,9	0,1	0,5	0,09	0,1	1,7	-	-	-	-
2	832-24	Ксз-17Б, Р2, к.с.	бусина с декором	навивка	темно-синий прозр	осн.	14	1,1	12	1,6	3,6	1,2	0,4	0,07	-	-	0,2	0,1	-	-	-
3	832-25	Кс-17А, Погр. 27	пронизь винтообр.	навивка	черный глухой	осн.	-	-	0,2	0,03	0,2	2,9	-	0,02	59	0,02	-	-	-	-	-
4	832-26	Кс-17А, Погр. 27	пронизь винтообр.	навивка	желтый глухой	осн.	0,07	-	0,6	0,1	0,1	0,2	-	0,02	70	3,8	-	-	-	0,01	-

Сокращения:
к.с. – культурный слой
погр. – погребение
цил. – цилиндрическая
винтоорбр. – винтообразная
прозр. – прозрачный
полупрозр. – полупрозрачный
осн. – основной

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла бус из Ксизово 19.
Аналитик Р.Х. Храмченкова, реставрационный отдел Музея археологии Республики Татарстан.

№ п/п	Образец	Место находки	Наименование	Технология	Цвет, прозрачность	CuO	MnO	PbO	SnO	SbO	SrO	TiO	P2O5	CaO	Fe2O3	Al2O3	K2O	MgO	Na2O	SiO2
1	Ксз.1	Р6, к.с.	бусина	навивка	темно-синий прозрачный	0,073	0,54	0,12	0,073	0,003	0,2	0,22	0,092	4,71	0,32	5,62	0,98	0,86	13,74	72,18
2	Ксз.2	Р7, к.с.	бусина с декором	навивка	темно-синий прозрачный (основа)	0,12	0,55	0,54	0,058	0,002	0,29	0,25	0,098	8,26	0,46	5,76	1,04	0,68	14,91	66,59
3	Ксз.3	Р7, к.с.	бусина с декором	навивка	темно-синий прозрачный (основа)	0,063	0,58	0,3	0,046	0,002	0,31	0,29	0,13	7,12	0,35	5,57	1,24	0,77	14,19	68,73324
4	Ксз.4	Р9, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	2,38	0,51	3,09	1,58	0,048	0,29	0,35	0,41	8,67	1,54	5,49	1,23	1,34	11,75	60,16
5	Ксз.5	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,38	0,43	2,38	10,03	0,044	0,16	0,32	0,25	8,81	1,57	5,23	1,02	0,99	12,18	55,01
6	Ксз.6	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	2,35	0,54	3,01	3,67	0,11	0,12	0,28	0,2	8,75	1,72	5,12	1,01	1,29	10,37	61,18
7	Ксз.7	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,89	0,46	1,73	1,49	0,047	0,3	0,35	0,41	6,67	2,33	5,74	1,28	1,85	11,14	64,09
8	Ксз.8	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,68	0,43	3,51	2,67	0,092	0,33	0,33	0,34	6,98	1,57	5,52	0,99	2,23	13,35	59,82
9	Ксз.9	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,88	0,48	2,93	1,74	0,05	0,33	0,34	0,33	7,51	1,79	6,07	1,08	2,24	13,13	59,89
10	Ксз.10	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	2,18	0,05	1,74	1,32	0,052	0,29	0,31	0,44	5,96	1,87	5,92	1,26	1,92	10,56	65,98
11	Ксз.11	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	2,26	0,46	2,19	1,76	0,059	0,35	0,36	0,33	10,16	2,41	6,09	1,12	2,06	11,39	58,82
12	Ксз.12	погр. 13	бусина	палочка	красный глухой	3,87	0,025	6,31	0,024	0,52	0,016	0,25	0,12	5,84	1,97	3,62	0,98	0,54	10,28	65,47
13	Ксз.13	погр. 13	бусина	палочка	красный глухой	5,68	0,019	7,29	1,25	1,98	0,024	0,14	0,13	4,52	0,26	3,41	0,97	0,43	7,49	66,25
14	Ксз.14	объект 1	цилиндрическая пронизь	трубочка	красный глухой	1,01	0,39	1,67	1,15	0,02	0,26	0,32	0,33	8,86	1,06	5,01	1,02	1,68	12,34	64,63
15	Ксз.15	объект 1	2хчастная пронизь	трубочка	красный глухой	1,04	0,39	1,58	1,12	0,014	0,33	0,34	0,38	7,75	1,33	5,89	1,02	1,79	12,46	64,36
16	Ксз.16	объект 1	бисер	трубочка	красный глухой	1,14	0,36	1,54	1,17	0,019	0,29	0,3	0,34	7,68	1,29	5,79	1,05	1,62	12,91	64,32
17	Ксз.17	объект 1	бисер	трубочка	красный глухой	1,01	0,41	1,45	0,7	0,016	0,32	0,32	0,34	8,12	1,14	5,58	1,03	1,74	13,35	64,28
18	Ксз.18	объект 1	цилиндрическая пронизь	трубочка	темно-синий прозрачный	0,067	0,51	0,23	0,0083	0,002	0,3	0,31	0,12	7,18	1,17	5,48	0,98	1,51	14,15	67,83

На след. странице – продолжение табл. 2

						-4	-2	-3	-2	-4	-4	-3	-3	-3	-3	-3	-3	-3	-3	-3	-4	-2	-2
№ п/п	Образец	Место находки	Наименование	Технология	Цвет, прозрачность	Ag	As	B	Ba	Be	Bi	Co	Cr	Ga	Li	Nb	Ni	Sc	V	Y	Yb	Zn	Zr
1	Ксз. 1	Р6, к.с.	бусина	навивка	темно-синий прозрачный	0,045	0,215	15,5	2,8	0,79	0,85	170	2,7	0,595	3,6	0,66	1,85	0,235	2,55	1,4	1,7	0,205	1,32
2	Ксз. 2	Р7, к.с.	бусина с декором	навивка	темно-синий прозрачный (основа)	1,845	0,215	12,5	3,1	0,795	0,78	192,5	2,55	0,555	3,4	0,62	3,15	0,24	2,6	1,85	1,65	0,47	1,345
3	Ксз. 3	Р7, к.с.	бусина с декором	навивка	темно-синий прозрачный (основа)	0,07	0,14	23	3,15	0,84	0,8	193	2,65	0,365	3,45	0,65	3,45	0,25	2,5	1,7	1,6	0,38	1,6
4	Ксз. 4	Р9, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,935	1,3	22,5	3,15	0,805	26,5	14	3,5	0,555	3,15	0,66	13,65	0,395	3,1	1,7	1,35	94,5	0,485
5	Ксз. 5	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,555	1,65	11	2,9	0,845	24,5	45,75	3,05	0,455	2,65	0,665	13,5	0,27	2,6	1,5	1,3	43,5	0,405
6	Ксз. 6	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,635	2,3	23	2,45	0,81	25,5	71,75	3,5	0,52	2,4	0,59	27	0,26	2,6	1,3	1,125	65,5	0,3
7	Ксз. 7	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,79	1,17	11,5	3,1	0,82	24	86,75	3,45	0,7	2,5	0,58	26	0,33	3	1,4	1,35	93	0,455
8	Ксз. 8	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,02	1,9	18,5	2,95	0,885	23	14,25	3,45	0,65	3,15	0,565	29	0,265	2,25	1,35	1,8	35	0,46
9	Ксз. 9	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,91	1,4	15,5	3,1	0,83	22	41,25	3,75	0,73	3,05	0,63	21,5	0,33	3	1,65	1,65	135	0,58
10	Ксз. 10	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	0,99	0,72	15	3,35	0,985	18	20	3,5	0,72	2,5	0,575	23,5	0,355	3,35	1,55	1,7	107	0,465
11	Ксз. 11	Р7, к.с.	бусина	навивка	красный глухой	1,38	2,05	16	3,05	0,925	31	36	3,85	0,75	2,75	0,505	30,5	0,27	2,9	1,45	1,7	150	0,32
12	Ксз. 12	погр. 13	бусина	палочка	красный глухой	2	6,65	13	2,8	0,77	4,85	2,725	2,2	0,275	2,35	0,57	18,5	0,2	1,55	1,2	1,07	0,86	0,25
13	Ксз. 13	погр. 13	бусина	палочка	красный глухой	4,2	2,65	10,1	1,75	0,77	135	2,45	1,275	0,245	2,5	0,49	14,5	0,12	1,75	0,85	0,82	0,25	0,115
14	Ксз. 14	объект 1	цилиндрическая пронизь	трубочка	красный глухой	0,42	0,59	19	3,3	1,2	3,1	54,75	2,7	0,585	3,15	0,66	18,5	0,37	2,5	2,1	1,35	35,5	0,5
15	Ксз. 15	объект 1	2хчастная пронизь	трубочка	красный глухой	0,43	0,51	17,5	3,7	1,35	3,5	38,5	3,35	0,57	3,15	0,715	27	0,405	3,05	2,25	1,95	26,5	0,72
16	Ксз. 16	объект 1	бисер	трубочка	красный глухой	0,565	0,92	18	3,35	1,6	3,95	44,75	3,2	0,595	3,2	0,64	21	0,35	2,6	1,7	1,65	60,5	0,625
17	Ксз. 17	объект 1	бисер	трубочка	красный глухой	0,42	0,15	17	3,5	1,4	4,2	54,5	3,1	0,31	3,8	0,59	26	0,34	2,2	2,1	1,8	34	0,67
18	Ксз. 18	объект 1	цилиндрическая пронизь	трубочка	темно-синий прозрачный	0,08	0,19	21	3,85	0,9	0,815	352,5	3,5	0,845	3,85	0,6	14,15	0,335	2,8	1,6	1,9	0,3	1,33

Глава 12
Стеклянный сосуд с синими налепами из Ксизово

И.О. Гавритухин (Москва)

Рассматриваемый сосуд происходит из погребения 19 могильника Ксизово-17А (рис. 296: 1а-б; описание находки и комплекса см. в главе 4). По типологии Класины Айсингс он относится к форме, переходной от 109b (Baeker on conical, pushed-in foot) к 111 (Stemmed goblets). По данным К. Айсингс форма 109b характерна для IV в., неоднократно встречена в комплексах, датированных концом этого столетия; форма 111 появилась не позднее конца IV в., а существовала, как минимум, до VII в. (Isings, 1957, p. 137, 139-140). В отечественной археологической терминологии такие сосуды обычно называют «рюмкообразными» или «рюмками». В связи с восточноевропейскими находками они наиболее подробно рассмотрены в двух работах.

Нина Петровна Сорокина выделила 4 технолого-морфологических типа ножек рюмкообразных сосудов, в тенденции имеющих разную датировку, но в основном сосуществовавших. К наиболее ранним она отнесла находки, датированные концом III в., к наиболее поздним – IX-X вв. (те и другие единичны); указала на их распространение от Западной Европы до Средней Азии (Сорокина, 1963, с. 143-154). Для находок с Таманского городища, бывших в интересующей нас работе Н.П. Сорокиной предметом специального рассмотрения, основной период бытования рюмок был определен в рамках IV-V вв.; по ее мнению, скорее всего, эти сосуды были привозными из Восточного Средиземноморья. По типологии Н.П. Сорокиной, рюмка из Ксизово относится к наиболее архаичному типу А, то есть имеет ножку, сформованную вдавлением на пузырь стекольной массы от предполагаемого дна сосуда, а затем оформленную в подставку с узким перехватом и имеющую таким образом двойные стенки.

Лариса Алексеевна Голофаст критически пересмотрела огромный массив оснований для датировок рюмок разных типов на памятниках от Средиземноморья до Кавказа. По приведенным ею выкладкам, важные для нашего исследования рюмки типа 1 (тип А по Н.П. Сорокиной)[1] появляются во 2-й половине, скорее даже в конце V в. (типы 2 и 3 – заметно раньше), особенно многочисленны во 2-й половине VI – VII вв., не редкость в VIII в., в Херсонесе встречены и в слоях XI в. (Голофаст, 2001, с. 154-156). Для находок из Херсонеса, которым посвящено ее исследование, предложено более детальное подразделение с учетом особенностей формы и отделки сосуда, цвета и качества (по визуальным наблюдениям) стекла. Многочисленность (особенно в VI-VII вв.) рюмок свидетельствует о многих центрах их производства, не исключая Причерноморье, в т.ч. Херсонес (Голофаст, 2001,

[1] В типологии рюмок Л.А. Голофаст опиралась на наблюдения К. Айсинс. Типология Н.П. Сорокиной в целом аналогична, отличается названием и последовательностью таксонов, наличием еще одного типа (Г), представленного одним экземпляром.

с. 153-161). Кроме того, она выделила «сосуды на конической подставке», рассматривая их, вслед за Джоном Хейсом и другими исследователями, как тип, переходный к рюмками типа 1, и датируемый IV-VI вв. с пиком бытования в конце V – начале VI вв. (Голофаст, 2001, с. 152-153).

Следует отметить, что отличия конических подставок от ножек рюмок типа 1 довольно условное: у первых «резкое сужение тулова в нижней части еще недостаточно высоко, чтобы его можно было назвать ножкой» (Голофаст, 2001, с. 152). При этом подставки некоторых сосудов, рассматриваемых Л.А. Голофаст в контексте конических (например, рис. 296: 5, 6), скорее сопоставимы с приведенным ею же образцом ножек рюмок (Голофаст, 2001, рис 92: 1), чем конических подставок (Голофаст, 2001, рис 91: 12, 15, 18). Безусловно, выделение типа «сосуды на конической подставке» оправдано тем, что некоторые его образцы могли принадлежать не рюмкам, а сосудам других групп, и отделить их по в основном фрагментированным находкам из слоев Херсонеса зачастую невозможно. Тем не менее, когда форма емкости понятна, рюмки легко отличаются от чаш и других групп стеклянных сосудов на конической подставке. Интересующую нас находку из Ксизово и аналогичные ей, наверное, правильнее называть, все же, «рюмки», но «на низкой ножке».

Хронологические наблюдения Л.А. Голофаст едва ли будут пересмотрены по существу, хотя, конечно, будут уточняться. Например, Ирина Петровна Засецкая указала на наличие рюмок типа 1 в керченском склепе 52/1909 г. и датировала их серединой V в., но и согласилась с наблюдением Л.А. Голофаст об отсутствии сосудов этого типа в IV в. и ранее того (Засецкая, 2008, с. 36). Такая корректировка вполне соответствует датировкам, предложенным другими специалистами (Hayes, 1975, p. 83; Sternini, 1995, p. 259 и др.), и подтверждается рядом комплексов.

Остановимся на рюмках, украшенных, как и ксизовская, синими налепными пятнами. Следует отметить, что такое декорирование стеклянных сосудов характерно для последних десятилетий IV – V вв., более ранние образцы единичны и явно не связаны с интересующими нас рюмками (см. материалы и дискуссию в: Гавритухин, 2000, с. 269-273; Голофаст, 2001, с. 123-127; Засецкая, 2008, с. 8-28; Gavritukhin, in print, части 3.4, 4.1).

Ближайший аналог рюмке из Ксизово (включая тенденцию к закрытости ёмкости, оливковый цвет стекла, прочерченные горизонтальные линии, окаймляющие полосу из налепов) известен мне из находок в катакомбе 10 могильника Лермонтовская Скала 2 под Кисловодском (рис. 296: 2а-б). Анатолий Константинович Амброз положил начало дискуссии о датировке этих находок, указав на наличие в катакомбе ранних (V в.; вероятно, гуннского времени, судя по двупластинчатой фибуле) и существенно более поздних (VI или VII вв.) вещей (Амброз, 1989, с. 37-38, 77-78, 81, рис. 11, 42). Такая точка зрения, основанная на хронологии пряжек и фибул, неоднократно оспаривалась. Важный вклад в дискуссию принадлежит Владимиру Юрьевичу Малашеву, выделившему в керамическом наборе из катакомбы 10 сосуды, показательные для подпериода Iа1 и периода Iб в соответствии с его хронологической систематикой керамики Кисловодской котловины (Малашев, 2001, с. 38-39). Дата подпериода Iа1 определяется ранней позицией в рамках периода Iа (ок. 400 – 440/460 гг.), период Iб датирован в интервале 430/450–470/500 гг. (Гавритухин, 2001, с. 41-42, 48). Интересующий нас сосуд найден в нише под потолком катакомбы (Рунич, 1976, с. 263), поэтому соотнесение его с выделяемыми хронологическими группами не может быть строго доказано.

В Крыму наиболее узкую дату имеет находка из слепа 88 в Лучистом близ Алушты (рис. 296: 5). Несмотря на наличие в этом склепе 7-ми погребенных (рюмка найдена в восточном углу камеры и соотношение ее с конкретным скелетом не ясно), инвентарь из него весьма компактен хронологически и укладывается в рамки одного периода, датированного авторами раскопок 1-й половиной V в. (Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 293, 297, 309). Аргументы, приведенные Александром Ильичем Айбабиным и Эльзарой Айдеровной Хайрединовой, убедительны. Можно лишь отметить, что нижняя хронологическая граница этого периода (хронологическая группа 4 по А.И. Айбабину) не исключает последних десятилетий IV в. (Гавритухин, 2011б, с. 179).

Еще одна рюмка типа 1 с налепами происходит из гробницы 125 могильника Сиреневая бухта в Восточном Крыму (рис. 296: 6а-б). Автор раскопок, Александр Александрович Масленников, датировал эту могилу «приблизительно серединой V в.» опираясь на даты некоторых находок в этом комплексе: «IV – 1-я половина V вв.», «IV или рубеж IV и V – 1-я половина V вв.», «конец 1-й половины V – 2-я половина V или 1-я половина VI вв.» (Масленников, 2000, с. 172, 144-

145, 152 – типы 7.1.2, 7.4, 23.2.7). Основанием для поздней даты послужила пряжка (Масленников, 2000, табл. VIII: 14), однако ее прототипы имеют аналогии в поздних комплексах черняховской культуры (например, Гороховский, 1988, рис. 91, 92), что позволяет «опустить» нижнюю хронологическую границу этой вещи как минимум в первую половину V в. Новые исследования крымских стеклянных сосудов подтвердили указанную дату кувшина (Масленников, 2000, табл. IV: 2; Засецкая, 2008, с. 43) и не противоречат датировке стакана (Масленников, 2000, табл. III: 3; Голофаст, 2001, с. 127-128; Засецкая, 2008, с. 24). Таким образом, хронологические границы могилы 125 Сиреневой Бухты вполне сопоставимы с датой склепа 88 в Лучистом.

Интересующие нас рюмки неоднократно встречены в Италии. Одна из них (рис. 296: 11) найдена в Классе (портовой зоне Равенны) на участке/усадьбе Кьявикетто, в коллекторе (fogna) 1. По керамике заполнение коллекторов было датировано IV-VI вв., но по наблюдениям исследователей стеклянных сосудов, там представлены типы, характерные для IV-V вв. (Milano …, 1990, No 3g.3a, 3g.3c; Sternini, 1995, p. 258-259; там литература). В погребении 7 могильника Остилиа (Мантуя), датированном IV в., такая рюмка (рис. 296: 12) сочетается с двумя бутылями (Milano …, 1990, No 5d.8a). Одна из них определена как принадлежащая весьма гетерогенной форме 101/133 по К. Айсингс (Milano …, 1990, p. 398, No 5d.8a.2). Точную аналогию этому сосуду мне подобрать не удалось. Другая (Milano …, 1990, p. 398, No 5d.8a.3) представляет собой «классический» образец формы 104b по К. Айсингс. Большинство специалистов согласны с К. Айсингс, что эта форма бытовала во 2-й половине III – IV вв. (например, Isings, 1957, p. 123-125; Pirling, Siepen, 2006, S. 261-262, тип 197; Barkóczi, 1988, поздние варианты типа 121; Leliak, 2012, № 18; Dussart, 1998, p. 132, 155, типы BX.1211, BX.611; там литература). Тем не менее, в ряде новых исследований, включая итальянские, отмечается бытование таких сосудов и в начале или 1-й половине V в. (Ružić, 1994, тип I/4a; Roffia, 1996, p. 60; Pini, 1999, p. 17-18; там литература). На Боспоре сосуд формы 104b найден в склепах, ограбленных 24.06.1904 г. Эти склепы содержали, в основном, находки гуннского времени (Засецкая, 2008, с. 51, 54, вид 7 типа 1). Сказанное, с учетом основного периода бытования сосудов с налепами синего стекла (см. выше), позволяет датировать могилу 7 из Остилии последними десятилетиями IV – началом или 1-й половиной V вв. Среди аналогов рюмке из Остилии названа и находка из Романьи (Milano …, 1990, p. 398, No 5d.8a.1), но ее публикация осталась мне недоступной.

Сосуд, близкий рюмке из Ксизово (емкость которого также закрыта), реконструируется Даниэль Фуа по материалам из грота Орту на юго-востоке современной Франции (рис. 296: 3-4). По сопутствующей керамике находка датируется началом V в., а форма (No 14, на конической подставке) фигурирует как показательная для 1-й половины V в. (Foy, 1995, p. 200). Вероятно, аналогичные рюмки не единичны. Например, сочетание характерных элементов можно встретить у фрагментов из раскопок у Биржи в Марселе (рис. 296: 7-9), из слоев периода 1 с монетами 2-й половины IV – начала V вв. и керамикой 1-й половины – середины V в. (Foy, Bonifay, 1985, p. 290, fig. 1).

Вероятно, рюмке, схожей с упомянутой находкой из Орту, принадлежит крупный фрагмент из Херсонеса (рис. 296: 10)[2], из слоя 5 помещения XXXVI Портового квартала 2, датированного концом IV – 1-й половиной V вв. (Голофаст, 2001, с. 104-105, 179).

Для датировки и понимания контекста интересующих нас рюмок следует отметить важность наблюдений Л.А. Голофаст, что в целом сосуды с синими налепами были в употреблении раньше, чем основной период бытования рюмок. Время, когда рюмки (причем только на низких подставках) вполне могли украшаться налепами из капель синего стекла приходится на последние десятилетия IV – середину V вв. Этот вывод подтверждают и рассмотренные находки таких рюмок в датированных комплексах. Отметим и то, что налепы из капель синего стекла ни разу не встречены у рюмок на высокой ножке, появившихся во 2-й половине V в.

В погребении 19 могильника Ксизово-17А рюмка была найдена вместе с тремя пряжками и ременным наконечником (рис. 71: 2, 5). Дату в рамках 1-й половины – середины V в. определяет сочетание ременного наконечника гуннского времени (Безуглов, Ильяшенко, 2001, с. 79-80) и полой пряжки, какие в эту эпоху только появляются (например, Godłowski, 1995, Fig.4: 5-7),

[2] Все сохранившиеся придонные части сосудов из этого скопления принадлежат явно другим формам (Голофаст, 2001, рис. 1).

что соответствует и приведенным наблюдениям о датировке аналогий рюмки.

Определить место изготовления рюмки из Ксизово, исходя из доступных данных, не представляется возможным. Вероятно, ее сделали в одном из производственных центров Средиземноморья. Не исключен и некий причерноморский центр, связанный с этими традициями. Как бы то ни было, попадание рюмки с синими налепами в Верхнее Подонье явно было опосредовано. Путь, судя по всему, шел из Причерноморья через Нижнее Подонье (едва ли минуя Танаис) или, менее вероятно, через Северный Кавказ и степь. Говоря о сосудах с синими налепами далеко на северо-востоке от основного ареала их бытования, следует упомянуть находку такого фрагмента в Среднем Поочье (не опубликован, хранится в Шиловском народном музее) и обломок сосуда с синими налепами, часть тулова которого имела коническую форму, из погребения 1 кургана 5 в Тураево в Нижнем Прикамье (Валиулина, 2009).

Глава 13

Население Верхнего Подонья в гуннское время (по материалам некрополей Ксизово-17 и 19). Биоархеологический очерк

М.В. Добровольская, И.К. Решетова (Москва)

Биоархеологический подход в изучении скелетных материалов

Скелетные материалы из погребений Ксизово представляют большую ценность, так как позволяют исследовать антропологические особенности групп населения верхнедонского региона, погребавших своих соплеменников в эпоху бронзы, раннего железного века, эпоху Великого переселения народов и средневековье.

Антропологические материалы поступали из раскопок в фонды Группы физической антропологии Отдела теории и методики ИА РАН на протяжении пяти лет. В 2008 году полевые исследования памятника Ксизово-17 были завершены, что послужило основанием для подготовки полного каталога коллекции с характеристикой сохранности скелетов и начала исследования серии. В результате работы Раннеславянской археологической экспедиции РАН под руководством А.М. Обломского в период с 2003 по 2010 год на участке могильника Ксизово-19 были обнаружены 83 захоронения разных хронологических интервалов, палеоантропологические материалы были также описаны и обследованы.

Выполнение программ для комплексного исследование стандартно для исследований в области исторической экологии человека (Историческая экология, 1998, С.8)

После составления полного каталога материалов некрополя Ксизово-17, мы можем резюмировать, что коллекция представлена следующими сериями: эпоха бронзы (4 погребения), гуннское время (66 погребений), древнерусское время (28 погребений).

Наиболее многочисленной стала серия, объединившая погребения гуннского времени. Общая численность материала 68 индивидов, включая взрослых и детей из 66 погребений. Сохранность материала не одинакова, поэтому объем полученной для каждого индивида информации также нестабилен.

Работа с материалами многослойных некрополей Ксизово проводилась по комплексному исследовательскому направлению, согласно следующим методическим программам:

1. Сбор материалов и составление описи коллекции;
2. Проведение половозрастной диагностики;
3. Проведение краниометрических и остеометрических исследований индивидов хорошей и удовлетворительной сохранности;
4. Выявление и описание некоторых патологических проявлений, маркеров физиологического стресса, а также травматических проявлений.

Проведенные исследования позволяют ставить ряд вопросов, относящихся к реконструкции хозяйственного уклада, образа жизни, а также таких антропологических черт как морфологические особенности, ассоциируемые с расовой принадлежностью, элементы скелетной

конституции, показатели физического развития. В этой публикации мы представляем первые результаты комплексных антропологических исследований этой группы.

Материалы и методы

Антропологическое исследование серии материалов некрополей Ксизово (Ксизово-17, 17А, 17Б, 19) проводилось по комплексной антропологической программе, включающей традиционные антропометрические методики – краниометрию и остеометрию, данные палеодемографии, фиксацию маркеров стресса и физиологических особенностей скелета, травматических повреждений.

Диагностика гендерной принадлежности индивидов определялась на основе комплекса признаков, отмечаемых на черепе и посткраниальном скелете (Алексеев, Дебец, 1964). На черепе учитывались такие признаки как общая массивность и костный рельеф, угол наклона лба, развитие надглазничного и затылочного рельефа, формы глазниц, угол наклона ветви нижней челюсти, размер сосцевидных отростков височной кости. На посткраниальном скелете отмечались особенности развития и массивности рельефа костей, ширина эпифизов длинных костей, форма седалищной вырезки, форма входа в малый таз (Алексеев, 1966).

Определение возраста взрослых индивидов основывалось на соответственных изменениях на черепе и посткранильном скелете – краниосиностозам, стертости окклюзивной поверхности и режущего края зубов. На посткраниальном скелете в качестве возрастных индикаторов рассматривались: степень прирастания эпифизарной части и головок длинных костей, рельеф симфизарных поверхностей лобковых костей (Ubelaker, 1978, Rose, et al., 1991) .

Возраст неполовозрелых индивидов определился главным образом на основании степени прорезывания зубов и длине диафизов длинных костей. (Ubelaker, 1978)

При исследовании краниологических материалов применялась стандартная методика Р. Мартина и дополнительные размеры Т. Ву в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца (Алексеев, Дебец, 1964). Полученные данные послужили основой для характеристики краниологических типов исследованных групп. Черепа измерялись в соответствии со стандартным краниологическим бланком.

Демографическая характеристика

Ксизово-17

У восьми взрослых индивидов из всей выборки по причинам сохранности определение пола и возраста были затруднены. Таким образом, общая численность описываемой группы составляет 60 индивидов. Из них – 14 детей различного возраста от новорожденных до 14 лет. В группе взрослых индивидов определено 26 мужчин и 20 женщин. Основные демографические характеристики для этой группы приведены в таблице 1. Общая величина детской смертности составляет около 23%. Важно отметить, что значительная доля детских смертей приходится на возраст до 1 года, что полностью соответствует известным в демографии закономерностям (Бужилова, 1998. С. 24). Отмеченная особенность позволяет нам предполагать, что детей всех возрастов хоронили по единому обряду, не отличая их от представителей других возрастных когорт. Полученный результат дает нам основание считать, что палеодемографические реконструкции для детской части выборки могут быть вполне достоверными.

Возрастная динамика смертности в группе взрослых индивидов отражена на рис. 297. Как следует из полученных данных, второе и третье десятилетия жизни – наиболее вероятный возраст смерти для женщин. Возрастами наибольшего риска смерти для мужчин были вторая половина четвертого десятилетия и гораздо более поздний возраст (рис. 298). Такие разительные расхождения в динамике продолжительности жизни находят свое отражение и в таком наиболее часто используемом палеодемографическом признаке, как средний возраст смерти. Для женщин он составляет 30,5 лет, а для мужчин практически 40 лет. Расхождения в продолжительности жизни мужчин и женщин почти в 10 лет встречается достаточно редко.

Полученный результат может быть рассмотрен как свидетельство значительно более низкого качества жизни женской части сообщества. Как правило, большой процент смертности женщин в ранних возрастах связан с высоким уровнем рождаемости.

Уровень рождаемости и уровень детской смертности вплоть до начала XX были тесно связаны, поэтому в палеодемографических исследованиях доля умерших детей, как правило, маркирует общий уровень рождаемости.

Полученный нами результат – 23% детских индивидов – свидетельствует об умеренной рождаемости. В группе – 17 женщин в возрасте до 40 лет и 14 детей. Для того, чтобы вернуться к вопросу о причинах высокой ранней женской смертности, необходимо проанализировать ряд антропологических признаков в мужской и женской группах. На данном уровне мы можем лишь фиксировать, что при умеренной рождаемости в группе присутствовали факторы, способствовавшие ранней женской смертности (заболевания, социальные условия и пр.).

Группа взрослых мужчин, насчитывающая 26 индивидов в возрасте от 18 до 60 лет, демонстрирует более высокое качество жизни, проявляющееся в относительно высокой ее продолжительности. Средняя продолжительность жизни в 40 лет – высокий показатель, который был достижим далеко не для многих популяций даже в эпоху средневековья (Бужилова, 1995, с. 115). Отчасти аналогичная картина половозрастной динамики была описана У.П. Перервой при характеристике сборных антропологических материалов из позднесарматских могильников Волгоградской области (речные терассы Есаульского Аксая: Абганерово II, III, IV, V, Аксай I и Шургановы урганы) (Перерва, 2000, с. 141). Закономерности связи демографических показателей с культурно-хозяйственным типом неоднократно обсуждались в литературе (Алексеева и др., 2003, с.18). Известным сходством характеризуется и демография позднесарматского населения II-IV вв. Правобережья Волги в северной части Астраханской области (Кривая Лука, Кузин хутор). М.А. Балабанова отмечает значительное преобладание мужских индивидов, высокий процент дожития (Балабанова, 2007, с. 316). В обществах различных древних эпох и средневековья с ярко выраженным подвижным образом жизни и повышенным уровнем агрессии (военизированные сообщества) отмечается численное преобладание мужчин. Чем более специализированна группа – тем четче проявляется диспропорция. В группе из Ксизово-17 число мужчин превышает число женщин, что также может быть рассмотрено как одно из указаний на подвижный и военизированный характер группы.

Важно отметить, что структура и объем коллекции позволяет считать полученную выборку палеопопуляцией, а не случайной серией, что дает возможность использовать палеодемографические показатели в реконструкции образа жизни населения. Полученные данные указывают на стационарное состояние популяции с умеренным приростом населения и умеренным уровнем общей смертности.

Картину демографического своеобразия палеопопуляции из Ксизово-17 помогут разъяснить данные о маркерах физиологического стресса.

Ксизово-19

Серия погребений гуннского времени могильника Ксизово-19 насчитывает 54 индивида и представлена останками 22 мужчин, 13 женщин, 15 детей. Пол 4 индивидов не был определен в виду плохой сохранности материала (табл. 2).

Число индивидов мужского пола в этой группе превышает число женщин (62,9% × 37,1%). Средний возраст смерти без учета детей составляет 31,7 лет (32,7/29,8 года для мужчин и женщин соответственно). Доля детской смертности 27,8% (табл. 2).

Показатели среднего возраста смерти в группах взрослых индивидов демонстрируют в целом неблагоприятную картину жизни населения этой общины, что отражается в заниженных характеристиках продолжительности жизни. Большой процент детской смертности, отражает соответственно высокий уровень рождаемости, что может маркировать стационарное проживание на территории поселения (рис. 299).

Динамика показателей таблиц смертности для взрослого населения выявила несколько пиков (рис 3). Первый пик наступает в возрасте 20-25 лет и в большей степени характерен для серии мужчин, тогда как для женщин период 20-30 лет отличается стабильными показателями. Второй пик как для мужчин, так и для женщин, наступает в период около 35-40 лет. Повышение вероятности смерти в период до 30 лет для женщин может объясняться различными осложнениями и трудностями, связанными с деторождением. Для мужчин период молодого возраста 20-25 лет связан с моментами резкого увеличения активности (в том числе и военной) и физических нагрузок. Второй пик смертности населения 30-40 лет вполне ожидаем, и обусловлен средними показателями дожития, характерными для различных групп населения этой эпохи. Интересным представляется резкий спад кривой смертности для всех групп населения могильника. Создается впечатление об отсутствии в выборке по каким-либо причинам возрастной категории взрослого активного населения после 40 лет. Наиболее реальной является версия о возрастной дифференциации участков некрополя или повышения

уровня жизни. Дальнейшее исследование палеодемографии некрополя, совмещенное с планиграфией могильника, поможет в решении этого вопроса. Можно предположить также изменения в качестве жизни, его ухудшение в последний период.

Сопоставление

Замеченные различия в демографической структуре некрополей Ксизово-17 и 19 требуют отдельного обсуждения. Тенденции, касающиеся динамики прироста населения по этим двум палеопопуляциям, сходны. Мы наблюдаем устойчивый уровень детской смертности, что также ассоциируется с относительно высокой рождаемостью. Сходны эти две палеопопуляции и по такому признаку, как численное преобладание мужчин. Тенденции смертности мужчин и женщин в палеопопуляциях из Ксизово-17 и 19 различаются. Возможно, это вызвано небольшим временным расхождением. Дальнейшее изложение материала позволит нам обратиться к этому вопросу более обосновано.

Краниологическая характеристика

Ксизово-17

Проведены краниометрические исследования серии черепов взрослых индивидов мужского и женского пола. Получены основные характеристики морфологического своеобразия черепа. Сразу следует отметить, что сохранность черепов позволила сформировать выборку из 12 мужских и 2 женских. В табл. 3 приведены некоторые размеры мужских недеформированных черепов. Для выборки мужских черепов показано, что основными характеристиками можно считать долихокранные и мезокранные пропорции мозгового отдела черепа. Черепной указатель варьирует в широких пределах от 65,44 до 78,65 при значительных величинах продольного диаметра и значительных величинах длины основания черепа. Высота черепа находится в пределах средних и высоких значение 9 (от 132 до 140 мм). Размеры и пропорции лица также демонстрируют значительную изменчивость. Широтные диаметры лба варьируют от малых до больших. Скуловая ширина также нестабильна, полученные значения (от 135 до 147 мм) лежат в зоне рубрикаций «малый», «средний», «большой». Высота лица может быть описана как средняя. Верхняя высота лица может быть определена как средняя и большая. Пропорции глазной орбиты – умеренные, высота глазниц – малая и средняя, ширина носа – средняя или большая (по рубрикациям краниологических признаков) (Алексеев, Дебец. 1964). Важнейшими расоводиагностическими признаками следует считать углы вертикальной и горизонтальной профилировки. Угол выступания носа характеризуется средними величинами (24-27°). Угол выступания альвеолярной части гораздо более изменчив, так как флуктуирует в пределах от 67 до 85 (от малых до больших). Общий лицевой – большой, соответствующий ортогнатному и прогнатному вариантам. Величина горизонтальной профилировки верхней части лица изменчива, полученные значения назомолярного угла относятся к рубрикациям «малый», «средний», «большой» (от 136º до 146º). Горизонтальная профилировка средней части лица более стабильна: зигомаксиллярный угол изменяется в пределах от средних до больших значений (от 131º до 140º). Все эти характеристики позволяют предполагать, что индивиды из полученной выборки могут быть отнесены к населению европеоидного облика с проявлением монголоидных особенностей. Имеющаяся в нашем распоряжении выборка не многочисленна, поэтому применение статистических инструментов затруднено. Объем краниометрических данных может быть увеличен за счет реставрационных работ.

В самом общем виде можно судить о том, что некоторые индивиды относятся к длинноголовому высокоголовому европеоидному населению, которое может быть отнесено к кругу позднесарматских групп (см. Балабанова, 2000; 2007). Также важно отметить, что в исследованных группах наблюдается значительный морфологический полиморфизм, связанный с процессами смешения на уровне больших рас (монголоидной и европеоидной).

Ксизово-19

Краниологическая серия представлена 40 черепами, из них 17 – мужских, 13 – женских, 10 принадлежат группе детей различных возрастов. Сохранность очень плохая, в большинстве случаев черепа представляли собой мелкие фрагменты, зачастую кости лицевого отдела были утрачены. Практически у всех индивидов присутствовали зубы (как изолированные, так и в челюстях), что позволило зафиксировать некоторые признаки и маркеры стресса.

Краниометрические измерения были получены для 6 индивидов. Из них у 4 пол был опреде-

лен как мужской, у 2 – как женский. Численная ограниченность выборки затруднила применение статистических методик, в связи с чем ограничимся только описанием общей краниологической характеристики групп индивидов.

Мужская серия характеризуется выраженной долихокранией с большим продольным, малым поперечным диаметрами. Лицо среднеширокое, средневысокое, уплощенное как в биорбитальной, так и зигомаксиллярной части. В средней части уплощенность лица выражена сильнее. Выступание носовых костей слабое, нос широкий, переносье уплощенное, орбиты низкие.

Серия женских черепов сохранилась хуже, стандартные измерения не были проведены. Можно лишь отметить, что в средней части лицо более выступающее, чем у мужчин. В биорбитальной части лицо также уплощено, назомаллярный угол большой, носовые кости выступают слабо.

В самом общем виде можно предполагать, что некоторые индивиды относятся к длинноголовому высокоголовому европеоидному населению, которое может быть отнесено к кругу позднесарматских групп (Балабанова, 2000; 2007, 2013). Также важно отметить, что в среде позднесарматского населения наблюдается значительный морфологический полиморфизм, связанный с процессами смешения на уровне больших рас (монголоидной и европеоидной).

На основании имеющихся краниометрических данных по материалам гуннского времени некрополей Ксизово-17 и 19, объединенных серий позднесарматского времени (данные Е.Ф. Батиевой), и черняховской культуры (данные Т.А. Рудич) (Рудич, 2004) была составлена сводная матрица, включающая средние значения определяющих краниометрических признаков – абсолютных размеров и индексов (общее количество признаков 16). Эти данные проанализированы при помощи пакета статистических программ PAST по методу кластерного анализа. Результаты представлены на итоговой дендрограмме. Основные различия серий состояли в пропорциях черепа и его широтных размерах, а также в степени уплощенности лицевого отдела (рис. 300).

Итак, население, оставившее могильники Ксизово-17 и 19 было крайне неоднородно. Оно представляет смешение нескольких краниологических вариантов монголоидного и европеоидного облика. Среди последних выявляются индивиды, относящиеся к длинноголовому высокоголовому населению, с ортогнатным лицом, малой шириной лица, значительным выступанием носовых костей, которые могут быть отнесены к кругу позднесарматских групп (Балабанова, 2000; 2007; 2013). Также важно отметить, что в среде позднесарматского населения наблюдается значительный морфологический полиморфизм, связанный с процессами смешения на уровне больших рас (монголоидной и европеоидной). Другая группа индивидов характеризуется повышенными углам и горизонтальной профилировки и пониженными – вертикальной, прогнатизмом, широким грушевидным отверстием. Комплекс признаков связан с монголоидным обликом.

Общая характеристика

Итак, полиморфная серия из погребений некрополей Ксизово-17 и 19 указывает на активный миграционный процесс, объединение индивидов различного происхождения в единое общество. Возможность выделения комплексов контрастных признаков строения лица и головы в пределах небольшой группы указывает на начальный этап взаимодействия различных групп населения, отсутствия ярко выраженной метисации, приводящей к формированию более консолидированного морфологического облика.

Традиция деформации головы у населения Верхнего Дона в гуннское время

Традиция преднамеренной деформации головы младенца в период активного роста костей черепа – культурная универсалия. Вероятно, в основе потребности формирования подобных традиций лежат единые для человеческих обществ глубинные психические ассоциации, о которых мы можем только строить гипотезы. Изменение формы тела (пеленание головы, пеленание стоп, уменьшение диаметра грудной клетки, увеличение длины шеи, увеличение длины мочек уха, увеличение длины нижней губы) создают свою знаковую систему (Медникова, 2006), формируют определенные эстетические нормы.

Начало исследования деформированных черепов в российской науке связано с деятельностью Карла фон Бэра. В частности, он описал деформированный череп из коллекции, собранной Полем Дебрюксом в Восточной Крыму и на Таманском полуострове. Им же (Полем Дебрюксом) черепа были отнесены к легендарным макрокефалам, жившим по берегам Меотиды

(Азовского моря), о которых подробно написано в тексте Псевдо-Гиппократа «О воздухах, водах и местностях». Интерес к деформированным черепам в этот период проявлялся, прежде всего, в создании коллекций. Так, несколько черепов с циркулярной деформацией из Инкермана были представлены в Москву на Антропологической выставке 1886 года в Москве (описание А.П. Богданова).

При проведении разведок у Алушты в 1986 году, В.Ф. Миллером были обнаружены захоронения с деформированными черепами. Автор привел свою этническую интерпретацию носителей этой своеобразной традиции: «Византийские писатели называли это варварское население (Алушты и Гурзуфа) неопределенно тавроскифами, что, конечно, не дает никаких этнографических указаний; и для нас едва ли явится возможность когда-нибудь более точно определить национальность этих варваров. В виду следов иранского элемента, сохранившихся, например, в древнем названии близлежащего Аюдага (Вриксава) и Судака, тавроскифское население, быть может, принадлежало к ветви сарматов или аланов; но столько же вероятия, что оно принадлежало какому-нибудь более древнему племени, предшествовавшему в этих местах иранским сарматам. Во всяком случае, едва ли можно думать, что древнейшее население Алушты принадлежало к тюркским племенам» (Миллер, 1889, с.131).

Первая сводная работа «О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России» принадлежит академику Д.Н. Анучину (Анучин, 1887). В дальнейшем, в советский период работы были продолжены плеядой профессиональных антропологов. Среди них, прежде всего, следует упомянуть Е.В. Жирова, Б.В. Фирштейн, В.В. Гинзбурга, Т.А. Трофимову (Жиров, 1940; Фирштейн, 1970; Гинзбург, Жиров, 1949; Трофимова, 1968).

Следующие поколения специалистов внесли свой вклад в изучение распространения традиций преднамеренной деформации головы. Среди исследований, посвященных периоду раннего железного века, важно упомянуть обобщающую работу Т.К. Ходжайова (Ходжайов, 2006), освещающую обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии; серию публикаций М.А. Балабановой (Балабанова, 1998; 2000; 2004; 2007), анализирующей этот обряд в сарматских и позднесарматских группах; труды Е.Ф. Батиевой (Батиева, 2006), изучавшей этот обряд в среде населения Нижнего Подонья. Подробно изучены варианты деформации черепа у представителей джетыасарской археологической культуры (Шведчикова, 2010), у аланского населения Кавказа.

Традиционно особый интерес вызывает вопрос о возможных последствиях деформации головы. Рентгенографическое исследование Н.П. Маклецовой (Маклецова, 1974) позволило констатировать отсутствие значимых патологических проявлений на деформированных черепах, а также нормальные сроки зарастания черепных швов. Рентгенографическое изучение черепов, проведенное М.А. Балабановой и А.В. Сычевой (Балабанова, Сычева, 2006) выявили признаки, свидетельствующие о повышенном черепном давлении детей в период наложения деформирующей повязки. А.П. Бужилова опубликовала результаты исследования деформированных черепов из некрополя Косасар-2 (джетыасарская культура), которые указывают на пролонгацию закрытия черепных швов (Бужилова, 2006). К сходным выводам пришел Е.В. Перерва (Перерва, 2006). Им также сделано предположение о возможной связи обряда с повышением частоты встречаемости метопического шва и мелких вставочных косточек. Обобщающее исследование А.П. Бужиловой и М.А. Соколовой (Бужилова, Соколова, 2006) предоставило весомые факты, указывающие на повышенную частоту гормональных нарушений у индивидов с преднамеренно деформированной головой.

Важно отметить, что эпоха Великого переселения народов значительно расширила евразийские пределы бытования обряда деформации. В середине первого тысячелетия н.э. такой обряд получает широкое распространение среди племен западно- и центральноевропейского населения. Гепиды с территории современной Венгрии (Беречки, Марчек, 2006), бургунды с территории Германии и Франции (Alt, 2006; Казанский, 2006), ряд других народностей практиковали описываемый обычай. М. Казанский отмечает: «После падения «империи» Атиллы, в течение второй половины V – начала VI вв., искусственная деформация черепов отмечена у многих народов Европы, в первую очередь, среди тех, кто входил в состав гуннского объединения – остготов, гепидов, свевов, ругов. Впрочем, распространяется она и у варваров, менее связанных с гуннами, таких как лангобарды, аламанны, баюварыи» (Казанский, 2006, с. 131)

Гуннская эпоха, характеризовавшаяся высоким динамизмом культурных и этнических связей, варваризацией областей, входивших прежде в Римскую Империю, стала тем временем, когда культурные универсалии, не требующие знания письменной традиции, распространяются на обширные территории и становятся внеэтническими маркерами. Обряд, сформировавшийся в среде евразийских кочевников раннего железного века, получил широкое распространение на Западе.

Изначально появление традиции изменения формы черепа в эпоху Великого переселения народов и в последующее раннее средневековье в Европе ассоциируется с племенами гуннов и тюрков. Возможно, этой интерпретации мы обязаны тексту панегирика императору Авиту, сочиненному Сидонием Апполинарием (Сидоний Клермонтский), в котором приведено описание голов гуннов «на самых лицах его детей уже напечатан какой-то ужас. Круглой массой возвышается его сдавленная голова» (Латышев, 1949, с. 291).

Между тем, как упоминалось выше, преднамеренная деформация головы была распространена очень широко в раннем железном веке в среде евразийских номадов.

Один из наиболее ярких и масштабных очагов развития этой традиции связан с сарматскими и, особенно, позднесарматскими племенами, населявшими евразийские степи от Приуралья и Западного Казахстана до Причерноморья. Вероятно, именно эта среда, исходно генетически неоднородная, и явилась источником широкого распространения обряда. Краниологические описания позднесарматских (догуннских) некрополей выявляют высокую частоту встречаемости черепов с кольцевой деформацией. Запреты на традицию пеленания головы младенца, по всей видимости, следует связывать с распространением больших религий.

Скелетные материалы из погребений Ксизово-17 представляют большую ценность, так как позволяют исследовать антропологические особенности групп населения верхнедонского региона, погребавших своих соплеменников, в частности, в эпоху Великого переселения народов. В изучаемой группе эта традиция также была широко распространена. К сожалению, сохранность черепов не всегда позволяла нам с уверенностью констатировать наличие или отсутствие признаков деформации. Однако несколько черепов хорошей сохранности несут на себе явные следы преднамеренного изменения формы головы путем наложения деформирующих кольцевых повязок. Аналогичные следы преднамеренной деформации были описаны еще А.Н. Харузиным при характеристике черепов из Гурзуфа и Гугуша: «Деформация черепа достигается перевязыванием черепа различной системой повязок еще в детском возрасте. /…/ Одна повязка /…/ шириною около 2-3 дюймов, шла вокруг головы через лоб и затылок, таким образом, что напереди она давила преимущественно на лобные бугры, на место перегиба лба, а назади – проходила несколько выше затылочного бугра. Вторая повязка налагалась почти перпендикулярно к первой через темя, точнее через часть теменного свода, приходящуюся сейчас же за брегмой или даже вдоль венечного шва. Она была такой же ширины или несколько уже первой и проходила, по-видимому, внизу под подбородком или, может быть, тоже через затылок, но ниже, под затылочным бугром. Придавливая темя, она допускала увеличение черепа, главным образом, в промежутках между первой и второй повязкой и преимущественно в заднем промежутке, в который и выпячивалась, вверх и взад, большая часть теменного свода. В передний же промежуток, гораздо меньший, выступала лишь самая верхняя часть лба, причем этот выступ получался не столько от роста здесь черепа, сколько от вдавления последнего спереди и сзади от этого места. Чем сильнее были вдавления, тем резче оказывались компенсирующие выступы, но кроме того, в целях большего удлинения головы вверх и взад накладывалась, по-видимому, иногда еще и третья поперечная повязка, след от которой (вдавление) виден на некоторых черепах выше ламбды, поперек задней части стрельчатого шва» (Харузин, 1890, с.15-17).

В серии черепов гуннского времени из некрополя Ксизово-17 следы деформирующих повязок обнаружены среди мужских черепов: (Ксизово-17Б, погр. 10, 11; Ксизово-17А, погр. 39, 55). Несколько женских черепов также прижизненно деформированы (Ксизово-17А, погр. 5, 7, 30, 31; Ксизово-17Б, погр. 19). Черепа детей из погр. 42 и 18 Ксизово-17Б также относится к группе деформированных. Отсутствие преобладания следов преднамеренной деформации на детских черепах по сравнению со взрослыми позволяет предполагать, что навыки наложения деформирующих повязок были хорошо отработаны и выверены и бандаж костей головы не становился значительным стрессовым фактором. Распро-

странение традиции было обращено к обеим гендерным группам. Трехмерное изображение черепа из погребения 42, выполненное Юлией Бойновой, представлено на рис. 301. При осмотре материала могильника Ксизово-19 также были обнаружены черепа со следами преднамеренной деформации. Сильно выраженная модификация черепа прослеживалась на 2 детских черепах (погр. 22, 23) (рис. 302).

Напомним, что в первой половине 1 тыс. н. э. обряд искусственной деформации черепа широко распространен среди позднесарматских племен Восточной Европы. В частности, высокий процент деформированных черепов отмечается М.А.Балабановой для правобережья Волги, северных районов Астраханской области, северо-восточных и центральных районов Калмыкии. В курганных памятниках, датируемых II – IV в., процент деформированных черепов доходит до 70 (Кривая Лука) (Балабанова, 2007, с. 317). В группах нижнедонских поздних сармат эта величина составляет практически около 100% (Батиева, 2006, с. 65). Высока частота встречаемости деформированных черепов в некрополях позднесарматского и гуннского времени на территории Венгрии (Беречки, Марчек, 2006, с. 113)

Трепанация черепа – биоархеологическая характеристика

В 2008 среди прочих обнаруженных объектов на некрополе Ксизово-19 было выявлено коллективное грунтовое погребение («Объект 1»). Конструкция погребального сооружения стратиграфически перекрывает остатки более ранней постройки гуннского времени (датирована набором характерной керамики) (см. главы 5 и 6 монографии).

Принадлежность коллективного захоронения к указанному периоду подтверждается находками трех наборов бус, встреченных на других участках могильника Ксизово-17 в слоях гуннского времени, и железным псалием середины I тыс. н.э. (см. главы 6 и 11 монографии). Объект 1 раскопа 7 представляет собой погребение четырех человек в одной яме. В могильной яме в анатомическом порядке находились 4 скелета взрослых людей с хорошей сохранностью костей, составлявшие 4 яруса, причем нижний скелет лежал на материковом дне ямы в максимальном удалении от места входа, т.е. ступеньки, а самый верхний – почти у самой ступеньки на 15-18 см выше нижнего.

Степень сохранности останков хорошая. Полностью представлены все отделы скелета. Черепа во всех случаях посмертно фрагментированы, подлежат реконструкции.

Индивид 2. Мужчина, 30-35 лет.

Краевые разрастания, остеофиты на позвонках. Межпозвонковые грыжи в грудном отделе позвоночника (T3-T4). Сколы эмали.

Индивид 3. Мужчина, старше 50 лет. Выражен рельеф костей. Позвоночник подвергся сильным изменениям, наблюдаются множественные межпозвонковые грыжи – односторонние и двусторонние (C4, C7, T6, T12, L2-L5), остеофиты, остеохондроз. Сколы эмали.

Индивид 4. Мужчина, 40-49 лет. Скелет представлен всеми отделами, разрушен, фрагментирован. Краевые разрастания, остеофиты на позвонках. Сколы эмали на зубах.

На бедренных костях всех индивидов в пришеечной области отчетливо прослеживаются т.н. «фасетки кавалериста», являющиеся наряду с другими проявлениями на костях скелета свидетельством всадничества. Большинство из комплексов признаков всадника, выделенных А.П. Бужиловой, было зафиксировано на костях всех индивидов из объекта 1. Это – не только локальные изменения на шейке бедра, но и изменения на позвонках шейного и поясничного отделов, ключицах, лопатках, костях верхней и нижней конечности. В качестве сопроводительного инвентаря в самом захоронении был обнаружен псалий.

Индивид 1. Мужчина, 35-45 лет. Возраст был определен по индикаторам на постраниальном скелете. По краниосиностозам возрастной интервал немного меньше, до 35 лет, все швы черепа открыты. Зубной возраст сильно отличается: 45-50 лет. Такое несоответствие вызвано патологической утратой зубной ткани.

На всем протяжении свода черепа четко проявлялись следы васкулярной реакции, особенно выраженной в области надбровья, центре лобной кости, вдоль сагиттального шва, на затылочной кости.

Свод черепа на всем протяжении сильно утолщен за счет разрастания слоя диплоэ. Это четко прослеживается на сломе кости, толщина теменных костей достигает значения 11,6 мм (рис. 303) на внутренней поверхности глазниц индивида присутствуют следы перенесенного стресса – cribra orbitalia, являющего предположительно следствием железодефицитной анемии.

На диафизах большеберцовых костей с медиальной стороны фиксируется продольно ориентированная исчерченость, слабые периостальные реакции в области верхнего эпифиза (рис. 303). На правой большеберцовой кости с медиальной стороны в верхней метафизарной части прослежена область остеобластической реакции 35,8 × 16 мм, с латеральной периостальной реакцией (рис. 304; 305)

Позвоночник представлен полностью. Отмечены проявления остеохондроза на шейных позвонках и сочленовных поверхностях верхних суставных отростков грудных позвонков.

Рельеф костей посткраниального скелета умеренно выражен. Перечисленные группы мышц отвечают за перемещение костей верхних конечностей: отведение и приведение к туловищу, поднятие плеча, разворот плеча наружу и внутрь. Сгибание и наружное вращение (супинация) предплечья, поднятие руки. Энтенсопатии мышц отмечены на костях верхних конечностей, в местах прикрепления: малой грудной мышцы (m. pectoralis minor), двуглавой мышцы плеча (m. biceps brahii), клювовидно-плечевой мышцы (m. coracobrahialis), большой круглой мышцы (m. teres major), подлопаточной (m. subscapularis), над- и подостных мышц (mm. supra-, infraspinatus).

Гипертрофированное развитие костной ткани в местах прикрепления этих групп мышц дает четкую картину перемещения пояса верхних конечностей и указывает на конкретные специфические движение, характерные для удара с замаха, а сила передается за счет движения плеча и отчасти предплечья.

При воссоздании формы черепа этого индивида были обнаружены следы преднамеренного вмешательства в свод – т.н. с*имволическая трепанация* (рис. 306).

Область несквозного повреждения овальной формы расположено на сагиттальном шве, перпендикулярно ему, в 37 мм от lambda. Размер по внешнему краю 21 × 18 мм, по внутреннему – 15 × 11 мм. Пространство между краями скошено внутрь (ширина от 3,5 до 4,5 мм). Прослежены следы реакции заживления, тем не менее, степень регенерации позволяет предположить, что операция выполнялась способом прорезания контура с последующим извлечением слоя компакты. По периферии места повреждения наблюдается повышенная васкуллярная реакция (рис. 307).

Традиция трепанации черепа – весьма частое явление у раннесредневекового населения Восточной Европы. Случаи трепанаций не являются единичными, встречаются на памятниках сарматов, алан, болгар, венгров, в хазарских материалах и неоднократно описывались в работах отечественных и зарубежных авторов.

Наибольшее распространение символические трепанации находят в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья (Медникова, 2001; Решетова 2014).

Остеометрическая характеристика

Ксизово-17

Измерения посткраниального скелета 16 взрослых индивидов мужского (11) и женского (5) пола позволили нам составить краткое представление о специфике скелетной конституции (табл. 4). Среди обследованных индивидов встречены различные варианты пропорций конечностей: с относительно удлиненным плечом и относительно удлиненной голенью, а также индивиды сбалансированных пропорций. Это очередной раз указывает на полиморфности и смешанность состава населения, в котором представлены варианты, ассоциируемые с различными адаптивными типами (Медникова, 1996).

На основании измерения продольных размеров длинных костей конечностей можно судить и вероятностной длине тела. Оценка проводилась по формуле Троттер-Глезер для европеоидного населения. Она варьировала от 160 см до 175 см у мужчин. Эти величины можно интерпретировать как умеренный и высокий рост для исследуемой эпохи. Длина тела женщин существенно меньше – от 150 см до 163 см. Отметим, что реконструированные величины длины тела не являются точными параметрами и приводятся в данной публикации как иллюстративные показатели.

Ксизово-19

Измерения стали возможны только для 10 индивидов. В табл. 5 представлены характеристики длин костей конечностей, представляющие для большинства костей наибольшую длину, за исключением большой берцовой кости, для которой указаны значения длины в естественном положении (табл. 5)

На основании полученных данных о продольных размерах тела индивидов из могильника Ксизово-19 была реконструирована длина тела. Определения выполнялись на основании таблиц по формуле М. Троттера и Г. Глезера 1952 г. для европеоидов. (Алексеев, 1966, с. 234-235) (табл. 6).

Средние продольные размеры тела для мужчин составили порядка 169-170 см (по бедренной кости) и варьируют в пределах от 161,5 до 180 см. Длины проксимальных сегментов конечностей имеют меньшие размеры по сравнению с дистальными. Такой тип пропорций скелета характерен для популяций, живших в условиях теплого климата (Медникова, 1995). Все индивиды отличаются средними и выше средних размерами тела, достаточно крепкой конституцией, выраженным костным рельефом.

Аналогично мужской серии, для женщин были рассчитаны те же характеристики. (табл. 7; 8).

Как и для группы мужчин, выражается тенденция к удлинению нижних сегментов конечностей. Средние продольные размеры тела варьируют в пределах 150-165 см, в среднем составляют 157-158 см. Реконструированная длина тела в целом соответствует характеристике раннесредневекового населения Восточной Европы.

Маркеры стресса

Частота встречаемости различных маркеров стресса в серии из Ксизово-17 и Ксизово-19 позволяет не только выявить наиболее значимые факторы среды, влияющие на исследуемую группу населения, но и оценить их социальные составляющие, отраженные в таких показателях, как гендер и возраст. В ходе исследования фиксировались следующие маркеры эпизодического стресса: эмалевая гипоплазия, cribra orbitalia, васкулярная реакция на костях свода черепа. Результаты частот встречаемости признаков в серии из некрополя Ксизово-17 отражены в табл. 9.

Наряду с низкими показателями встречаемости эмалевой гипоплазии, выражены частые случаи встречаемости cribra orbitalia у детей и женщин. Эти показатели констатируют, что анемичные состояния гораздо чаще переживались женщинами, чем мужчинами. Что касается показателя для детей, то значения, как правило, выше, чем в группе взрослых. Этот результат ожидаем, так как именно ослабленные дети оказываются в группе наибольшего риска смерти.

Состояние зубной системы также является маркером общего состояния здоровья организма. Общий уровень поражения кариесом умеренный. Показатель детской заболеваемости ниже, чем в группе взрослых мужчин и женщин. Более высокий процент поражения кариесом мужчин может быть рассмотрен либо как маркер миграционного стресса, либо как результат употребления в пищу большего числа углеводов. В целом, состояние зубной системы указывает на качественное питание и отсутствие систематического пищевого стресса в обществе.

Уровень маркеров стресса для объединенной выборки Ксизово-19 умеренный (табл. 10). Для мужчин показатели выше для таких признаков как кариес (23,5% для мужчин, 15,4% для женщин), одонтогенный остеомиелит (17,7% для мужчин, 7,7% для женщин). Такой фактор эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия наиболее характерен для женской группы (38,5%). Во всех сериях был отмечен зубной камень, в том числе и для группы детей (30%). Присутствие этого признака может отражать не только специфику пищи и питания, но и предрасположенность к развитию зубного камня у индивидов этой группы.

Показатель *cribra orbitalia* для детей выше, чем в группе взрослых (20%).

Низкие значения этого признака во взрослых выборках свидетельствуют о присутствии анемичных стрессовых факторов именно в последние периоды жизни этого населения.

В целом, можно судить об общих тенденциях динамики маркеров стресса в исследованных группах, которые проявляются в повышенных частотах признаков у мужской части палеопопуляции. Возможно, эта черта связана с суровыми условиями, в которых воспитывались мальчики – будущие воины, а также практикой их взрослой жизни в составе военизированных групп.

Инфекции

Вероятно, инфекционные заболевания, имеющие длительные сроки развития и проявления, не были характерны для описываемой группы. Встречен один случай воспалительного процесса в группе взрослых. Это – проявления воспалительного процесса на внутренней стороне теменной кости женщины из погр. 2 Ксизово-17Б, которое может быть интерпретировано как результат менингиальной инфекции. На черепе индивида из погр. 45 Ксизово-17А наряду с маркерами повышенного черепного давления и cribra orbitalia выражен легкий гиперостоз в области наружного слухового прохода. Такие признаки могут быть следствием воспаления среднего уха (Шульц, Козак, 2008, с.288)

Дегенеративно-дистрофические изменения опорно-двигательного аппарата.

Фиксация изменений на скелете, связанных с физическими нагрузками, используется в исследованиях по исторической экологии человека для реконструкции особенностей физических нагрузок (Бужилова, 1995, с.39; 1998, с. 125). В исследуемой группе эти проявления встречаются часто. С одной стороны, это связано со спецификой возрастной структуры, с другой, вероятно, с активным образом жизни и значительными физическими нагрузками.

В группе у женщины в возрасте старше 50 лет (пог. 52 Ксизово-17А) отмечен остеофитоз нижнего отдела грудных и поясничных позвонков. Практически у всех мужчин в возрасте старше 40 лет (у 12 индивидов) наблюдаются ярко выраженные остеофитоз, межпозвоночные грыжи, артрозы плечевого, локтевого, тазобедренного суставов различной степени развития. Широкое распространение дегенеративно-дистрофических изменений на скелете, вероятно, могло быть спровоцировано постоянными физическими нагрузками, которые приходилось переживать этим индивидам, начиная с возраста, предшествующего завершению ростовых процессов.

Травмы

Анализ травматических нарушений представляет особый интерес для биоархеологических исследований, так как он позволяет оценить общий уровень агрессивности в группе, а также выделить боевые и бытовые травмы. Фиксация травм также широко используется для реконструкции образа жизни (Бужилова, 1995, с.128; Добровольская, 2009, С.196). Те или иные травматические повреждения встречены на многих мужских скелетах из могильников Ксизово-17 (табл. 11). Заросшие травмы черепа и различных отделов посткраниального скелета отмечены у 9 индивидов, что составляет около 35 % и является высоким риском встречи с травматогенной ситуацией. В основном, это травмы предплечья (переломы – погр. 7 Ксизово-17А, 4 Ксизово-17, мыс и др.), травмы верхней трети большеберцовой кости (например, погр. 9 Ксизово-17А,), заросшие давние травмы черепа (погр.11 Ксизово-17Б, 7 Ксизово-17А).

Отметим, что высокий процент встречаемости травм и дегенеративно-дистрофических изменений на скелетах мужчин зрелого и старшего возраста указывают на то, что погребения могильника Ксизово-17 могут быть воинскими. Возвращаясь к специфике половозрастной структуры группы, можно отметить, что отсутствие высокой смертности среди мужчин в ранних возрастах может быть следствием не только благополучия в группе, но и участия молодых мужчин в дальних боевых походах. В этом случае далеко не все они могли быть погребены на некрополе Ксизово-17. Высокий процент ранений среди старших мужчин свидетельствует в пользу такого рода предположения.

Уровень травматизма в группе из некрополя Ксизово 19 низкий, что свидетельствует об отсутствии внешних агрессивных факторов, по крайней мере, в непосредственной близости от поселений. Показатели значительных физической активности и нагрузок отмечены только для мужского населения общины.

Заключение

Первые результаты проведенного комплексного обследования антропологических материалов из погребений гуннского времени некрополей Ксизово-17 и 19 позволили получить независимую информацию об образе жизни и генезисе населения. Значительный полиморфизм краниометрических показателей предлагается рассматривать как результат неоднородности антропологического состава изученных групп даже на уровне больших рас. Одним из наиболее распространенных вариантов был описан высокоголовый, мезо-долихокранный краниологический вариант, с общими крупными размерами черепа, умеренной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. Вероятно, население, оставившее эти памятники, формировалось на общей антропологической и культурной основе.

Демографические показатели, особенности травматизма и износа опорно-двигательного аппарата позволяют предполагать, что погребения оставлены группой, мужская часть которой принимала активное участие в боевых столкновениях.

Краниометрические и остеометрические характеристики некрополя Ксизово-19 отражают основные тенденции, отмеченные ранее для некрополя Ксизово-17 (отчеты подготовленные ранее М.В. Добровольской и И.К. Решетовой). На основании краниологического исследования можно высказаться о тенденции сближения краниологических типов из могильников Ксизово-19 и 17 с позднесарматскими комплексами.

Об этом свидетельствуют основные пропорции мозгового и лицевого отдела черепа: долихокрания, среднеширокое лицо, наличие уплощенности лицевых костей, слабое выступание носа, присутствие в серии искусственно деформированных черепов. При сопоставлении с сериями из памятников черняховской культуры (Рудич, 2000) налицо заметные расхождения в таких размерах, как высота черепа, скуловой диаметр, высота глазницы, заметным отличием являются показатели углов горизонтальной профилировки лица (в группе Ксизово углы значительно больше и, соответственно, больше уплощенность).

Масштабные краниологические исследования (например, Ефимова, 1999, с. 147 С.186, Балабанова, 2007, с. 314) свидетельствуют о значительном распространении краниологических вариантов, связанных с позднесарматским населением позднеримского времени в Восточной Европе. В сериях из некрополей Ксизово отмечены многочисленные случаи бытования обряда преднамеренной деформации головы, который был типичен в среде позднесартматского и аланского населения, а затем, в эпоху Великого переселения народов получил широчайшее распространение в Восточной и Центральной Европе в целом.

Гораздо более сложная картина соотношения населения, оставившего памятники Ксизово-19 и 17, предстает при анализе палеодемографических параметров. Мы можем выделить общие черты: численное преобладание мужских индивидов, умеренно высокий уровень рождаемости. Но есть и важные отличия. Для половозрастной структуры группы из Ксизово-17 характерно численное преобладание мужчин в сочетании с умеренно высоким процентом детской смертности (отражающий общий уровень рождаемости), высокий процент мужчин в возрасте старше 40 лет. Для группы из могильника Ксизово-19 мы отмечаем снижение численного преобладания мужчин, повышение доли детских погребений, снижение численности погребений мужчин в возрасте после 40 лет. Здесь же следует отметить, что две группы различаются и по частоте встречаемости травм и ранений у мужчин.

Таким образом, очевидно, присутствуют биоархеологические свидетельства, которые позволяют предполагать различия в образе жизни этих двух групп сходного в антропологическом отношении населения. Люди, оставившие могильник Ксизово-17, вероятно, были в большей степени связаны с военным ремеслом. Отсутствие в группе из Ксизово-19 значительной доли мужчин старшего возраста, которых можно именно по биоархеологическим маркерам связывать с участием в боевых действиях, указывает на иной образ жизни. Биоархеологические признаки не могут указать историческую причину этих различий. Связана ли она с изменением общей военно-политической ситуации в регионе, вызвана ли локальными иными причинами – вопросы остаются открытыми. Важно отметить, что снижение качества демографических параметров группы из некрополя Ксизово-19 сопровождается элиминацией значительной доли «профессиональных воинов». Таким образом, сходное полиморфное в антропологическом отношении население, оставившее могильники Ксизово-17 и 19 не может быть рассмотрено как идентичные группы с точки зрения их социально-демографической специфики.

Таблицы

Таблица 1. Основные палеодемографические характеристики в группе Ксизово-17.

Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Оба пола
Реальный объем выборки (N)	**60,0**	**26,0**	**20,0**	**46,0**
Средний возраст смерти в группе (A)	28,6	39,8	30,5	35,8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	35,8	39,8	30,5	35,8
Процент детской смертности (PCD)	23,3	-	-	-
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	18,6	-	-	-
Процентное соотношение полов (SR)	130,0	-	-	130,0
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	56,5	43,5	-
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0-4 (E0)	28,6	-	-	-
Ожидаемая продолжительность жизни в 15-19 лет (E15)	20,8	24,8	15,5	20,8
Ожидаемая продолжительность жизни в 20-24 года (E20)	17,0	20,7	11,9	17,0
Средний возраст смерти при 20% PCD (A20)	29,6	32,9	25,5	29,6
Средний возраст смерти при 30% PCD (A30)	26,5	29,3	22,8	26,5
Средний возраст смерти при 40% PCD (A40)	21,9	25,8	20,2	21,9
Длина поколения (T)	26,84	27,56	25,44	26,84
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,035	0,040	0,065	0,048
Среднегодовой уровень фертильности (B)	18,49	28,26	18,74	24,12
Общий репродуктивный уровень (GRR)	1,89	1,24	1,87	1,45
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,6	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	3,8	2,5	3,7	2,9
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	76,7	100,0	100,0	100,0
Процент "активного" населения (CF)	66,7	80,8	95,0	87,0
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	10,0	19,2	5,0	13,0
Коэффициент "активного" населения (DR)	0,50	0,24	0,05	0,15

Таблица 2. Основные палеодемографические характеристики в группе Ксизово-19. Гуннское время.

Основные характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Оба пола
Средний возраст смерти в группе (A)	24,7	32,7	29,8	31,7
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	31,7	32,7	29,8	31,7
Процент детской смертности (PCD)	27,8	-	-	-
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	8,0	-	-	-
Процентное соотношение полов (SR)	169,2	-	-	169,2
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	62,9	37,1	-
Длина поколения (T)	25,97	26,27	25,53	25,97
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	2,8	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	4,7	3,3	3,7	3,4
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	72,2	100,0	100,0	100,0
Процент "активного" населения (CF)	70,4	95,5	100,0	97,4
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	1,9	4,5		2,6
Коэффициент "активного" населения (DR)	0,42	0,05		0,03
Реальный объем выборки (Nr)*	54,0	22,0	13,0	39,0
Показатель качества формы кривой смертности (cer) (%)**	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Средние значения некоторых измерительных признаков по черепам из некрополей Ксизово-17.

Номер по Мартину	N	X
1	9	187,5
8	9	137,2
8:1	9	74,1
17	5	136
5	5	103
9	11	96,3
10	10	117,6
11	7	127
12	5	108,3
45	6	134,6
40	5	97
48	6	72,8
47	5	122
43	11	104,3
55	6	51,3
54	9	25,9
51a	7	38,9
52	6	32,9
Назо-малярный угол	7	141,6
Зиго-максиллярный угол	5	136
72	5	85,6
75(1)	6	25

Таблица 4. Некоторые измерения длинных костей взрослых индивидов из погребений Ксизово-17.

Признак, правая сторона	Мужчины (мм)			Женщины (мм)		
	Средняя арифметическая величина, N	min	max	Средняя арифметическая величина, N	min	max
Длина плечевой кости H1	314,2 /11	295	337	300,7 /4	286	314
Длина лучевой кости R1	236,3/4	231	240	215/1	-	-
Длина бедренной кости F1	437,4 /9	388	468	413,6/5	380	440
Длина большеберцовой кости T1	358,4/7	315	382	318/1	-	-

Таблица 5. Продольные размеры длинных костей (мм).

№ погр	плечевая	Локтевая	Лучевая	Бедренная	б/берцовая	м/берцовая
8			232	422	351	336
16				460	367	
30					372	
38/1	337	278	252	460		
45	287					
48				455	377	
54/1	352	315	283	498	412	
Obj 1-1	307	250	227	424	359	
Obj 1-2	320	265	242	434	345	344
Obj 1-3	332	273	247	458	372	

Таблица 6. Реконструкция длины тела (см) (по Троттеру-Глезеру).

№ погр	плечевая	Локтевая	Лучевая	Бедренная	б/берцовая	м/берцовая
8			160	161,5	167	162
16				171	171	
30					172	
38/1	174,5	177	174	171		
45	160					
48				170	173,5	
54/1	179	190	186	180	182	
Obj 1-1	165	167	165,5	163	169	
Obj 1-2	168	172	171	164,5	165,5	164
Obj 1-3	173	175	172	170,5	172	

Таблица 7. Продольные размеры длинных костей (мм).

№ погр	плечевая	локтевая	Лучевая	бедренная	б/берцовая
12				451	350
15	299	245		420	332
25А					347
29	286	228	205	383	
81					359

Таблица 8. Реконструкция длины тела (см). (по Троттеру-Глезеру).

№ погр	плечевая	локтевая	лучевая	бедренная	б/берцовая
12				165,5	163
15	158	162		158	158
25А					162
29	154	155	152	149	
81					165,5

Таблица 9. Частоты встречаемости некоторых маркеров стресса у мужчин, женщин и детей из погребений Ксизово-17.

Признак	Всего			Мужчины			Женщины			Дети и подростки		
	N	X	%	N	X	%	N	X	%	N	X	%
Пародонтоз	23	3	13,04	23	3	13,04						
Кариес	52	9	17,31	23	6	26,09	17	2	11,76	12	1	8,33
Зубной камень	40	6	15,00	23	4	17,39	17	2	11,76			
Эмалевая гипоплазия	52	6	11,54	23	3	13,04	17	2	11,76	12	1	8,33
Одонтогенный остеомиелит	23	3	13,04	23	3	13,04						
Краудинг	10	0	0	0								
Cribra orbitalia	52	7	13,46	23	1	4,35	17	4	23,53	12	3	25,00
Поротический гиперостоз	23	1	4,35	23	1	4,35						
Периостит (кости черепа)	29	3	10,34				17	2	11,76	12	1	8,33

Таблица 10. Некоторые маркеры физиологического стресса и патологии в группе Ксизово-19. Гуннское время.

Признаки	Всего			Мужчины			Женщины			Дети и подрост-ки		
	N	X	%	N	X	%	N	X	%	N	X	%
Парадонтоз	40	5	12,50	17	3	17,65	13	2	15,38			
Кариес	40	6	15,00	17	4	**23,53**	13	2	15,38			
Зубной камень	40	10	**25,00**	17	4	23,53	13	3	23,08	10	3	**30,00**
Enamel hipoplasia	40	10	**25,00**	17	4	23,53	13	5	**38,46**	10	1	**10,00**
Одонтогенный остеомиелит	40	4	10,00	17	3	**17,65**	13	1	7,69			
Краудинг	40	3	7,50				13	2	**15,38**	10	1	10,00
Cribra orbitalia	40	4	10,00	17	1	5,88	13,	1	7,69	10	2	**20,00**
Периостит (череп)	40	2	5,00				13	1	**7,69**	10	1	10,00
Остеомы (череп)	40	1	2,50	17	1	5,88						
Травмы (череп)	40	2	5,00	17	1	5,88	13	1	7,69			
Переломы длинных костей	42	2	4,76	22	2	9,09						
Артрозы (резкие ДДИС)	42	2	4,76	22	2	9,09						
Энтосопатии	42	4	9,52	22	4	18,18						
Остеофиты позвоночника	42	3	7,14	22	3	13,64						
Остеохондроз	42	3	7,14	22	3	13,64						
Межпозвонковые грыжи	42	2	4,76	22	2	9,09						
Периостит на длинных ко-стях конечностей	42	2	4,76	22	1	4,55				8	1	12,50

Таблица 11. Травмы и дегенеративно-дистрофические изменения на скелетах взрослых индивидов из погребений некрополей Ксизово-17.

Признак	N	X	%	N	X	%	N	X	%
	всего			мужчины			женщины		
Травмы (череп)	52	6	11,54	23	4	17,39	17	1	5,88
Переломы длинных костей	39	6	15,38	21	5	23,81	18	1,00	5,56
Артрозы суставов	39	3	7,69	21	2	9,52	18	1,00	5,56
Энтосопатии	39	6	15,38	21	5	23,81	18	1,00	5,56
Остеофиты позвоночника	39	8	20,51	21	7	33,33	18	1,00	5,56
Остеохондроз	39	3	7,69	21	1	4,76	18	2,00	11,11
Межпозвонковые грыжи	39	3	7,69	21	2	9,52	18	1,00	5,56

Глава 14
Хронология верхнедонских памятников середины 1 тыс.н.э.

А.М. Обломский (Москва)

Специального рассмотрения требуют вопросы хронологии. К сожалению, большинство датирующих вещей происходит из культурных слоев поселений. Узко датируемых комплексов, которые дали бы возможность жестко очертить хронологические рамки существования поселений типа Чертовицкого – Замятино и могильников круга Животинного, очень мало. По этой причине, нижняя и верхняя хронологические границы памятников середины 1 тыс.н.э. в Верхнем Подонье получились несколько «размытыми». Надеюсь, что в будущем при накоплении новых материалов, их удастся уточнить. Периодизацию верхнедонских материалов также пока сделать не удается.

Погребения, хронологию которых по сочетанию вещей удалось определить в сравнительно узких пределах, датируются следующим образом: Ксизово-17, мыс, 6 – второй третью III – концом V в., Ксизово-17А, 19 – серединой V в., 29 – не ранее конца IV – начала V в., 30, 31 – концом IV – началом V в., 39, 52, 68 – концом IV – V вв., 56 – серединой – второй половиной V – началом VI в., Ксизово-17Б, 2 – второй третью – серединой V в., 6, 7, 11 – концом IV – V вв., 9, 18 – серединой – концом V в., Ксизово-19, объект 1 – первой третью – серединой V – началом VI в., Мухино-2 – вторая треть V – начало VI в., 4 могильника Животинное – второй половиной V – началом VI в. (Обломский, 2004 г, с. 224; 2005б; 2008а, с. 222-223; 2010в, с. 257). В работах других авторов погр. 4 Животинного могильника относится к 450-480-м гг. (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 179), а в Мухино – ко второй четверти V в. (Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 242).

Остальные вещи, которые найдены вне комплексов или в объектах, узкую дату которых определить сложно, могут быть разделены на четыре группы. Ниже следует их обзор.

Группа 1. К ней относятся вещи тех типов, которые возникают в позднеримский период, но продолжают существовать и позже. В нее включены следующие изделия.

Треугольная (?) фибула круга восточноевропейских эмалей. Сохранилась только ножка ажурной фибулы без гнезд эмали (Ксизово-19) (рис. 308: 1). Ажурные украшения без эмали третьей стадии развития стиля появились около середины III в. и существовали вплоть до гуннского времени (см. главу 6 монографии).

«Окские» фибулы типа 2 подтипа а по И.Р. Ахмедову из Ксизово-8 (рис. 308: 2). Общая дата всей группы подобных застежек – конец III – первая половина V в. (см. главу 1).

«Язычкообразные» орнаментированные наконечники ремней варианта 2 типа 12 Р. Мады-ды-Легутко из Ксизово-19 (рис. 308: 3,6) датируются в пределах фаз С3 – начала эпохи Великого переселения народов, т.е. приблизительно второй третью IV – началом V в. (см. главу 6).

Бронзовые бантиковидные накладки (рис. 308: 4,5) из Ксизово-19 по Н.А. Кренке и Е.Ю. Тавлинцевой относятся, в основном, к III – первой половины IV в., но отдельные экземпляры известны и позже (см. главы 5 и 6).

Гребни типа III варианта 2 по С. Томас, как однослойные, так и составные из Мухино-2, Замятино-8, Ксизово-17Б и 19 (рис. 308: 8-10) в Центральной и Восточной Европе датируются второй третью IV – первой половиной V вв. (главы 3 и 6). В Замятино-5 и 8 исследованы две мастерские гуннского времени по их изготовлению – с отходами производства, полуфабрикатами, инструментами (Обломский, Усачук, 2004).

Группа 2. В нее включены вещи, которые бытовали в конце IV – V вв. с возможным переживанием в начале VI в.

Двупластинчатые фибулы большого размера, от которых сохранились кнопки и часть стойки пружины из Ксизово-19 (рис. 309: 1, 2, 4, 5) появились в фазе D2, в основном относятся к фазам D2/D3 по (430/440 – 470/480 гг.) и D3 (450 – 480/490 гг.) Я. Тейрала (см. главы 6 и 10).

Двупластинчатая фибула с пятиугольной головкой и ножкой в форме усеченного в верхней части ромба из Ксизово-19 (рис. 309: 6) типа Вышков-Херсонес понтийской серии И.О. Гавритухина датируется серединой – второй половиной V в. (см. главы 6 и 10).

Двупластинчатые фибулы с глубоким выемчатым (т.н. кербшнитным) орнаментом (Ксизово-8 и 19) (рис. 309: 3,7) относятся к середине – третьей четверти V в. (см. главы 6 и 9).

Фибула и накладка «цикады» (рис. 310: 1,2) из Ксизово-19 датируются второй третью V – началом VI в. (см. главу 6).

Пальчатая фибула из Замятино-5 с тремя отростками на головке (рис. 310: 3) по наблюдениям И.О. Гавритухина связана по происхождению с дунайскими образцами и по типологическим особенностям может датироваться серединой V – началом VI в. (Гавритухин, 2004б, с. 91).

Двучленная фибула с полуциркульной спинкой с прямоугольным сечением и сплошным приемником типа Вильканцы по И.О. Гавритухину с поселения Каменка-4 (рис. 310: 12) датируется второй половиной V в., возможно, началом VI в. (Гавритухин, 1989; Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 40-43).

Пластинчатые сюльгамы из Мухино-2, Ксизово-17 («Мыс»), 19, Третьего Чертовицкого городища, Крутогорья (рис. 310: 4-7, глава 6) (Обломский, 2010 г, рис. 2: 1-3; Земцов, 2012, с. 181, нижняя иллюстрация; Акимов, 2010, с. 8) по И.В. Белоцерковской датируются частично IV, всем V и началом VI в. (см. главу 6).

Бронзовые конические колокольчики относительно небольших размеров с отверстием в верхней части из Ксизово-19 и Мухино-2 (рис. 310: 9-11) (Земцов, 2012, с. 181, рис. в верхней части) характерны для V в. (см. главу 6).

Овальная серьга с тремя круглыми выступами в нижней части (рис. 311: 1) из Ксизово-19 датируется первой половиной V в. по Э. Хайрединовой, второй половиной IV – первой половиной V в. по И.П. Засецкой.

Пряжки с относительно массивными язычками, конец которых загнут почти под прямым углом и полностью охватывает рамку из Чертовицкого-3, Ксизово-17А и 19 (рис. 311: 2-10) по наблюдениям Е.Л. Гороховского, А.И. Айбабина, А.К. Амброза и И.О. Гавритухина характерны для конца IV – V вв. (см. главу 6).

Пряжки небольших размеров (в т.ч. и обувные) с тонкими «легкими» язычками, овальными, круглыми, В-образными рамками, зачастую с рифлением (рис. 311: 11-14) из Замятино-7, Ксизово-17Б, Животинного по Я. Тейралу типичны для периода D3 (450-480/490 гг.) (см. главу 6).

Пластинчатые листовидные наконечники ремней без орнамента с отверстиями для нашивания из Ксизово-17А и 19 (рис. 311: 15-17) на юге Центральной Европы и в Среднем Подунавье по Я. Тейралу относятся к периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.) (главы 4 и 6).

Пластинчатый наконечник ремня с раздвоенным концом типа 9 по В.Ю. Малашеву из Ксизово-19 (рис. 312: 1) датируется гуннским и постгуннским временем (см. главу 6).

Литой прямоугольный наконечник ремня с орнаментом в виде косого креста на верхней прямоугольной площадке, двумя продольными ложбинами в нижней части (Ксизово-19) (рис. 312: 2) по аналогиям из Нови Шалдорфа в Подунавье относится к горизонту конца V – начала VI в. (см. главу 6).

Маленькие листовидные наконечники ремней с заостренной нижней частью из Мухино-2, Ксизово-17А и 19 (рис. 312: 3-4) датируются гуннским временем в целом (см. главу 6).

Бронзовая накладка на ремень с верхним и нижним окончаниями в виде двух повернутых в противоположные стороны птичьих клювов и прямоугольным выступом посередине происходит с городища Подгорное (Голотвин, 2013, с. 16). По И.Р. Ахмедову это изделие относится к типу 8 обширной группы птицевидных бляшек (Ахмедов, 2014а, с. 144-151, рис. 3: 9; 13). Концентрация поясов с этими бляшками отмечена в ареале рязано-окской культуры, находки подобных накладок известны также в Поднепровье и Верхнем Поочье.

Для Верхнего Подонья бляшка из Подгорного уникальна. Время существования таких поясов было непродолжительным. И.Р. Ахмедов датирует их последней третью V – первыми десятилетиями VI в. (Ахмедов, 2014а, с. 149).

Гвоздевидная накладка на ремень из Ксизово-19 (рис. 312: 6) относится к V – началу VI в. (глава 6).

Круглая выпуклая маленькая бляшка с двумя изогнутыми штифтами для крепления из погр. 7 могильника Ксизово-17Б (рис. 312: 7) имеет аналогии в гуннских комплексах восточноевропейских степей (см. главу 4).

Фрагмент бронзового псалия с расширенным плоским концом и *железный псалий* с полиэдрической головкой и лопатковидной ножкой из Ксизово-19 (рис. 312: 8, 10) по И.Р. Ахмедову характерны для первой трети – середины V – начала VI в. (главы 5, 6).

Бронзовый зажим для узды из Ксизово-19 имеет аналогии в гуннских комплексах у хут. Саги и дер. Фёдоровки (глава 5).

Топор-франциска из Ксизово-17 (рис. 312: 11) по меровингской хронологии датируется в рамках 440/450 – 470/480 гг. (глава 3).

Группа 3. К ней отнесены вещи, которые появились в гуннский период, но известны и позднее – в раннем средневековье.

В Верхнем Подонье широко распространены железные и бронзовые двучленных фибулы с прогнутым в верхней части корпусом, со сплошным или подвязным приемником и широким кольцом для крепления пружины (рис. 313; 314; главы 1, 2, 4-6, 10), их суммарная дата – конец IV – VI вв. На Северном Кавказе известны, возможно, и в VII в.

Фрагмент малой пальчатой фибулы с ромбической ножкой (рис. 315: 1) относится к типу Гурзуф, появившемуся около середины V в., но известны такие фибулы вплоть до рубежа VI-VII вв. (главы 6 и 10).

Фибула с пластинчатым приемником и полуциркульной спинкой серии «Сиреневая бухта, 167» И.О. Гавритухина (рис. 315: 2) датируется около середины (не позднее второй половины) V – VI в. Фибулы этой серии изготовлены на Боспоре, но под влиянием дунайских традиций (Гавритухин, 2008, с. 363, 364, рис. 1: 15).

Бронзовая фибула-цикада с двумя крыльями, края которых загнуты кверху из Ольшанца на р. Снове (рис. 315: 3) близка к северокавказским экземплярам. По И.О. Гавритухину и М.М. Казанскому фибула сочетает признаки вариантов 3 и 4, по А.В. Мастыковой относится к типу 1 (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 328; Мастыкова, 2009, с. 40). На Кавказе изделия вариантов 3 и 4 суммарно датируются второй половиной V – первой половиной VII в. (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 328-332).

Калачевидные серьги из Замятино-5 и погр. 5 Животинного могильника) (Обломский, 2003, рис. 3: 32; Медведев, Винников, 1989, рис. 2: 3) (рис. 315: 4) традиционно на территории Восточной Европы относили к гуннскому времени и раннему средневековью (Засецкая, 1994, с. 76; Богачёв, 1996, с. 101). Недавно А.В. Мастыкова высказала предположение, что в понтийских степях они появились раньше. В качестве аргумента приводится комплекс из погр. 253 некрополя Танаиса, который «датируют первой половиной III в.» (Мастыкова, 2009, с. 72). Последнее утверждение вряд ли справедливо. Из этого захоронения происходит браслет с прямоугольными площадками и орнаментом в виде косых крестов на них. Сама А.В. Мастыкова относит такие изделия к типу 4 браслетов с расплющенными концами. Все аналогии из комплексов, которые она привела, датируются временем Великого переселения народов, включая такой же браслет из погр. 5 Животинного могильника на Верхнем Дону (Мастыкова, 2009, с. 68-69).

Серьги с полиэдрическим окончанием (рис. 315: 5, 6) происходят из Невежеколодезного, из погр. 29 Ксизово-17А и из культурного слоя Ксизово-19 (Обломский, 2007, рис. 21: 7), относятся к рубежу IV/V – VII вв. (глава 6).

«Крапчатые» стеклянные бусы (сине-фиолетовая основа с белыми, красными и желтыми пятнами на ней) (рис. 315: 7) в Верхнем Подонье происходят с поселения Замятино-8, Ксизово-19 и из княжеского погребения на поселении Мухино-2 (Обломский, 2004б, рис. 40: 11; Земцов, 2003, рис. 2: 9) (глава 11). А.В. Мастыкова относит их ко второй четверти V – VI в. (Мастыкова, 2009, с. 112-115).

Пряжки с рамками разной формы с т.н. хоботовидными язычками (рис. 315: 8-11) (Чертовицкое-3, Ксизово-17А, 17Б, 19, Каменка; главы 4,6) (Бирюков, Мельников, 2007, с. 6) считаются типичными для последней четверти IV – первой половины V вв. В Приуралье и лесном Поднепровье существовали и в VII в. (глава 6).

Пряжка с В-образной рифленой рамой и зооморфным язычком (рис. 315: 12) из Замятино-8 характерна для гуннского времени и раннего средневековья (Обломский, 2003б, с. 80).

Пряжка с вертикально-овальной полой рамой, отлитой вместе с треугольной обоймой найдена на городище Крутогорье (Акимов, 2013, с. 10). По М.М. Казанскому подобные пряжки восходят к позднеримским прототипам и существуют до VII в. К экземпляру из Крутогорья наиболее близки изделия из могильника Дюрсо, ранняя фаза которого датируется второй половиной V – первой третью VI в. (Казанский, 2001, рис. 9: 14; 10: 5; 12: 15, 17).

Бронзовая накладка на ремень с трапециевидными краями и прямоугольным выступом посередине из Ксизово-19 (рис. 315: 13) по аналогиям в крымском могильнике Лучистое датируется первой половиной VI в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52, рис. 27: 10). На Северном Кавказе такая накладка происходит из погр. 58 Мокрой Балки второй трети VI в. (Мастыкова, 2009, рис. 49: 3, с. 65).

Туалетные наборы типа происходящего из погребения знатной женщины в Мухино-2 (т.н. ногтечистка найдена в Ксизово-19) (рис. 316: 1) широко распространены в V-VI вв. (глава 6).

Т.н. наконечники стрел гуннских типов (Ксизово-19, Чертовицкое-3) характерны для гуннской эпохи, но на территории Восточной Европы использовались вплоть до третьей четверти VII в. (глава 5).

Луки гунно-сарматского типа по Е.В. Круглову с накладками из рога оленя, набор которых происходит с поселения Ксизово-16, появились в гуннское время, использовались и в раннем средневековье (глава 2).

Полированное подтреугольное костяное изделие с прямоугольным вырезом посередине из Ксизово-19 представляло собой застежку от каких-то ремешков из снаряжения всадника или боевого коня (рис. 316: 9). Подобные вещи встречаются в комплексах гуннского времени и раннего средневековья (глава 5).

Вставки для декорирования полихромных украшений происходят из Замятино-8 и Чертовицкого-3 (рис. 316: 7, 8). Разнообразные украшения с плоскими подграненными инкрустациями различной формы на территории Европы характерны для гуннского периода и раннего средневековья. По наблюдениям Б. Аррениус вставками в форме сердечек украшались изделия мастерских, работавших в период от 400 до 525 г. (Засецкая, 1994, с.68-75; рис.13-16; Arrhenius, 1985, p.96-126).

Группа 4. В нее объединяются вещи, которые датируются широко, но очень характерны для гуннского времени Восточной Европы. К ним относятся *зеркала* с петлей на обороте (тип X по А.М. Хазанову; Хазанов, 1963, с. 58) (Подгорное, Замятино-5 и 8, Ксизово-8, 16, 17Б, 19, 19А, Мухино) (главы 1, 2, 4, 6; рис. 316: 10-13), *браслеты* из круглого в сечении дрота с параллельными глубокими бороздками на концах (Ксизово-19; глава 6; рис. 317: 1-5), *браслеты* из круглого или ромбического в сечении дрота с антропо-зооморфными изображениями на уплощенных окончаниях (Ксизово-19, 19А, Мухино-2; главы 1 и 6; рис. 317: 6-13), *браслеты* из круглого в сечении дрота с подтреугольными расплющенными концами, орнаментированными двумя рядами прочеканенных ямок (Ксизово-19А, Замятино-8, Мухино-2; глава 1; рис. 317: 14, 15), *пинцеты* (Ксизово-17А, 19, 19А, Мухино-2; главы 3 и 6; рис. 244).

Таким образом, набор относительно узко датируемых украшений, элементов вооружения и конского снаряжения, ряда бытовых предметов с памятников Верхнего Подонья формируется минимум из трех разных источников. Ими были археологический комплекс понтийских степей, оседлого населения юга Центральной и Восточной Европы по оси Подунавье – Крым – Кавказ, Верхнего и Среднего Поочья, включая, возможно, бассейн Москвы-реки, что, естественно, отражает сложность генезиса верхнедонской культурной группы середины 1 тыс.н.э.

В предыдущем изложении часто употреблялся термин «гуннское время». Несколько слов о том, что я понимаю под ним применительно к территории Верхнего Подонья. Этот термин неоднозначен, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова считают, например, что некоторые комплексы из Ксизово-19 нужно относить не к гуннскому, а к постгуннскому периоду, имея в виду вторую половину V в. и последующее время (Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 241-243).

Термин «постгуннский период» полностью применим к материалам Подунавья и созданным на их основе хронологическим колонкам, поскольку после смерти Аттилы и битвы на р. Недао разгромленные гунны в массе своей покинули этот регион. Фаза D3 Я. Тейрала в полной мере может называться постгуннской. На территории степей Восточной Европы традиции гуннской культуры после середины V в., как показали работы А.К. Амброза и И.П. Засецкой, продолжали сохраняться, хотя в археологическом комплексе памятников второй половины V – VI вв. и наблюдается ряд инноваций (Амброз, 1981;

Засецкая, 1994, с. 111-132, Засецкая и др., 2007, с. 83-91). В смысле преемственности археологической культуры древности шиповского горизонта являются такими же гуннскими, как и более ранние.

Культура населения Верхнего Подонья включала в свой состав несколько разнородных компонентов как степного, так и оседлого населения середины 1 тыс.н.э., в том числе и того, к древностям которого вполне применима дунайская периодизация гуннской и постгуннской эпох Я. Тейрала. По этой причине гуннским для археологии Верхнего Подонья я называю период, полностью или частично синхронный фазам D1, D2, D2/D3, D3 Я. Тейрала, группам I и II раннесредневековых степных древностей А.К. Амброза, первой и второй хронологических групп И.П. Засецкой (Teiral, 1997; Амброз, 1981, с. 12-13; Засецкая, 1994, с. 111-132).

Верхнюю хронологическую границу фазы D3 Я. Тейрал относит к 480/490 гг. (Teiral, 1997. S. 351). На материалы Восточной Европы ее прямой перенос вряд ли допустим. Как показал приведенный выше обзор основных категорий вещей, многие из тех, чей диапазон существования в Центральной и Южной Европе ограничен сравнительно узкими хронологическими рамками, в Восточной Европе продолжали использоваться и позднее и вызвали многочисленные местные реплики (пряжки с хоботовидными язычками, некоторые типы двупластинчатых фибул и др.). Известен также ряд вещей (к ним, например, относятся достаточно массовые в Верхнем Подонье прогнутые двучленные фибулы с широким кольцом для крепления пружины), которые имеют исключительно восточноевропейское распространение, и верхняя хронологическая граница их в Верхнем Подонье пока не ясна.

Вопрос о дате финала шиповского горизонта в степи (хронологическая группа 2 по И.П. Засецкой) также спорен. Насчет того, насколько древности этого периода «заходят в VI в.» имеются разные точки зрения (обзор см. в Засецкая и др. 2007, с. 114-117)

Большинство датирующих вещей на памятниках Верхнего Подонья относится к группе 2, т.е. время их бытования ограничено рамками конца IV – начала VI в. Находки группы 1 представляют собой наследие позднеримского периода, но в гуннское время аналогичные изделия продолжали употребляться. В этом отношении показательна дата усадьбы мастера-гребенщика в Замятино-8. По серии вещей, которые там были найдены, она датируется около середины V в. (Обломский, 2004а, с. 145).

Достаточно многочисленны и разнообразны находки группы 3. Входящие в нее вещи типичны для гуннского периода, но, как бы, объединяют его и более позднюю эпоху. Показательно, что массовых находок, которые можно было бы отнести только к раннему средневековью, на поселениях типа Чертовицкого – Замятино и могильниках круга Животинного нет.

Таким образом, наиболее вероятные хронологические рамки древностей гуннского периода Верхнего Подонья – конец IV – V вв. Не исключено, что население группы Чертовицкого-Замятино, хоронившее умерших в могильниках круга Животинного, продолжало существовать какое-то время и в VI в. В эти хронологические рамки «вписываются» относительно узкие даты всех погребальных комплексов, которые были приведены выше. Обзор датирующих вещей, обнаруженных на памятниках середины 1 тыс.н.э., в целом, подтвердил выводы о хронологии верхнедонских древностей типа Чертовицкого-Замятино, сделанные в начале 2000-х гг. (Обломский, 2003), когда материала было значительно меньше.

Обращает на себя внимание, что верхнедонские вещи некоторых типов второй и третьей групп начали использоваться около середины – второй половины V в. Это обозначает, что памятники типа Чертовицкого-Замятино и могильники круга Животинного во второй половине этого столетия достоверно существовали. Тем не менее, появились они раньше. Об этом свидетельствует комплекс погр. 19 могильника Ксизово-17А с наконечником пояса типа Унтерзибенбрунн, находки гончарной черняховской керамики на южных поселениях Верхнего Подонья, которая, очевидно, поступала в регион в качестве импорта (Обломский, 2007, с. 76) и некоторые относительно ранние наконечники ремней (пластинчатые без орнамента, «язычкообразные»).

Прямых данных, которые могли бы показать, насколько верхнедонские древности середины 1 тыс.н.э. «заходят» в VI в., пока нет. Материалы раннего средневековья в Верхнем Подонье (до формирования салтово-маяцкой и боршевской культур) только начинают исследоваться, а периодизацию местных древностей гуннского времени из-за малочисленности комплексов пока разработать невозможно. Уточнение их хронологических рамок – дело будущего.

Глава 15
Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения).

А.М. Обломский (Москва)

Перед обзором данных о составе населения Верхнего Подонья необходимо сделать одно методическое замечание. В эпоху Великого переселения народов, как правило, довольно трудно выделить комплексы материала, связанного с какой-то одной этнической традицией. Миграции проходили постоянно, и культура различных народов в значительной степени нивелировалась. Большинство вещей, скорее, показывают стиль эпохи, чем являются этническими индикаторами. По этой причине те традиции, которые я буду называть, нужно воспринимать в качестве неких векторов, обозначающих передвижение групп населения. Своеобразие конкретной археологической общности заключается в особенностях спектра этих векторов. По этой причине для обозначения компонентов материальной культуры употребляется термин не «этнические», а «этнокультурные».

А. Раннеславянский компонент. Выделяется, в первую очередь, по набору лепной посуды, планировке и конструкции построек. В нескольких моих публикациях комплекс керамики раннеславянской традиции приводился на примере поселений у с. Замятино, Чертовицкого-3 и Староживотинного-3 (Обломский, 2004д, рис. 135-136; 2007, рис. 40-43). Ниже дается его общая характеристика на примере наиболее полно раскопанного в Подонье поселения Ксизово-19 (более детально – в главе 5).

Лепная кухонная посуда славянской традиции состоит из округлобоких сильно- и слабопрофилированных закрытых форм, тюльпановидных и баночных горшков (рис. 318), ребристых сосудов (рис. 319: 1-7), дисков (рис. 319: 13-16), мисок-плошек с шероховатой поверхностью (рис. 319: 8-12), содержащих примесь шамота (иногда в сочетании с дресвой, известняком или железной рудой) в керамическом тесте. Округлобокая керамика резко преобладает. Сосуды, как правило, не орнаментированы. Лишь в редких случаях на венчиках горшков заметны насечки или вдавления (рис. 318: 1, 7). К этой же группе относится практически целый лощеный биконический горшок, возможно, фрагменты некоторых высоких ребристых мисок (рис. 320: 1, 6). Лепная посуда этого набора резко преобладает на всех поселениях типа Чертовицкого-Замятино. Наиболее близкие аналогии этот керамический комплекс находит на памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры, которые локализуются западнее Верхнего Подонья на водоразделе Днепра и Дона и на востоке Днепровского Левобережья (Акимов, Медведев, 2002; Обломский, 2004д, с. 148, 149; Обломский, 2007, с. 84, 85). Лепная керамика киевской традиции в более ранний позднеримский период на территории Верхнего Подонья встречена на поселениях типа Каширки-Седелок, но специальное исследование показало, что посуда раннеславянского набора конца IV – V вв. в местном керамическом комплексе середины III – начала IV в. истоков не имеет. Славянские по происхождению группировки Верхнего Подонья позднеримского и

гуннского периода, хотя и близко родственны, но проникли в регион в результате разных волн заселения (Обломский, 2007).

В целом, к традициям среднеднепровского и сейминско-донецкого вариантов киевской культуры близок набор пряслиц верхнедонских поселений гуннского времени. Среди этих изделий преобладают биконические средней высоты, на втором месте находятся низкие биконические и бочонковидные (рис. 321), прочие формы (высокие биконические, округлые, плоские и цилиндрические) единичны (Обломский, 2004д, с. 154, 155, ср. Обломский, Радюш, 2007, с. 30-32).

К этой же традиции относятся жилища-полуземлянки, углубленные в грунт до 1 м, прямоугольной или подквадратной формы со стенами каркасной или срубной конструкции длиной 3-4 м с открытыми очагами или без отчетливо выраженных отопительных устройств[1] и, иногда, с центральными опорными столбами кровли. Всего в настоящее время в Верхнем Подонье исследована 21 такая постройка. Аналогии им известны по всему ареалу киевской культуры. Они относятся к наиболее распространенному на ее поселениях типу жилищ (Акимов, 2001; Обломский, 2007, с. 81,82; Терпиловский, 2004а, с. 36-38).

В постройке 9 Чертовицкого Третьего городища была устроена печь-камин (отопительное устройство, вырезанное в нише в стенке котлована). Такие печи в Поднепровье характерны для второй и третьей фаз киевской культуры и для черняховских поселений киевской традиции (Акимов, 2001, с. 146-147; Обломский, 2002, с. 53-54; Земцов, 2007, с. 15-22).

Как известно, погребальным обрядом населения киевской культуры было трупосожжение (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 38-43). Ни одного погребения с кремациями на территории Верхнего Подонья пока не обнаружено. Тем не менее, обломки округлобокого горшка киевской традиции происходят из верхней части заполнения погр. 70 могильника Ксизово-19 (Обломский, 2012а, с. 147, рис. 4: 1; см. также главу 6 настоящей монографии).

Б. Окская или финно-угорская традиция. Выделяется по лепной керамике и некоторым типам украшений.

Керамический комплекс также охарактеризован по материалам поселения Ксизово-19. Груболепные горшки окской традиции имеют специфическую форму. В Ксизово-19 они представлены округлобокими сосудами с короткими прямыми отогнутыми наружу венчиками (рис. 322: 4) и горшками с короткими венчиками и плечом, сведенным практически в уступ (рис. 322: 1-3, 5-7).

К этой же традиции относится и большинство форм лепных лощеных мисок. Среди них преобладают округлобокие высокие и низкие формы с прямым или слегка изогнутым венчиком. Шейка при этом подчеркнута резким перегибом снаружи (рис. 323: 6-9). Достаточно часто встречаются миски т.н. мощинского типа (без венчика, с цилиндрической или усеченно-конической верхней частью, прямыми стенками в нижней и резким ребром на месте максимального расширения тулова (рис. 323: 12-15), известны ребристые миски с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и выпуклыми стенками в нижней части (рис. 320: 3,8,9). С окской традицией могут быть связаны и округлобокие высокие миски и горшки с S-овидным профилем, хотя их ареал - более широкий (рис. 323: 1-5).

Как правило, посуда славянского и окского наборов встречается вместе в одних и тех же комплексах. Интересно, что два небольших лощеных округлобоких лепных горшка с выделенными шейками и отогнутыми наружу венчиками, по форме близкие к серии 12 рязано-окских сосудов по О.С. Румянцевой (Румянцева, 2007б, рис. 7: 1-3) обнаружены в погребениях 2 и 18 могильника Ксизово-17Б, которые, вероятно, относятся к германской дунайской традиции (Обломский, 2008а, с. 227-229; рис. 4: 3).

Керамика окской традиции связана по происхождению с родственными культурами бассейна Оки: мощинской, позднедьяковской, в меньшей степени с рязано-окской (Обломский, 2004д, с. 150-152). В мощинской культуре находят параллели низкие биконические пряслица с очень широкими отверстиями (Шарова, 2004) (рис. 323: 10,11) (более 1,8 см: Замятино-8 – 1 экз., Ксизово-19 – 2 экз.). В Ксизово-19 найден грузик дьякова типа - специфическое глиняное изделие, характерное для дьяковской культуры (рис. 323: 16). Он имеет форму усеченного конуса со слабо выраженной узкой частью и широким основанием, по краю орнаментированным нарезками, отверстием, которое расположено перпендикулярно плоскости оснований.

[1] Полевой опыт показывает, что остатки простейших очагов-кострищ сохраняются далеко не всегда, что зависит от характера грунта, на котором костер разводился.

Из перечисленных в разделе о хронологии верхнедонских памятников середины 1 тыс. украшений (глава 14 настоящей монографии) к окскому кругу культур относятся плоские сюльгамы (рис. 310: 4-8), треугольные фибулы с кнопкой (рис. 308: 2) и бантиковидные накладки (рис. 308: 4,5). К этому списку можно добавить еще ряд украшений.

Сюльгама из круглого дрота с концами, не выступающими за край рамы (рис. 324: 1) найдена в Ксизово-19. Подобные изделия встречаются на памятниках дьяковской и рязано-окской культур, в Среднем Поволжье (Смирнов, 1974, с. 48, табл. V: 16; Белоцерковская, 2007, с. 192, 198; Вихляев и др., 2008, с. 43).

Маленькие пирамидальные колокольчики с выступами по углам основания – 2 экз. У изделия из Замятино-5 – рифленое ушко для подвешивания, у экземпляра из Мухино-2 верхняя петля соединена с дополнительной планкой, по углам основания – довольно массивные шарики (Бирюков, 2004а, рис. 112: 4; Земцов, 2012, с. 181) (рис. 324: 2, 3). Подобные изделия в финно-угорском круге культур часто являются деталями комбинированных украшений, относятся к привескам отдела Б типа V по классификации И.Г. Розенфельдт. Они встречены на памятниках дьяковской культуры, на раннесредневековых могильниках Волго-Окского междуречья, в рязано-окской культуре, в Прикамье (Розенфельдт, 1982, с. 22-25, рис. 3: 25-28).

Трапециевидные подвески небольших размеров: Ксизово-19 – 11 экз. (рис. 324: 4-6). В железном веке чрезвычайно широко распространены на территории Восточной Европы, однако иногда они различаются по пропорциям и размерам. Маленькие неорнаментированные изделия с пропорциями, близкими к подвескам из Ксизово, часты в Поочье, где они использовались, в том числе, и в качестве деталей комбинированных украшений (см. например, Розенфельдт, 1982, рис. 5: 1-11; Белоцерковская, 2007, рис. 2: 19, 41-43).

Комбинированное украшение, верхняя часть которого подтреугольная, состоит из трех рядов усложненных спиралей. Ниже помещены три петли для подвешивания, очевидно, треугольных привесок (сохранилась лишь одна из них) – окрестности с. Мухино, случайная находка (рис. 324: 8).

По И.Г. Розенфельдт относится к отделу Б типу VIII т.н. позднедьяковских серег, распространены в ареале позднедьяковской культуры (Розенфельдт, 1982, с. 39, рис. 8: 11-12). А.Ф. Дубынин очень похожую на найденную в Мухино серьгу с Барвихинского городища датирует временем не позднее середины 1 тыс.н.э. (Дубынин, 1974, с. 233, табл. XX: 6). Н.А. Кренке на Дьяковом городище отмечает находки таких серег и подобных по форме височных украшений в верхнем горизонте верхнего слоя (глубины 110-160 см), который он датирует второй половиной IV – V/началом VI в. (Кренке, 2011, с. 68, 143, рис. 143).

Нагрудная брошь-привеска, литая с имитацией сюльгамы в верхней части и концевыми привесками на стержнях-держателях (типологическое определение И.В. Белоцерковской) – случайная находка из Задонского р-на Липецкой обл. (рис. 324: 7). В небольшом количестве такие вещи известны в составе престижных детских и женских костюмов населения рязано-окской культуры, датируются V в. (Белоцерковская, 2014, с. 193, 194; рис. 7: 5-9). Наиболее близкая аналогия происходит из погр. 18 могильника Кораблино.

Пронизь с рифленой поверхностью и двумя бутыльчатыми подвесками – Каменка, 1 экз. (рис. 324: 9) (Бирюков, Мельников, 2007). Аналогичные вещи происходят из Никитинского рязано-окского могильника (Воронина и др., 2005, рис. 23: 5; 31: 5; 32: 1; табл. III: II). Авторы публикации относят их к типу 5 привесок к ожерельям и отмечают, что в рязано-окской культуре такие изделия датируются V-VI вв. По мнению И.В. Белоцерковской, пронизи с привесками такой формы – самая распространенная деталь ожерелий у окских финнов V в., позже привески видоизменяются, хотя сами пронизи бытуют вплоть до середины VII в.

Умбоновидная бляшка с кольцами для трех бутыльчатых подвесок (сохранилась лишь одна из них, одно из колец обломано), сзади умбона – петелька для подвешивания – поселение Первое Мая-6, 1 экз. (Ерохин, 2010) (рис. 324: 10). Аналогичное изделие также известно в Никитинском могильнике (Воронина и др., 2005, рис. 24: 7). В рязано-окской культуре такие предметы входили в состав украшений нижней части женского платья (от пояса до подола). Никитинский могильник в целом датируется V – рубежом V/VI вв. (Воронина и др. 2005, с. 67, 79-81).

В публикации материалов Замятинского археологического комплекса я высказал предположение, что по размерам, планировке и конструкции стен к жилищам мощинской культуры близка

постройка 2 поселения Замятино-5 (Обломский, 2004д, с. 155).

Керамика волго-окского региона позднеримского периода и раннего средневековья пока недостаточно изучена. Из-за наличия серии общих форм при разделении наборов мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур возникают затруднения. По этой причине точно описать механизм формирования «окского» набора посуды в Верхнем Подонье и определить основной источник миграции населения в этот регион пока невозможно. Тем не менее, некоторые наблюдения в этом отношении можно сделать.

С одной стороны, лепная керамика «окской» традиции Подонья по набору форм связана, преимущественно, с мощинской культурой. Она практически полностью укладывается в типологию А.М. Воронцова (Воронцов, 2008). Дьяковские и рязано-окские традиции на верхнедонской комплекс посуды оказали значительно меньшее влияние. Соответствуют «мощинскому стандарту» и некоторые пряслица. С другой стороны, из Верхнего Подонья происходит серия специфических вещей, характерных для позднедьяковской (грузик дьякова типа, бантиковидные накладки, серьга с треугольными подвесками) и рязано-окской культур (нагрудная брошь-привеска, пронизь и умбоновидная бляшка с бутыльчатыми подвесками). Все это заставляет сделать вывод, что в Подонье проникло население не только мощинской культуры, но и других археологических общностей Поочья.

В. Черняховская традиция. Представлена элементами, связанными по происхождению с черняховской культурой второй трети III – конца IV или начала V в., восточная граница которой проходит, приблизительно, по Северскому Донцу (Обломский, 2002, с. 29). На поселениях у с. Замятино к ним относятся некоторые формы лепных сосудов, отдельные наземные постройки каркасно-плетневой конструкции, пряслица, орнаментированные каннелюрами, рельефными дольками, гранями (Обломский, 2004д). Лепная посуда, имеющая аналогии в черняховских комплексах, а также пряслица с рельефным декором встречены и на других поселениях гуннского времени Верхнего Подонья (Обломский, 2007, с. 85-87). Ярким проявлением западных традиций являются следы двух мастерских косторезов-гребенщиков, раскопанных на поселениях Замятино-5 и 8 (Обломский, Усачук, 2004). Гребни типа III по С. Томас с высокими выступающей вверх спинкой и прямыми плечиками, которые там изготавливались, считаются предметами быта, характерными для восточных германцев (рис. 325). В черняховской культуре они распространены чрезвычайно широко (Шишкин, 2002).

В Ксизово-19, а также на поселениях Замятинского археологического комплекса к черняховской традиции относятся обломки груболепных округлобоких горшков как с прямыми отогнутыми наружу венчиками, так и с выделенной шейкой и небольшим бордюром по краю (рис. 326: 1-9)[2], пряслица, орнаментированные каннелюрами и выступающими наружу дольками (рис. 326: 13-16), фрагменты лепных лощеных мисок с зигзаговидным профилем (рис. 326: 11). В целом, черняховские культурные элементы на памятниках Верхнего Подонья гораздо более редки, чем славянские киевские и финно-угорские окские.

Население черняховской культуры было полиэтничным, поэтому и лепная керамика этой традиции в Верхнем Подонье в этнокультурном отношении неоднородна. Охарактеризованные выше округлобокие горшки считаются в черняховском наборе проявлением иранских (скифо-сарматских) традиций (Магомедов, 2001, с. 46), миски с зигзаговидным профилем имеют германское (вельбарско-пшеворское) происхождение (Обломский, 2005а). Обломки последних в Ксизово-19 единичны. Небольшая, но выразительная серия мисок с зигзаговидным профилем происходит с поселения Замятино-8, которое также расположено на Острой Луке Дона, причем найдены они в пределах той усадьбы, где работал мастер-гребенщик (рис. 327: 1-4). Биконическая лощеная кружка вельбарской традиции найдена на поселении Лавы на окраине г. Ельца (рис. 327: 5).

Распространенные в позднеримский период в Верхнем Подонье памятники типа Каширки-Седелок связаны по происхождению с черняховской культурой, но ни лепная керамика, аналогичная найденной на поселениях гуннского времени, ни пряслица с рельефной орнаментацией на них не известны. Черняховские элементы гуннского времени, похоже, не имеют прототипов в местных верхнедонских древностях и попали в регион в результате проникновения новых групп населения с территории черняховской культуры.

---

[2] Не исключено, что некоторые из приведенных на рис. 22 сосудов имеют не черняховское, а северное окское происхождение (Обломский, 2004б, с. 154).

Г. Причерноморская традиция, проблема выделения дунайских элементов. Причерноморская традиция в Верхнем Подонье представлена как позднеантичными, так и варварскими культурными элементами, весьма разнообразными в конкретных проявлениях.

А. Ремесленные комплексы. На поселении Ксизово-19 в 2002 г. раскопан гончарный горн двухъярусной конструкции высотой около 1,6 м и размерами в основании 1,74 × 2,12 м. Объем как топки, так и рабочей камеры этого сооружения были значительно больше, чем у горнов черняховской культуры (о последних см. Бобринский, 1991). В печи обжигали сероглиняную лощеную и шероховатую керамику, изготовленную на круге быстрого вращения (Земцов, 2004). Основные формы сосудов (горшки, миски-тазики, кувшины разнообразных форм и размеров; рис. 328), их орнаментация, фактура, конструкция горна имеют аналогии в позднеантичном круге гончарства (Обломский, 2004д, с. 153, 154). Эта посуда резко отличается от лепной керамики местного происхождения, которая на всех памятниках Верхнего Подонья преобладает.

В результате специального исследования изделий из черного металла поселений у с. Замятино выяснилось, что при их изготовлении использовались не только лесостепные (черняховские и киевские), но и позднеантичные приемы металлообработки (Толмачева, 2004, с. 102, 103; Терпиловский, 2004б, с. 140, 141).

Б. Погребения. Наиболее богатое захоронение из упомянутой выше группы могил, имеющих северную ориентировку, обнаружено на поселении у с. Мухино поблизости от Ксизовского археологического комплекса (Земцов, 2003, с. 111-113). Расшитый золотыми бляшками костюм погребенной здесь знатной женщины характерен для аристократии оседлого понтийского населения (Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 242).

Два ярких комплекса причерноморской традиции исследованы на могильнике Ксизово-19, который перекрывает культурный слой поселения гуннского времени: коллективное захоронение в объекте 1 раскопа 7 и погребение 13. Подробное описание их приводится в главе 6 монографии.

В. Лепная керамика. На памятниках Верхнего Подонья имеется небольшая серия лепных лощеных сосудов, которые связаны по происхождению с керамическим комплексом позднеантичного поселения в Танаисе (конец IV – середина V в.), расположенного в устье Дона. К ним относятся биконические кувшины с раструбообразным горлом из погребения у с. Мухино, поселения Каменка на Острой Луке Дона и селища Чертовицкое-6 под г. Воронежем, округлобокий кувшин с коленчатой ручкой из погребения 56 могильника Ксизово-17А. С поселений Замятино-8, Мухино-2 и Ксизово-19 происходят обломки лепных лощеных мисок украшенных каннелюрами в месте наибольшего расширения тулова (рис. 329). Все перечисленные выше формы не находят параллелей среди столовой керамики киевского и окского происхождения. В Танаисе же лощеные сосуды этих форм достаточно широко распространены (Обломский, 2009, с. 256, 257, рис. 3).

Своеобразна миска из Ксизово-19 с прямым отогнутым наружу венчиком, резким перегибом в области шейки, еще одним плавным перегибом ниже нее, ребром в нижней части профиля. На фрагменте заметны следы ручки (рис. 329: 7). Сосуд такой формы в Верхнем Подонье встречен впервые. Серия похожих мисок с ручками происходит из крымского могильника Дружное III-IV вв. (Власов, 1999, рис. 2: 11, 12; 7: 4, 6, 10) и Нейзац (с двумя-тремя ручками). В Нейзаце лепная лощеная керамика найдена, в основном, в комплексах IV в. (Храпунов, 2011, с. 23-24; рис. 10: 3; 11: 4; 12: 3; 14: 2).

Г. Украшения. В Замятино-10 обнаружены язычок пряжки и поясная накладка – детали металлической гарнитуры римского воинского пояса (или подражающие им - рис. 329: 8, 9) (Гавритухин, 2004а).

Среди украшений, перечисленных в разделе о хронологии (глава 14), к причерноморскому кругу относится серебряная пластинчатая серьга со следами вставок из Ксизово-19 (рис. 311: 1). Преимущественно на юге Восточной Европы, включая Северное Причерноморье, Нижнее Подонье и Северный Кавказ, распространены двучленные фибулы со сплошным или подвязным приемником и широким кольцом для крепления пружины (рис. 313; 314). Из Верхнего Подонья происходит 31 экз. таких изделий. В лесостепной зоне, кроме Верхнего Подонья, столь высокая концентрация этих фибул нигде не наблюдается.

Необходимо отметить, что по наблюдениям И.О. Гавритухина на оси пружин некоторых фибул лесостепного Подонья надеты бронзовые цилиндрики. Таким же способом оформлены концы осей пружин у ряда фибул из Танаиса, что, по-видимому, свидетельствует о единой

ремесленной традиции (Гавритухин, Воронцов, 2008, с. 42).

Бронзовый браслет с прямоугольным щитком и узким круглым в сечении стержнем, орнаментированным концентрическими кругами на концах, из погр. 5 Животинного могильника (рис. 330: 1) имеет прямые аналогии в позднем Танаисе (Обломский, 2004г, с. 224; рис. 2: 16, 19). Очень близкие по орнаментации браслеты происходят из могильника Дюрсо (Мастыкова, 2009, рис. 60: 2,3). Экземпляр с похожими по форме концами, но без орнамента, найден в Ксизово-19 (рис. 330: 2).

Исследователями неоднократно отмечалось, что набор украшений и деталей ременной гарнитуры оседлого населения Северного Причерноморья в гуннское время формируется под влиянием дунайских традиций. Некоторые вещи из Причерноморья аналогичны найденным в Подунавье, известны и специфические для Причерноморья украшения, которые имеют дунайские прототипы (Гавритухин, 1994; 2000; 2008; Гавритухин, Казанский, 2006)

Из вещей Верхнего Подонья, перечисленных в главе 14, вариантами, распространенными преимущественно в Северном Причерноморье, представлены фибула с пластинчатым приемником и полуциркульной спинкой серии «Сиреневая бухта, 167» (рис. 309: 2), двупластинчатая литая фибула типа Вышков-Херсонес понтийской серии по И.О. Гавритухину (рис. 309: 6), фибула-цикада с двумя крыльями (рис. 315: 3), фибула с полукруглым щитком на головке, украшенная кербшнитным орнаментом из Ксизово-8 (рис. 309: 7) (Гавритухин, 1994, с. 33). Фибула с такой же орнаментацией из Ксизово-19, но с треугольной головкой (рис. 309: 3), имеет аналогии как в Подунавье, так и в Восточной Европе (Гавритухин, 2012, с. 87) (см. также главу 9 монографии). В Подунавье и в Северном Причерноморье распространены фибулы-цикады с тремя отростками-крыльями типа той, которая происходит из Ксизово-19 (рис. 310: 1, 2), серьги с многогранником на одном из концов (рис. 315: 5, 6), маленькие листовидные наконечники ремней с заостренной нижней частью (рис. 312: 3,4), миниатюрные наконечники ремней с прямоугольной верхней частью и креплением в виде дополнительной пластины (рис. 312: 5).

Представляет интерес фибула из Ксизово-19 с тремя рельефными выступами на треугольных головках и ланцетовидной ножкой (рис. 330: 3). Типологически к фибуле из Ксизово-19 наиболее близки застежки из погр. 15 1948 г. могильника Пашковский 1, Керчи, Бачил-Аула (Мастыкова, 2009, рис. 37: 1; Айбабин, 1990, рис. 10: 9; Гавритухин, 2004б, рис. 122: 12). Тем не менее, экземпляры из Ксизово отличаются от перечисленных пятиугольной с вогнутыми краями формой верхней пластины, которая характерна для фибул разных вариантов дунайской традиции (Мастыкова, 2009, с. 53).

В связи с наличием в Верхнем Подонье серии украшений, которые в этот регион могли попасть как из Северного Причерноморья, так и из Подунавья, уместно рассмотреть проблему выделения дунайских элементов на памятниках середины 1 тыс.н.э. донской лесостепи.

Дунайское происхождение имеют некоторые украшения: ранняя бронзовая пальчатая фибула из Замятино-8 (рис. 310: 3) и две серебряные булавки в форме стилизованных цикад из погребения 52 Ксизово-17А (рис. 330: 4,5) (Гавритухин, 2004б; Обломский, 2008а, с. 229, 230), фрагменты больших двупластинчатых фибул типа Смолина (рис. 309: 1,2,4,5).

В ряде своих предыдущих работ я указывал, что к дунайской традиции могут относиться верхнедонские погребения с северной ориентировкой (с отклонениями к западу и востоку), целая серия которых исследована в Мухино-2, Животинном, Ксизово-17 и 19. Как правило, если эти захоронения не были ограблены, из них происходит наиболее богатый для донских могильников инвентарь: украшения и металлические детали костюма (гребень, фибула, бусы, золотые бляшки-нашивки от одежды, пряжки от поясов и застежек обуви, портупей, зеркала, серьги, браслеты, детали ожерелья, сосуды, в т.ч. уникальный стеклянный кубок и др.), оружие (наконечник копья, меч, кинжал, нож). Аналогичные захоронения хорошо известны в Подунавье, где связываются с различными группами германцев. Исследованы они и в Восточной Европе: в Танаисе, на Старокорсунском городище на Кубани, в Фанагории, на могильнике Цибилиум-2 (Абхазия), на территории современной Харьковской обл. (Любовка), на рязано-окских могильниках (подробнее см. в главе 4).

Группы населения, хоронившие своих умерших в простых могилах с северной ориентировкой, в Верхнее Подонье, как следует из сделанных выше наблюдений за распространением в регионе элементов разных этнокультурных общностей, могли проникнуть как с юга (из Причерноморья), так и непосредственно из Подунавья.

Возможен и третий вариант миграции – из ареала рязано-окских могильников. Не исключено, также, что близость погребальных ритуалов и набора вещей нескольких перечисленных выше довольно отдаленных друг от друга регионов объясняется «стилем эпохи»: распространением погребального обряда и набора вещей не этнического, а социального значения.

Вполне возможно, что они были культурными маркерами представителей воинского сословия оседлого населения, в той или иной степени связанного с гуннской державой, и членов их семей. Так или иначе, но вопрос о прямом проникновении дунайского населения в Верхнее Подонье пока остается открытым, тем не менее, наличие в Верхнем Подонье вещей, аналогии которым есть только в Подунавье, позволяет поставить вопрос о прямых контактах дунайского и донского населения.

Среди населения поселков на Острой Луке Дона, таким образом, присутствовали ремесленники, освоившие позднеантичные технологии. Три специфических по обряду и инвентарю погребения из Мухино и Ксизово-19 подтверждают, что в Верхнее Подонье проникли какие-то группы населения периферии понтийского позднеантичного мира. Характерная лепная керамика указывает на наличие в регионе выходцев из Танаиса гуннского времени. В Танаисе имеют параллели и некоторые традиции верхнедонского домостроительства (Обломский, 2009, с. 260, 261). С Северным Причерноморьем связана и мода на некоторые украшения, в первую очередь, на фибулы, часть из которых начала изготавливаться в понтийском регионе под влиянием дунайских германских традиций.

Д. Степная традиция. Наиболее ярким ее проявлением являются остатки юртообразных построек на поселениях Ксизово-19 и Мухино-2. Первое из этих сооружений (постр. 4 раскопа 1) в плане было близким к кругу диаметром 4,8 – 5 м, углублено в грунт на 0,5-0,7 м (рис. 331: 1). По периметру внутренней части котлована прослежена цепочка из 8-ми ям от столбов. С северо-западной его стороны наблюдался выступ, у края которого находились 5 столбовых ям. Пол постройки был ровным, за исключением двух углублений в южной и северо-восточной частях. Южное углубление в плане близко к неправильному овалу размерами 1,7 × 1 м. В юго-западной его оконечности прослежена столбовая яма. Со стороны центра сооружения южное углубление оконтурено 4-мя ямами от столбов, которые отгораживали овальное в плане помещение размерами 2,6 × 1,7 м. Северо-восточное углубление в плане, также, было овальным. Его размеры составляли 2,3 × 1,3-1,9 м. В его заполнении обнаружено скопление костей животных и обломков лепных сосудов, несколько камней. Южное углубление, по-видимому, представляло собой спальный отсек, а северо-восточное – кухонную часть помещения.

Котлован второй постройки (постр. 7) в плане округлый, имел размеры около 4 × 4 м (рис. 331: 2). В материк он был углублен на 6-21 см. Стены сооружения автор раскопок Г.Л. Земцов реконструирует как обмазанные глиной с опорой на столбы. Как и жилище из Ксизово-19, юртообразная постройка из Мухино цепочкой столбов была разделена на 2 отсека: жилой и хозяйственный (кухонный) (Земцов, 2012, с. 90-95).

Основные элементы обоих сооружений, таким образом, типичны для серии юртообразных построек, хорошо известных по трудам С.А. Плетнёвой и В.С. Флёрова: округлая форма со следами столбов каркаса и выступом, кухонное место, отделенное от жилой половины загородкой. Из находок, связанных с постройкой в Ксизово-19, следует упомянуть серию железных петель для крепления раздвижных деревянных конструкций. Датируется постройка в Ксизово второй половиной V в. с возможным выходом в VI в. по бронзовой фибуле со сплошным приемником и муфтой для крепления оси пружины (рис. 315: 2) (Обломский, 2006а). В жилище, исследованном в Мухино, датирующих вещей не было, но по керамическому материалу оно относится к группе Чертовицкого-Замятино гуннского периода.

На могильниках степные элементы заметны в меньшей степени и допускают различную интерпретацию, но, все же, они присутствуют. К ним относится подпрямоугольная ритуальная канавка размерами 5,5 × 6,5 м, находящаяся на краю могильника Ксизово-17. В ней совершены 2 погребения (рис. 332: 1). Аналогичные сооружения в римское время характерны для сарматских некрополей, в т.ч. и в Подонье, правда, они имеют несколько большие размеры (Симоненко, 2003; Медведев, 2008, с. 52,53).

Погребение 23 могильника Ксизово-17А совершено на помосте в виде решетки, который был сожжен (рис. 332: 2). Решетчатые деревянные конструкции использовались в степных погребениях V-VII вв. в Шипово, Белозерке, Сивашовке, Васильевке и др. (см. главу 4 монографии)

Антропологическое изучение скелетов из Ксизово показало, что на серии черепов видны признаки монголоидности, а ряд черепов искусственно деформированы (глава 13 монографии). Обычай искусственной деформации головы в эпоху Великого переселения народов распространен чрезвычайно широко, известен во многих погребениях Восточной Европы, а на западе континента - вплоть до Италии и Галлии. По данным М.М. Казанского, в это время он теряет этническую специфику. Тем не менее, изначально в Восточной Европе эта традиция связана с сармато-аланской этнической средой (Казанский, 2006).

Верхнедонская лепная керамика степной традиции была выделена по материалам могильников гуннского времени, чему посвящена моя специальная статья (Обломский, 2012а). Отличительными признаками горшков степного происхождения являются их фактура и форма. В рыхлом тесте этих сосудов содержатся обильные включения органики, от которых остаются характерные пустоты. Зерна прочих включений, а ими могут быть шамот, дресва, известняк, сравнительно мелкие. Как правило, эти горшки неорнаментированы, лишь у одного из них (рис. 333: 7) по краю венчика заметны слабые частые вдавления, нанесенные пальцем. По форме горшки степного круга делятся на два варианта.

Первый составляют округлобокие или со сглаженным ребром сосуды с изогнутым отогнутым наружу венчиком, максимальным расширением тулова в верхней трети высоты. От похожих форм сосудов киевского круга они отличаются относительно широкими венчиком и дном: горшки степного происхождения, как бы, «растянуты» по горизонтали (рис. 333: 1-4). К первому варианту относятся исключительно сосуды из погребений: 19 Ксизово-17А, 18 Ксизово-17Б, Мухино-2, 5 Животинного.

У сосудов *второго варианта* при общей структуре профиля такой же, как и предыдущего, место наибольшего расширения тулова находится во второй трети высоты, причем у горшка из Стрельбища-4 – даже ниже ее середины. Шейки сосудов – относительно высокие и сильно суженные по сравнению с диаметром наибольшего расширения тулова (рис. 333: 5-7). В погребениях, кроме уже упомянутого сосуда из Стрельбища-4, ко второму варианту относятся еще два горшка: из погр. 23 Ксизово-19 и из захоронения у с. Ямное.

На поселении Ксизово-19 обнаружены 2 целых и три фрагментированных сосуда степной традиции варианта 2 (рис. 334).

В гуннское время (включая вторую половину V в.) аналогии верхнедонским горшкам степной традиции известны в погребении на о. Хортица на Днепре, в погр. 44 раскопа XVIII 1992 г. и погр. 23 1990 г. некрополя Танаиса, погребении 3 на городище Беляус и в кургане у хут. Чикаренко в Крыму, в кострище в кургане 2 у г. Покровска на Волге, в захоронении у с. Лихачёвки на Днепровском лесостепном Левобережье. Позже подобные сосуды продолжают использоваться в причерноморской степи и в раннем средневековье.

Специальное исследование степной керамики гуннского времени и раннего средневековья помещено в монографии С.Г. Боталова, А.Д. Таирова и И.Э. Любчанского. На востоке параллели верхнедонским горшкам первого и второго вариантов наблюдаются в керамике типологических групп 1, 3 и 4, которая происходит из курганов «с усами» урало-казахстанских степей, в Восточной Европе (кроме отмеченных выше гуннских аналогий) – в раннесредневековых погребениях понтийских степей и в раннеболгарских захоронениях Поволжья. На западе похожая керамика встречена в аварских могильниках (Боталов и др., 2006, с. 124-139). Керамика степной традиции из Верхнего Подонья не представляет собой чего-либо исключительного на общем фоне гуннских и раннетюркских степных комплексов.

На памятниках Верхнего Подонья достаточно часты железные черешковые наконечники стрел т.н. гуннских типов (см. главу 5 монографии). Я далек от мысли считать их принадлежавшими только гуннам, тем более, что они часто встречаются на памятниках не только степи и лесостепи, но и лесной зоны (Казанский, 1999, с. 414, 415; 2008, с. 306, 307). Тем не менее, такие наконечники стрел - характерный элемент оружия гуннской эпохи степного происхождения.

В 2010 г. при раскопках поселения Ксизово-16 в заполнении ямы 24 была найдена серия обломков деталей из рога оленя сложного лука – типичного оружия кочевников степей (глава 2 монографии). В их состав входили фрагменты двух концевых накладок с подпрямоугольными пропилами на окончаниях (конец одной накладки – узкий, другой – расширенный подтрапециевидный), обломки еще двух накладок и широкой пластины, очевидно, от центральной части лука. Все накладки заполированы с одной из сторон,

их торцевые стороны покрыты мелкими нарезками-штрихами, иногда крестообразными, для того, чтобы с них не сползала обмотка.

Показательно, что в яме 24, кроме законченных изделий, обнаружены фрагменты грубо обработанных и не заполированных заготовок, в т.ч. и концевой накладки с расширенным концом. Луки, таким образом, если не изготавливались, то, по крайней мере, ремонтировались в поселке у с. Ксизово. Фрагмент еще одной накладки на лук происходит из культурного слоя поселения Ксизово-19 (рис. 334: 6).

Элементы степной традиции на памятниках Верхнего Подонья, таким образом, были связаны с культурой смешанного гуннского и позднесарматского населения южнорусских степей.

* * *

Какое же историческое явление отражает сгусток памятников гуннской эпохи в Верхнем Подонье? Для объяснения этого феномена сведем вместе некоторые данные, приведенные как в настоящей монографии, так и в других публикациях.

Существенных связей обитателей Верхнего Подонья гуннского времени, с одной стороны, и позднеримской эпохи, с другой, не обнаруживается. В гуннский период в регион приходит новое население.

Состав верхнедонского населения в середине 1 тыс.н.э. был достаточно сложным, включающим выходцев с весьма отдаленных друг от друга территорий (Днепровское лесостепное Левобережье, бассейн Оки, ареал черняховской культуры, Северное Причерноморье, степи, возможно, Подунавье), причем донское население было полиэтничным с явным преобладанием потомков обитателей Днепровского Левобережья (киевской традиции) и бассейна Оки.

Яркую картину смешения разных групп населения демонстрируют и антропологические материалы. Проведенное М.В. Добровольской и И.К. Решетовой исследование скелетов из Ксизово-17 и 19 показало, что среди населения Острой Луки Дона был распространен «высокоголовый, мезо-долихокранный краниологический вариант, с общими крупными размерами черепа, умеренной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица, антропологически близкий к позднесарматскому населению Восточной Европы. Тем не менее, население, оставившее могильники Ксизово-17 и 19 было крайне неоднородным. Для него характерно смешение нескольких краниологических вариантов монголоидного и европеоидного облика. Возможность выделения комплексов контрастных признаков строения лица и головы в пределах небольшой группы указывает на начальный этап взаимодействия различных групп населения, отсутствия ярко выраженной метисации, приводящей к формированию более консолидированного морфологического облика» (подробнее см. главу 13).

К сожалению, возможности антропологии для решения вопроса о происхождении населения Верхнего Подонья в гуннский период весьма ограничены: нам не известен ни славянский (из-за распространения трупосожжений), ни окский антропологический тип (по той же причине для мощинской и дьяковской культур и из-за плохой сохранности скелетов на рязано-окских могильниках), т.е. мы не знаем, как выглядели представители тех группировок, культурные элементы которых наиболее ощутимы в составе древностей типа Чертовицкого-Замятино. Тем не менее, антропология показала, что облик обитателей поселков Острой Луки Дона был весьма разнообразным, скорее всего, они происходили с разных территорий.

Общины в гуннское время, по крайней мере, на Острой Луке Дона, явно были соседскими.

Поселения гуннской эпохи по своему характеру неоднородны. Среди них есть обычные рядовые поселки, крепости (Крутогорье, городище у с. Мухино, возможно, Перехваль, Чертовицкое-3, Подгорное и Малый Липяг) (Бирюков, Акимов, 2008) и очень большие поселения, сосредоточенные на Острой Луке Дона, где, видимо, располагался центр округи (площади поселений см. в главе 1). Разумеется, не вся территория Ксизовского комплекса была заселена единовременно: в Ксизово-17 на части памятника располагалось поселение, а другую занимал могильник; в Ксизово-19 участок поселения, на котором позже был устроен могильник, опустел не позднее середины V в. Само поселение в это время продолжало существовать, судя по дате усадьбы с юртообразной постройкой (см. главу 5). В Ксизово, где вдоль Дона цепочкой вытянуто несколько могильников, что уникально для Верхнего Подонья, вероятно, находился и какой-то сакральный центр.

В поселках Острой Луки Дона зафиксированы следы ремесленной деятельности, причем самой разной. Население занималось кузнечным ремеслом (причем в Замятино-5 делали или ремонтировали кольчуги), черной металлургией,

металлообработкой бронзы, гончарством, производством гребней из рога, изготовлением или ремонтом луков.

На поселениях Острой Луки Дона довольно много античного импорта: бус, обломков стеклянных сосудов и амфор. Известны отдельные находки бытовой посуды. В 2009 г. в Ксизово-19 найдены первые монеты, а в 2012 на поселении Ксизово-19А – монетный клад медных боспорских статеров. Структура клада отражает денежное обращение Боспора, причем за его пределами это – единственный комплекс такого состава. Формально клад относится к позднеримскому периоду, наиболее поздняя монета датируется 331/332 г. н.э., что вроде бы совпадает с финалом древностей типа Каширки-Седелок на Верхнем Дону. Тем не менее, учитывая значительную изношенность монет, авторы исследования клада Г.В. Бейдин и К.В. Мызгин сделали вывод, что он был закопан в землю гораздо позднее, т.е. по всей видимости, в гуннское время (см. главу 7 и приложение 3).

Анализируя обугленные зерна из ямы 12 и объекта 1 (коллективного погребения) раскопа 7 Ксизово-19 Е.Ю. Лебедева сделала вывод, что зерно было положено и в яму, и в погребения в ритуальных целях. Сам по себе этот обычай, а также состав набора зерен, по ее мнению, отражает античные традиции (приложение 4 к настоящей монографии). Я скептически отношусь к этому выводу и считаю, что зерна попали в погребение и яму из более ранней сожженной постройки гуннского времени (см. главы 5 и 6 монографии). Тем не менее, находка в объекте 1 кусочка соплодия инжира является ярким свидетельством связей населения Острой Луки Дона с югом.

Погребения демонстрируют неоднородность структуры общества: в Мухино открыто захоронение знатной женщины, известны, погребения с оружием, с рядовым инвентарем, безынвентарные (глава 4 монографии). Впрочем, скудость или отсутствие инвентаря в ряде неразрушенных захоронений Ксизово-17 объясняется не бедностью погребенных, а особенностями погребального обряда (религиозных представлений). По данным антропологии (изменения в костях, травмы) получается, что мужчины, захороненные на могильнике Ксизово-17, были преимущественно воинами. Ярко выраженные признаки всадничества ощутимы на костях скелетов из коллективного захоронения Ксизово-19 (объект 1 раскопа 7) (глава 13 монографии). Железный псалий положен в это захоронение не случайно. Скорее всего, он был символом занятия умерших.

Наличие на поселениях двух типов усадеб (малые, состоящие из жилища, нескольких ям-погребов и иногда очагов, и большие дворы с разнообразными хозяйственными сооружениями) также свидетельствует об имущественной неоднородности их обитателей.

В коллективной монографии о Замятинском археологическом комплексе был сделан вывод, что в Верхнем Подонье в конце IV – V в. существовал один из центров гуннской державы, для чего в этот регион было перемещено население из разных ее частей (Острая Лука, 2004, с. 163-166). С какой целью это было сделано, в 2004 г. можно было только гадать. Последующие раскопки памятников Острой Луки (в первую очередь, поселений и могильников у с. Ксизово) дали возможность ответить на этот вопрос.

В нескольких своих работах я высказал предположение, что в гуннский период функционировал торговый путь по Дону из Северного Причерноморья в Поочье. Начальным звеном этого пути был позднеантичный Танаис, а точнее, поселение явно торгового характера, которое возникло в гуннское время на месте погибшего в середине III в. города, конечным – население бассейна Оки. По линии этого пути в середине I тыс.н.э. распространяются импорты, позднеантичные украшения и мода на них, фиксируются различные по характеру контакты населения, продвигаются на север выходцы из причерноморского региона в широком смысле этого понятия (включая Северный Кавказ и Нижнее Подонье). Поселения Верхнего Подонья с центром на Острой Луке были промежуточным пунктом на этом пути, где зафиксировано непосредственное присутствие населения как окского, так и причерноморского регионов (Обломский, 2009; 2011). Не исключено, что здесь было расположено торжище, о чем свидетельствуют находки клада боспорских статеров и отдельных монет.

Все эти наблюдения, по моему мнению, свидетельствуют о возникновении в Верхнем Подонье в середине 1 тыс.н.э. раннегосударственной структуры. Формирование верхнедонской группировки полиэтничного населения, очевидно, было связано с попыткой поставить под контроль донской торговый путь. Было ли это новое образование самостоятельным? Вероятнее всего, не всегда. Совпадение по времени существования верхнедонской группировки поселений и могильников, с одной стороны, и гуннской

эпохи, включая вторую половину V в., с другой, разброс географии исходных территорий перемещенных в Подонье групп населения от Дуная до Северного Причерноморья указывает на то, что, скорее всего, верхнедонской регион был частью гуннской державы. Материалы Верхнего Подонья дают нам уникальную возможность выяснить, как именно формировалось государство гуннов, и какими были способы освоения территорий в его границах. Тем не менее, его структура сохранилась и после разгрома гуннов на западе и распада гуннского объединения.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых спорных вопросах интерпретации верхнедонских памятников. Мои оппоненты М.М. Казанский, А.В. Мастыкова и Д.В. Акимов, не возражая в принципе против предположения о формировании в Верхнем Подонье раннегосударственного образования, ставят под сомнение связь его с гуннами. Главным аргументом против этого является отсутствие, по их мнению, в Верхнем Подонье отчетливых следов именно гуннской культуры, в первую очередь, комплексов кочевой знати. Д.В. Акимов высказал предположение, что верхнедонское население подчинили себе аланы-танаиты, продвинувшиеся с юга (Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 238-245; Акимов, 2012, с. 166, 167).

Роскошные степные захоронения в донской лесостепи пока, действительно, не известны, правда, учитывая, что сами памятники середины 1 тыс.н.э. в Верхнем Подонье открыты сравнительно недавно, никакой гарантии, что погребения степной знати не появятся в ближайшем будущем, нет. На памятниках Верхнего Подонья (как на поселениях, так и в захоронениях) отмечены элементы культуры рядового населения степей, причем не столько аланской, сколько гунно-тюркской. Лепная керамика кочевнической традиции, например, находит ближайшие аналогии в комплексах гуннского круга и раннего средневековья. Юртообразные постройки из Ксизово-19 и Мухино-2 представляют собой стационарные жилища, по планировке (очень показательно при этом внутреннее деление их на два отсека – жилой и кухонный), конструкции стен повторяющих разборные кочевнические юрты, но по замечанию С.А. Плетнёвой, относящиеся к начальной стадии оседания кочевников на землю. Мнение, что округлые каркасные постройки известны почти по всей варварской Восточной Европе (Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 241) справедливо, но мои критики не учитывают других признаков сооружений из Ксизово и Мухино – уже упомянутого деления на два отсека и наличия серии железных петель для крепления раздвижных конструкций в Ксизово. И уж никак нельзя связывать юртообразные постройки с аланским населением (Акимов, 2012, с. 167): до раннего средневековья на территории Восточной Европы такие сооружения не известны. Постройки из Ксизово и Мухино – самые ранние из юртообразных к западу от Волги.

Я согласен с моими оппонентами, что т.н. гуннские наконечники стрел не являются достоверным признаком присутствия в составе населения именно гуннов: эти предметы вооружения распространены широко в пространстве и во времени. Тем не менее, находка в Ксизово-16 комплекса накладок на лук и даже заготовок таких накладок свидетельствуют о местном изготовлении или ремонте луков, что вряд ли было возможно без прямого контакта оседлого населения и кочевников.

Совершенно фантастичным выглядит утверждение Д.В. Акимова о проникновении в Верхнее Подонье некой аланской «орды», которая установила в регионе свою гегемонию (Акимов, 2012, с. 167). В Верхнем Подонье нет ни катакомб, характерных для алан-танаитов IV в., ни соответствующей керамики и набора вещей. Сведения о катакомбном захоронении гуннского времени были опубликованы недавно, но оно находится не в Верхнем, а в Среднем Подонье (Лосево) (Березуцкий, Медведев, 2014). Распространение зеркал с петлей на обороте, нашивных золотых бляшек на одежду и обычая искусственно деформировать черепа – изначально сарматские признаки, но в эпоху Великого переселения народов они теряют свою этническую специфику и становятся элементами общей культуры этого периода (Казанский, 2006; Казанский, Мастыкова, 2009а, с. 242).

Таким образом, я пока не вижу оснований отказаться от предположения, что верхнедонская группировка разноэтничного населения середины 1 тыс.н.э. имела прямое отношение к гуннскому объединению. Какой либо другой силы, сумевшей собрать вместе выходцев с достаточно отдаленных территорий, в Восточной Европе в конце IV – V вв. не было.

В связи с этим возникает вопрос, почему столь значительный анклав населения середины 1 тыс.н.э., несомненно связанный с Причерноморьем, не получил отражения в письменных источниках той эпохи?

Прямых упоминаний в них о верхнедонском регионе действительно нет, но возможно, есть косвенные. В этой связи нужно вспомнить о загадочном народе «акациры» Приска Панийского и Иордана, который в системе этногеографии Скифии на время написания «Гетики» Иордана был размещен к югу от эстов, к северу от булгар, живших над Понтийским морем, и, вероятно, к востоку от Днепра. Если наложить данные Иордана на современные географические представления, то получается, что акациры локализуются где-то в пределах огромной территории Восточного Поднепровья – Подонья к северу от побережья Азовского моря (Обломский, 2014, с. 18-20, рис. 2, 3). Сопоставляя данные Приска и археологические материалы, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова высказали предположение, что акацирами были оставлены восточные памятники гуннов «располагавшиеся в «припонтийской Скифии», т.е. на Дону, может быть, в Крыму» (Казанский, Мастыкова, 2009б, с. 124, 125). Это предположение интересно в смысле наблюдений за локальными различиями гуннских древностей, но сведениям Иордана оно противоречит. Иордан отмечал, что акациры жили не над самым Понтом, а севернее (Обломский, 2014, с. 18).

Другую гипотезу высказал А.Г. Фурасьев. Сопоставляя данные Приска и Иордана, он пришел к выводу, что достоверные упоминания об акацирах относятся к середине - второй половине V – началу VI в. Проанализировав употребление терминов «готы», «гунны», «скифы» и «акациры» в греко-римской традиции, А.Г. Фурасьев указывает, что многие историки и археологи ошибочно отождествляют гуннов и акациров. Можно утверждать лишь, что акациры – «скифский народ», т.е. обитавший в Скифии. «Говорить же о том, что это именно кочевой народ, или восточная ветвь гуннов, значит домысливать за автора (т.е. Приска). Конечно, если не подразумевать под восточной ветвью гуннов какое-либо объединение, политически зависимое от них». Само по себе объединение акациров было этнически сложным. В его состав входило, вероятно, кочевое и оседлое население. По характеру упоминания акациров Приском можно предположить, что жили они не на берегу Понта, а севернее, что вполне согласуется со сведениями Иордана.

А.Г. Фурасьев присоединяется к точке зрения тех исследователей, которые в названии «акациры» видят тюркские корни и интерпретируют его, как «лесные люди». Приск называет правителей акациров «базилевсами», так же, как и правителей гуннов, византийских императоров, т.е. ставит их выше других варваров, управляемых «архонтами» (Фурасьев, 2013, с. 185-193).

Не правда ли, те данные об акацирах, которые реконструирует А.Г. Фурасьв, очень похожи на приведенное выше описание населения верхнедонских памятников середины 1 тыс.? Оно было полиэтничным с элементами культуры лесостепных, лесных и степных народов, скорее всего, находилось в зависимости от гуннов, но сохраняло обособленность, судя по тому, что верхнедонской анклав продолжал существовать и после гибели империи Аттилы. На Верхнем Дону имелся мощный торговый, ремесленный и сакральный центр (памятники на Острой Луке Дона, Ксизово), что свидетельствует об особом экономическом и политическом значении этого региона.

Сам А.Г. Фурасьев предлагает искать археологическое соответствие акацирам на тех территориях, где много импортов и есть свидетельства наличия развитой воинской структуры (Фурасьев, 2013, с. 193). В качестве предположения он указывает на ареал рязано-окской культуры, т.н. королевство Винитария, которое М.М. Казанский размещает на Днепровском лесостепном Левобережье (Казанский, 1997, с. 183-185), на памятники гуннского времени на Верхнем Дону. Население всех этих регионов могло входить в союз акациров. Особое значение при этом придается пути по Дону из Причерноморья на север. «Течение Дона с крупнейшим экономическим центром, позднеантичным Танаисом, в его устье в это время представляло собой «горловину гигантской воронки», расширяющейся от верховьев на север в лесную зону с ее экономическими и демографическими ресурсами, вероятнее всего еще сохранявшими независимость от гуннов и несомненно заинтересованными в торговых связях с Византией» (Фурасьев, 2013, с. 195).

К трем территориям, о которых пишет А.Г. Фурасьев, можно добавить еще и ареалы мощинской и позднедьяковской культур (Верхнее и Среднее Поочье, Москворецкий регион). Связи населения этих территорий между собой в середине 1 тыс.н.э. несомненно были. В этом отношении большой интерес представляет гипотеза И.Р. Ахмедова о распространении предметов мужской воинской субкультуры в периоды D2-D3 Я. Тейрала из Подунавья через днепров-

скую лесостепь в Верхнее Поднепровье и Поочье, которое он связывает с проникновением вооруженных отрядов во время событий, сопровождавших распад гуннской державы (Ахмедов, 2014а; 2014б). Тем не менее, по моему мнению, ключевым регионом, своего рода «аккумулятором контактов» был верхнедонской. Как показывает сделанный выше обзор, именно здесь зафиксировано непосредственное присутствие (не только по распространению моды на изделия культуры престижа, но и по лепной керамике, погребальному обряду, некоторым традициям домостроительства) групп населения из Днепровского Левобережья (киевского и черняховского происхождения), москворецкого региона и Поочья, степной зоны, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья. Если наблюдения А.Г. Фурасьева верны, то именно здесь в Верхнем Подонье должен был находиться центр объединения акациров.

Приложение 1

Антропологические результаты осмотра и обмеров некоторых скелетов гуннского времени из могильников Ксизово-17 и 19

Я. Кулявцева-Главова (г. Мост. Чешская республика)

Введение и методика

Антропологическая характеристика отдельных индивидуумов, тем более целой популяции, полученная на основе анализа остатков их скелетов, отражает только малую часть образа жизни данной популяции. Полученные факты всего лишь помогают дополнить археологическую интерпретацию стиля и условий жизни людей на конкретном месте. В процессе археологических исследований, лабораторной работы и антропологического изучения находок мы получаем информацию, но на каждом этапе обработки материала часть информации навсегда уничтожается, поэтому необходимо получить максимально возможное ее количество уже в процессе обработки находок.

Совокупность скелетов из Ксизово является необычайно интересной и разнородной. К сожалению, не имелось возможности изучить полностью все погребения. Несомненно, было бы очень полезно попытаться в будущем дополнить недостающую информацию.

Работа со скелетами проходила в течение нескольких лет (2005-2008) как на раскопках в Ксизово (2005-2008), так и в Институте археологии РАН в Москве (2006, 2007). Все первичные материалы антропологических наблюдений находятся в Институте охраны археологических памятников СЗ Чехии в городе Мост в Чешской республике (ÚAPPSZČ Most).

Из 48 скелетов было антропологически исследовано 33, из которых один – частично. У некоторых при их извлечении был приблизительно определен пол и возраст (информация в скобках в сводной таблице). Для определиня пола взрослых были использованы следующие методики, использующие морфологические характеристики черепа (Acsádi, Nemeskéri, 1970) и таза (Acsádi, Nemeskéri, 1970; Brůžek, 1991; Hermann et alii, 1990; Novotný, 1986; Phenice, 1969; Taylor, DiBennardo, 1984).

При определении пола с помощью метрических и дискриминационных функций на основе остальных костей посткраниального скелета были использованы следующие методики: *clavicula* – (Iordanidis, 1961; Steel, 1966); *humerus* – (Černý, 1971; Černý, Komenda, 1980; France, 1987); *radius et ulna* – (Iordanidis, 1961; Singh et alii, 1974); *ossa metacarpi et metatarsi* – (Falsetti, 1995; Pfitzner, 1899); *femur* – (Černý, 1971; Černý, Komenda, 1980; DiBennardo, Taylor, 1979; Iscan, Miller-Shaivitz, 1984a; Pons, 1955); *patella* – (Dofková, 1995); *tibia* – (Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б; Leopold et alii, 1986; Singh et alii, 1975; Steel, 1962); *fibula* – (Leopold et alii, 1986; Singh, Singh, 1976); *talus et calcaneus* – (Novotný, 1985; Steele, 1976); *sacrum* – (Flander, 1978; Strádalová, 1974, 1975), которые использовались в основном как дополняющие.

У детских скелетов незрелость морфологических структур и ненадежность современных методик не позволяет определить пол. Определение возраста детей может быть достаточно точным при использовании схем минерализа-

ции и прорастания зубов (Ubelaker, 1978), состояния прироста эпифиза (Greulich, Pyle, 1959; McKern, Stewart, 1957; Schwartz, 1995; Stewart, 1979; Sloukal et alii, 1999), длины диафиза длинных костей (Fazekas, Kósa, 1978; Johnston, 1962; Stloukal, Hanáková, 1978) и размеров костей таза (Florkowski, Kozlowski, 1994). При этом соблюдается правило: чем младше индивидуум, тем точнее определение возраста, так как на него еще не повлияли все изменчивые факторы, такие, как генетический потенциал и негенетическое взаимодействие (пищевой рацион, состояние здоровья, социальные условия, окружающая среда, культурные обычаи и т.д.), которые влияют на индивидуума в процессе роста (Hlavová, 1999). Установить возраст взрослых намного труднее. Человеческая изменчивость (внутрипопуляционная и межпопуляционная) настолько разнообразна, что какие-либо характеристики возраста, полученные на основе исследования одной популяции, нельзя механически переносить на другую, поэтому низка и точность используемых методик. С этими методологическими ограничениями необходимо считаться и использовать полученные данные нужно с осторожностью. Современный тренд разделять взрослых индивидуумов на 30-летние категории соответствует точности и надежности антропологической информации (Brůžek, 2008), однако в меньшей степени принимает во внимание интересы науки, что отражает конфликт между возможностями и необходимостью. Материал, описание которого дано ниже, был проанализирован упомянутыми методами в рамках их возможностей и разделений на категории. Я верю, что в рамках одной популяции подобный анализ позволяет приблизительно отразить внутренние возрастные категории, хотя абсолютные результаты могут отличатся от реального времени гибели индивидуума. Эти результаты, тем не менее, невозможно использовать в демографических целях. Для определения возраста погребенных была применена широкая шкала показателей биологического возраста костей: состояние *facies symphysialis* (симфизиальная поверхность) (McKern, Stewart, 1957), состояние *facies auricularis* (ушковидная поверхность) (McKern, Stewart, 1957), степень износа зубов (Lovejoy, 1985) и степень оссификации черепных швов (Hunger, Leopold, 1978; Linc, 1971), о возрасте также свидетельствует общее состояние скелета, т.н. степень дегенеративно-продуктивных изменений на позвоночнике и суставах конечностей.

Основные метрические характеристики взяты из публикации (Martin, Knussmann, 1988). Высота тел была рассчитана двумя методами: (Manouvrier, 1893) и (Sjøvold, 1990).

Патологические изменения на костях были анализированы с помощью публикаций (Stloukal et al. 1999; Aufderheide, Rodríguez-Martín, 1998). Для определения этнической принадлежности использовались исследования (Gill, Rhine, 2004).

Возрастные категории у детей были взяты по M. Schultze. Категория infans Ia включает индивидуумы от рождения до двух лет (0-2 года), категория infans Ib – до 6 лет (3-6 лет), infans II – до истечения 13 лет (7-13 лет). Далее следует классически ограниченная категория juvenis (14-19 лет). Категории взрослых определены следующим образом: adultus I (20-29 лет), adultus II (30-39 лет), maturus I (40-49 лет), maturus II (50-59 лет), senilis (60 и больше лет).

Для потребностей антропологического описания зубов использованы зубные карты, описывающие их настоящее состояние у отдельных индивидуумов. При этом применяются общепринятые сокращения названий отдельных зубов (маленькими буквами – детские зубы, большими буквами – взрослые) и следующие обозначения: ↑ – растущий нижний зуб; ↓ – растущий верхний зуб; x – зуб непрорезался или не начал расти; Ø – зуб выпал перед смертью и альвеола начала закрываться или уже закрыта; ─ – зуб выпал после смерти и в находках отсутствует.

Из латинской терминологии, кроме названий анатомических морфологических структур и патологических явлений, использованы сокращения обычных понятий: dx (dexter) – правый, sin (sinister) – левый, inf (inferior) – нижний, sup (superior) – верхний, FM – foramen nutricium.

Индивидуальные характеристики скелетов

Ксизово-17А

Погребение 9. Состояние: Очень изящный скелет, не все кости сохранились, остальные рассредоточены в средней части могилы, что, вероятно, произошло в результате ее ограбления или нарушения другого характера. Тем не менее, признаки первоначального анатомического положения скелета заметны. Верхняя часть скелета, кости туловища и обе коленные чашечки (patellae) отсутствуют. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 10. Состояние: относительно хорошо сохранившийся скелет, структура костей устойчива, они в большинстве случаев не сломаны. Череп целиком и несколько костей посткраниального скелета отсутствует.

Ключицы правая и левая:

Clavicula	Cl1	Cl6	Макс. ширина extremitas sternalis	Макс. длина extremitas acromialis
Dx	14	3,8	2,2	2,1
Sin	14,5	3,7	2,8	2,1

Пол (Iordanidis, 1961): Cl1 – <M; максимальная ширина ключичного отростка – M; максимальная ширина грудинного отростка – M.

(Steel, 1966): Cl1 – И; Cl6 – <M; dx: 293,8 – M; sin: 263,51 – Ж

Плечевая кость правая и левая (Humerus dx et sin):

Humerus	**H1**	**H4**	**H5**	**H6**	**H7**	**H8**	**H9**	**H10**	**H11**
Dx	-	6,45	2,45	1,8	6,8	-	-	-	4,5
Sin	-	-	-	-	-	14,3	4,5	4,75	-

Пол (Černý, 1971): H7, H8, H9, H10 – M.

(Černý, Komenda, 1980): H7, H8, H9, H10 – M.

(France, 1987): H4, H5+6, H9, H10, H9+10, H11- M.

Правая плечевая кость: плотность костей – средняя с выраженным мускульным рельефом. Эпифизы кажутся более крепкими в сравнении с диафизами. Месторасположение надмыщелкового отверстия (2×3 mm).

Патология: на задней поверхности бедренной кости имеется сглаженная ямочка со складками, анатомическое положение которой полностью согласуется с расположением мыщелкового бугорка с полулунной локтевой бороздой, где продольный край делит бугорок на две части. Вероятное происхождение этой патологии – травма, однако место очень хорошо регенерировало, и никаких других признаков заболевания сустава не наблюдается. Объем движений в суставе остался полностью функциональным.

Левое бедро: о плотности см. правое бедро.

Патология: имеется сильный надрез на крае суставной поверхности головки бедренной кости в месте минус бугорка, который в верхней части поглощается глубокой остеокластной ямкой. Заметен небольшой бугорок с нерегулярными линиями костной структуры поверхности сустава. Подобная патология наблюдается на гленоидной поверхности. На этом месте минус бугорка присоединяется только надгрудинная мышца, между напряженной арматурой вставки этой мышцы и суставной капсулой плечевого сустава имеется обычно сумка, покрывающая надгрудинную мышцу, которая может быть объединена с суставом. Вполне возможно, что патологическое изменение сопровождающееся резорбцией остеокластов произошло после разрыва вставки мускула, в конечном счете после нарушения целостности суставной сумки.

Левая лучевая кость: сохранились, примерно, две трети кости. Все морфологические структуры хорошо выражены (бедренная суставная поверхность лучевой кости, головка и межкостный край).

Патология: на спинной части суставной борозды наблюдается небольшая пористость, которая не совпадает с уровнем поверхности.

Radius	**R4**	**R5**	**R5(3)**	**R5(5)**	**Периметр tuberositas radii**
Sin	1,9	1,25	7,2	5,0	5,2

Пол (Iordanidis, 1961): R4, R5 – M.

Локтевая левая и правая кости: сохранились только, примерно, две трети кости. Кость – средней плотности с выраженными бугорками мускула, структура костей устойчива. Имеется весьма заметно сформированный костный выступ в середине суставной поверхности полулунной борозды левой локтевой кости, это обычно происходит на костях, однако в ближнем рассмотрении эта структура не представлена на правой локтевой кости.

Ulna	**U3a**	**U11**	**U11a**	**U12**
Dx	-	1,75	-	1,9
Sin	-	1,7	-	2,0

Пол (Iordanidis, 1961): U11, U12 – M.

Кости запястья I, II + левый фрагмент: отмечены остеологические изменения на ладонной стороне головки McI, изменения на McII не так очевидны. Все основы – без изменений.

Кости таза.

Пол (Phenice, 1969): 1, 2, 3 ⇨M.

(Acsádi,Nemeskéri, 1970): 14 ⇨M

Возраст (McKern, Stewart, 1957): поверхности симфизов: 44 – 50 лет (MaturusI)

Нижние конечности.

Левая и правая голень: изящные кости сред-

ней плотности с выраженным мышечным рельефом. Эпифизы кажутся крепкими по отношению к диафизам. Структура костей устойчива. Не имеется никаких внешних изменений ни на головке малоберцовой кости, ни на периферической поверхности суставов.

Femur	F1	F2	F4	F6	F7	F8	F9
Dx	43,9	43,8	41,7	3,05	2,6	8,8	3,7
Sin	-	-	-	3,1	2,6	8,9	3,65

Femur	F10	F13	F18	F19	F20	F21
Dx	2,6	10,6	4,7	4,6	14,5	8,25
Sin	2,65	10,2	4,7	4,8	14,3	-

Index platymericus: dx = 70,27 – гиперплатимер
: sin = 72,6 – гиперплатимер

Пол (Černý, 1971): F6a ~ M; F7a ~ Ж; F8, F18, F19 – M

(Černý, Komenda,1980): F2, F18, F19, F20, F2+8+19, F2+8+20 -M.

(Pons, 1955): dx: M (94,4%)

(DiBennardo, Taylor, 1979): F1, F8 – M

(Iscan,Miller-Shaivitz, 1984a): 1, 2, 3 – M

Левая надколенная кость: только левая кость была измерена, правая не найдена.

Patella	Pa1	Pa2	Pa3	Pa4
Sin	4,35	-	2,1	3,35

Пол (Dofková, 1995): M (77 %)

Правая большеберцовая кость: только правая большеберцовая кость сохранилась. Плотность кости – средняя с выраженным мышечным рельефом. На средней стороне кости и по всей длине задней поверхности имеется продольное очерчивание («kanelování»). Поверхности сустава без патологических изменений.

Tibia	T1	T1a	T1b	T3	T6
Dx	34,8	35,3	34,1	7,65	5,1

Tibia	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	3,7	2,05	8,0	9,1	7,1

Indexcnemicus: dx = 55,41 –платикнем

Пол (Steel, 1962): M (86 %)

(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): T3, T6 – M; T10a – И

(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 1, 2, 8, 10 – M

(Leopold et alii, 1986): T1a – Ж; T3 – <M; T6 – <M

Малая берцовая кость: сохранился только корпус кости без эпифизов.

Правая пяточная, правая и левая кость свода стопы: они выглядят очень изящными, однако все морфологические структуры – разные.

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4	Ta5	Ta13
Правая	5,0	4,25	3,1	3,25	3,1	3,6
Calcaneus	Ca2			Ca4a		
Правая	7,45			5,1		
Левая	7,15			5,3		

Пол (Steele, 1976): 1, 2, 5–M; 3 – I.

Грудная клетка: внутренний край большинства сохраненных ребер заметно обострен, вместо бугорков имеется очевидно окостенелые мышечные сочленения или связки. Борозда надключичной артерии хорошо выражена и ограничена костями грудного отдела позвоночника.

Позвонки: 1 и 2 шейные позвонки не сохранился. Отверстие поперечных отростков шейных позвонков наблюдалось в C6 (в C5 и особенно в C7 не были обнаружены такие отверстия). Конечная поверхность шейных позвонков отчетливо пористая, край однородно «выдвинут» в остеофитную границу, однако не имеет никакого обособленного остеофита. На внешних конечных поверхностях C5 и C6 границы полностью сформированы. Все грудные позвонки были сохранены. Верхние и нижние конечные поверхности пористые, на нижней поверхности Th 7 имеется углубленный узел Шморла, на нижней поверхности Th 8 появляется более удлиненное, обходящее тело позвонка в виде линии. В средней части поверхностей Th10 и Th11 имеются узлы в форме легких углублений. Конечные поверхности L1 и L2 была возможность осмотреть только частично, они сохранились не слишком хорошо, однако отмечается более низкая степень пористости.

Посторонний материал: кости животных.

Рост.

Метод	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)			
Размеры	F2 dx	T1 dx	F1 dx	F2 dx	T1 dx	T1b dx
	43,8	34,8	43,9	43,8	34,8	34,1
Расчеты	163,4	161,3	164,8 ± 4,49	164,4 ± 3,96	161,8 ± 4,15	154,7 ± 4,57
Категория	Подсредний – верхняя граница	Средний	Средний	Средний	Подсредний	Маленький

Согласно методу Manouvrier'a рост был определен в рамках 161,3 – 163,4 см, это означает, что захороненный соответствует категории подсреднего роста. Основанный на формуле Sjøvold'a, рост индивидуума соответствует диапазону 154,7см ± 4,57 – 164,8 см ± 4,49, который включает категории от низкого до среднего. Тем не менее, наиболее объективные вычисления дают возможность определить рост в рамках категории подсреднего (верхняя граница) до среднего с конкретными размерами 163,4 см – 164,8 ± 4,49 см на основании обоих методов.

Заключение: скелет мужчины возрастной категории 40 – 50 лет (Maturus I) со средней плотностью кости и выраженным мускульным рельефом. Рост – 163,4 см – 164,8см.

Погребение 11. Описание объекта: два вторичных ритуальных захоронения, части человеческих скелетов были сложены в двух отделенных друг от друга скоплениях. Ориентировка скоплений параллельна, затылочные части черепов повернуты на С-СВ, лицевые – на З-СЗ. Фрагменты южного скелета, были названы «Скелет А», северного – «Скелет Б».

Скелет А

Состояние: очень хорошо сохранившийся вторично захороненный скелет. При положении костей в захоронение общий антропологический порядок соблюдался, но не полностью.

- Некоторые ребра разбросаны по поверхности других костных остатков, левая ключицабыла в значительной степени удалена от остальной части скелета. Можно предположить, что индивидуум лежал на открытой площади. Ребра находятся в отдалении от плечевых костей, особенно от первого ребра (costa I), они все (грудная клетка в целом) были сдвинуты. Конечно, расположение костей было бы похожим в случае захоронения под забутовкой, кости от вершины скопления должны были бы осесть вниз под весом грунта. Однако, относительно далекое от остальных костей местоположение ключицы явно указывает на наличие открытого пространства, в пределах которого мелкие грызуны могли растаскивать кости.

- Размещение черепа в соответствии с черепом второго индивидуума.

- Плечевой и ребоключичный левый сустав (articulatio humeri et costo clavicularis sin). Периферический конец плечевой кости (периферический эпифиз, как целое не сохранился) лежал под черепом, ближайший конец находился вблизи от суставой ямки лопатки(cavitas glenoidalis scapulae), только ключица и спинной хребет находились, вероятно, около лопатки и ребер.

- Правая ключица лежала около черепного конца позвоничника.

- Позвоночник и ребра, собранные в кучу. Только левые ребра собраны в кучу, правые находились в анатомическом порядке (costae 2 – 11.). На ребрах также лежал второй затылочный позвонок С2 (axis), часть остатка затылочной секции не были связаны с С2, это означает, что эта часть хребта начиналась с других позвонков, не с С3 (более точные выводы можно будет сделать после антропологического анализа). Грудина (грудная кость) лежала внутри правой части грудной клетки ниже ребер параллельно с позвоночником вне анатомического положения. Рукоятка грудины (manubrium sterni) отсутствует. Спинные позвонки направлены кверху, как будто индивидуум полулежал на правом бедре. Позвонок L5 в нижней части хребта, крестцовая кость лежала вслед за L4.

- После разборки позвоночника, длинные кости правого предплечья (лучевая и локтевая кости лежали в поперечном направлении под местом пересечения L4 и крестца. Периферических epiphyses не было в обеих костях, в локтевой (ulna) отсутствует и дополнение к локтевому отростку (olecranon).

Другие кости скелета не были найдены вообще, а именно, кости таза (pelvis), нижние части конечностей и т.д.

Посторонний материал: фрагмент diaphysis кости животного.

Скелет антропологически не проанализирован.

Скелет Б

Состояние: вторичный захороненный скелет к северу от скелета А. Кости очень хорошо сохранились, но скелет не полон. Характер соединения скелетного материала близок предыдущему.

- Правые ребра свалены к одному месту у основания центрального захоронения.

- Правое плечо – без, приблизительно, третьей части и соответствующего epiphysis.

- Позвоночник и 11, 12-ое правые ребра (каждое из ребер находиться в анатомическом порядке). Только последний из шейных позвонков представлен (С7), грудная, и поясничная части позвоночникапредставлены полностью (Th1 – Th12; L1 – L5).Крестец, связанный вероятно

вместе с последним из поясничных позвонков, после разрыхления и утраты связоксвалился набок.

- Левые ребра были также свалены в одну сторону от позвоночника (к югу от черепа), нижние лежали под хребтом. Они были положены вместе с позвоночником.

- Тазовые кости (ossa coxae) расположены слоем на южной стороне костей индивидуума и в полностью измененном положении по отношению к черепу. Левая тазовая кость расположена отдельно и одновременно слегка под позвоночником, правая – параллельно левой. Однако, их ориентация в отношении позвоночника – обратная. Этот факт можно рассматривать, как попытку смоделировать правильное положение тазовых костей (pelvis). В вертлужной впадине левой тазовой кости (acetabulum левого os coxae) находилась головка бедренной кости (caput femoris) и бедренная кость направлена к черепу. Это соединение было по расположению размещения костей, весьма ослабленным. Дистальная треть тела бедренной кости, включая эпифизы, отсутствует.

- Череп имеет ту же самую ориентацию, как и у скелета А. Малая берцовая левая кость была вставлена через большое отверстие в черепную коробку. Это возможно только в том случае, когда череп несли таким способом к могиле или если при помощи длинной кости его подвинули «к правильному положению». Оба эпифиза малой берцовой кости отсутствуют.

- Под черепом и около него перемешаны следующие кости: mandibula, треть левой tibia (большеберцовой кости), правая ulna и scapula (лопатка). Mandibula, кости лопатки и большеберцовая вклинились друг в друга.

- Правая бедренная кость – без дистальных эпифизов.

- Под всеми другими костями лежала левая лучевая кость и ulna в анатомическом порядке.

Остальные кости скелета не найдены.

Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 12. Состояние: кости взрослого скелета относительно хорошей сохранности, большинство из них не лежали в анатомическом порядке, это касается главным образом относительно области груди и таза. Ориентировка скелета – северо-северо-запад – юго-востоко-восток, затылочная часть черепа направлена на восток, лицо – на север.

Череп: очень хорошо сохранившийся, с мужскими признаками (это – только предварительное определение).

Посткраниальный скелет: большинство останков скелета лежало беспорядочно. Только левая лопатка осталась более или менее на месте, левая плечевая кость пересекает область грудной клетки (головка левой плечевой кости направлена латерально), левая ключица развернута к правой стороне черепа. Лопатка и правая ключица остались, в принципе, на их первоначальном месте. Обе локтевые кости лежали в области живота, затем следуют крестец и тазовые кости. Обе бедренные кости лежали параллельно друг другу в заметно не анатомическом положении. Головки левой и правой бедренных костей лежали так, как будто они были в левом углу малого таза, дистальные концы обеих бедренных костей расположеныв половине длины правой бедренной кости в ее анатомическом положении. Несколько ниже (в направлению к нижним конечностьям) находилась правая лучевая кость и кости запястья. Другие кости позвоночника, грудной клетки,рук и т. д. были рассеяны в этой области. Только нижние конечности от колена вниз остались в анатомическом порядке, однако мелкие кости ног также были передвинуты. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 16. Состояние: очень плохо сохранившиеся кости, они разрушаются. В месте, где они были найдены, кости лежали хаотически, что означает отсутсвие анатомического порядка. На дне исследованного объекта были найдены кости нижних конечностей от колен вниз, только они сохраняли анатомический порядок. Скелет не полон.

Верхние конечности

Scapula dx: частично сохранившаяся кость лопатки взрослого человека, главным образом область spina scapulae и acromion.

Humerus dx: кость средней плотности с выраженным мускульным рельефом.

Размеры, определенные *in situ*

Humerus dx	**H1**	**H4**
Размеры *in situ*	~ макс. 33 см	~ 6 см

Radius sin: грацильный до средней степени плотности. Кость разрушается, почти вся утрачена от tuberositas radii в проксимальном направлению.

Размеры, определенные *in situ*

Radius sin	R1	R4	R5
Размеры *in situ*	~ 22,5 см	1,9 см	1,25 см

Таз

Os coxae dx et sin: после извлечения из земли кости распались на мелкие части. Структура костей – очень плохая, они крошатся, а поверхность разрушена корнями растений.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): Arccomposé sin: M.

Фактически не возможно применить этот метод (см. последующий антропологический анализ).

: Acetabulum: большие измерения: высота = 5,55 см: (Taylor, DiBennardo, 1984): M.

Крестец: сохранились только небольшая часть facies terminalis superior и область processus articulares superiores на facies dorsalis.

Нижние конечности

Femur dx: некоторые из измерений были сделаны на месте работ. После извлечения из земли кость распалась на мелкие фрагменты.

Размеры *in situ*

Femur dx	F1	F4
Размеры *in situ*	42,6 см	~ 42,4 см

Os cuneiforme II sin, phalanx proximalis I sin: плохо сохранившиеся кости взрослых.

Следующие кости посткраниального скелета: фрагменты ребра и шейного позвонка.

Заключение: согласно предварительным исследованиям, в могиле захоронен взрослый (adultus), возможно мужчина.

Погребение 19. Состояние: скелет взрослого человека, длинные кости нижних конечностей очень хорошо сохранились, верхние конечности сохранились намного хуже. Череп, позвоночник и таз сохранились очень плохо.

Череп: сохранились только плоские кости. Их поверхность сильно разрушена и расколота, структура костей – очень ломкая и крошится. На lamina interna и externa почти невозможно наблюдать патологические изменения из-за больших повреждений. В сохранившихся частях sinusfrontalis на laminainterna патологические изменения не были обнаружены. На внутренней поверхности os frontale и parietale имеются только слабые foveolae granulares обычного вида. Плотность костей черепа – средняя со слабо выраженным мускульным рельефом.

Зубы: эмаль и cementum – очень ломкие, зубы сохранились очень плохо.

Dx Отсутствующая челюсть P_2	Отсутствующая челюсть **Sin**
Отсутствующая челюсть M_2M_1	Отсутствующая челюсть

P_2 dx sup– сохранилась только коронка со следами трения (без обнаружения дентина)

M_1 dx inf – 5-ти бугорковая форма

M_2 dx inf – 4-х бугорковаяформа

Кариес: M_2 dx inf – в foramen caecum имеется маленький кариес (1×1 мм, глубина 1 – 2 мм), см. фотографию.

Зубной камень: осыпался, по этой причине уровень развития невозможно оценить.

Гипоплазия: P_2 dx sup – широкая, но мелкая поперечная полоса, внутри нее наблюдается маленькая foveola под средним краем.

Возраст: основанный на исследовании зубов (Lovejoy, 1985): Mandibula: M_1, M_2: 20-30 лет (Adultus I) – без сведений об антагонистах в челюсти.

: основанный на осмотре швов: все швы все еще открыты.

(Linc, 1971): 20 – 25 лет (AdultusI)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): большинство характеристик черепа в этом отношении нельзя оценить.

: Tubera frontalia и parietalia – невыражены – M.

Многообразия: Os Incae – Squama ossis occipitalis разделена sutura occipitalis transversa наверхнююи нижнюю части. Верхняя часть squama – совершенно отдельная кость – Os Incae. Обследование швов невозможно из-за плохого состояния внутренней и наружной поверхностей костей черепа.

: Ossiculum suturarum suturae lambdoideae (sin): размеры 1,8 × 1,8 см в левой части sutura lambdoidea.

Верхние конечности: кости очень плохо сохранились, особенно – левой ноги. Поверхность кости разрушена и осыпается. Невозможно выявить патологические изменения. Плотность кости – средняя, со слабо выраженным мускульным рельефом.

Humerus dx et sin: сохранились только части тел костей. Левую плечевую кость невозможно измерить.

Humerus dx	H5	H6	H7
Размеры в см	2,3	2,0	7,0

Пол (Černý, 1971): H7 – M.

(Černý, Komenda, 1980): H7: M.

(France, 1987): H5, H6: M.

Radius dx et sin: на правой лучевой кости (radius) наблюдается зеленая патина в нижней трети корпуса. Все остальные части кости находятся в очень плохом состоянии.

Radius	R1	R4	R5	R5(5)	R5(6)	Периметр tuberositas radii
Dx	-	1,9	1,3	5,0	-	-
Sin		1,6	1,15	4,5	3,4	5,1

Пол (Iordanidis, 1961): R4, R5 – M.

(Singh et alii, 1974): R5 (5), R5 (6), периметр tuber. radii – M.

Ulna dx et sin: кость правой стороны невозможно измерить.

Ulna	U3a	U11	U12
Sin	5,0	1,5	1,7

Пол (Iordanidis, 1961): U11, U12 – M.

Ossa metacarpi I – IV dx:

Mc 1	McI 1	McII 1	McIII 1	McIV 1
Dx	5,0	7,6	6,8	6,05

Таблица измерений ossa metacarpi, основанная на методе (Falsetti, 1995)

Размеры	1	2	3	4	5
Mc II	7,6	1,8	1,95	1,0	1,1
Mc IV	6,05	1,45	1,45	0,8	0,9

Пол (Pfitzner, 1899): Mc I – IV – M.

(Falsetti, 1995): Mc II: 13,23 – M; Mc IV: 5,29 – M

Позвонки, sternum: у позвонков сохранились только передние части их тел, соответственно одного грудного и 3 поясничных, а также еще несколько фрагментов позвонков тех же самых частей позвоночника. Сохранился целый corpus sterni.

Таз: очень плохая структура кости, она крошится и распадается.

Крестец:

Sacrum	Sa1	Sa2	Sa2a	Sa14	Sa15
Размеры	12,5	10,5	3,4	6,3	3,3

Пол (Flander, 1978): Sa1 – Ж>И

(Strádalová, 1974; 1975): Sa1, Sa2, Sa2a, Sa14 –M.

Ossa coxae

Пол: (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 5 – мужчина, но имеется много женских признаков на тазе – открытая incisura ischiadica major, слегка изогнутая crista iliaca, кости, в целом, сравнительно грацильные со слабо выраженным мускульным рельефом. С другой стороны, имеется серия типично мужских признаков – arccomposé, область лобковой кости.

: (Brůžek, 1991): 1 (Sulcus preauricularis), B01 – И

: 2 (Incisura ischiadica), Bb0 – M.

: 3 (Ischio-лобковое ответвление), A00 – И

: 4 (Образовывают дугу composé), простая кривая – M.

: 5 (Развитие лобковой и седалищной кости) – M

: (Phenice, 1969): 1, 2, 3 – M.

: (Hermann et alii, 1990): IS – M, PU – M, IIMT– Ж

: (Novotný, 1986): Ж

Метрические методы позволяют сделать вывод, что пол погребенного был женским. В этом отношении показателен, прежде всего, общий грацильный облик таза. Однако, признаки, в большей степени связанные с процессом воспроизводства, а именно седалищно-лобковая область таза, в большей степени указывают на принадлежность скелета мужчине. M>Ж.

Возраст: основанный на facies symphysialis: (McKern, Stewart, 1957): 22 – 24 года (Adultus 1)

Объединение S1 – S2: (Stewart, 1979): 18-30 лет

: (Schwartz, 1995): 18 – 30 лет

Патология: на тазовых костях патологические изменения не отмечены.

Нижние конечности.

Femurdxetsin: кости средней плотности со слабо выраженным мускульным рельефом. Trochanter minor – большой, никаких патологических изменений не выявлено.

Femur	F1	F2	F6a	F7a	F8	F9	F10	F17	F21
Dx			2,95	2,8	8,9	3,5	2,65	-	8,5
Sin			2,85	3,1	9,1	3,65	2,8	10,3	8,4

Index platymericus: dx = 75,71 – платимер

: sin = 76,71 – платимер

Пол (Černý, 1971): F6a, F7a, F8 – M.
(DiBennardo, Taylor, 1979): F8, F7 + 8 – M.
(Černý, Komenda 1980): F6, F7, F8 – M.
(Iscan,Miller-Shaivitz, 1984a): 1– M
Patelladxetsin: средней плотности, патологические изменения не отмечены.

Patella	Pa1	Pa2	Pa3	Pa4
Dx	4,3	4,7	2,1	3,35
Sin	4,5	4,8	2,1	3,4

Пол (Dofková, 1995): M
Tibia dx et sin: средней плотности со слабо выраженным мускульным рельефом, sulcus м. solei неопределенен (почти невозможно выяснить точное местоположение). Патологий не обнаружено.

Tibia	T1	T1a	T1b	T3	T6
Dx				7,8	4,95
Sin				7,8	5,05

Tibia	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	3,35	2,7	9,1	9,6	7,7
Sin	3,65	2,85	8,8	9,7	7,7

Index cnemicus: dx = 80,6 – эурикнем
: sin = 78,1 – эурикнем
Пол (Steel, 1962): M
: (Singh et alii, 1975): T3, T6, T10 – M.
: (Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): T3, T6, T10a – M
: 1, 2, 3, 4, 7 – M.
: (Leopold et alii, 1986): T3 – M; T6 – И
Fibula dx et sin: невыраженный рельеф, закругленные края.

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)
Dx		4,8	2,75
Sin		4,7	2,55

Пол: (Leopold et alii, 1986): Fi4(2) – M
: (Singh, Singh, 1976): Fi4, Fi4 (2) – M.
Talus и calcaneus dx et sin:

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4	Ta5	Ta13
Dx	5,55	4,4	3,25	3,6	3,2	3,55
Sin	5,55	4,5	3,4	3,4	3,35	3,4
Calcaneus	Ca2			Ca4		
Dx	7,6			4,8		
Sin	7,2			4,6		

Пол (Steele, 1976): 1, 2, 3, 5 – M.
(Novotný, 1985): M.
Многообразия: Facies talaris anterior et medialis communis: суставные поверхности объединены в одну общую фацию.
: Facies articularis calcanea anterior et media: эти фации разделены только мелкой гранью.
Os metatarsale I (hallucis) dx: патологические изменения не прослежены.

Mt I	MtI 1	MtI 3
Dx	6,3	1,85

Пол (Pfitzner, 1899): MtI – M.
Рост: будет рассчитан после полного антропологического анализа, который включает измерение длинных костей конечностей. Необходимые данные приводятся в таблицах – см. выше.
Заключение: скелет мужчины в возрасте 20 – 30 лет (Adultus I), среднего телосложения со слабо выраженной мускулатурой.

Погребение 23. Состояние: очень плохо сохранившийся скелет взрослого человека, кости разрушены до кальция, реконструкция не возможна. Ориентировка – юго-запад – северо-восток, черепная коробка направлена на запад, лицо – на север. Руки перекрещены на тазе и слегка согнуты в локтях. Левая нога вытянута, правая согнута в колене, средняя часть голени повернута внутренней частью вниз.
: структура – очень грацильная. Большинство измерений были проведены на месте работ, нужно сделать скидку на то, что они могут отличаться от истинных. Некоторые измерения были сделаны после выемки костей из могилы и исправлены.
Череп: сохранились только несколько кусочков плоских костей, фрагмент левой части нижней челюсти и нескольких зубов.
Зубы:

Dx Отсутствующая челюсть I_2	I_2 C P? **Sin**
Отсутствующая челюсть	– (P_1) Ø Ø Ø

Кроме вышеупомянутых зубов, сохранились только несколько отдельных фрагментов корней. В правой части нижней челюстив место P_1 остался не занятый зубной alveolus, зуб утерян после смерти.
Кариес: наблюдение на имеющихся остатках зубов невозможны.
Зубной камень: нет

Гипоплазия: I_2 sin sup – неровная поверхность на facies vestibularis (ближе к корню).

Возраст: определение основано на стирании зубов (Lovejoy, 1985): P? sup: 40 – 50 лет и более (Maturus)

P? Sup очень сильно стерт, однако невозможно определить состояние его антагониста; не исключено, что стирание P? Sup могло бы быть еще больше в случае его присутствия.

:основанный на осмотре швов: (Linc, 1971): более 45 лет (Maturus)

: швы видимы, однако соединены.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): – 19: женщина

Многообразия: sutura lambdoidea (левая часть) – с зазубринами. Невозможно подтвердить или опровергнуть наличие ossicula suturarum.

Патология: на laminainterna около bregma (osfrontale + angulusfrontalisossisparietalissin) имеется место высоко организованных патологических изменений (на плоской поверхности заметны наросты размерами до 5 мм). Вероятно, они представляют собой почти излеченные следы кровотечения в области a. meningea media (см. фотографию). На других фрагментах плоских костей никакие изменения не обнаружены.

Посткраниальный скелет.

Измерения длинных костей, проведенные *in situ*

Кость	Размеры (см)				
Humerus dx	H1 ~ 30 ± 5 мм	H5 = 2,1	H6 = 1,7	H7a = 6,4	
Humerus sin	-	H5 = 1,9	H6 = 1,6	-	
Radius dx	-		-		
Radius sin	R4 = 1,65		R5 = 1,1		
Ulna dx	U1 ~ макс. 24	U11 = 1,2		U12 = 1,8	
Ulna sin	-	-		U12 = 1,8	
Femur dx	F6 ~ 2,7	F7 ~ 2,6	F8 ~ 7,4	F9 ~ 3,1	F10 = 2,55
Femur sin	F6 ~ 2,7	F7 ~ 2,8	F8 ~ 8,5	F9 ~ 3,2	F10 ~ 2,5
Tibia sin	T10b = 7,5				
Calcaneus dx	Ca1 ~ 6,4				
Talus dx	Ta1 ~ 6,2				

Index platymericus: dx = 82,26 – платимер

: sin = 78,13 –платимер

Humerus (H5, H6) (France, 1987): e+f = Ж

Radius sin (Iordanidis, 1961): R4, R5 – M

Ulna dx (Iordanidis, 1961): U11 – Ж; U12 – M

Femur (Černý, 1971; Černý – Komenda, 1980): F8 – И (различия измеренных величин правой и левой кости не позволяют сделать конкретные выводы).

Результаты несоразмеримы – по этим параметрам пол индивидуума неопределим.

Рост: измеренная общая длина скелета *in situ* – 157 см

: общая длина к предполагаемой ступне: прибл. 150 см

: расчетный рост на основе приблизительной длины H1 dx (д ~ 29,5 – 30,5 см)

Humerus dx	**Manouvrier (см)**			**Sjøvold (см)**		
Размеры	29,5	30,0	30,5	29,5	30,0	30,5
Расчет	153,6	154,8	156,2	155,3 ± 4,89	157,6 ± 4,89	159,9 ± 4,89
Категория	Средний	Средний	Надсредний (нижняя граница)	Средний (верхняя граница)	Надсредний	Высокий (нижняя граница)

Расчетный рост согласно двум методам приблизительно соотвествует длине скелета измеренного in situ. По методу Manouvrier'а индивидуум принадлежит категории средних и надсредних, по методу Sjøvold'а – к категориям средних (верхняя граница) и высоких (нижняя граница).

Заключение: женщина возрастом более чем 45 лет (Maturus).

Погребение 27. Погребение ребенка, лежавшего на правом боку и ориентированного по направлению З – В, головой на З. Верхние конечности вторично дислоцированны.

Череп.

Состояние: кости черепа хорошей сохранности, немного постмортально деформированы. Структура костей прочная.

Зубы

M1↓ **Dx** m_2 m_1 c – -	M_1↓ - – c m_1 m_2**Sin**
m_2 m_1 – – - M_1↑	- i_2 c – m_2 M_1↑

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: – : зубы, потерянные после смерти (постмортально).

: M_1↑ – все первые коренные зубы пока не прорезаны, замкнутые в альвеолах.

Кариес: нет.

Зубной камень: нет.

Гипоплазия: нет.

Возраст (Ubelaker, 1978): 2 года ± 8 месяцев (старше 2 лет, моложе 3 лет) ⇨ Infans Ib

Метрика: размеры смотри ниже в таблице.

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae: sin – 1 косточка (1,7 × 1,1 см).

: Foramen parietale: только dx.

: Incisura frontalis dx et sin.

: Foramen zygomaticofaciale accessorium – 2 отдельныеотверстия.

: незакрытый foramen Hushkae: dx = 2 × 1 мм, sin = 1 × 1 мм.

Патология: Os parietale sin – поблизости sutura squamosa отчётливые сосудистые отпечатки капиллярного характера.

: Os frontale – надглазницейна facies interna partis orbitalis вместах juga cerebralia находятсянежныепористыеапозиции.

: Os occipitale – в sulcus sinus transversus sin – нежныепористыеапозиции.

: Os temporale sin – навнутренней поверхности чешуи вов мятинах juga cerebralia и в sulcus sinus sigmoidei находятся нежные пористые апозиции.

Посткраниальный скелет

Верхние и нижние конечности.

Состояние: очень хорошая сохранность костей, структура прочная.

Метрика: размеры смотри ниже в таблице.

Возраст: на основе длины диафизов костей (смотри нижеследующую таблицу).

Кость	Размер	(Stloukal, Hanáková, 1978)	(Johnston, 1962)	Категория
Humerus sin	12,05 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib
Femur dx	15,55 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib
Femur sin	15,55 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib
Tibia dx	12,4 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib
Tibia sin	12,55 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib
Fibula dx et sin	12,1 см	24 – 30 месяцев	1,5 – 3,5 лет	Infans Ib

Патология:Humerus sin: очень пористая область crista tuberculi majoris et minoris и tuberositas deltoidea.

: пористая область по всей округе под проксимальным концом диафиза.

: Clavicula dx: на нижней стороне extremitas sternalis нежно пористая поверхность.

: Femur dx et sin: сильно пористая поверхность на проксимальной половине linea aspera включительно tuberositas glutea.

: Tibia dx et sin: пористая поверхность под проксимальным концом тела кости.

: Fibula dx et sin: сильно пористая поверхность на проксимальном и дистальном конце тела.

: Os ilium dx: нежно пористая поверхность на дорзальной стороне fossa iliaca и crista iliaca.

Позвонки, рёбра.

Состояние: очень хорошая сохранность костей, структура прочная.

Патология: costae sin: на двух местах внутренней стороны рёбер (смотри рисунок) находятся нежные пористые апозиции.

: Costae dx: Costa II – на внутренней стороне середины ребра – нежные пористые апозиции. У остальных рёбер одинаковые изменения по всей длине. ↳Доказательство повышенного кровоизлияния тканей в местах мышечных прикреплений или прогрессивного возрастания.

Примесь: кости взрослого индивида.

Метрические данные скелета ребенка (см)

Череп

Mandibula			
M65	7,9	Расстояние foramen mentale – кривая	3,9
M66	6,56	Расстояние foramen mentale – прямое	3,4
M69	2,2	Расстояние processus coronoidei	
M70 dx	3,3	M68	7,1
M70 sin	3,6	Расстояние M2 dx et sin – внутреннее	
M71 dx	2,2	Расстояние M2 dx et sin – внешнее	
M71 sin	2,3		
Остальные кости черепа			
M9	7,4	M28	11,4
M10	Деф.	M31	9,6
M26	11,3	M51 dx	2,8

M29	9,9	M51 sin	2,8
M27	11,2	M52 dx	
M30	10,2	M52 sin	
M47		M16	
Os occipitale: кратчайшая длина базы 1	1,7	Os temporale:	
Вершина – конец отверстия: dx	1,85		
Os occipitale: наибольшая длина базы – 2	2,45	Os temporale:	
Вершина – конец отверстия: sin	2,1		
Os occipitale: наибольшая ширинабазы – 3	2,55	Os temporale:	
Вершина – начало отверстия: dx	1,2		
Os occipitale: ширина задней кромки			
(у FM) – 4	1,75	Os temporale:	
Вершина – начало отверстия: sin	1,3		
Os occipitale: ширина передней кромки			
(у FM) – 5	1,6	Os temporale: Вершина – шов: dx	5,55
		Os temporale: Вершина –шов: sin	5,8

Кости таза

Кость	Dx	Sin
Os ilium – ширина (М – Л)	6,55	
Os ilium – длина (С – И)	5,9	
Os ilium – наибольшая ширина facies auricularis	2,4	
Os pubis – длина		
Os ischii – длина	3,8	3,7

Sacrum

Размер	S1	S2	S3	S4	S5
Высота тела позвонка	1,3		1,2	1,05	0,9
Расстояниевнешнихкромок processus articulares superiores	3,6				
Расстояниевнутреннихкромок processus articulares superiores	2,1				
М – Лширина facies terminalis superior					
А – Пширина facies terminalis superior					
Наибольшая ширина между facies auriculares					
Наибольшая ширина тела позвонка					

Верхняя конечность

Humerus	Dx	Sin	Humerus	Dx	Sin
Наибольшая длина		12,05	Ширина дистального метафиза		2,6
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)		2,3	Периметр середины		3,2
А – П ширина прокс. метафиза		1,8	Мин. диаметр середины (H6)		0,85
Ширина прокс. эпифиза			Макс. диаметр середины (H5)		1,1

Clavicula	Dx	Sin	Clavicula	Dx	Sin
Наибольшая длина	6,7		Макс. ширина extremitas acromialis		
Периметр середины	1,5		Макс. ширина extremitas sternalis	1,15	

Scapula	Dx	Sin	Scapula	Dx	Sin
Высота лопатки (М-Л)	4,6		Высота fovea glenoidalis	2,35	
Ширина лопатки (С-И)	6,25		Ширина fovea glenoidalis	1,3	
Длина spina scapulae	5,3				

Нижняя конечность

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина	15,55	15,55	М–Л ширина дистального метафиза	>3,6	3,65
Ширина прокс. метафиза (целая)	3,65	3,63	А–П ширина дистального метафиза	2,0	2,0
Ширина прокс. метафиза: caput М – Л	1,7	1,9	Ширина дистального эпифиза	3,2	3,15
Ширина прокс. метафиза: caput А – П	1,8	1,7	А – П диаметр середины	1,05	1,1

Наибольшая ширина прокс. эпифиза	1,8		М – Л диаметр середины	1,2	1,15
Периметр прокс. эпифиза	5,2		Периметр середины	3,7	3,6

Tibia	Dx	Sin	Tibia	Dx	Sin
Наибольшая длина	12,4	12,55	Периметр foramen nutricium	3,9	3,7
Ширина прокс. метафиза	3,0		А – Пширина foramen nutricium	1,3	1,2
Ширина прокс. эпифиза			М – Лширина foramen nutricium	1,2	1,1
А – П ширина дистального метафиза	1,95	1,9	Высота k foramen nutricium	3,5	4,15
М – Л ширина дистального метафиза		1,95	Периметр середины	3,3	3,1
Ширина дистального эпифиза (М – Л)					

Fibula	Dx	Sin	Fibula	Dx	Sin
Наибольшая длина		12,1	Наибольшая ширина дистального метафиза		1,1
Ширина прокс. метафиза		1,1	Наибольшая ширина дистального эпифиза		
Ширина прокс. эпифиза			Высота дистального эпифиза		
Периметр середины		1,8			

Заключение: детский скелет в возрасте 24 – 30 месяцев (Infans Ib).

Погребение 28. Некомплектный скелет взрослого человека, ориентированный вдоль оси З – В, головой на З. Скелет лица отсутствует. Индивидуум лежал на спине, правая рука направлена к тазу, левая не сохранилась.

Череп.

Состояние: сохранилось только несколько фрагментов плоских костей темени и затылка и один зуб. Очень сильная эрозия поверхности, структура костей непрочная, хрупкая, в месте прикосновения ломается и крошится.

Зубы: P_2 ? sin inf

Кариес: P_2 ? sin inf – большой кариес на границе коронки и шейки (3 × 4 мм).

Зубной камень: нет.

Гипоплазия: нельзя определить.

Возраст (Lovejoy, 1985): P inf: 35 – 40 лет (и больше)

↳ 30 – 50 лет (Adultus II – Maturus I)

(Linc, 1971): закрытые ⇨ более 45 лет

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -11 ⇨ Женщина

↳ Женская особь, много морфологических признаков отсутствует.

Многообразия: ossicula suturae lambdoideae dx – 1 косточка (1,7 × 0,7 см).

: Sutura mendosa dx над астерием (длина = 1,4 см).

Посткраниальный скелет.

Верхние конечности.

Состояние: кости в плохом состоянии и постмортально деформированные. Структура хрупкая, очень мягкая, в месте прикосновения ломается и крошится. Конституция костей мелкая со слабым развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Пол: Radius (Iordanidis, 1961): R5 – M; R4 – Ж

: Ulna (Iordanidis, 1961): U11, U12 – Ж

↳ Пол более-менее вписывается в признаки женского.

Патология: Radius dx – на margo interosseus над серединой кости находится гладкая возвышеная грань – место увеличенного растяжения мышцы.

Позвонки, рёбра.

Состояние: кости – плохой сохранности, структура хрупкая, кости ломаются и крошатся.

Патология: L3, L4, L5 – на правой верхней стороне тел отрастают остеофиты.

Кости таза и крестец.

Состояние: конституция костей очень мелкая со слабым развитием мышечного рельефа.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -23 ⇨Женщина

Нижние конечности.

Состояние: не очень хорошая сохранность, сильная эрозия поверхности, структура костей в месте разрушения хрупкая (ломается и крошится). Конституция костей очень мелкая со средним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 77,42 – платимер

: sin = 76,56 – платимер

: Index cnemicus: sin = 67,14 – месокнем

Пол: Femur (Černý, 1971): F6 – И; F1, F7, F8, F18, F19, F20 – Ж
(DiBennardo, Taylor, 1979): F1, F8, F7+8 – Ж
: Patella(Dofková, 1995): Ж
: Tibia (Leopoldet alii, 1986): T1, T3, T6 – Ж
(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 1, 2 – Ж
: Talus et calcaneus (Steele, 1976): 1, 3 – Ж
↳По всем использованным методам – женский.

Рост

Кость	Длина	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)	
H1 dx	-	-	-	-	-
H1 sin	-	-	-	-	-
R1 dx	-	-	-	-	-
R1 sin	-	-	-	-	-
U1 dx	-	-	-	-	-
U1 sin	-	-	-	-	-
F1 dx	36,2	-	-	143,96 ± 4,49	Малый
F1 sin	36,95	-	-	146,0 ± 4,49	Малый
F2 dx	36,0	138,0	Очень малый	140,88 ± 3,96	Малый
F2 sin	36,7	140,4	Малый	143,0 ± 3,96	Малый
T1 dx	-	-	-	-	-
T1 sin	29,9	144,1	Малый	145,71 ± 4,15	Малый
Fi1 dx	-	-	-	-	-
Fi1 sin	-	-	-	-	-

Исчисления по обоим методам показывают практически одинаковые итоги и соответствуют категории с малым ростом. По методу Manouvrier'а рост колеблется в диапазоне 140,0–146,1 см, по методу Sjøvold'а – 140,88–146,0 см.

Размеры посткраниального скелета (см).

Humerus			Radius			Ulna		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
H1			**R1**			**U1**		
H4			**R4**		1,45	**U3a**	4,1	
H5			**R5**		1,2	**U7**		
H6			**R5(3)**			**U11**	1,15	
H7			**R5(5)**		4,1	**U11a**	1,35	
H7a			**R5(6)**	2,9		**U12**	1,45	
H8			**Периметр tuber. radii**			**U12a**	2,1	
H9			**Макс. диаметр tub. radii**			**SBB U**		
H10			**SBB Ra**	2,7				
H11								
Femur			**Tibia**			**Fibula**		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
F1	36,2	36,95	**T1**		29,9	**Fi1**		
F2	36,0	36,7	**T3**		6,7	**Fi4**	4,4	4,4
F4	34,5	34,45	**T6**		4,0	**Fi4(2)**	2,2	
F6a	2,65	2,75	**T8a**	3,15	3,5			
F7a	2,45	2,6	**T9a**		2,35			

F8	8,0	8,3	**T10**	7,7	7,5	**Sacrum**		
F9	3,1	3,2	**T10a**		9,3	**Sa1**		
F10	2,4	2,45	**T10b**	7,0	7,1	**Sa2**		
F13	9,0	9,0	**T9a/T8a**		67,14	**Sa2a**		
F18	4,05	4,0				**Sa5**		
F19	4,0	3,9				**Sa6**		
F20	12,9	12,7				**Sa13a**	2,1	
F21						**Sa13b**	4,9	
F10/F9	77,42	76,56				**Sa14**		
						Sa18	~2,8	
						Sa18a	~4,8	
Talus			**Calcaneus**			**Sa19**	5,2	
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**	**Sa22**		
Ta1	4,5	4,45	**Ca1**	6,6	6,8			
Ta2	3,45	3,6	**Ca1a**	6,4	6,4	**Patella**		
Ta3a	2,8	2,8	**Ca2**		4,4		**Dx**	**Sin**
Ta4	3,15	3,1	**Ca4a**	3,8	3,7	**Pt1**	3,65	
Ta5	2,5	2,4				**Pt2**	4,1	4,05
Ta5(1)	1,7	1,8				**Pt3**	1,9	1,95
Ta10	2,7	2,8				**Pt4**	3,05	2,9
Ta13	2,9	3,0						

Заключение: очень мелкий скелет женщины в возрасте 30 – 50 лет (Adultus II – Maturus I).

Погребение 29. Скелет взрослого человека очень мелкойконституции,лежащий на спине. Ориентировка- ССЗ–ЮЮВ, головой на ССЗ. На основании позиции первого шейного позвонка первоначально голова была направлена прямо вперёд.

Кости сохранились очень хорошо, их структура прочная. In situлежала часть скелета только по крестец, кости нижней части скелета были обнаружены при расчистке ямы перекрывающей захоронение более позднего погребения 32. Нижние конечности раннего погребения мешали совершению нового, поэтому их передвинули к востоку.

Череп

Состояние: кости черепа очень хорошей сохранности со всеми морфологическими фигурами. Структура костей – прочная, не ломается и не крошится. Минимальное механическое повреждение. Конституция костей – очень мелкая с маленькими размерами.

Зубы

Dx M_3 M_2 M_1 – – C – -	- – C P_1 – M_1 M_2 M_3**Sin**
M_3 M_2 M_1 – – C I_2 I_1	I_1 I_2 C – – M_1 M_2 M_3

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: Ø: зубы потерянные перед смертью (премортально); – : зубы потерянные после смерти (постмортально).

Кариес: M_2 sin inf – большой кариес на букальной стороне коронки, 4 × 4 мм.

: M_2 dx inf – в середине жевательной поверхности, 2 × 3 мм.

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: не обнаружена.

Возраст (Lovejoy, 1985): Mandibula: 18 – 24 лет
: Maxilla: 18 – 24 лет } Juvenis – Adultus I

: M_3 dx sup не достиг жевательную плоскость.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -55 ⇨Женщина.

: Все морфологические признаки однозначно женские.

Многообразия: Os epiptericum sin et dx: sin –3 × 2 см, dx – 2,5 × 1,7 см.Контакт со всеми костями в окружении.

: Ossiculum incisurae parietalis: dx – 2 косточки: 1,2 × 1,7 см а 0,9 × 0,7 см. Sin – 1 малая косточка (0,5 × 0,4 см).

: Ossiculum suturae lambdoideae: dx – 2 косточки (0,3 × 1,4 см; 0,9 × 1,8 см). Sin – 1 косточка (0,3 × 0,8 см).

: Foramen parietale dx et sin.

: Incisura frontalis dx et sin (7 мм).

Патология: Cribra orbitalia: sin – больше, dx – меньше.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, их структура прочная, поверхность слабо поврежденная. Конституция костей очень мелкая со средним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Примечание: при зачистке скелета обнаружено приблизительно четырёхгранное отверстие на поверхности левой лопатки. Догадку археологов об искусственно пробитом железным гвоздём отверстии нельзя ни подтвердить ни опровергнуть. На кости вокруг отверстия видны свежие изломы.

Многообразия: Scapula dx – акромион не сросшийся, на левой стороне да.

Позвонки

Состояние: все позвонки очень хорошо сохранившиеся.

Возраст: у шейных и грудных позвонков полностью не приросли facies terminales.

: (McKern, Stewart, 1957): до 25 лет сростаются все.

: (Stewart, 1979): 20 – 25 лет.

: (Schartz, 1995): 20 – 25 лет.

Патология: спондилолиз L4 и L5, у L5 не сохранилась часть арки.

Рёбра

Состояние: очень хорошая сохранность.

Возраст: у некоторых рёбер не срослись эпифизы головки и бугорков. По методу (Schwartz, 1995) все они срастаются до 20 – 25 лет.

Грудина

Состояние: очень хорошая сохранность кости.

Многообразия: на теле кости находится отверстие (1 × 1 см) возникнувшее при неправильном сращивании sterneber. Его край – гладкий.

Кости таза и крестец

Состояние: очень хорошая сохранность костей, их конституция очень мелкая.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -32 ⇨Женщина

: все морфологические признаки однозначно женские.

Возраст: Facies symphysialis (McKern, Stewart, 1957): 18 – 19 лет (Juvenis – Adultus I)

: Crista iliaca пока ещё полностью не приросла

↳ 17 – 21 (25) лет

: Y-хрящ сросшийся ⇨теряется около 18 лет (у женщин около 16лет).

Нижние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, их структура прочная, поверхность слабо поврежденная. Конституция костей – очень мелкая со средним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 80,34 – платимер

: sin = 82,46 – платимер

: Index cnemicus: dx = 72,22 – эурикнем

: sin = 72,73 – эурикнем

Патология: Femur dx et sin – на задней стороне тела кости на tuberositas glutea созданы бугорки с нежно пористой поверхностью.

Многообразия: Femur dx et sin: fossa Alleni.

: trochanter tertius на facies posterior.

Размеры посткраниального скелета (см)

Humerus			Radius			Ulna		
H1	**28,0**	**28,4**	**R1**		**20,6**	**U1**	**20,3**	
H4	5,3	5,2	**R4**		1,4	**U3a**	3,8	4,1
H5	2,0	2,0	**R5**		1,0	**U7**	2,1	1,9
H6	1,55	1,55	**R5(3)**		5,9	**U11**	1,1	1,1
H7	5,3	5,4	**R5(5)**		3,7	**U11a**		
H7a	5,8	5,6	**R5(6)**		3,0	**U12**	1,4	1,4
H8	11,4	11,4	**Периметр tuber. radii**		4,8	**U12a**		
H9	3,5	3,55	**Макс. диаметр tub. radii**		1,7	**SBB U**		
H10	3,65	3,75	**SBB Ra**		2,7			
H11	3,75	3,85						
H11								

Femur			Tibia			Fibula		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
F1	38,8	38,4	**T1**	30,3	31,0	**Fi1**	30,4	30,5
F2	38,5	38,1	**T3**	6,2	6,05	**Fi4**	3,4	3,3
F4	36,2	36,2	**T6**	4,05	3,95	**Fi4(2)**	2,1	
F6a	2,2	2,2	**T8a**	2,7	2,75			
F7a	2,2	2,1	**T9a**	1,95	2,0			
F8	6,8	6,9	**T10**	6,7	6,7	**Sacrum**		
F9	2,85	2,8	**T10a**	7,2	7,4	**Sa1**		
F10	2,35	2,25	**T10b**	6,2	6,05	**Sa2**		
F13	7,95	8,25	**T9a/T8a**	72,22	72,73	**Sa2a**		
F18	3,95	3,95				**Sa5**		
F19	3,9	3,9				**Sa6**		
F20	12,3	12,5				**Sa13a**		
F21	6,7	6,7				**Sa13b**		
F10/F9	82,46	80,34				**Sa14**		
						Sa18		
						Sa18a		
Talus			**Calcaneus**			**Sa19**		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**	**Sa22**		
Ta1			**Ca1**	6,3	6,4			
Ta2			**Ca1a**	6,25	6,1	**Patella**		
Ta3a			**Ca2**	3,8	3,75		**Dx**	**Sin**
Ta4			**Ca4a**	4,5	4,1	**Pt1**		
Ta5						**Pt2**		
Ta5(1)						**Pt3**		
Ta10						**Pt4**		
Ta13								

Заключение: очень молодая, но полностью взрослая женщинав возрасте 20 – 24 лет (Adultus I) с очень мелкой конституцией скелета.

Погребение 30. Скелет несозревшего индивидуума, ориентированного вдоль оси ЮЮВ – ССЗ головой на ССЗ (она немного повернута на левую сторону). Индивидуум похоронен на спине, кости ног выглядят как вторично перемещенные.

Кости – относительно хорошей сохранности, из-за долгого препарирования начали последовательно раздробляться. Поврежденная поверхность ломается и крошится. Структура остальных костей – прочная.

Череп

Состояние: кости черепа – очень хорошей сохранности. Структура костей – прочная, не ломается и не крошится. Череп немного постмортально деформирован (от влажности и давления земли), некоторые из частей нельзя было укомплектовать.

Зубы: очень хорошей сохранности, к сожалению, много зубов постмортально потеряно.

Dx $M_3\downarrow$ M_2 M_1 P_2 P_1 C – -	- – – – P_2 M_1 M_2отсутс.**Sin**
$M_3\uparrow$ M_2 M_1 Ø P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 Ø M_1 M_2 $M_3\uparrow$

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: Ø : зубы, потерянные перед смертью (премортально); – : зубы, потерянные после смерти (постмортально).

: $M_3\uparrow$ – все третие коренные зубы ещё растут, в большинстве замкнуты в альвеолах.

: P_2 dx et sin inf отсутствуют – их альвеолы закрываются. Факт, что отсутствуют два симметрично расположенных зуба уже в таком юном возрасте, приводит к выводу, что оба зуба были удалены умышленно, не исключено, что по эстетическим причинам.

Кариес: нет.

Зубной камень: да, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: C dx sup.

Возраст: Synchondrosis sphenooccipitalis незакрыта.

`: швы открытые.

(Lovejoy, 1985): Mandibula: 16 – 20 лет

: Maxilla: 16 – 22 лет

Пол: искусственно деформированный череп⇨Женщина

(Acsádi, Nemeskéri, 1970): -53 ⇨Женщина

: все морфологические признаки однозначно женские, хотя индивидуум – не полностью взрослый.

Многообразия: Sutura metopica.

: Sulcus frontalis: sin – две паралеллные-борозды (4,5 см; 2,2 см).

: dx – две паралеллные борозды (3,0 см;5,5 см).

: Ossiculum epiptericum dx (1 × 0,3 см).

: Ossicula suturae sagittalis (1,3 × 1,0 см).

: Ossicula suturae lambdoideae: в sutura lambdoidea находится полоса шовных косточек, налево 10, направо 8. Размеры смотри в нижеследующей таблице.

Сторона	Левая (см)									
Кость	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Размер	0,85×0,3	2,3×085	1,45×0,5	1,2×0,6	0,65×0,15	2,2×2,6	1,6×1,3	0,9×0,3	1,1×0,4	1,7×2,5
Сторона	Правая (см)									
Кость	11	12	13	14	15	16	17	18		
Размер	0,6×0,3	0,75×0,5	1,9×0,4	1,2×0,3	1,2×0,6	1,1×0,5	1,9×1,2	1,3×0,4		

: Sutura mendosa (dx = 1,2 см; sin = 1,0 см).

: Bregma – в точке bregma видимая вмятина из norma lateralis (сбоку).

Искусственно деформированный череп (рис. 335; 336). Череп был в детстве искусственно деформирован (аймарский тип), вероятнее всего, двойным бандажом, шедшим от лобной кости к точке lambda и дальше ниже к os occipitale (смотри рисунок). На месте crista frontalis и eminentia cruciata кости полностью не сплющились из-за их мощной и прочной конституции.

Патология: на внутренней стороне ossa parietalia dx et sin: от a. meningea media выходят маленькие пауковидные сосудистые отпечатки капиллярного характера, причиненные повышенным давлением мягких мозговых тканей. Вокруг sutura sagittalis не найдены, это результат всё ещё растущего черепа.

:на внутренней стороне os frontale и в fossae cerebrales и в sulcus sinus transversus dx затылочной кости находятся сосудистые отпечатки капиллярного характера, на лобной кости – тоже повышеное количество отпечатков, образовавшихся в результате более сильного давления.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, структура прочная, их конституция очень мелкая.

Возраст: Humerus sin: d = 26,5 см

(Stloukal, Hanáková, 1978):> 14 лет

: на основе соединения диафизов и эпифизов (Schwartz, 1995; Stloukal et alii, 1999; Greulich, Pyle, 1959) был возраст уточнён до 16 – 17 лету левосторонних костей (Juvenis), и до 16 – 20 лет у правосторонних.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Патология: Humerus sin – на crista tuberculi minoris в нижней части в месте мышечных прикреплений находится пористая поверхность – кровоизлияние от перегрузки?

Позвонки, рёбра

Состояние: очень хорошая сохранность костей, структура прочная, только в месте прикосновения хрупкая. Очень мелкая конституция.

Возраст: Facies terminales полностью не приросли к телам позвонков. У поясничных позвонковначинается срастание.

Грудина

Состояние: сохранилась лишь одна sternebra.

Кости таза и крестец

Возраст: Ossa ilia не приросли к остальным костям.

: на основе соединениа диафизов и эпифизов (Schwartz, 1995; Stloukal et alii, 1999; Greulich, Pyle, 1959)можно определить возраст в рамках 14 – 25 лет.

Нижние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, структура прочная. Очень мелкая конституция.

Возраст: нет неприросших эпифизов. На основе соединения диафизов и эпифизов (Schwartz, 1995;Stloukal et alii, 1999; Stloukal, Hanáková, 1978; Greulich, Pyle 1959) можно определить возраст индивида на 15 – 16 лет (Juvenis).

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Размеры скелета (см)

Череп

Mandibula			
M65	11,6	Расстояние foramen mentale – кривая	*5,2*
M66	8,8	Расстояние foramen mentale – прямое	*4,4*
M69	2,55	Расстояние processus coronoidei	*9,1*
M70 dx	4,7	M68	*9,8*
M70 sin	4,95	Расстояние M2 dx et sin – внутреннее	*4,2*
M71 dx	3,25	Расстояние M2 dx et sin – внешнее	*5,8*
M71 sin	3,3		
Остальные кости черепа			
M9	9,3	M28	
M10	11,2	M31	
M26	11,3	M51 dx	
M29	10,7	M51 sin	
M27	11,5	M52 dx	
M30	9,75	M52 sin	
M47	9,85	M16	
Os occipitale: кратчайшая длина базы 1		Os temporale: Вершина – конец отверстия: dx	
Os occipitale: най-большая длина базы – 2		Os temporale:Вершина – конец отверстия: sin	
Os occipitale: найбольшая ширина базы – 3		Os temporale: Вершина – начало отверстия: dx	
Os occipitale: ширина задней кромки (у FM) – 4		Os temporale: Вершина – начало отверстия: sin	
Os occipitale: ширина передней кромки (у FM) – 5		Os temporale: Вершина – шов: dx	
		Os temporale: Вершина – шов: sin	

Кости таза

Кость	Dx	Sin
Os ilium – ширина (М – Л)	12,95	12,5
Os ilium – длина (С – И)	11,9	11,3
Os ilium – найбольшаяширина facies auricularis		
Os pubis – длина		
Os ischii – длина		

Sacrum

Размер	S1	S2	S3	S4	S5
Высота тела позвонка	2,6				
Расстояниевнешнихкромок processus articulares superiores	~5,3				
Расстояниевнутреннихкромок processus articulares superiores	2,9				
М – Лширина facies terminalis superior	5,2				
А – Пширина facies terminalis superior	2,9				
Наибольшая ширина между facies auriculares	9,8				
Наибольшая ширина тела позвонка	9,8				

Верхняя конечность

Humerus	Dx	Sin	Humerus	Dx	Sin
Наибольшая длина	27,0	26,5	Ширина дистального метафиза	*5,2*	*5,05*
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	3,92	3,75	Периметр середины	*5,8*	*5,6*
А – П ширина прокс. метафиза	3,7	3,36	Мин. диаметр середины (H6)	*1,45*	*1,41*
Ширина прокс. эпифиза	4,6	4,45	Макс. диаметр середины (H5)	*1,98*	*1,9*

Radius	Dx	Sin	Radius	Dx	Sin
Наибольшая длина			Макс. диаметр tub. radii	*1,45*	
Ширина прокс. метафиза	1,75		Ширина дистального метафиза		
Периметр прокс. метафиза	5,5		Ширина дистального эпифиза		
Периметр tuber. radii	4,6		Ширина прокс. эпифиза	*1,85*	

Ulna	Dx	Sin	Ulna	Dx	Sin
Наибольшая длина		22,0	Ширина дистального эпифиза		
Ширина прокс. метафиза	2,0	2,0	Глубина олекранона	1,5	1,5
Ширина дистального метафиза			Периметр середины	4,1	4,0

Clavicula	Dx	Sin	Clavicula	Dx	Sin
Наибольшая длина		11,7	Макс. ширина extremitas acromialis		~1,9
Периметр середины	3,1	3,0	Макс. ширина extremitas sternalis	2,0	1,85

Scapula	Dx	Sin	Scapula	Dx	Sin
Высота лопатки (М-Л)			Высота fovea glenoidalis	4,0	
Ширина лопатки (С-И)			Ширина fovea glenoidalis	2,5	2,35
Длина spina scapulae					

Нижняя конечность

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина			М–Л ширина дистального метафиза		6,6
Ширина прокс. метафиза (целая)	7,2		А–П ширина дистального метафиза		4,3
Ширина прокс. метафиза: caput М – Л			Ширина дистального эпифиза		
Ширина прокс. метафиза: caput А – П	~3,2		А – П диаметр середины	2,3	2,4
Наибольшая ширина прокс. эпифиза		4,05	М – Л диаметр середины	2,3	2,25
Периметр прокс. эпифиза			Периметр середины	7,2	7,4

Tibia	Dx	Sin	Tibia	Dx	Sin
Наибольшая длина	2,93	29,9	Периметр foramen nutricium	7,5	7,2
Ширина прокс. метафиза	5,65	5,8	А – Пширина foramen nutricium	2,6	2,7
Ширина прокс. эпифиза			М – Лширина foramen-nutricium	2,0	1,95
А – П ширина дистального метафиза	3,3	3,5	Высота k foramen nutricium	9,0	9,6
М – Л ширина дистального метафиза	3,95	3,7	Периметр середины	6,5	6,7
Ширина дистального эпифиза (М – Л)					

Fibula	Dx	Sin	Fibula	Dx	Sin
Наибольшая длина	28,1		Наибольшая ширина дистального метафиза	2,35	
Ширина прокс. метафиза	2,0	2,1	Наибольшая ширина дистального эпифиза		
Ширина прокс. эпифиза			Высота дистального эпифиза		
Периметр середины	3,6	3,6			
М – Л ширина дистального метафиза	3,95	3,7	Периметр середины	6,5	6,7
Ширина дистального эпифиза (М – Л)					

Заключение: не до конца сформировавшийся индивидуум женского пола в возрасте 16 – 20 лет (Juvenis – Adultus I) с искусственно деформированным черепом.

Погребение 31. Скелет молодого и очень грацильного индивидуума, похороненного на спине в большой яме, ориентированной вдоль оси В – З (головой на З). Верхние конечности лежат вдоль тела. Правую локтевую кость и одно ребро оттащили мелкие грызуны до области нижних конечностей.

Череп

Состояние: кости скелета – очень хорошей сохранности, поверхность разрушена с отслаиванием маленьких «чешуек». Внутренняя структура костей – прочная. Кости постмортально деформированы, полностью их реконструировать нельзя. Конституция костей очень мелкая со слабым развитием мышечного рельефа. Череп по размерам кажется малым.

Зубы

Dx M_3↓ M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 -	– I_2 C P_1 P_2 – M_2отсутс.**Sin**
x M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 x

Примечание: Ø : зубы, потерянные перед смертью (премортально); – : зубы, потерянные после смерти (постмортально).

x : зуб пока не прорезанный, замкнутый в альвеоле.

M_3↓ – третие коренные зубы пока не полностью прорезанные, большей частью замкнутые в альвеолах.

Кариес: нет.

Зубной камень: нет.

Гипоплазия: C dx sup, I_2 dx sup, C sin sup.

Возраст: Synchondrosis sphenooccipitalis полностью закрыта.

: швы открыты (Linc, 1971):< 20 лет

: зубы: (Lovejoy, 1985): Mandibula: 18 – 24 лет

: Maxilla: 18 – 22 лет, истирание передних зубов меньшее, дентин не обнажен.

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -45 ⇨Женщина

Многообразия: зубы: P_2 dx sup – вращение зуба. Facies anterior повернута в месиальном направлении.

: Ossiculum epiptericum: sin – 1,75 × 2,2 см, dx – нет.

: Incisura frontalis: sin = 3 мм.

: Incisura frontalis dx et incisura supratrochlearis.

: форма черепа сбоку (norma lateralis): в месте bregma находится впадина, как будто швы закрылись преждевременно. Сагиттальный шов уже полностью сросшийся.

Патология: Cribra orbitalia dx et sin – локализованы только в верхней части глазницы.

: по всем внутренним поверхностям костей находятся отчётливые отпечатки juga cerebralia.

Посткраниальный скелет

Остальные части скелета антропологически не осмотрены.

Заключение: останки индивида женского пола в возрасте 18 – 24 лет (Juvenis – Adultus I).

Погребение 39. Хорошо сохранившийся скелет взрослой женщины, ориентированный вдоль оси З – В, головой на З. Обе верхние конечности лежали вдоль тела, левая немного повернута и частично положена под тазовую кость. Голова лежит налево, у верхней челюсти нашлось дислоцированное ребро. В окружающих норах мелких грызунов можно было найти фаланги пальцев. Скелет антропологически не осмотрен.

Погребение 46. Очень плохо сохранившийся скелет маленького ребенка, ориентированный вдоль оси З – В, головой на З.Индивидуум лежал на левом боку. Нижние конечности сохранились до колен, область груди сильно вторично дислоцированна. Кости – очень фрагментарные, разломаны на маленькие куски.

Возраст: на основе предварительной оценки возраст ребенка немного больший, чем у захороненного в погребении 47. Скелет антропологически не осмотрен.

Погребение 47. Скелет маленького ребенка лежал в скорченном положении на правом боку, нижние конечности изогнуты в коленях. Ориентировка – по оси З – В, головой на восток. Кости сохранились очень плохо, череп сильно растрескался, посткраниальный скелет фрагментирован, кости грудной клетки и позвоночника совсем не сохранились.Скелет антропологически не осмотрен.

Погребение 68. Скелет взрослого индивидуума с массивной конституцией костей и со средним развитием мышечного рельефа.

Кариес: M_2 sin sup, M_3 sin sup, M_3 dx sup.

Возраст (Lovejoy, 1985): 35 – 45 лет (Adultus II – Maturus I)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): мужчина (с типично мужскими признаками)

Многообразия: Os epiptericum sin, ossicula suturae lambdoideae (2 кости).

Патология: на внутренней поверхности ossis frontalis – область над глазницами (более на правой стороне), внутренняя поверхность squamae ossis temporalis dx et sin, внутренняя поверхность ossium parietalim dx et sin (вокруг a. meningea media), внутренняя поверхность ossis occipitalis (fossae cerebellares) – хорошо организованные изменения пространного кровоизлияния.

Заключение: мужской скелет в возрасте 35 – 45 лет.

Погребение 69. Скелет взрослого индивидуума с мелкой конституцией костей и со слабым развитием мышечного рельефа.

Кариес: P_2 dx inf, M_1 dx inf, M_2 dx inf, M_3 dx inf, M_2 sin sup, P_2 sin sup, M_2 dx sup.

Патология зубов: P_2 dx inf, M_1 dx inf – вестибулярно открытый коренной абсцесс.

Возраст (Lovejoy, 1985): 30 – 35 лет (Adultus II)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): женщина (с типично женскими признаками)

Многообразия: Os epiptericum dx (1 кость) et sin (3 кости), ossicula suturae coronalis sin (2 кости), ossiculum incisurae parietalis dx (1 кость) et sin (2 кости), ossicula suturae lambdoideae dx (4 кости) et sin (13 костей), os asterii (1 кость), ossiculum suturae parietomastoideae sin (1 кость), ossiculum suturae squamosae (1 кость).

: Foramen supratrochleare humeri dx et sin.

Патология: в области ossa suturae lambdoideae sin – вмятина, вероятно, следы заживленной травмы?

Заключение: женщина в возрасте 30 – 35 лет.

Ксизово-17Б

Погребение 2. Состояние: скелет взрослого индивида очень хорошей сохранности. Конституция костей мелкая.

Череп

Зубы:

Dx M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 – M_1 M_2 M_3**Sin**
M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: на верхнем и нижнем резцовом зубе с правой стороны находится зарубка, образованная повторяющимся действием при частом держании конкретного предмета между противоположными зубами, см. ниже.

Кариес: нет.

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: C dx – C sin sup et inf, P_2 и P_1 dx et sin.

Возраст (Lovejoy, 1985): 16 – 20 лет (Juvenis)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -51 ⇨ Женщина (все наблюдаемые признаки типично женские).

Патология: на внутренней поверхности черепных костей видимые следы обширного кровоизлияния (sulcus sinus frontalis, sulcus sinus sagittalis sup., sulcus sinus transversi, sulcus sinus sigmoideus на os occipitale). На затылочной кости изменения хорошо организованны и имеют заметные знаки заживания, на лобной кости изменения глубже и менее организованны. Самое отчётливое проявление патологических изменений заметно на теменных костях (глубокие остеокластические вмятины).

: сосудистые отпечатки капиллярного характера (os frontale, ossa parietalia, os occipitale).

↳ Изменения указывают на длительное кровоизлияние из мозговых сосудов. Самое отчётливое и свежее (sulcus sinus sagittalis sup.) могло быть причиной смерти.

Особенности: зарубка на первых правых резцовых зубах (I1 dx sup et inf) углублена в месте их контакта. Речь идёт о искусственной абразии образованной между передними зубами продолжительным сжиманием очень тонкого предмета.

Прорезь нижнего резца – более узкая и крутая. Её ширина порядка – 1 мм и глубина 0,5 мм. Прорезь верхнего резца шире (порядка 1,5 мм) и глубже (0,75 мм), её форма – более закруглённая.

Не исключено, что следы оставлены музыкальным инструментом, который нужно сжимать зубами (типа варгана).

: монголоидные признаки не обнаружены.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: конституция костей мелкая со слабым развитием мышечного рельефа. Размеры см. в нижеследующих таблицах (см).

Humerus	H1	H4	H5	H6	H7
Dx	31,8	6,0	2,1	1,55	5,6
Sin	31,3	6,1	2,1	1,51	5,7

Humerus	H7a	H8	H9	H10	H11
Dx	5,9	12,5	3,95	4,1	4,05
Sin	5,9	12,7	3,98	4,15	4,1

Radius	R1	R4	R5	R5(3)	R5(5)
Dx	-	-	-	-	-
Sin	25,2	1,4	1,1	6,4	3,9

Radius	R5(6)	Периметр tuberositas radii	Макс. диаметр tub. radii	SBB Ra
Dx	3,22	-	-	-
Sin	3,22	4,9	1,7	-

Ulna	U1	U3a	U7	U11	U11a	U12	U12a
Dx	-	3,9	2,1	1,2	2,0	1,4	1,7
Sin	27,2	4,0	2,15	1,1	2,0	1,45	1,55

Humerus, ulna: видимая граница сростания эпифиза и тела кости.

Пол: по всем использованым методам – женский.

Патология: Humerus: на правой плечевой кости в месте crista tuberculi majoris et sulcus intertubercularis находится лигаментопатия.

Кости таза и крестец

Возраст: по разным методам приростания эпифизов: 16 – 20 лет (Juvenis – Adultus I)

Пол: (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -11 ⇨ Женщина

: причиной наблюдаемых мужских признаков, скорее всего, явилось ранее незавершённое развитие морфологии костей.

: зарегистрированы послеродовые изменения (sulcus preauricularis).

Нижние конечности: конституция костей – мелкая со слабым развитием мышечного рельефа. Границы сростания эпифиза и тела костей невидимы. Размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Femur	F1	F2	F4	F6	F6a	F7	F7a	F8
Dx	43,5	43,2	41,8	-	2,65	-	2,65	8,0
Sin	44,0	43,3	41,7	-	2,3	-	2,5	7,5

Femur	F9	F10	F13	F18	F19	F20	F21
Dx	3,18	2,25	9,2	4,5	4,5	14,8	7,6
Sin	3,1	2,34	9,65	4,4	4,4	14,0	7,6

Patella	Pt1	Pt2	Pt3	Pt4
Dx	4,0	4,3	1,85	3,0
Sin	3,95	4,2	1,9	3,2

Tibia	T1	T3	T6	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	37,6	7,2	4,55	2,85	2,0	6,7	7,7	6,2
Sin	37,2	7,2	4,7	2,73	2,0	6,3	7,4	6,3

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)
Dx	36,7	4,1	2,5
Sin	36,1	4,3	2,6

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4
Dx	5,0	3,9	3,1	3,05
Sin	4,95	3,8	3,0	2,9
Calcaneus	Ca1		Ca1a	
Dx	-	-	7,2	5,0
Sin	-	-	-	-

Talus	Ta5	Ta5(1)	Ta10	Ta13
Dx	~ 2,5	1,95	2,55	3,4
Sin	~ 2,5	1,85	2,7	3,1
Calcaneus	Ca2		Ca4a	
Dx	-	-	-	-
Sin	-	-	-	-

Пол: в соответствии с большинством использованых методов – женский.

Патология: на поверхности костей (femur, tibia, fibula) заметны неопределённые изменения.

Метод	Manouvrier (см)			Sjøvold (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	31,8	-	-	31,8	-	-
Расчёт	159,8	-	-	165,9 ± 4,89	-	-
Категория	Высокий	-	-	Высокий	-	-

Метод	Manouvrier (см)			Sjøvold (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	31,3	25,2	27,2	31,3	25,2	27,2
Расчёт	158,2	175,8	175,8	163,6 ± 4,89	169,9 ± 5,01	172,2 ± 4,97
Категория	Надсредний (верх. гран.)	Очень высокий	Очень высокий	Высокий	Очень высокий	Очень высокий

Метод	Manouvrier (см)			Sjøvold (см)			
Размер	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx	F1 dx	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	43,2	37,6	36,7	43,5	43,2	37,6	36,7
Расчёт	157,1	165,7	166,3	163,7 ± 4,49	162,6 ± 3,96	171,0 ± 4,15	168,1 ± 4,1
Категория	Надсредний	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий	Очень высокий	Очень высокий

Метод	Manouvrier (см)			Sjøvold (см)			
Размер	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin	F1 sin	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	43,3	37,2	36,1	44,0	43,3	37,2	36,1
Расчёт	157,3	164,3	163,8	165,1 ± 4,49	162,9 ± 3,96	166,7 ± 4,15	165,9
Категория	Надсредний	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий	Очень высокий	Высокий

Рост, рассчитанный на основе обоих методов, имеет очень похожие результаты. Они колеблются в пределах от надсреднего до очень высокого. По методу Manouvrier'a рост составляет 157,1 – 165,9 см, по методу Sjøvold'a -162,6 – 165,9 см.

Заключение: скелет женщины в возрасте 16 – 20 лет (Juvenis – Adultus I).

Погребение 3. Двойное погребение взрослого и ребенка, ориентированное по оси В – З (головой на З). Детский скелет сохранился более-менее целым и имеет обозначение «Скелет А». Из взрослого скелета сохранился только расположенный к югу череп – «Скелет Б».

Скелет А

Детский индивидуум расположен на спине с ногами, широко развернутыми в коленях. Голова повернута налево, но позиция первых двух позвонков покаывает, что череп первоначально лежал прямо. Вблизи ступни правой ноги нахо-

дятся дислоцированные длинные кости голени взрослого человека.

Состояние: скелет в почти комплектной сохранности, структура костей непрочная, хрупкая, при прикосновении они ломаются и крошатся.

Череп

Состояние: кости сильно фрагментированы и изрядно деформированы посмертно, что осложняет реконструкцию черепа.

Зубы

Dx M_3↓ M_2 M_1 – – – – отсутс.	P_2↓ M_3↓ Sin отсутс. M_1 M_2
M_2 M_1 – – C I_2 I_1 P_2↑	– – C – P_2 M_1 M_2 P_1↑

Примечание: зубы, намеченные вне основной строки, уже прорезаны, значит видимые.

Кариес: нет.

Зубной камень: нет.

Гипоплазия: I_2 dx inf; C dx inf; P_2, M_1, M_2 inf dx et sin; M_2 sup dx et sin.

Возраст: (Ubelaker, 1978): малые коренные зубы: 11 лет ± 30 месяцев

: коренные зубы: 12 – 15 лет ± 30 – 36 месяцев

↳ Infans II – Juvenis

Размеры см. в нижеследующей таблице (в см).

Mandibula			
M65	-	Расстояние foramen mentale – кривая	4,7
M66	9,6	Расстояние foramen mentale – прямое	4,21
M69	2,8	Расстояние processus coronoidei	-
M70 dx	-	M68	-
M70 sin	4,95	Расстояние M2 dx et sin – внутреннее	4,4
M71 dx	2,85	Расстояние M2 dx et sin – внешнее	6,0
M71 sin	3,04		
Остальные			
M9	-	M28	-
M10	-	M31	9,4
M26	13,2	M51 dx	3,7
M29	10,8	M51 sin	-
M27	12,6	M52 dx	3,1
M30	11,4	M52 sin	-
M47	~ 9,8		

Многообразия: Ossicula suturae lambdoideae dx et sin.

: Ossiculum suturae sagittalis или ossiculum lambdae.

: Ossiculum epiptericum spurium dx, sin – Ø.

Патология: Cribra orbitalia – слабые признаки.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: структура костей правой стороны – прочная, не ломается и не крошится. Кости левой стороны сохранились хуже, их поверхность нарушена в месте епифизов и метафизов. Размеры см. в нижеследующих таблицах.

Humerus	**Dx**	**Sin**	**Humerus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	22,5	22,0	**Ширина дистального метафиза**	4,6	-
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	3,3	3,32	**Периметр середины**	5,1	5,03
А – П ширина прокс. метафиза	-	-	**Мин. диаметр середины (H6)**	-	-
Ширина прокс. эпифиза	~ 3,6	-	**Макс. диаметр середины (H5)**	-	-

Radius	**Dx**	**Sin**	**Radius**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	16,9	16,8	**Макс. ширина tuberositas radii**	-	-
Ширина прокс. метафиза	1,53	1,6	**Ширина дистального метафиза**	2,2	-
Периметр прокс. метафиза	5,0	-	**Ширина дистального эпифиза**	2,4	2,38
Периметр tuberositas radii	3,9	4,1	**Ширина прокс. эпифиза**	1,5	~ 1,6

Ulna	**Dx**	**Sin**	**Ulna**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	18,7	18,6	**Ширина дисталь. эпифиза (макс.)**	1,35	1,35
Ширина прокс. метафиза	-	-	**Глубина olecranona**	2,5	2,4
Ширина дисталь. метафиза (макс.)	1,4	1,4	**Периметр середины**	-	-
Периметр tuberositas radii	3,9	4,1	**Ширина прокс. эпифиза**	1,5	~ 1,6

Размер		**Mc I**	**Mc II**	**Mc III**	**Mc IV**	**Mc V**
Наибольшая длина ossa metacarpi	**Dx**	3,13	4,8	4,5	3,85	3,6
	Sin	3,05	4,6	4,5	3,7	3,52

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Humerus dx et sin: 12 – 13 лет (11 – 14)
: Radius dx et sin: 12 лет (10 – 14)
: Ulna dx et sin: 12 – 13 лет (10 – 14)
} Infans II

Патология: Humerus dx et sin: лигаментопатияна crista tuberculi majoris et minoris.

Кости таза и крестец: размеры см. в нижеследующей таблице.

Кости таза	**Dx**	**Sin**
Os ilium – ширина (М – Л)	11,7	11,65
Os ilium – длина (С – И)	10,03	10,23

Os ilium – наибольшаяширина facies auricularis	4,76	-
Os pubis – длина	5,03	-
Os ischii – длина	6,67	6,57

Возраст (Florkowski, Kozlowski, 1994): Os ilium: 12 – 15 лет (Infans II – Juvenis)

: Os pubis: 9 – 12 лет (Infans II)

: Os ischii: 12 – 15 лет (Infans II – Juvenis)

Нижние конечности: сохранность костей-фрагментарная, структура костей – хрупкая, их поверхность ломается и крошится. Размеры см. в нижеследующих таблицах.

Femur	**Dx**	**Sin**	**Femur**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	31,6	31,7	М–Л ширина дистального метафиза	5,74	5,8
Ширина прокс. метафиза (целая)	5,95	5,95	А–П ширина дистального метафиза	3,75	3,45
Ширина прокс. метафиза: caput М – Л	3,2	3,2	Ширина дистального эпифиза	-	-
Ширина прокс. метафиза: caput А – П	3,4	3,45	А – П диаметр середины	2,0	2,1
Наибольшая ширина прокс. эпифиза	3,64	3,67	М – Л диаметр середины	1,8	1,87
Периметр прокс. эпифиза	11,5	11,4	Периметр середины	5,95	6,2

Tibia	**Dx**	**Sin**	**Tibia**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	25,9	-	Периметр foramen nutricium	7,3	7,2
Ширина прокс. метафиза	-	-	А – Пширина foramen nutricium	2,65	2,6
Ширина прокс. эпифиза	-	-	М – Лширина foramen nutricium	2,15	2,1
А – П ширина дистального метафиза	-	3,25	Высота k foramen nutricium	6,75	6,78
М – Л ширина дистального метафиза	-	-	Периметр середины	-	-
Ширина дистального эпифиза (М – Л)	4,1	-			

Fibula	**Dx**	**Sin**	**Fibula**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	25,0	25,0	Наибольшая ширина дистального метафиза	-	1,7
Ширина прокс. метафиза	1,6	-	Наибольшая ширина дистального эпифиза	-	~ 2
Ширина прокс. эпифиза	-	-	Высота дистального эпифиза	-	2,3
Периметр середины	3,0	3,2			

Talus	**Dx**	**Sin**	**Talus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	~ 4,61	4,98	М – Л ширина caput tali	2,4	2,3
Длина блока	2,9	2,7	С – И высота caput tali	1,9	1,8
Общая ширина	3,65	3,65	Длина facies posterior	3,05	-
Calcaneus	**Dx**	**Sin**	**Calcaneus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	5,95	6,1	Ширина sustentaculum tali (facies post.)	3,4	3,5
Физиологическая длина	5,55	5,7			

Patella	**Dx**	**Sin**	**Patella**	**Dx**	**Sin**
Высота	3,35	3,5	Толщина	1,4	1,35
Ширина	2,7	2,8	Высота суставной поверхности	2,2	2,35

Размер		**Mt I**	**Mt II**	**Mt III**	**Mt IV**	**Mt V**
Наибольшая длина ossa metatarsi	Dx	4,21	4,55	4,95	4,6	-
	Sin	4,3	4,7	5,05	4,62	> 4,3

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Femur: 13 лет (> 11 l лет)

: Tibia: 13 лет (> 11 лет) Infans II

: Fibula: 13 лет (> 11 лет)

} Infans II

Заключение: детский скелет в возрасте 11 – 13 лет (Infans II).

Скелет Б

Сохранился всего лишь череп с дислоцированной нижней челюстью. Предположительно этому же человеку принадлежат кости нижних конечностей (tibia, fibula).

Состояние: очень фрагментарно сохранились только череп и нижняя челюсть. Конституция костей средняя – массивная со средним развитием мышечного рельефа, структура костей местами сильно разрушена.

Зубы: потрескавшаяся зубная эмаль.

Dx M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C – -	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3 Sin
M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3

Кариес: M_2 sin sup.

Винный камень: имеется, но нельзя определить степень развития – содран.

Гипоплазия: I_1 a I_2 sin sup; C dx – C sin inf.

Возраст (Lovejoy, 1985): 20-24 лет (Adultus I)

Пол: (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -11 ⇨ Женщина

: правдоподобно, чтоособь – женская, хотя некоторые признаки кажутся мужскими (насо-орбитальный комплекс) или переходными.

Многообразия: Ossicula suturae lambdoideae dx.

: Ossiculum lambdae.

Патология: на внутренней поверхности затылочной кости в sulcus sinus transversi (dx et sin) и sulcus sinus sagittalis superioris заметны слабоорганизованные следы кровоизлияния. Такие же изменения есть на обеих височных костях в sulcus sinus sigmoideus dx et sin.

: мелкие сосудистые отпечатки капиллярного характера на внутренней поверхности os frontale и ossa parietalia.

↳ Общий образ соответствует повышенным кровоизлиянием из мозговых синусов.

Особенности: монголоидные признаки не обнаружены.

Посткраниальный скелет

Состояние: в распоряжении были только фрагменты правой большой и малой берцовых костей взрослого человека.

Заключение: скелет взрослого человека, вероятнее всего, женщины в возрасте 20 – 24 лет (Adultus I).

Погребение 4. Покойник был ориентирован в направлении СЗ – ЮВ, головой на СЗ и лежал в вытянутой позе на спине, левая рука чуть изогнута и направлена ладонью к тазовой зоне. Правая рука вытянута вдоль тела. Череп лежал на правом боку.

Состояние: практически комплектный скелет взрослого человека очень хорошей сохранности. Структура костей прочная, не ломается и не крошится. Конституция костей – средняя с отчётливым (у конечностей с очень отчётливым) развитием мышечного рельефа.

Череп

Зубы

Dx – M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	- I_2 C – – M_1 Ø M_3 Sin
M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3

Примечание: Ø – зуб выпал перед смертью.

Кариес: M_2 dx sup, M_3 sin sup.

Зубной камень: сильно сформированный (III-IV степень развития), местами содран.

Гипоплазия: нет.

Возраст: абразия зубов (Lovejoy, 1985): mandibula: 40 – 45 лет

: maxilla: 30 – 40 лет

: закрывание швов (Linc, 1971): 35-40 лет

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 5 ⇨ Мужчина

: морфологические признаки, обусловленные развитием мышечного рельефа, проявляются незаметно и выглядят, ка женские. Остальным свойственен мужской характер.

Многообразия: Ossiculum incisurae parietalis dx.

: Foramina zygomatico-facialia accessoria.

Особенности: монголоидные признаки очень нечёткие, макс. допустима слабая примесь (слабые shovel shaped incisors, ротация I_1 sup).

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: размеры смотри в нижеследующих таблицах (в см).

Humerus	H1	H4	H5	H6	H7
Dx	33,35	6,5	2,38	1,8	6,7
Sin	32,75	6,63	2,3	1,74	6,4

Humerus	H7a	H8	H9	H10	H11
Dx	6,7	14,7	4,5	4,9	4,9
Sin	6,5	14,2	-	4,75	4,9

Radius	R1	R4	R5	R5(3)	R5(5)
Dx	24,5	1,7	1,26	~ 7,75	4,5
Sin	24,5	1,66	1,2	7,8	4,3

Radius	R5(6)	Периметр tuberositas radii	Макс. диаметр tub. radii	SBB Ra
Dx	3,6	5,5	1,98	3,3
Sin	3,32	5,6	1,98	3,1

Ulna	U1	U3a	U7	U11	U11a
Dx	26,3	4,9	2,35	1,4	1,7
Sin	26,2	4,6	2,2	1,6	1,8

Ulna	U12	U12a	Макс. диаметр tub. radii	SBB Ra
Dx	1,7	1,85	1,98	3,3
Sin	1,45	1,7	1,98	3,1

Пол: по всем использованым методам – мужской.

Патология: вокруг почти всех суставных поверхностей заметны патологические канты артроза (foveae glenoidales, trochlea humeri, caput humeri, circumferentia articularis radii).

: правая ключица – короче левой и более толстая, у её extremitas acromialis абнормальное морфологическое моделирование, что может быть последствием пост-травматического ремоделирования или изменения формы в связи с артрозом.

Позвонки: патология: остеофиты у грудных позвонков (Th7, Th9 – Th12).

: спондилолиз 5. поясничного позвонка (L5) – интраартикулярная, двусторонняя. Явление объясняют либо как врождённую аномалию, либо как «усталостный» перелом в самой нагруженной зоне поясничной части позвоночника.

Кости таза и крестец

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 36 ⇨ Однозначно мужской таз

Возраст (McKern, Stewart, 1957): 44 – 50 лет (Maturus I)

Патология: вокруг facies lunata патологические канты артроза.

Нижние конечности: размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Femur	F1	F2	F4	F6	F6a	F7	F7a	F8
Dx	46,1	45,7	42,5	3,03	3,0	2,85	2,74	9,0
Sin	45,3	45,2	42,4	3,2	3,1	2,8	2,7	9,1

Femur	F9	F10	F13	F18	F19	F20	F21
Dx	3,0	2,77	10,4	4,9	5,0	16,0	8,35
Sin	3,1	2,84	10,5	4,9	5,0	15,7	8,3

Tibia	T1	T3	T6	T8a
Dx	35,0	~ 7,7	~ 5,0	3,3
Sin	35,2	8,0	~ 5,0	3,0

Tibia	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	2,75	8,4	9,2	7,4
Sin	2,4	8,4	9,0	7,4

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)	T10b
Dx	35,1	4,3	~ 2,75	7,4
Sin	~ 35,0	4,2	2,8	7,4

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4
Dx	5,7	4,35	3,7	3,72
Sin	5,7	4,5	3,75	3,95
Calcaneus	Ca1		Ca1a	
Dx	8,05		7,7	
Sin	8,0		7,75	

Talus	Ta5	Ta5(1)	Ta10	Ta13
Dx	3,2	2,3	2,78	3,55
Sin	3,15	~ 2,4	2,9	3,65
Calcaneus	Ca2		Ca4a	
Dx	4,4		5,4	
Sin	4,6		5,45	

Пол: по всем использованым методам – мужской.

Патология: вокруг почти всех суставных поверхностей – патологические канты артроза (condyli femoris – медияльно, tibia dx et sin, talus et calcaneus dx et sin).

: на правой большеберцовой кости в месте tuberositas tibie находится остаток горизонтально ориентированной заживлённой резаной раны щелевидного характера. Её длина 4 – 5 см (фото). Правый надколенник не сохранился, поэтому нельзя определить последствия травмы на характер движения индивидуума.

Рост

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	33,35	24,5	26,3
Вычисление	166,5	166,0	166,3
Категория	Надсредний (ниж. гран.)	Средний (верх. граница)	Средний (верх. граница)

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	33,35	24,5	26,3
Вычисление	173,1± 4,89	167,3 ± 5,01	168,1 ± 4,97
Категория	Высокий	Надсредний	Надсредний

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	32,75	24,5	26,2
Вычисление	165,1	166,0	166,0
Категория	Средний	Средний (верх. граница)	Средний (верх. граница)

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	32,75	24,5	26,2
Вычисление	170,3 ± 4,89	167,3 ± 5,01	167,6 ± 4,97
Категория	Высокий	Надсредний	Надсредний

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	45,7	35,0	35,1
Вычисление	166,5	161,6	162,2
Категория	Надсредний (ниж.гран.)	Подсредний	Подсредний

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 dx	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	46,1	45,7	35,0	35,1
Вычисление	170,8 ± 4,49	170,1 ± 3,96	162,5 ± 4,15	162,3 ± 4,1
Категория	Высокий	Высокий	Подсред-ний	Подсред-ний

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	45,2	35,2	~ 35,0
Вычисление	165,8	161,9	-
Категория	Средний	Подсредний	-

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 sin	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	45,3	45,2	35,2	~ 35,0
Вычисление	168,6 ± 4,49	168,6 ± 3,96	163,1 ± 4,15	-
Категория	Надсред-ний	Надсред-ний	Подсред-ний	-

Если будем принимать в расчёт только результаты измерения костей с самым большим показывающим значением, можно заключить, что по методу Manouvrier'a рост был 165,1 – 166,5 см (категория среднего и надсреднего роста). Итогы по методу Sjøvold'a выше, то есть в пределах от

168,6 – 173,1 см (категория надсреднего и высокого роста).

Заключение: мужчина в возрасте 30 – 50 лет (Adultus II – Maturus I) страдавший артрозом и с зажившей резаной раной на правой большой берцовой кости.

Погребение 5. Глубокая могила взрослого человека, ориентированная вдоль оси СВ – ЮЗ, покойник лежал головой на ЮЗ на спине с руками вдоль тела.

Состояние: скелет плохой сохранности. Лежавшая ниже левая половина тела сохранилась только как тень. Структура левосторонних костей хрупкая, очень мягкая, в месте прикосновения кости ломаются и крошатся. Скелет лица совсем отсутствует.

Ребра на правой стороне подведены латерально от поясничной части позвоночника, их местоположение кажется вторичным. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 6. Могила взрослого человека, ориентирована вдоль оси В – З, головой на В. Индивидуум лежал на спине с руками вдоль тела, левая чуть отклонена к тазу. Целая правая верхняя конечность перевернута дорзальной (нижней) поверхностью вверх. Предплечье не только в пронации, но лежит перевернуто задней стенкой кости наверх. Позиция лопатки нормальная, ключица отсутствует. Причина такого положения заключается, вероятно, в стремлении втиснуть мёртвого в узкую погребальную яму.

Состояние: скелет относительно хорошей сохранности, череп развалился после снятия.

Посткраниальный скелет

Состояние: кости – очень хорошей сохранности со слабой эрозией поверхности.Структура костей прочная, не ломается и не крошится. Конституция костей мелкая со средним развитием мышечного рельефа.

Верхние конечности

Примечание: на локтевой и лучевой кости обеих сторон видна зелёная патина.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Пол: Humerus: (Černý, 1971): H1, H8, H9, H10 – Ж; H7 – И>Ж

(France, 1987): H4, H5+6, H9, H10, H9+10, H11 – Ж

: Radius (Iordanidis, 1961): R1, R5 – Ж; R4 – М

: Ulna: (Iordanidis, 1961): U1 – Ж; U11 – И<Ж; U12 – И

↳ Пол в большинстве использованых методах – женский.

Нижние конечности

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 77,61 – платимер

: sin = 81,25– платимер

: Index cnemicus: dx = 70,0 – эурикнем

: sin = 65,57 – месокнем

Пол: Femur (Černý, 1971): F1, F6, F18, F19, F20 – Ж; F7 – М; F8 – И

(DiBennardo,Taylor, 1979): F1, F8, F7+8 – Ж

(Černý, Komenda, 1980): F1, F18, F19, F2+8+19 – Ж

: Patella (Dofková, 1995): И

: Tibia (Leopold et alii, 1986): T1, T3, T6 – Ж

(Steel, 1962): Ж

(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 1, 2, 8 – Ж

: Fibula: (Leopold et alii, 1986): Fi1 – Ж

: Talus et calcaneus (Steele, 1976): 1, 3 – Ж

↳ По всем использованым методам – женский.

Многообразия: Femur dx et sin: fossa Alleni.

Рост

Кость	Длина	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)	
H1 dx	29,3	153,1	Средний (нижн. гран.)	154,37 ± 4,89	Средний
H1 sin	29,15	152,9	Средний (нижн. гран.)	153,67 ± 4,89	Средний
R1 dx	21,8	155,5	Надсредний (нижн. гран.)	157,1 ± 5,01	Надсредний
R1 sin	21,6	154,8	Средний	156,38 ± 5,01	Надсредний
U1 dx	23,7	156,2	Надсредний (нижн. гран.)	156,09 ± 4,97	Надсредний
U1 sin	23,3	154,8	Средний	154,24 ± 4,97	Средний
F1 dx	40,9	-	-	156,7 ± 4,49	Надсредний
F1 sin	41,0	-	-	156,97 ± 4,49	Надсредний
F2 dx	40,7	152,5	Средний (нижн. гран.)	155,03 ± 3,96	Средний
F2 sin	40,8	152,7	Средний (нижн. гран.)	155,33 ± 3,96	Средний
T1 dx	33,8	154,8	Средний	158,54 ± 4,15	Высокий (нижн. гран.)
T1 sin	33,3	153,8	Средний	156,9 ± 4,15	Надсредний
Fi1 dx	33,7	155,7	Надсредний (нижн. гран.)	157,29 ± 4,1	Надсредний
Fi1 sin	32,7	153,3	Средний	153,7 ± 4,1	Средний

Рост, рассчитанный на основе метода Manouvrier'а, соответствует средней и надсредней категории (152,5 – 156,2 см). По методу Sjøvold'а результаты подпадают под категорию среднего – высокого роста (153,7 – 158,5 см).

Размеры посткраниального скелета (см)

Humerus			Radius			Ulna		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
H1	29,3	29,15	**R1**	21,8	21,6	**U1**	23,7	23,3
H4	5,9	5,9	**R4**	1,6	1,5	**U3a**	4,3	4,0
H5	2,2	2,25	**R5**	1,0	1,0	**U7**	2,3	2,2
H6	1,6	1,55	**R5(3)**	6,3	6,4	**U11**	1,2	1,15
H7	5,7	5,9	**R5(5)**	4,3	4,0	**U11a**	1,5	1,3
H7a	6,4	6,5	**R5(6)**	3,1	3,15	**U12**	1,55	1,5
H8	12,5	12,2	**Периметр tuber. radii**	5,1	5,1	**U12a**	1,8	1,65
H9	3,8	3,8	**Макс. диаметр tub. radii**	1,7	1,7	**SBB U**		
H10	4,1	4,1	**SBB Ra**	2,95	2,9			
H11	4,1	4,25						

Femur			Tibia			Fibula		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
F1	40,9	41,0	**T1**	33,8	33,3	**Fi1**	33,7	32,7
F2	40,7	40,8	**T3**	6,7	6,8	**Fi4**	4,0	3,9
F4	38,8	38,9	**T6**	4,5	4,4	**Fi4(2)**	2,35	2,3
F6a	2,5	2,5	**T8a**	3,0	3,05			
F7a	2,85	2,85	**T9a**	2,1	2,0			
F8	8,3	8,4	**T10**	7,1	7,1	**Sacrum**		
F9	3,35	3,2	**T10a**	8,0	7,9	**Sa1**		1,65
F10	2,6	2,6	**T10b**	7,1	6,8	**Sa2**		
F13	9,85	9,8	**T9a/T8a**	70,0	65,57	Sa2a		
F18	4,2	4,28				Sa5		
F19	4,2	4,22				Sa6		
F20	13,2	13,5				Sa13a		
F21	7,05	7,2				Sa13b		
F10/F9	77,61	81,25				Sa14		
						Sa18		
						Sa18a		
Talus			**Calcaneus**			Sa19		
	Dx	Sin		Dx	Sin	Sa22		
Ta1		5,1	**Ca1**	8,05	8,0			
Ta2		3,8	**Ca1a**	7,5	7,8	Patella		
Ta3a		3,2	**Ca2**	4,7	4,7		Dx	Sin
Ta4		3,0	**Ca4a**	4,0	4,05	Pt1	3,85	
Ta5		2,9				Pt2	4,0	
Ta5(1)		1,9				Pt3	2,0	
Ta10		3,0				Pt4	3,3	
Ta13		3,2						

Заключение: скелет взрослой женщины.

Погребение 7. Хорошо сохранившийся детский скелет, ориентированный в направлении СЗ – ЮВ, головой на СЗ. Ребенок лежал на спине с правой рукой на тазе, левая вытянута вдоль тела.Состояние: хорошая сохранность костей скелета, их структура прочная, эрозия минимальная, кости не ломаются и не крошатся. Поверхность всех костей скелета покрыта отслаивающимся налётом песка.

Череп

Состояние: кости черепной базы и лица сильно фрагментированы и постмортально деформированы.

Зубы

Dx M_2↓ P_2↓ P_1↓ C↓ M_1 m_2 m_1 c – -	C↓ P_1↓ M_2↓ Sin I_1 I_2↓ c m_1 m_2 M_1
M_1 m_2 m_1 c I_2↑ I_1 M_2↑	I_1 I_2↑ c m_1 m_2 M_1 M_2↑

Примечание: зубы, намеченные вне основной строки (M_2 dx et sin, sup et inf; P_1 a P_2 dx et sin, sup et inf; C dx et sin sup), до сих пор не прорезались, значит замкнуты в альвеолах.

Кариес: M_1 dx inf, m_2 sin inf, c sin infetsup.

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: c sin inf.

Возраст (Ubelaker,1978): 8 лет ± 24 месяцев (Infans II).

Размеры см. в нижеследующей таблице (в см).

Mandibula			
M65	9,75	Расстояние foramen mentale – кривая	4,9
M66	8,5	Расстояние foramen mentale – прямое	4,21
M69	2,55	Расстояние processus coronoidei	8,4
M70 dx	-	M68	8,55
M70 sin	4,7	Расстояние M1 dx et sin – внутреннее	3,66
M71 dx	2,85	Расстояние M1 dx et sin – внешнее	5,4
M71 sin	2,85		
Остальные кости черепа			
M9	8,8	M28	-
M10	10,7	M31	-
M26	12,9	M51 dx	-
M29	10,4	M51 sin	-
M27	12,9	M52 dx	-
M30	11,25	M52 sin	-
M47	-	M16	-
Os occipitale: мин. длина базы (в седле) – 1	2,25	Пирамида dx: apex – окончание отверстия	2,3

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae dx.

Патология: очень слабые cribra orbitalia в середине верхней стенки глазницы.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: сохранность костей очень хорошая, структура прочная, но эпифизы отсутствуют. Размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Humerus	**Dx**	**Sin**	**Humerus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	20,5	20,5	**Ширина дистального метафиза**	3,7	3,7
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	2,9	2,91	**Периметр середины**	4,2	4,2
А – П ширина прокс. метафиза	2,8	2,68	**Мин. диаметр середины (H6)**	1,14	1,1
Ширина прокс. эпифиза	-	-	**Макс. диаметр середины (H5)**	1,4	1,44

Radius	**Dx**	**Sin**	**Radius**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	14,65	14,55	**Макс. ширина tuberositas radii**	1,07	1,08
Ширина прокс. метафиза	1,36	1,3	**Ширина дистального метафиза**	1,9	1,8
Периметр прокс. метафиза	4,2	4,1	**Ширина дистального эпифиза**	-	-
Периметр tuberositas radii	3,3	3,2	**Ширина прокс. эпифиза**	-	-

Ulna	**Dx**	**Sin**	**Ulna**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	16,4	16,15	**Ширина дисталь. эпифиза (макс.)**	-	-
Ширина прокс. метафиза	1,25	1,3	**Глубина olecranona**	1,3	1,2
Ширина дисталь. метафиза (макс.)	1,2	-	**Периметр середины**	2,9	2,8

Scapula	**Dx**	**Sin**	**Scapula**	**Dx**	**Sin**
Высота лопатки	-	-	**Высота fovea glenoidalis**	3,55	3,55
Ширина лопатки	-	-	**Ширина fovea glenoidalis**	1,8	1,8
Длина spina scapulae	-	-			

Clavicula	**Dx**	**Sin**	**Clavicula**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	9,5	-	**Макс. ширина extremitas acromialis**	~ 1,45	-
Периметр середины	2,0	-	**Макс. ширина extremitas sternalis**	1,65	-

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Humerus dx et sin: 10 лет (8 – 12 лет)
: Radius dx et sin: 9 лет (7-9 лет)
: Ulna dx: 9 лет (7 – 10 лет)
: Ulna sin: 8 – 9 лет (7 – 9 лет)
} Infans II

Патология: в месте присоединения lig. costoclaviculare находится лигаментопатия.

Позвонки: многообразия: C4 – foramen transversarium bipartitum sin.

Кости таза и крестец: размеры см. в нижеследующей таблице (в см).

Кости таза	Dx	Sin
Os ilium – ширина (М – Л)	9,9	9,9
Os ilium – длина (С – И)	9,2	9,2
Os ilium – наибольшаяширина facies auricularis	-	-
Os pubis – длина	-	-
Os ischii – длина	5,8	5,68

Возраст (Florkowski, Kozlowski, 1994): Os ilium – ширина: 6 – 12 лет
: Os ilium – длина: 9-2 лет
Infans II
: Os ischii: 9-12 лет
} Infans II

Нижние конечности: размеры см. в нижеследующих таблицах.

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина	27,7	28,0	**М–Л ширина дистального метафиза**	-	5,4
Ширина прокс. метафиза (целая)	5,3	5,2	**А–П ширина дистального метафиза**	-	-
Ширина прокс. метафиза: caput М – Л	2,6	2,65	**Ширина дистального эпифиза**	-	5,3
Ширина прокс. метафиза: caput А – П	-	-	**А – П диаметр середины**	1,6	1,65
Наибольшая ширина прокс. эпифиза	-	2,9	**М – Л диаметр середины**	1,7	1,68
Периметр прокс. эпифиза	-	9,0	**Периметр середины**	5,2	5,2

Tibia	Dx	Sin	Tibia	Dx	Sin
Наибольшая длина	23,0	23,0	**Периметр foramen nutricium**	6,5	6,3
Ширина прокс. метафиза	4,4	4,35	**А – Пширина foramen nutricium**	2,3	2,3
Ширина прокс. эпифиза	4,5	4,58	**М – Лширина foramen nutricium**	1,7	1,73
А – П ширина дистального метафиза	2,65	2,55	**Высота k foramen nutricium**	5,05	6,55
М – Л ширина дистального метафиза	3,2	-	**Периметр середины**	5,7	5,7
Ширина дистального эпифиза (М – Л)	-	3,3			

Fibula	Dx	Sin	Fibula	Dx	Sin
Наибольшая длина	-	22,2	**Наибольшая ширина дистального метафиза**	-	1,58
Ширина прокс. метафиза	-	-	**Наибольшая ширина дистального эпифиза**	-	-
Ширина прокс. эпифиза	-	-	**Высота дистального эпифиза**	-	-
Периметр середины	-	2,8			

Talus	Dx	Sin	Talus	Dx	Sin
Наибольшая длина	3,6	3,6	**М – Лширина caput tali**	2,4	2,43
Длина блока	1,98	1,95	**С – И высота caput tali**	1,8	1,75
Общая ширина	2,65	2,8	**Длина facies posterior**	-	-
Calcaneus	**Dx**	**Sin**	**Calcaneus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	-	4,9	Ширина sustentaculum tali (facies post.)		2,55
Физиологическая длина	-	4,8			

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Femur dx et sin: 9 – 10 лет
: Tibia dx et sin: 11 лет (9 – 13 лет)
: Fibula sin: 10 let (8 – 11 лет)

Примесь: середина тела tibie несозревшего индивида (Infans II – Juvenis).

Заключение: детский скелет в возрасте 8 лет ± 24 месяцев – по зубам (Infans II).

Погребение 8. Похороненный взрослый человек был ориентирован по оси СЗ – ЮВ, головой на СЗ. Он лежал выпрямленным на спине, голова повернута на правый бок, руки перекрещены на животе. Кости правого и левого предплечья лежат параллельно. Обе верхние конечности вывернуты в плечевом суставе более медиально, что, скорее всего, соответствовало укладке тела в узкое пространство, которое, с учётом разжима костей таза и стоп, было полым.

Состояние: кости скелета очень хорошо сохранились, конституция костей средняя – массивная. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 9. Взрослый человек похоронен в вытянутом положении на спине с руками вдоль тела, ладонями вверх. Погребение ориентировано в направлении ЮЗ – СВ, голова на СВ, лицо чуть наклонено направо. Состояние: скелет очень плохой сохранности, структура костей

хрупкая, очень мягкая, в месте прикосновения они ломаются и крошатся. Череп сильно фрагментарный. По предварительному осмотру скелет был мужским. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 10. Скелет взрослого человека ориентированный по оси ЮВ – СЗ (головой на СЗ), лежал на спине, правая рука изогнута в локте и положена на таз, левая лежит вдоль тела. Позвоночник индивидуума несколько наклонен налево, голова лежала на левой щеке.Состояние: хорошо сохранившийся скелет, структура костей прочная.

Череп: конституция костей – очень массивная с интенсивным («могучим») развитием мышечного рельефа.

Зубы

Dx x M_2 M_1 P_2 – C – I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 ? Sin
- M_2 M_1 – – C I_2 -	– I_2 C – P_2 M_1 M_2 M_3

Примечание: × – зуб не прорезан или не создан.

? – Вероятно патологически создана яма, в каторую никак не может поместиться третий коренной зуб (M_3 sin sup), относящаяся к соседним патологически немного измененным альвеолам (для M_1 и M_2).

I_1 dx et sin sup, I_2 sin sup – shovel shaped.

Кариес: M_1 sin sup, M_2 sin sup, M_3 sin inf.

Зубной камень: есть, но нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: I_2 dx et sin sup; C dx inf – C sin inf.

Возраст (Lovejoy, 1985): Maxilla: 40 – 50 лет
: Mandibula: 40 – 45 лет
: Абразия зубов местами весьма нерегулярна.
(Linc, 1971): выше 60 лет
(Hunger, Leopold, 1978): 48 – 68 лет
} Maturus I

↳ Выше 40 лет (40 – 60 лет) ⇨ Maturus I – Maturus II

Пол(Acsádi, Nemeskéri, 1970): 50 ⇨ Мужчина (все наблюдаемые признаки свойственны мужчине и чрезвычайно массивные).

Патология: верхняя челюсть sin: воспаление в альвеолах M_1 и M_2, которое послужило причиной расшатывания зубов и их последующего движения в альвеолах. Альвеолы с сильно пористой структурой поверхности, щечно (букально) разомкнуты (покоробившаяся перегородка, утечка гноя).

: верхняя челюсть dx: У коренья M_1 разомкнутая перегородка (свищ?).

↳ Гнойный абсцесс с утечкой гноя в преддверие рта.

: верхняя челюсть dx: M_3 – буквально находится покоробившаяся перегородка и слабые следы воспаления. Зуб не сохранился.

Многообразия: Sulcus frontalis dx.

: аномальная форма височных костей – не создана incisura parietalis, верхний край (margo parietalis) прямо переходит в pars mastoidea.

Особенности: на плоских костях черепа заметна идущая в направлении спереди назад очень симметрическая костная кромка. Начинается в передней части на поверхности лобной кости чуть медиально от linea temporalis inferior (нижней высочной линии), продолжается через обе теменные кости назад и исчезает в поверхности затылочной чешуи. Кромку, по сути, создает мелкое по глубине снижение костного уровня внутри фигуры, граница гладко закруглённа, в некоторых местах черепа более отчётлива (tubera parietalia) (рис. 337). Насчёт причины возникновения этого явления, правдоподобным кажется предположение, что линия получилась в результате пореза для нарушения волосяного покрова головы, когда произошло снятие его и с ним сросшейся соединительной ткани (galea aponeurotica). Скорее всего, это было полностью умышленное и симметрическое скальпирование, которое имело эстетичную и общественную причину. Это предположение нуждается в дополнительном обосновании, для чего нужно изучить особенности моды на прически середины 1 тыс.

: по методу (Gill, Rhine, 2004) большинство наблюдаемых признаков соответствует монголоидной расе. Shovel shaped incisors (I_1 dx et sin sup, I_2 sin sup).

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: конституция костей – очень массивная с интенсивным развитием мышечного рельефа. Кости местами сильно повреждены. Размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Clavicula	Cl1	Cl4	Cl5	Cl6	Макс. диаметр extremitas sternalis	Макс. диаметр extremitas acromialis
Dx	-	-	-	4,3	2,83	-
Sin	~ 15,5	-	-	3,9	2,55	-

Humerus	H1	H4	H5	H6	H7
Dx	33,2	-	2,55	1,9	6,7
Sin	33,1	6,45	2,45	1,9	6,65

Humerus	H7a	H8	H9	H10	H11
Dx	7,5	14,7	4,7	4,7	4,8
Sin	7,3	14,7	4,7	4,8	4,6

Radius	R1	R4	R5	R5(3)	R5(5)
Dx	>24,7	2,1	1,4	-	4,7
Sin	25,15	1,98	1,22	-	4,8

Radius	R5(6)	Периметр tuberositas radii	Макс. диаметр tuberositas radii	SBB Ra
Dx	-	6,1	2,1	-
Sin	-	5,7	1,9	-

Ulna	U1	U3a	U7	U11	U11a	U12	U12a
Dx	-	5,6	2,8	1,45	-	1,95	-
Sin	~ 27,7	5,3	2,7	1,48	-	1,9	-

Пол: по всем использованым методам – мужской.

Патология: вокруг суставной поверхности левой плечевой кости находятся слабые патологические канты артроза.

Позвонки: патология: Th8 – Th10: на правой стороне тел отрастают остеофиты, перебросившие межпозвоночную щель к соседнему позвонку. Их постоянного соединения не происходит. На левой стороне остеофиты меньше и только у Th8 и Th9. Изменения соответствуют деформирующему спондилолизу.

: суставные поверхности межпозвоночных и реберно-позвоночных суставов имеют слабые патологические канты артроза.

: изменения позвонков тесно связаны с патологической конституцией левого тазобедренного сустава, причём произошло компенсирующее искривление поясничного позвоночника (dextroskoliosis) реагирующие на вторичное удлинение левой нижней конечности.

Многообразия: 6 поясничных позвонков.

: у L1 отсутствует правый processus costalis.

Кости таза и крестец

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 25 ⇨ Мужчина (морфология костей однозначно мужская).

Патология: Os coxae sin: Arthrosis deformans 4. стадии левого тазобедренного сустава (расширенная вертлужная впадина, быстрая остеофитическая пролиферация на внешней стороне впадины, суставная поверхность отшлифована до гладкой). Вертлужная впадина перестроилась – мелкая, более широкая и подвинута в суперодорзальном направлении. Соответствующие изменения найдены также на головке бедренной кости.

: деформирующий артроз появляется или как признак процесса старения, или как вторичное изменение вследствие чрезмерной нагрузки, воспаления или посттравматического состояния конечности. В этом случае идёт речь о вторичном патологическом изменении. Его происхождение неизвестно.

Нижние конечности: конституция костей очень массивная с интенсивным развитием мышечного рельефа. Размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Femur	F1	F2	F4	F6	F6a	F7	F7a	F8
Dx	45,75	45,65	43,0	-	3,4	-	2,65	9,5
Sin	45,8	45,5	-	-	3,25	-	2,7	9,4

Примечание: F1, F2 – размеры левой бедренной кости в месте патологической деформации.

Femur	F9	F10	F13	F18	F19	F20	F21
Dx	3,4	2,95	10,4	4,7	~ 4,6	~ 14,9	8,2
Sin	3,55	2,95	-	-	-	-	8,0

Patella	Pt1	Pt2	Pt3	Pt4
Dx	4,0	5,0	2,2	3,4

Tibia	T1	T3	T6	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	36,7	7,2	4,93	3,5	2,35	8,1	9,0	7,5
Sin	36,9	7,6	4,75	3,3	2,4	8,0	9,0	7,45

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)
Dx	36,2	5,7	2,9
Sin	36,5	5,2	2,9

Talus	Ta1	Ta2	Ta3a	Ta4
Dx	5,5	3,95	3,3	3,55
Calcaneus	Ca1		Ca1a	
Dx	7,8		-	
Sin	7,7		-	

Talus	Ta5	Ta5(1)	Ta10	Ta13
Dx	2,8	2,1	3,0	3,33
Calcaneus	Ca2		Ca4a	
Dx	-		4,5	
Sin	-		~ 4,4	

Пол: по всем использованым методам – мужской.

Патология: вокруг суставных поверхностей –

слабые патологические канты артроза (femur dx et sin, tibia dx et sin, talus et calcaneus dx).

: Fibula et tibia dx – высокие остеофитические отростки на margo interosseus.

: Tibia dx – латеральное отклонение проксимального эпифиза от оси.

: Femur sin – ассиметрическое деформирующие сплющивание головки бедренной кости с зеркально гладкой поверхностью, соответствующей деформирующему артрозу.

Рост

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	33,2	-	-
Вычисление	165,9	-	-
Категория	Средний	-	-

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	33,2	-	-
Вычисление	172,4 ± 4,89	-	-
Категория	Высокий	-	-

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	33,1	25,15	~ 27,7
Вычисление	166,2	168,3	~ 172,8
Категория	Средний (верх. граница)	Надсредний	Высокий

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	33,1	25,15	~ 27,7
Вычисление	171,9 ± 4,89	169,8 ± 5,01	174,5 ± 4,97
Категория	Высокий	Высокий (ниж. гран.)	Высокий

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	45,65	36,7	36,2
Вычисление	166,4	164,8	164,8
Категория	Средний (верх. гран.)	Средний	Средний

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 dx	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	45,75	45,65	36,7	36,2
Вычисление	169,8 ± 4,49	169,9 ± 3,96	168,1 ± 4,15	166,3 ± 4,1
Категория	Высокий (ниж. гран.)	Высокий (ниж. гран.)	Надсредний	Средний (верх. граница)

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	-	36,9	36,5
Вычисление	-	165,3	165,5
Категория	-	Средний	Средний

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 sin	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	-	-	36,9	36,5
Вычисление	-	-	168,7 ± 4,15	167,35 ± 4,1
Категория	-	-	Надсредний	Надсредний

Итоги: рост по методу Manouvrier'a колеблется, за исключением левой локтевой кости, в узком диапазоне 164,8 – 166,4 см (категория среднего роста для мужчин). По методу Sjøvold'a он колеблется в пределах 168,1 – 172,4 см (категория надсреднего и высокого роста).

Заключение: мужской скелет в возрасте 40-60 лет (Maturus I – Maturus II). Погребенный страдал деформирующим спондилолизом и артрозом левого тазобедренного сустава.

Погребение 11. Погребение взрослого человека, ориентированное вдоль оси СЗ – ЮВ с небольшим отклонением, головой на СЗ. Скелет лежал на спине в вытянутой позе с правой рукой вдоль тела, левая была положена на таз ладонью вниз. Индивидуум чуть наклонен в правую сторону.Состояние: скелет не очень хорошей сохранности, кости ломаются и крошатся.Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 12. Археологическая ситуация в погребении 12 была нестандартной. Выявлено 3 индивидуума в следующем расположении. На самом дне лежал на спине взрослый человек (скелет 12В), на его теле находились останки двух детей – почти комплектный скелет одного (скелет 12А) и только череп – другого (скелет 12Б).

Скелет 12А

Детский индивидуум лежал на животе взрослого человека, головой над его тазом и проксимальной половиной тела в тазовой зоне. Скелет лежал на левом боку, головой на З, лицевой стороной на С. Левая верхняя конечность изогнута в локте так, что пальцы руки находились под черепом и нижней челюстью. Нижние конечности были перекрещены.Состояние: кости скелета относительно хорошей сохранности. Абразия поверхности слабая.

Череп

Зубы

Dx M_2↓ M_1↓ m_2 m_1 c – -	M_2↓ **Sin** – – c m_1 m_2 M_1↓
Отсутств. c - I_1↑	– i_2 c m_1 m_2 M_1↑ M_2↑

Примечание: зубы (M_1 dx et sin, sup et inf) пока не выросли до окклюзной плоскости.

Кариес: нет.

Зубной камень: нет.

Гипоплазия: I↑ dx inf.

Возраст (Ubelaker, 1978): малые коренные зубы: 5 лет ± 16 месяцев (Infans Ib).

Размеры см. в нижеследующей таблице (в см).

Остальные кости черепа			
M9	-	M51dx	-
M10	10,7	M51 sin	3,35
M26	12,1	M52 dx	-
M29	10,3	M52 sin	-
M27	11,0	Пирамида dx: apex – край шва	5,75
M30	9,9	Пирамида sin: apex – край шва	5,5
M28	10,5	Пирамида dx: apex – найвысшпй край шва	-
M31	9,0	Пирамида sin: apex – найвысшпй край шва	6,45
M16	-	Пирамида dx: apex – окончание отверствия	2,21
M47	-	Пирамида sin: apex – окончание отверствия	2,25
Os zygomaticum: макс. попереч. длина (1) dx	-	Пирамида dx: apex – начало отверствия	-
Os zygomaticum: макс. попереч. длина (1) sin	4,0	Пирамида sin: apex – начало отверствия	1,4
Os zygomaticum: макс. высота (2) dx	>3,65	Os temporale: макс. A – P длина: dx	-
Os zygomaticum: макс. высота (2) sin	3,75	Os temporale: макс. A – P длина: sin	7,3
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) dx	-	Os occipitale: мин. длина базы (в седле) – 1	-
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) sin	2,75	Os sphenoidale: расстояние alae minores	~ 6,1

Mandibula			
	11,0	Пирамида dx: apex – край шва	5,75
M65	-	Расстояние foramen mentale – кривая	-
M66	-	Расстояние foramen mentale – прямое	-
M69	2,47	Расстояние processus coronoidei	-
M70 dx	-	M68	-
M70 sin	4,3	Расстояние M1 dx et sin – внутреннее	-
M71 dx	-	Расстояние M1 dx et sin – внешнее	-
M71 sin	2,6		

Maxilla			
Расстояние M_1 dx et sin – внутреннее	2,95	Prostion – Nasospinale	1,7
Расстояние M_1 dx et sin – внешнее	5,5	M48: pr – n	5,35
Ширина apertura piriformis nasi (M54)	1,98	Прямое мин. расстояние for. infraorbitale	4,0

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae dx, sin.

Патология: отчётливые сосудистые отпечатки капиллярного характера ossa parietalia и os occipitale.

: на внешней поверхности os frontale (середина чешуи, у sutura coronalis) и на ossa parietalia (две трети чешуи) находятся уже хорошо организованные следы кровоизлияния. Эти изменения немного повреждены внешней эрозией. Такие же изменения есть на чешуе правой височной кости.

↳ Речь идёт о распространённом в плоскости, но мелком кровоизлиянии, образовавшемся, вероятно, в относительно широком интервале времени. С учётом изменений на посткраниальном скелете это может соответствовать авитаминозу С, т.е. цинге (повышенное кровоизлияние под кожей и в мышцах).

: Очень слабые cribra orbitalia dx.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: очень хорошая сохранность костей с прочной структурой. Размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Humerus	**Dx**	**Sin**	**Humerus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	16,28	16,06	Ширина дистального метафиза	3,45	3,45
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	2,8	2,95	Периметр середины	4,0	4,0
А – П ширина прокс. метафиза	2,15	2,15	Мин. диаметр середины (H6)	1,08	1,07
Ширина прокс. эпифиза	-	-	Макс. диаметр середины (H5)	1,38	1,36

Radius	**Dx**	**Sin**	**Radius**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	11,85	12,0	Макс. ширина tuberositas radii	1,0	1,0
Ширина прокс. метафиза	1,2	1,25	Ширина дистального метафиза	1,7	1,8
Периметр прокс. метафиза	3,7	3,6	Ширина дистального эпифиза	-	-
Периметр tuberositas radii	3,1	3,5	Ширина прокс. эпифиза	-	-

Ulna	Dx	Sin	Ulna	Dx	Sin
Наибольшая длина	13,2	13,32	Ширина дисталь. эпифиза (макс.)	-	-
Ширина прокс. метафиза	1,3	1,35	Глубина olecranona	1,0	1,05
Ширина дисталь. метафиза (макс.)	1,2	1,2	Периметр середины	2,6	2,65

Scapula	Dx	Sin	Scapula	Dx	Sin
Высота лопатки	-	-	Высота fovea glenoidalis	2,9	2,9
Ширина лопатки	-	-	Ширина fovea glenoidalis	1,5	1,5
Длина spina scapulae	-	-			

Clavicula	Dx	Sin	Clavicula	Dx	Sin
Наибольшая длина	8,5	~ 8,5	Макс. ширина extremitas acromialis	1,5	-
Периметр середины	2,0	2,0	Макс. ширина extremitas sternalis	~ 1,4	~ 1,4

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Humerus: 6 лет (5 – 7 лет)
: Radius: 5 – 6 лет (4 – 6 лет)
: Ulna: 5 – 6 лет
} Infans Ib

Патология: в месте мышечных прикреплений (humerus dx et sin, ulna dx et sin) обширные пористые зоны.

Кости таза и крестец: размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Кости таза	Dx	Sin
Os ilium – ширина (М – Л)	8,25	8,4
Os ilium – длина (С – И)	7,5	7,7
Os ilium – наибольшаяширина facies auricularis	-	-
Os pubis – длина	-	-
Os ischii – длина	-	4,8

Возраст (Florkowski, Kozlowski, 1994): 4 – 6 лет (Infans Ib)

Нижние конечности: размеры см. в нижеследующих таблицах (в см).

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина	-	22,5	М–Л ширина дистального метафиза	5,1	~4,85
Ширина прокс. метафиза (целая)	-	-	А–П ширина дистального метафиза	-	-
Ширина прокс. метафиза: caput М – Л	-	2,45	Ширина дистального эпифиза	4,5	-
Ширина прокс. метафиза: caput А – П	-	-	А – П диаметр середины	1,5	1,85
Наибольшая ширина прокс. эпифиза	-	-	М – Л диаметр середины	1,35	1,55
Периметр прокс. эпифиза	-	-	Периметр середины	4,7	5,4

Tibia	Dx	Sin	Tibia	Dx	Sin
Наибольшая длина	-	17,1	Периметр foramen nutricium	5,0	5,3
Ширина прокс. метафиза	4,15	-	А – Пширина foramen nutricium	1,65	1,75
Ширина прокс. эпифиза	-	-	М – Лширина foramen nutricium	1,5	1,6
А – П ширина дистального метафиза	2,7	2,5	Высота k foramen nutricium	5,75	5,2
М – Л ширина дистального метафиза	2,9	2,75	Периметр середины	-	4,6
Ширина дистального эпифиза (М – Л)	-	-			

Fibula	Dx	Sin	Fibula	Dx	Sin
Наибольшая длина	~ 16,4	-	Наибольшая ширина дистального метафиза	1,45	-
Ширина прокс. метафиза	-	-	Наибольшая ширина дистального эпифиза	-	-
Ширина прокс. эпифиза	-	-	Высота дистального эпифиза	-	-
Периметр середины	2,6	~ 2,5			

Talus	Dx	Sin	Talus	Dx	Sin
Наибольшая длина	3,35	3,4	М – Лширина caput tali	2,0	2,0
Длина блока	1,4	-	С – И высота caput tali	-	1,5
Общая ширина	2,3	~ 2,3	Длина facies posterior	-	-
Calcaneus	**Dx**	**Sin**	**Calcaneus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	3,98	-	Ширина sustentaculum tali (facies post.)	2,3	
Физиологическая длина	3,85	-			

Размер		Mt I	Mt II	Mt III	Mt IV	Mt V
Наибольшая длина ossa metatarsi	Dx	3,2	-	-	-	-
	Sin	3,25	-	-	-	-

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978): Femur: Нельзя определить
: Tibia: 5 – 6 лет (4 – 7 лет)
: Fibula: 5 лет
} Infans Ib

Патология: Femur dx et sin, tibia dx et sin, fibula dx et sin – сильно пористые поверхности в месте мышечных прикреплений.

Примесь: ребра старшего детского индивидуума (costa I, 4 – 5 dx ребр).

Заключение: детский скелет в возрасте 5 лет ± 16 месяцев (Infans Ib) с подозрением на цынгу.

Скелет 12В

Детский череп повернут на В, лицом на З, лежал между нижними конечностями взрослого

скелета. Состояние:в распоряжениибыли только фрагментарные кости черепа с постмортальной деформацией и без нижней челюсти. Структура костей прочная.

Зубы: сохранился лишь один зуб: i_1 sup sin.

Возраст (Ubelaker, 1978): 2 – 4 года (Infans Ib)

Размеры см. в нижеследующей таблице.

Остальные кости черепа			
M9	8,2	M51dx	-
M10	10,68	M51 sin	-
M26	12,0	M52 dx	-
M29	10,3	M52 sin	-
M27	12,0	Пирамида dx: apex – край шва	4,9
M30	11,1	Пирамида sin: apex – край шва	5,85
M28	11,4	Пирамида dx: apex – найвысшпй край шва	-
M31	9,3	Пирамида sin: apex – наивысшпй край шва	5,85
M16	-	Пирамида dx: apex – окончание отверстия	1,8
M47	-	Пирамида sin: apex – окончание отверстия	1,75
Os zygomaticum: макс. попереч. длина (1) dx	3,4	Пирамида dx: apex – начало отверстия	~ 1,15
Os zygomaticum: макс. попереч. длина (1)sin	-	Пирамида sin: apex – начало отверстия	~ 1,1
Os zygomaticum: макс. высота (2) dx	2,95	Os temporale: макс. A – P длина: dx	-
Os zygomaticum: макс. высота (2) sin	-	Os temporale: макс. A – P длина: sin	6,8
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) dx	2,5	Os occipitale: мин. длина базы (в седле) – 1	-
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) sin	-	Os sphenoidale: расстояние alae minores	-

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae sin.

: Os temporale: Foramen Hushkae sin.

Патология: слабые cribra orbitalia (dx et sin) на латеральной стороне верхней стенки глазницы.

: отчётливые сосудистые отпечатки капиллярного характера на внутренней поверхности всех плоских костей.

Заключение: детский череп в возрасте 2 – 4 года (Infans Ib) по зубу.

Скелет 12С

Скелет взрослого индивидуума ориентирован по оси СВ – ЮЗ (головой на ЮЗ, лицом на Ю). Правая рука лежит вдоль тела, левая – на брюшной зоне. Состояние: кости скелета очень плохой сохранности.

Череп

Состояние: не очень хорошая и сильно фрагментарная сохранность костей со слабой постмортальной деформацией, осложняющей реконструкцию черепа. Структура костей прочная, в месте прикосновения хрупкая (ломается и крошится). Конституция костей средняя со средним развитием мышечного рельефа.

Зубы

Dx Ø Ø Ø P_2? P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 Ø **Sin**
M_3 M_2 Ø P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 Ø M_1 M_2?

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: Ø : зубы, потерянные перед смертью (премортально); – : зубы, потерянные после смерти (постмортально).

Нижние зубы: P_2 dx inf – сохранился только зубной корень,скорее всего, деградированный кариесом.

: M_1 dx inf – полностью закрытая альвеола.

: M_2 dx inf – зуб, сильно деградированный кариесом.

: P_2 sin inf – альвеола закрывается внутри, зуб выпал незадолго до смерти.

: M_1 sin inf – зуб, сильно деградированный кариесом.

: M_2 sin inf? – сохранился только зубной корень с сильной абразией.

Верхние зубы: M_1 sin sup – зуб, сильно деградированный кариесом.

: M_3 sin sup – альвеола закрывается, зуб выпал ante mortem.

: P_2 dx sup – сохранился только зубной корень, вблизи от него – гнойный абсцесс.

: M_1 до M_3 dx sup – зубы выпали ante mortem.

Кариес: P_2 dx sup et inf, M_1 sin sup et inf – зубы, деградированные к корню.

: M_2 dx inf – деградированные на три четверти коронки.

: I_2 sin sup – большой и глубокий кариес на дистальной стороне коронки зуба (3,5×3 мм).

: P_2 sin sup – на дистальной стороне на границе коронки и шейки находится большой кариес (3×1 мм).

: M_2 sin sup – маленький кариес (1×1 мм).

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: I_1, I_2 dx et sin inf et sup, Cdx et sininf et sup.

Патология зубов: P_2 dx sup, M_1 sin sup – гнойный абсцесс впадающий в преддвере рта.

Возраст: абразия зубов(Lovejoy, 1985): P – C inf: над 40 – 55 лет
: P – C sup: над 35 лет
: закрывание швов (Linc, 1971): над 55 лет
} Более 40 – 55 лет (Maturus – Senilis)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 24 ⇨ Мужчина

: у морфологических признаков имеется мужской характер.

Многообразия: угол нижней челюсти очень острый, обе головки (caput mandibulae) низко посаженные, шейки (collum mandibulae) в принципе отсутствуют.

: Incisura supratrochlearis dx et sin.

: Foramen frontalis dx et sin (2 мм)

: Sulcus frontalis: dx = 2,8 см; sin = 2,5 см.

: Foramen parietale dx; sin нет.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности

Состояние: хорошая сохранность костей, их структура хрупкая, поверхность ломается и крошится. Конституция костей – средняя со средним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Пол: Humerus (Černý, 1971): H1 – M; H7, H8, H9, H10 – M

(France, 1987): H4, H9, H10, H9+10, H11 – M

: Radius (Iordanidis, 1961): R1 – И; R5, R4 – M

: Ulna (Iordanidis, 1961): U1 – Ж; U11, U12 – M

↳ По всем использованым методам – мужской за исключением наибольших длин костей (менше рост).

Особенности: Humerus sin et dx: вмятина на crista tuberculi majoris в месте мышечных прикреплений, на правой стороне более выразительное с пористой поверхностью – кровоизлияние.

Позвонки, рёбра

Состояние: хорошая сохранность костей, их структура хрупкая.

Патология: частично всасываемый стернальный конец 12 ребра

: у нескольких рёбер – окостенелый стернальный хрящ.

: L3 – facies terminalis sup, Th 10 – 12 – пористая поверхость с остеофитами.

Кости таза и крестец

Состояние: очень хорошо сохранившиеся кости с хрупкой структурой и с мощным развитием мышечного рельефа.

Пол: (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 13 ⇨ Мужчина (морфология костей однозначно мужская).

: (Phenice, 1969): 1, 2, 3 ⇨ Мужчина

: Sacrum – на оспове всех морфологических признаков – мужской.

Возраст (McKern, Stewart, 1957): Facies symphysialis: над 44 лет

: Facies auricularis dx: над 60 лет?

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Нижние конечности

Состояние: хорошая сохранность, конституция костей средняя с мощным развитием мышечного рельефа. Сильная эрозия эпифизов и тел костей.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 84,37 – платимер

: sin = 80,6 – платимер

: Index cnemicus: dx = 76,67 – эурикнем

: sin = 65,71 – месокнем

Пол: Femur (Černý, 1971): F6, F7, F8, F18, F19 – M

(DiBennardo, Taylor, 1979): F8, F7+8 – M

(Černý, Komenda 1980): F18, F19 – M

: Patella (Dofková, 1995): M<И

: Tibia (Leopold et alii, 1986): T6 – M

(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 4 – Ж

: Talus et calcaneus (Steele, 1976): 1, 3 – M

↳По всем использованным методам – мужской.

Многообразия: Femur dx – trochanter tertius.

: Femur sin – plaque, dx – слабееразвитой plaque.

: Tibia dx et sin – сильная crista m. solei.

Патология: Femur dx – расширенная и пористая fovea capitis femoris.

: Tibia dx – на средней части margo interosseus (на facies anterior) слабовыраженные следы кровоизлияния.

Рост

Кость	Длина	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)	
H1 dx	31,6	161,9	Подсредний	164,99 ± 4,89	Средний
H1 sin	-	-	-	-	-
R1 dx	22,7	160,5	Подсредний	160,51 ± 5,01	Подсредний
R1 sin	-	-	-	-	-
U1 dx	26,0	164,6	Средний	166,69 ± 4,97	Надсредний (ниж. гран.)
U1 sin	-	-	-	-	-
F1 dx	-	-	-	-	-
F1 sin	-	-	-	-	-
F2 dx	-	-	-	-	-
F2 sin	-	-	-	-	-
T1 dx	-	-	-	-	-
T1 sin	-	-	-	-	-
Fi1 dx	34,9	161,9	Подсредний	161,6 ± 4,1	Подсредний
Fi1 sin	34,7	161,4	Подсредний	160,88 ± 4,1	Подсредний

Рост, рассчитанный на основе обоих методов, имеет очень похожие результаты, каторые колеблются в пределах от подсредних до надсредних фигур. По методу Manouvrier'a значения составляют 160,5 – 164,6 см, по методу Sjøvold'a – 160,5 – 166,7 см.

Размеры посткраниального скелета (см)

Humerus			Radius			Ulna		
	Dx	Sin		Dx	Sin		Dx	Sin
H1	31,6		**R1**	22,7		**U1**	26,0	
H4	6,5	6,35	**R4**	1,9	1,8	**U3a**	4,6	5,2
H5	2,5	2,45	**R5**	1,3	1,2	**U7**	2,75	2,5
H6	1,7	1,85	**R5(3)**			**U11**	1,4	1,5
H7	6,7	6,8	**R5(5)**	5,0	4,5	**U11a**		
H7a	7,1	6,9	**R5(6)**	3,3	3,8	**U12**	1,7	1,8
H8	14,3	14,4	**Периметр tuber. radii**	5,9	5,7	**U12a**		
H9	4,4	4,5	**Макс. диаметр tub. radii**	1,9	1,9	**SBB U**		
H10	4,75	4,8	**SBB Ra**	3,2	3,4			
H11	4,95	4,9						

Femur			Tibia			Fibula		
	Dx	Sin		Dx	Sin		Dx	Sin
F1			**T1**			**Fi1**	34,9	34,7
F2			**T3**			**Fi4**	4,0	3,7
F4			**T6**	~4,9	5,2	**Fi4(2)**	2,8	2,7
F6a	2,95	3,05	**T8a**	3,0	3,5			
F7a	2,78	2,75	**T9a**	2,3	2,3			
F8	9,0	9,1	**T10**	8,0	8,1	**Sacrum**		
F9	3,2	3,35	**T10a**	8,6	9,2	**Sa1**	11,7	
F10	2,7	2,7	**T10b**	7,3	7,3	**Sa2**	10,3	
F13	10,4	10,0	**T9a/T8a**	76,67	65,71	Sa2a	3,4	
F18	4,85	4,75				Sa5	11,2	
F19	4,85	4,71				Sa6	2,3	
F20	15,4	15,0				Sa13a	2,6	
F21						Sa13b	6,45	
F10/F9	84,37	80,6				Sa14	6,5	6,5
						Sa18	3,1	
						Sa18a	5,1	
Talus			**Calcaneus**			Sa19	5,5	
	Dx	Sin		Dx	Sin	Sa22		
Ta1	5,7	5,7	**Ca1**	8,0				
Ta2	4,4	4,2	**Ca2**	4,4	4,3	**Patella**		
Ta3a	3,6	3,6	**Ca4a**	5,1	5,4		Dx	Sin
Ta4	3,55	3,7				Pt1	4,0	
Ta5	~3,1					Pt2	~4,2	
Ta5(1)						Pt3	2,0	
Ta10	3,1	2,9				Pt4	~3,05	
Ta13	3,8	3,8						

Заключение: скелет мужчины в возрасте 40-55 лет (Maturus – Senilis) с мощным развитием мышечного рельефа и плохими зубами.

Погребение 13. Скелет взрослого индивидуума очень хорошей сохранности, ориентированный вдоль оси ЮВ – СЗ (голова на ЮВ). Лежал на спине с руками вдоль тела, ладонями вниз. По расположению таза можно предположить укладку тела в полое пространство.Состояние: очень хорошо сохранившийся очень массивный скелет, который при предварительном осмотре соответствует мужскому полу.

Череп

Состояние: кости черепа – очень хорошей сохранности, база немного постмортально деформирована. Структура костей прочная, не ломаются и не крошатся. Конституция костей средняя – массивная с могучим развитием мышечного рельефа.

Зубы

Dx M_3 M_2 M_1 P_2 – – – -	– – – – P_2 M_1 M_2 M_3**Sin**
M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: Ø : зубы потерянные перед смертью (премортально); – : зубы потерянные после смерти (постмортально).

Кариес: нет.

Зубной камень: есть, сильный – степень развития III.

Гипоплазия: да, нельзя определить.

Возраст (Lovejoy, 1985): Maxilla: 24 – 35 лет

: Mandibula: 30 – 35 лет

(Linc, 1971): > 25 лет

↳ 30 – 35 лет (Adultus II)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 20 ⇨ Мужчина (все наблюдаемые признаки не имеют отчетливый мужский характер, чрезвычайно массивные).

Многообразия: Incisura frontalis: dx = 1,5 см, sin = 5 мм.

: большое каличество косточек швов: Sutura coronalis: две косточки: dx = 2×7 мм, sin = 3×3 мм.

: Ossiculum epiptericum: Sin = 2,5×1,3 см. Dx = 2,8×1,5 см. На правой стороне находятся ещё две меньше над и под центральной. (1,1×0,4 см и 0,5×0,6 см).

: Sutura lambdoidea: очень сложный ход шва, целиком здесь находится 20 косточек. Размеры самых больших из них смотри в нижеследующей таблице (см).

Косточка	1	2	3
Размер	2,0 × 2,3 см	1,9 × 1,3 см	2,4 × 1,0 см

Патология: Maxilla dx – поблизости под foramen infraorbitale находится кольцевой образ, глубина = сса 3 мм, диаметр = 7 мм.

Особенности: обнаружена небольшая доля монголоидных признаков, но общий облик индивида, в общем – европеоидный.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, слабая эрозия поверхности, структура костей прочная, конституция костей средняя – массивная с могучим развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Пол: Humerus (Černý, 1971): H1 – Ж; H7, H8, H9, H10 – M

(France,1987): H4, H5+6, H9, H10, H9+10, H11 – M

: Radius (Iordanidis, 1961): R1, R5, R4 – M

: Ulna (Iordanidis, 1961): U1, U11, U12 – M

↳ По всем использованым методам – мужской.

Патология: Clavicula dx et sin – в месте присоединения lig. costoclaviculare находится лигаментопатия.

: Scapula dx et sin – на задней окраине fovea glenoidalis находится продолговатая вмятина, остальная поверхность пористая с организованными следами кровоизлияния.

: Humerus dx et sin – продолговатая вмятина на crista tuberculi majoris – место увеличенного растяжения мышцы.

Позвонки, рёбра

Состояние: очень хорошая сохранность костей, слабая эрозия поверхности, структура костей прочная, конституция костей средняя – массивная с могучим развитием мышечного рельефа.

Многообразия: C6 – foramen transversarium bipartitum dx; sin – только одно отверстие.

Патология: yTh11 в середине facies terminalis inferior тела позвонка находится небольшой нодус Шморла.

Кости таза и крестец

Состояние: очень хорошая сохранность костей, с прочной структурой и поверхностью. Конституция костей средняя – массивная с могучим развитием мышечного рельефа.

Пол(Acsádi, Nemeskéri, 1970): 19 ⇨ Мужчина

(Phenice, 1969): 1, 2, 3 – M

: Sacrum – на основе всех морфологических признаков – мужской.

Возраст (McKern, Stewart, 1957): Facies symphysialis: 39 – 44 лет

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Нижние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, слабая эрозия поверхности, структура костей прочная, конституция костей средняя – массивная с могучим развитием мышечного рельефа.

Метрика:Размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 76,47 – платимер

: sin = 81,82 – платимер

: Index cnemicus: dx = 72,22 – эурикнем

: sin = 73,33 – эурикнем

Пол: Femur (Černý, 1971): F1 – Ж; F6, F7, F8, F18, F19, F20 – М

(DiBennardo, Taylor, 1979): F1 – Ж; F8, F7+8 – М

(Černý, Komenda 1980): F1 – Ж; F19, F2+8+19 – М

: Patella (Dofková, 1995): М>И

: Tibia (Leopoldet alii, 1986): T1– Ж; T3, T6 – М

(Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 1, 2, 8 – М

: Fibula (Leopold et alii, 1986): Fi1 – Ж

: Talus et calcaneus (Steele, 1976): 1 – М>И; 3 – Ж>И

↳ По всем использованым методам – мужской.

Патология: Femur dx – на медиальной поверхности середины тела – нежные пористые пролиферативные апозиции.

: Femur sin – на медиальной и дистальной поверхности середины тела – нежные пористые пролиферативные апозиции.

Рост

Кость	Длина	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)	
H1 dx	30,3	156,5	Малый	158,99 ± 4,89	Малый (верх. гран.)
H1 sin	30,2	156,0	Малый	158,52 ± 4,89	Малый (верх. гран.)
R1 dx	23,6	162,1	Под-средний	163,91 ± 5,01	Средний (нижн. гран.)
R1 sin	23,6	162,1	Под-средний	163,91 ± 5,01	Средний (нижн. гран.)
U1 dx	25,5	163,2	Под-средний (верх. гран.)	164,38 ± 4,97	Средний (нижн. гран.)
U1 sin	-	-	-	-	-
F1 dx	41,4	-	-	158,05 ± 4,49	Малый
F1 sin	41,2	-	-	157,51 ± 4,49	Малый
F2 dx	41,0	157,5	Малый	155,93 ± 3,96	Малый
F2 sin	40,9	157,3	Малый	155,63 ± 3,96	Малый
T1 dx	33,3	157,0	Малый	156,9 ± 4,15	Малый
T1 sin	33,7	158,2	Малый	158,21 ± 4,15	Малый
Fi1 dx	33,7	158,8	Малый (верх. гран.)	157,29 ± 4,1	Малый
Fi1 sin	34,4	160,9	Под-средний	159,81 ± 4,1	Подсредний (нижн. гран.)

Рост, рассчитанный на основе обоих методов, имеет очень похожие результаты, которые колеблются в узких пределах. По методу Manouvrier'a рост имеет значения 156,0 – 160,9 см (категория малого – подсреднего роста для мужчин), по методу Sjøvold'a – 160,5 – 166,7 см (категория малого – подсреднего роста на нижней границе).

Примесь: Clavicula sin – взрослый человек, глубокая лигаментопатия (0,5×0,3 см).

: Th позвонок.

: 2x phalanx proximalis manus.

: Фрагмент рёбра.

↳ Индивид более старшего возраста, чем у скелета погребения 13 без более точного определения.

Размеры посткраниального скелета (см)

Humerus			Radius			Ulna		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
H1	30,3	30,2	**R1**	23,6	23,6	**U1**	25,5	~25,4
H4	6,35	6,6	**R4**	1,7	1,75	**U3a**	4,7	4,55
H5	2,8	2,75	**R5**	1,4	1,5	**U7**	2,8	2,85
H6	1,9	1,85	**R5(3)**	7,5	7,4	**U11**	1,5	1,45
H7	7,4	7,2	**R5(5)**	5,15	5,2	**U11a**	1,6	1,95
H7a	7,9	7,8	**R5(6)**	3,3	3,26	**U12**	1,74	1,8
H8	14,6	14,3	**Периметр tuber. radii**	6,1	6,0	**U12a**	1,9	2,05
H9	4,5	4,55	**Макс. диаметр tub. radii**	2,05	1,94	**SBB U**		
H10	4,8	4,8	**SBB Ra**	3,05	3,05			
H11	4,75	4,8						

Femur			Tibia			Fibula		
	Dx	**Sin**		**Dx**	**Sin**		**Dx**	**Sin**
F1	41,4	41,2	**T1**	33,3	33,7	**Fi1**	33,7	34,4
F2	41,0	40,9	**T3**	7,75	7,8	**Fi4**	5,0	4,4
F4	39,0	38,8	**T6**	5,1	5,0	**Fi4(2)**	2,65	2,8
F6a	2,9	3,0	**T8a**	3,6	3,75			
F7a	3,1 – pat.	3,1	**T9a**	2,6	2,75			
F8	9,2	9,5	**T10**	8,4	8,4	**Sacrum**		
F9	3,4	3,3	**T10a**	9,5	10,1	**Sa1**	11,1	
F10	2,6	2,7	**T10b**	7,7	7,9	**Sa2**	9,9	
F13	9,8	10,2	**T9a/T8a**	72,22	73,33	**Sa2a**	3,0	
F18	4,65	4,7				**Sa5**	11,6	
F19	4,7	4,7				**Sa6**	2,0	
F20	15,0	15,0				**Sa13a**	2,4	
F21	8,2	8,2				**Sa13b**	5,6	
F10/F9	76,47	81,82				**Sa14**	5,9	6,3
						Sa18	3,3	
						Sa18a	5,3	
Talus			**Calcaneus**			**Sa19**	5,2	
	Dx	Sin		Dx	Sin	**Sa22**		
Ta1	5,0	5,05	**Ca2**	4,2				
Ta2	4,0	4,0	**Ca4a**	4,9		**Patella**		
Ta3a	3,15	3,25					Dx	Sin
Ta4	3,3	3,4				**Pt1**	3,9	4,0
Ta5	3,1	3,05	**Clavicula**			**Pt2**	4,4	4,55
Ta5(1)	~2,3	~1,7		Dx	Sin	**Pt3**	2,0	2,1
Ta10	2,85	2,9	**Cl1**	13,5	13,6	**Pt4**	3,2	3,2
Ta13	3,4	3,5						

Заключение: скелет мужчины в возрасте 30 – 44 лет (Adultus II – Maturus I) европеоидного облика.

Погребение 14. Скелет лежал почти под дневной поверхностью и был повреждён распашкой. Представляет собой останки взрослого человека, ориентированного, скорее всего по оси В – З, головой на З.Состояние:кости относительно хорошо сохранились со средней эрозией их поверхности.

Череп

Состояние: очень фрагментарная сохранность костей черепа, после реконструкции более-менее комплектная. Череп сильно постмортально деформирован, некоторые из частей нельзя было скомплектовать. Структура неповреждённых костей – прочная, в месте разрушения хрупкая (ломается и крошится). Конституция костей – средняя с могучим развитием мышечного рельефа. Некоторие морфологические признаки -массивные.

Зубы

Dx M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 – I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 M_3**Sin**
M_3 M_2 M_1 P_2 P_1 – I_2 I_1	I_1 I_2 C P_1 P_2 M_1 Ø Ø

Dx – правый, Sin – левый

Примечание: Ø : зубы, потерянные перед смертью (премортально); – : зубы, потерянные после смерти (постмортально).0

: I_2 dx inf, C dx inf – корни зубов не сохранились.

: M_3 dx inf – альвеола закрывается, может быть зуб перед смертью ещё был в альвеоле.

Кариес: M_3 dx sup, M_2 dx sup – кариес на апроксимальных сторонах на границе зубной коронки и щейки (M_3 – 3×5 мм; M_2 – 3×5 мм).

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: нет.

Патология зубов: M_1 dx inf – на букальную сторону открытый коренной абсцесс.

Возраст (Lovejoy, 1985): Mandibula: 45-55 лет
: Maxilla: 40 – 50 лет
(Linc, 1971): 45 – 50 лет
↳ 40 – 55 лет (Maturus I – II)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): 13 ⇨ Мужчина (по размерам – малый череп с массивными признаками).

Многообразия: Torus mandibularis dx et sin – массивный.
: Foramen parietale dx, sin – нет.
: Ossiculum lambdoideum: 2×1,3 см.
: Ossicula suturae lambdoideae: dx – 2 косточки (медиальная – 1,4×0,5 см, латеральная – 1,9×1,5 см).

Посткраниальный скелет

Верхние конечности

Состояние: очень хорошо сохранилась только плечевая кость, конституция костей мелкая, сосредним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

Пол: Humerus (Černý, 1971): H1, H8 – Ж; H7 – И<M; H10 – И
(France, 1987): H4, H5+6 – M ; H10, H11 – Ж
(Černý, Komenda, 1980): H1, H1+7+8 – Ж; H7, H8 – M; H10 – Ж>И
↳ Вычисления показывают сильно отличающиеся друг от друга результаты⇨ Неопределимый индивид.

Патология: Humerus sin – вокруг суставной поверхности (головки) слабые канты артроза.

Позвонки, рёбра

Состояние: очень хорошая сохранность костей, их структура соответствует индивиду зрелого возраста.

Патология: L1 – L4 – суставные поверхности межпозвоночных суставов имеют сильные патологические канты артроза.
: вокруг facies terminales sup et inf (Th 10, Th11 a L1, L2 a L8) – слабые патологические канты артроза.
: Ноды Шморла: L1, L2, Th8?, Th10 – Th12.
↳ Все патологические изменения причинены увеличенной загрузкой на осевой скелет (позвоночник), кости конечностей – без артротических изменений.

Многообразия: у Th12 нет processus transversi.

Кости таза и крестец

Состояние: сохраннился лишь обломок крестца.

Нижние конечности

Состояние: очень хорошая сохранность костей, слабая эрозия поверхности, структура костей прочная, конституция костей мелкая – средняя,со средним развитием мышечного рельефа.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.
: Index platymericus: dx = 75,76 – платимер
: sin = 84,675 – платимер
: Index cnemicus: dx = 60,0 – платикнем

Пол: Femur (Černý, 1971): F1 – Ж; F6, F7, F8, F18, F19 – И; F20 – И<M
(DiBennardo, Taylor, 1979): F1, F8, F7+8 – Ж
(Černý, Komenda 1980): F1, F2, F7, F8, F18 dx – Ж; F6 – Ж<И; F18 sin, F19, F20, F2+8+19, F2+8+20 – M
: Tibia (Iscan, Miller-Shaivitz, 1984б): 4 – M; 7 – Ж; T10a – Ж
: Fibula (Leopold et alii, 1986): Fi1 – Ж
: Talus et calcaneus (Steele, 1976): 1 , 3, 5 – Ж
↳ Вычисления показывают сильно отличающиеся друг от друга результаты ⇨ Неопределимый индивид.

Многообразия: Tibia sin – коленопреклонённые фаски спереди facies articularis inferior tibiae.
: Calcaneus sin – на латеральной стороне кости находится trochlea peronealis.

Рост

Кость	Длина	Manouvrier (см)		Sjøvold (см)	
H1 dx	30,1	155,6	Малый	158,06 ± 4,89	Малый (верх. гран.)
H1 sin	-	-	-	-	-
R1 dx	-	-	-	-	-
R1 sin	-	-	-	-	-
U1 dx	-	-	-	-	-
U1 sin	-	-	-	-	-
F1 dx	41,0	-	-	156,97 ± 4,49	Малый
F1 sin	41,5	-	-	158,33 ± 4,49	Малый
F2 dx	40,5	156,0	Малый	154,43 ± 3,96	Малый
F2 sin	41,2	158,0	Малый	156,53 ± 3,96	Малый
T1 dx	-	-	-	-	-
T1 sin	-	-	-	-	-
Fi1 dx	-	-	-	-	-
Fi1 sin	33,7	158,8	Малый	157,29 ± 4,1	Малый

Итоги: по методу Manouvrier'a измерения находятся в узком диапазоне 155,6 – 158,8 см (категория малого роста для мужчин). Параметры по методу Sjøvold'a 154,43 – 158,33 см (категория малого роста для мужчин).

Размеры посткраниального скелета (см)

Humerus			Radius			Ulna		
	Dx	Sin		Dx	Sin		Dx	Sin
H1		30,1	**R1**			**U1**		
H4		6,0	**R4**			**U3a**		
H5		2,25	**R5**			**U7**		
H6		1,68	**R5(3)**			**U11**		
H7		6,1	**R5(5)**			**U11a**		
H7a		6,4	**R5(6)**			**U12**		
H8		~12,5	**Периметр tuber. radii**			**U12a**		
H9			**Макс. диаметр tub. radii**			**SBB U**		
H10		4,5	**SBB Ra**					
H11		4,2						

Femur			Tibia			Fibula		
	Dx	Sin		Dx	Sin		Dx	Sin
F1	41,0	41,5	**T1**			**Fi1**		33,7
F2	40,5	41,2	**T3**			**Fi4**	4,5	4,6
F4	37,8	38,4	**T6**			**Fi4(2)**		2,5
F6a	2,7	2,7	**T8a**	3,5				
F7a	2,65	2,7	**T9a**	2,1				
F8	8,4	8,5	**T10**	8,0		**Sacrum**		
F9	3,3	3,2	**T10a**	8,9		**Sa1**		
F10	2,5	2,7	**T10b**	7,4	7,4	**Sa2**		
F13	10,05	10,0	**T9a/T8a**	60,0		**Sa2a**		
F18	4,55	4,65				**Sa5**		
F19	4,68	4,62				**Sa6**		
F20	14,7	14,7				**Sa13a**		
F21		7,85				**Sa13b**		
F10/F9	75,76	84,375				**Sa14**		
						Sa18	3,4	
						Sa18a		
Talus			**Calcaneus**			**Sa19**	5,05	
	Dx	Sin		Dx	Sin	**Sa22**		
Ta1		5,15	**Ca2**		3,9			
Ta2		3,85	**Ca4a**		~4,4			
Ta3a		3,35						
Ta4		3,45						
Ta5		2,8						
Ta5(1)								
Ta10		2,7						
Ta13		3,4						

Заключение: скелет мужчины возрастом 40 – 55 лет (Maturus I – Maturus II) с артротическими изменениями, причинеными увеличенной загрузкой на осевой скелет (позвоночник).

Погребение 15. Похороненный человек был ориентирован по направлению З – В, головой на З, лицом на Ю. Индивидум лежал в вытянутой позе на спине. Правая рука изогнута в локтевом суставе, ладонь была положена на грудь, левая рука лежала в зоне живота ладонью вниз. Состояние: скелет плохой сохранности, при извлечении из земли кости расслаивались и ломались. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 16. Погребение взрослого человека совершено в глубокой могильной яме, скелет ориентирован по оси СВ – ЮЗ, головой на ЮЗ, лицевой частью на С. Индивидуум лежал на спине с обеими руками, вытянутыми вдоль тела, ладонями вниз (предплечье в пронации). По расположению отдельных костей можно сделать вывод, что останки были похоронены в полой и узкой камере.Состояние: скелет – плохой и сильно фрагментарной сохранности, кости хрупкие.

При предварительном осмотре было обнаружено большое количество патологических изменений, в основном, остеофитические наросты практически по всему скелету. При извлечении скелета из земли были сделаны несколько фотографий сросшихся костей левой кисти в единый комплекс. Скелет антропологически не проанализирован.

Погребение 17. В культурном слое лежал маленький скелет ребёнка, ориентированный по оси ЮЗ – СВ, головой на СВ. Некоторие кости не сохранились.Состояние: кости относительно хорошо сохранились со средней эрозией их поверхности, прежде всего в месте переломов и метафизов. Кости черепа фрагментарные.

Череп

Зубы:

Dx Отсутствует челюсть	Отсутствует челюсть **Sin**
m_2↑ m1↑ – i_2↑ -	Отсутствует челюсть

Прим.: все зубы пока ещё замкнуты в альвеолах. У резца нет шейки.

Возраст (Ubelaker, 1978): новорождённый ± 2 месяце (Neonatus).

Размеры смотри в нижеследующей таблице (см).

Остальные кости черепа			
Os zygomaticum: макс. ширина (4): dx	2,2	Os occipitale: ширина переднего края – 5	0,95
Os zygomaticum: макс. ширина (4): sin	-	Пирамида dx: apex – край шва	3,88
Os zygomaticum: макс. высота (2) dx	2,0	Пирамида sin: apex – край шва	-
Os zygomaticum: макс. высота (2) sin	-	Пирамида dx: apex – окончание отверстия	1,45
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) dx	2,0	Пирамида sin: apex – окончание отверстия	1,4
Os zygomaticum: мин. расстояние (3) sin	-	Пирамида dx: apex – начало отверстия	1,0
Os occipitale: мин. длина базы (в седле) – 1	1,3	Пирамида sin: apex – начало отверстия	0,9
Os occipitale: макс. длина базы – 2	1,65	Os sphenoidale: расстояние alae minores	-
Os occipitale: : макс. ширина базы – 3	1,5	Os sphenoidale: длина corpus	1,3
Os occipitale: ширина заднего края – 4	1,05	Os sphenoidale: ширина fossa hypophysialis	0,6

Патология: отчётливые следы кровоизлияния на внутренней поверхности os parietale sin и на facies malaris правой скуловой кости.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: размеры смотри в нижеследующих таблицах (см).

Humerus	**Dx**	**Sin**	**Humerus**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	6,2	-	Ширина дистального метафиза	1,55	-
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	1,3	-	Периметр середины	1,6	-
А – П ширина прокс. метафиза	-	-	Мин. диаметр середины (H6)	0,45	-
Ширина прокс. эпифиза	-	-	Макс. диаметр середины (H5)	0,5	-

Scapula	**Dx**	**Sin**	**Scapula**	**Dx**	**Sin**
Высота лопатки	-	-	Высота fovea glenoidalis	1,05	-
Ширина лопатки	-	-	Ширина fovea glenoidalis	0,57	-
Длина spina scapulae	-	-			

Clavicula	**Dx**	**Sin**	**Clavicula**	**Dx**	**Sin**
Наибольшая длина	~ 3,8	-	Макс. ширина extremitas acromialis	-	-
Периметр середины	-	-	Макс. ширина extremitas sternalis	-	-

Возраст: Humerus (Fazekas, Kósa, 1978): 9,5 – 10 лунных месяцев

(Stloukal, Hanáková, 1978): менее 0,5 года

(Johnston, 1962): fetus – 0,5 года

Нижние конечности: размеры см. в нижеследующей таблице.

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина	~ 7,1	~ 7,1	Ширина дистального метафиза	1,7	-
Ширина прокс. метафиза (целая)	1,7	1,7	Ширина дистального эпифиза	-	-
Ширина прокс. метафиза: caput	-	-	А – П диаметр середины	-	-
Наибольшая ширина прокс. эпифиза	-	-	М – Л диаметр середины	-	-
Периметр прокс. эпифиза	-	-	Периметр середины	1,85	1,8

Возраст: Femur (Fazekas, Kósa, 1978): 10 лунных месяцев
(Stloukal, Hanáková, 1978): менее 0,5 года
(Johnston, 1962): fetus – 0,5 года
Заключение: скелет новорожденного.

Погребение 18. Детское погребение ориентировано в направлении С – Ю, головой на С, верхние конечности вытянуты вдоль тела. Некоторие кости были перемещены грызунами.Состояние: скелет в относительно хорошем состоянии. Кости черепа немного постмортально деформированы.

Череп

Зубы

Dx M_2↓ I_1↓ M_1 m_2 m_1 c – i_1	I_1↓ M_2↓ **Sin** – i_2 c m_1 m_2 M_1
M_1 m_2 m_1 c i_2 I_1↑ M_2↑ I_2↑	I_1↑ i_2 c m_1 m_2 M_1 M_2↑

Примечание: зубы намеченные вне основной строки (M_2 dx et sin, sup et inf; I_1 dx et sin sup; I_2 dx inf) пока не полностью прорезаны, более-менее замкнуты в альвеолах.

Кариес: M_1 dx inf.

Зубной камень: есть, но нельзя определить степень развития.

Гипоплазия: I_1↑dx et sin, sup et inf.

Возраст (Ubelaker, 1978): коренные зубы: 7 лет ± 24 месяцев (Infans II)

Размеры см. в нижеследующей таблице.

Mandibula			
M65	10,0	Расстояние foramen mentale – кривая	5,0
M66	7,9	Расстояние foramen mentale – прямое	4,3
M69	2,6	Расстояние processus coronoidei	8,15
M70 dx	4,8	M68	8,3
M70 sin	4,7	Расстояние M_1 dx et sin – внутреннее	3,4
M71 dx	2,8	Расстояние M_1 dx et sin – внешнее	5,3
M71 sin	2,8		
Остальные кости черепа			
M9	9,2	M51 dx	3,85
M10	~ 11	M51 sin	~ 3,6
M26	12,4	M52 dx	3,75
M29	11,5	M52sin	3,5

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae dx.
: Ossiculum epiptericum verum dx.
: Ossiculum epiptericum spurium sin.

Искусственно деформированный череп (рис. 338; 339): с учётом возраста исследуемого индивидуума следует предположить, что искусственная деформация не закончена морфологически. Вероятно, бандаж, корректирующий в процессе роста форму черепа, был двойным. Одна лента (?) фиксировала спереди поверхность лобной кости, другая – сверху зону теменных костей (в месте за брегмой). Затем обе перетяжки шли назад и, вероятно, сходились в середине поверхности затылочной кости. Второй бандаж повлиял в этом возрасте на форму черепа в большей степени, чем первый.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: хорошая сохранность костей со слабой эрозией метафизов. Размеры см. в нижеследующих таблицах.

Humerus	Dx	Sin	Humerus	Dx	Sin
Наибольшая длина	18,4	18,35	Ширина дистального метафиза	3,62	3,68
М – Л ширина прокс. метафиза (целая)	3,0	3,0	Периметр середины	4,4	4,2
А – П ширина прокс. метафиза	2,5	2,5	Мин. диаметр середины (H6)	1,2	1,2
Ширина прокс. эпифиза	3,15	~2,95	Макс. диаметр середины (H5)	1,4	1,36

Radius	Dx	Sin	Radius	Dx	Sin
Наибольшая длина	13,9	13,75	Макс. ширина tuberositas radii	1,2	1,16
Ширина прокс. метафиза	1,33	1,34	Ширина дистального метафиза	1,9	1,96
Периметр прокс. метафиза	4,0	-	Ширина дистального эпифиза	1,8	-
Периметр tuberositas radii	3,4	3,5			

Ulna	Dx	Sin	Ulna	Dx	Sin
Наибольшая длина	15,1	15,0	Глубина olecranona	1,2	1,1
Ширина прокс. метафиза	-	1,55	Периметр середины	2,9	2,9
Ширина дисталь. метафиза	1,12	-			

Scapula	Dx	Sin	Scapula	Dx	Sin
Высота лопатки	8,88	8,9	Высота fovea glenoidalis	3,2	3,1
Ширина лопатки	5,95	~6,0	Ширина fovea glenoidalis	1,55	1,6
Длина spina scapulae	7,0	~7,0			

Clavicula	Dx	Sin	Clavicula	Dx	Sin
Наибольшая длина	8,5	8,6	Макс. ширина extremitas acromialis	1,6	1,6
Периметр середины	2,4	2,5	Макс. ширина extremitas sternalis	1,6	1,75

Размер		Mc I	Mc II	Mc III	Mc IV	Mc V
Наибольшая длина ossa metacarpi	**Dx**	2,3	-	-	-	-
	Sin	-	-	-	-	-

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978)
: Humerus: 8 лет (7 – 9 лет)
: Radius: 8 лет (6 – 9 лет)
: Ulna: 7 лет (6 – 8 лет)
} Infans II

Патология: в месте присоедине- ния lig. costoclaviculare правой ключицы находится глубокая лигаментопатия.

Кости таза и крестец:размеры см. в нижеследующей таблице (см).

Кость	Dx	Sin
Os ilium – ширина (М – Л)	9,1	9,05
Os ilium – длина (С – И)	8,25	8,35
Os pubis – длина	4,2	4,3
Os ischii – длина	5,2	5,1

Возраст (Florkowski, Kozlowski, 1994): 6 – 9 лет (Infans II)

Нижние конечности: очень хорошая сохранность костей, но с хрупкой структурой эпифизов и метафизов. Размеры см. в нижеследующих таблицах.

Femur	Dx	Sin	Femur	Dx	Sin
Наибольшая длина	24,8	24,6	Ширина дистального метафиза	5,03	> 4,9
Ширина прокс. метафиза (целая)	5,23	5,2	Ширина дистального эпифиза	5,28	5,2
Ширина прокс. метафиза: caput	2,73	2,72	А – П диаметр середины	1,7	1,66
Наибольшая ширина прокс. эпифиза	2,7	2,64	М – Л диаметр середины	1,65	1,64
Периметр прокс. эпифиза	8,3	8,25	Периметр середины	5,3	5,2

Tibia	Dx	Sin	Tibia	Dx	Sin
Наибольшая длина	19,8	2,1	Периметр foramen nutricium	5,5	5,4
Ширина прокс. метафиза	4,15	4,38	А – Пширина foramen nutricium	1,75	1,85
Ширина прокс. эпифиза	4,4	4,24	М – Лширина foramen nutricium	1,6	1,65
А – П ширина дистального метафиза	2,75	2,66	Высота k foramen nutricium	6,6	7,1
М – Л ширина дистального метафиза	2,9	2,92	Периметр середины	4,9	4,9
Ширина дистального эпифиза (М – Л)	3,1	3,1			

Fibula	Dx	Sin	Fibula	Dx	Sin
Наибольшая длина	19,3	19,2	Наибольшая ширина дистального метафиза	1,6	1,6
Ширина прокс. метафиза	1,37	-	Наибольшая ширина дистального эпифиза	-	1,5
Ширина прокс. эпифиза	1,5	1,5	Высота дистального эпифиза	-	1,5
Периметр середины	2,2	2,5			

Talus	Dx	Sin	Talus	Dx	Sin
Наибольшая длина	3,8	3,8	М – Лширина caput tali	2,4	2,35
Длина блока	2,1	2,1	С – И высота caput tali	~ 1,9	1,8
Общая ширина	2,6	2,65	Длина facies posterior	-	-

Calcaneus	Dx	Sin	Calcaneus	Dx	Sin
Наибольшая длина	4,7	4,8	Ширина sustentaculum tali (facies post.)	2,5	2,6
Физиологическая длина	4,65	4,65			

Os cuboideum	Dx	Sin	Os cuboideum	Dx	Sin
Наибольшый размер	2,1	2,1	М – Л размер	1,75	1,73
А – П размер	2,0	2,0	С – И размер	1,65	1,6

Размер		Mc I	Mc II	Mc III	Mc IV	Mc V
Наибольшая длина ossa metacarpi	**Dx**	3,65	-	-	-	-
	Sin	3,55	4,0	3,7	3,6	3,55

Возраст (Stloukal, Hanáková, 1978)
: Femur: 7 – 8 лет (6 – 9 лет)
: Tibia: 7 – 8 лет (6 – 9 лет)
: Fibula: 7 лет (6 – 8 лет)
} Infans II

Патология: на медиальной части дорзальной стороны тела tibie находится отчетливая лигаментопатия.

Заключение: детский скелет в возрасте 7 лет ± 24 месяцев (Infans II) с искусственно деформированным черепом.

Погребение 19. Погребение не до конца сформировавшегося индивидуума с искусственно деформированным черепом ориентировано по оси ЮЗ – СВ, головой на ЮЗ. Покойник лежал в вытянутой позе на спине. Правая рука вытянута вдоль тела, кости левой перемещены.Состояние: кости чрезвычайно мелкого скелета в очень хорошем состоянии. Структура костей прочная, они не ломаются и не крошатся. Плоские кости черепа постмортально деформированы давлением и влажностью земли, что осложнило его реконструкцию. Конституция костей – очень мелкая со средним развитием мышечного рельефа.

Зубы

Dx x M_2 M_1 P_2 – – – -	– – – P_1 P_2 M_1 M_2 x **Sin**
x M_2 M_1 P_2 P_1 C I_2 I_1	– I_2 C P_1 P_2 M_1 M_2 x

Примечание: × – зуб не прорезан или не создан.

Кариес: нет.

Зубной камень: есть, нельзя определить степень развития на передней поверхности, на задней соответствует степени II.

Гипоплазия: I_1 dx inf.

Возраст (Lovejoy, 1985)

: Maxilla: 18 – 22 лет } Juvenis – Adultus I

: Mandibula: 16 – 24 лет } Juvenis – Adultus I

(Linc, 1971): < 20 лет

: Synchondrosis sphenooccipitalis: полностью сросшаясь, по разным авторам срастает в диапазоне от 16 – 25 лет, чаще от18 – 22 let (Juvenis – Adultus I).

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -40 ⇨ Женщина

Многообразия: нерегулярный ход шва и форма носовых костей.

: Ossiculum epiptericum verum dx.

: Ossicula suturae lambdoideae dx et sin.

Искуственно деформированный череп (рис. 340; 341): необыкновенно удлиненная форма черепа была достигнута установкой бандажа, в этом случае только одного, который пролегал от средней части поверхности лобной кости, через височные кости к затылку. Выяснению точного положения бандажа способствовал бы рентгеновский снимок или ЦТ.

Посткраниальный скелет

Верхние конечности: очень хорошая сохранность костей, их конституция очень мелкая. Размеры см. в нижеследующих таблицах (см).

Clavicula	Cl1	Cl4	Cl5	Cl6	Макс. диаметр extremitas sternalis	Макс. диаметр extremitas acromialis
Dx	12,3	-	-	-	2,02	2,1
Sin	12,15	-	-	-	2,1	1,95

Humerus	H1	H4	H5	H6	H7
Dx	29,3	4,9	1,74	1,2	4,8
Sin	-	-	-	-	-

Humerus	H7a	H8	H9	H10	H11
Dx	5,0	11,6	3,6	3,75	3,63
Sin	-	-	-	-	-

Radius	R1	R4	R5	R5(3)	R5(5)
Dx	22,8	1,2	0,95	5,75	3,2
Sin	22,25	1,1	0,85	5,8	3,0

Radius	R5(6)	Периметр tuberositas radii	Макс. диаметр tub. radii	SBB Ra
Dx	2,85	3,9	1,3	-
Sin	2,75	3,8	1,25	-

Ulna	U1	U3a	U7	U11	U11a	U12	U12a
Dx	24,4	3,5	2,0	0,9	-	1,2	1,4
Sin	23,8	3,3	2,0	0,9	-	1,2	-

Пол: по всем использованым методам – женский.

Патология: в месте присоединения lig. costoclaviculare правой и левой ключицы находится отчётливая лигаментопатия.

Многообразия: у правой плечевой кости foramen supratrochleare.

Позвонки: yL4 в середине facies terminalis superior тела позвонка находится нодус Шморла.

Кости таза и крестец

Размеры см. в нижеследующей таблице (в см).

Sacrum	Sa1	Sa2	Sa2a	Sa5	Sa6	Sa13a
	11,6	10,2	3,02	10,2	2,3	2,6

Sacrum	Sa13b	Sa14 dx	Sa14 sin	Sa18	Sa18a	Sa19
	4,7	~ 5,1	-	2,63	4,45	4,0

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): -19 ⇨ Женщина

(Phenice, 1969): 1, 2, 3 – Ж

Многообразия: Spina bifida: некомплектная – отверстия между S1 и S2, S2 и S3.

Возраст (Schwartz, 1995): Crista iliaca: сросшаяся: 16 – 17 до 23 – 25 лет

: Tuber ischiadicum: сросшийся: 16 – 17 до 23 – 25 лет

: (McKern, Stewart, 1957): Facies symhysialis: 20 – 21 лет

↳ Все значения показывают верхний максимальный возраст 22 – 23 года.

Нижние конечности: очень хорошая сохранность, конституция костей мелкая со среднем развитием мышечного рельефа. Видимые границы сростания эпифизов и тел костей.

Метрика: размеры смотри в таблице ниже.

: Index platymericus: dx = 73,58 – гиперплатимер

: sin = 73,08 – гиперплатимер

: Index cnemicus: dx = 76,0 – эурикнем

: sin = 76,1 – эурикнем

Femur	F1	F2	F4	F6	F6a	F7	F7a	F8
Dx	40,3	40,1	38,4	-	2,1	-	2, 2	6,8
Sin	40,1	39,9	38,2	-	2,1	-	2,25	6,7

Femur	F9	F10	F13	F18	F19	F20	F21
Dx	2,65	1,95	7,85	3,75	3,7	11,8	6,6
Sin	2,6	1,9	8,05	3,8	3,75	12,1	6,55

Tibia	T1	T3	T6	T8a	T9a	T10	T10a	T10b
Dx	31,9	6,3	4,0	2,5	1,9	6,0	6,8	5,6
Sin	31,9	6,25	4,05	2,3	1,75	6,0	6,7	5,5

Fibula	Fi1	Fi4	Fi4(2)
Dx	31,65	3,7	2,3
Sin	31,4	3,7	2,25

Calcaneus	Ca1	Ca1a	Ca2	Ca4a
Sin	-	-	5,7	4,3

Пол: по всем использованым методам – женский. Впрочем, больше всего на это указывает мелкая конституция тела (костей).

Рост

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	29,3	22,8	24,4
Расчёт	153,1	157,5	158,8
Категория	Средний	Надсредний	Высокий (нижяя гран.)

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 dx	Ra1 dx	U1 dx
	29,3	22,8	24,4
Расчёт	1154,3 ± 4,89	160,9 ± 5,01	159,3 ± 4,97
Категория	Средний	Высокий	Высокий

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	-	22,25	23,8
Расчёт	-	155,5	156,5
Категория	-	Средний (верх. гран.)	Надсредний

Метод	Sjøvold (см)		
Размер	H1 sin	Ra1 sin	U1 sin
	-	22,25	23,8
Расчёт	-	158,8 ± 5,01	156,5 ± 4,97
Категория	-	Высокий (нижн. гран.)	Надсредний

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	40,1	32,1	31,65
Расчёт	150,8	150,5	150,5
Категория	Подсредний	Подсредний	Подсредний

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 dx	F2 dx	T1 dx	Fi1 dx
	40,3	40,1	32,1	31,65
Расчёт	155,1 ± 4,49	153,2 ± 3,96	152,9 ± 4,15	149,9 ± 4,1
Категория	Средний (верх. гран.)	Средний	Средний (нижн. гран.)	Подсредний

Метод	Manouvrier (см)		
Размер	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	39,9	31,9	31,4
Расчёт	150,2	149,9	149,3
Категория	Подсредний	Подсредний	Подсредний

Метод	Sjøvold (см)			
Размер	F1 sin	F2 sin	T1 sin	Fi1 sin
	40,1	39,9	31,9	31,4
Расчёт	154,5 ± 4,49	152,6 ± 3,96	152,3 ± 4,15	149,0 ± 4,1
Категория	Средний	Средний (нижн. гран.)	Подсредний (верх. гран.)	Подсредний

Рост, рассчитанный на основе метода Manouvrier'a, соответствует подсредней и средней категории (149,9 – 153,1 см), превалируют параметры в пределах подсреднего роста. По методу Sjøvold'a большинство значений соответствует категории среднего роста, более широкий диапазон включает и параметры подсреднего роста (152,3 – 155,1 см).

Заключение: скелет молодой женщины в возрасте 18 – 22 лет (Juvenis – Adultus I) с чрезвычайно мелкой конституцией и с искусственно деформированным черепом.

Раскоп 2, яма 7. В яме 7 нашли детский череп засыпанный рыбьей чешуей. Вместе с черепом обнаружены и фрагменты костей животных. Состояние: хорошо сохранившиеся кости, но без лицевой части.

Возраст: оценка по величине и размерам сохранившихся костей: более 6 лет – макс. до 10 лет (Infans II)

(Greulich, Pyle, 1959): Os occipitale: > 6 лет

(Stloukal et al., 1999): Os occipitale: более 4 – 7лет

Размеры смотри в нижеследующей таблице.

Кости черепа			
M9	8,45	M28	10,2
M10	10,1	M31	8,95
M26	13,3	M43	8,45
M29	10,86	M44	7,75
M27 sin	13,0	Прямое расстояние angulus sphenoidalis et angulus mastoideus ossis parietalis: sin	8,95
M30 sin	11,5		
Высота pteryon – bregma: прямое (sin)	9,1	M12	9,1
Высота pteryon – bregma: кривая (sin)	10,8	Asterion – asterion: кривая	108

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae dx et sin.

: Ossiculum lambdae.

: Останки sutura metopica наднасионем.

Патология: Cribra orbitalia dx et sin.

Заключение: детский череп в возрасте 6 – 10 лет (Infans II).

Ксизово-19

Погребение 7. Скелет несозревшего индивидуума с мелкой конституцией костей. Возраст на основе предварительной оценки: >14 лет (Juvenis).

Погребение 10. Скелет детского индивидуума.

Кариес: нет.

Возраст (Ubelaker, 1978): 10 – 11 лет ± 30 месяцев (аномальное развитие зубов, задержка выпадения вторых коренных зубов) – Infans II

(Stloukal, Hanáková,1978): 9 – 10 лет (Infans II)

Многообразия: Costa cervicalis dx, ossicula incisurae parietalis sin (2 кости), ossicula suturae lambdoideae (18 костей), ossiculum suturae occipitomastoideae dx (1 кость).

Заключение: ребенок в возрасте 9 – 11 лет (Infans II).

Погребение 11. Фрагментарный скелет детского индивидуума.

Возраст (Stloukal, Hanáková,1978): 7 – 8 лет (InfansII)

(Florkowski, Kozlowski, 1994): 6 – 9 лет (Infans II)

Заключение: ребенок в возрасте 6 – 8 лет (Infans II).

Погребение 12. Скелет взрослого индивидуума с мелкой конституцией костей и со слабым – средним развитием мышечного рельефа.

Кариес: нет.

Многообразия: слабое вращение C dx et sin inf вовнутрь.

Возраст (Lovejoy, 1985): 40 – 55 лет (Maturus I – Maturus II)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): женщина (с типично женскими признаками)

Патология: Os ilium dx (sulcus preauricularis) – глубокие изменения от родов.

Заключение: женщина в возрасте 40 – 55 лет.

Погребение 13. Скелет взрослого индивидуума с мелкой конституцией костей и с неопределимым развитием мышечного рельефа.

Кариес: нет.

Возраст: 16 – 22 лет (Juvenis – более Adultus I)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): Женщина (с типично женскими признаками)

Многообразия: Os Incae (7×5,1 см) на левой половине чешуи os occipitale.

Заключение: грацильная женщина в возрасте 16 – 22 лет (Juvenis – Adultus I).

Погребение 15. Скелет взрослого индивидуума с мелкой конституцией костей и со средним развитием мышечного рельефа.

Кариес: нет.

Возраст (Lovejoy, 1985): 40 – 45 лет (Maturus I)

(Linc, 1971): 45 – 50 лет (Maturus I)

Пол (Acsádi, Nemeskéri,1970): женщина (с типично женскими признаками)

Многообразия: Ossiculum suturae lambdoideae dx (1 кость).

Патология: Os ilium dx (sin нельзя осмотреть) – мелкие изменения от родов.

Заключение: женщина в возрасте 40 – 50 лет.

Погребение 16. Некомплектный скелет несозревшего индивидуума с массивной конституцией костей и со средним развитием мышечного рельефа.

Возраст (Schwartz, 1995): 16 – 18 лет (Juvenis, незадолго до достижения зрелости)

Пол: по массивности конституции костей посткраниального скелета – скорее, мужчина (M>I)

Заключение: скорее, мужской скелет в возрасте 16 – 18 лет.

Погребение 17. Очень фрагментарный скелет взрослого индивидуума со средней конституцией костей и со средним развитием мышечного рельефа.

Кариес: нет.

Возраст (Lovejoy, 1985): 30 – 35 лет (Adultus II)

Пол (Acsádi, Nemeskéri, 1970): неопределимый (очень индифферентные признаки, по морфологии костей посткраниального скелета, скорее, мужчина – М>И)

Заключение: индивидуум неопределимого пола в возрасте 30 – 35 лет.

Сводная таблица погребений

Ксизово	Погребение	Пол	Возраст	Категория	Заметка
17А	**Погр. 9**	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 10	М	40 – 50 лет	Maturus I	
	Погр. 11А	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 11Б	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 12	(М)	взрослый		Без антропологии
	Погр. 16	(М)	взрослый		Без антропологии
	Погр. 19	М>Ж	20 – 30 лет	Adultus I	
	Погр. 23	Ж	> 40 – 50 лет	Maturus I – II	
	Погр. 27	-	24 – 30 месяцев	Infans Ib	
	Погр. 28	Ж	30 – 50 лет	Adultus II – Maturus I	
	Погр. 29	Ж	20 – 24 лет	Adultus I	
	Погр. 30	Ж	16 – 20 лет	Juvenis – Adultus I	Искусственно деформированный череп
	Погр. 31	Ж	18 – 24 лет	Juvenis – Adultus I	
	Погр. 39	(Ж)	взрослый		Без антропологии
	Погр. 46	-	ребенок		Без антропологии
	Погр. 47	-	ребенок		Без антропологии
	Погр. 68	М	35 – 45 лет	Adultus II – Maturus I	
	Погр. 69	Ж	30 – 35 лет	Adultus II	
17Б	**Погр. 2**	Ж	16 – 20 лет	Juvenis – Adultus I	
	Погр. 3А	-	11 – 13 лет	Infans II	
	Погр. 3Б	Ж>И	20 – 24 лет	Adultus I	
	Погр. 4	М	30 – 50 лет	Adultus II – Maturus I	
	Погр. 5	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 6	Ж	взрослый		Частичная антропологии
	Погр. 7	-	8 лет ± 24 месяцев	Infans II	
	Погр. 8	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 9	(М)	взрослый		Без антропологии
	Погр. 10	М	40 – 60 лет	Maturus I – II	
	Погр. 11	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 12А	-	5 лет ± 16 месяцев	Infans Ib	
	Погр. 12Б	-	2 – 4 года	Infans Ib	
	Погр. 12В	М	>40 – 55 лет	Maturus – Senilis	
	Погр. 13	М	30 – 44 лет	Adultus II – Maturus I	
	Погр. 14	М	40 – 55 лет	Maturus I – II	
	Погр. 15	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 16	-	взрослый		Без антропологии
	Погр. 17	-	новорожденный	Neonatus (Infans Ia)	

	Погр. 18	-	7 лет ± 24 месяцев	Inafans II	Искуственно деформирован-ный череп
	Погр. 19	Ж	18 – 22 лет	Juvenis – Adultus I	Искуственно деформирован-ный череп
	Р2, яма 7	-	6 – 10 лет	Infans II	
19	Погр. 7	-	>14 лет	Juvenis	Без антропологии
	Погр. 10	-	9 – 11 лет	Infans II	
	Погр. 11	-	6 – 8 лет	Infans II	
	Погр. 12	Ж	40 – 55 лет	Maturus I – II	
	Погр. 13	Ж	16 – 22 лет	Juvenis – Adultus I	
	Погр. 15	Ж	40 – 50 лет	Maturus I	
	Погр. 16	М>И	16 – 18 лет	Juvenis	
	Погр. 17	М>И	30 – 35 лет	Adultus II	

Примечание: пол в скобках только предварительный.

Приложение 2

Следы изготовления и использования на роговых накладках сложносоставного лука из ямы 24 поселения Ксизово-16

А.Н. Усачук (Донецк)

Из ямы 24 на поселении Ксизово-16 происходят фрагменты роговых[1] накладок на лук. Всего найдено 8 экз.: обломки готовых изделий (рис. 19: 1-4, 6) и фрагменты заготовок (рис. 19: 5, 7, 8). В октябре 2014 г. проведен трасологический анализ накладок при помощи микроскопа Hund Wetzlar. Естественная сохранность изделий очень хорошая, оценивается в четыре-пять баллов по пятибальной системе (Антипина, 2003. С. 13).

Ввиду того, что были найдены заготовки накладок, оказалось возможным остановиться на некоторых деталях изготовления. Обратим внимание на то, что некоторые накладки изогнуты (рис. 19: 2, 3, 5). Очевидно, для получения подобных изделий специально выбирались изогнутые тонкие отростки. Как правило, именно олений рог может давать изогнутые отростки значительной длины (Бородовский, 2007. С. 32). Для накладок использовали одинарную роговую пластину (ср. Бородовский, 1997. С. 98). Это хорошо видно практически на всех найденных изделиях: на лицевой стороне сохранена компакта, на оборотной – начало губчатого слоя (ср. Сергєєва, 2011. С. 61-62). Видимо, из фрагментов рога изготавливали несколько более-менее плоских пластин. Интересно бы выяснить, использовалось ли на Ксизово-16 для расчленения рога и изготовления пластин пила, но следы пиления на немногочисленном роговом материале из ямы 24 не зафиксированы. На накладках сохранились только следы резки-строгания довольно острым лезвием. На всех заготовках и целых изделиях отсутствует поверхностный рельеф – он был удален. Судя по толщине заготовок, очистка рога проведена довольно умело – снималась, скорее всего, тонкая стружка коры рога. Косвенно это свидетельствует о хорошо размягченном сырье (Обломский, Усачук, 2004. С. 71). На довольно большой по размерам заготовке (рис. 19: 5) видны грани подрезки на лицевой стороне со слабыми следами поперечных уступов на месте остановки лезвия во время резки-строгания (рис. 342: 5А). Подобные, но менее четкие следы подрезки-выравнивания просматриваются и на тыльной стороне заготовки (рис. 342: 5Б). То, что в многоактных следах резки отсутствуют заломы и выкрошенность, свидетельствует (помимо снятия коры рога) о работе с размягченным сырьем (ср. Изюмова, 1949. С. 19; Бородовский, 1989. С. 25; Обломский, Усачук, 2004. С. 71). О возникновении подобных уступов во время обработки кости уже упоминалось при анализе иных материалов (Сидоров, Бородовский, 1990. С. 160; Гаврилюк, Усачук, 1999. С. 112; Сергєєва, 2012. С. 119; и др.). Длина срезаемых участков компакты на поверхности заготовки доходит до 1,0 см или чуть более, что так же свидетельствует об обработке увлажненного и термически обра-

[1] Как было сказано выше, определение Е.Е Антипиной (Институт археологии РАН) показало, что сырьем всех накладок является рог благородного оленя.

ботанного сырья (Сидоров, Бородовский, 1990. С. 160). Слабые следы подрезки-выравнивания фиксируются и на тыльных сторонах небольших фрагментов других заготовок (рис. 342: 7А, 8А). При этом на одной из заготовок (рис. 19: 8) грани лицевой стороны немного видны, но очень сглажены. Видимо, при обработке поверхности накладок постепенно шли от гранения (рис. 19: 5) к почти плоской чуть выпуклой (рис. 19: 4, 7, 8) или практически ровной (рис. 19: 2, 3) поверхности. Обрабатывались, разумеется, и узкие торцы: на одной заготовке боковой накладки именно на торце сохранились следы резки (рис. 342: 8Б). Поперечные следы резки острым лезвием сохранились и в вырезе для тетивы концевой боковой накладки (рис. 342: 3А). На внешней стороне срединной накладки (рис. 19: 1) – разновеликие локальные следы тонкого абразива (рис. 342: 1А). Обратим внимание, что для обработки накладок применялись разные абразивы: на фрагменте концевой пластины (рис. 19: 6) следы более грубого, чем на поверхности срединной накладки, абразива (рис. 342: 6А), а при обработке концевой пластины (рис. 19: 2) на разных участках фиксируются следы разных абразивов (рис. 342: 2А, 2Б). Абразив на фрагменте концевой пластины (рис. 342: 4А) практически такой же, как и на маленьком фрагменте такой же пластины (рис. 342: 6А). При этом большой и маленький фрагменты не являются частями одного изделия – у них разнится профиль и немного иная структура рога. Очевидно, в яму 24 попали фрагменты разных пластин, но изготовленных при помощи одних и тех же орудий (по крайней мере – абразивов) и, возможно, одним и тем же мастером. К сожалению, технологической информации недостаточно, чтобы утверждать последнее и мы можем высказать это только в виде предположения.

Заготовки накладок не имеют на тыльных сторонах штриховой нарезки, обычной для накладок на лук или колчан. И в то же время все три заготовки залощены. Большая заготовка (рис. 19: 5) имеет легкую залощенность по граням и нитевидную – по узким торцам. Небольшие фрагменты накладок (рис. 19: 7, 8) имеют легкую локальную залощенность (рис. 342: 7Б, 8В). Разумеется, какую-то, особенно локальную, очень слабую залощенность заготовки могли получить попутно при работе с ними во время процесса резки-строгания. Но локальная залощенность небольших фрагментов заготовок накладок (рис. 19: 7,8) не производит впечатления случайной. А нитевидная залощенность по узким торцам большой заготовки (рис. 19: 5) вообще свидетельствует, что лощение изделия проводилось специально. Видимо, мастер на Ксизово-16 проводил лощение роговых накладок несколько раз во время тщательного и неторопливого(?) их изготовления. Во всяком случае, большая заготовка (рис. 19: 5) имеет залощенность при наличии достаточно выраженных граней, которые нужно еще срезать и затем снова подвергнуть накладку лощению. Нанесение же штриховой нарезки на тыльные стороны накладок проводилось, очевидно, вообще после окончательного лощения изделий.

На торцы, тыльные стороны и отчасти на края внешних сторон накладок нанесены штриховая нарезка и насечки (ср. Круглов, 2005. С. 74). Нарезка продольная диагональная, сетевидная. Заметим, что продольные насечки выявлены только на узком торце срединной накладки (рис. 342: 1Б) и то они балансируют на грани перехода в диагональные (косые) насечки. Видимо, диагональ и сетка – привычные направления насечек и нарезки для мастеров Ксизово-16. Обратим внимание, что на большом (рис. 19: 4) и маленьком (рис. 19: 6) фрагментах концевых пластин насечки столь же похожи, как и следы абразивов, о чем говорилось выше. Косые насечки идут по узкому торцу срединной накладки (рис. 342: 1Б). На край внешней стороны этого изделия нанесены более крупные и грубые насечки (рис. 342: 1В). На концевой боковой накладке (рис. 19: 3) участки насечек различны по интенсивности и по направлению (рис. 342: 3Б, 3В, 3Г). Особенно это хорошо видно на узких торцах (рис. 342: 3Б, 3В, 3Д, 3Е). На тыльной стороне нанесены как довольно грубые и редкие (рис. 342: 3Ж), так и тонкие длинные (рис. 342: 3З) насечки. Разные группы насечек фиксируются и на другом фрагменте концевой накладки (рис. 342: 2В, 2Г).

Помимо залощенности, связанной с изготовлением накладок, отметим и следы эксплуатации на них. Заметно, что затерты насечки на концевой боковой накладке (рис. 342: 3Г, 3З). Заполирована поверхность срединной накладки (рис. 342: 1Г). Залощены до начала заполировки обе стороны фрагмента концевой накладки (рис. 342: 4Б, 4В). Заполировка сохранилась и на маленьком фрагменте пластины (рис. 342: 6Б).

Края вырезов для тетивы в обоих случаях заполированы (рис. 342: 2Д, 3И). Завальцованы и участки накладки выше выреза для тетивы (рис. 342: 3К). Острый край другой концевой пластины (рис. 342: 2Е) имеет нитевидную заполированность.

Таким образом, в яме 24 оказались концевые накладки лука, которые какое-то время использовались. Судя по довольно сильной заполировке, какое-то время была в эксплуатации и срединная накладка. Мы не можем сказать, являются ли эти накладки от одного лука. Судя по форме концевых боковых накладок, скорее всего, от разных. Настораживает наличие заготовок в яме. Однако, их не так много (ср. Флёрова, 2001. С. 31; Дмитриенко, Масловский, 2008. С. 411), а главное – нет следов разделки оленьего рога, которые должны были быть, если бы речь шла о возможности отходов косторезной мастерской (ср. Бородовский, 1997. С. 42-43; Сергєєва, 2012. С. 119-120). Как правило, разделка оленьего рога дает достаточное количество отходов (ср. Смирнова, 1995. С. 119; Сергєєва, 2011. С. 59-60). Тем не менее, наличие даже небольшого количества заготовок роговых накладок на лук позволяет сделать вывод о том, что на Ксизово-16 работал, по крайней мере, один мастер, если не изготавливая, то ремонтируя сложносоставные луки. Это мог быть не обязательно косторез, а мастер-лучник или резчик широкого профиля (Флёрова, 2001. С. 143; Винников, 2011; Сергєєва, 2012. С. 123). В любом случае, можно согласиться с И.Л. Кызласовым, заметившим, что «… изготовлением боевых луков занимались люди редкие…» (Кызласов, 2014. С. 158).

Приложение 3

Определение античных монет, найденных на поселении Ксизово-19.

К.В. Мызгин (Харьков)

1. Правитель: Фофорс (285/286 – 309/310 гг.)

Номинал: статер

Металл: медь

Av: Бюст царя вправо; ВАСІΛЕ[ωС Θ] ОΘОРСОУ

Rv: Бюст императора вправо, справа тамга , снизу год боспорской эры – Н[…]

Дата чеканки: Монета может быть отчеканена в 588 или 598 г. босп. э. (под головой императора четко видна буква Н). Согласно В.А. Анохину, с 594 г. босп. э. на лицевой и оборотной стороне на всех статерах до 606 г. босп. э. включительно помещается по 3 точки. Здесь их не видно, следовательно, год чеканки – 588 г.босп. э. (291/292 гг.н.э.)

Сохранность: удовлетворительная

Место чеканки: Боспор (рис. 121: 1).

Литература: (Анохин, 1986, с. 128)

Ближайшие находки: Кирово Полтавской обл. (2 экз.), Рябухино Харьковской обл. (1 экз.).

2. Правитель: Рискупорид VI (318/319 – 336/337 гг.)

Номинал: статер

Металл: медь

Av: Бюст царя вправо, справа – венок; [В] АС[ІΛСУС РНСКОУП]О[РІС]

Rv: Бюст императора вправо (без диферента), год под бюстом не виден.

Дата чеканки: Согласно В.А. Анохину, венок на лицевой стороне монет появился в 617 г. босп. э. (320/321 гг. н.э.), монеты с венком и без дифферента на оборотной стороне выпускались в 617-619, 623-625, 627 г. босп. э.

Сохранность: удовлетворительная

Место чеканки: Боспор

Литература: Анохин, 1986, с. 129.

Ближайшие находки: Полтавская обл. (1 экз.), Рыльский р-н Курской обл. (1 экз.), Хрущовая Никитовка Харьковской обл. (1 экз.)

3. Правитель: Адриан (117-138 гг.)

Номинал: денарий

Металл: серебро

Av: Голова императора в венке вправо; HADRIANVS AVG COS II PP

Rv: Пиетас стоит прямо, голова влево, обе руки подняты в мольбе перед алтарем слева; PIETAS AVG

Дата чеканки: 117-118 гг.

Сохранность: хорошая

Место чеканки: Рим

Литература: RIC, 257; RSC, 1030.

Ближайшие находки: находки широко встречаются на территории Восточной Европы.

4. Правитель: Галлиен (253-268 гг.)

Номинал: антониниан

Металл: биллон

Av: Голова императора в зубчатой короне вправо; GALIENVS AVG

Rv: Виктория идущая влево, в левой поднятой руке венок, в правой – пальмовая ветвь; VICTORIA AVG

Дата чеканки: 264 г.

Сохранность: хорошая

Место чеканки: Антиохия (Малая Азия)

Литература: RIC, 663; Cohen, 1885, 1094.

Ближайшие находки: Среди опубликованных находок римских монет на территории Юго-Восточной Европы подобный тип монеты Галлиена встречается впервые. Известны биллоновые антонинианы Галлиена центральной чеканки: в слое черняховского могильника Петрикивцы (Винницкая обл.) (с отверстием), в слое черняховского поселения Малополовецкое (Киевская обл.) (с отверстием), на поверхности черняховского поселения Саржин Яр (черта г. Харькова), возле поселения черняховской культуры у с. Соколово (Харьковской обл.). Медная монета Галлиена малоазийской чеканки обнаружена возле с. Шимковцы (Хмельницкая обл.)

Приложение 4

Погребальные дары или бытовой мусор? (к интерпретации археоботанических находок из Ксизово-19)

Е.Ю. Лебедева (Москва)

Два очень интересных объекта, содержавших обугленные зерна и семена, были раскопаны в сезоны 2008-2009 гг. на площадке поселения гуннского времени Ксизово-19[1].

Описание объектов и археоботанических материалов

Объект 1 раскопа 7 (2008 г.) представлял собой коллективное захоронение четырех человек (глава 6 настоящего издания). По мнению археологов, могильная яма практически полностью разрушила сгоревшее в пожаре жилище (глава 5). Зерна и семена встречались во всех уровнях заполнения сверху донизу, иногда концентрируясь небольшими скоплениями. Археоботанические образцы формировались в результате просеивания грунта через сита с размером ячеек 0,5 мм. Всего было отобрано три пробы; к сожалению, точная позиция каждой из них не была зафиксирована, исключая одну пробу из скопления близ самого верхнего погребения (скелет А, № ан. 2543). Детальный состав растительных макроостатков в изученных образах приводится в аналитическом заключении (далее: «Таксономический состав…»), размещенном в конце этой работы, а обобщенные данные по культурным растениям – в таблице 1.

Сохранность археоботанических материалов оценивается как хорошая – 3,5-4 балла по пятибалльной шкале. Часть семян имеют коричневый, а не черный цвет, их можно назвать полукарбонизированными. По структуре растительных макроостатков все образцы из объекта 1 очень похожи – более 99% составляют в них семена бобовых и злаковых культур; менее 1% приходится на все остальные категории – лесные и плодовые растения, а также прочие неопределимые фрагменты (см. «Таксономический состав…»).

Во всех трех пробах из объекта 1 основным, явно преобладающим компонентом были семена гороха *Pisum sativum* ssp. *sativum* (табл. 1). Должна признаться, что я впервые в своей практике столкнулась с таким морфологическим разнообразием семян этой культуры (рис. 343: 1). В коллекции из Ксизово-19 представлены практически все, описанные в ботанической литературе формы семян: округлые (сферические), округло-овальные, плоско-сдавленные параллельно рубчику, квадратно-сдавленные перпендикулярно рубчику (форма барабанчика), неправильно сдавленные (Макашева, 1979. С. 152-153). Структура поверхности также различалась: она могла быть гладкой (как правило, у округлых семян) или с вдавлениями-ямочками разнообразной формы (чаще у сплюснутых и сдавленных семян), которые либо полностью покрывали семя, либо частично; очень редко встречались экземпляры с мелко-ямчатой поверхностью. Форма сдавленных в разных плоскостях

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-12023.

Таблица 1. Видовой состав культурных растений из двух комплексов Ксизово-19

Комплекс и № ан	Объект 1 (2008 г.)					Яма 12 (2009 г.)					
Таксон	2542	2543	2544	**Всего**	%	2545	2546	2547	2548	**Всего**	%
Triticum turgidum ssp. *dicoccum*		1	10	**11**	*0,3*		1			**1**	*0,1*
Triticum aestivum/ durum		11	4	**15**	*0,4*	25	357	42	1	**425**	*32,7*
Triticum sp.	2		2	**4**	*0,1*	3	18	2	1	**24**	*1,8*
Hordeum vulgare ssp. *vulgare*	15	12	342	**369**	*11,0*	4	39	6		**49**	*3,8*
Avena sp.	5	11	46	**62**	*1,9*		1	1		**2**	*0,2*
Panicum miliaceum	1	1		**2**	*0,1*		2			**2**	*0,2*
Pisum sativum	409	972	1499	**2880**	*86,2*	201	458	128	7	**794**	*61,1*
cf. *Lens culinaris*							2			**2**	*0,2*
	432	**1008**	**1903**	**3343**	*100,0*	**233**	**878**	**179**	**9**	**1299**	*100,0*

семян позволяет предполагать, что в бобе они располагались очень компактно, тесно прижимаясь друг к другу (т.н. эффект «гусеничного сцепления» по В.В. Хангильдину). Такое расположение семян проиллюстрировано Р.Х. Макашевой (Макашева, 1979, рис. 31) и именно с ним, по всей вероятности, надо связывать появление в нашей коллекции экземпляров, имеющих слегка подтреугольную форму. Эти семена могли быть краевыми по расположению в бобе, ориентируясь на рисунок, приведенный Р.Х. Макашевой (Макашева, 1979, рис. 31 правое изображение).

Несмотря на то, что состояние семян не соответствует 5 баллам по шкале сохранности, на многих из них сохранились остатки семенной кожуры с характерным для этого вида рубчиком (рис. 343: 2-3). Нужно заметить, что рубчик (очень важный диагностический признак при определении семян культурного гороха) весьма редко встречается на карбонизированных экземплярах из культурного слоя поселений. Однако в самой крупной пробе из объекта 1 (№ан. 2544) он зафиксирован не менее чем на 16% целых семян. Много это или мало, можно судить, к примеру, по материалам из скоплений гороха и вики, найденным в Сербии на поселении эпохи бронзы/раннего железа (Medović et al., 2011. С. 220). Здесь всего несколько семян из 2,5 тысяч несли на себе этот идентификационный признак.

Вторым по значимости культурным растением в археоботанических материалах из коллективного захоронения был ячмень (табл. 1). Сохранность зерен также достаточно хорошая, что позволяет судить об их принадлежности к многорядной форме пленчатого ячменя *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare.* Хорошо представлены здесь боковые искривленные (ассиметричные) зерна из триплета ячменя, которые и маркируют принадлежность к многорядной форме.

В заметно меньшем количестве присутствуют в исследованных образцах зерна пшеницы – пленчатой двузернянки *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum* и голозерной мягкой или твердой *Triticum aestivum/durum*[2]. Они представлены в сходных пропорциях, но с преобладанием одного из видов в разных пробах (табл. 1; №ан. 2543 и 2544). Вдвое больше, нежели пшеницы, обнаружено здесь зерен овса Avena sp. Считается, что невозможно достоверно установить его

[2] В археоботанике общепринято, что только по зерну мягкая и твердая пшеницы не вычленяются, а обозначаются как мягкая/твердая (Cappers, Neef 2012. P. 316). Определение в пользу того или иного вида возможно только при наличии колосовых остатков в исследуемой выборке, каковые в нашем случае не зафиксированы. Исключением, с моей точки зрения, могут быть регионы, в которых возделывание твердой пшеницы невозможно или проблематично по климатическим причинам (Лебедева, 2013).

статус (культурный/дикий) только по зерну без колосовых фрагментов, особенно когда он представлен небольшим числом экземпляров (Cappers, Neef, 2012. P. 267). В образцах из объекта 1 овес присутствует во всех пробах, иногда даже в числе, сопоставимом с ячменем и пшеницей (табл. 1, №ан. 2543), в одной пробе (№ан. 2544) – в значительном количестве (46 экз.). Нельзя исключать поэтому, что мы имеем дело с культурной формой овса *Avena sativa*. По одной зерновке проса *Panicum miliaceum* зафиксировано в двух образцах.

Важным компонентом исследуемых материалов являются фрагменты скорлупок (перикарпия) лесного ореха *Corylus avellana* (16 экз. в двух пробах). Но самой значительной находкой из этого объекта следует признать небольшой кусочек плода (правильнее – соплодия) инжира *Ficus carica*. Он представляет собой обугленный фрагмент пористой массы размером 6,5 × 4,5 мм, с одной стороны которого отчетливо видны включенные в него семена (рис. 343: 4). Думаю, что, если бы грунт заполнения объекта был подвергнут флотации, мы могли бы встретить семена, а возможно и остальные фрагменты сломавшегося плода в большем количестве. Не вызывает сомнений, что инжир был импортным и очень дорогим продуктом; его относят к категории «luxury food» (Bakels, Jacomet, 2003; Van der Veen et al., 2008), свидетельствующей о высоком социальном статусе потребителей.

Обращает на себя внимание полное отсутствие семян сорняков в коллекции.

Яма 12 раскопа 7 (2009 г.) расположена в непосредственной близости от объекта 1 и, по мнению археологов, до того, как превратилась в ритуальный комплекс, исполняла функцию хозяйственной. В нижней половине ее заполнения наряду с обычными бытовыми артефактами (преимущественно остатки обмазки стен и очага) обнаружены разрозненные кости черепа и скелета ребенка, бусы, а также обугленные зерна и семена. Сверху над этим слоем лежал скелет собаки (см. главу 5). Как и для объекта 1, четыре образца, поступившие в лабораторию, были получены путем просеивания грунта через мелкоячеистое сито; точные места пробоотбора не фиксировались, лишь на одном образце помечена глубина залегания (см. «Таксономический состав…» №ан. 2548).

Сохранность археоботанических материалов в яме 12 несколько хуже, чем в объекте 1, по пятибалльной шкале ее можно оценить в 3-3,5 балла. Здесь почти не встречаются полукарбонизированные объекты, напротив, на тулове многих зерновок и семян наблюдаются трещинки – как в виде легкой сеточки, так и немного раскрывшиеся. Создается впечатление, что причина этого в иных условиях карбонизации. Фрагментация зерен и семян также заметно выше (см. «Таксономический состав…»).

Основу археоботанической коллекции здесь, как и в объекте 1, составляют семена гороха *Pisum sativum* ssp. *sativum*, правда, их доля в сравнении с другими культурами уже не так высока (табл. 1). Зафиксированы те же самые морфологические типы, но значительно больше семян представлены округлой и округло-овальной формой. Несмотря на худшую сохранность, на некоторых семенах сохранилась семенная кожура с рубчиком. Две семядоли, заметно более плоские, чем у гороха, условно отнесены к чечевице cf. *Lens culinaris*.

Второй по представительности сельскохозяйственной культурой в яме 12 была голозерная пшеница *Triticum aestivum/durum*, ее доля всего в два раза ниже, чем гороха. Пшеница двузернянка *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum* встречена в единственном экземпляре. Зерна ячменя *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare* занимают третью позицию, сильно уступая по количеству гороху и пшенице (табл. 1). Обнаружено также по две зерновки проса *Panicum miliaceum* и овса *Avena* sp. В трех пробах присутствовали фрагменты перикарпия лесного ореха *Corylus avellana* (19 экз.).

Два семени сорных растений удалось обнаружить в одном из образцов этой ямы (№ан. 2546). Это одно семя гречишки вьюнковой *Fallopia convolvulus* и одна зерновка злака, возможно, эгилопса цилиндрического *Aegilops* cf. *cilindrica*.

При разборке образцов было найдено более десятка различных мелких бус, типа бисера.

Интерпретация археоботанических находок

На мой взгляд, для объяснения того, как рассмотренные выше зерновые материалы оказались в интересующих нас объектах могут быть предложены две версии.

Первая версия достаточно логично (с археологической точки зрения) обоснована А.М. Обломским для объекта 1 и заключается в том, что зерна и семена вместе с многочисленными фрагментами керамики, обмазки и костей животных

происходят из слоя, предшествующего его сооружению. По его мнению, все эти материалы некогда принадлежали сгоревшему в пожаре жилищу, разрушенному практически полностью могильной ямой коллективного захоронения. Извлеченным наружу грунтом, перемешанным с археологическими артефактами, позднее и был засыпан объект 1; причем происходило это не единовременно, а поэтапно в соответствии с очередностью захоронений. Здесь важно еще подчеркнуть, что от самого сооружения, возможно, сохранился лишь его «край … в виде серой полосы к югу и юго-западу от объекта 1» (глава 5 настоящего издания). Относительно ямы 12 автор раскопок предполагает, что в хозяйственную яму были сброшены остатки той же самой сгоревшей постройки с аналогичным набором артефактов (зерно, керамика, обмазка и кости животных), вместе с которыми сюда попали также кости младенца и бусы. Не исключается, что последние, как и скелет собаки, лежавший выше (между двумя слоями заполнения ямы) были помещены в яму специально (там же, гл. 5); впрочем, как отдельное погребение эти кости ребенка не рассматриваются.

Вторая гипотеза, сторонником которой я выступаю и попытаюсь ниже обосновать, сводится к тому, что археоботанические находки из объекта 1 и ямы 12 являются погребальными приношениям (дарами) и должны расцениваться как часть ритуала похорон, а не бытовой мусор.

Все растения (исключая инжир), обнаруженные в изученных скоплениях, были уже представлены в материалах флотации с поселения Ксизово-19, равно как и на других памятниках Острой Луки Дона (Антипина, Лебедева, 2007). Поскольку к настоящему времени полностью опубликована только археоботаническая коллекция из Замятино-7 (Лебедева. 2004), мне представляется целесообразным коротко охарактеризовать здесь материалы, полученные флотацией культурного слоя поселения Ксизово-19 в 2003-2004 гг. (раскопы 1 и 2)[3].

В 22 из 24 образцов гуннского времени были обнаружены макроостатки культурных растений, т.е. результативность флотации для этой категории находок составила 92%, однако насыщенность ими культурного слоя памятника оказалась крайне низкой – всего 8 единиц на 10 л грунта[4]. В структуре археоботанических макроостатков (всего их зафиксировано 583 экз.) наблюдается явное преимущество семян сорняков над зернами и семенами культурных растений: 52,3% против 33,3%. Сохранность последних довольно плохая – от 2 до 3 баллов по пятибалльной шкале. Большинство даже определимых до какого-либо таксономического уровня зерен злаков представлено фрагментами или сильно деформированными целыми экземплярами. Коллекция таких определимых зерен и семян, лежащих в основе археоботанического спектра (АБС), составляет всего 109 экземпляров[5].

В структуре АБС Ксизово-19, как и на большинстве других памятников Острой Луки, преобладает просо обыкновенное *Panicum miliaceum* – 45%. Второе место занимают пшеницы – 21,1%, а третье – ячмень (20,2%). Из-за плохой сохранности лишь для небольшого числа зерен можно было установить принадлежность к пленчатым многорядным формам культурного ячменя *Hordeum vulgare* ssp. *vulgare*. Среди пшениц зафиксированы как пленчатые, так и голозерные виды. Большинство зерновок относится к пленчатой пшенице двузернянке *Triticum turgidum* ssp. *dicoccum* (14,7%), к голозерной пшенице (мягкой или твердой *Triticum aestivum/durum*) отнесено всего 5 экземпляров (4,6% спектра); 1,8% пшеничных зерен не определены до видового уровня (*Triticum* sp.). Помимо трех основных групп культурных злаков довольно значимые сегменты АБС занимают рожь *Secale cereale* – 6,4% и овес *Avena* sp. (4,6%). Бобовые представлены всего двумя экземплярами (1,8%): одной семядолей гороха *Pisum sativum* и одним семенем чечевицы *Lens culinaris*. Из технических культур в этой коллекции зафиксирован лишь один фрагмент семени конопли *Cannabis sativa* (0,9%). Учитывая небольшой объем выборки, АБС Ксизово-19 можно пока отнесен к категории «условно-стабильных» (Антипина, Лебедева, 2007); только дальнейшие исследования подтвердят или опровергнут это предположение.

Таковы основные черты археоботанических материалов, которые характеризуют типичный бытовой поселенческий мусор в Ксизово-19. Посмотрим теперь, как на этом фоне выглядят наход-

[3] В лаборатории хранятся образцы, собранные в 2008-2009 гг., но их исследование еще не завершено.

[4] Подробнее о значении этих и других археоботанических параметров, имеющих значение при интерпретации растительных остатков см. (Лебедева, 2008).

[5] В том числе и реконструированных по фрагментам (о расчетах см.: Лебедева 2008).

ки, являющиеся основным предметом обсуждения в этой статье. В первую очередь необходимо отметить, что сохранность зерновых находок в двух рассматриваемых объектах несравнимо лучше той, что присуща флотационным материалам. Хорошая сохранность зерен и семян не предполагает принадлежность их к переотложенному культурному слою, а в случае с объектом 1 – переотложенному неоднократно, в условиях когда часть из них могла долгое время находится на открытом воздухе под солнцем, дождем и снегом (при условии асинхронности захоронений).

Привлекает внимание факт практически полного отсутствия в рассматриваемых материалах зерен проса – главной сельскохозяйственной культуры этого времени в регионе, а также семян сорных растений. Напомню, что в археоботанических спектрах трех поселений Острой Луки Дона доля проса составляла 40-60% (Антипина, Лебедева, 2007). Трудно представить себе домашние запасы зерна (в предполагаемом жилище) без этой основной культуры, а также полностью лишенные сорняков.

Примечательно также, что наиболее массово в рассматриваемых материалах представлена едва ли не самая редкая из встречающихся во флотационных образах сельскохозяйственная культура – горох. Считается, что горох, как и другие бобовые, по ряду причин «недопредставлен» в культурном слое археологических памятников (Medović et al., 2011), но все-таки, надо полагать, что его реальная представительность вряд ли могла достигать 60-80%. Скопления бобовых растений на археологических памятниках, в целом, встречаются существенно реже, нежели скопления злаков, поэтому сразу две такие находки на одном поселении и в явно специфическом археологическом контексте определенно указывают на их нестандартность.

Другой важный в хозяйственном отношении злак – пшеница – в значительном количестве обнаружена только в одном образце из ямы 12 (табл. 1, № ан. 2546), причем это опять же не двузернянка, которая была самым типичным видом эпохи и региона, а голозерная пшеница, встречающаяся на поселениях регулярно, но в небольшом числе.

Вызывает интерес также и присутствие среди культурных растений скорлупок лесного ореха. Здесь их найдено 35 фрагментов в пяти из семи образцов, тогда как во флотационных пробах – всего 4 фрагмента (в трех из 24 образцов). Подобное соотношение вряд ли можно считать случайным.

И, наконец, последний, решающий аргумент в пользу предположения о погребальных дарах – это находка фрагмента плода инжира. В контексте ритуальных приношений это растение встречается очень часто как в погребениях (Rottoli, Castiglioni, 2011; Matterne, Derreumaux, 2008; Šoštarić et al., 2006), так и в храмах (Zach, 2002; Megaloudi, 2005, table 4; Vandorpe, Jacomet, 2011), домашних алтарях (Robinson, 2002) и даже в небольшом жертвеннике складского помещения порта Латтара во Франции (Rovira, Chabal, 2008). В маткриалах поселений Центральной Европы инжир появляется также в римское время и связан преимущественно с городами, римскими гарнизонами и другими военными или полувоенными пунктами, но практически отсутствует на сельских поселениях (Bakels, Jacomet, 2003); на последней категории памятников инжир встречается только в Британии, правда, в их число авторы включают и деревни, и элитные виллы (Van der Veen et al., 2008).

Таким образом, с археоботанической точки зрения исследованные находки древних растений из двух объектов Ксизово-19 представляют собой специально подготовленный набор тщательно очищенных от сорняков бобовых и злаковых культур, среди которых преобладают не самые распространенные и экономически значимые виды, дополненный орехами[6] и инжиром – постоянными компонентами сакральных и погребальных приношений в Европе римского времени.

Возникает вопрос, возможно ли, чтобы такой ассортимент растений отражал структуру хранившихся пищевых запасов в сгоревшем жилище? Безусловно, скопления гороха встречаются в археологических памятниках, хотя и не так часто как злаки (см., например, Medović et al., 2011). Однако в нашем случае, когда предполагается, что практически весь грунт заполнения жилища был использован на засыпку объекта 1 и ямы 12, зерновые находки из этого слоя должны представлять все, что хранилось в этом сооружении и сгорело в пожаре вместе с ним. На мой взгляд, по перечисленным выше причинам обнаруженный набор культурных растений никак не может характеризовать домашнее хранение пусть даже небольших зерновых запасов. Сомнительно так-

[6] Лесные орехи также очень часто встречаются в сакральных и погребальных комплексах римского времени в Европе (список литературы соответствует приведенному для инжира; там же можно найти ссылки и на другие работы).

же и то, что дорогие импортные фрукты (если и инжир рассматривать в домашнем контексте) входили в рацион жителей Ксизово-19.

Более того, ассортимент, представленный в каждом из сооружений, объединяет только преобладание гороха, тогда как другие злаки распределяются в них по-разному: во всех пробах объекта 1 вторым по значимости растением был ячмень, а в яме 12 – голозерная пшеница. Да и доля самого гороха в яме 12 заметно ниже – 61% против 86% в коллективном погребении объекта 1. Дополняет различия, как уже отмечалось, состояние и сохранность зерен и семян в этих объектах, что позволяет предположить разные условия карбонизации, а возможно, и их разновременность.

На европейских погребальных памятниках римского времени, как итальянских, так и провинциальных, обугленные находки зерен, семян и плодов древних растений сопряжены, как правило, с кремациями (Bouby, Marinval , 2004; Preiss et al., 2005; Šoštarić 2006; Megaloudi et al., 2007; Matterne, Derreumaux, 2008; Cooremans, 2008; Rottoli, Castiglioni, 2011). Мне удалось найти информацию лишь об одном случае ингумации с присутствием обугленных зерен в Британии (Pollard, 2001), но она оказалась не намного яснее рассматриваемой здесь: проблема взаимосвязи зерна с погребенным была столь же неопределенной.

Ближайшие и более явные случаи использования растений в погребальном обряде можно найти в Крымском Приазовье. Так, в могильнике у с. Золотое (II в. до н.э. – II в.н.э.) обугленные зерна злаков, семена бобовых растений и винограда были обнаружены в 22 преимущественно детских погребениях (Корпусова,1983. С. 29, 99-112). Находки, правда, не столь обильны, как в Ксизово-19 – от 1 до 13 зерен в каждой могиле, исключая одно погребение с 39 семенами винограда (Корпусова, 1983, С. 160-161; определения Н.А. Кирьяновой). В.Н. Корпусова упоминает также о находках орехов, каштанов и груш в боспорских могильниках Кыз-Аул и Сююр-Таш (Корпусова, 1983, С. 27).

Другой пример – тоже восточно-крымский, но более позднего времени. Речь идет о городище Артезиан, античные напластования которого в VIII-X вв. н.э. были перекрыты слоем поселения салтово-маяцкой культуры. В специально сооруженном каменном колодце глубиной до 2,5 м был погребен подросток (предполагается, намеренное расчленение суставов ног и, возможно черепа), уложенный на слой горелого зерна толщиной 2-3 см; погребение сопровождалось также шкурой и черепом быка (Винокуров, 2002). Следы горения на камнях свидетельствуют о том, что зерно, скорее всего, было сожжено там же, где и найдено. Здесь мы впервые сталкиваемся с элементом ритуальной процедуры с использованием растений.

Во всех остальных случаях, включая Ксизово-19, зерно сжигалось где-то на стороне, а засыпалось в могилу уже после помещения туда покойников, видимо перемежаясь с грунтом. Кстати, нельзя исключать, что фрагменты вторично обожженной керамики из объекта 1 могли быть той самой посудой, в которой намеренно сжигалось зерно. Создается впечатление, что в двух объектах с погребениями[7] в Ксизово-19 представлена переосмысленная и видоизмененная (как часто это случается у варваров) практика античного погребального ритуала.

---

[7] Мне представляется, что кости ребенка из ямы 12 также можно рассматривать в качестве погребения, подтверждением чему служат сопутствующие зерновые находки вперемешку с бусами.

Таксономический состав археоботанических макроостатков в образцах из ритуальных объектов поселения Ксизово-19

Объект 1 раскопа 7 (2008 г.)

№ ан. 2542 (объем образца после лабораторного просеивания – 45 мл)

Зерна и семена:

Triticum sp.	– 1 (1 целая зерновка + 2 фрагмента от одного зерна)
Hordeum vulgare ssp. *vulgare*	– 15 (10 + 6 фрагментов как минимум от 5 зерен)
Panicum miliaceum	– 1 зерновка
Avena sp.	– 5 зерновок
Pisum sativum	– 409 (265 целых семян + 360 фрагментов как минимум от 144 семян)[8]
Прочие макроостатки	– 1 неопределенный карбонизированный объект – спекшийся блестящий комочек 3×5 мм; 1 семя без оболочки

№ ан. 2543 (объем образца после лабораторного просеивания – 65 мл)

Зерна и семена:

Triticum turgidum ssp. *dicoccum*	– 1 зерновка
Triticum aestivum /durum	– 11 (5 + 7 фрагментов как минимум от 6 зерен)
Hordeum vulgare ssp. *vulgare*	– 12 (8 + 10 фрагментов как минимум от 4 зерен)
Panicum miliaceum	– 1 зерновка
Avena sp.	– 11 (7 + 6 фрагментов как минимум от 4 зерен)
Cerealia	– 1 фрагмент зерновки культурного злака
Pisum sativum	– 972 (691 + 570 фрагментов и 1,5 мл мелких фрагментов, в сумме представляющих 281 семя)
Fabaceae	– 3 семени, немногим менее 3 мм в диаметре (*Pisum/Vicia*)

Лесные и плодовые растения:

Corylus avellana	– 5 фрагментов перикарпия (скорлупок)
Прочие макроостатки	– 1 аморфный карбонизированный фрагмент; 1 фрагмент - неопределенная часть растения

№ ан. 2544 (объем образца после лабораторного просеивания – 145 мл)

Зерна и семена:

Triticum turgidum ssp. *dicoccum*	– 10 (9 + 1 фрагмент зерновки)
Triticum aestivum /durum	– 4 (2 + 2 фрагментированных зерна)
Triticum sp.	– 2 фрагмента от разных зерен
Hordeum vulgare ssp. *vulgare*	– 342 (298 + 72 фрагмента как минимум от 44 зерен)
Cerealia	– 10 фрагментов
Pisum sativum	– 1499 (1022 + 944 фрагмента и 4,5 мл мелких фрагментов, в сумме представляющих 477 семян)
Fabaceae	– 2 семени, немногим менее 3 мм в диаметре (Pisum/Vicia)

Лесные и плодовые растения:

Corylus avellana	– 11 фрагментов перикарпия (скорлупок)
Ficus carica	– 1 фрагмент плода инжира (6,5 х 4,5 мм)
Прочие макроостатки	– 3 аморфных пористых фрагмента

---

[8] Для гороха реконструкция целых семян по фрагментам осуществлялась следующим образом: семядоли учитывались как ½ часть семени; половинки семядолей – как ¼ часть семени, их объем замерялся; для более мелких фрагментов замерялся объем и число семян вычислялось по его соотношению с объемом и количеством, рассчитанным для ¼ семени (половинкам семядолей); в некоторых случаях часть объема мелких фрагментов не учитывалась, а использовалась как компенсация для частично фрагментированных семян. Процесс расчетов указан в скобках, первая цифра после скобки обозначает целые семена и зерна (для злаковых культур).

Яма 12 раскопа 7 (2009 г.)

№ ан. 2545 (объем образца после лабораторного просеивания – 45 мл)
Зерна и семена:
Triticum aestivum /durum – 25 (20 + 27 фрагментов как минимум от 5 зерен)
Triticum sp. – 3 (1 деформированная + 2 фрагмента от разных зерен)
Hordeum vulgare ssp. *vulgare* – 4 (3 + 1 фрагментированная зерновка)
Pisum sativum – 201 (44 + 262 фрагмента + 5 мл мелких фрагментов, в сумме представляющих 157 семян)
Cerealia – 1 фрагмент
Лесные и плодовые растения:
Corylus avellana – 6 фрагментов перикарпия (скорлупок)

№ ан. 2546 (объем образца после лабораторного просеивания – 54 мл)
Зерна и семена:
Triticum turgidum ssp. *dicoccum* – 1 зерновка
Triticum aestivum /durum – 357 (301 + 117 фрагментов как минимум от 56 зерен)
Triticum sp. – 18 (1 + 41 фрагмент как минимум от 17 зерен)
Hordeum vulgare ssp. *vulgare* – 39 (32 + 10 фрагментов как минимум от 7 зерен)
Panicum miliaceum – 2 зерновки
Cerealia – 35 (6 зерновок плохой сохранности + 29 фрагментов)
Pisum sativum – 458 (201 + 606 фрагментов как минимум от 257 семян)
cf. *Lens culinaris* – 2 семядоли от разных семян
Сорные растения:
Aegilops cilindrica – 1
Polygonum convolvulus – 1 деформированное семя
Лесные и плодовые растения:
Corylus avellana – 11 фрагментов перикарпия (скорлупок)
Прочие макроостатки – 2 аморфных пористых фрагмента; 5 аморфных фрагментов (блестящих); 1 неопределимый карбонизированный объект

№ ан. 2547 (объем образца после лабораторного просеивания – 30 мл)
Зерна и семена:
Triticum aestivum /durum – 42 (34 + 16 фрагментов как минимум от 8 зерен)
Triticum sp. – 2 (1 зерновка + 1 фрагмент)
Hordeum vulgare ssp. *vulgare* – 6 (5 + 1 фрагмент верхушки зерновки)
Avena sp. – 1 зерновка
Pisum sativum – 128 (51 + 213 фрагментов как минимум от 77 семян)
Cerealia/Fabaceae – 1 фрагмент зерновки злака или семени бобовых
Лесные и плодовые растения:
Corylus avellana – 2 фрагмента перикарпия (скорлупок)

№ ан. 2548 (0,2 м от материка)
Зерна и семена:
Triticum aestivum /durum – 1 зерновка
Triticum sp. – 1 зерновка (из 2 фрагментов плохой сохранности)
Pisum sativum – 7 (2 + 7 фрагментированных семядолей как минимум от 5 семян)

Литература

Абашина Н.С., Петраускас А.В., Петраускас О.В. 2009. Дослідження пам'ятки пізньоримського часу Обухів-3 у 2007-2008 рр. // Vita antiqua, 7-8. Київ. С. 163-172.

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология. // Боспорский сборник, 3. М. С. 4-135.

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв.н.э. М.: ИА РАН. 165 с.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. // МАИЭТ, I. С. 3-86, 174-241.

Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 349 с.

Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. 1998. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму. // МАИЭТ, VI. С. 274-311.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. Могильник у с. Лучистое. 1. (Боспорские исследования, suplementum. 4). Симферополь; Керчь: Адеф-Украина. 335 с.

Акимов Д.В. 2001. Постройки 2-ой четверти – середины 1 тыс.н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра. // ВАС, 2. Липецк. С. 141-161.

Акимов Д.В. 2008. О проблеме взаимоотношений населения лесной и лесостепной зон Верхнего Подонья в гуннское время. // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 163-168.

Акимов Д.В. 2010. Раскопки городища Крутогорье в Липецком р-не. // Ред.: Найденов А.А., Чалых Н.Е. Археологические открытия 2009 г. в Липецкой обл. Липецк: ГДЛ. С. 8.

Акимов Д.В. 2012. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. С. 163-179.

Акимов Д.В. 2013. Раскопки городища у с. Крутогорье Липецкого р-на. // Ред.: Найденов А.А., Чалых Н.Е. Археологические открытия 2009 г. в Липецкой обл. Липецк: ГДЛ. С. 10.

Акимов Д.В., Медведев А.П. 2002. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища. // Ред.: Синюк А.Т. Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронежский гос. педагогический университет. С. 159-171.

Акимов Д.В., Пряхин А.Д. 2010. Новые памятники эпохи Великого переселения народов в низовьях р. Воронеж. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 2, часть 1. С. 164-173.

Акимов Д.В., Разуваев Ю.Д., Сурков А.В. 2008. Погребение эпохи Великого переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону. // Ред.: Сташенков Д.А. Культуры степей Евразии второй половины I тыс.н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 3-6.

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И., Гавритухин И.О., 2010. Хронология могильника Мамисондон. // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый

могильник Мамисондон. (Материалы охранных археологических исследований, 11). М.: ИА РАН; ТАУС. С. 94-111.

Албегова (Царикаева) З.Х., Ковалевская В.Б. 2012. Кольцевидные амулеты раннего средневековья. // КСИА, 226. С. 109-121.

Александров А.А. 2011. Провинциально-римские древности первых вв.н.э. на территории Псковской земли. // Ред.: Мачинский Д.А. Европейская Сарматия. СПб.: Нестор-История. С. 225-238.

Алексеев В.П. 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ, Г1-12). М.: Наука. 114 с.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ, Г1-12). М.: Наука. 114 с.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. (САИ, Г1-12). М.: Наука. 104 с.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи: Антропо-экологическое исследование (По материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 132 с.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в.н.э. (САИ, вып. Д1-30. М.: Наука, 139 с.

Амброз А.К. 1969. Фибулы из раскопок Танаиса. // Ред.: Шелов Д.Б. Античные древности Подонья-Приазовья. (МИА, 154). М.: Наука. С. 248-272.

Амброз А.К. 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Ред.: Кухаренко Ю.В. Древние славяне и их соседи. (МИА, 176). М.: Наука. С. 70-75.

Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Ред.: Плетнёва С.А. Степи Евразии в эпоху средневековья. (Археология СССР). М.: Наука. С. 10-22.

Амброз А. К. 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева. // ДЭВПН. С. 107-121.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М: Наука, 132 с.

Амброз А.К., 1993. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул. // РА, 2. С. 179-184.

Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. н.э. // МАИЭТ, IV. С. 31-88.

Анучин Д.Н. 1887. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 49, вып. 4. СПб. С. 367-414.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 223 с.

Антипина Е.Е. 2003. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. // Ред.: Антипина Е.Е., Черных Е.Н. Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. С. 7-33.

Антипина Е.Е. 2004. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5,7,8 в середине 1 тыс.н.э. // ОЛД-1 С. 106-120.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. 2007. Структура сельского хозяйства у населения Острой Луки Дона в середине I тыс.н.э. (археобиологическая реконструкция). // ВАС, 3. Липецк; СПб. С. 313-329.

Апхазава Н.И. 1979. Материальная культура раннесредневековой Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: АН Груз. ССР (на грузинском языке). 160 с.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 152 с.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф. 274 с.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 1995. Танаис 4-6 вв. (по материалам раскопок 1989-1992 г.). // Боспорский сборник, 6. М. С. 45-48.

Афанасьев Г.Е. 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры. // РА, 2. С. 113-126.

Ахмедов И.Р. 1996. Удила. Типологическое определение инвентаря. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 39-42.

Ахмедов И.Р. 2001. Коллекция предметов конского убора из Керчи. // Ред.: Гущина И.И., Журавлёв Д.В. Поздние скифы Крыма. (Труды ГИМ, 118). М.: ГИМ. С. 239-253.

Ахмедов И.Р. 2008. Окские фибулы. // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 7-27.

Ахмедов И.Р. 2009. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. // ГГС. С. 152-166.

Ахмедов И.Р. 2011. Находка медальона Септимия Севера на р. Оке. // Проблемы истории, филологии, культуры, 4 (34). М.; Магнитогорск; Новосибирск. С. 119-136.

Ахмедов И.Р. 2014а. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Ред. Обломский А.М. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. (РСМ, 15). М.: ИА РАН. С. 138-177.

Ахмедов И.Р. 2014б. Птицы летят на восток. «Дунайские» элементы в культуре рязано-окских финнов во второй половине V – начале VI в. // Ред.: Трифунович С. I Сербско-российская археологическая конференция. Нови Сад; Белград: Музей Воеводины. С. 32-33.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2007. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников. // ВЕС. С. 273-275.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. // КТВДР. С. 168-202.

Бакуменко К.И., Бейдин Г.В., Григорянц М.М., Дидык В.В. 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца. // Ред.: Зинухов А.Н. Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков: Курсор. С. 6-109.

Балабанова М.А. 1998. Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с искусственной деформацией головы. // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческой конференции, 4-5. Волгоград. С. 41-45.

Балабанова М.А. 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука. 133 с.

Балабанова М.А. 2004. О древних макрокефалах восточной Европы. // Ред.: М.Б. Медникова. OPUS, 3. С. 171-188.

Балабанова М.А. 2007. Половозрастная структура и краниология населения второй половины II-IV веков нашей эры (по материалам могильников Астраханского Поволжья). // Вестник антропологии, 15, часть II. С. 314-325.

Балабанова М.А. 2013. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья. Автореферат дисс. докт. истор. наук. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Балабанова М.А., Сычева А.В. 2006. Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 152-163.

Батиева Е.Ф. 2006. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры). // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 53-72.

Башкатов Ю.Ю. 2010. Памятник черняховской культуры юга Среднего Поднепровья. // Germania-Sarmatia, II. Калининград; Курск. С. 215-239.

Безуглов С.И. 2001. Денежное обращение Танаиса (III в.до н.э. – V в.н.э.). Дисс. канд. истор. наук // Архив ИА РАН, р-2, № 2654. М. 368 с.

Безуглов С.И., Ильюков Л.С. 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона. // Ред.: Гугуев Ю.К. Средневековые древности Дона. (Материалы и исследования по археологии Дона, II). М.; Иерусалим: Гешарим. С. 25-48.

Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2001. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса. // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф. С. 77-82.

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н. 2002-2003. Находки боспорских монет на памятниках черняховской культуры Харьковской области // Археологічний літопис Лівобережної України, 2002-2 – 2003-1. Полтава. С. 190-193.

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Любичев М.В. 2006. Находки монет римского времени на территории Харьковской области. // Ред.: Зинухов А.Н. Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков: Курсор. С. 110-143.

Бейдин Г.В., Мызгин К.В. 2009. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры. // Ред.: Зинько В.Н. X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы конференции. Керчь: Деметра. С. 31-35.

Бейдин Г.В., Мызгин К.В. 2010. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры. // Germania-Sarmatia, II Калининград; Курск. С. 135-146.

Белоцерковская И.В. 2007. Инвентарь женских погребений. В: Культура рязано-окских могильников. // ВЕС. С. 186-213.

Белоцерковская И.В. 2012. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского

и постгуннского времени. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. С. 55-78.

Белоцерковская И.В. 2014. Женский костюм окских финнов V – VII вв. Традиции и новации. // Ред.: Обломский А.М. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. (РСМ, 15). М.: ИА РАН. С. 178-229.

Березуцкий В.Д., Медведев А.П. 2014. Погребение алана-танаита на Среднем Дону. // Тр. IV АС, II. С. 284-287.

Беречки Ц., Марчек А. 2006. Искусственная деформация черепа в Венгрии. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С.96-114.

Бессуднов А.Н., Обломский А.М. 1996. Изучение археологических памятников на р. Семенек. // Ред.: Синюк А.Т. Археологические исследования Высшей педагогической школы (сборник научных трудов к 25-ти летию археологической экспедиции Воронежского педагогического университета). Воронеж: Воронежский гос. педагогический университет. С. 21-48.

Бирюков И.Е. 2004а. Материалы гуннского времени поселения Замятино-5. // ОЛД-1. С. 57-66.

Бирюков И.Е. 2004б. Острая Лука Дона в гуннское время. Общая карта памятников. // ОЛД-1.С. 8-13.

Бирюков И.Е. 2011. Отчет археологической экспедиции ГДЛ за 2011 г. // Архив ГДЛ.

Бирюков И.Е., Акимов Д.В. 2008. Оборонительные сооружения городищ гунского времени на Верхнем Дону. // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 130-141.

Бирюков И.Е., Мельников Е.Н. 2007. Раскопки селища у с. Каменка Задонского р-на. // Ред.: Найденов А.А. Археологические открытия 2006 г. в Липецкой обл. Липецк: ГДЛ. С. 6.

Бобринский А.А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.: Наука. 215 с.

Богачёв А.В. 1996. К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье. // Ред.: Сташенков Д.А. Культуры евразийских степей второй половины 1 тыс.н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 99-114.

Богачёв А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами 1 тыс.н.э. // Ред.: Сташенков Д.А. Культуры евразийских степей 1 тыс.н.э. (вопросы хронологии). Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 151-166.

Богачёв А.В. 2011. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс.н.э. Саарбрюккен: LAP LAMBERT. 340 с.

Бодзек Я. Мадыда-Легутко Р. 2013. Новая находка боспорской монеты в Польше. // Ред.: Немченко И.В. Древнее Причерноморье, X. Одесса. С. 445-456.

Борисова В.В. 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сборник, V. Симферополь. С. 169-190.

Бородовский А.П. 1989. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов. // Ред.: Викторова В.Д. Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). Свердловск: Уральское отделение АН СССР. С. 23-25.

Бородовский А.П. 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс.до н.э. – первая половина II тыс.н.э.). Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 224 с.

Бородовский А.П. 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 176 с.

Боталов С.Г. Таиров А.Д., Любчанский И.Э. 2006. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал Института истории и археологии Уральского отделения РАН. 232 с.

Бужилова А.П. 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН. 189 с.

Бужилова А.П. 1998. Палеодемография в биоархеологических реконструкциях. // Ред. Бужилова А.П. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: ИА РАН. С. 21-25.

Бужилова А.П. 2006. Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья (по антропологическим материалам из могильника Косасар-2). // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 164-176.

Б**ужилова А.П., Соколова М.А., 2006.** Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода). // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 188-197.

Валиулина С. И. 2009. Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника. // Ред.: Бугров Д.Г. Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан. С. 134-138.

Веймарн Е.В. Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 202 с.

Винников А.З. 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI в.). Воронеж: ВГУ. 162 с.

Винников А.З. 2011. Изделия из кости и рога с Животинного городища VIII – начала XI века. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета, 3 (19), том 2. Курск. http://scientific-notes.ru

Винокуров Н.И. 2002. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время: по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья. // Ред.: Зуев В. Ю. Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: материалы Международной научной конференции (СПб, октябрь 2002 г), 1. СПб.: Гос. Эрмитаж, Гос. музей истории религии, ИИМК РАН. С. 189-194.

Вихляев В.И, Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 2008. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 350 с.

Власов В.П. 1999. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. Дружное в Крыму. // Ред.: Гладких М.И. Сто лет черняховской культуре. Київ: Товариство археології і антропології. С. 322-371.

Войнаровський В.М. 1998. Про час і мотиви руйнації інгумаційних поховань черняхівської культури. // Записки наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка, CCXXXV. Львів. С. 318-342.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977-1978 гг. (Труды отдела охранных раскопок ИА РАН, 3). М.: ИА РАН. 167 с.

Воронов Ю.Н. 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977-1986 гг. Пущино: Пущинский научный центр РАН. 347 с.

Воронцов А.М. 2007. Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти 1 тыс.н.э. на территории Окско-Донского водораздела. // РА, 3. С. 57-68.

Воронцов А.М. 2008. Памятники мощинской культуры гуннского времени на территории Окско-Донского водораздела. // Acta Archaeologica Albaruthenica, IV. Минск. С. 35-60.

Воронцов А.М. 2010. Тамги на предметах мощинской культуры. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 2, часть 1. С. 68-75.

Воронцов А.М. 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры. // Ред.: Макаров Н.Е. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса, II. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 14-15.

Воронцов А.М. 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Вяргей В.С. 1999. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай. // Ред.: Бич М.В. Железны век і ранняе сярэднявеччя. (Археалогія Беларусі, 2). Мінск: Беларуская навука. С 317-347.

Габуев Т.А. 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I-XII вв. М: Гос. Музей исскуств народов Востока. 74 с.

Габуев Т.А. 2014. Аланские княжеские курганы у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания; М.: Гос. Музей искусств народов Востока: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.И. Гасиева. 184 с.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии России, 11). М.: ИА РАН: Таус. 468 с.

Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. 1999. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища). // РА, 3. С. 108-123.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakarų baltų archeologija ir istorija (Археология и история западных балтов) / Ats. red. V. Žulkus. Klaipėda: Klaipėdos kraštotyros muziejus; Paminklų restauravimo institutas; Lietuvos archeologijos dragija. С. 78-85.

Гавритухин И.О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья. // Ред.: Абрамов А.П. Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Гос. музей искусств народов Востока; Московский археологический информационный центр. С. 127-141.

Гавритухин И.О. 1994. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия). // Боспорский сборник, 4. М. С. 32-42.

Гавритухин И.О. 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // Ред.: Сташенков Д.А. Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 115-133.

Гавритухин И.О. 1997. Боспор и Поднепровье в 6-7 вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ). // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6-11 июня 1997 г.). Симферополь. С. 27-32.

Гавритухин И.О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236-238, 195; Straume IV-XI). // Ред.: Гладких М.И. Сто лет черняховской культуры. Київ: Товариство археології та антропології. С. 48-86.

Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье. // Eds.: Mączyńska M., Grabarczyk T. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łodź: UŁ. S. 261-319.

Гавритухин И.О. 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. С. 40-49, 146-148.

Гавритухин И.О. 2004а. Приложение к главе 1. Детали поясов «позднеримского воинского» стиля с поселения Замятино-10. // ОЛД-1. С. 14, 15.

Гавритухин И.О. 2004б. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино. // ОЛД-1. 89-94.

Гавритухин И.О. 2004в. Днепровские ингумации второй половины V-VI вв. // КТВДР. С. 208-220.

Гавритухин И.О. 2007а. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры. // ВЕС. С. 9-24, 39-43, 46-59, 65, 410-411.

Гавритухин И.О. 2007б. К вопросу о верхней дате городища Зилги. // Ред.: Бектимирова Н.Н. Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М.: Памятники исторической мысли. С. 482-486.

Гавритухин И.О. 2007в. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени. // ВЕС. С. 30-33, 67, 411-412.

Гавритухин И.О. 2007г. Днепровское лесостепное Левобережье. Комплексы элиты V в. // ВЕС. С. 33-37, 68-72, 412.

Гавритухин И.О. 2008. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Ред.: Афанасьев Г.Е. Древности Юга России (памяти А.Г. Атавина). М. ИА РАН. 362-367.

Гавритухин И.О. 2009. Понятие пражской культуры. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Труды Гос.Эрмитажа. XLIX). СПб.: Гос.Эрмитаж. С. 7-25.

Гавритухин И.О. 2010а. Византийские подвязные фибулы с S–видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная. // Ред.: Исланова И.В., Родинкова В.Е. Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. (РСМ, 13). М.: ИА РАН. С. 35-89.

Гавритухин И.О. 2010б. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок. // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН, 11). М.: ИА РАН: ТАУС. С.410-428.

Гавритухин И.О. 2010в. Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике». // Ред.: Журба М.А., Шишкін Р.Г. Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. До 40-річчя археологичої експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова. Збірка тез доповідей на міжнародній науковій конференції. Київ: Національний педагогічний університет. С. 28-32.

Гавритухин И.О. 2010 г. Необычная фибула из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул). // Eds.: Urbaniak A. et alii. Terra Barbarica. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, II). Łódź; Warszawa. С. 517-534.

Гавритухин И.О. 2011а. Фибулы типа Удине-Планис. // Ред.: Шаров О.В. Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб; Кишинев: ВАШ. С. 464-490.

Гавритухин И.О. 2011б. Рец. на: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2008. // РА, 2. С. 177-181.

Гавритухин И.О. 2012. Фибулы группы Левице-Токари. // Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов. (3-7 октября 2012. Гаспра, Крым, Украина). Симферополь. С. 87-90.

Гавритухин И.О., в печати. Фибулы колочинской культуры. // (РСМ, 17). М.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником. // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 28-89.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V-VI вв. // Археологические вести, 13. СПб. С. 297-344.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. 296 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2006. Гуннская держава и Лесостепное Подонье. //Ред.: Голдина Р.Д. Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск: Удмуртский гос. университет. С. 100-106.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. // ВЕС. С. 9-72.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Могильники V-VII вв. Раннесредневековые древности Побережья. // Ред.: Макарова Т.И., Плетнева С.А. Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-VIII вв.). (Археология). М.: Наука. С. 193-195.

Гаглойти Р.Х. 2003. Античный мир и Южная Осетия (I-IV вв. н.э.) (к вопросу торгово-экономических связей). Владикавказ: Олимп. 120 с.

Галибин В.А. 2000. Химический состав стекла из памятников Восточной Европы (V-X вв.). // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: Пущино: Пущинский научный центр РАН. С. 244-256.

Галибин В.А. 2001. Состав стекла как археологический источник. Спб.: Петербургское Востоковедение. 216 с.

Гей О.А. Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН. 144 с.

Генчева Е. 2004. Римските фибули от България (от края I в.пр.н.е. до края на VI в. на н.е.). Велико Тръново: Фабер. 199 с.

Гинзбург В.В., Жиров Е. В. 1949. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. // Ред.: Гинзбург В.В. Сборник МАЭ, X. С. 213-265.

Гмыря Л.Б. 2012. Паласа-сыртский курганный могильник IV-V вв.: итоги, проблемы и перспективы исследований. // Вестник РГНФ, 2(67). М. С. 71-86.

Голдина Е.В. 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, 6). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 264 с.

Голдина Р.Д. Бернц В.А. 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, 17). Ижевск: Удмуртский гомс. университет. 499 с.

Голенко К.В. 1960. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). // НЭ, I. М: С. 223-288.

Голенко К.В. 1967. Клад позднебоспорских монет, найденных в Керчи в 1961 г. // ВВ, XXVII. С. 268-272.

Голенко К.В. Сокольский Н.И. 1968. Клад 1962 г. из Кеп. // НЭ, VII. С. 72-126.

Голотвин А.Н. 2013. Разведочные работы на территории Липецкой обл. // Ред.: Найденов А.А., Чалых Н.Е. Археологические открытия 2012 г. в Липецкой обл. Липецк: ГДЛ. С. 16.

Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. // МАИЭТ, VIII. С. 97-260.

Гопкало О.В. 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ. 450 с.

Гопкало О.В. 2011. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы. // Ред. Козак Д.Н. Черняхівська культура. (Oium, 1). Киев: ИА НАНУ. С. 66-96.

Гопкало О.В. 2012. Черняховский могильник Ружичанка. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. С. 330-400.

Гопкало О.В. 2014. Так называемые ритуальные разрушения черняховских ингумаций: к вопросу о происхождении обряда. // Тр. IV АС., II. Казань. С. 94-97.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. // Ред.: Рыбаков Б.А. Труды V Конгресса Международной унии славянской археологии, 4. Киев: Наукова думка. С. 34-45.

Гороховский Е.Л., Гопкало (Бобровская) О.В. 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры. // Ред.: Козак Д.Н. Археологія давніх слов'ян. Київ: ИА НАНУ. С. 103-130.

Гороховський Є.Л. 1999. Дві архаїчні пальчасті фібули з Середньої Наддніпрянщини. // Ред.: Терпиловский Р.В. Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис.н.е. Київ; Львів: РАС. С. 68-72.

Горюнов Е.А. 1974. Некоторые древности 1 тыс.н.э. на Черниговщине. // Ред.: Третьяков П.Н. Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука. С. 119-125.

Григорьев А.В., Обломский А.М. 2008. Материалы боршевской культуры поселения Ксизово-17. // Ред.: Винников А.З. Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи. ВГУ. С. 100-107.

Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца. 202 с.

Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А. 2010. Исследование курганов южной группы Паласа-Сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический вестник, 11. Волгоград. С. 283-299.

Гудименко И.В., Толочко И.В. 2012. Памятники позднеантичного времени из дельты Дона. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. 180-217.

Гудкова А.В. Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная. Киев: Наукова думка. 119 с.

Гудкова О.В. 2010. Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное-II. // Ред.: Журба М.А., Шишкин Р.Г. Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. До 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова. Збірка тез доповідей на міжнародній науковій конференції. Київ: Національний педагогічний університет. С. 36-40.

Даутова Рушевљан В. 1998. Касноантички гроб на локалитету Врањ у Хртковцима. // Рад музеја Војводине, 40. Нови Сад. С. 97-105.

Дмитриев А.В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. // СА, 4. С. 212-231.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. // ДЭВПН. С. 69-107.

Дмитриев А.В. 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX вв. Раннесредневековые древности Побережья. // Ред.: Макарова Т.И., Плетнева С.А. Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-VIII вв.). (Археология)., М.: Наука. С. 200-206.

Дмитриенко М.В., Масловский А.Н. 2008. Мастерская костореза первой четверти XIV века (раскоп по улице К. Либкнехта, 12 в 2003 году). // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. (23). Азов: Азовский музей-заповедник. С. 408-418.

Добровольская М.В. 2009. Травматические повреждения на останках людей из курганных некрополей Среднего Дона. // Ред.: Гуляев В.И. Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН. С. 186-197.

Егорьков А.Н. 2010. Аналитическое исследование состава стекла бус из могильника у оз. Съезжее. // Ред. Мусин А.Е., Хвощинская Н.В. Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевич Носова. СПб.: ИИМК РАН. С. 358-364.

Егорьков А.Н. 2011. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла. // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. Тезисы докладов международной научной конференции. М.: ИА РАН. С. 8.

Ерохин А.В. 2010. Разведка по р. Воронеж в Липецком р-не. // Ред.: Найденов А.А., Чалых Н.Е. Археологические открытия 2006 г. в Липецкой обл. Липецк: ГДЛ. С. 17.

Ефимова С.Г. 1999. Восточнославянский ареал на антропологические карте средневековой Европы. // Ред.: Алексеева Т.И. Восточные славяне: антропологическая и этническая история. М.: Научный Мир. С. 186-195.

Жиров Е.В. 1940. Об искусственной деформации головы. // КСИИМК, 8. С. 80-81.

Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. // ДЭВПН. С. 14-30.

Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв.н.э. // МАИЭТ, III. С. 23-104.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс Лтд. 224 с.

Засецкая И.П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII в. Крым в VI-VII (под властью Византийской империи). // Ред.: Макарова Т.И., Плетнева С.А. Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-VIII вв.). (Археология), М.: Наука. С. 31-39.

Засецкая И.П. 2008. Стеклянная посуда Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв.н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа). // Боспорские исследования. XX. Симферополь; Керчь. С. 1-224.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории

племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб: Гос. Эрмитаж. С. 210 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы. // Ред.: Макаров Н.А. Археология северорусской деревни X-XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере, 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142-214.

Земцов Г.Л. 2003. Миграционные потоки III-V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2). // Ред.: Сташенков Д.А. Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 108-116.

Земцов Г.Л. 2004. Гончарный горн на поселении Ксизово-19. // ОЛД-1. С. 67-68.

Земцов Г.Л. 2007. Домостроительство. // Ред.: Обломский А.М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.). (РСМ, 10). М.: ИА РАН. С. 13-22.

Земцов Г.Л. 2012. Липецкий край в III-V вв. Тула: Гриф и К. 206 с.

Земцов Г.Л., Ивашов М.В., Бессуднов А.Н. 2007. Материалы позднеримского времени Лавского правобережного поселения. // ВАС, 3. Липецк; СПб. С. 206-218.

Зинько Е.А., Бейлин Д.В. 2005. Исследования Пантикапейского некрополя в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004. Київ. С.133-135.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. // (МИА, 16). М.: Наука. С. 5-262.

Зубарь В.М. 2007. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев: Стилос. 317 с.

Иванишевић В. 2009. Некрополе из епохе сеобе народа у Сингидунуму. Београд: Београдска тврђава. 119 с.

Ивашов М.В., Мельников Е.Н. 2009. Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья. // РА, 2. С. 122-134.

Изюмова С.А. 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси. // КСИИМК, XXX. С. 15-25.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай. // ВЕС. С. 301-332.

Исланова И.В. 2008. Городище Отмичи. // (РСМ, 11). М.: ИА РАН. 283 с.

Историческая экология человека. 1998. Методика биологических исследований. Ред. Бужилова А.П. М. 260 с.

Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. // Ред.: Зуев В.Ю. Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб; Кишинев: АО Бизнес-Элита. С. 181-193.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. // Археологические Вести, 6. СПб. С. 404-417.

Казанский М.М. 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо. // Историко-археологический альманах, 7. Армавир; М. С. 41-58.

Казанский М.М. 2006. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов. // Ред.: Медникова М.Б. Opus, 5. С. 127-129.

Казанский М.М. 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 2, часть. 2. С. 304-325.

Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. // Stratum plus, 4. Кишинёв и др.: ВАШ. С. 17-127.

Казанский М.М. 2011. Радагайс и конец черняховской культуры. // Ред.: Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. Черняхівська культура. (Oium, 1). Київ: ИА НАНУ; Національний педагогічний університет. С. 22-32.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009а. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннское время. // Дивногорский сборник, 1. Воронеж. С. 225-251.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009б. «Царские» гунны и акациры. // ГГС. С. 114-127.

Кияшко А.Г. 2010. Поруйновані поховання в ареалі черняхівської культури. // Ред.: Строцень Б.С. Актуальні проблеми археології. Тези Міжнародноі наковоі конференції на пошану І.С. Винокура. Тернопіль: Астон. С. 59-61.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. (САИ, Е1-2). М: Наука. 57 с.

Ковалевская В.Б. 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М: Пущино: Пущинский научный центр РАН. 364 с.

Козмирчук И.А., Моисеев А.В., Разуваев Ю.Д. 2011. Погребения скифского времени на верхнедонском поселении-могильнике Ксизово-16 // Ред.: Березуцкий В.Д. Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга. С. 196-203.

Комар А.В. 2008. К вопросу о процедуре «обезвреживания покойников» в Нетайловском могильнике. // Ред.: Винников А.З. Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Истоки. С. 45-46.

Комар А.В. 2010. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI-VII вв. // Ред.: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (СПб., 10-16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История. С. 94-115.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. 2006. Погребения кочевников VII-VIII вв. из Северо-Западного Приазовья. // Ред.: Евглевский А.В. Степи Европы в эпоху средневековья, 5. Донецк. С. 245-374.

Корпусова В.Н. 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова Думка. 184 с.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. (САИ, Е1-43). Л.: Наука. 124 с.

Костенко В.И. 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск: Днепропетровский ун-т. 151 с.

Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев: Наукова думка. 184 с.

Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю. 2011. Бантиковидные нашивки. // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс.н.э. М.: ИА РАН. С. 94-100.

Кренке Н.А., Румянцева О.С. 2008. Стеклянные бусы Дьякова городища. // РА, 2. С. 95-106.

Кропотов В.В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманьского» типу. // Археологія, 4. Київ. С. 128-133.

Круглов Е.В. 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. // Ред.: Евглевский А.В. Степи Европы в эпоху средневековья, 4. Донецк. С. 73-142.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII вв.). (Археология). Ред. Макарова Т.Н., Плетнёва С.А. 2003. М.: Наука. 532 с.

Кухаренко Ю.В. 1982. О качинской находке V в. // ДЭВПН. С. 234-244.

Кызласов И.Л. 2014. Лук XI века из грота в скале Узун-Хая (Хакасия). // Ред.: Данченко Е.М. Сборник научных статей памяти В.А. Могильникова. (Вопросы истории Сибири, 9). Омск: Омский гос. педагогичепский ун-т. С. 150-171.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В. 2009. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: ГЕОС. 63 с.

Латышев В.В. 1949. Аполлинарий Сидоний. Письма. (Отрывки). – 2 стихотворения. Панигирики. // ВДИ, 4. С. 287-293.

Лебедева Е.Ю. 2004. Археоботанические исследования на поселении Замятино-7. // ОЛД-1, 6: ИА РАН. С. 121-128.

Лебедева Е.Ю. 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии). // Ред. Бужилова А.П. OPUS, 6. С. 86-109.

Лебедева Е.Ю. 2013. Предварительные результаты изучения археоботанической коллекции средневекового городища Учкакар (Кушманское). // Ред. Черных Е.Н., Завьялов В. М. Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов, 3. М.: ИА РАН. С. 182-201.

Левада М.Е. 2010. Сухоносивка. // Ed.: Urbaniak A. Prochowicz R. Terra barbarica. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, II). Łodż; Warszawa: UŁ. S. 558-594.

Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература. 396 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2009. Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2. // ГГС. С. 127-142.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2011. Погребения эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья. // Ред.: Шаров О.В. Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб; Кишинёв: ВАШ. С. 417-442.

Львова З.А. 1979. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений). // СГЭ, 20. С. 90-103.

Львова З.А. 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений). // АСГЭ, 21. С. 75-84.

Львова З.А. 2000. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс.н.э. // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: Пущино: Пущинский научный центр РАН. С. 257-271.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 110 с.

Магомедов Б.В. 1997. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві. // Ред.: Баран В.Д. Проблеми похождення та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів: РАС. С. 86-96.

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: UMCS. 290 с.

Магомедов Б.В. 2006. Монети як джерело до історії племен черняхівської культури. // Археологія, 4. Київ. С. 46-52.

Мажитов Н.А. 1968. Бахмутинская культура. М.: Наука. 162 с.

Макашева Р.Х. 1979. Зерновые бобовые культуры. Горох. // Культурная флора СССР, IV, часть 1. Л: Колос. 322 с.

Маклецова Н.П. 1974. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох Средней Азии и Поволжья. // Ред.: Маклецова Н.П. Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Ленинградский гос. ун-т. С. 165-172.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. // Ред.: Гугуев Ю.К. Сарматы и их соседи на Дону. (Материалы и исследования по археологии Дона, I). Ростов-на-Дону: Терра. С. 194-232.

Малашев В. Ю. 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 149 с.

Малашев В.Ю. 2014. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II-IV вв.н.э. // КСИА, 234. С. 72-83.

Масленников А.А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН. 107 с.

Масленников А.А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Боспора, 3. М. С. 136-200.

Массалитина Г.А. 2008. Керамическое комплексы нижнего слоя городища Воротынск. // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 111-129.

Массалитина Г.А. 2010. Керамика нижнего слоя городища Серенск. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 2, часть 1. С. 9-29.

Мастыкова А.В. 1996. Бусы. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (РСМ, 3). М.: ИА РАН. С. 42-46.

Мастыкова А.В. 2001. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (из раскопок В.С. Флерова). // Ред.: Смирнов А.С. Практика и теория археологических исследований (Труды отдела охранных раскопок). М.: ИА РАН. С. 56-104.

Мастыкова А.В. 2004. Стеклянные бусы комплекса поселений у с. Замятино. // ОЛД-1. 6. М.: ИА РАН. С. 84-88.

Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – серединой VI в. М.: ИА РАН. 500 с.

Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону. // КСИА, 234. С. 200-222.

Мастыкова А.В., Плохов А.В. 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее. // Ред: Мусин А.Е., Хвощинская Н.В. Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 337-357.

Медведев А.П. 1987. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья. // Ред.: Пряхин А.Д. Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: ВГУ. С. 93-111.

Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ. 217 с.

Медведев А.П. 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж. // Ред.: Бессуднов А.Н. Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк: Липецкий гос. педагогический институт. С. 111-121.

Медведев А.П. 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины 1 тыс.н.э.). // Ред.: Пряхин А.Д. Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс.н.э. Воронеж: ВГУ. С. 42-84.

Медведев А.П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М: Таус. 235 с.

Медведев А.П. 2009. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005-2007 гг.). // Nortia-VI. Воронеж. С. 146-170.

Медведев А.П. 2011. Позднеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.). // Вестник ВГУ, сер. История, политология, социология, 1. Воронеж. С. 32-45.

Медведев А.П., Акимов Д.В. 2001. Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ, 7. Воронеж. С. 143-157.

Медведев А.П. Винников А.З. 1989. Грунтовой могильник на Животинном городище. // Ред.: Синюк А.Т. Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж: Воронежский гос. педагогический институт. С. 148-156.

Медникова М.Б. 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН. 216 с.

Медникова М.Б. 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М: Научный мир. 2001. 304 с.

Медникова М.Б. 2006. Феномен культурной деформации головы: евразийский контекст. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 206-229.

Миллер В.Ф. 1889. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 году. // Древности, XII. М. С. 129-160

Мончинска М. 1997. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в 4-7 вв. (на основании т.н. погребений специфического обряда). // Ред.: Зуев В.Ю. Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб; Кишинев: АО Бизнес-Элита. С. 207-213.

Мончиньська М. 2009. Велике переселення народів. Історія неспокійної епохи IV та V століть. Київ: Софія-А. 396 с.

Мончыньська М. 1999. О так называемых сарматских фибулах в Средней и Восточной Европе. // Ред.: Гладких М.И. Сто лет черняховской культуре. Київ: Товариство археології і антропології. С. 87-111.

Мызгин К. В. 2008. Римские монеты на черняховских памятниках междуречья Днепра и Северского Донца (к вопросу о времени появления черняховской культуры в регионе). // Ред.: Наумов А.Н. ЛЛВЕ, 1. С. 291-303.

Мызгин К.В. 2013. О находке двух боспорских статеров на поселении позднеримского времени Комарив (Черновицкая область) и их возможном культурно-историческом контексте. // Ред.: Зинько В.Н. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. XIV Боспорские чтения. Материалы конференции. Керчь: Деметра. С. 336-341.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 207 с.

Некрасова А.Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. // Ред.: Терпиловский Р.В. Готы и Рим. Киев: Стилос. С. 87-200.

Никитина Г.Ф. 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука. 207 с.

Никитина Г.Ф. 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого р-на Черновицкой обл. // Ред.: Кропоткин В.В. Могильники черняховской культуры. М.: Наука. С. 5-97.

Никитина Г.Ф. 1993. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры. // РА, 4. С. 145-159.

Никитина Г.Ф. 2008. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М.: Таус. 447 с.

Никольская Т.Н. 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс.н.э. (МИА, 72). М.: Наука. 150 с.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв.н.э. М; Сумы. 286 с.

Обломский А.М. 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени. // ВАС, 2. Липецк. С. 122-140.

Обломский А.М. 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв.н.э.). (РСМ, 5). М.: Наука. 255 с.

Обломский А.М. 2003. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье. // Ред.: Шишлина Н.И. Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции, II. М.: ГИМ. С. 79-83.

Обломский А.М. 2004а. Хронология Замятинского археологического комплекса. // ОЛД-1. С. 144-147.

Обломский А.М. 2004б. Замятино-8. Материалы раскопок 1998-2000 гг. // ОЛД-1. С. 16-36.

Обломский А.М. 2004в. Заключение. // ОЛД-1. С. 164-166.

Обломский А.М. 2004г. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской обл. // КТВДР. С. 221-227.

Обломский А.М. 2004д. Замятинский археологический комплекс – «перекресток этнокультурных традиций». // ОЛД-1.С. 148-163.

Обломский А.М. 2004е. Поселение Замятино-7. // ОЛД-1. С. 37-56.

Обломский А.М. 2005а. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов. // РА, 2. С. 32-45.

Обломский А.М. 2005б. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени. // КСИА, 219. С. 104-119.

Обломский А.М. 2006а. Юртоообразная постройка V в.н.э. на территории Верхнего Подонья. // Ред.: Кызласов И.Л., Зеленеев Ю.А. Средневековая археология Евразийских степей (сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетневой). (Материалы и исследования по археологии Поволжья). М.; Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 40-52.

Обломский А.М. 2006б. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива. // Ред. Мурашева В.В. Город и степь в контактной евроазиатской зоне. М.: ГИМ. С. 79-81.

Обломский А.М. 2007. Лесостепное Подонье. // ВЕС. С. 73-132.

Обломский А.М. 2008а. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время. // Ed.: Niezabitowska-Wiśniewska B. et alii. The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period, II. Lublin: UMCS. S. 213-240.

Обломский А.М. 2008б. Предварительные итоги раскопок могильника гуннского времени у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. // Ред.: Винников А.З. Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Истоки. С. 32-35.

Обломский А.М. 2009а. Материалы позднеримского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. // Vita antiqua, 7-8. Київ. С. 173-196.

Обломский А.М. 2009б. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху. // Дивногорский сборник, 1. Воронеж: ВГУ. С. 252-269.

Обломский А.М. 2010а. Материалы поселения Журавка Ольшанская. // Ред.: Исланова И.В., Родинкова В.Е. Археология Восточной Европы в 1 тыс.н.э. Проблемы и материалы. (РСМ, 13). М.: ИА РАН. С. 144-260.

Обломский А.М. 2010б. Хронология поселения Танаис позднеантичного пери ода. // ЛЛВЕ, Конференция 2, часть 1. С. 174-202.

Обломский А.М. 2010в. Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э. // КСИА, 224. С. 245-266.

Обломский А.М. 2010г. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V вв.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19). // Вестник РГНФ, 4 (61). М. С. 129-143.

Обломский А.М. 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э. // Ред.: Шаров О.В. Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб.; Кишинёв: ВАШ. С. 443-462.

Обломский А.М. 2012а. Лепная керамика из погребений Верхнего Подонья середины 1 тыс.н.э. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. С. 145-162.

Обломский А.М. 2012б. Верхнее Подонье и Северное Причерноморье в середине 1 тыс.н.э. Проблема торгового пути. // Ред.: Храпунов И.Н. Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов. Симферополь. С. 224-230.

Обломский А.М. 2013. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV – V век). // Ред.: Боталов С.Г. Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. С. 194-257.

Обломский А.М. 2014. Проблема связей населения Верхнего Подонья и Подунавья в эпоху Великого переселения народов. // Ред.: Трифунович С. I Сербско-российская археологическая конференция. Нови Сад; Белград: Музей Воеводины. С. 24, 25.

Обломский А.М. 2014. Карта Скифии по «Гетике» Иордана. // Ред. Обломский А.М. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. (РСМ, 15). М.: ИА РАН, с. 13-21.

Обломский А.М., Радюш О.А. 2007. Вещевой комплекс. // Ред. Обломский А.М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.) (РСМ, 10). М.: ИА РАН. С. 27-39.

Обломский А.М., Разуваев Ю.Д. 2009. Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17. // Археологические памятники Восточной Европы, 13. Воронеж. С. 176-185.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского). // Ред.: Обломский А.М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.). (РСМ, 10). М: ИА РАН. С. 113-141.

Обломский А.М., Усачук А.Н. 2004. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и 8 и мастерские гребенщиков. // ОЛД-1. С. 69-83.

Ольговський С.Я. 2001. Метал браслетів Херсонеса. // Археологія,1. Київ. С. 106-112.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. 2011. Кузебаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия. 215 с.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. (РСМ, 6). М.: ИА РАН. 2004. 330 с.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.). (РСМ, 10). М.: ИА РАН. 2007. 316 с.

Пашковский могильник № 1. В печати. Том 2. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование Пашковского могильника № 1.

Петраускас О.В. 1999. Могильники черняховской культуры Косаново и Гавриловка. Сравнительная характеристика – хронология, погребальный обряд, этнокультурные особенности. //Сто років вивчення культури полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару (Київ, 14–16 грудня 1999 р.). Київ: ИА НАНУ. С. 27-31.

Петраускас О.В. 2014. Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья: аналіз археологической структуры. // Ред.: Івакін Г.Ю. Від венедів до Русі. Київ: ИА НАНУ. С. 125-152.

Петраускас О.В, Шишкин Р.Г. 2010. Могильник и поселение у с. Великая Бугаевка и их место в системе древностей позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов в Среднем Поднепровье. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 2, часть 2. С. 19-32.

Петров В. П. 1964. Масловский могильник на р. Товмач. // МИА, 116. М.: Наука. С. 118-167.

Перерва Е.В. 2000. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая. // Ред.: Бужилова А.П. OPUS, 1-2. М: ИА РАН. С. 141-151.

Перерва Е.В. 2006. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией головы. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 177-187.

Пиета К. 2012. Камерная могила IV-V вв. в Попраде и ее контекст. // Ред. Храпунов Н.И. Международная конференция «Inter ambo maria». Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов. (3-7 октября 2012 г. Гаспра, Крым, Украина). Симферополь. С. 233-236.

Пиле К. 2006. От клада из Эрана к могиле княжны из Мульта. // МАИЭТ, XII. С. 251-270.

Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М: Наука. 199 с.

Плетнева С.А. 1996. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: ВГУ. 167 с.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж: ВГУ. 170 с.

Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А. 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині. // Археологія, 33. Київ. С. 100-108.

Радюш О.А., Щеглова О.А. 2012. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск: КГОМА. 48 с.

Разуваев Ю.Д. 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече. // Ред.: Медведев А.П. Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс.н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи, 12). Воронеж: ВГУ. С. 42-84.

Разуваев Ю.Д. 2010. Ксизовский комплекс памятников скифского времени на Острой Луке Дона. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции (28-29 октября 2010 г.). Харьков: НТМТ. 2010. С. 34-35.

Решетова И.К. 2013. Коллективное воинское погребение гуннского времени могильника Ксизово-19. // Ред.: Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. 5-ая Международная конференция «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. М.: ИТЕП. С. 82.

Решетова И.К. 2014. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Автореф. канд. истор наук. М. 30 с.

Родинкова В.Е. 2006а. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (простые формы). // РА, 3. С. 41-51.

Родинкова В.Е. 2006б. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул

(сложные и двупластинчатые формы). // РА, 4. С. 50-63.

Розенфельдт И.Г. 1971. Керамика Троицкого городища. // Ред.: Краснов Ю.А. Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. С. 6-79.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры. // Ред.: Краснов Ю.А. Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90-216.

Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.: Наука, 179 с.

Рудич Т.А. 2000. Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по данным антропологии. // Stratum plus, 4. Кишинёв и др.: ВАШ. С. 278-287.

Рудич Т.О. 2004. Антропологічний склад населення черняхівської культури Західної України. // Археологія, 3. Київ. С. 37-48.

Румянцева О.С. 2007а. Бусы массовых типов. В гл. Культура рязано-окских могильников. // ВЕС. С. 214-233.

Румянцева О.С. 2007б. Керамика центральной группы могильников. В: Культура рязано-окских могильников. // ВЕС. С. 247-255.

Румянцева О.С. 2007в. Проблема происхождения стеклянных изделий эпохи Великого переселения народов (на материалах кобальтосодержащих бус лесной зоны России). // РА, 3. С. 81-91.

Румянцева О.С. 2009. Бусы могильника Брут 2 второй половины – середины III в. // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. (Материалы и исследования по археологии России, 11). М.: ИА РАН; Таус. С. 341-437.

Румянцева О.С. 2012. Стеклянные украшения поздней античности и раннего средневековья: свидетельства производства, этнографические параллели, проблемы интерпретации археологического материала. // Ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. ЛЛВЕ, Конференция 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 512-526.

Румянцева О.С., в печати 1. Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст. // ЛЛВЕ, Конференция 4. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле».

Румянцева О.С., в печати 2. Химический состав стекла и проблема происхождения стеклянных украшений Пашковского могильника. // Пашковский могильник № 1. Том 2. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование Пашковского могильника № 1.

Рунич А. П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. // СА, 3. С. 256-266.

Савенко С.Н. 2014. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича). // КСИА, 234. С. 115-139.

Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор. // МАИЭТ, III. С. 16-21.

Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., 2013. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектрометрии (на примере M4 Tornado, Bruker, Германия). // Ред.: Цыпкин Д.О. Фотография. Изображение. Документ, 4 (4). СПб.: РОСФОТО. С. 80-87.

Саяный М.И. Бейдин Г.В. Мызгин К.В. 2010. Античные монеты в собрании Змиевского краеведческого музея. // Древности, 9. Харьков: ООО «НТМТ». С. 334-338.

Седин А. 2011. Предметы вооружения из городища Никодимово. // Acta Archaeologica Albaruthenica, VII. Минск. С. 69-82.

Сергєєва М.С. 2011. Косторізна справа у Стародавньому Київі. Київ: КНТ. 256 с.

Сергєєва М.С. 2012. Косторізна справа у давньому Колодяжині. // Археологія, 3. Київ. С. 118-125.

Сибилев Н.В. 1928. К рисункам. // Старовинності Изюмщини. Изюм. С. 16-20.

Сидоренко Т.Е. 2008. История изучения нарушений анатомического порядка погребенных в захоронениях населения салтово-маяцкой культуры. // Ред.: Винников А.З. Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Истоки. С. 57-59.

Сидоров Е.А., Бородовский А.П. 1990. Обработка кости в Лесостепном Приобье (в I тыс. до н.э.). // Ред.: Соловьев А.И., Гладышев С.А. Проблемы технологии древних производств. Новосибирск: Полиграф. С. 159-172.

Сидорович В. 2011. Находки монет античной Греции на территории Беларуси. // Ред.: Калинин В.А. Сборник тезисов сообщений XVI-й Всероссийской Нумизматической конференции. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 25-26.

Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка. 144 с.

Симоненко А.В. 2003. Еще раз о рвах на сарматских могильниках Северного Причер-

номорья. // Ред.: Баран В.Д. Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ: ИА НАНУ. С. 148-156.

Симоненко А.В. 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: СПб. Гос. ун-т. 327 с.

Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые вв.н.э. Саратов: Саратовский ун-т. 150 с.

Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский гос. ун-т. 299 с.

Смирнов К.А. 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. // Ред.: Краснов Ю.А. Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. С. 80-98.

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). // Ред.: Краснов Ю.А. Дьяковская культура. М: Наука. С. 7-89.

Смирнова Л.И. 1995. Состав сырья костерезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов костерезного производства по материалам Троицкого раскопа). // Ред.: Анкудинов И.Ю., Гайдуков П.Г. Новгород и новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, 9. Новгород. С. 114-129.

Сорокина Н.П. 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. // Ред.: Рыбаков Б.А. Керамика и стекло древней Тмутракани. М.: Наука. С. 134-170.

Сорокина Н.П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. // СА, 4. С. 85-101.

Сташенков Д.А. 2007. Охранно-спасательные исследования комплекса памятников у с. Сиделькино и грунтового могильника у с. Кузькино в Самарской области. // Археологические открытия в 2005 году. М.: Наука. С. 394-395.

Столярова Е.К. 2001. Бусы могильника Бельбек IV. // Ред.: Гущина И.И., Журавлев Д.В. Поздние скифы Крыма. (Труды ГИМ, 118). М.: ГИМ. С. 194-222.

Стоянова А.А. 2004. Бусы и подвески могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.). // Боспорские исследования, 5. Симферополь; Керчь. С. 263-315.

Сымонович Э.А. 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. // СА, 1. С. 49-60.

Сымонович Э.А. 1990. Букреевка-2 – селище второй четверти 1 тыс.н.э. возле Курска. // Ред.: Терпиловский Р.В. Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 78-110.

Сымонович Э.А. 1993. Могильники. Черняховская культура. // Ред.: Русанова И.П., Сымонович Э.А. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – пер. пол. I тыс.н.э. (Археология СССР). М.: Наука. С. 133-140.

Терпиловский Р.В. 2004а. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс.н.э. Lublin: UMCS. 232 с.

Терпиловский Р.В. 2004б. Социально-экономический аспект исследования материалов Замятинского археологического комплекса. // ОЛД-1. С. 137-143.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка. 224 с.

Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 2005. Черняхівскі поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині. // Археологія, 1. Київ. С. 58-69.

Тиліщак В.С. 2014. Вторинні поховання в черняхівської культурі (за матеріалами могильника Ченелів-Руський). // Ред.: Івакін Г.Ю. Від венедів до Русі. Київ: ИА НАНУ. С. 153-162.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.С. 2013. Степушка-1 – памятник кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени. // Ред.: Боталов С.Г. Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. С. 258-279.

Толмачева М.М. 2004. Результаты металлографического изучения кузнечных изделий памятников Замятинского археологического комплекса. // ОЛД-1. С. 95-103.

Трапш М.М. 1971. Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба. 311 с.

Трофимова Т.А. 1968. Изображение эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности. // Ред.: Трофимова Т.А. История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука. С. 179-188.

Труфанов А.А. 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени). // Ред.: Гущина И.И., Журавлев Д.В. Поздние скифы Крыма. (Труды ГИМ, 118). М.: ГИМ. С. 71-77.

Уткин А.В., Черников В.Ф. 1994. Желтухинский грунтовый могильник. // Ред: Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Проблемы средневековой археологии волжских финнов. (Археология и этнография марийского края, 23). Йошкар-Ола: Марий-

ский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. С. 44-66.

Фирштейн Б.В. 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные по вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука. С. 69-201.

Флёров В.С. 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН. 101 с.

Флёров В.С. 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в.н.э. М.: Таус. 371 с.

Флёров В.С. 2012. Заметки к теме «обряд обезвреживания погребенных». // Дивногорский сборник, 3. Воронеж. С. 222-236.

Флёрова В.Е. 2001. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя. 352 с.

Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211-341/342 гг. н.э. М: Эдиториал УРСС. 536 с.

Фролова Н.А. Николаева Э.Я. 1978. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ, XXXIX. С. 173-179.

Фурасьев А.Г. 2013. Акациры – соседи эстиев. // АСГЭ, 39. С. 185-196.

Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. // СА, 4. С. 58-71.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 171 с.

Хайрединова Э.А. 1995. Бусы из могильника Дружное. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврия. С. 59-87, 189-192.

Хайрединова Э.А. 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V – первой половины VI в. // МАИЭТ, IX. С. 53-119.

Хайрединова Э.А. 2003. Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма. // МАИЭТ, X. С. 125-160.

Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея. // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История. С. 58-69.

Хараламбиева А. 1997. Фибулите от I–VII в. в музея на Дългопол. // Известия на Народния музей Варна, 32-33 (47-48). С. 89-129.

Харузин А. 1890. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша на южном берегу Крыма. М. 56 с.

Ходжайов Т.К. 2006. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. С. 12-21.

Храпунов И.Н. 1991. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 198-1989 гг.). // МАИЭТ, II. С. 3-33.

Храпунов И.Н. 2002. Могильник Дружное (III-IV вв.н.э.) Lublin: UMCS. 313 с.

Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. // Боспорские исследования, VI. Симферополь; Керчь. 239 с.

Храпунов И.Н. 2011. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац. // Ред.: Храпунов И.Н. Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Доля. С. 13-59.

Шарова О.А. 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1 тыс.н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции (28 февраля – 3 марта 1995 г.). Калуга: Н.Ф. Бочкарева. С. 65-72.

Шведчикова Т.Ю. 2010. Искусственная деформация головы как исторический источник (на примере Джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья конца I тыс. до н.э. VIII в. н.э.). Автореф. дисс. канд. истор. наук. М: ИА РАН.

Шестопалова Э.Ю. 2014. Ритуальные разрушенные погребения по материалам Дагомского и Архонского могильников. // Тр. IV АС, II. С. 455-459.

Шишкин Р.Г. 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Ред.: Мурзин В.Ю., Ивакин Г.Ю. Сучасні проблеми археології. Київ: ИА НАНУ. С. 244-245.

Шульц М. Козак А.Д., 2008. Морфология и классификация следов менингиальных реакций на древних черепах (проблемы диагностики на примере средневековых популяций Киева. // Ред.: Бужилова А.П. OPUS, 6. С. 276-299.

Щапова Ю.Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М: Московский гос. университет. 216 с.

Щукин М.Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб: СПб. гос. университет. 575 с.

Яценко Е.Г. 2007. Коллекция стеклянных изделий из Танаиса IV-V вв. // Древности Боспора, 11. М. С. 473-499.

Acsádi G., Nemeskéri J. 1970. History of Human Life Span and Mortality. Akadémiai Kiadó. Budapest. 346 p.

Aibabine A., Khairédinova E. 1997. La nécropole de Loutchistoe. // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des Grandes Invasions IV-VIII siècles. Caen: Imprimerie Normandie Information Impression. P. 67-78.

Alföldi A. 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre etnishe Sonderung. (Archaeologia Hungarica, IX). Budapest. 90 s.

Alt K.W. 2006. Die artifizielle schadeldeformation bei den westgermanes. // Ред.: Медникова М.Б. OPUS, 5. S. 115-126.

Arrhenius B. 1985. Merovingian garnet jewellery: Emergence and social implications. Stockholm: Kungl. Vitterhets-, historie- och antikvitetsakad. 230 p.

Aufderheide A.C., Rodríguez-Martín C. 1998. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge: Cambridge University. 478 p.

Bakels C., Jacomet S. 2003. Access to luxury foods in Central Europe during the Roman period: the archaeobotanical evidence. // World Archaeology, 34. Taylor & Francis Group. P. 542-557.

Barbarenschmuk und Römergold. Der Schatz von Szilágysomlyó. 1999. Hsg.: Seipel W. Wien; Milano: Skira. 229 s.

Barkóczi L. 1988. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest: Akadémiai kiadó. 223 S., 117 Taf.

Bemmann J. 2001. Die Nimberger Fibeln und die Chronologie der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. // Slovenská Archeológia, XLIX. Nitra. S. 59-101.

Bichir Gh. 1976. Archaeology and History of the Carpi fom the Second to the Fourth Century A.D. (BAR Supplementary Series, 16). Part I. 211 p. Part-II. 213 p. Oxford.

Bierbrauer V. 2008. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis Niederösterreich. (Bayrische Akademie der Wissenschaten. Philosophisch-historische Klasse. Abhandulgen. Neue Folge, 131). München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. 130 S.

Bodzek J., Madyda-Legutko R. 1999. The Ascalon coin found at Zarzecze, Przemyśl voivodship. // Notae Numismaticae, III/IV. Kraków. P. 141-152.

Bojović D. 1983. Rimske fibule Singidunuma. Beograd: Muzej grada Beograda. 181 s., 66 tabl. 250 s.

Bóna I., Nagy M. 2002. Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet, I. Budapest: Magyr Nemzeti Múzeum. 387 S.

Bouby L., Marinval P. 2004. Fruits and seeds from Roman cremations in Limagne (Massif Central) and the spatial variability of plant offerings in France. // Journal of Archaeological Science, 31. Elsevier. P. 77-86.

Böme H.W. 2007. Observations sur les fibules germaniques du Ive et du Ve siecle découvertes à Vron (Somme). // Revue Archéologique de Picardie, 1-2. P. 5-30.

Brentjes B. 1954. Zur Typologie, Datirung und Ableitung der Zikadenfibel. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luter-Universitat, 3. H, 5. Halle-Wittenberg. S. 901-914.

Brůžek J. 1991. Fiabilité des Procédés de détermination du sexe a partir de los coxal. Implication a l´étude du dimorphisme sexuel de l´Homme fossile. // These de doctorat. Paris: Museum National d´Historie Naturelle, Institut de Paleontologie Humaine.

Burzler A., Höneisen M., Leicht J., Ruckstuhl B., 2002. Das frühmittelalterliche Schleitheim – Siedlung, Gräberfeld und Kirche. Schaffhausen: Schweizer Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte. 331 S.

Cappers R.T.J, Neef R. 2012. Handbook of Plant Palaeoecology. (Groningen Archaeological Studies, 19). Groningen: Barkhuis. 475 p.

Černý M. 1971. Určování pohlaví podle postkraniálního skeletu. // Ed.: Vlček E. Symposium o určování stáří a pohlaví jedince na základě studia kostry. Praha: Národní muzeum. S. 46-62.

Černý M., Komenda S. 1980. Sexual Diagnosis by the Measurements of Humerus And Femur. // Sborník prací Pedagogická fakulta Univerzity Palackého, Olomouc. Biologien, 2. Olomouc. P. 147-167.

Cociş S. 2004. Fibulele din Dacia Romană. The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca: Mega. 454 p.

Cohen H. 1885. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain, V. Paris: Rollin et Feuardent. 547 p.

Cooremans B. 2008. The Roman cemeteries of Tienen and Tongeren: results from the archaeobotanical analysis of the cremation graves. // Vegetation History and Archaeobotany, 17. Springer. P. 3-13.

Csallány D., 1961. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest: Akadémiai kiadó. 406 S., 281 Taf.

Czarnecka K. 2009-2010. Nietypowe groty włyczni ze schyłku starożytności z ziem Polskich. // Wiadomości Archeologiczne, LXI. Warszawa. S. 111-132.

Diaconu Gh. 1971. Über die Fibel mit umgeschlagen Fuss in Dacien. // Dacia. N.S., XV. Bucuresti. S. 239-267.

Diaconu Gh. 1973. Über die Fibel mit halbkreisförmiger Kopfplate und rautenförmigem Fuss aus Dacien. // Dacia. N.S. XVII. Bucuresti. S. 257-275.

DiBennardo R., Taylor J. V. 1979. Sex Assesment of the Femur: A Test a New Method. // American Journal of Physical Anthropology, 50. New York. P. 635-638.

Die Alamannen. 1997. Stuttgart: Archäologischen Landesmuseum Baden-Württemberg.

Dmitrievič D., Kovačević J., Vinski Z., 1962. Seoba naroda – Arheološki nalazi Jugoslovenskog Podunavlja. Zemun: Narodni muzej Zemun. 127 s., 34 tb.

Dobos A., Operanu C.H. 2012. Migration Period and Early Medieval Cemeteries at Fântânele. Cluj-Napoca: Mega. 160 p.

Dofková M. 1995. Čéška kolenní člověka a její výpovědní hodnota pro diagnózu pohlaví. Diplomová práce. // Archiv Katedry antropologie PřF MU.

Dussart O. 1998. Le verre en Jordanie et en Syrie Sud. Beyrouth: Institut français d'archéologie Proche-Orient. 346 p.

Egorkov A. 2006. L'analyse des perles de Singidunum et de Viminacium par la spectrographie optique d'émission. // Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. P. 106-117.

Falsetti A.B. 1995. Sex Assessment from Metacarpals of the Human Hand. // Journal of Forensic Sciences, American Academy of Forensic Sciences, 40/5. Colorado Springs: P. 774-776.

Fazekas I. Gy., Kósa F. 1978. Forensic Fetal Osteology. Akadémiai kiadó. 413 p.

Fitz G. 1986. Römisch-kaiserzeitliche nud völkerwanderungszeitliche Zikadenfibeln aus österreichischen Pruvatsammlungen. // Römisches Österreich, 13/14 (1985/1986). Wien. S. 25-86.

Flander L.B. 1978. Univariate and Multivariate Methods for Sexing the Sacrum. // American Journal of Physical Anthropology, 49. New York. P. 103-110.

Florkowski A., Kozlowski T. 1994. Ocena wieku szkieletowego dzieci na podstawie wielkosci kosci. // Przeglad Antropologiczny, 57/1-2. Poznań. S. 71-86.

Foy D. 1995. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siecle en France meditterraneenne. // Le verre …. P. 187-242.

Foy D., Bonifay M. 1985. Éléments d'évolution des verreries de l'Antiquité tardive à Marselle d'après les fouilles de la Bourse. // Revue archéologique de Narbonnaise, XVII. P. 289-308.

France D.L. 1987. Sexual Dimorphismus in the Human Humerus. Unpublished Ph.D. Dissertation, Department of Anthropology, Univ. of Colorado. // Bass W.M. Human Osteology. A Laboratory And Field Manual. Columbia: Missouri Archeological Society, P. 153-155.

Freestone I.C. 2003. Primary glass sources in the mid first millenium A.D. // Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (New-York and Corning, 2001). Nottingham: AIHV. P. 111-115.

Freestone I.C. 2005. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis. // Eds: Pamela B. et alii. Materials Research Society Symposium Proceedings. 852. Materials Issues in Art and Archaeology, VII. Warrendale: Cambridge University. P. OO8.1.1 – OO8.1.13.

Freestone I., Hughes M., Stapleton C. 2008. Composition and production of Anglo-Saxon glass. // Eds: Evison V. I., Freestone I. Catalogue of Anglo-Saxon Glass in the British Museum. London: British Museum. P. 29-46.

Gavritukhin I. 2002. Double-plate fibels of subgroup I. // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve, XLIV. Nyíregyháza. P. 113-184.

Gavritukhin I. 2011. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Skandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Period. // Eds.:. Khrapunov I, Stylegar F.-F. Inter ambo maria. Contacts between Skandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristinsand; Simfiropol: Dolya. P. 39-69.

Gavritukhin I. 2013. Brooches of the Levice – Tokari Sub-group. // Eds.: Khrapunov I., Stylegar F.A. Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Bleak Sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 107-127.

Gavritukhin, in print. Glass Vessels of the final of the Chernyakhov Culture. Brno.

Gening V.F. 1995. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. // EA, 1. S. 265-326.

Gill G.W., Rhine S. (eds.) 2004. Skeletal Attribution of Race: Methods for Forensic Anthropology. Albuquerque: Maxwell Museum of Anthropology, University of New Mexico. . 127 p.

Giurescu C.C. 1937. Das westgotische Grab von Chiojdu in Rumanien. // Mannus, 29. S. 556-566.

Godłowski K. 1995. Das „Fürstengrab“ des 5. Jhs. Und der „Fürstensitz“ in Jakuszowice in Südpolen. // Eds.: Kazanski M., Valliet F. La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siecle. Condé-sur-Noireu: AFAM. P. 155-180.

Greulich W.W., Pyle S.I. 1959. Radiographic Atlas of Skeletal Development of the Hand and Wrist. Standford: Standford University. 272 p.

Hall M., Yablonsky L. 1997. Chemical analyses of glass beads found in two sarmatian burials. // Archaeometry, 39-2 Oxford. P. 369-377.

Hampel J. 1905. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. I. 853 S. Bd. II. 1006 S. Bd. III. 63 Taf. Braunschweig: Friederich Wieweg und Sohn.

Hayes J. W. 1975. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto: Royal Ontario Museum. 229 p.

Hermann et alii, 1990. Prähistorische Anthropologie. Berlin etc.: Springer. P. 445.

Hirsch G. 2009. Antiken Auktion 259. München.

Hlavová J. 1999. Proměny výšky těla v běhu staletí. Bakalávřská práce. // Archiv Katedry antropologie PřF MU, Brno. 101 s.

Hunger H., Leopold D. 1978. Identifikation. Leipzig: J. A. Barth. 520 p.

Il'jašenko S. 2005a. Die Ober und Unterstadt von Tanais in der hellenistischen und römischen Periode. // EA, 11. S. 147-161.

Il'jašenko S. 2005б. Aufschriften des Typs a/rr auf den spätantiken Amphoren in Tanais. // EA, 11. S. 313-328.

Ilkjaer J. 1993. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Illerup Adal. Bd.3: 453 S. Bd. 4: 507 S. Vibork: Aarus University.

Ioniţă I. 1992. Die Fibeln mit umgeschlagen Fuss in der Sîntana-de-Mureş–Černjachov-Kultur. // Peragrinatio Gothica, III. (Universitets Oldsaksamlings Skritter, 14). Oslo. S. 77-90.

Iordanidis P. 1961. Détermination du sexe par les os du squelette. // Annales de Médecine Légale, 41. Paris. P. 280-291, 459-471.

Isings C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters. 185 P.

Iscan M.Y., Miller-Shaivitz P. 1984a. Determination of Sex From the Femur in Black And Whites. // Collegium Anthropologicum, 8/2, Zagreb. P. 169-175.

Iscan M.Y., Miller-Shaivitz P. 1984б. Discriminant Function Sexing of the Tibia. // Journal of Forensic Sciences, 29/4. American Academy of Forensic Sciences. Colorado Springs. P. 1087-1093.

Ivanišević V., Kazanski M. 2007. Nouvelle nécropole des grandes migrations de Singidunum. // Старинар, LVII. Београд. С. 101-157.

Ivanisević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p.

Jaric J. 2009. Early Medieval warfare from the Central Balkans. Budapest: Central European university. 86 p.

Johnston F.E. 1962. Growth of the long bones of infants and young children at Indian Knoll. // Human Biology, 23. Detroit. P. 66-81.

Jonakowski M. 1996. Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych. // Ed.: Nowakowski W. Concordia. Warszawa: Zakład poligraficzny. S. 93-104.

Kanungo A.K. 2004. Glass beads in ancient India: An Ethnoarchaeological Approach. (BAR International Series, 1242). Oxford: John and Erica Hedges. 180 p.

Kazanski M. 1993a. The Sedentary Élite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilization in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th-7th Centuries AD). // Eds.: Charman J., Dolukhanov P. Cultural Transformations and Interactions in the Eastern Europe. Glasgow: Althenium Press. P. 211-235.

Kazanski M., 1993б. Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe-Ve siècles. // Textes réunis par Vallet F., Kazanski M. L’armèe Romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. (Mémoires publiées par l'AFAM, V). Condé-sur-Noireau: AFAM; Musée des antiquités nationales. P. 175-186.

Kazanski M. 2002. Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimee et dans la region de la mer D'Azov. // Ancient West and East, 1-2. Leiden; Boston. P. 393-441.

Kazanski M., Mastykova A. 2007. Tsibilium II. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe s. av J.-C. – VIIs s. ap J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L’étude du site. (BAR International Series, 1731/2). Oxford. 164 p.

Kazanski M., Perin P. 2000. Les „fibules-mouches” de l’epoque des Grandes migrations decouvertes en Gaule. // Eds.: Kazanski M., Soupault V. Les sites archeologiques en Crimee et Caucase durant l’antiquite tardive et le haut moyenage. (Colloquia Pontica). Leiden etc.: Brill. P. 15-28.

Kisné Cseh J., Prohászka P. 2002. “Cikádafibulák” a tatai Kuny Domokos Múzeum

gyűjteményéből. // Komárom-Esztergom megyei múzeumok közleményei, 9. P. 113-140.

Küçükerman Ö. 1988. Glass beads. Anatolian Glass Bead Making: the Final Traces of Three Millenia of Glass Making in the Mediterranean Region. Istanbul : Turkish Touring and Automobile Association. 102 p.

Kiss A. 1983. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materriale Hinterlassenschft. // Acta archaeologica academiae scientiarum hungaricae, 35. Budapest. S. 95-131.

Koch A. 1998. Bügelfibeln der Merovingerzeit im westlichen Frankenreich. Mainz: RGZM; Bonn: Halbert. Teil 1-2. 750 S., 95 Karten und Taf.

Kühn H. 1935. Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit. // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst, 10. Berlin; Leipzig. S. 85-106.

Kühn H. 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Süddeutschland. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt. 1363 S., 336 Taf.

László Gy. 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. // Acta archaeologica academiae scientiarum hungaricae, I. Budapest. P. 91-106.

Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. Chronologie normalisée du mobilier funéraire Mérovingien entre Manche et Lorraine. (Bulletin de liaison de l'AFAM). Condé-sur-Noireau: AFAM. 62 p.

Leliak M. 2012. Typology of the Roman glass vessels from the Croatian party of the province Pannonia. // HAEMUS. An Electronic Journal for the History and Archaeology of the Balkan Peninsula, 1. P. 121-133.

Leube A. 1986. Nimberger Fibeln im Oder-Spree Gebiet und Möglichkeiten ihrer historischen Intrpritation. // Ausgrabungen und Funde, 31. Berlin. S. 76-81.

Leopold D., Minuth I., Krüger G. 1986. Zum Sexual dimorphismus der Unterschenkelknochen – ein Beitrag zur Identifikation. // Kriminalistik und forens Wissenschaften, 63, 64. P. 62-66.

Linc R. 1971. Kapitoly z růstové a funkční morfologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství. S. 112-117.

Lovejoy C.O. 1985. Dental Wear in the Libben Population: Its Pattern And Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. // American Journal of Physical Anthropology, 68/1. New York. P. 15-28.

Mączyńska M. 1998. Schylkowa faza kultury przeworskiej. // Kultura przeworska, IV. Lublin: UMCS. S. 25-43.

Mączyńska M. 2009. Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego. // Eds.: Bitner-Wróblewska A., Iwanowska G. Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam. Warszawa: Państwowe Museum Archeologiczne w Warszawe. S. 393-404.

Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczik I. 2011. The Early Medieval cemetery of Almalyk-Dere near the foot of Mangup. // Eds.: Khrapunov I., Stylegar F.-A. Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 154-175.

Madyda-Legytko R. 2011. Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków: Historia Iagellonica. 312 S.

Manouvrier L. 1893. La détermination de la stature d'après les grands os des members. // Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 2-e série? 4. Paris. P. 433-449.

Martin M. 1988. Grabfunde des 6. Jahrunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG. // Archäologie der Schweiz, 11. S. 167-181.

Martin R., Knussmann R. 1988. Anthropologie. Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen. Stuttgart: Gustaf Fischer. 742 p.

Mastykova A. 2002. Les perles. // Kazanski M. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). Montagnac: Monique Mergoil. P. 68-77.

Matterne V., Derreumaux M. A. 2008. Franco-Italian investigation of funerary rituals in the Roman world, ‘‘les rites et la mort a` Pompe´i’’, the plant part: a preliminary report. // Vegetation History and Archaeobotany, 17. Springer. P. 105-112.

Medović A., Mikić A., Ćupina B., Jovanović Ž., Radović S., Nikolić A. Stanisavljević N. 2011. Pisum & Ervilia Tetovac – Made in Early Iron Age Leskovac. Part One. Two Charred Pulse Crop Storages of the Fortified Hill Fort Settlement Hissar in Leskovac, South Serbia. // Ratarstvo i povrtarstvo. Field and Vegetable Crops. Institute of Field and Vegetable Crops, 48/1. Novi Sad. P. 219-226.

McKern T.W., Stewart T.D. 1957. Skeletal Age Changes in Young American Males. // Quartermaster Research and Development Center, US Army. Natick. Technical Report EP 45.

Mielczarek M. 1989. Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe. Wroclaw etc.: Ossolineum. 205 p.

Megaloudi F. 2005. Burnt sacrificial plant offerings in Hellenistic times: an archaeobotanical case study from Messene, Peloponnese, Greece. // Vegetation History and Archaeobotany, 14. Springer. P. 329-340.

Megaloudi F., Papadopoulos S., Sgourou M. 2007. Plant offerings from the classical necropolis of Limenas, Thasos, Northern Greece. //Antiquity, 81. Durham. P. 933-943.

Milano capitale dell'Impero romano (286-402 d.C.). 1990. Catalogo della mostra / a cura di G. S. Chiesa, C. Balsamo. Milano: Silvana. 568 P.

Muzolf B. 1997. Kultura przeworska na wyżynie Częstochowskiej. // Prace i Materialy Muzeum Miasta Zgierza, II. Zgierz. S. 187-199.

Myzgin K. 2009. Monedele bosporane în arealul culturii Cernjahov. // Ed.: Boldureanu A. Al X-lea simpozion de numismatica: rezumatele comunicarilor. Chişinău: Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei. P. 9-10.

Myzgin K., Beidin G. 2012. Findings Of Bosporan Coins On the Territory Of Chernyakhov Culture. // Notae Numismaticae, VII. Kraków. P. 45-79.

Nemeti S. 1999. Les pieces cigalformes en bronze de Transylvanie. // Acta Musei Napocensis, 36/I. Cluj-Napoca. P. 197-202.

Nothnagel M. 2008. Die völkerwanderungszeitlichen Bestattungen von Untersiebenbrunn, Niederösterreich. Diplomarbeit. Universität Wien. 290 S.

Novotný V. 1985. Determination of Sex From the Talus And Calcaneus. // Scripta Medica Brno, 58, Brno. P. 500-502.

Novotný V. 1986. Sex Determination of the Pelvis Bone: A Systems Approach. // Anthropologie, 24/2-3. Brno. P. 197-206.

Petcović S. 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n.e. Beograd: Arheološki institut. 532 s.

Pfitzner W. 1899. Sozial-anthropologishe Studien. // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, 1. Stuttgart. P. 325-377.

Phenice T.W. 1969. A Newly Developed Visual Method of Sexing the Os Pubis. // American Journal of Physical Anthropology, 30. New York. P. 297-302.

Pini L. 1999. Vetri dalla necropolis romana di Pianetto di Galetta (Forli'). // Ed.: Ferrari D. Il vetro fra antico e moderno. Atti della III Giornata Nazionale di Studio. AIHV, Comitato Nazionale Italiano (Milano, 31 ottobre 1997). Milano. P. 17-22.

Pirling R., Siepen M. 2006. Die Funde aus den römischen Gräbern von Kreffeld-Gellep. Stuttgart: Franz Steiner. 618 S., 107 Taf.

Pons J. 1955. The sexual diagnosis of isolated bines of the skeleton. // Human Biology, 27. Detroit. P. 12-21.

Pollard R. 2001. An Iron Age Inhumation from Rushey Mead, Leicester. // Transactions of the Leicestershire Archaeological and Historical Society, 75. Leicester. P. 20-35.

Preda C. 1980. Callatis. Necropola romano-bizantină. Bucureşti: Academia Republicii Socialiste România. 218 p.

Preiss S., Matterne V., Latron F. 2005. An approach to funerary rituals in the Roman provinces: plant remains from a Gallo-Roman cemetery at Faulquemont (Moselle, France). // Vegetation History and Archaeobotany, 14. Springer. P. 362–372.

Robinson M. 2002. Domestic burnt offerings and sacrifices at Roman and pre-Roman Pompeii, Italy. // Vegetation History and Archaeobotany, 11. Springer. P. 93-99.

Rose J.C., Anton S.C., Aufderheide A.C., Buikstra J.E., Eisenberg L., Gregg J.B., Hunt E.E., Neiburger E.J., Rothschild B. 1991. Paleopathology Association Skeletal Database Committee Recommendations. Detroit: Paleopathology Association. 315 p.

Rottoli M., Castiglioni E. 2011. Plant offerings from Roman cremations in northern Italy: a review. // Vegetation History and Archaeobotany, 20. Springer. P. 495-506.

Roffia E. 1996. Vetri tardoromani da scavi recent. // Ed.: Mecconcelli Notariani G. Il vetro dall'antichità all'età contemporanea. Atti della I Giornata Nazionale di Studio. AIHV, Comitato Nazionale Italiano (Venezia, 2 dicembre 1995). Venezia. P. 59-63.

Rovira N., Chabal L. 2008. A foundation offering at the Roman port of Lattara (Lattes, France): the plant remains. // Vegetation History and Archaeobotany, 17 (Supplement 1). Springer. P. 191-200.

Ruttkay M. 2009. The North of the Carpatian Basin in the 5th and 6th Centuries AD. // Ed.: Quast D. Forigeners in Early Medieval Europe. (Monographien des. Römisch-Germanische Zentralmuseum, 78). Mainz: Römisch-Germanische Zentralmuseum. P. 273-293.

Ružić M.A. 1994. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd: Univerzitet u Beogradu. 96 S.

Salin B. 1935. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm: Walström und Widstrem. 388 S.

Schwartz J. H. 1995. Skeleton Keys. New York: Oxford Univerity. 362 p.

Siegmann M. 2002. Bunte pracht – Die Perlen Der Frühmittelalterlichen Gräberfield von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser, und Dörverden, Kreis Verden/Aller, 1. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, 28). Weissbach. (Langenweißbach): Beier & Beran. 183 S.

Singh G., Singh S. P. 1976. Identification of Sex from the Fibula. // Journal of Indian Academy of Forensic Science, 15. Kolkata. P. 29-34.

Singh G., Singh S., Singh S.P. 1975. Identification of Sex from Tibia. // Journal of Anatomical Society of India, 24. New Delhi. P. 20-24.

Singh G., Singh S.P., Singh S. 1974. Identification of Sex from Radius. // Journal of Indian Academy of Forensic Science, 13. Kolkata. P. 10-16.

Schulte L.J. 1997. Untrsuchengen zu den Nimberger Fibeln. // Ethnographische-Archäologische Zeitschrift, 38. Berlin. S. 135-176.

Schulze M. 1977. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibel mit festem Nadel. Gruppe Almgren VI, 2. (Antiquitas, 19). Bonn: Habelt. 444 S., 62 Karte und Taf.

Schuster J. 2001. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitllichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigen Verhältnis. // Veröffentlichungen zur brandenburgische Landesarchäologie, 35. Zossen. S. 85-102.

Sjøvold T. 1990. Estimation of Stature from Long Bones Utilizing the Line of Organic Correlation. // Human Evolution, 5/5. Firenze. P. 431-447.

Šoštarić R. Dizdar M., Kušan D., Hršak V., Mareković S. 2006. Comparative Analysis of Plant Finds from Early Roman Graves in Ilok (Cuccium) and Šćitarjevo (Andautonia), Croatia. A Contribution to Understanding Burial Rites in Southern Pannonia. // Collegium Antropologicum, 30-2. Zagreb. P. 429-436.

Spaer M. 1993. Gold-glass beads: a rewiew of the evidence. // Beads. Journal of the Society of Bead Researchers, 5. Gloucester. P. 9-25.

Spaer M. 2001. Ancient glass in the Israel Museum: Beads and other small objects. Ierusalem : Israel Museum. 384 p..

Steel F. 1962. The Sexing of Long Bones, With Reference to the St. Bridge´s Series of Identified Skeletons. // Journal of the Royal Anthropological Institute, 92/2. London. P. 212-222.

Steel F.L.D. 1966. Further Observationson the Osteometric Discriminant Function. The Human Clavicle. // American Journal of Physical Anthropology, 25. New York. P. 319-322.

Steele D.G. 1976. The Estimation of the Sex on the Basis of the Talus and Calcaneus. // American Journal of Physical Anthropology, 45. New York. P. 581-588.

Sternini M. 1995. Il vetro in Italia tra V e IX secoli. // Le verre .... P. 243-298.

Stewart T.D. 1979. Essentials of Forensic Anthropology. // Especially as Developed in the United States. Springfield: Charles C .Thomas. 300 p.

Stloukal M., Dobisíková M., Kuželka V., Stránská P., Velemínský P., Vyhnánek L., Zvára K. 1999. Antropologie. Příručka pro studium kostry. Praha: Národní museum. 510 s.

Stloukal M., Hanáková H. 1978. Die Länge der Längsknochenaltslawischer Bevölkerungen unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen. // HOMO, 29. München. S. 53-69.

Strádalová V. 1974. Determination of Sex from the Metrical Characteristic of the Sacrum. // Folia Morfologica, 22. Praha. P. 408-412.

Strádalová V. 1975. Sex Differences and Sex Determination on the Sacrum. // Anthropologie, 13. Brno. P. 237-244.

Szameit E. 1997. Ein Völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorberciht. // Ed.: Tejral J. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. (Spisy Archeologického ústavu Akademie Věd České Republiiky Brno. 8). Brno. S. 233-252.

Taylor J.V., DiBennardo R. 1984. Discriminant Function Analysis of the Central Portion of the Innominate. // American Journal of Physical Anthropology, 65. New York. P. 315-320.

Tejral J. 1973. Mähren im 5. Jahrhundert. (Studie archeologického ústavu Československé akademie věd v Brně, 3). Praha. 93 S.

Tejral J. 1976. Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren. (Studie archeologického ústavu Československé akademie věd v Brně, IV-2). Praha. 122 S.

Tejral J. 1997. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszitlichen Chronologie im Mitteldonaurum. // Ed.: Tejral J. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. (Spisy Archeologického ústavu Akademie Věd České Republiiky, Brno. 8). Brno. S. 321-392.

Tejral J. 2003. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländish-ostgermanischen Krieger–beziehungsweise Männergräber des 5 Jahrhunderts. // Fundberichte aus Österreich, 41. Wien. S. 496-524.

Tejral J. 2012. K současnému stavu archeologického i historického bádání o nejčasnějším středověku na Moravě. // Eds.: Doležel J., Wihoda M. Mezi raným a vrcholným středověkem. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. S. 29-68.

Tempelmann-Mączyńska M. 1985. Die Perlen der römischen Kaizerzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. (Römisch-Germanische Forschungen, 43). Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. 339 S.

Theune-Vogt C. 1990. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamannischen

Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg. Eine Datenanalyse. // Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. 33. Marburg.

Tomka P. 2010. Über ein Haus und eine Fibel. // Red.: Urbaniak A. et alii. Terra Barbarica. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, II). Łódź; Warszawa: UŁ. S. 474-488.

Ubelaker D.H. 1978. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Aldine Publishing Company. 116 p.

V**an der Veen M., Livarda A., Hill A. 2008.** New Plant Foods in Roman Britain – Dispersal and Social Access. // Environmental Archaeology, 13-1. Maney. P. 11-36.

Vandorpe P., Jacomet S. 2011. Remains of burnt vegetable offerings in the temple area of Roman Oedenburg (Biesheim-Kunheim, Alsace, France) – First results. // Ed.: Wiethold J. Carpologia. Articles réunis à la mémoire de Karen Lundström-Baudais. Actes de la table ronde organisée par Bibracte, Centre archéologique européen et le Centre de Recherches Archéologiques de la Vallée de l'Oise (9-12 juin 2005, Glux-en-Glenne). Glux-en-Glenne: Bibracte. P. 87-100.

Vinski Z. 1957. Zikadenschmuck aus Jugoslavien. // Jahrbuch der Römisch-Germanische Zentralmuseum Mainz, 4. Mainz. S. 136-159.

Wandalowie. Strażnicy Bursztynowego szlanku. Lublin; Warszawa: UMCS, 2004. 371 s.

Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine. // Slovenská Archeológia. VII-2. Nitra. S. 422-438.

Zach B. 2002. Vegetable offerings on the Roman sacrificial site in Mainz, Germany – short report on the first results// Vegetation History and Archaeobotany. 11. Springer. P. 101–10

Список сокращений

ВАС – Верхнедонской археологический сборник.

ВАШ – Высшая антропологическая школа. Кишинёв.

ВВ – Византийский временник. М.

ВГУ –Воронежский гос. университет. Воронеж.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВЕС – Ред.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Восточная Европа в середине 1 тыс.н.э. (РСМ, 9). М: ИА РАН.

ГГС – Ред.: Фурасьев А.Г. Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет.

ГДЛ – Гос. дирекция по охране культурного наследия Липецкой области. Липецк.

ГИМ – Государственный исторический музей. М.

ДЭВПН – Ред.: Амброз А.К., Эрдели И.Ф. Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука.

ИА НАНУ – Институт археолгии Национальной Академии наук Украины. Киев. – Інституту археології Національної академії наук України. Київ.

ИА РАН – Институт археологии Российской Академаии наук. М.

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академаии наук. Новосибирск.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академаии наук. СПб.

КГОМА – Курский Государственный областной музей археологии. Курск.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

КТВДР – Ред.: Горюнова В.М., Щеглова О.А. Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова - Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). СПб.: Петербургское востоковедение.

ЛЛВЕ – Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле».

МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. Симферополь.

МАЭ - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. Санкт-Петербург.

МЗХТ – Музей-заповедник «Херсонес-Таврический». Севастополь.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

НИМЗ – Новороссийский исторический музей-заповедник. Новороссийск.

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

ОЛД-1 – Ред.: Обломский А.М. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. (РСМ, 6). М.: ИА РАН.

РА – Российская археология. М.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РСМ – Раннеславянский мир

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

Тр. IV АС – Ред.: Ситдиков А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. Труды IV (XX) Всероссийского

археологического съезда в Казани 2014 г. Казань.

AFAM – Association Française d'Archéologie Mérovingienne.

AIHV – l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre

EA – Eurasia Antiqua. Mainz am Rhein

Le verre … – Ed. Foy D. Le verre de l'Antique Tardive et du haut Moyen Age. Val d'Oise: Musee archeologique departemental du Val d'Oise. 380 p.

MZM - Moravské zemské muzeum

OPUS – OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.

PřF MU - Přírodovědecká fakulta Masarykovy university. Brno.

RSC – Seaby H.A. 1979. Roman Silver Coins, II (Tiberius to Commodus). London: Seaby. 256 p.

RIC – Mattingly H., Sydenham E.A., Webb P.H. 1927. The Roman Imperial Coinage, V, Part I (Valerian to Florian). London: Spink & Son. 424 p.

UMCS – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin

UL – Uniwersitet Łódzki. Łodź.

Рис. 1. Карта памятников лесостепного Подонья гуннского периода.
I – поселения типа Чертовицкое-Замятино; II - могильники с ингумациями и отдельные погребения типа Животинное; III – могильник /отдельные погребения и поселение; IV – случайная находка; V – городище со слоями гуннского времени; VI – городище, для которых доказано использование или возведение укреплений в гуннское время: 1 – Подгорное; 2 – Староживотинное-3; 3 – Чертовицкое-3; 4 – Чертовицкое-6; 5 – Замятино-1, 2, 4, 5, 7-10, 12, 13; 6 – Малый Липяг; 7 – Перехваль-1; 8 –Каменка-1, 4, 5, 8; 9 – Крутогорье; 10 – Елец-Маланино 1; 11 – Ксизово-16, 17, 19, 19А, Острая Лука-4; 12 – Ксизово-5, 6, 8, 18, Ксизово южное; 13 – Мухино-2; 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное; 17 – Пекшево; 18 – Невежеколодезное; 19 – Мухино-9, 10, городище; 20 – Лавы; 21 – Ольшанец; 22 – Стрельбище-4; 23 – Шилово; 24 – Ямное; 25 – Яблоново-4; 26 – Первое Мая-6; 27 – Тюнино; 28 – Нижнее Казачье-10.

Рис. 2. Восточная часть Острой Луки Дона в гуннское время.
I – археологический комплекс у с. Замятино; II – археологический комплекс у с. Ксизово;
III – археологический комплекс у с. Мухино.

Рис. 3. Археологические памятники на правом берегу Дона в северной части с. Ксизово. Места находки вещей из металла: 1 – фибулы с кербшнитным орнаментом; 2 – «окской» и «воинской» фибул и обломка зеркала; 3 – «окской» фибулы; 4 – прочих фибул.

Рис. 4. Археологические памятники в южной части с. Ксизово.
А – Ксизово южное; Б – Ксизово-6. Условные обозначения как на рис. 3.

Рис. 5 (начало). Поселение Ксизово-8, подъемный материал.
1-6 – фрагменты груболепных сосудов с шамотом в тесте; 7 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте; 8 – фрагмент лепной лощеной миски; 9 – фрагмент лепного подлощенного сосуда; 10-13 – глиняные пряслица; 14,15 – бронзовые фибулы; (рисунки: 1-13 – А.М. Обломского; 14-15 – И.О. Гавритухина).

Рис. 5 (окончание). Поселение Ксизово-8, подъемный материал.
16 – фрагмент зеркала из белого металла;
17-21 – бронзовые фибулы (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 6. Археологические памятники на правом берегу Дона к востоку от с. Ксизово.
1 – место находки монетного клада и большинства вещей в Ксизово-19А; 2 – место находки обломка браслета с антропо-зооморфным окончанием из Ксизово-19А. Условные обозначения как на рис. 3.

Рис. 7. Ксизово-19А, ямы 1 (А) и 2 (Б), планы и профили.

Рис. 8. Ксизово-19А, материалы из обследования 2004 г.
1-8,10-15 – груболепная керамика; 9 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 16 – обломок бронзового браслета; 1,2 – яма 1, заполнение; 3-5 – яма 1, дно; 6-9 – культурный слой над ямой 1; 10 – заполнение ямы 2; 11-16 – культурный слой (рисунки И.Е. Бирюкова).

Рис. 9. Ксизово-19А, материалы из обследования 2014 г.
1 – бронзовая фибула; 2 – бронзовый пинцет; 3 – бронзовая обойма от пряжки; 5-9 – зеркала из белого металла; 10, 11 – фрагменты бронзовых браслетов (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 10. Ксизово-16. План памятника с местами раскопов. Условные обозначения как на рис. 3.

Рис. 11. Ксизово-16. Материалы позднеримского периода.
1, 5, 9 – гончарная серолощеная черняховская керамика; 2, 3, 4, 6, 7, 8 – гончарная сероглиняная черняховская керамика с шероховатой поверхностью; 10,11 – фрагменты ручек светлоглиняных амфор; 12 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 12. Ксизово-16. Ситуационный план объектов гуннского времени.
I – ямы гуннского времени; II – погребения гуннского времени.

Рис. 13. Ксизово-16. Ямы 2, 3.
А – яма 2, план, профиль; Б – яма 3, план, профиль; В – скелет собаки в яме 3; 1 – фрагмент лепной сковородки с шамотом в тесте из ямы 3 (рисунок А.М. Обомского).

Рис. 14. Ксизово-16. Керамика из хозяйственных ям
1 – яма 6; 2 – яма 11; 3,4 – яма 34; 5,6 – яма 38; 7,8 – яма 32; 1,8 – гончарная серолощеная керамика; 2-7 – груболепная керамика с шамотом в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 15. Ксизово-16. Находки из хозяйственных ям.
1, 2, 6 – яма 20; 3, 4 – яма 23; 5 – яма 29; 1 – груболепной сосуд с шамотом в тесте, снизу подрезан щепкой; 2 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте, на венчике – отпечатки щепки; 3-5 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 6 – каменный оселок (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 16. Ксизово-16. Яма 17 и погр. 12.
1 – план; 2 – профиль.

Рис. 17. Ксизово-16. Яма 18, план (А), профиль (Б).
1,2 – яма 18, заполнение; 3,4 – яма 18А, заполнение; 1,2 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 3 – фр-т гончарного розовоглиняного сосуда с лощеной поверхностью; 4 – фр-т гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью (рисунки И.А. Козмирчука).

Рис. 18. Ксизово-16. Яма 24, план, профиль.

Рис. 19. Ксизово-16. Костяные детали сложного лука.
1-7 – яма 24, заполнение; 8 – культурный слой над ямой 24; 1-4, 6 – накладки;
5, 7, 8 – заготовки накладок (рисунки А.М. Обломского и А.Н. Усачука).

Рис. 20. Ксизово-16. Груболепная керамика из культурного слоя.
1-14 – с шамотом в тесте (9 – с серым ангобом); 15 – с шамотом и дресвой в тесте
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 21. Ксизово-16. Груболепная керамика из культурного слоя.
1-14 – с шамотом в тесте (9 – с серым ангобом); 15 – с шамотом и дресвой в тесте
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 22. Ксизово-16. Груболепная керамика с шамотом в тесте из культурного слоя (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 23. Ксизово-16. Лепная керамика из культурного слоя.
1-8, 10-14 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 9, 16, 18-20 – лепная лощеная керамика; 15, 17 – подлощенная лепная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 24. Ксизово-16. Гончарная керамика гуннского времени из культурного слоя.
1-8 – серолощеная; 9 – сероглиняная с шероховатой поверхностью и пролощенными линиями;
10 – сероглиняная с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 25. Ксизово-16. Глиняные пряслица из культурного слоя.
1, 4-6 – с заглаженной поверхностью; 2, 3 – с шероховатой поверхностью (фото И.А. Козмирчука).

Рис. 26. Ксизово-16. Изделия из металла.
1, 2 – железо; 3, 4 – бронза (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 27. Накладки на луки сарматского периода.
1 – реконструкция лука гуннского типа по А. Альфёльди (без масштаба); 2 – Пороги; 3 – Усть-Лабинская, 29/1; 4 – Суслы, 51/1; 5 – Калиновка, 36/1; 6 – Калиновка, 7/1; 7 – Центральный VI, 16/8; 8 – Нижний Баскунчак, 2 (2-8 – по А.В. Симоненко).

Рис. 28. Накладки на луки гуннского времени.
1 – Зиммеринг (по А. Альфёльди); 2 – Керчь (по И.П. Засецкой); 3 – Карнунтум (по А. Альфёльди); 4 – Сингидунум-4 (по В. Иванишевичу и М.М. Казанскому); 5 – Вранья (по В. Даутовой Рушевлян); 6 – Покровск (по И.П. Засецкой); 7 – Кубей (по И.П. Засецкой); 3 и 5 без масштаба.

Рис. 29. Накладки на луки гуннского времени.
1 – Кызыл-Адар (по И.П. Засецкой); 2 – Ак-Тобе (по А.М. Хазанову).

Рис. 30. Ксизово-16.
Скопление 1 (А) и погребение 4 (Б), планы.

Рис. 31. Ксизово-16. Погребения 13 (А) и 14 (Б), планы.

Рис. 32. Ксизово-16. Скопление 4 (А) и погребение 15 (Б), планы.

Рис. 33. Ситуационный план поселения и могильника Ксизово-17.
1 – яма 1 раскопа 1 участка 17Б; 2 – яма 1 зачистки края обрыва; 3 – скопление 3 раскопа 2 участка 17Б; 4 – постройка 2 раскопа 2 участка 17Б; 5 – яма 24 раскопа 2 участка 17Б; 6 – скопление 1 раскопа 2 участка 17Б; 7 – яма 19 раскопа 2 участка 17Б; 8 – яма 18 раскопа 2 участка 17Б; 9 – скопление 13 раскопа 2 участка 17Б; 10 – яма 14 раскопа 3 участка 17А.

Рис. 34. Ксизово-17. Материалы из культурного слоя и объектов (раскопки 2006-2008 г.). 1, 2 – раскоп 2 участка 17Б, скопление 13; 3-10, 13 – раскоп 2 участка 17Б, культурный слой; 11 – раскоп 3 участка 17А, яма 14, заполнение; 12, 14 – раскоп 3 участка 17А, культурный слой. 1 – груболепной горшок с примесью шамота и песка в тесте; 2 – верхний камень жернова; 3 – фрагмент гребня из рога; 4 – обломок железного топора; 5-12 – глиняные пряслица с шероховатой поверхностью; 13 – фрагмент днища кубка из темно-фиолетового прозрачного стекла; 14 – фрагмент лепного чернолощеного сосуда (рисунки: 1-12, 14 – А.М. Обломского; 13 – И.О. Гавритухина).

Рис. 35. Ксизово-17. Раскоп 3 участка 17А, яма 14, план, профиль.

Рис. 36. Ксизово-17. Раскоп 1 участка 17Б, ситуационный план.

Рис. 37. Ксизово-17. Яма 1 раскопа 1 участка 17Б, план, профиль.

Рис. 38. Ксизово-17. Яма 1 раскопа 1 участка 17Б, керамика.
1-7 – горизонт 1, груболепная керамика (1-5 – с шамотом; 6 – с шамотом и песком; 7 – с известняком в тесте); 8 – горизонт 2, серолощеная лепная миска (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 39. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, план объектов гуннского периода.
I – погребения; II – объекты поселения.

Рис. 40. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, скопление 1, план.

Рис. 41. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, скопление 3, план.

Рис. 42. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, скопление 13, план.

Рис. 43. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, яма 16, план, профиль (2 – рис. А.М. Обломского).

Рис. 44. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, яма 24, план, профиль.

Рис. 45. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, яма 24, материалы.
1-8 – груболепная керамика; 9 – фр-т глиняного грузила; 10 – фр-т гончарной серолощеной миски; 11 – фр-т гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 46. Ксизово-17. Раскоп 2, участок 17Б, постройка 2, план, профиль.

Рис. 47. Ксизово-17. Постройка 2, скопление культурных остатков, керамика.
1-9 – груболепная; 10 – фрагмент серолощеного гончарного сосуда; 11 – фрагмент венчика древнерусского гончарного сосуда (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 48. Ксизово-17. Постройка 2, груболепная керамика.
1-7 – верхний слой заполнения; 8-13 – придонная честь заполнения котлована
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 49. Ксизово-17. Культурный слой над постройкой 2.
Груболепная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 50. Ксизово-17. Зачистка обрыва, яма 1, план.
А – верхний уровень; Б – средний уровень; В – нижний уровень.

Рис. 51. Ксизово-17. Керамика из культурного слоя (раскоп 2, участок 17Б, 2006 г.)
1-14 – груболепная посуда; 15 – фрагмент гончарного сероглиняного кувшина
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 52. Ксизово-17. Керамика из культурного слоя (раскоп 1, участок 17Б, 2007 г.).
1-10 – груболепная посуда; 11 – фрагмент лепного чернолощеного сосуда
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 53. Ксизово-17. Груболепная керамика из культурного слоя (раскоп 2, участок 17Б, 2008 г.) (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 54. Ксизово-17. Находки из культурного слоя (раскоп 2, участок 17Б, 2008 г.). 1, 2 – сероглиняная гончарная лощеная керамика; 3-5 – лепная лощеная керамика; 6-8 – глиняные пряслица с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 55. Общий план могильника Ксизово-17,
схема расположения погребений и жертвенных объектов.
1 – погребения гуннского времени; 2 – погребения с неопределенной датой;
3 – жертвенные комплексы.

Рис. 56. Общий план погребений на участке Ксизово-17, мыс.

Рис. 57. Ксизово-17 мыс. Погребения 1-4.
1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3 – погр. 3; 4 – погр. 4.

Рис. 58. Ксизово-17 мыс. Погребения 7 (1) и 9 (2).

Рис. 59. Ксизово-17 мыс. Погребение 6.
1-3 – красное глухое стекло; 4, 6 – темно-синее прозрачное стекло;
5 – оливковое прозрачное стекло (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 60. Ксизово-17 мыс. Погребение 8.
1 – план погребения; 2 – железный наконечник копья из погребения;
3 – бронзовая сюльгама из культурного слоя (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 61. Ксизово-17А, раскоп 1, план расположения погребений
и некоторых индивидуальных находок в культурном слое.
I – расчлененные погребения; II – погребение в анатомическом порядке; 1 – наконечник пояса; 2 – фибула; 3 – булавка; 4 – язычок пряжки; 5 – пряслице.

Рис. 62. Ксизово-17А, раскоп 1, находки из культурного слоя.
1 – вторично обожженное глиняное пряслице; 2 – железный язычок пряжки; 3 – железный наконечник ремня; 4 – железная фибула; 5 – железная булавка (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 63. Ксизово-17А, погребения 3 и 4.
1 – погр. 3, план; 2 – погр. 3, бронзовая серьга; 3 – погр. 4.

Рис. 64. Ксизово-17А, погребения 5 (1) и 6 (2).

Рис. 65. Ксизово-17А, погребение 7.
1 – план и профили погребения; 2 – фрагменты железных пластин; 3 – обломки железного лезвия со следами дерева; 4 – дерево, пропитанное окислами (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 66. Ксизово-17А, погр. 8 (1) и 9 (2).

Рис. 67. Ксизово-17А, раскопы 2, 3, 4 схема расположения погребений.
А – раскопы 2, 3; Б – раскоп 4; I – погребения в анатомическом порядке;
II – расчлененные погребения; III – перезахоронения; IV – ритуальные объекты;
V – погребения с неопределенной датой; VI – погребения черепов.

Рис. 68. Ксизово-17А, погр. 10, 11
1 – погр. 10; 2 – погр. 11, план; 3 – погр. 11, железный крюк (рис. А.М. Обломского).

Рис. 69. Ксизово-17А, погр. 12.
1 – план пятен и скопления камней на поверхности материка;
2 – погр. 12, план; 3 – бронзовая серьга (рис. А.М. Обломского).

Рис. 70. Ксизово-17А, погребение 16 и 19.
I – погр. 16, план; II – погр. 16, профиль; III – погр. 19, план; IV – погр. 19, профиль;
1 – бронзовая «шайба» (погр. 16); 2 – лепной горшок (погр. 19) (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 71. Ксизово-17А, погр. 19, инвентарь.
1 – стеклянный кубок; 2-4 – бронзовые пряжки; 5 – бронзовый наконечник ремня; 6 – стеклянная бусина; 7 – рукоять нагайки (деревянный стержень, железная оковка), 8 – фрагмент железной бритвы; 9 – фрагмент железного ножа; 10 – железный наконечник копья
(1-5, 8-10 – рисунки А.М. Обломского; 6 – рисунок А.М. Ефремовой).

Рис. 72. Ксизово-17А, погребения 20 и 23.
1 – погр. 20, план, профиль; 2 – погр. 23, план, профиль; 3 – обломок железного ножа из погр. 23.
Обозначения слоев: 1 – слой пашни; 2 – чернозем; 3 – нижний серый слой чернозема; 4 – глина; 5 – слабо гумусированный суглинок; 6 – переотложенный материковый суглинок.

Рис. 73. Ксизово-17А, погребение 27.
А – план погребения; 1-18 – стеклянные бусы (1-3, 5 – черные непрозрачные; 4, 6-18 – желтые непрозрачные) (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 74. Ксизово-17А, погребение 28.
1 – план на уровне плах; 2 – план на уровне скелета; 3 – профиль.

Рис. 75. Ксизово-17А, погребение 29.
А – план погребения; 1,2 – бронзовые серьги (рисунки И.О. Гавритухина); 3-64 – стеклянные бусы.

Рис. 76. Ксизово-17А, погребение 30.
А – план погребения; 2,3 – бронзовые наконечники поясов (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 77. Ксизово-17А, погр. 31.
А – план и профиль погребения; 1 – бронзовая серьга;
2 – серебряная пряжка (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 78. Ксизово-17А, погребение 39 (А) и 42 (Б).
1 – бронзовый пинцет (рисунок И.О. Гавритухина).

Рис. 79. Ксизово-17А, погребения 47 (А), 46 (Б), 50 (В).

Рис. 80. Ксизово-17А, погребение 52.
А – план и профили погребения с обозначением мест находок; 1, 2 – серебряные «значки» (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 81. Ксизово-17А, погребения 55 и 56. Планы и профили.

Рис. 82. Ксизово-17А, погребение 56, инвентарь.
1 – лепной чернолощеный кувшин; 2-5 – серебряные пряжки
(рисунки: 1 – А.М. Обломского, 2-5 – И.О. Гавритухина).

Рис. 83. Ксизово-17А, погребение 56, остатки обуви.

Рис. 84. Ксизово-17А, погребения 54 и 57, план, профиль.

Рис. 85. Ксизово-17А, погребения 62 (1); 66 (2); 74 (3), планы.

Рис. 86. Ксизово-17А, погребение 68.
А – план и профиль; 2 – железный нож (рисунок А.М. Обломского);
3, 4 – железные пряжки (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 87. Ксизово-17А, погребения 69 и 71.
1-3 – погребение 69, план, профили; 4 – погребение 71.

Рис. 88. Ксизова-17А, погребения 75 (1) и 76 (2), планы, 3 – железная фибула из раскопа 5 (рисунок И.О. Гавритухина).

Рис. 89. Ксизово-17Б, раскоп 2, схема расположения погребений.
I – погребения в анатомическом порядке; II – расчлененные погребения; III – перезахоронения; IV – ритуальные объекты; V – погребения с неопределенной датой; VI – погребения черепов.

Рис. 90. Ксизово-17Б, погребение 2, план, профиль.
1 – гребень; 2 – фибула; 3 – кубок; 4 – зеркало; 5-8 – бусы; 9 – пряжка.

Рис. 91. Ксизово-17Б, погребение 2, инвентарь.
1 – гребень из рога; 2 – железная фибула; 3 – глиняный чернолощеный кубок; 4 – железная пряжка; 5 – бронзовое зеркало (рисунки А.М. Обломского); 6-9 – стеклянные бусы рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 92. Ксизово-17Б, погребение 3, план, находки.
А – план; 1-23 – целые и фрагментированные железные скрепы (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 93. Ксизово-17Б, погребения 4 (А) и 5(Б).
1 – бронзовая серьга (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 94. Ксизово-17Б, погребение 6, план и профиль (А), изделия из бронзы (1-3) (рисунки: 1 – А.М. Обломского; 2, 3 – А.В. Мастыковой).

Рис. 95. Ксизово-17Б, погребение 6, стеклянные бусы.

Рис. 96. Ксизово-17Б, погребения 7 (А, 1), 8 (Б).
1 – бляшка из бронзы, обложенная серебряным листом
(рисунок А.М. Обломского).

Рис. 97. Ксизово-17Б, погребение 9.
А – план и профиль погребения; 1 – поясная железная пряжка; 2 – обувная железная пряжка;
3 – обувная пряжка (рама и обойма железные, язычок бронзовый, заклепка бронзовая)
(рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 98. Ксизово-17Б, погребение 10 (А) и 11(Б).
1 – железный язычок пряжки (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 99. Ксизово-17Б, погребение 12 (А) и 13 (Б).
1 – костяная трубочка из погребения 13 (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 100. Ксизово-17Б, погребения 14 (А) и 15 (Б).
1 – фрагмент железного шила из погребения 14 (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 101. Ксизово-17Б, погребения 16 (А) и 17 (Б).

Рис. 102. Ксизово-17Б, погребение 18, план, профили.
1 – лепной лощеный сосуд; 2 – лепной сосуд с шероховатой поверхностью;
3 – железная пряжка с бронзовыми язычком и заклепкой;
4 – железная пряжка с бронзовой заклепкой; 5 – железный предмет.

Рис. 103. Ксизово-17Б, погребение 18, инвентарь.
1 – лепной лощеный сосуд; 2 – лепной сосуд с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского); 3 – железная пряжка с бронзовыми язычком и заклепкой; 4 – железная пряжка с бронзовой заклепкой (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 104. Ксизово-17Б, погребения 19 (А), 22 (Б), 23 (В).

Рис. 105. Ксизово-17А, ритуальная канавка, план.

Рис. 106. Ксизово-17А, ритуальная канавка, погребения 13 (А), 15 (Б).

Рис. 107. Ксизово-17А, ритуальная канавка, разрезы.

Рис. 108. Ксизово-17А, каменная вымостка (скопление 2 раскопа 2).

Рис. 109. Ксизово-17Б, клад серпов (продолжение на рис. 110-111). А – план, 1-2 – железные серпы (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 110. Ксизово-17Б, железные серпы из клада (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 111. Ксизово-17Б, железные серпы из клада (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 112. Ксизово-17Б, раскоп 2, каменные вымостки: скопление 5 (А); скопление 14 (Б).

Рис. 113. Ксизово-17Б, раскоп 2, яма 7.

Рис. 114. Размеры ям неразрушенных погребений могильника Ксизово-17.

Рис. 115. Ксизово-17А, планиграфия центрального участка могильника.
I – погребения 1 типа глубины; II – погребения 2 типа глубины; III – погребения 3 типа глубины; IV – расчлененные погребения; V – культовые объекты.

Рис. 116. Ксизово-17Б, планиграфия юго-западного участка могильника.
I – погребения 1 типа глубины; II – погребения 2 типа глубины; III – погребения 3 типа глубины; IV – расчлененные погребения; V – культовые объекты.

Рис. 117. Ксизово-19, общий план с местами находок украшений позднеримского времени. 1 – фибула группы VII О. Альмгрена с расширенной ножкой; 2 – фибула группы VII О. Альмгрена с накладными кольцами и два обломка ножек с приемниками других фибул; 3 – серебряная подвеска.

Рис. 118. Ксизово-19, ситуационный план объектов в западной части всхолмления с обозначением выплесков и обрезков бронзы.
I – яма позднеримского периода; II – постройки и ямы гуннского времени; III – скопления материала гуннского времени; IV – очаги гуннского времени; V – объекты с неопределенной датировкой; VI – выплеск бронзы; VII – обломок пластины или кусок проволоки.

Рис. 119. Ксизово-19, ситуационный план объектов в восточной части всхолмления.
I – постройки и ямы гуннского времени; II – скопления материала гуннского времени; III – очаги гуннского времени; IV – объекты с неопределенной датировкой.

Рис. 120. Ксизово-19, материалы позднеримского периода.
А – яма 29 раскопа 7, план, профиль; 1 – яма 29; 2-6 – культурный слой; 1-3 – сероглиняная гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 4 – фрагмент розовоглиняной амфоры; 5-7 – фрагменты светлоглиняных амфор (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 121. Ксизово-19, материалы позднеримского периода.
1-4 – бронзовые фибулы; 5 – железная ведерковидная подвеска; 6-12 – глиняные пряслица (9 – с шероховатой поверхностью, остальные – с лощеной); 13 – серебряная подвеска; 14 – медная монета. 1, 5, 6-12 – культурный слой; 2-4, 13, 14 – подъемный материал. (рисунки: 1-4 – И.О. Гавритухина; 6-13 – А.М. Обломского).

Рис. 122. Ксизово-19, раскоп 2, постройка 1 и яма 1, план, профиль.

Рис. 123. Ксизово-19, раскоп 2, постройка 1 и яма 5, керамика.
1-4 – постройка 1, заполнение; 5, 6 – яма 1 в постройке 1, заполнение; 7-9 – яма 5, заполнение; 1-3, 5, 6, 8 – груболепная керамика с примесью шамота в тесте; 4 – фрагмент краснолакового сосуда; 7 – фрагмент груболепного сосуда с примесью шамота и дресвы в тесте; 9 – фрагмент днища гончарного чернолощеного сосуда (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 124. Ксизово-19, раскоп 2, ямы.
А – яма 8, план, профиль; Б – яма 9, план, профиль; 1-4 – керамика из ямы 9; 5, 6 – керамика из ямы 11; 7 – фрагмент железной пластины из ямы 8; 1 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 2, 3, 6 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 4, 5 – фрагменты гончарных серолощеных сосудов (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 125. Ксизово-19, раскоп 2, керамика из культурного слоя.
1, 2, 8 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 3, 6 – лепная лощеная керамика; 4, 5, 7 – груболепная керамика с шамотом и дресвой в тесте; 9 – фрагмент красноглиняной амфоры (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 126. Ксизово-19, объект 2 раскопа 4 (А, Б), объект 1 раскопа 7 (В, Г), планы и профили.

Рис. 127. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7, керамика из заполнения.
1, 2 – выше завала обмазки; 3, 4 – из завала обмазки; 5 – сосуд 2; 6 – сосуд 4; 7 – сосуд 5; 1, 7 – груболепная керамика с дресвой в тесте; 2 – фрагмент груболепного горшка с шамотом в тесте; 3, 5 – лепная лощеная керамика; 4, 6 – гончарная серолощеная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 128. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7, находки из заполнения.
1 – сосуд 1 (сероглиняный гончарный с шероховатой поверхностью); 2 – сосуд 3 (ошлакованный, груболепной с шамотом и дресвой в тесте); 3 – оплавленные стеклянные бусы; 4 – глиняное грузило; 5 – точильный камень (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 129. Ксизово-19, объект 2 раскопа 7, план, профиль.

Рис. 130. Ксизово-19, объект 2 раскопа 7, керамика из заполнения.
1-6 – верх заполнения; 7-16 – заполнение; 1 – груболепная керамика с дресвой в тесте; 2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 13, 16 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 6, 10, 14 – лепная подлощенная керамика; 5, 12, 15 – лепная лощеная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 131. Ксизово-19, объект 2 раскопа 7, находки.
1-5, 7, 13 – пол; 6 – заполнение; 9-12 – верх заполнения; 1 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 2-6 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 7-10, 12 – фрагменты глиняных грузил; 11 – обломок каменного терочника; 13 – глиняное пряслице; 14 – полированная костяная проколка (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 132. Ксизово-19, объект 2 раскопа 7, скопления культурных остатков, груболепная керамика с шамотом в тесте.
1, 2, 7 – скопление 1; 3-6 – скопление 5 (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 133. Ксизово-19, объект 5 раскопа 7, план, профили.

Рис. 134. Ксизово-19, находки из объекта 5 раскопа 7.
1-11 – культурный слой над объектом; 12-14 – заполнение, слой 1; 15-19 – заполнение, слой 2; 1-4, 7, 8, 12-14, 17 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 5 – фрагмент лепного подлощенного сосуда; 6, 11, 15 – лепная лощеная керамика; 9 – фрагмент сероглиняного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 10 – фрагмент серолощеного гончарного сосуда; 16 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и известняком в тесте; 18, 19 – фрагменты глиняных грузил (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 135. Ксизово-19, керамика из объектов западной части всхолмления.
1-3 – объект 5 раскопа 7, заполнение; 4, 5 – объект 5 раскопа 2, пол; 6 – скопление 9 раскопа 4; 7 – скопление 2 раскопа 4; 8 – очаг 2 раскопа 4, 2-ой уровень пода; 1-3, 5 – лепная лощеная керамика; 4,6-8 – груболепная керамика с шамотом в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 136. Ксизово-19, очаг 1, скопления 1 и 9 раскопа 4 2008 г. Планы и профиль.

Рис. 137. Ксизово-19, выплески бронзы к северу от очага 1 раскопа 4 2008 г.

Рис. 138. Ксизово-19, обрезки пластин к северу от очага 1 раскопа 4 2008 г.

Рис. 139. Ксизово-19, обрезки пластин к северу от очага 1 раскопа 4 2008 г.

Рис. 140. Ксизово-19, изделия из бронзы из раскопов 4 и 7 2008-2009 гг.
1-3 – раскоп 4 2008 г.; 4-5 – раскоп 7 2009 г.; 1 – пластина со следами работы керна;
2-3 – обломок псалия; 4-5 – зажим для узды (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 141. Ксизово-19, очаги 2 и 3 раскопа 4 2008 г. и скопления культурных остатков около них.

Рис. 142. Ксизово-19, керамика из скоплений культурных остатков у очагов 2 и 3 раскопа 4. 1 – скопления 3 и 4; 2-4 – скопление 4; 5 – скопление 6; 6 – культурный слой; 7 – скопление 11; 8 – скопление 8; 1, 2, 3, 7, 8 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 4 – фрагмент серолощеного лепного сосуда; 5 – серый подлощенный лепной сосуд; 6 – диск с шамотом, дресвой и железной рудой в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 143. Ксизово-19, очаг 1, скопления 6 и 8 раскопа 7 2009 г.

Рис. 144. Ксизово-19, скопления 6 (1-4) и 8 (5, 6) раскопа 7 2009 г. Керамика.
1, 2, 4-6 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 5 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 145. Ксизово-19, скопления материала в культурном слое
А – скопление 2 раскопа 7 2008 г.; Б – скопление 19 раскопа 4 2009 г.;
В – скопление 7 раскопа 7 2009 г.; Г – скопление 10 раскопа 7 2009 г.

Рис. 146. Ксизово-19, скопления материала в культурном слое
А – скопление 11 раскопа 7 2009 г.; Б – скопление 13 раскопа 9 2009 г.;
В – скопление 16 раскопа 9 2009 г.

Рис. 147. Ксизово-19, керамика из скоплений материала в культурном слое.
1 – скопление 2 раскопа 7 2008 г.; 2-4 – скопление 11 раскопа 7 2009 г.; 5 – скопление 13 раскопа 7 2009 г.; 6, 7, 9 – скопление 16 раскопа 9 2009 г.; 8 – скопление 10 раскопа 7 2009 г.; 1, 4 – гончарная серолощеная керамика; 2, 3, 5, 7, 9 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 6 – фрагмент гончарного сероглиняного кувшина с шероховатой поверхностью; 8 – фрагмент глиняного грузила (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 148. Ксизово-19, ямы 1 и 2 раскопа 4 2008.
А – общий план ям; Б – профиль ямы 1; Б – профиль ямы 2.

Рис. 149. Ксизово-19, яма 12 раскопа 7 2009 г. План и профиль.

Рис. 150. Ксизово-19, ямы 1, 2, раскопа 4 и 2008 г. и яма 12 раскопа 7 2009 г. Находки.
1 – яма 1; 2, 3 – яма 2; 4-6 - яма 12, слой 1; 7-11 – яма 12, слой 2; 1, 4, 5 – лепная лощеная керамика; 2, 3 – чернолощеная гончарная керамика; 6 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом в тесте (рисунки А.М. Обломского); 7-11 – стеклянные бусы.

Рис. 151. Ксизово-19, объект 6 и скопление 17 раскопа 9 2009 г.
А – объект 6 и скопление 17, план и профиль; 1 – фрагмент груболепного сосуда с примесью шамота и песка в тесте из скопления 17 (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 152. Ксизово-19, яма 21 и скопление 15 раскопа 9 2009 г.
А – план и профиль; 1, 6, 7 – лепная лощеная керамика; 2, 3, 5 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 4 – фрагмент груболепного сосуда с дресвой в тесте; 8 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и известняком в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 153. Ксизово-19, находки из ям раскопов 4 и 7 2009 г.
1 – яма 11 раскопа 4, прочие материалы – из раскопа 7: 2 – яма 15, слой 1; 3, 4 – яма 11В, слой 2; 5 – яма 10, слой 1; 6, 15, 16 – яма 14, слой 2; 7 – яма 11В, слой 1; 8 – яма 14, слой 1; 9 – яма 15, слой 3; 10 – яма 10, слой 2; 11 – яма 15, слой 3; 12, 13 – яма 15, слой 2; 14 – яма 13, слой 1; 1, 2 – гончарная серолощеная керамика; 3-9, 12, 13, 15, 16 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 10, 14 – точильные камни (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 154. Ксизово-19, керамика из ям раскопа 7 2009 г.
1, 2, 4 – яма 16; 3, 5-7 – яма 24; 1 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и известняком в тесте; 2 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом в тесте; 3, 4 – гончарная серолощеная керамика; 5, 6 – лепная лощеная керамика; 7 – горшок с шамотом и органикой в тесте
(рисунки А.М. Обломского и И.А. Козмирчука).

Рис. 155. Ксизово-19, керамика из ям раскопа 7 2009 г.
1, 3, 6, 7 – яма 37; 2, 4, 5 – яма 39; 8-12 – яма 39, скопление 20; 1, 11, 12 – лепная лощеная керамика; 2 – фрагмент гончарного серолощеного сосуда; 3 – фрагмент гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 4, 5 – груболепная керамика с шамотом и рудой в тесте; 6, 10 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 7 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и песком в тесте; 8 – фрагмент сероглиняного гончарного сосуда с пролощенным орнаментом; 9 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и органикой в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 156. Ксизово-19, керамика из культурного слоя раскопа 4 2008-2009 гг.
1, 4, 6, 11 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 2, 7, 12, 13 – гончарная серолощеная керамика; 3 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте; 5 – фрагмент венчика красноглиняной амфоры; 8 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью; 9, 10 – лепная лощеная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 157. Ксизово-19, изделия из глины из культурного слоя раскопа 7 2008 г.
1-4, 6, 8 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 5, 7 – груболепная керамика с шамотом и рудой в тесте; 9-11 – лепная лощеная керамика; 12-14 – фрагменты розовоглиняных амфор; 15, 16 – обломки глиняных грузил (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 158. Ксизово-19, лепная керамика из культурного слоя южной части раскопа 7 2009 г. 1-18 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 19-29 – лепная лощеная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 159. Ксизово-19, столовая посуда из культурного слоя южной части раскопа 7 2009 г.
1-5 – лепная лощеная керамика; 6, 7 – лепная подлощенная керамика; 8-11, 15 – серолощеная гончарная керамика; 12-14, 16 – сероглиняная гончарная посуда; 17-19 – фрагменты красноглиняных амфор; 20 – фрагмент розовоглиняной амфоры (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 160. Ксизово-19, груболепная керамика из северной части раскопа 7 2009 г.
2, 8, 14, 17 – с шамотом и дресвой в тесте; 9, 12 – с шамотом и известняком в тесте;
остальное – с шамотом в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 161. Ксизово-19, столовая керамика из культурного слоя северной части раскопа 7 2009 г. 1-3 – лепная лощеная керамика; 4-9 – гончарная серолощеная керамика; 10-15 – гончарная сероглиняная керамика с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 162. Ксизово-19, керамика из культурного слоя раскопа 9 2009 г.
1-6 – груболепная (1 – с шамотом и дресвой в тесте; 2 – с шамотом и известняком в тесте; прочая – с шамотом); 7-12 – лепная лощеная; 13, 14 – сероглиняная гончарная с шероховатой поверхностью и пролощенными линиями; 15, 6 – гончарная серолощеная; 17 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью; 18,19 – обломки красноглиняных амфор; 20 – фрагмент розовоглиняной амфоры (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 163. Ксизово-19, глиняные пряслица из культурного слоя раскопов 4,7.
1, 8, 9 – раскоп 4 2008 г.; 2-12 - раскоп 7 2009 г.; 1, 8, 9 - лощеные; 2-6, 10-15 – с шероховатой поверхностью; 7 – с подлощенной поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 164. Ксизово-19, индивидуальные находки из культурного слоя раскопов 4, 7.
1-8, 11 – глиняные пряслица и грузик (2, 5 – лощеные, остальные с шероховатой поверхностью; раскоп 7 2009 г.); 9 – железная бритва (раскоп 4 2008 г.); 10 – железный наконечник стрелы (раскоп 7 2009 г., северная часть); 12 – фр-т костяной накладки лука (раскоп 7 2009 г., южная часть); 13 – полированное изделие из кости (раскоп 7 2009 г., южная часть) (рисунки: 1-9 – А.М. Обломского; 10, 13 – И.О. Гавритухина; 11 – Ю.Д. Разуваева).

Рис. 165. Ксизово-19, обломки глиняных грузил из культурного слоя раскопов 4 и 7.
1-4, 8, 9 – раскоп 7 2009 г.; 6, 10 – раскоп 4 2009 г.; 7 – раскоп 4 2008 г. (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 166. Ксизово-19, постройка 5 раскопа 1 2004 г.
А – план, профиль; 1 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте; 2, 3 – лепная лощеная керамика; 4 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом в тесте; 5 – фрагмент днища гончарного сосуда с шероховатой поверхностью; 6 – фрагмент днища гончарного серолощеного сосуда (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 167. Ксизово-19, ямы-карьеры для забора глины, скопления 2 и 2а раскопа 1 2003 г. Планы и профили.
А – яма 1; Б – яма 2; В – яма 3; Г – яма 4; Д – яма 6; Е – яма 1 в «постройке 1»; Ж – «постройка 2»; З – скопления 2 и 2а.

Рис. 169. Ксизово-19, «очаг 1» раскопа 1 2003 г. Планы, профиль.

Рис. 170. Ксизово-19, «очаг 1» раскопа 1 2003 г. Груболепная керамика.
1 – сосуд 2; 2 – сосуд 1; 3 – сосуд 3 (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 171. Ксизово-19, яма А 2003 г.
А – план и профиль; 1 – фрагмент лепного подлощенного сосуда;
2, 5 – гончарная серолощеная керамика (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 172. Ксизово-19, материалы из ям раскопа 1 2003-2004 гг.
1, 3-7, 12 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 2 – лепная миска с шероховатой поверхностью и песком в тесте; 8 – фрагмент лепного чернолощеного сосуда; 9 – фрагмент стенки светлоглиняной амфоры; 10 – железный нож; 11 – фрагмент груболепного сосуда с примесью шамота и дресвы в тесте; 1-9 – яма 11 2003 г.; 10 – яма 10 2003 г.; 11, 12 – скопление 13 2004 г.
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 173. Ксизово-19, груболепная керамика из культурного слоя раскопа 1 2003-2004 гг.
1-5, 8, 10, 11, 12 – с примесью шамота в тесте; 6, 7, 9 – с примесью шамота и дресвы в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 174. Ксизово-19, столовая керамика из культурного слоя раскопа 1 2003-2004 г.
1-3 – лепная лощеная керамика; 4 – фрагмент лепной подлощенной миски; 6, 7, 8, 10 – гончарная серолощеная керамика; 5, 9 – сероглиняная гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 11 – фрагмент красноглиняной амфоры (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 175. Ксизово-19, глиняные пряслица (1, 2), обломки грузил (3-5) из культурного слоя раскопа 1 2003-2004 гг. (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 176. Ксизово-19, постройка 1 и очаг 1 раскопа 6 2009 г.
А – план; Б – профиль по линии север – юг; В – профиль по линии запад – восток; 1-3, 8, 10 – на уровне очага 1; 4-7, 9, 11 – заполнение; 1, 2, 6, 9 – груболепная керамика с шамотом и дресвой в тесте; 3, 4, 5, 7, 10 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 8 – фрагмент лепного серолощеного сосуда; 11 – костяное полированное шило (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 177. Ксизово-19, постройка 2 раскопа 6 2010 г.; очаг 2 раскопа 6 2009 г.
А, Б – постройка 2, план, профили; В – очаг 2, верхний уровень; Г – очаг 2, нижняя вымостка из камней; Д – очаг 2, профиль; 4, 5 – груболепная керамика с шамотом в тесте из заполнения постройки 2 (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 178. Ксизово-19, очаги 3 и 4 раскопа 6 2010 г.
А – очаг 3, план верхней части; Б – очаг 3, план субструкции; В – очаг 3, профиль; Г – очаг 4, план; Д – очаг 4, профиль; 1 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом в тесте из очага 4 (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 179. Ксизово-19, скопления 4, 7, 8 раскопа 6 2009-2010 г.
А – скопление 4, план; Б – скопление 7, план; В – скопление 8, план; 1-4 – скопление 4, керамика; 5 – скопление 7, фрагмент сосуда; 6, 7 – скопление 8, керамика; 1, 2 – лепная подлощенная керамика; 3 – фрагмент лепного лощеного сосуда; 4 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и песком в тесте; 5, 7 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 6 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте и хроповатой поверхностью ниже ребра (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 180. Ксизово-19, скопления 10, 13, 14, 15 раскопа 6 2010 г.
А – скопление 10, план; Б – скопление 13, план; В – скопления 14 и 15, план; 1,2 – скопление 10, керамика; 3 – скопление 13, фрагмент сосуда; 4 – скопление 14, горшок; 1,2 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 3 – фрагмент сероглиняного гончарного сосуда с пролощенным орнаментом; 4 – лепной горшок с примесью шамота, органики и известняка в рыхлом тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 181. Ксизово-19, скопления материала раскопа 6 2009-2010 гг. и хозяйственные ямы. А – скопление 16, план; Б – скопление 18, яма 27, план; В – яма 27 – профиль; 1-2 – груболепная керамика с шамотом в тесте из скопления 16; 3 – фрагмент чернолощеного сосуда из скопления 18; 4 – фрагмент глиняного грузила из ямы 27; 5 – фрагмент груболепного сосуда из скопления 18; 6, 7 – костяные проколки из ямы 1 2009 г.; 8 – лепной лощеный кубок из ямы 1 2009 г. (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 182. Ксизово-19, керамика из ямы 8 раскопа 6 2010 г. (1, 4) и из культурного слоя раскопов 3,5,6 2008 г.(2, 3, 5-11). 1, 2, 5, 7 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 3 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте; 4 – фрагмент ручки серолощеного гончарного сосуда; 6, 9 – груболепная керамика с шамотом и известняком в тесте; 8, 10 – лепная лощеная керамика; 11 – фрагмент лепного сосуда с подлощенной поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 183. Ксизово-19, гончарная сероглиняная лощеная керамика из культурного слоя раскопов 3, 5, 6 2008 г. (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 184. Ксизово-19, груболепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2009 г.
1 – без выраженных примесей; 2-4, 13 – с шамотом и известняком в тесте; 5-7, 9-12, 15 – с шамотом в тесте; 8, 14 – с шамотом и дресвой в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 185. Ксизово-19, лепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2009 г.
1-8 – груболепная керамика (1-3, 5-8 – с шамотом и дресвой в тесте; 4 – с шамотом в тесте); 9, 10 – с подлощенной поверхностью; 11-17 – с лощеной поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 186. Ксизово-19, груболепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2010 г.
1-10, 13, 14, 16, 17 – с шамотом в тесте; 11, 15 – с шамотом и дресвой в тесте; 12 – с дресвой и известняком в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 187. Ксизово-19, груболепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2010 г.
1, 2, 5-10, 12, 14, 15 – с шамотом в тесте; 3, 4, 13 – с шамотом и дресвой в тесте;
11 – с органикой в тесте (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 188. Ксизово-19, столовая лепная керамика из культурного слоя раскопа 6 2010 г.
1-9, 11, 12 – с лощеной поверхностью; 10, 13, 14 – с подлощенной поверхностью
(рисунки А.М. Обломского).

Рис. 189. Ксизово-19, гончарная керамика из культурного слоя раскопа 6 2009-2010 гг.
1-14 – лощеная; 15 – фрагмент краснолакового сосуда (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 190. Ксизово-19, глиняные пряслица из культурного слоя раскопов 3, 5, 6 2008-2010 гг.
1, 2, 4, 10, 12, 15-17, 19 – с лощеной поверхностью; 3, 5-9, 11, 13, 14, 18, 21 – с шероховатой поверхностью; 20 – с подлощенной поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 191. Ксизово-19, находки из культурного слоя раскопов 3, 5, 6 2008-2010 гг. (1-8), между раскопами 6 и 7 (9) и подъемного материала участков 1 (11) и 2 (10,12).
1-5 – фрагменты глиняных грузил; 6 – фрагмент сероглиняного светильника с шероховатой поверхностью; 7 – железный наконечник копья со следами бронзы на поверхности; 8, 10-12 – железные наконечники стрел; 9 – железное кресало (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 192. Ксизово-19, планы раскопов 8 (А) и 10 (Б).

Рис. 193. Ксизово-19, раскоп 10 2010 г. «Погребение 71» и яма 1, план и профиль.

Рис. 194. Ксизово-19, «погребение 71» и яма 1 раскопа 10 2010 г. Материалы.
1 – сосуд 2 «погребения 71»; 2 – сосуд 1 «погребения 71»; 3 – фрагмент груболепного сосуда с шамотом и дресвой в тесте из «погребения 1»; 4 – миниатюрный лепной сосуд из ямы 1; 5 – фрагмент гончарного сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью из ямы 1; 6 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью из «погребения 71»; 7 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью из слоя над «погребением 71»; 8 – фрагмент ножки бронзовой фибулы из слоя над «погребением 71» (рисунки: 1, 2 – И.А. Козмирчука; 3-7 – А.М. Обломского; 8 – И.О. Гавритухина).

Рис. 195. Ксизово-19, раскоп 10 2010 г. Материалы из культурного слоя.
1, 3 – лепная лощеная керамика; 2 – фрагмент гончарного серолощеного сосуда; 4, 5 – глиняные пряслица с подлощенной поверхностью; 6 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью (рисунки А.М. Обломского).

А

1

2

3

Рис. 196. Ксизово-19, раскоп 8 2009 г.
А – яма 1, план и профиль; 1 – обломок жернова; 2, 3 – камень-наковальня.

Рис. 197. Ксизово-19, расположение погребений к западу от ложбины (раскопы 4, 7, 9 2008-2009 гг.). I – бусы, пронизи; II – фибулы; III – детали туалетных наборов; IV – детали поясных наборов; V – обломки стеклянных сосудов; VI – зеркала; VII – браслеты; VIII – серьги; IX – подвески; X – погребения гуннского времени в анатомическом порядке; XI – расчлененные погребения гуннского времени; XII – перезахоронения гуннского времени; XIII – ритуальные объекты гуннского времени; XIV – захоронения черепов гуннского времени; XV – расчленные погребения эпохи бронзы; XVI – расчлененные погребения раннего железного века; XVII – погребения с неопределенной датой.

Рис. 198. Ксизово-19, расположение погребений к востоку от ложбины (раскопы 1 2003-2004 гг., 3 2008 г., 5 2008 г., 6 2008-2010 гг.).
I – бусы, пронизи; II – фибулы; III – детали туалетных наборов; IV – детали поясных наборов; V – обломки стеклянных сосудов; VI – зеркала; VII – браслеты; VIII – серьги; IX – подвески; X – гребни; XI – погребения гуннского времени в анатомическом порядке; XII – расчлененные погребения гуннского времени; XIII – захоронения черепов гуннского времени; XIV – расчленные погребения эпохи бронзы; XV – расчлененные погребения раннего железного века; XVI – погребения с неопределенной датой.

Рис. 199. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7 2008 г. (план, профиль).

Рис. 200. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7 2008 г., изделия из стекла и камня около скелета Г.

Рис. 201. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7 2008 г.
1-16 – стеклянные бусы; 17 – железный псалий (рисунок И.О. Гавритухина).
1-16 – около скелета Б; 17 – на уровне скелета В.

Рис. 202. Ксизово-19, объект 1 раскопа 7 2008 г., стеклянные бусы около скелета А.

Рис. 203. Ксизово-19, погребение 2.
1 – план погребения; 2 – верхняя часть гончарного сероглиняного кувшина (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 204. Ксизово-19, погребения 7 (А), 8 (Б), 10 (В), 11 (Г), 12 (Д).

Рис. 205. Ксизово-19, погребение 13, план.

Рис. 206. Ксизово-19, погребение 13, находки.
1-4 – изделия из бронзы; 5 – глиняное пряслице.

Рис. 207. Ксизово-19, погребение 13, стеклянные бусы.

Рис. 208. Ксизово-19, погребение 13, стеклянные бусы.

1

2

Рис. 209. Ксизово-19, погребение 13, остатки украшения головы под черепом.
1 – план; 2 – реконструкция.

Рис. 210. Ксизово-19, погребение 13, блоки бус.

Рис. 211. Ксизово-19, погребения 15 и 17.
А – погребение 15, план, профиль; Б – погребение 17, план, профиль. Инвентарь погребения 17: 1 – фрагмент железного ножа; 2 – обломок железного наконечника стрелы; 3 – бронзовое кольцо (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 212. Ксизово-19, погребения 16 и 18.
А – погребение 16, план; Б – погребение 18, план, профиль; 1 – бронзовый браслет из погребения 18.

Рис. 213. Ксизово-19, погребения 19А и 19В.

Рис. 214. Ксизово-19, погребения 22 и 23.
А – погребение 22, план, профиль; Б-Г – погребение 23, планы, профиль; инвентарь погребения 23: 1 – груболепной горшок (рисунок А.М. Обломского); 2 – бронзовые пластины.

Рис. 215. Ксизово-19, погребения 24, 25А, 27, 29.
А – погребение 24, план; Б – погребение 25А, план; В – погребение 27, план;
Г – погребение 29, план, профили.

Рис. 216. Ксизово-19, погребения 30-32, 35, 36, 38, 42, 43, планы.
А – погребение 30; Б – погребение 31; В – погребение 32; Г – погребение 35; Д – погребение 36;
Е – погребение 42; Ж – погребение 38; З – погребение 43.

Рис. 217. Ксизово-19, погребения 40, 45, 48, 50, 52, 54.
А – погребение 40, план; Б – погребение 45, план; В – погребение 48, план; Г – погребение 50, план; Д – погребение 54, план; Е – погребение 52, план и профиль.

Рис. 218. Ксизово-19, погребение 54А, планы и профили.

Рис. 219. Ксизово-19, погребения 55 и 57.
А-В – погребение 55, план, профили; Г – погребение 57, план.

Рис. 220. Ксизово-19, погребения 60-62, 64, 66, 67.
Планы: А – погребение 60; Б – погребение 61; В – погребение 62; Г – погребение 64;
Д – погребение 66; Е – погребение 67; инвентарь: 1 – костяная проколка.

Рис. 221. Ксизово-19, погребения 68, 69, 77.
Планы: А – погребение 68; Б – погребение 69; В – погребение 77; инвентарь:
1 – бронзовая серьга из погребения 77.

Рис. 222. Ксизово-19, погребение 70, верхний уровень, план, профиль.

Рис. 223. Ксизово-19, погребение 70, нижний уровень, план.

Рис. 224. Ксизово-19, погребение 70, керамика.
1 – горшок эпохи бронзы (рисунок И.А. Козмирчука); 2 – груболепной сосуд гуннского времени (рисунок А.М. Обломского).

Рис. 225. Ксизово-19, погребения 78 и 81.
А – погребение 78, план; Б,В – погребение 81, план, профиль.

Рис. 226. Концентрация керамики гуннского времени в культурном слое поселения Ксизово-19 на раскопах к западу от ложбины.

Рис. 227. Концентрация керамики гуннского времени в культурном слое поселения Ксизово-19 на раскопах к востоку от ложбины.

Рис. 228. План поселения и могильника Ксизово-19 с обозначением участков сбора подъемного материала.

Рис. 229. Прогнутые подвязные фибулы из Ксизово-19.
1-2, 4-12 – бронза; 3 – железо; 1, 10 – подъемный материал, участок 4; 2, 6 – раскоп 7 2009 г., северная часть; 3 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 4 – подъемный материал, участок 3, ареал железных шлаков; 5 ,9 – раскоп 10 2010 г.; 7 – раскоп 4 2009; 8 – раскоп 6 2009 г.; 11 – раскоп 9 2010 г.; 12 – участок сбора подъемного материала 4. Рисунки: 1-11 – И.О. Гавритухина; 12 – А.М. Обломского.

Рис. 230. Прогнутые подвязные фибулы и двучленные прогнутые фибулы со сплошными приемниками из Ксизово-19.
1-7 – бронза; 8, 10 – железо; 11 – железная пружина, бронзовые колпачки; 1, 3, 7 – подъемный материал, участок 4; 2,10 – раскоп 6 2009 г.; 4 – раскоп 4 2008 г.; 5, 6, 9 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 8 – раскоп 6 2010 г. (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 231. Двупластинчатые фибулы и их фрагменты из Ксизово-19.
1, 2, 6, 7 – бронза; 3 – белый сплав, детали орнамента и желобок в нижней части покрыты позолотой; 4, 5 – серебро; 1 – раскоп 6 2009 г.; 2, 3 – раскоп 10 2010 г.; 4, 7 – подъемный материал, участок 2; 5 – раскоп 6 2010 г.; 6 – раскоп 4 2009 г. (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 232. Двупластинчатые фибулы из бронзы и их фрагменты из Ксизово-19.
1 – раскоп 6 2010 г.; 2 – подъемный материал, участок 5; 3 – подъемный материал, участок 1; 4 – подъемный материал, участок 2; 5, 6 – подъемный материал, участок 3.

Рис. 233. Фибула-цикада, накладка-цикада, обломки других фибул из Ксизово-19.
1, 4 – бронза; 2 – серебро; 3 – бронза и следы припоя серого цвета; 1 – раскоп 6 2009 г., 2 – раскоп 9 2009 г.; 3 – подъемный материал в восточной части поселения; 4 – раскоп 6 2010 г.
(рисунки: 1, 2, – И.О. Гавритухина; 3 – А.М. Обломского).

Рис. 234. Бронзовые браслеты из Ксизово-19.
1 – подъемный материал в средней и южной части участка 2; 2, 5, 12 – раскоп 6 2010 г.; 3 – подъемный материал участка 3; 4, 17 – раскоп 6 2009 г.; 6 – раскоп 7 северная часть 2009 г.; 7, 8 – раскоп 9 2009 г.; 9, 10, 13, 14, 16 – подъемный материал участка 2, ареал железных шлаков; 11, 15 – подъемный материал участка 4; 18 – подъемный материал из ложбины между раскопами 6 и 9 (рисунки А.М.Обломского).

Рис. 235. Серьги и кольца из Ксизово-19.
1 – серебро; 2-7 – бронза; 1, 4 – раскоп 7 2009 г., северная часть; 2, 8 – раскоп 6 2010 г.; 3 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 5, 7 – раскоп 6 2010 г.; 6 – подъемный материал участка 4; 9, 10 – подъемный материал участка 4 у края оврага. (рисунки: 1 – И.О. Гавритухина; 2-10 – А.М. Обломского).

Рис. 236. Бронзовые подвески из Ксизово-19
1 – раскоп 6 2009 г.; 2, 7, 15, 16, 23 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 3-5, 8, 17 – раскоп 6 2010 г.; 6, 10, 11, 18, 19 – подъемный материал участка 4; 9 – подъемный материал участка 2, ареал шлаков, у западного края ложбины; 12, 13 – раскоп 7 2009 г.; 14 – подъемный материал участка 2; 20 – подъемный материал участка 2, южная часть ареала железных шлаков; 21 – раскоп 5 2008 г.; 22 – раскоп 4 2008 г. (рисунки: 1-3, 7-13, 21-23 – А.М. Обломского; 4-6, 14-20 – И.О. Гавритухина).

Рис. 237. Бусы из красного глухого стекла из южной части раскопа 7 2009 г.

Рис. 238. Монохромные бусы из культурного слоя Ксизово-19.
1-3 – раскоп 4 2009 г.; 4, 10, 12 – раскоп 9 2009 г.; 5-9, 11, 13 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 14-16 – раскоп 6 2010 г.

Рис. 239. Полихромные стеклянные бусы (1-7)
и бронзовая пронизь (8) из культурного слоя Ксизово-19.
1 – раскоп 9 2009 г.; 2 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 3-6 – раскоп 7 2009 г., северная часть;
7 – раскоп 6 2009 г.; 8 – подъемный материал участка 2, южная часть ареала шлаков
(рисунок А.М. Обломского).

Рис. 240. Пряжки, наконечники поясов и накладка из Ксизово-19.
1, 2, 5, 6 – железо; 3, 4, 7-11, 13, 14 – бронза; 12 – серебро; 1-3, 6, 14 – раскоп 6 2010 г.; 4 – раскоп 6 2009 г.; 5, 11 – раскоп 9 2009 г.; 7 – раскоп 7 2009 г.; 8,13 – подъемный материал участка 2, ареал железных шлаков; 9 – подъемный материал участка 3; 10,12 – подъемный материал участка 4 (рисунки: 1-6, 10-14 – И.О. Гавритухина; 7-9 – А.М. Обломского).

Рис. 241. Обоймы пряжек, поясные накладки из Ксизово-19.1 – железо; 2-13 – бронза; 1, 5 – раскоп 6 2009 г.; 2, 4 – подъемный материал участка 2, южная часть ареала железных шлаков; 3, 13 – подъемный материал в ложбине между раскопами 6 и 9; 6 – раскоп 6 2010 г.; 7 – подъемный материал участка 1; 8 – раскоп 9 2009 г.; 9-11 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 12 – раскоп 4 2008 г. (рисунки: 1-6, 8, 9, 13 – И.О. Гавритухина; 7, 10-12 – А.М. Обломского; 9а – без масштаба).

Рис. 242. Гребни, предмет туалета из Ксизово-19
1-3 – рог; 4 – серебро; 1, 2 – раскоп 6 2009 г.; 3, 4 – раскоп 7, северная часть
(рисунки: 1-3 – А.М. Обломского; 4 – И.О. Гавритухина; 4а,б – без масштаба).

Рис. 243. Фрагменты зеркал из Ксизово-19.
1-12, 14-17 – белый сплав; 13 – бронза; 1, 2 – раскоп 7 2009 г., северная часть; 3, 16 – подъемный материал участка 2; 4 – подъемный материал участка 2, южная часть ареала железных шлаков; 5, 6, 9, 11, 12, 17 – подъемный материал участка 4; 7 – подъемный материал западной части памятника; 8 – раскоп 4 2008 г.; 10 – подъемный материал в ложбине между раскопами 6 и 9; 13, 14 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 15 – раскоп 10 2010 г.
(рисунки: 1-7, 10-17 – А.М. Обломского; 8, 9 – И.О. Гавритухина).

Рис. 244. Пинцеты из Ксизово-19.
1, 2, 4-7 – бронза; 3 – железо; 1 – раскоп 3 2008 г.; 2, 7 – раскоп 7 2009 г., северная часть; 3, 4 – раскоп 6 2010 г.; 5 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 6 – раскоп 9 2009 г. (рисунки И.О. Гавритухина).

Рис. 245. Круглые накладки и заклепки из Ксизово-19.
1-4, 6-10 – бронза; 5 – свинец; 1 – подъемный материал участка 1; 2, 5, 7 – раскоп 7 2009 г., северный участок; 3, 6 – подъемный материал участка 2, ареал железных шлаков;
4, 8, 9 – раскоп 7 2009 г.; 10 – раскоп 9 2009 г. (рисунки А.М. Обломского).

Рис. 246. Обломки стеклянных сосудов из Ксизово-19.
1 – раскоп 4 2008 г.; 2-4 – раскоп 7 2009 г., южная часть; 5 – раскоп 6 2010 г.

Рис. 247. Клады медных статеров конца III – начала IV веков н.э.
на территории Боспорского царства и Ксизовский клад

I – клад из Ксизово; II – клады на территории Боспорского царства.

1 – клад из Ксизово; 2 – Таракташский клад; 3 – Феодосийский клад; 4 – 2-й Патрэйский клад; 5 – 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Керченские клады; 6 – клад с Ильичевского городища; 7 – клад у с. Батарейка; 8 – Тиритакский клад; 9 – клад из Станицы Фонталовской; 10 – Кепский клад; 11 – клад с Шум-речки.

Рис. 248. Единичные находки позднебоспорских монет на территории Восточной Европы за пределами Боспора и Ксизовский клад

I – Ксизовский клад; II – едничные находки монет; III – ареал черняховской культуры.

1 – клад из с. Ксизово; 2 – Ксизово; 3 – Рыльский район; 4 – Рябухино; 5 – Бараново; 6 – Хрущовая Никитовка; 7 – Кирово; 8 – Полтавская область; 9 – Троицко-Пеленетское городище; 10 – городище Старая Рязань.

Рис. 249. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 1 – Тейран; 2-12 – Фофорс.

Рис. 250. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 13-24 – Фофорс.

Рис. 251. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 25-36 – Фофорс.

Рис. 252. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 37-48 – Фофорс.

Рис. 253. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 49-60 – Фофорс.

Рис. 254. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 61-66 – Фофорс; 67-69 – Радамсад; 70-72 – Рискупорид VI.

Рис. 255. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 73-84 – Рискупорид VI.

Рис. 256. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 85-96 – Рискупорид VI.

Рис. 257. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 97-108 – Рискупорид VI.

Рис. 258. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 109-120 – Рискупорид VI.

Рис. 259. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 121-132 – Рискупорид VI.

Рис. 260. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 133-144 – Рискупорид VI.

Рис. 261. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 145-156 – Рискупорид VI.

Рис. 262. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 156-162 – Рискупорид VI; 163-168 – неопределенные монеты.

Рис. 263. Монеты из Ксизовского клада (номера на рисунке соответствуют номерам в Каталоге): 169-178 – неопределенные монеты.

Рис. 264. Ксизово-17 с обозначением разрушенных погребений.

Рис. 265. Глубины расчлененных погребений от дневной поверхности (диаграмма).

Рис. 266. Ориентировка расчлененных погребений (диаграмма).

Рис. 267. Расчлененные погребения группы 1 типа 1 могильника Ксизово-19.
1 – погр. 7; 2 – погр. 22; 3 – погр. 35; 4 – погр. 12; 5 – погр. 19В; 6 – погр. 77; 7 – погр. 31.

Рис. 268. Расчлененные погребения группы 1 типа 1.
1 – Ксизово-19, погр. 25А; 2 – Ксизово-19, погр. 42; 3 – Ксизово-19, погр. 12; 4 – Ксизово-19, погр. 60; 5 – Ксизово-17, «мыс», погр. 6; 6 – Ксизово-17, «мыс», погр. 2; 7 – Ксизово-17А, погр. 3; 8 – Ксизово-17, «мыс», погр. 4; 9 – Ямное.

Рис. 269. Расчлененные погребения группы 1 типов 2 (1-3) и 3 (4-6).
1 – Ксизово-19, погр. 27; 2 – Ксизово-19, погр. 68; 3 – Ксизово-17А, погр. 8;
4 – Ксизово-17А, погр. 10; 5 – Ксизово-17 «мыс», погр. 9; 6 – Стрельбище IV, погр. 1.

Рис. 270. Расчлененные погребения группы 1 типа 4.
1 – Ксизово-19, погр. 2; 2 – Ксизово-19, погр. 11;
3 – Ксизово-17 «мыс», погр. 7; 4 – Ксизово-19, погр. 69.

Рис. 271. Расчлененные погребения группы 1 типа 5.
1 – Ксизово-19, погр. 16; 2 – Ксизово-17А, погр. 75; 3 – Каменка;
4 – Ксизово-17А, погр. 4; Ксизово-17А, погр. 16.

Рис. 272. Расчлененные погребения группы 1 типа 6.
1 – Ксизово-19, погр. 45; 2 – Ксизово-19, погр. 55; 3 – Ксизово-17А, погр. 30;
4 – Шилово, погр. 4; 5 – Ксизово-19, погр. 78.

Рис. 273. Расчлененные погребения группы 1 типа 7 из могильника Ксизово-19.
1 – погр. 36; 2 – погр. 61; 3 – погр. 17.

Рис. 274. Расчлененные погребения группы 1 типа 8.
1 – Ксизово-19, погр. 30; 2 – Ксизово-17А, погр. 13; 3 – Ксизово-17А, погр. 9; 4 – Ксизово-19, погр. 15; 5 – Ксизово-17А, погр. 6; 6 – Ксизово-17А, погр. 7; 7 – Ксизово-17 «мыс», погр. 3; 8 – Ксизово-16, погр. 4; 9 – Ксизово-19, погр. 81; 10 – Ксизово-19, погр. 38; 11 – Ксизово-19, погр. 67.

Рис. 275. Расчлененные погребения группы 1 типа 9.
1 – Ксизово-19, погр. 54; 2 – Ксизово-17А, погр. 20; 3 – Ксизово-19, погр. 62.

Рис. 276. Расчлененные погребения группы 1 типов 10 (1); 11 (2); 12 (3); 13 (4).
1 – Ксизово-19, погр. 57; 2 – Ксизово-19, погр. 8; 3 – Ксизово-19, погр. 10; 4 – Животинное, погр. 5.

Рис. 277. Погребение 70 Ксизово-19 (группа 1, тип 14).

Рис. 278. Расчлененные погребения группы 3 (перезахоронения).
1 – Ксизово-17А, погр. 11; 2 – Ксизово-17А, погр. 62; 3 – Ксизово-17Б, погр. 66; 4 – Ксизово-17А, погр. 74.

1

2

Рис. 279. Погребения могильника Ксизово-17Б, в которые положены дополнительные кости (обозначены серым цветом).
1 – погр. 3; 2 – погр. 12.

Рис. 280. Фибулы подгруппы Левице – Токари и аналоги их некоторым деталям.
1 – Алёшки (совр. Цюрюпинск); 2 – Ботошань–Деалул Кэрэмидэрей, погр. 1; 3 – Ксизово-19, между раскопами 6 и 7; 4 – Ксизово-8; 5 – Сахарная головка, мог. 12; 6 – Ксизово-19, уч. 5; 7 – Карнунт (совр. Дойч-Альтенбург); 8 – Токари; 9 – Ксизово-19, уч. 3; 10 – Мад, погр. 1; 11 – Земун; 12 – Керчь, склеп 165/1904 г.; 13 – Русенско (область Руссе); 14 – Левель, объект 234; 15, 21 – «Керчь»; 16-17 – Левице, могила 1898 г.; 18 – Пены 2; 19 – Бистрец; 20 – Ксизово-19, уч.2.
12 – по Засецкая, 1993; 18 – по оригиналу в Курском государственном областном музее археологии; остальные – по Gavritukhin, 2013 (3-6, 9, 15-20 – по оригиналам).

Рис. 281. Распространение фибул основной серии подгруппы Левице – Токари.
Пара фибул из одного комплекса обозначена одним значком.

? – покупка, привязанная к «популярному» среди коллекционеров археологическому памятнику;
а – локализация в пределах района, радиус ок. 20-30 км;
б – локализация в пределах области, радиус ок. 100-150 км;
в-д – блок вариантов Левице (в- без разделения на варианты, г- с удлиненной кнопкой, д- с полой дужкой);
е-к – без овала на дужке (е – с удлиненной кнопкой, ж – дужкой треугольного сечения, з – с зауженной дужкой и массивной ножкой, и – вариант Фынтынели, к – находка из Скалистого);
л – фрагмент или детали не ясны;
м – достоверное (см. прим. 11 к главе 9) наличие «подрезанной» кнопки отмечено двумя отрезками по бокам значка; оставляющее сомнения – одним.
1 – Раттенберг; 2 – Катцельсдорф; 3 – Штайнбрюн; 4 – Карнунт; 5 – Парндорф; 6 – Миттерхоф, погр. 3; 7 – Победим, городище, переотложено; 8 – Лужанки; 9 – Бойна, городище II (4 шт.); 10, 11 – Хотин; 12 – Левице, погр. 1899 г. (пара), отдельная находка; 13 – Прша, погр. 27 (аварского времени); 14 – Кошице; 15 – Великая Бакта, погр. 2 (пара); 16 – Ясберень–Сёлё дюлё, погр. 1 (пара); 17 – Чонград – Кендерфёльдк (Казерне), погр. 133, вероятно, 58 или 85 и вне комплекса (всего пара/тройка и 1-2 шт.); 18 – Сексард–Планк, погр. 100 (аварского времени), 210 (пара); 19 – Силадь–Арньодал; 20 – Бачки Моноштор, погр. 9 (1/1902) (пара); 21 – «Сисция»; 22 – Виминаций; 23 – Фынтынели, погр. 4; 24 – Братей, погр. 2/1968 г. (пара); 25 – Чернооково; 26 – Бистрец; 27 – «Добруджа»; 28 – «Борисовский район»; 29 – «Хмельницкая область»; 30 – «Боярка»; 31 – «Гореничи»; 32 – «Чигиринский район»; 33 – «Калиновка»; 34 – Скалистое, склеп 190; 35-38 – «Керчь»; 39 – «Полтавский район»; 40 – «Чапаевка»; 41 – «Стрельники»; 42 – Пены 2; 43 – Ксизово, уч. 2.

Рис. 282. Распространение фибул производных серий подгруппы Левице – Токари. Пара фибул из одного комплекса обозначена одним значком.

?, а, б – как для рис. 281;
в – отдельный экземпляр;
г-ж – причерноморская серия (г, д – варианты Токари и Сахарная головка блока вариантов Токари – Сахарная головка; е – блок вариантов Керчь – Копачинцы, ж – вариант Херсонес);
з – балканская серия;
и-н – дунайско-донская серия (и – блок вариантов Русенско – Алешки, к – блок вариантов Сахновка, л – отдельный вариант, м – вариант Ксизово, н – находка из Ботошань);
о – обломки, скорее всего, дунайско-донская серия;
п – паннонская серия.
1 – Карнунт; 2 – Хальбтурн; 3 – Левель; 4 – Русенско (область Русе); 5 – Велико Тырново, холм Царевец; 6 – Шуменско (область Шумен); 7 – Вырбица; 8 – Ибида (пара); 9 – Ботошань–Деалул Кэрэмидэрей, погр. 1 (пара); 10 – «Копачинцы»; 11 – «Хмельницкая область»; 12 – «Сахновка»; 13 – «Кинбурнская коса»; 14 – «Алёшки»; 15 – Херсонес, склеп 3/1891 г. (пара), находка 1887 г., коллекция ГИМ; 16 – Сахарная головка, погр. 12; 17 – Зюк, часть «город», квадрат А-7; 18 – «Керчь»; 19 – Керчь, склеп 66/1905; 20 – «Прилукский район»; 21 – «Сумская область»; 22 – Токари; 23 – «Харьковская область»; 24 – «Задонский район»; 25-28 – Ксизово-19, между раскопами 6 и 7, уч. 5, уч. 2, Ксизово-8.

Рис. 283. Бусы из Ксизово-17. 1-6 – Ксизово, мыс, погр. 6; 7 – Ксизово-17А, погр. 19; 8-29 – Ксизово-17А, погр. 29; 30-33 – Ксизово-17Б, погр. 2; 34 – Ксизово-17Б, раскоп 2, могильник/поселение, культурный слой; 35 – Ксизово-17Б, поселение, культурный слой, раскоп 2; 36 – Ксизово-17А, могильник/поселение, раскоп 3; 37 – Ксизово-17А, поселение, раскоп 3, постройка 1. 1-34, 36, 37 – стекло; 35 – фаянс (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 284. Стеклянные бусы из Ксизово-19, объект 1 раскопа 7 (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 285. Стеклянные бусы из Ксизово-19, погребение 13 (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 286. Стеклянные бусы из Ксизово-19, яма 12 раскопа 7 (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 287. Стеклянные бусы из Ксизово-19, культурный слой могильника.
1, 4, 6, 7, 8 – раскоп 7; 2, 5 – раскоп 6; 3 – раскоп 9 (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 288. Стеклянные бусы из Ксизово-19, культурный слой могильника.
1, 4-7, 9-17, 22, 24, 25 – раскоп 7; 2,3 – раскоп 4; 8, 21, 23 – раскоп 9; 18, 19, 20, 26 – раскоп 6 (рисунки А.М. Ефремовой).

Рис. 289. Бусы из Ксизово-17.
1-6 – Ксизово, мыс, погр. 6; 7 – Ксизово-17А, погр. 19; 8-29 – Ксизово-17А, погр. 29; 30-33 – Ксизово-17Б, погр. 2; 34 - Ксизово-17Б, раскоп 2, могильник/поселение, культурный слой; 35 - Ксизово-17Б, поселение, культурный слой, раскоп 2; 36 - Ксизово-17А, могильник/поселение, раскоп 3; 37 - Ксизово-17А, поселение, раскоп 3, постройка 1. 1-34, 36, 37 – стекло; 35 – фаянс (рисунки: 1-33, 36, 37 – Н.Д. Угулава; 34, 35 – С.Л. Богаченко).

Рис. 290. Стеклянные бусы из Ксизово-17.
1-11 – Ксизово-17Б, погр. 6; 12-30 – Ксизово-17А, погр. 27 (рисунки С.Л. Богаченко).

Рис. 291. Стеклянные бусы из Ксизово-19, объект 1 раскопа 7
(3-12 – рисунки Н.Д. Угулава).

Рис. 292. Стеклянные бусы из Ксизово-19, погребение 13
(8, 17-21 – рисунок Н.Д. Угулава).

Рис. 293. Стеклянные бусы из Ксизово-19, яма 12 раскопа 7 (рисунки Н.Д. Угулава).

Рис. 294. Стеклянные бусы из Ксизово-19, культурный слой могильника.
1, 3, 4, 7, 9-11 – раскоп 7; 2, 5, 8 – раскоп 6; 6 – раскоп 9 (1-3 – рисунки Н.Д. Угулава).

Рис. 295. Стеклянные бусы из Ксизово-19, культурный слой могильника. Фото. 1, 3-14, 16, 17, 19, 21, 22, 27, 29, 30 – раскоп 7; 2, 26, 28 – раскоп 9; 15, 18, 20 – раскоп 4; 23, 24-26 – раскоп 6.

Рис. 296. Рюмкообразные стеклянные сосуды на низком поддоне, украшенные синими налепами, и их аналогии.
1- Ксизово 17А, погр. 19; 2 – Лермонтовская Скала 2, катакомба 10; 3, 4 – Орту; 5 – Лучистое, склеп 88; 6 – Сиренева бухта, гробница 125; 7-9 – Марсель, раскоп у Биржи; 10 – Херсонес, Портовый квартал 2, помещение XXXVI; 11 – Классе, Кьявикетто, коллектор 1; Остилиа, погр. 7.

Рис. 297. Динамика возрастной смертности в группе из Ксизово-17.

Рис. 298. Возрастная динамика мужской и женской смертности в группе из Ксизово-17. Белые прямоугольники – показатели мужской смертности, серые – женской.

Рис. 299. Основные палеодемографические характеристики палеопопуляции из Ксизово-19. А – возрастная динамика; Б – динамика показателей таблиц смертности у мужчин и женщин.

Рис. 300. Результаты кластерного анализа краниологических особенностей некоторых восточноевропейских групп эпохи Великого переселения народов.

Расшифровка сокращений: **КСЗ-19** – могильник Ксизово, участок 19 (данные Добровольской М.В., Решетовой И.К.); **Черн_тип А (…Б, В, Г)** – Черняховская культура, тип А – по Т.А. Рудич (Рудич, 2004, с.45); **Черн_сумм** – Черняховская культура, объединенная выборка по Т.А. Рудич (Рудич, 2000, с. 283); **Сарм_Укр** – Сарматская культура, памятники на территории Украины – по Е.Ф. Батиевой (Батиева, 2006, с.61); **Сар_ Н.Дон** – Сарматская культура, памятники на территории Нижнего Дона (II-IV вв) – по М.А. Балабановой, Е.Ф. Батиевой (Балабанова, 2007, с.314; Батиева, 2006, с.59).

Рис. 301. Трехмерное изображение деформированного черепа ребенка из погребения 42 могильника Ксизово 17А.

Рис. 302. Ксизово-19, погребение 23. Ребенок 12-15 лет со следами преднамеренной деформации черепа. Изменение формы черепа достигалось за счет наложения давящей повязки, проходящей через затылочную, лобную кости и дополненная повязкой позади венечного шва.

Рис. 303. Толщина свода черепа индивида 1 объекта 1 могильника Ксизово-19.

Рис. 304. Периостальная реакция на кости правой голени индивида 1 объекта 1 могильника Ксизово-19.

Рис. 305. Правая большеберцовая кость индивида 1 объекта 1 могильника Ксизово-19. Остеобластическая реакция.

Рис. 306. Индивид 1 объекта 1 могильника Ксизово-19. Вертикальная норма черепа. След символической трепанации.

Рис. 307. Символическая трепанация. Индивид 1 объекта 1 могильника Ксизово-19.

Рис. 308. Датирующие вещи хронологической группы 1.
1 – бронза с остатками припоя белого цвета; 2-6 – бронза; 7-10 – рог; 1, 3-6, 8, 10 – Ксизово-19; 2 – Ксизово-8; 7 – Ксизово-17; 9 – Замятино-8.

Рис. 309. Двупластинчатые фибулы хронологической группы 2.
1, 3, 6, 7 – бронза; 2 – серебро с позолотой; 4, 5 – серебро; 1-6 – Ксизово-19; 7 – Ксизово-8.

Рис. 310. Украшения хронологической группы 2: фибула и накладка-цикады, сюльгамы, колокольчики.
1, 3-11 – бронза; 2 – серебро; 1, 2, 7-11 – Ксизово-19; 3 – Замятино-5;
4 – Ксизово-17; 5 – Мухино-2; 6 – Чертовицкое-3.

Рис. 311. Серьга и детали поясной гарнитуры хронологической группы 2.
1, 6, 7 – серебро; 2, 3, 11, 12 – железо; 4, 5, 8-10, 15-17 – бронза; 13 – рама и обойма из железа, язычок и штифты – бронзовые; 14 – рама железная, язычок и обойма бронзовые; 1, 3-5, 9, 17 – Ксизово-19; 2 – Чертовицкое-3; 6, 7 – Ксизово-17А, погр. 56; 8, 10 – Ксизово-17А, погр. 19; 11, 12 – Ксизово-17Б, погр. 9; 13 – Ксизово-17Б, погр. 18; 14 – Замятино-7; 15, 16 – Ксизово-17А, погр. 30.

Рис. 312. Вещи хронологической группы 2.
1, 2, 5, 6, 8, 9 – бронза; 3 – серебро; 4, 10, 11 – железо; 7 – бронза, обтянутая серебряным листом; 1-3, 5, 6, 8, 9 – Ксизово-19; 4 – Ксизово-17, могильник; 7 – Ксизово-17Б, погр. 7; 10 – Ксизово-19, объект 1 (коллективное погребение); 11 – Ксизово-17Б, поселение.

Рис. 313. Фибулы хронологической группы 3.
1, 3-7 – бронза; 2 – железо; 8, 9 – железо, окончания осей пружин – бронзовые; 1-4, 6 – Ксизово-19; 5 – Мухино-2; 7 – Замятино-8; 8 – Замятино-7; 9 – Малый Липяг.

Рис. 314. Фибулы хронологической группы 3 из Ксизово-19.
1-7 – бронза; 8 – железо; 9, 10 – железо, окончания пружин бронзовые.

Рис. 315 бот/10. Вещи хронологической группы 3.
1-6, 13- бронза; 7 – стекло; 8, 10, 11, 12 – железо; 9 – серебро, штифты из железа;
1, 2, 6, 8, 10, 13 – Ксизово-19; 3 – Ольшанец; 4 – Замятино-5; 5 – Невежеколодезное;
7, 12 – Замятино-8; 9 – Каменка; 11 – Чертовицкое-3.

Рис. 316. Вещи хронологической группы 3 (1-8) и 4 (10-13).
1 – серебро; 2-6 – железо; 7 – альмандин; 8 – красное стекло; 9 – кость; 10-13 – белый сплав; 1, 3-6, 9, 13 – Ксизово-19; 2, 8 – Чертовицкое-3; 7, 12 – Замятино-8; 10 – Подгорное; 11 – Ксизово-176Б, погр. 2.

Рис. 317. Браслеты из бронзы хронологической группы 4.
1-13 – Ксизово-19; 14 – Замятино-8; 15 – Ксизово-19А.

Рис. 318. Груболепная керамика славянской традиции из Ксизово-19.

Рис. 319. Груболепная керамика славянской традиции из Ксизово-19.

Рис. 320. Лепная лощеная керамика славянской и финно-угорской традиций из Ксизово-19.

Рис. 321. Глиняные пряслица из культурного слоя поселения Ксизово-19
1, 8, 9 – лощеные; 2-6, 10-15 – с шероховатой поверхностью; 7 – с подлощенной поверхностью.

Рис. 322. Груболепная керамика финно-угорской традиции из поселения Ксизово-19.

Рис. 323. Лепная лощеная керамика и пряслица финно-угорской традиции из поселения Ксизово-19.

Рис. 324. Некоторые бронзовые украшения окской традиции из Верхнего Подонья.
1, 4-6 – Ксизово-19; 2 – Замятино-5; 3 – Мухино-2; 7 – окрестности г. Задонска;
8 – окрестности с. Мухино; 9 – Каменка; 10 – Первое Мая-6.

Рис. 325. Материалы из мастерской костореза-гребенщика из Замятино-8.
1 – схема составного гребня типа III по С. Томас; 2 – заготовка однослойного гребня; 3-5 – готовые детали составных гребней; 6,7 – опиленные рога лосей со следами работы; 8-27 – обрезки, получившиеся при изготовлении пластин; 28 – фрагмент железной пилы; 29 – железный резец.

Рис. 326. Лепная керамика и пряслица черняховской традиции из Ксизово-19.

Рис. 327. Лепная лощеная керамика вельбарско-пшеворского облика из Верхнего Подонья.
1-4 – Замятино-5; 5 – Лавы.

Рис. 328. Гончарная сероглиняная керамика античной традиции из Ксизово-19.
1, 2, 4, 6, 9 – с лощеной поверхностью; 3, 5, 7, 8 – с шероховатой поверхностью.

Рис. 329. Лепная керамика причерноморского происхождения (1-7)
и детали римского воинского пояса (8, 9) из Верхнего Подонья.
1 – Мухино-2; 2 – Чертовицкое-6; 3 – Замятино-8; 4 – Ксизово-17А, погр. 56;
5 – Каменка; 6 – Мухино-2, погребение; 7 – Ксизово-19; 8, 9 – Замятино-10.

Рис. 330. Некоторые украшения причерноморского и дунайского происхождения из Верхнего Подонья.
1-3 – бронза, 4, 5 – серебро; 1 – Животинное, погр. 5; 2, 3 – Ксизово-19; 4, 5 – Ксизово-17А, погр. 52.

Рис. 331. Юртообразные постройки на поселениях Верхнего Подонья.
1 – Ксизово-19, постройка 4 раскопа 1; 2 – Мухино-2, постр. 7

Рис. 332. Могильник Ксизово-17А. Ритуальная канавка (1) и погр. 23 (2). Планы и профили.

Рис. 333. Лепная керамика степной традиции из погребений середины 1 тыс.н.э. лесостепного Подонья. 1-4 – вариант 1; 5-7 – вариант 2; 1 – Ксизово-17А, погр. 19; 2 – Ксизово-17Б, погр. 18; 3 – Мухино-2; 4 – Животинное, погр. 5; 5 – Стрельбище-4; 6 – Ксизово-19, погр. 23; 7 – Ямное.

Рис. 334. Лепные горшки степной традиции (1-5)
и костяная накладка на лук (6) с поселения Ксизово-19.

Рис. 335. Ксизово-17А, погребение 30. Фотография искусственно деформированного черепа.

Рис. 336. Ксизово-17А, погребение 30.
А – рисунок искусственно деформированного черепа (рисунок К. Котыковой); Б – полоса шовных косточек в sutura lambdoidea.

Рис. 337. Ксизово-17Б, погребение 10. Изображение линии скальпования, вид сверху и сзади (рисунок Я. Кулявцевой-Главовой).

Рис. 338. Ксизово-17Б, погребение 18. Фотография искусственно деформированного черепа.

Рис. 339. Ксизово-17Б, погребение 18. Искусственно деформированный череп (рисунок К. Котыковой).

Рис. 340. Ксизово-17Б, погребение 19. Фотография искусственно деформированного черепа.

Рис. 341. Ксизово-17Б, погребение 19. Искусственно деформированный череп и реконструкция внешнего облика погребенной (рисунки К. Котыковой).

Рис. 342. Ксизово-16, накладки на лук из рога оленя. Схемы обработки поверхностей.

Рис. 343. Растительные макроостатки из объекта 1 в Ксизово-19.
1 – Семена гороха *Pisum sativum* (№ ан. 2543); 2 – семена гороха с сохранившимся семенным рубчиком (№ ан. 2544); 3 – семенные рубчики, выпавшие из семян гороха (№ ан. 2543); 4 – фрагмент плода инжира *Ficus carica* в двух проекциях (№ ан. 2544); 5 – фрагмент плода инжира, современный.

Оглавление

Введение (А.М. Обломский).....5
Глава 1. Комплекс памятников середины 1 тыс.н.э. у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. Общее описание. (И.Е. Бирюков, В.О. Гончаров, А. М. Обломский).....9
Глава 2. Поселение и могильник Ксизово-16. (А.В. Моисеев, И.А. Козмирчук, А.М. Обломский).....15
Глава 3. Материалы гуннского времени поселения Ксизово-17 (А.М. Обломский, И.О. Козмирчук).....30
Глава 4. Материалы гуннского времени могильника Ксизово-17 (описание погребений, ритуальных объектов, вещевой комплекс) (А.М. Обломский, И.А. Козмирчук).....37
Глава 5. Поселение позднеримского и гуннского времени Ксизово-19 (А.М. Обломский, И.А. Козмирчук).....75.
Глава 6. Могильник гуннского времени Ксизово-19 (А.М. Обломский, И.А. Козмирчук).....134
Глава 7. Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово (Г.В. Бейдин, К.В. Мызгин)...165
Глава 8. Расчлененные погребения гуннского времени в Верхнем Подонье: ритуал или ограбление? (А.М. Обломский).....181
Глава 9. Фибулы подгруппы Левице – Токари в Подонье (И.О. Гавритухин).....202
Глава 10. Фибулы эпохи Великого переселения народов из Ксизово (И.О. Гавритухин).....212
Глава 11. Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов (О.С. Румянцева)...241
Глава 12. Стеклянный сосуд с синими налепами из Ксизово (И.О. Гавритухин).....270
Глава 13. Население Верхнего Подонья в «гуннское время» (по материалам некрополей Ксизово 17 и 19). Биоархеологический очерк (М.В. Добровольская, И.К. Решетова)..274
Глава 14. Хронология верхнедонских памятников середины 1 тыс.н.э. (А.М. Обломский)...291
Глава 15. Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) (А.М. Обломский).....296
Приложение 1. Антропологические результаты осмотра и обмеров некоторых скелетов гуннского времени из могильников Ксизово-17 и 19 (Я. Кулявцева-Главова).....309
Приложение 2. Следы изготовления и использования на роговых накладках сложносоставного лука из ямы 24 поселения Ксизово-16 (А.Н. Усачук).....361
Приложение 3. Определение античных монет, найденных на поселении Ксизово-19. (К.В. Мызгин).....364
Приложение 4. Погребальные дары или бытовой мусор? (к интерпретации археоботанических находок из Ксизово-19) (Е.Ю. Лебедева).....365
Литература.....373
Иллюстрации.....399

Научное издание

Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.).
(Раннеславянский мир. Выпуск 16)

Верстка: О.А. Горяйнов

Подписано в печать ??.??.2015. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 54,4. Уч.-изд.л. 59,0. Тираж ??? экз. Зак. № 690

Институт археологии РАН, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-160-8